ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА

ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1956

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с марта по ноябрь 1848 года.

В годы, предшествовавшие февральской революции во Франции и мартовской революции в Германии, Маркс и Энгельс разработали философские основы научного коммунизма, сформулировали главные положения марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата, о диктатуре пролетариата, определили важнейшие принципы тактики революционной борьбы рабочего класса.

В революционную эпоху 1848—1849 годов особую важность приобрела разработка политических идей марксизма, применение исторического материализма к анализу текущих политических событий, определение тактики пролетариата на всех этапах революционной борьбы. Все это нашло отражение в произведениях, вошедших в 5 и 6 тома настоящего издания.

Том открывается «Требованиями Коммунистической партии в Германии» — разработанной Марксом и Энгельсом конкретной программой пролетариата в германской революции. При составлении «Требований» основоположники марксизма исходили из основных исторических задач революции, от решения которых зависели дальнейшие судьбы немецкого народа. Основным пунктом «Требований» было создание единой, неделимой германской республики. В ликвидации экономической и политической раздробленности страны, состоявшей в то время из трех дюжин крупных, мелких и мельчайших государств, в образовании единого демократического государства Маркс и Энгельс видели необходимое условие дальнейшего прогрессивного развития Германии. Задача создания единой демократической

германской республики органически сочетается в «Требованиях» с другой важнейшей задачей германской революции — ликвидацией феодального гнета, освобождением крестьянства от всяких феодальных повинностей, уничтожением экономической основы господства реакционного дворянства.

Рассматривая победоносную буржуазно-демократическую революцию как пролог пролетарской революции, Маркс и Энгельс намечают также в «Требованиях» ряд переходных мероприятий, о характере которых в «Манифесте Коммунистической партии» было сказано, что они «в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства». К числу этих мероприятий относятся: обращение в государственную собственность феодальных имений и организация на этих землях крупного сельскохозяйственного производства, национализация рудников, шахт, всех средств транспорта, обеспечение государством работы всем рабочим и попечение о неспособных к труду. Силой, которая могла бы путем решительной и энергичной борьбы осуществить эти требования, Маркс и Энгельс считают германский пролетариат, городскую мелкую буржуазию и мелкое крестьянство.

«Требования Коммунистической партии в Германии» являются первым образцом конкретизации общих положений «Манифеста Коммунистической партии» применительно к особенностям одной страны, к условиям германской революции 1848— 1849 годов.

Основное содержание тома составляют статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, написанные ими после возвращения в Германию и опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung» с 1 июня по 7 ноября 1848 года. В этих статьях ярко отразилось непосредственное участие Маркса и Энгельса в революционной борьбе, их тактика в германской и европейской революции.

Созданная Марксом и Энгельсом «Neue Rheinische Zeitung» выступила как орган демократии, «но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер» (Энгельс). Это направление газеты определялось историческими особенностями германской революции, расстановкой классовых сил в ней, уровнем развития германского пролетариата. Ввиду экономической отсталости Германии, слабости и неорганизованности немецких рабочих, Маркс и Энгельс по возвращении на родину не смогли практически приступить к созданию массовой пролетарской партии. Две-три сотни членов Союза коммунистов, рассеянные по всей стране, не были в состоянии оказать заметное воздействие на широкие народные массы. В связи с этим Маркс и

Энгельс, чуждые всякому сектантству, считали необходимым выступить на крайнем левом фланге демократического движения. Они вошли в кёльнское Демократическое общество и рекомендовали такую же тактику своим сторонникам. Союз с демократами, по мысли Маркса и Энгельса, не исключал, а наоборот, предполагал критику ошибок и иллюзий лидеров мелкобуржуазной демократии. Маркс и Энгельс стремились к тому, чтобы толкать мелкобуржуазных демократов на более решительные действия и завоевывать на свою сторону народные массы. Одновременно они направляли внимание своих сторонников на организацию рабочих обществ, на политическое воспитание пролетариата, на создание предпосылок для образования массовой пролетарской партии.

Эту тактику, рассчитанную на мобилизацию всех демократических сил, Маркс и Энгельс отстаивают в противовес сектантству Готшалька, не понимавшего задач пролетариата в буржуазной революции и выступавшего против союза с демократами; Маркс и Энгельс осуждают также оппортунистическую тактику Борна, который ограничивал борьбу рабочего класса узкоцеховыми, профессиональными интересами и уводил пролетариат в сторону от общеполитических задач, стоявших перед германским народом.

«Neue Rheinische Zeitung», выступившая под знаменем демократии, представляла интересы всех прогрессивных сил немецкого народа, и в первую очередь интересы самого решительного и последовательного борца за демократию — рабочего класса. Редакция «Neue Rheinische Zeitung», которую возглавлял Маркс, была настоящим боевым штабом пролетариата.

Газета откликалась на все животрепещущие вопросы германской и европейской революции, мастерски использовала политические обличения для борьбы с феодальной реакцией и буржуазной контрреволюцией, играла роль воспитателя и организатора народных масс.

Огромному влиянию и популярности газеты в народных массах в немалой степени способствовали ее блестящие журналистские качества: пламенный, боевой дух ее статей, чеканный стиль, убийственный сарказм, которым она разила врагов революции. «Neue Rheinische Zeitung» по праву занимает почетное место в истории пролетарской печати.

Особенно, ярко сказался пролетарский характер «Neue Rheinische Zeitung» в ее отношении к июньскому восстанию парижских рабочих. «Neue Rheinische Zeitung» была единственной в Германии и почти во всей Европе газетой, которая с самого начала решительно встала на сторону повстанцев.

Июньскому восстанию посвящена серия статей и заметок Энгельса — «Подробности событий 23 июня», «23 июня», «24 июня», «25 июня», ««Kolnische Zeitung» об июньской революции», «Июньская революция (ход восстания в Париже)», — а также одна из самых сильных статей Маркса «Июньская революция». Написанные в дни боев и непосредственно после их окончания, эти статьи дышат пафосом борьбы и вместе с тем дают глубокий анализ причин и исторического значения июньского восстания.

Статьи об июньском восстании имеют большое теоретическое значение. Освещая военную сторону июньского восстания, Энгельс делает ряд важных выводов о характере, значении и методах уличной и баррикадной борьбы в конкретных исторических условиях того времени, закладывает основы марксистского учения о вооруженном восстании. В статье «Июньская революция» Маркс показывает принципиальное отличие июньского восстания от всех предшествующих революций: это была революция пролетариата Против буржуазии, война труда против капитала, самостоятельное выступление пролетариата в защиту своих классовых интересов. В этой же статье Маркс делает важный теоретический вывод о том, что для рабочего класса не безразлична форма буржуазного государства, ибо он заинтересован в таком государственном строе, при котором создаются наиболее благоприятные условия для развития классовой борьбы пролетариата.

На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс ведут неустанную борьбу за разрешение основной задачи германской революции — за национальное объединение страны. В таких статьях как «Программы радикально-демократической партии во Франкфурте и франкфуртской левой», ««Zeitungs-Halle» о Рейнской провинции» и других Маркс и Энгельс выступают против буржуазных планов объединения Германии под гегемонией Пруссии или Австрии, а также против мелкобуржуазных проектов создания федеративного государства по швейцарскому образцу. Маркс и Энгельс доказывают в своих статьях, что экономическая разобщенность и политическая раздробленность Германии, весь сохранившийся в ней феодальный хлам могут быть до конца уничтожены лишь в результате создания действительно единого и действительно демократического государства. Основоположники марксизма выступают за объединение Германии «снизу», путем сокрушительного революционного натиска народных масс на обветшалый абсолютистский строй входивших в Германский союз государств, в первую очередь Пруссии и Австрии. Вместе с тем Маркс и Энгельс

подчеркивают, что объединение Германии является общеевропейским вопросом; оно может быть достигнуто лишь в борьбе революционных сил Европы с контрреволюционными правящими классами Англии и с русским царизмом, который являлся в то время главным оплотом европейской реакции. В революционной войне против русского царизма Маркс и Энгельс видели не только средство обороны революции, но и условие ее дальнейшего развития.

Анализируя непосредственные результаты мартовской революции 1848 года в Германии (в статьях «Берлинские дебаты о революции», «Дебаты о предложении Якоби», «Закрытие клубов в Штутгарте и Гейдельберге» и др.), Маркс и Энгельс отмечают ее половинчатый характер: народ не сумел добиться решительной победы над феодализмом, был оставлен в неприкосновенности весь политический строй страны, весь чиновничий и полицейский аппарат, народные массы оказались безоружными перед лицом вооруженной контрреволюции. Причину такого характера германской революции основоположники марксизма видели в политике пришедшей к власти либеральной буржуазии, которая, по более позднему выражению Маркса, «предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу». Германская буржуазия, испуганная революционной борьбой французского пролетариата и пробуждением классового сознания у немецких рабочих, пошла на предательство интересов народа, на сделку с феодальной реакцией. В статьях, посвященных дебатам прусского Национального собрания и анализу политики министерств Кампгаузена и Ганземана, Маркс и Энгельс резко выступают против «теории соглашения», выдвинутой лидерами прусской либеральной буржуазии в оправдание своего компромисса с феодально-монархическими силами. В противовес этой предательской теории основоположники марксизма отстаивают идею народовластия, идею суверенитета революционного народа (статьи «Франкфуртское собрание», «Программы радикально-демократической партии во Франкфурте и франкфуртской левой» и др.). Необходимое условие победоносного завершения революции они видят в революционной диктатуре народа (статья «Кризис и контрреволюция»). В. И. Ленин, анализируя эти важнейшие положения, указывал, что в них содержится понятие революционно-демократической диктатуры.

В ряде статей, посвященных деятельности общегерманского Национального собрания, а также в серии статей о дебатах в прусском Национальном собрании Маркс и Энгельс подвергают резкой критике эти представительные учреждения,

которые занимались бесплодными словопрениями, вместо того чтобы, сосредоточив в своих руках реальную власть, устранить реакционные немецкие правительства и положить конец предательской политике крупной буржуазии. Маркс и Энгельс борются за создание в Германии подлинных органов народного представительства, которые явились бы действительными выразителями воли народных масс, были тесно связаны с народом и опирались на его поддержку во всей своей деятельности. Основоположники марксизма подчеркивают в своих статьях, что депутаты, избранные народом, обязаны отчитываться перед ним в своих действиях и выполнять его волю; они отстаивают право революционного народа оказывать давление на депутатов и добиваться от них принятия действенных революционных решений (статья «Свобода дебатов в Берлине» и др.).

На основе опыта уже первых месяцев германской революции Маркс и Энгельс приходят к выводу, что необходимым условием победы народной революции является смещение всех старых административных, военных и судебных властей, радикальная чистка всего государственного аппарата (статья «Согласительное заседание 4 июля» и др.).

Важнейшую гарантию народного суверенитета Маркс и Энгельс видели в вооружении народа. В ряде статей («Согласительное заседание 15 июня», «Согласительное заседание 17 июня», «Законопроект о гражданском ополчении» и др.) они отстаивают право народа на вооружение. Маркс и Энгельс приветствуют попытку берлинских народных масс захватить оружие путем штурма цейхгауза в июне 1848 года. Характеризуя это выступление как остановившуюся на полдороге революцию, «Neue Rheinische Zeitung» осуждает трусливое поведение депутатов левого крыла прусского Национального собрания, которые не осмелились открыто стать на сторону народа.

Считая революционную борьбу народных масс необходимым условием отпора силам контрреволюции и решающим фактором доведения революции до конца, Маркс и Энгельс выступают в защиту повстанцев во Франкфурте-на-Майне, которые в сентябре 1848 г. поднялись на борьбу в знак протеста против ратификации Франкфуртским собранием позорного перемирия с Данией. В то же'время основоположники марксизма неоднократно подчеркивают, что преждевременные и неподготовленные восстания могут привести лишь к разгрому революционных сил и к еще большей активизации контрреволюции. Так, на страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс призывают кёльнских рабочих не поддаваться провокациям прусского правительства и беречь свои силы для решающего боя

(статьи «Кёльн в опасности», ««Кёльнская революция»»). Благодаря большой разъяснительной работе, проделанной Марксом, Энгельсом и их соратниками в Кёльне, им удалось в сентябрьские дни предотвратить разгром демократических сил Рейнской провинции.

Одним из важнейших условий расширения и укрепления демократического фронта основоположники марксизма считали вовлечение широких масс крестьянства в революционную борьбу против остатков феодализма в Германии. Ряд статей, входящих в том («Записка Патова о выкупе», «Законопроект об отмене феодальных повинностей», «Дебаты по поводу действующего законодательства о выкупе»), посвящен аграрному вопросу, ликвидации феодальных отношений в деревне. Маркс и Энгельс призывают крестьян к борьбе за немедленную, полную и безвозмездную отмену всех феодальных повинностей и разоблачают политику прусской буржуазии, предающей крестьян — «своих *самых естественных союзников*... без которых она бессильна против дворянства» (см. настоящий том, стр. 299). Причиной такого отношения прусской буржуазии к требованиям крестьян, указывают Маркс и Энгельс, было ее стремление к соглашению с реакционными силами, ее боязнь, что отмена феодальной собственности может повлечь за собой покушение и на буржуазную собственность. Как представители последовательно революционного класса — пролетариата — Маркс и Энгельс горячо поддерживают революционное антифеодальное движение крестьянства, видя в нем одну из основных движущих сил германской буржуазно-демократической революции.

Самое пристальное внимание уделяют Маркс и Энгельс борьбе угнетенных народов за свое национальное освобождение. Они приветствуют подъем национально-освободительного движения поляков, чехов, венгров, итальянцев, видя в них союзников в борьбе против феодально-абсолютистской реакции в Германии и против других сил европейской контрреволюции.

В статьях «Внешняя политика Германии», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», «Датско-прусское перемирие» и других Маркс и Энгельс последовательно отстаивают идеи подлинной свободы и братства народов и сурово осуждают немецкую буржуазию, которая продолжала прежнюю угнетательскую политику Гогенцоллернов и Габсбургов в отношении других народов. В поддержке национально-освободительной борьбы угнетенных народов Маркс и Энгельс видят не только средство искупить прошлое Германии, но и необходимое условие обеспечения будущности немецкого народа как свободной демократической нации. «Германия станет свободной

в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам» (см. настоящий том, стр. 161).

Основоположники марксизма решительно и непримиримо борются за независимость Польши, ставя победу буржуазно-демократической революции в Германии в непосредственную связь с поддержкой борьбы польского народа за свою свободу. В серии статей Ф. Энгельса «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте» и в других статьях, входящих в том, бичуется политика прусского правительства, которое спровоцировало, а затем подавило национально-освободительное восстание в Познани и под видом «реорганизации» включило большую часть Познани в состав Германии. Маркс и Энгельс резко осуждают позицию буржуазного большинства франкфуртского Национального собрания, санкционировавшего этот новый раздел Польши.

Основоположники марксизма горячо поддерживали революционную борьбу чехов летом 1848 года. В статьях Ф. Энгельса «Пражское восстание» и «Демократический характер восстания» подчеркивается народный характер восстания и показывается, что причиной поражения национально-освободительного движения чешского народа являются не только действия австрийской контрреволюции, но и предательская политика немецкой либеральной буржуазии, толкавшей чехов в лагерь реакции.

В письме К. Маркса в редакцию итальянской демократической газеты «Alba» и в статьях «Neue Rheinische Zeitung», посвященных анализу революционной борьбы в Италии, выражается горячее сочувствие итальянскому народу, борющемуся за свою свободу и независимость.

Выступления Маркса и Энгельса по национальному вопросу в 1848 году явились серьезным вкладом в развитие марксистской теории, в определение позиции пролетарской партии по отношению к национально-освободительному движению.

Вся деятельность Маркса и Энгельса в 1848 году была проникнута боевым духом пролетарского интернационализма. Это нашло свое выражение в их отношении к июньскому восстанию парижских рабочих, в поддержке борьбы угнетенных народов за свою свободу и независимость, в солидарности с английскими чартистами. «Neue Rheinische Zeitung» выступает на защиту чартистов от нападок немецкой реакционной прессы (статья ««Neue Berliner Zeitung» о чартистах») и выражает свою солидарность с чартистским органом, революционной «Northern Star».

Ряд статей Маркса и Энгельса посвящен анализу хода революции во Франции. Эти статьи проникнуты ожиданием нового революционного подъема, в котором главную роль должен был сыграть французский пролетариат. Подчеркивая связь и

взаимозависимость между революциями в различных странах Европы, основоположники марксизма придавали решающее значение победе пролетарской революции во Франции, которая должна была дать новый мощный толчок революционной борьбе народных масс в других странах Европы. Маркс и Энгельс надеялись, что победа французского пролетариата облегчит завершение буржуазно-демократической революции в Германии и переход к пролетарской революции в этой стране. Как позже отмечал Энгельс, в этом сказалась известная переоценка экономического развития европейского континента, которое в то время было далеко еще не таким зрелым, чтобы возможно было устранение капиталистического способа производства.

Заключительную часть тома составляют статьи, написанные в связи с октябрьским восстанием в Вене. Маркс и Энгельс придавали особое значение этому восстанию, от исхода которого в значительной мере зависели судьбы не только германской, но и европейской революции. Маркс называет июньское восстание в Париже первым актом, а октябрьское восстание в Вене — вторым актом европейской драмы (см. настоящий том, стр. 494). Ряд статей, входящих в том («Революция в Вене», ««Frankfurter Oberpostamts-Zeitung» и венская революция», «Революция в Вене и «Kolnische Zeitung»», «Последние известия из Вены, Берлина и Парижа», «Победа контрреволюции в Вене»), посвящен ходу венского восстания и анализу причин его поражения, главной из которых, как подчеркивает Маркс, являлось предательство буржуазии.

В разделе «Из рукописного наследства Ф. Энгельса» публикуется путевой очерк «Из Парижа в Берн». В яркой и образной форме Энгельс излагает здесь впечатления от своих странствий по Франции. Большое место в этом очерке отведено характеристике французского крестьянства и его роли в революции. Отмечая отрицательное отношение французских крестьян к революции 1848 года и их симпатии к Луи Бонапарту, Энгельс показывает, что этому способствовала французская буржуазия, которая демагогически играла на собственнических инстинктах крестьян и своей налоговой политикой ущемляла интересы крестьян и отталкивала их от революции.

Статьи Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung» и другие их работы, помещенные в настоящем томе, дают ценнейший материал для уяснения тактики Маркса и Энгельса в революции 1848—1849 годов, а также тех выводов и теоретических обобщений, которые они делали уже в самом ходе революции на основе богатейшего опыта борьбы народных масс в бурную революционную эпоху.

В приложениях к тому помещен ряд документов, в которых получила отражение многообразная революционная деятельность Маркса и Энгельса в 1848 году, их непосредственная работа среди широких народных масс. Сюда входят документы, относящиеся к деятельности Союза коммунистов, кёльнского Демократического общества и кёльнского Рабочего союза, в руководстве которыми принимали участие Маркс и Энгельс, а также газетные отчеты о народных митингах и собраниях, в организации и проведении которых участвовали Маркс, Энгельс и их соратники. В приложения включен также ряд материалов о судебных и полицейских преследованиях редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; эти материалы дают представление о том, в каких трудных условиях, в обстановке травли со стороны правительства и клеветы «благонамеренной» печати, Маркс и Энгельс мужественно отстаивали орган революционного пролетариата.

* * *

Установление авторства статей К. Маркса и Ф. Энгельса, печатавшихся в «Neue Rheinische Zeitung», представляет большую трудность из-за отсутствия подписей под статьями, ограниченности свидетельств самих авторов и отсутствия рукописных оригиналов. Эта трудность объясняется также и тем, что многие статьи носят на себе следы коллективного труда обоих авторов, что подтверждается свидетельством Энгельса в его письме Шлютеру 15 мая 1885 года: «Вообще, относящиеся к тому времени статьи Маркса почти неотделимы от моих собственных, потому что мы планомерно распределяли между собой работу».

В тех случаях, когда невозможно было установить, кому из двух авторов — Марксу или Энгельсу — принадлежит та или иная статья, в концовках отсутствует указание авторства.

В настоящий том включено 39 статей К. Маркса и Ф. Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений. Некоторые из них были опубликованы в русском переводе в советских журналах и других изданиях. Остальные публикуются на русском языке впервые, что оговорено в редакционных концовках к этим статьям. Документы, помещенные в приложениях, также публикуются на русском языке впервые.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

март-ноябрь 1848

Forderungen der Kommunistischen Partei in Deutschland.

„Proletarier aller Länder vereinigt Euch!“

1. Ganz Deutschland wird zu einer einigen, untheilbaren Republik erklärt.

2. Jeder Deutsche, der 21 Jahre alt, ist Wähler und wählbar, vorausgesetzt daß er keine Kriminalstrafe erlitten hat.

3. Die Volksvertreter werden besoldet, damit auch der Arbeiter im Parlament des deutschen Volkes sitzen könne.

4. Allgemeine Volksbewaffnung. Die Armeen sind in Zukunft zugleich Arbeiter-Armeen, so daß das Heer nicht blos, wie früher, verzehrt, sondern noch mehr produzirt, als seine Unterhaltungskosten betragen.

Dieß ist außerdem ein Mittel zur Organisation der Arbeit.

5. Die Gerechtigkeitspflege ist unentgeltlich.

6. Alle Feudallasten, alle Abgaben, Frohnden, Zehnten, &c., die bisher auf dem Landvolke lasteten, werden ohne irgend eine Entschädigung abgeschafft.

7. Die fürstlichen und andern feudalen Landgüter, alle Bergwerke, Gruben, u. s. w., werden in Staatseigenthum umgewandelt. Auf diesen Landgütern wird der Ackerbau im Großen und mit den modernsten Hilfsmitteln der Wissenschaft zum Vortheil der Gesammtheit betrieben.

8. Die Hypotheken auf den Bauerngütern werden für Staatseigenthum erklärt. Die Interessen für jene Hypotheken werden von den Bauern an den Staat gezahlt.

9. In den Gegenden, wo das Pachtwesen entwickelt ist, wird die Grundrente oder der Pachtschilling als Steuer an den Staat gezahlt.

Alle diese unter 6, 7, 8 und 9 angegebenen Maaßregeln werden gefaßt, um öffentliche und andere Lasten der Bauern und kleinen Pächter zu vermindern, ohne die zur Bestreitung der Staatskosten nöthigen Mittel zu schmälern und ohne die Produktion selbst zu gefährden.

Der eigentliche Grundeigenthümer, der weder Bauer noch Pächter ist, hat an der Produktion gar keinen Antheil. Seine Konsumtion ist daher ein bloßer Mißbrauch.

10. An die Stelle aller Privatbanken tritt eine Staatsbank, deren Papier gesetzlichen Kurs hat.

Diese Maßregel macht es möglich, das Kreditwesen im Interesse des ganzen Volkes zu regeln und untergräbt damit die Herrschaft der großen Geldmänner. Indem sie nach und nach Papiergeld an die Stelle von Gold und Silber setzt, verwohlfeilert sie das unentbehrliche Instrument des bürgerlichen Verkehrs, das allgemeine Tauschmittel, und erlaubt, das Gold und Silber nach außen hin wirken zu lassen. Diese Maaßregel ist schließlich nothwendig, um die Interessen der konservativen Bourgeois an die Revolution zu knüpfen.

11. Alle Transportmittel: Eisenbahnen, Kanäle, Dampfschiffe, Wege, Posten, &c., nimmt der Staat in seine Hand. Sie werden in Staatseigenthum umgewandelt und der unbemittelten Klasse zur unentgeltlichen Verfügung gestellt.

12. In der Besoldung sämmtlicher Staatsbeamten findet kein anderer Unterschied statt, als der, daß diejenigen mit Familie, also mit mehr Bedürfnissen, auch ein höheres Gehalt beziehen als die Uebrigen.

13. Völlige Trennung der Kirche vom Staate. Die Geistlichen aller Konfessionen werden lediglich von ihrer freiwilligen Gemeinde besoldet.

14. Beschränkung des Erbrechts.

15. Einführung von starken Progressivsteuern und Abschaffung der Konsumtionssteuern.

16. Errichtung von Nationalwerkstätten. Der Staat garantirt allen Arbeitern ihre Existenz und versorgt die zur Arbeit Unfähigen.

17. Allgemeine, unentgeltliche Volkserziehung.

Es liegt im Interesse des deutschen Proletariats, des kleinen Bürger- und Bauernstandes, mit aller Energie an der Durchsetzung obiger Maaßregeln zu arbeiten. Denn nur durch Verwirklichung derselben können die Millionen, die bisher in Deutschland von einer kleinen Zahl ausgebeutet wurden und die man weiter in der Unterdrückung zu erhalten suchen wird, zu ihrem Recht und zu derjenigen Macht gelangen, die ihnen, als den Hervorbringern alles Reichthums, gebührt.

Das Comite:

Karl Marx. Karl Schapper. H. Bauer. F. Engels.
J. Moll. W. Wolff.

Листовка «Требования
Коммунистической партии
в Германии»

ТРЕБОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ГЕРМАНИИ [1]

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

1. Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой.

2. Каждый немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если только он не подвергался уголовному наказанию.

3; Народные представители получают вознаграждение, для того. чтобы и немецкий рабочий имел возможность заседать в парламенте немецкого народа.

4. Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не только потребляло, как это было прежде, но и производило бы больше, чем составляют расходы на его содержание.

Это является, кроме того, одним из способов организации труда.

5. Судопроизводство является бесплатным.

6. Все феодальные повинности, все барщины, оброки, десятины и т. д., до сих пор тяготевшие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

. 7. Земельные владения государей и прочие феодальные имения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях земледелие ведется в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются собственностью государства. Проценты по этим ипотекам уплачиваются крестьянами государству.

9. В тех областях, где распространена аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству в виде налога.

Все эти меры, указанные в пунктах 6, 7, 8 и 9, проводятся с той целью, чтобы уменьшить общественные и прочие повинности крестьян и мелких арендаторов, не уменьшая средств, необходимых для покрытия государственных расходов, и не нанося ущерба самому производству.

Земельный собственник как таковой, не являющийся ни крестьянином, ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому его потребление — это просто злоупотребление.

10. Вместо всех частных банков учреждается государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс.

Эта мера делает возможным регулирование кредитного дела в интересах *всего* народа и подрывает, таким образом, господство крупных финансистов. Заменяя мало-помалу золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного обращения, всеобщее средство обмена, и позволяет использовать золото и серебро во внешних сношениях. Эта мера, наконец, необходима для того, чтобы приковать к правительству* интересы консервативных буржуа.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта: железные дороги, каналы, пароходы, дороги, почтовые станции. и т. д. Они обращаются в государственную собственность и безвозмездно предоставляются в распоряжение неимущего класса.

12. В жалованье всех государственных чиновников не будет никаких иных различий, кроме того, что *семейные,* т. е. лица с большими потребностями, будут получать и больший оклад, чем остальные.

13. Полное отделение церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение высоких прогрессивных налогов и отмена налогов на предметы, потребления.

16. Учреждение национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим средства к существованию и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее бесплатное народное образование.

---

* В листовке, напечатанной позднее в Кёльне, вместо слов «приковать к правительству» напечатано: «связать с революцией». *Ред.*

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства — со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только с их осуществлением миллионы, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых будут пытаться и впредь держать в угнетении, смогут добиться своих прав и той власти, какая подобает им как производителям всех богатств.

Комитет:

Карл Маркс. Карл Шаппер. Г. Бауэр. Ф. Энгельс.
И. Молль. В. Вольф

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между 21 и 29 марта 1848 г.

Напечатано в виде листовки в Париже около 30 марта 1848 г. и в газетах: в экстренном приложении к «Berliner Zeitungs-Halle» № 82, 5 апреля 1848 г.; «Mannheimer Abendzeitung» № 96, 6 апреля 1848 г.; в приложении к «Trier'sche Zeitung» № 97, 6 апреля 1848 г. и в приложении к «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 100, 9 апреля 1848 г., а также опубликовано в виде листовки в Кёльне не позже 10 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты «Berliner Zeitungs-Halle», сверенному с текстом кёльнской листовки

Перевод с немецкого

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ALBA» [2]

Милостивый государь!

С 1 июня здесь, в городе Кёльне, начнет выходить под редакцией г-на Карла Маркса новая ежедневная газета под названием «Новая Рейнская газета» («Neue Rheinische Zeitung»). Эта газета будет у нас на севере бороться за те же демократические принципы, которые «Alba» представляет в Италии. Следовательно, не может быть никакого сомнения относительно того, какую позицию мы займем в спорном вопросе между Италией и Австрией. Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше. Мы братски протягиваем руку итальянскому народу и хотим доказать ему, что немецкий народ отвергает какое бы то ни было участие в угнетении, которому вы подвергаетесь со стороны тех же самых людей, что и у нас постоянно боролись против свободы. Мы приложим все усилия, чтобы сделать возможным союз и доброе согласие между обоими великими и свободными народами, которые до сих пор, благодаря гнусному образу правления, были приучены к мысли, что они являются враждебными друг другу. Мы требуем поэтому, чтобы грубая австрийская солдатня была немедленно выведена из Италии и чтобы итальянскому народу была дана возможность проявить свою суверенную волю в деле выбора угодной ему формы правления.

Для того, чтобы мы имели возможность следить за итальянскими событиями, а Вы — судить об искренности наших обещаний, предлагаем Вам обмениваться нашими газетами; таким

образом мы могли бы регулярно, каждый день посылать Вам «Новую Рейнскую газету», а Вы нам — газету *«Alba».* Льстим себя надеждой, что Вы согласитесь на это предложение, и просим Вас начать посылать «Alba» по возможности скорее, чтобы мы могли использовать ее уже в наших первых номерах.

Если бы оказалось, что Вы можете присылать нам и другие сообщения, просим направлять их нам и заверяем Вас, что мы, со своей стороны, всегда отнесемся с максимальным вниманием ко всему, что может служить долу демократии в той или другой стране.

Привет и братство

Редакция «Новой Рейнской газеты»

Редактор

д-р ***Карл Маркс***

Написано в конце мая 1848 г.

Напечатано в газете «L'Alba» № 258, 29 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ
ИЗ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

1 ИЮНЯ—7 НОЯБРЯ 1848

Neue Rheinische Zeitung.

Organ der Demokratie.

№ 1. Köln, Donnerstag, 1. Juni 1848.

Die „Neue Rheinische Zeitung" erscheint vom 1. Juni an täglich.

Der Abonnementspreis beträgt: Für das Vierteljahr in Köln 1 Thlr. 15 Sgr.; für alle übrigen Orte Preußens 2 Thlr. 3 Sgr. 9 Pf. Außerhalb Preußens mit Zuschlag des fremden Zeitungsporto's.

Das Abonnement für den Monat Juni kann nur unter gleichzeitiger Bestellung des nächsten Quartals (Juli, August, September) geschehen. Der Preis dieses viermonatlichen Abonnements beträgt: Für Köln 2 Thlr.; auswärts 2 Thlr. 25 Sgr.

Man abonnirt bei allen Postanstalten und Buchhandlungen des In- und Auslandes; — für Köln in der Expedition der Zeitung bei Hrn. W. Clouth, St. Agatha 12, Köln.

Fernere Aktienzeichnungen werden entgegen genommen in der Expedition der Zeitung. Auswärtige werden gebeten, sich ebenfalls dorthin franco zu wenden.

Insertionsgebühren.

Für die vierspaltige Petitzeile oder deren Raum . . . . 1 Sgr. 6 Pf.

Die Expedition der „Neuen Rheinischen Zeitung."

Das Erscheinen der Neuen Rheinischen Zeitung war ursprünglich auf den ersten Juli festgesetzt. Die Arrangements mit den Correspondenten ꝛc. waren auf diesen Termin getroffen.

Da jedoch bei dem erneuten frechen Auftreten der Reaktion deutsche Septembergesetze in naher Aussicht stehen, so haben wir jeden freien Tag benutzen wollen, und erscheinen schon mit dem ersten Juni. Unsre Leser werden es uns also nachsehen müssen, wenn wir in den ersten Tagen an Nachrichten und mannigfaltigen Correspondenzen noch nicht das reichhaltige Material liefern, wozu unsere ausgedehnten Verbindungen uns befähigen. In wenig Tagen werden wir auch hierin allen Anforderungen genügen können.

Redaktions-Comité:

Karl Marx, Redakteur en Chef.
Heinrich Bürgers,
Ernst Dronke,
Friedrich Engels,
Georg Weerth,
Ferdinand Wolff,
Wilhelm Wolff, } Redakteure.

Uebersicht.

Amtliche Nachrichten.

Bekanntmachung.

Deutschland.

Humoristische Skizzen aus dem deutschen Handelsleben.

Страница первого номера «Neue Rheinische Zeitung»

ОТ РЕДАКЦИИ
«NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» [3]

Выход «Neue Rheinische Zeitung» был первоначально намечен на 1 июля. Договоренность с корреспондентами и т. д. предусматривала именно этот срок.

Но так как новые наглые выступления реакции заставляют ожидать в скором времени немецких сентябрьских законов, мы решили использовать каждый день в условиях свободы и начинаем выпускать газету уже с 1 июня. Наши читатели должны будут, следовательно, извинить нас, если в первые дни наши сообщения и различные корреспонденции еще не будут содержать того богатого материала, каким мы в состоянии располагать благодаря нашим обширным связям. В ближайшие же дни мы сможем удовлетворить и в этом отношении все запросы читателей.

Редакционный комитет:

Карл Маркс, главный редактор

Генрих Бюргерс
Эрнст Дронке
Фридрих Энгельс
Георг Веерт
Фердинанд Вольф
Вильгельм Вольф
} **редакторы**

Написано 31 мая 1848 г.

Напечатано в «New Rheinische Zeitung» № 1, 1 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ФРАНКФУРТСКОЕ СОБРАНИЕ

Кёльн, 31 мая. Вот уже две недели, как в Германии существует учредительное Национальное собрание, избранное всем немецким народом.

Немецкий народ завоевал свой суверенитет на улицах почти всех больших и малых городов страны и особенно на баррикадах Вены и Берлина. Этот свой суверенитет он осуществил на выборах в Национальное собрание.

Первым актом Национального собрания должно было быть громогласное и официальное провозглашение этого суверенитета немецкого народа.

Вторым его актом должна была быть выработка германской конституции на основе народного суверенитета и удаление из фактически существующего строя Германии всего противоречащего принципу народного суверенитета.

В продолжение всей своей сессии оно должно было принимать необходимые меры для того, чтобы отразить все вылазки реакции, чтобы укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоеванный революцией народный суверенитет от всех нападений.

И вот состоялось уже с дюжину заседаний германского Национального собрания, но из всего этого ровно ничего не сделано.

Зато оно обеспечило благополучие Германии следующими великими деяниями:

Национальное собрание признало, что ему необходим регламент, так как ему было известно, что там, где соберутся два или

три немца, им необходим регламент, в противном случае в ход будут пущены стулья. Какой-то педант уже предусмотрел это обстоятельство и набросал проект особого регламента для высокого собрания. Вносится предложение временно принять это школярское упражнение; большинство депутатов незнакомо с ним, но Собрание без всякого обсуждения принимает его, ибо что стало бы с представителями Германии без регламента? Fiat reglementum partout et toujours!*

Г-н Раво из Кёльна вносит совершенно невинное предложение по поводу отдельных случаев, в которых сталкивались интересы Франкфуртского и Берлинского собраний[4]. Но Собрание обсуждает окончательный регламент, и хотя предложение Раво неотложно, все же еще более неотложным является регламент. Pereat mundus, fiat reglementum!** Однако премудрые депутаты-филистеры не могут отказать себе в том, чтобы сделать некоторые замечания по поводу предложения Раво, и мало-помалу, покуда еще обсуждается вопрос, что поставить раньше на обсуждение—регламент или предложение Раво, накапливается уже до двух дюжин поправок к этому предложению. По этому поводу обмениваются мнениями, рассуждают, увязают в дебатах, шумят, проводят зря время и откладывают голосование с 19 на 22 мая. 22-го возобновляется обсуждение вопроса; градом сыплются новые поправки, вновь и вновь уклоняются от предмета, и после длинных речей и множества пререканий выносится постановление вернуть в отделения поставленный уже в порядок дня вопрос. Таким образом, время благополучно истекает, и господа депутаты отправляются кушать.

23 мая сначала препираются по поводу протокола; затем снова выслушивают бесчисленные предложения и намереваются уже перейти к порядку дня, а именно к излюбленному регламенту, когда Циц из Майнца поднимает вопрос о грубых насилиях прусской военщины и о деспотических злоупотреблениях своей властью со стороны прусского коменданта в Майнце***. Здесь был поставлен вопрос о бесспорной и успешной вылазке реакции — о случае, который безусловно подлежал именно компетенции Собрания. Следовало призвать к ответу наглого солдафона, который осмелился почти на глазах у Национального собрания угрожать Майнцу бомбардировкой; нужно было оградить обезоруженных майнцких граждан в их собственных жилищах от насилий навязанной им и натравленной на них

* — Да здравствует регламент везде и всегда! *Ред.*
** — Пусть погибнет весь мир, да здравствует регламент! Ред.
*** См. настоящий том, стр. 15—16. *Ред.*

солдатни. Но г-н Бассерман, этот баденский водолей*, объявил все это пустяком; надо предоставить Майнц своей участи, на первом плане должны быть интересы целого, здесь заседает Национальное собрание и в интересах всей Германии обсуждает регламент; в самом деле, что такое в сравнении с этим бомбардировка Майнца? Pereat Moguntia, fiat reglementum!** Но Собрание проявляет мягкосердечие, оно избирает комиссию, которая должна отправиться в Майнц и расследовать дело, — и тут как раз снова пришло время закрыть заседание и отправиться кушать.

24 мая мы окончательно теряем нить парламентских прений. Регламент, повидимому, готов или он затерялся где-то; во всяком случае, мы больше о нем ничего не слышим. Но зато на нас обрушивается настоящий ливень благонамеренных предложений, в которых многочисленные представители суверенного народа проявляют упорство своего ограниченного разума верноподданных[5]. Затем пошли предложения, петиции, протесты и т. п., и, наконец, национальный поток помоев нашел себе выход в бесчисленных речах, перескакивающих с пятого на десятое. Все же нельзя обойти молчанием, что при этом были избраны четыре комиссии.

Наконец, слова попросил г-н Шлёффель. Трое германских граждан, гг. Эсселлен, Пельц и Лёвенштейн, получили приказ в тот же день до четырех часов пополудни оставить Франкфурт. Высокомудрая полиция утверждала, что названные лица своими речами в Рабочем союзе навлекли на себя недовольство граждан и потому подлежат высылке! И это позволяет себе полиция после того, как германское право гражданства было провозглашено Предпарламентом[6], после того, как оно было признано даже в проекте конституции, выработанном семнадцатью «доверенными лицами» (hommes de confiance de la diete)[7]! Дело не терпит отлагательства. Г-н Шлёффель требует слова по этому вопросу; ему отказывают; он требует слова по вопросу о неотложности предложения, на что он имеет право согласно регламенту, и на этот раз ответом было: fiat politia, pereat reglementum!*** И понятно, почему — наступил час отправляться по домам кушать.

25 мая многомудрые головы депутатов снова склонились под массой нахлынувших предложений, как спелые колосья под проливным дождем. Два депутата снова попытались под-

* Игра слов: Bassermann — фамилия, «Wassermann» — «водолей». *Ред.*
** — Пусть погибнет Майнц, да здравствует регламент! *Ред.*
*** — да здравствует полиция, пусть погибнет регламент! *Ред.*

нять вопрос о высылке, но и им было отказано в слове, даже по вопросу о неотложности этого предложения. Некоторые петиции, особенно одна со стороны поляков, представляли гораздо больше интереса, чем все предложения депутатов, вместе взятые. Затем, наконец, получила слово отправленная в Майнц комиссия. Она сообщила, что лишь на следующий день сможет представить отчет; впрочем, как и следовало ожидать, она явилась слишком поздно; 8000 прусских штыков восстановили порядок, разоружив 1200 человек из гражданской гвардии, а пока не оставалось ничего другого, как перейти к порядку дня. Так и поступили — тотчас же перешли к порядку дня, а именно к предложению Раво. Так как подготовка этого предложения во Франкфурте все еще не была закончена, а в Берлине оно давно уже стало бесполезным вследствие рескрипта Ауэрсвальда, то Национальное собрание решило отложить вопрос до завтрашнего дня и пойти кушать.

26 мая снова поступили мириады предложений, а вслед за тем майнцкая комиссия представила свой окончательный и весьма нерешительный отчет. Докладчиком выступил в прошлом «народный деятель» и pro tempore* министр г-н Хергенхан. Он предложил крайне умеренную резолюцию, но Национальное собрание после долгих прений нашло даже это робкое предложение слишком резким; оно постановило отдать майнцких граждан на милость пруссаков, находящихся под командой некоего Хюзера, и, «в надежде, что власти выполнят свои обязанности», перешло к порядку дня! Этот порядок дня опять-таки состоял в том, что господа депутаты отправились кушать.

27 мая, после долгих предварительных словопрений по поводу протокола, перешли, наконец, к обсуждению предложения Раво. Проговорили о том и о сем до половины третьего и потом отправились кушать; но на этот раз было устроено вечернее заседание, и с делом, наконец-то, было покончено. Так как вследствие чрезмерной медлительности Национального собрания г-н Ауэрсвальд сделал предложение Раво уже излишним, то г-н Раво присоединился к поправке г-на Вернера, которая не разрешала вопроса о народном суверенитете ни в утвердительном, ни в отрицательном смысле.

Мы не располагаем дальнейшими сведениями о Национальном собрании, но у нас имеются все основания полагать, что

* — в настоящее время. *Ред.*

после этого решения оно закрыло заседание чтобы отправиться кушать. Если депутаты так рано отправились кушать, то этим они обязаны замечанию Роберта Блюма: Господа, если вы сегодня решите перейти к порядку дня, то может случиться, что весь порядок дня этого Собрания будет сокращен весьма своеобразным способом!

Написано Ф. Энгельсом 31 мая 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 1, 1 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ХЮЗЕР

Кёльн, 31 мая. Г-н Хюзер в Майнце с помощью древних уставов крепостной службы и обветшалых законов Германского союза изобрел новый способ обращать пруссаков и других немцев в такое рабское состояние, в каком они не были даже до 22 мая 1815 года[8]. Мы советуем г-ну Хюзеру взять патент на свое новое изобретение: оно безусловно принесет ему большие доходы. Способ этот таков: выпускают на улицу двух, а то и нескольких пьяных солдат, которые, естественно, заводят ссору с горожанами. Власти вмешиваются и арестовывают солдат; этого достаточно для того, чтобы комендант любой крепости мог объявить город на осадном положении, чтобы было конфисковано все оружие, а жители отданы на произвол разнузданной солдатни. Этот способ в особенности эффективен в Германии, где больше крепостей, предназначенных для борьбы против внутреннего врага, чем против внешнего. Особенно должен он быть эффективен потому, что любой оплачиваемый народом комендант крепости, какой-нибудь Хюзер, какой-нибудь Рот фон Шреккенштейн или подобная им феодальная особа может позволить себе больше, чем сам король или император: он может уничтожить свободу печати, может запретить, например, жителям Майнца, которые не являются пруссаками, выражать свою антипатию к прусскому королю и прусской государственной системе.

Замысел г-на Хюзер а — это лишь часть обширного плана берлинской реакции, которая стремится поскорее разоружить всю гражданскую гвардию, особенно на Рейне, постепенно

уничтожить полностью только что начавшееся вооружение народа и предать нас безоружными в руки армии, состоящей преимущественно из жителей других частей Германии, которых легко восстановить или которые уже восстановлены против нас.

Это случилось в Ахене, Трире, Мангейме, Майнце, это может произойти и в других местах.

Написано 31 мая 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 1, 1 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

НОВОЕ ГЕРОЙСКОЕ ДЕЯНИЕ ДИНАСТИИ БУРБОНОВ [9]

Династия Бурбонов еще не завершила свой славный жизненный путь. Впрочем, ее белое знамя за последнее время сильно запятнано, и увядающие лилии уныло опустили свои головки. Карл-Людовик Бурбон продал одно герцогство и вынужден был позорно бежать из другого; Фердинанд Бурбон потерял Сицилию, а в Неаполе революция заставила его согласиться на конституцию. Луи-Филипп, хотя он только скрытый Бурбон, все же совершил традиционный путь всех французских отпрысков Бурбонов, отправившись через канал в Англию. Но неаполитанский Бурбон блестяще отомстил за честь своей династии.

Палаты созываются в Неаполе. День открытия палат намереваются использовать для решительной борьбы против революции. Кампобассо, одного из начальников полиции пресловутого Дель Карретто, тайком вызывают с острова Мальты. Многочисленные вооруженные сбиры во главе со своими старыми командирами вновь после долгого перерыва носятся по улице Толедо; они разоружают граждан, срывают с них сюртуки, заставляют их сбривать усы. Приближается 14 мая, день открытия палат. Король требует, чтобы палаты обязались под присягой ничего не изменять в дарованной им конституции. Палаты отвечают отказом. Национальная гвардия заявляет, что она на стороне депутатов. Ведутся переговоры, король уступает, министры уходят в отставку. Депутаты требуют, чтобы король объявил указом о сделанных им уступках. Король обещает опубликовать этот указ на следующий день. Однако ночью в Неаполь вступают все войска, расквартированные

в окрестностях. Национальная гвардия убеждается, что ее предали; она воздвигает баррикады, и 5—6 тысяч человек становятся за ними. Но им противостоят 20 тысяч солдат, частью неаполитанцев, частью швейцарцев, с 18 пушками; между теми и другими стоят 20 тысяч неаполитанских лаццарони, пока что не принимающих участия в борьбе.

15-го утром швейцарцы еще заявляют, что они не выступят против народа. Но один из полицейских агентов, замешавшийся в толпе, стреляет в солдат на улице Толедо; форт Сант-Эльмо немедленно поднимает красный флаг, и после этого сигнала солдаты стремительно нападают на баррикады. Начинается страшная резня; национальные гвардейцы героически защищаются под пушечными выстрелами солдат против врага, в четыре раза превосходящего их численностью. Бой длится с 10 часов утра до полуночи; несмотря на превосходство сил на стороне солдатни, народ бы победил, если бы не гнусное поведение французского адмирала Бодена, побудившее лаццарони перейти на сторону королевской партии.

Адмирал Боден стоял у Неаполя во главе довольно сильного французского флота. Достаточно было бы простой, но своевременной угрозы обстрела дворца и фортов, чтобы принудить Фердинанда пойти на уступки. Но Боден, старый слуга Луи-Филиппа, привыкший к тому, что во времена entente cordiale* к французскому флоту относились всего лишь терпимо, не предпринял никаких действий и тем самым побудил лаццарони, уже склонявшихся на сторону народа, присоединиться к войскам.

Этот шаг неаполитанского люмпен-пролетариата предрешил поражение революции. Швейцарская гвардия, неаполитанские линейные войска, лаццарони соединенными силами бросились на баррикадных борцов. На расчищенной картечью улице Толедо под пушечными ядрами солдат рушились дворцы. Разъяренная банда победителей врывалась в дома, закалывала мужчин, насаживала на штыки детей, насиловала женщин, чтобы затем убивать их, грабила все и предавала пламени опустошенные жилища. Лаццарони выделялись своей алчностью, швейцарцы—своей жестокостью. Невозможно описать гнусности и варварство, сопровождавшие победу в четыре раза более многочисленных и хорошо вооруженных наемников Бурбонов и издавна известных своими санфедистскими симпатиями[10] лаццарони над почти уничтоженной национальной гвардией Неаполя.

* — сердечного согласия. *Ред.*

Наконец, даже адмиралу Бодену это показалось переходящим всякие границы. На его кораблях один за другим появлялись беженцы и рассказывали о том, что происходило в городе. Французская кровь его матросов закипела. Только теперь, когда победа короля была уже предрешена, Боден подумал о бомбардировке. Кровопролитие постепенно прекратилось; на улицах уже больше не убивали, ограничиваясь грабежом и насилием; но пленных приводили в форты и там расстреливали без суда и следствия. К полуночи все было кончено, абсолютная власть Фердинанда была фактически восстановлена, честь династии Бурбонов была омыта итальянской кровью.

Таково новое геройское деяние династии Бурбонов. И, как всегда, именно швейцарцы своим оружием решили борьбу в пользу Бурбонов и против народа. 10 августа 1792 г., 29 июля 1830 г., в неаполитанских схватках 1820 г.[11] — повсюду мы видим внуков Телля и Винкельрида[12] в роли ландскнехтов, наемников династии, имя которой во всей Европе уже давно стало равносильным понятию абсолютной монархии. Теперь это, разумеется, скоро кончится. Более передовые кантоны после долгих споров добились запрещения военных капитуляций[13]; дюжие сыны свободной старой Швейцарии не смогут больше топтать ногами неаполитанских женщин, упиваться грабежом в охваченных восстанием городах и, в случае поражения, **их** не будут увековечивать в виде львов Торвальдсена, как это было с павшими 10 августа[14].

Но пока династия Бурбонов снова сможет вздохнуть свободнее. Реакция, поднявшая голову со времени 24 февраля[15], нигде не одержала такой решительной победы, как в Неаполе; а ведь как раз в Неаполе и Сицилии началась первая революция этого года. Но революционную лавину, которая обрушилась на старую Европу, нельзя остановить с помощью абсолютистских заговоров и государственных переворотов. Контрреволюционным переворотом 15 мая Фердинанд Бурбон заложил первый камень в фундамент итальянской республики. Калабрия уже охвачена огнем, в Палермо создано временное правительство; Абруццы скоро также поднимутся, жители всех разоренных провинций пойдут на Неаполь и вместе с народом этого города отомстят королю-изменнику и его жестоким ландскнехтам. А когда Фердинанд падет, у него будет, по крайней мере, удовлетворение, что он жил и пал, как истый Бурбон.

Написано Ф. Энгельсом. 31 мая 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № l, 1 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ [16]

Кёльн, 1 июня. Обычное требование, предъявляемое ко всякому новому органу общественного мнения, — это восторженное отношение к партии, принципы которой этот орган разделяет, безусловная уверенность в ее силе, постоянная готовность защищать принципы ссылкой на фактическую силу или прикрывать фактическую слабость блеском принципов. Мы не будем удовлетворять этим требованиям. Мы не будем стараться приукрашивать понесенные поражения обманчивыми иллюзиями.

Демократическая партия потерпела поражения. Принципы, которые она провозгласила в момент своего торжества, поставлены под вопрос; почва, которую она действительно завоевала, шаг за шагом отвоевывается у нее обратно; она уже многое утратила, и скоро встанет вопрос о том, что у нее еще осталось.

Самое важное, по нашему мнению, чтобы демократическая партия осознала свое положение. Спросят, почему мы интересуемся партией, почему мы вместо этого не думаем о целях демократического движения, о благе народа, о благополучии всех без различия?

Таковы права и обычаи борьбы, и благо нового времени может быть достигнуто только в результате *борьбы* партий, а не путем мнимо разумных компромиссов и лицемерного сотрудничества при расхождении взглядов, интересов и целей.

Мы требуем от демократической партии, чтобы она осознала свое положение. Требование это вытекает из опыта последних месяцев. Демократическая партия слишком поддалась опьянению первых побед. Потеряв голову от радости, что она, нако-

нец, может громогласно и открыто высказывать свои принципы, она вообразила, что достаточно ей только провозгласить эти принципы, чтобы быть уверенной в немедленном их осуществлении. Дальше такого провозглашения после своей первой победы и непосредственно последовавших за нею уступок она и не пошла. Но в то время, как она щедро делилась своими взглядами и приветствовала как брата всякого, кто не сразу осмеливался ей возражать, — те, кому была оставлена или вручена власть, действовали. И деятельность их отнюдь не была ничтожной. Умалчивая о своих принципах, выдвигавшихся ими лишь постольку, поскольку они были направлены против старого, низвергнутого революцией строя, они осторожно сдерживали движение якобы в интересах вновь создающегося правового строя и установления внешнего порядка; делая мнимые уступки друзьям старого строя, чтобы тем увереннее полагаться на них при осуществлении своих планов, они затем постепенно проводили в жизнь в основном свою собственную политическую систему. Таким образом им удалось занять промежуточное положение между демократической партией и сторонниками абсолютизма, с одной стороны наступая, с другой—оттесняя назад, будучи в одно и то же время прогрессивными — по отношению к абсолютизму и реакционными — по отношению к демократии.

Такова партия осторожной и умеренной буржуазии, которой удалось перехитрить народную партию, находившуюся в первый момент в состоянии опьянения, пока у нее, наконец, не открылись глаза, когда ее презрительно оттолкнули, когда ее сторонников объявили смутьянами, приписывая им всевозможные пагубные намерения; пока она не убедилась в том, что, в сущности, она ничего не добилась, кроме того, что господа буржуа считали совместимым с их собственными правильно понятыми интересами. Поставленная антидемократическим избирательным законом в противоречие сама с собою, потерпев поражение на выборах, она имеет теперь против себя два представительных учреждения, причем трудно сказать, какое из них более решительно противодействует ее требованиям. В результате, конечно, рассеялся как дым ее энтузиазм, который уступил место трезвому сознанию того, что к власти пришла могущественная реакция, причем, удивительное дело, еще до того, как вообще были предприняты какие-либо действия в интересах революции.

Как ни бесспорно все это, было бы опасно, если бы демократическая партия, под впечатлением горечи первых поражений, в которых отчасти виновата она сама, поддалась чувству

разочарования и вернулась к тому злосчастному, к сожалению, столь свойственному немцам идеализму, в результате чего принцип, который не может быть немедленно проведен в жизнь, откладывается на отдаленное будущее, а в настоящее время предоставляется безобидной разработке его «мыслителями».

Мы должны открыто предостеречь от такого рода лицемерных друзей, которые, правда, заявляют о своем согласии с принципами, но сомневаются в их осуществимости, потому что мир-до еще не созрел для них, и которые даже не намерены способствовать его созреванию, а, наоборот, предпочитают в этой земной юдоли разделять общую участь всего дурного. Если это скрытые республиканцы, которых так сильно боится гофрат Гервинус, то мы от всей души присоединяемся к нему: это опасные люди.

Написано 1 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 2, 2 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕКЛАРАЦИЯ КАМПГАУЗЕНА НА ЗАСЕДАНИИ 30 МАЯ

Кёльн, 2 июня. Post et non propter*, т. е. г-н *Кампгаузен* сделался министром-президентом не *благодаря* мартовской революции, а *после* мартовской революции. Об этом послереволюционном [nachtraglich] характере своего министерства г-н Кампгаузен — в торжественно высокопарном тоне, с той, так сказать, внешней серьезностью, которая прикрывает недостатки души[17], — поведал 30 мая 1848 г. Берлинскому собранию[18], созванному по соглашению между ним и косвенными выборщиками.

«Образовавшееся 29 марта министерство», — говорит *мыслящий друг истории*[19], — «составилось вскоре *после* события, значения которого оно не отрицало и не отрицает».

Заявление г-на Кампгаузена, что *до* 29 марта им *не было* составлено министерство, находит свое подтверждение в комплектах прусской «Staats-Zeitung»[20] за последние месяцы. И можно считать достоверным, что высокое «значение» — особенно для г-на Кампгаузена — имеет та дата, которая является, по меньшей мере, хронологическим исходным пунктом его вознесения. Какое утешение для погибших баррикадных борцов, что их хладные трупы фигурируют в качестве вех, в качестве указателей пути к министерству 29 марта. Quelle gloire!**

Итак: После мартовской революции образовалось министерство Кампгаузена. Это министерство Кампгаузена признает *«высокое значение»* мартовской революции, по крайней мере оно не *отрицает* этого значения. Сама революция — пустяк, но ее

* — После того, но не вследствие того. *Ред.*
** — Какая честь! *Ред.*

значение! Ее *значение* — в министерстве Кампгаузена, по крайней мере post festum*.

«Это событие» — образование министерства Кампгаузена или мартовская революция? — «принадлежит к числу существеннейших содействующих причин преобразования нашего *внутреннего* государственного строя».

Это должно означать, что мартовская революция представляет «существенную содействующую причину» образования министерства 29 марта, т. е. министерства Кампгаузена. Или это просто должно означать: прусская мартовская революция революционизировала Пруссию? Во всяком случае, от *«мыслящего друга истории»* можно ожидать такой торжественной тавтологии.

«Мы стоим на пороге последнего» (а именно — преобразования нашего внутреннего государственного строя), «и правительство признает, что путь, лежащий *перед* нами, далек».

Словом, министерство Кампгаузена признает, что *перед* ним лежит еще далекий путь, т. е. оно рассчитывает на *длительное* существование. Коротко искусство, т. е. революция, и долга жизнь, т. е. возникшее после революции министерство. Оно порядком переоценивает себя. Или, быть может, слова Кампгаузена следует толковать иначе? Но, конечно, вряд ли можно приписать *мыслящему другу истории* тривиальное заявление, что народы, стоящие на пороге новой исторической эпохи, стоят на пороге, и что путь, лежащий *перед* каждой эпохой, столь же длинен, как и *будущее.*

Такова *первая* часть нудной, серьезной, церемонной, солидной и хитроумной речи министра-президента Кампгаузена. Она сводится к трем положениям: *после* мартовской революции — министерство Кампгаузена; высокое значение министерства Кампгаузена; далекий путь, лежащий *перед* министерством Кампгаузена!

Перейдем ко *второй* части.

«Но мы отнюдь не оценивали положение таким образом», — поучает г-н Кампгаузен, — «будто благодаря этому событию» (мартовской революции) «произошел полный переворот, будто ниспровергнут весь наш государственный строй, будто все существующее утратило правовую основу, будто весь порядок должен получить новую правовую основу. Наоборот. В момент своего образования министерство единодушно решило признать условием своего существования, чтобы созванный тогда Соединенный ландтаг[21] действительно собрался, невзирая на поступившие против его созыва петиции, чтобы переход к новому строю совершался на основе существующего строя и предоставляемых им законных путей,

* — после праздника, т. е, после того, как событие произошло. *Ред.*

не обрывая нитей, связующих старое с новым. Этого бесспорно правильного пути держались неуклонно; Соединенному ландтагу был представлен избирательный закон, который был издан с его согласия. Впоследствии делались попытки побудить правительство изменить этот закон собственной властью, а именно, превратить систему косвенных выборов в систему прямых выборов. Правительство не согласилось на это. Правительство не осуществляло диктатуру, оно и не могло осуществлять ее, оно *не хотело* осуществлять ее. Избирательный закон фактически введен в действие именно в том виде, в каком он получил законную санкцию. На основании этого избирательного закона избраны выборщики, избраны депутаты. На основании этого избирательного закона вы находитесь здесь с полномочием выработать по соглашению с короной конституцию, которой, надо надеяться, предстоит длительное существование».

Королевство за доктрину! *Доктрину* за королевство!

Сперва появляется «событие» — стыдливое обозначение *революции.* А затем появляется доктрина и обманным путем сводит на нет «событие».

Незаконное «событие» делает г-на Кампгаузена *ответственным* министром-президентом, существом, которому не было места, которое не имело никакого смысла в старых условиях, при существовавшем строе. Посредством сальтомортале мы перескочили через старое и благополучно обрели ответственного министра, а ответственный министр еще более благополучно обретает доктрину. С первым проявлением жизни *ответственного министра-президента* абсолютная монархия умерла, погибла. Среди павших вместе с абсолютной монархией находился в первую очередь блаженной памяти *«Соединенный ландтаг»* — эта отвратительная смесь готического бреда и современной лжи[22]. «Соединенный ландтаг» был «любезным и верным», был «безропотным осликом» абсолютной монархии. Подобно тому как германская республика может отпраздновать свое пришествие, только перешагнув через труп г-на Венедея, так и ответственное министерство могло появиться, только перешагнув через труп «любезного и верного» Соединенного ландтага. И вот ответственный министр старается вырыть забытый труп или вызывает *призрак* любезного и верного «Соединенного ландтага», который действительно появляется, но злополучно болтается в воздухе и выкидывает самые причудливые антраша, так как не имеет уже *почвы* под ногами, ибо старая *почва законности и доверия поглощена,* «событием» землетрясения. Волшебник открывает призраку, что он вызвал его для того, чтобы оформить ею наследие и получить возможность выступить в качестве его законного наследника. Нельзя достаточно высоко оценить это вежливое обращение, потому что в обычной жизни умерших но заставляют писать завещания после смерти. Крайне польщенный призрак кивает, как китайский болванчик, в знак

согласия со всем, что приказывает волшебник, отвешивает поклон при уходе и исчезает. Закон о косвенных выборах представляет собой его посмертное завещание.

Доктринерский фокус, посредством которого г-н Кампгаузен «на основе существующего строя и предоставляемых им законных путей совершил переход к новому строю», проделывается, следовательно, таким образом:

Незаконное событие делает г-на Кампгаузена, с точки зрения «существовавшего строя», с точки зрения «старого», *незаконной* личностью, ответственным министром-президентом, *конституционным министром.* Конституционный министр незаконно превращает *антиконституционный, сословный,* любезный и верный *«Соединенный ландтаг»* в *учредительное* собрание. Любезный и верный Соединенный ландтаг незаконно фабрикует закон о косвенных выборах. Закон о косвенных выборах создает берлинскую палату, берлинская палата создает конституцию, а конституция создает на вечные времена все последующие палаты.

Так от гуся получается яйцо, а из яйца — гусь. Но по спасающему Капитолий гоготанию[23] народ скоро узнает, что золотые яйца Леды, которые он положил во время революции, похищены. Даже депутат *Мильде* не является, повидимому, сыном Леды, излучающим свет Кастором[24].

Написано К. Марксом 2 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 3, 3 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Кёльн, 3 июня. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. По поводу этого изречения наши господа министры *Кампгаузен* и *Ганземан* тоже могут кое-что порассказать. Чего только не приходилось им терпеть от правительственных комиссаров и маршалов[25] в те времена, когда они сидели еще в качестве скромных депутатов на школьных скамьях ландтага! А его светлость классный наставник Зольмс-Лих, который держал их в ежовых рукавицах в предпоследнем классе, в рейнском провинциальном ландтаге! И даже когда их перевели в последний класс, в Соединенный ландтаг, им разрешались, правда, некоторые упражнения в красноречии, но ведь и там их школьный учитель, г-н Адольф фон Рохов, заносил над ними высочайше врученную ему палку! Как униженно должны были они выносить дерзости какого-нибудь Бодельшвинга, как благоговейно должны были внимать ломаной немецкой речи какого-нибудь Бойена, какой ограниченный разум верноподданных долиты были они проявлять по отношению к грубому невежеству какого-нибудь Дуэсберга!

Теперь все переменилось. 18 марта положило конец всему этому школярству в политике, и ученики из ландтага выдали себе аттестат зрелости. Г-н Кампгаузен и г-н Ганземан сделались министрами, с упоением сознавая все свое величие в качестве «необходимых людей».

Насколько они вообразили себя «необходимыми», сколь надменными стали они после того, как вырвались из школы, — это должен был почувствовать каждый, кто с ними соприкасался.

Они сразу начали с того, что на время восстановили старую классную комнату — Соединенный ландтаг. Здесь должен был совершиться по всей предписанной форме великий акт перехода из бюрократической гимназии в конституционный университет, торжественная выдача прусскому народу аттестата зрелости.

В многочисленных наказах и петициях народ заявил, что он знать ничего не желает о Соединенном ландтаге.

Г-н Кампгаузен ответил (см., например, заседание Учредительного собрания от 30 мая*), что созыв ландтага есть *вопрос жизни* для министерства, и этим все было исчерпано.

Собрался ландтаг — разуверившееся в мире, в боге и даже в самом себе, жалкое, повергнутое в прах собрание. Ему дали понять, что оно должно всего-навсего принять новый избирательный закон, но г-н Кампгаузен потребовал от него не только бумажного закона и косвенных выборов, но и двадцать пять миллионов звонкой монетой. Курии пришли в замешательство, начали сомневаться в своей компетенции и бормотать какие-то бессвязные возражения. Но все это не помогло: так решено в совете г-на Кампгаузена, и если деньги не будут отпущены, если откажут ему в «вотуме доверия», то г-н Кампгаузен удалится в Кёльн, предоставив прусскую монархию ее собственной участи. При мысли об этом у господ депутатов ландтага выступил на лбу холодный пот, они прекратили всякое сопротивление и с кисло-сладкой улыбкой приняли вотум доверия. По этим двадцати пяти миллионам, имеющим курс только в воздушном царстве грез, видно, где и как они были вотированы.

Объявляются косвенные выборы. Против этого поднимается буря адресов, петиций, депутаций. Господа министры отвечают: существование министерства неразрывно связано с косвенными выборами. После этого все снова стихает, и обе стороны могут спать спокойно.

Собирается согласительное собрание. Г-н Кампгаузен вознамерился заставить Собрание принять ответный адрес на свою тронную речь. Предложение должен внести депутат Дункер. Развертывается дискуссия. Высказываются довольно резкие возражения против адреса. Г-ну Ганземану надоедает вечная растерянная болтовня беспомощного Собрания, которая становится нестерпимой для его парламентского такта, и он лаконично заявляет: все это ни к чему — или пусть вырабатывают адрес, и тогда все в порядке; или пусть никакого адреса не вырабатывают, и тогда министерство подает в отставку. Однако дискуссия продолжается, и, наконец, г-н Кампгаузен

---

* См. настоящий том, стр. 24. *Ред.*

сам поднимается на трибуну, чтобы подтвердить, что вопрос об адресе есть вопрос жизни для министерства. Когда и это не помогает, выступает также г-н Ауэрсвальд и торжественно заявляет — в третий раз, — что судьба министерства неразрывно связана с судьбой адреса. После этого Собрание было уже в достаточной мере убеждено и, естественно, проголосовало за адрес.

Так наши «ответственные» министры уже за два месяца приобрели тот опыт и уверенный тон в руководстве Собранием, какие г-н Дюшатель, роли которого умалять, конечно, не приходится, приобрел лишь после многих лет тесного общения с предпоследней французской палатой депутатов. Г-н Дюшатель также в последнее время обычно заявлял, когда левая надоедала ему своими длинными тирадами: палата свободна, она может голосовать за или против; но если она будет голосовать против, мы подадим в отставку. И трусливое большинство, для которого г-н Дюшатель являлся «самым необходимым» человеком на свете, сбивалось в кучу, как стадо баранов во время грозы, вокруг своего подвергающегося опасности вожака. Г-н Дюшатель был легкомысленный француз и продолжал эту игру до тех пор, пока она не надоела его согражданам. Г-н Кампгаузен — благомыслящий и уравновешенный немец и, надо думать, знает, как далеко можно идти.

Конечно, когда так уверен в своих людях, как г-н Кампгаузен в своих «соглашателях», то экономишь и время и доводы. Ставя по каждому пункту вопрос о доверии, нетрудно зажать рот оппозиции. Поэтому подобный метод как нельзя более пристал решительным государственным мужам, которые твердо знают, чего они хотят, и которым становится несносной всякая бесцельная болтовня, — словом, для мужей типа Дюшателя и Ганземана. Но для героев дискуссии, которые любят «в больших дебатах высказываться и обмениваться мнениями как о прошедшем и настоящем, так и о будущем» (Кампгаузен, заседание от 31 мая), для людей, которые стоят на почве принципов и проницательным взором философов схватывают суть текущих событий, для более высоких умов, как Гизо и Кампгаузен, это мелкое земное средство совершенно непригодно, как убедится на своем опыте наш министр-президент. Пусть он предоставит это своему Дюшателю-Ганземану, а сам остается в более высоких сферах, где мы так охотно его наблюдаем.

Написано 3 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 4, 4 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МИНИСТЕРСТВО КАМПГАУЗЕНА

Кёльн, 3 июня. Как известно, французскому Национальному собранию 1789 г. предшествовало собрание нотаблей, собрание, которое было построено по *сословному* принципу, подобно прусскому Соединенному ландтагу. В декрете, которым министр Неккер созвал Национальное собрание, он сослался на высказанное нотаблями пожелание о созыве Генеральных штатов. Министр Неккер имел, таким образом, большое преимущество перед министром Кампгаузеном. Ему не пришлось дожидаться штурма бастилий и падения абсолютной монархии, чтобы после этого события по-доктринерски связывать старое с новым, чтобы с таким трудом поддерживать *иллюзию,* будто Франция пришла к новому Учредительному собранию при помощи законных средств старого государственного строя. У него были и другие преимущества. Он был министром Франции, а не министром Лотарингии и Эльзаса, тогда как г-н Кампгаузен — министр Пруссии, а не министр Германии. И, несмотря на все эти преимущества, министру Неккеру не удалось ввести революционное движение в тихое русло реформы. Тяжелую болезнь нельзя исцелить розовым маслом. Тем более не удастся г-ну Кампгаузену изменить характер движения при помощи искусственной теории, устанавливающей непосредственную связь между его министерством и старым порядком прусской монархии. Мартовскую революцию и германское революционное движение вообще не превратить никакими уловками в ряд более или менее значительных *эпизодов.* Был ли Луи-Филипп избран королем французов *потому,* что он был Бурбоном? Или же он был избран *несмотря на* то, что был Бурбоном? Всем памятны споры,

разгоревшиеся вокруг этого вопроса вскоре после июльской революции. Что доказывал самый этот вопрос? Что революция была поставлена под вопрос, что интересы революции не были интересами пришедшего к власти класса и его политических представителей.

Такой же смысл имеет заявление г-на Кампгаузена, что его министерство возникло не *благодаря* мартовской революции, а *после* мартовской революции.

Написано К. Марксом 3 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 4, 4 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

КОМЕДИЯ ВОЙНЫ

Шлезвиг-Гольштейн. В анналах мировой истории поистине трудно найти пример такой войны, такой поразительный пример попеременной игры вооруженных сил и дипломатии, как наша нынешняя единогерманская национальная война с маленькой Данией! Великие деяния старой имперской армии с ее шестьюстами командующими, генеральными штабами и военными советами, взаимные интриги командующих коалиции 1792 г., приказы и контрприказы блаженной памяти королевско-императорского гофкригсрата, — все это кажется значительным, захватывающим и трагическим по сравнению с военной комедией, которую сейчас разыгрывает новая армия Германского союза[26] в Шлезвиг-Гольштейне, делая себя посмешищем всей Европы.

Рассмотрим в кратких чертах сюжет этой комедии.

Датчане наступают из Ютландии и высаживают войска в Северном Шлезвиге. Пруссаки и ганноверцы занимают Рендсбург и линию Эйдера. Датчане — живой, мужественный народ, вопреки созданной им немцами дурной репутации, — быстро наступают и в результате *одного* сражения отбрасывают шлезвиг-гольштейнскую армию назад к позициям пруссаков. Последние спокойно наблюдают за происходящим.

Наконец, из Берлина приходит приказ о наступлении. Соединенные немецкие войска нападают на датчан и разбивают их при Шлезвиге благодаря превосходству своих сил. Победа была достигнута главным образом в результате той ловкости,

с которой померанские гвардейцы действовали прикладами, как некогда при Грос-Берене и Денневице[27]. Шлезвиг вновь завоеван, и Германия ликует по поводу геройских подвигов своей армии.

Тем временем датский флот, насчитывающий не более двадцати крупных судов, захватывает германские торговые суда, блокирует все германские порты и прикрывает подступы к островам, куда отступила армия. Ютландия оставляется на произвол судьбы и частично оккупируется пруссаками, которые налагают на нее контрибуцию в 2 миллиона специй.

Однако, прежде чем был получен хоть единый талер из этой контрибуции, Англия вносит предложения о посредничестве на условиях отступления и объявления нейтралитета Шлезвига, а Россия посылает угрожающие ноты. Г-н Кампгаузен сразу попадает в расставленную ему западню, и по его приказу упоенные победой пруссаки отступают от Вайле к Кёнигсау, Хадерслебену, Апенраде*, Фленсбургу. Исчезнувшие было датчане немедленно появляются вновь; они преследуют пруссаков днем и ночью, вносят смятение в ряды отступающих, высаживаются то здесь, то там, разбивают войска десятого корпуса союзных войск при Сундевите** и отступают лишь из-за численного превосходства противника. Сражение 30 мая решают опять приклады, на этот раз находившиеся в крепких руках мекленбуржцев. Немецкое население бежит вместе с пруссаками; весь Северный Шлезвиг отдается на поток и разграбление, в Хадерслебене и Апенраде снова развевается датский флаг. Видно, что прусские воины всех чинов так же слепо повинуются приказу в Шлезвиге, как и в Берлине.

Но вот приходит приказ из Берлина: пруссаки снова должны наступать. Теперь они вновь бодро продвигаются на север. Но это еще отнюдь не конец комедии. Подождем, где на этот раз пруссаки получат приказ об отступлении.

Словом, это настоящая кадриль, военный балет, который поставлен министерством Кампгаузена для своего собственного удовольствия и во славу германской нации.

Но мы не должны забывать, что сцена этого театра освещается горящими деревнями Шлезвига, а хор составляют датские «мародеры», а также добровольцы, которые взывают о мести.

Министерство Кампгаузена доказало на этом примере свое высокое призвание представлять Германию на международной

---

* Датские названия: Конге-О, Хадерслев, Обенро. *Ред.*
** — Сунневед. *Ред.*

арене. Шлезвиг, дважды брошенный на произвол судьбы и подвергшийся вторжению датчан по вине министерства Кампгаузена, сохранит благодарную память об этом первом дипломатическом эксперименте наших «ответственных» министров.

Доверимся же мудрости и энергии министерства Кампгаузена!

Написано Ф. Энгельсом 4 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 5, 5 июня I848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется, впервые

РЕАКЦИЯ

Кёльн, 5 июня. Гладка дорога мертвецам[28]. Г-н Кампгаузен отрекается от революции, а реакция осмеливается предложить согласительному собранию заклеймитъ ее, как бунт. На заседании 3 июня один из депутатов внес предложение воздвигнуть памятник солдатам, убитым 18 марта.

Написано 5 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 6, 6 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БЕРЛИНЕ

Кёльн, 5 июня. Берлин, подобно Парижу в 1793 г., имеет теперь свой Comite de surete generale*, с той только разницей, что парижский комитет был революционный, а берлинский — реакционный. Согласно опубликованному в Берлине сообщению, «власти, на которые возложено поддержание спокойствия», признали необходимым «объединиться для сотрудничества». Они поэтому назначили комитет безопасности, который обосновался на Обервалльштрассе. Это новое учреждение имеет следующий состав: 1) председатель — директор в министерстве внутренних дел Путкамер; 2) комендант и бывший командующий гражданским ополчением Ашофф; 3) полицейпрезидент Минутоли; 4) прокурор Темме; 5) бургомистр Наунин и два члена магистрата; 6) старшина городских депутатов и три городских депутата; 7) пять офицеров и два рядовых гражданского ополчения. Этот комитет будет

«в курсе всего того, что нарушает или грозит нарушить общественное спокойствие, и будет подвергать факты всестороннему и основательному обсуждению. Не прибегая к старым и непригодным средствам и формам и избегая излишней переписки, он будет сговариваться относительно соответствующих мер и через посредство различных органов управления будет добиваться быстрого и энергичного проведения необходимых мероприятий. Только путем такого сотрудничества в ведение дел, часто весьма затруднительное в условиях нынешнего времени, могут быть внесены быстрота и твердость в соединении с необходимой предусмотрительностью. В особенности *ню* гражданское ополчение, взявшее на себя охрану города, получит возможность *в случав необходимости придавать надлежащую силу постановлениям властей, принятым при его участии.* С полным дове-

* — Комитет общественной безопасности. *Ред.*

рием к сочувствию и сотрудничеству всех жителей, и в особенности почтенного (!) сословия ремесленников *и* (!) рабочих, депутаты, *не связанные никакими партийными взглядами и стремлениями,* приступают к своим трудным обязанностям и надеются выполнять их главным образом мирным путем посредничества к общему благополучию».

Уже этот елейный, вкрадчивый, смиренно-просительный язык заставляет предполагать, что здесь образуется центр реакционной деятельности, направленный против революционного народа Берлина. Состав этого комитета подтверждает такое предположение. Тут, прежде всего, г-н Путкамер, тот самый, который в качестве полицейпрезидента прославился своими приказами о высылке. Совсем как при бюрократической монархии: ни одного важного учреждения без *одного,* по крайней мере, Путкамера. Затем — г-н Ашофф, который из-за своей солдафонской грубости и реакционных интриг стал так ненавистен гражданскому ополчению, что оно постановило его удалить. И он действительно подал в отставку. Затем — г-н Минутоли, который в 1846 г. спасал отечество в Познани, открыв заговор поляков, а недавно угрожал выслать наборщиков, когда они бастовали в связи с требованием о повышении заработной платы. Далее — представители двух органов, ставших крайне реакционными: магистрата и собрания городских депутатов, и, наконец, офицеры гражданского ополчения и среди них главный реакционер, майор Блессон. Мы надеемся, что берлинский народ никоим образом не позволит опекать себя этому самозванному реакционному комитету.

Впрочем, комитет этот уже начал свою реакционную деятельность, потребовав отменить назначенное на вчера (воскресенье) народное шествие к могиле мартовских жертв, так как это — демонстрация, а демонстрации вообще вредны.

Написано 5 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 6, 6 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРОГРАММЫ РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВО ФРАНКФУРТЕ И ФРАНКФУРТСКОЙ ЛЕВОЙ

Кёльн, 6 июня. Вчера мы сообщили нашим читателям «Мотивированный манифест радикально-демократической партии в учредительном Национальном собрании во Франкфурте-на-Майне»[29]. В рубрике известий из Франкфурта вы найдете сегодня манифест левых. На первый взгляд оба манифеста различаются между собой разве только по форме, поскольку у радикально-демократической партии неумелый, а у левых опытный редактор. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются некоторые существенные пункты различия между обоими документами. Манифест радикальной партии требует Национального собрания, созванного на основе *«выборов без ценза* и путем *прямой подачи голосов»,* манифест левых — собрания, созванного на основе *«свободных всеобщих выборов». Свободные всеобщие выборы* исключают *ценз,* но отнюдь не исключают *косвенных* выборов. И к чему вообще это неопределенное, двусмысленное выражение?

И еще раз мы обнаруживаем эту большую расплывчатость и неопределенность требований левых в противоположность требованиям радикальной партии. Левая требует «исполнительной центральной власти, на определенный срок избираемой *Национальным собранием* и ответственной перед ним». Но она оставляет нерешенным вопрос, должна ли эта центральная власть избираться *из среды Национального собрания,* как того определенно требует манифест радикальной партии.

Манифест левых требует, наконец, немедленного установления, провозглашения и обеспечения основных прав германского народа против всех возможных покушений со стороны

отдельных правительств. Манифест радикальной партии не довольствуется этим. Он заявляет:

«Собрание уже теперь должно объединить в себе все государственные власти всей страны и *немедленно* привести в действие различные виды власти и формы политической жизни, которые оно призвано установить, а также должно направлять внутреннюю и внешнюю политику всего государства».

Оба манифеста сходны в том, что они стремятся предоставить «выработку конституции Германии только лишь Национальному собранию» и исключают участие правительств в этом деле. Оба сходны в том, что они, «не в ущерб народным правам, которые должны быть провозглашены Национальным собранием», предоставляют отдельным государствам выбор государственного строя, будь то конституционная монархия или республика. Наконец, оба манифеста сходятся на том, что Германия должна быть превращена в союзное или федеративное государство.

Манифест радикальной партии отражает, по крайней мере, *революционную* природу Национального собрания. Он требует соответствующей революционной деятельности. Разве самое существование *учредительного* Национального собрания не служит доказательством того, что *не существует* больше никакой конституции? Но раз не существует больше никакой конституции, то не существует больше никакого правительства. А раз не существует никакого правительства, то Национальное собрание должно само управлять. Первым проявлением его деятельности должен был быть декрет из четырех слов: *«Союзный сейм*[30] *распускается навсегда».*

Учредительное Национальное собрание должно быть прежде всего *активным,* революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительствам действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?

Германское Национальное собрание, не говоря уже о том, что оно является результатом *косвенных* выборов, страдает специфически немецкой болезнью. Оно заседает во Франкфурте-на-Майне, а Франкфурт-на-Майне — это только идеальный центр, соответствовавший прежнему идеальному, т. е. только воображаемому, единству Германии. Франкфурт-на-Майне не является также крупным городом с многочисленным

революционным населением, которое стояло бы за Национальным собранием, частью защищая, частью толкая его вперед. Впервые в мировой истории учредительное собрание большого народа заседает в маленьком городе. Это — наследие прежнего развития Германии. В то время как французское и английское национальные собрания стояли на огнедышащей почве Парижа и Лондона, германское Национальное собрание должно было почитать себя счастливым, когда нашло *нейтральную* почву, на которой оно могло с полным спокойствием и невозмутимостью духа размышлять о наилучшем порядке дня и наилучшей конституции. И все же состояние Германии в тот момент давало ему возможность преодолеть крайне неблагоприятные условия своего существования. Национальное собрание должно было бы повсеместно диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки и приклады. Вместо этого оно допустило, что на его собственных глазах Майнц был отдан на произвол солдатни и немцы из других частей Германии стали жертвой злостных придирок франкфуртских филистеров[*]. Это Собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им. Для него, правда, существует *публика,* которая порой еще взирает с добродушным юмором на забавные движения вновь воскресшего призрака рейхстага Священной Римской империи германской нации, но для Национального собрания не существует *народа,* который в жизни Собрания нашел бы отражение своей собственной жизни. Далекое от того, чтобы быть центральным органом революционного движения, Национальное собрание до сих пор не было даже его эхом.

Если Национальное собрание и выделит из своей среды центральную власть, то при настоящем его составе и после того, как оно упустило благоприятный момент, от такого временного правительства можно было бы ожидать мало утешительного. Если же оно не создаст никакой центральной власти то тем самым оно подпишет свою собственную отставку и при малейшем революционном дуновении рассеется во все стороны.

Программа левой, так же как программа радикальной партии, имеет ту заслугу, что она осознала эту необходимость. Обе программы заявляют вместе с Гейне:

> «Ведь если обдумать вопрос хорошо, —
> Император нам вовсе не нужен»[31].

---

[*] См. настоящий том, стр. 11—13. *Ред.*

Трудность вопроса: *«кто* должен быть императором», наличие множества столь же солидных доводов как в пользу избираемого, так и в пользу наследственного императора вынудят и консервативное большинство Собрания разрубить гордиев узел, отказавшись от выборов *какого бы то ни было императора.*

Непонятно, каким образом так называемая радикально-демократическая партия могла провозгласить в качестве окончательного государственного устройства Германии *федерацию* конституционных монархий, карликовых княжеств и крошечных республик — составленное из столь разнородных элементов союзное государство с республиканским правительством во главе, — ибо ведь предлагаемый левыми центральный орган ничего другого собой не представляет.

Нет никаких сомнений, что вначале центральное правительство Германии, избранное Национальным собранием, должно возникнуть *наряду* с фактически еще существующими правительствами. Но с его возникновением начинается уже его борьба с отдельными правительствами, и в этой борьбе либо общее правительство погибнет вместе с единством Германии, либо исчезнут отдельные правительства вместе с их конституционными государями или карликовыми республиками.

Мы не выставляем утопического требования, чтобы a priori была провозглашена *единая, неделимая германская республика,* но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешивала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью. Германское единство, как и германская конституция могут быть осуществлены лишь в результате движения, в котором решающими факторами будут как внутренние конфликты, так и война с Востоком. Окончательное конституирование не может быть *декретировано;* оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать. Поэтому дело идет не об осуществлении того или иного мнения, той или иной политической идеи; дело идет о понимании хода развития. Национальное собрание должно сделать лишь практически возможные в ближайшее время шаги.

Нет ничего путанее, чем странная идея редактора демократического манифеста, — как бы он ни уверял нас, что «каждый человек рад избавиться от собственной путаницы», — заимствовать у *североамериканского федеративного государства* образец для германской конституции!

Соединенные Штаты Северной Америки, не говоря уже о том, что все они отличаются одинаковым политическим устройством, занимают поверхность, равную поверхности всей

цивилизованной Европы. Соединенные Штаты могли бы найти аналогию только в *европейской* федерации. Но для того, чтобы Германия могла объединиться в федерацию с другими странами, сама она должна прежде всего стать единой страной. В Германии борьба централизации с федеративным началом есть борьба между современной культурой и феодализмом. Германия впала в состояние обуржуазившегося феодализма как раз в тот момент, когда на Западе образовалась крупные монархии, но она была также отстранена от мирового рынка в тот самый момент, когда последний открылся для Западной Европы. Германия нищала, в то время как эти государства обогащались. Она превращалась в крестьянскую страну, в то время как в этих государствах вырастали большие города. Если бы даже Россия не стучалась в ворота Германии, экономические отношения сами по себе побуждали бы ее к строжайшей централизации. Даже с чисто буржуазной точки зрения нерушимое единство Германии является первым условием для спасения ее от нынешней нищеты и для создания национального богатства. А как разрешить современные социальные задачи на территории, раздробленной на 39 карликовых государств?

Впрочем, редактору демократической программы нет надобности вдаваться в материальные экономические отношения, имеющие-де второстепенное значение. В своей мотивировке он не выходит за пределы понятия федерации. *Федерация* есть *объединение свободных* и *равных. Следовательно,* Германия должна быть *федеративным государством.* Но разве немцы не могут федерироваться в *единое* большое государство, не совершая преступления против понятия об объединении свободных и равных?

Написано 6 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 7, 7 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ В БЕРЛИНЕ [32]

Кёльн, 6 июня. *Дебаты о соглашении* и т. д. продолжаются в Берлине самым отрадным образом. Вносится одно предложение за другим, большинство из них даже по пяти-шести раз, чтобы они, чего доброго, не затерялись на длинном пути по отделениям и комиссиям. При каждом удобном случае в изобилии ставятся предварительные вопросы, смежные вопросы, промежуточные вопросы, дополнительные вопросы и главные вопросы. По поводу каждого из этих больших и малых вопросов непременно завязывается непринужденный разговор «с места» с председателем, министрами и т. д., и это дает желанный отдых среди утомительной работы «больших дебатов». Особенно любят высказывать свое мнение в таких задушевных беседах те безыменные соглашатели, которых стенограф обыкновенно обозначает как «голос». Впрочем, эти «голоса» так горды своим правом голоса, что подчас, как это случилось 2 июня, *«голосуют одновременно и за и против».* Но затем среди этой идиллии вспыхивает со всем величием трагедии борьба в стиле больших дебатов — борьба, которая ведется не только словесно, с трибуны, но в которой принимает участие также и хор соглашателей: они топают ногами, шумят, стараются перекричать друг друга и т. п. Драма, разумеется, заканчивается всякий раз победой добродетельных правых и почти всегда решается призывом консервативной рати приступить к голосованию.

На заседании 2 июня г-н *Юнг* сделал запрос министру иностранных дел по поводу соглашения с Россией о выдаче беглых преступников. Известно, что уже в 1842 г. общественное мнение заставило разорвать это соглашение и что оно было

возобновлено во время реакции 1844 года. Известно, что русское правительство забивает кнутом на смерть или отправляет в Сибирь лиц, ему выданных. Известно, что соглашение о выдаче уголовных преступников и бродяг — удобный предлог для выдачи русским властям политических эмигрантов.

Г-н *Арним,* министр иностранных дел, ответил следующим образом:

«Никто, разумеется, не станет возражать против выдачи дезертиров, потому что, по общему правилу, дружественные государства всегда выдают их друг другу».

Мы принимаем к сведению, что Россия и Германия, по мнению нашего министра, являются «дружественными государствами». В самом деле, многочисленные войска, которые Россия стягивает у Буга и Немана, не имеют другой цели, как возможно скорее освободить «дружественную» Германию от ужасов революции.

«К тому же решение о выдаче преступников выносится судами, так что имеются все гарантии того, что обвиняемые не будут выданы до окончания следствия по уголовному делу».

Г-н Арним старается уверить Собрание, будто прусские суды ведут следствие по поводу обвинений, предъявляемых преступникам. Совсем наоборот! Русские или русско-польские судебные власти посылают прусским властям постановление о привлечении данного эмигранта к судебной ответственности. Прусскому суду надлежит только установить, является ли этот документ аутентичным, и если этот вопрос решается в утвердительном смысле, суд должен вынести постановление о выдаче; «так что имеются все гарантии того», что русскому правительству достаточно лишь дать знак своим судьям, чтобы заполучить закованным в прусские цепи любого эмигранта, если ему еще не предъявлено обвинение политического характера.

«Само собой разумеется, что *собственные подданные* не подлежат выдаче».

«Собственные подданные», г-н феодальный барон фон Арним, уже потому не могут быть выданы, что в Германии не существует больше никаких «подданных», с тех пор как народ отважился завоевать себе свободу на баррикадах.

«Собственные подданные»! И это мы, выбирающие собрания, предписывающие королям и императорам суверенные законы, мы — «подданные» его величества прусского короля?

«Собственные подданные»! Если бы у Собрания была хоть искра революционной гордости, которой оно обязано своим существованием, оно единодушным криком негодования смело

бы раболепного министра с трибуны и с министерской скамьи. Но оно спокойно пропустило мимо ушей позорное выражение. Не раздалось ни малейшего протеста.

Г-н *Рефельд* сделал запрос г-ну Ганземану по поводу закупок шерсти, возобновленных Seehandlung[33], а также по поводу преимуществ, предоставляемых английским покупателям по сравнению с немецкими, в виде предложения учета векселей. Шерстяная промышленность, испытывавшая упадок в результате общего кризиса, рассчитывала получить по крайней мере небольшую выгоду от закупок шерсти по весьма низким ценам этого года. Но тут появляется Seehandlung и вздувает цены своими колоссальными закупками. Одновременно это общество предлагает английским покупателям значительно облегчить закупку путем учета надежных векселей на Лондон — мероприятие, которое тоже способно привести к повышению цен путем привлечения новых покупателей и дает значительное преимущество иностранным покупателям по сравнению с отечественными.

Seehandlung является наследием абсолютной монархии, которая использовала его в различных целях. В течение двадцати лет это общество сводило к простой фикции закон 1820 г. о государственном долге и весьма неприятным образом вмешивалось в торговлю и промышленность.

Затронутый г-ном *Рефельдом* вопрос, в сущности, представляет мало интереса для демократии. Речь здесь идет о том, получат ли на несколько тысяч талеров прибыли больше или меньше производители шерсти, с одной стороны, или же фабриканты шерсти — с другой.

Производители шерсти — почти исключительно крупные землевладельцы, бранденбургские, прусские, силезские и познанские феодалы.

Фабриканты шерсти — по большей части крупные капиталисты, представители крупной буржуазии.

В вопросе о ценах на шерсть речь идет, таким образом, не об общих интересах, а о классовых интересах, о том, кто кого будет стричь — земельная аристократия крупную буржуазию или крупная буржуазия — земельную аристократию.

Г-н Ганземан, посланный в Берлин в качестве представителя крупной буржуазии, которая ныне является правящей партией, предает ее дворянам-землевладельцам, партии побежденной.

Для нас, демократов, имеет значение лишь то, что г-н Ганземан становится на сторону побежденной партии, что он поддерживает не просто консервативный класс, а класс *реакционный.* Признаться, от буржуа Ганземана мы этого не ожидали.

Г-н *Ганземан* заверил сперва, что он вовсе не является защитником Seehandlung, а затем добавил: нельзя сразу прекратить закупки Seehandlung и закрыть его фабрики. Что касается закупок шерсти, то существуют договоры, в силу которых закупка определенного количества шерсти в этом году составляет... обязательство Seehandlung. Я полагаю, что, если в каком-либо году такого рода закупки могут не нанести ущерба частному обороту, то это относится именно к текущему году (?)... Ибо в противном случае произошло бы слишком большое падение цен.

По всей этой речи видно, что г-ну Ганземану было при этом не по себе. Он дал согласие действовать в угоду Арнимам, Шафгочам и Иценплицам в ущерб интересам фабрикантов шерсти и теперь вынужден защищать свой необдуманный шаг доводами современной политической экономии, столь беспощадной по отношению к дворянству. Он сам отлично сознает, что водит за нос все Собрание.

«Нельзя сразу прекратить закупки Seehandlung и закрыть его фабрики». Следовательно, Seehandlung закупает шерсть и полным ходом ведет работу на своих фабриках. Если нельзя сразу «закрыть» фабрики Seehandlung, то, разумеется, невозможно и приостановить закупки. Следовательно, Seehandlung будет поставлять на рынок свои шерстяные изделия, будет еще больше переполнять и без того переполненный рынок, еще больше понижать и без того низкие цены. Одним словом, для того, чтобы доставить бранденбургским и другим юнкерам деньги за их шерсть, Seehandlung будет еще больше обострять нынешний экономический кризис и отнимать у фабрикантов шерсти немногих еще остающихся у них покупателей.

Что касается истории с английскими векселями, то г-н Ганземан произносит блестящую тираду по поводу громадных выгод, которые имеет вся страна от того, что английские гинеи перекочевывают в карманы бранденбургских юнкеров. Мы не станем, конечно, всерьез останавливаться на этом вопросе. Нам только непонятно, как мог г-н Ганземан сохранять при этом серьезный вид.

На этом же заседании обсуждался еще вопрос о назначении комиссии по поводу Познани. Об этом завтра.

Написано Ф. Энгельсом 6 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 7, 7 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Кёльн, 6 июня. На *согласительном заседании в Берлине* 2 июня г-н *Рёйтер* внес предложение назначить комиссию для расследования причин гражданской войны в Познани[34].

Г-н *Парризиус* требует, чтобы это предложение немедленно подверглось обсуждению.

Председатель уже собирается провести по этому поводу голосование, когда г-н *Кампгаузен* напоминает, что предложение г-на *Парризиуса* совсем еще не обсуждалось:

«Я должен также, со своей стороны, напомнить, что принятие данного» (рёйтеровского) «предложения означало бы принятие *важного политического принципа,* который, однако, имеет право (sic!*) претендовать на предварительное рассмотрение в отделениях».

Нам не терпится узнать заключающийся в предложении Рёйтера «важный принцип», о котором г-н Кампгаузен пока еще умалчивает.

А пока нам приходится терпеливо ждать выяснения этого, завязывается благодушная беседа между председательствующим (г-н *Эссер,* заместитель председателя) и многочисленными «голосами» на тему о том, допустимы или не допустимы прения по поводу предложения Парризиуса. При этом г-н Эссер опирается на доводы, странно звучащие в устах председателя soi-disant** Национального собрания, как, например: *«Я полагал,* что допустима дискуссия по всякому вопросу, который Собранию предстоит решить!»

* — так! *Ред.*
** — так называемого. *Ред.*

«Я полагал»! Человек полагает, а г-н Кампгаузен располагает, — составляя проекты регламентов, в которых никто не может разобраться, и заставляя свое Собрание временно принимать их.

На этот раз г-н Кампгаузен был милостив. Ему необходимо было обсуждение. Не будь обсуждения, может быть, прошло бы предложение Парризиуса, прошло бы предложение Рёйтера, т. е. был бы вынесен косвенный вотум недоверия г-ну Кампгаузену. И, — что еще хуже, — что сталось бы без обсуждения с его «важным политическим принципом»?

Итак, занялись обсуждением.

Г-н *Парризиус* желает, чтобы главное предложение немедленно подверглось обсуждению, дабы не терять времени, и чтобы комиссия смогла представить свой доклад еще до прений но поводу адреса. В противном случае при составлении адреса придется высказаться о Познани без всякого знания дела.

Г-н *Мёйзебах* выступает против этого, однако еще довольно мягко.

Но вслед за ним поднимается г-н *Риц,* горящий нетерпением покончить с мятежным предложением Рейтера. Он — королевско-прусский регирунгсрат и не потерпит, чтобы собрания, хотя бы это были даже согласительные собрания, вторгались в его компетенцию. Он знает лишь одно учреждение, имеющее на это право, а именно — обер-президиум. Для него ничего нет выше субординации.

«Как», — восклицает он, — «вы хотите, господа, послать комиссию в Познань? Разве вы хотите *превратить себя* в *административные* или *судебные власти?* Господа, из предложения мне неясно, что вы намереваетесь предпринять. Неужели вы намерены потребовать документы от командующего корпусом» (какая дерзость!), «или у судебных властей» (ужасно!), «или, чего доброго, у административных властей?» (При одной лишь мысли об этом у регирунгсрата отнимается язык.) «Неужели вы намерены поручить импровизированной комиссии» (не сдавшей, вероятно, ни одного экзамена) «расследование всего того, о *чем никто еще не имеет ясного представления?»* (Г-н Риц назначает, вероятно, комиссии только для расследования того, о чем всякий имеет ясное представление.) «Столь важное дело, *в котором вы присваиваете себе права, вам не принадлежащие...»* (Протесты.)

Что сказать об этом регирунгсрате старого покроя, об этой настоящей канцелярской крысе? Он напоминает того провинциала на картинке Кама, который приезжает после февральской революции в Париж, видит на стенах плакаты с надписью: «Republique francaise»* и идет *к* генеральному прокурору,

* — «Французская республика». *Ред.*

чтобы донести на подстрекателей против королевского правительства. Бедняга проспал все это время.

Г-н Риц тоже проспал. Громовые слова «комиссия для расследования по вопросу о Познани» грубо будят его, и, еще не совсем очнувшись от сна, он в изумлении восклицает: Неужели вы хотите присвоить себе права, вам не принадлежащие?

Г-н *Дункер* находит комиссию для расследования излишней, «так как комиссия по составлению адреса должна потребовать от министерства необходимые разъяснения». Как будто комиссия не для того именно и существует, чтобы сопоставить «разъяснения» министерства с фактическими данными.

Г-н *Блём* говорил о неотложности предложения. С этим вопросом должно быть покончено до обсуждения адреса. Говорят об импровизированных комиссиях. Г-н Ганземан вчера тоже импровизировал вопрос о доверии, и, однако, по этому вопросу было проведено голосование.

Г-н *Ганземан,* который, вероятно, во время всех этих неприятных прений обдумывал свой новый финансовый план, был неделикатно пробужден от своих золотых грез, услышав свое имя. Он явно понятия не имел, о чем идет речь. Но имя его было названо, и он должен был выступить. В памяти у него остались лишь два отправных пункта: речь его начальника Кампгаузена и речь г-на *Рица.* Из них он составил, после нескольких пустых фраз по вопросу об адресе, следующий мастерский образец красноречия:

«Как раз то обстоятельство, что еще не известно, чем будет заниматься комиссия — пошлет ли она своих членов в великое герцогство или займется каким-либо иным делом, — *как раз это доказывает большую важность данного вопроса* (!). И сразу решать его здесь — значит *импровизированно решать один из важнейших политических вопросов.* Я не думаю, что Собрание пойдет по этому пути, я питаю доверие к нему, полагаясь на его осторожность и т. д.»

Как должен г-н Ганземан презирать все Собрание, чтобы подсовывать ему такие умозаключения! Мы хотим назначить комиссию, которая, может быть, отправится в Познань, а, может быть, и нет. Именно потому, что мы не знаем, должна ли она остаться в Берлине или отправиться в Познань, вопрос о том, следует ли вообще назначать комиссию, имеет *большую важность.* А так как он имеет большую важность, значит, он—один из *важнейших политических* вопросов!

Но в чем состоит этот важнейший политический вопрос, об этом г-н Ганземан пока еще умалчивает, подобно тому, как это делает г-н Кампгаузен со своим важным политическим принципом. Повторяем — вооружимся терпением!

Впечатление, произведенное логикой Ганземана, столь убийственно, что все тотчас же начинают требовать прекращения прений. Тогда разыгрывается следующая сцена:

Г-н *Юнг* требует слова, чтобы высказаться против прекращения прений.

Председатель: Мне кажется недопустимым предоставлять для этого слово.

Г-н *Юнг:* Общепринято предоставлять слово против прекращения прений.

Г-н *Темме* зачитывает § 42 временного регламента, согласно которому г-н Юнг прав, а председатель неправ.

Г-н *Юнг* получает слово: Я против прекращения прений, так как последним выступал министр. Выступление министра имеет важнейшее значение, потому что оно привлекает на одну сторону большую часть, потому что большая часть Собрания неохотно дезавуирует министра...

Длительные всеобщие возгласы: Ого! Ого! Страшный шум раздается на скамьях правых.

Г-н юстицкомиссар *Мориц* (с места): Предлагаю призвать Юнга к порядку, он позволил себе *личные выпады против всего Собрания!* (!)

Другой голос со стороны «правых» кричит: Я тоже предлагаю это и протестую против...

Шум все больше усиливается. *Юнг* выбивается из сил, но не в состоянии перекричать этот шум. Он требует от председателя дать ему возможность продолжать.

Председатель: Так как Собрание выразило свою волю, мои функции выполнены. (!!)

Г-н *Юнг:* Собрание не выразило свою волю; вы должны сперва провести формальное голосование.

Г-н *Юнг* вынужден сойти с трибуны. Шум не стихает, пока он не покидает трибуны.

Председатель: Последний оратор, *повидимому* (!), высказался против прекращения прений. Остается узнать, не хочет ли еще кто-нибудь говорить в пользу прекращения прений.

Г-н *Рейтер:* Прения о прекращении или продолжении прений отняли у нас уже 15 минут; не лучше ли прекратить их?

Вслед за тем оратор снова распространяется насчет неотложности предложения о назначении комиссии. Это заставляет г-на Ганземана выступить вторично и, наконец, пролить свет на свой «важнейший политический вопрос».

Г-н *Ганземан:* Господа! Дело идет об одном из *величайших политических вопросов,* а именно о том, намерено ли Собрание

вступить на путь, который *может привести его к серьезным конфликтам!*

Наконец-то! Как последовательный Дюшатель, г-н Ганземан снова объявил обсуждаемый вопрос *вопросом о доверии.* Все вопросы имеют для него лишь одно значение, а именно то, что они — вопросы о доверии, а вопрос о доверии для него, разумеется, является «величайшим политическим вопросом»!

Г-н *Кампгаузен* на этот раз, повидимому, недоволен таким простым и ускоренным методом. Он берет слово.

«Следует заметить, что Собрание могло бы уже быть осведомлено» (относительно Познани), «если бы депутату было угодно сделать *запрос»* (но ведь хотели самолично удостовериться!). «Это было бы наиболее *скорым* способом получить разъяснение» (но какое?) «... Я заканчиваю заявлением, что суть всего предложения сводится исключительно к тому, что Собрание должно решить, *следует ли нам в тех или других целях создавать комиссии для расследования;* я вполне согласен, что вопрос этот должен быть *зрело обдуман и выяснен,* но я не согласен со столь внезапной постановкой его здесь на обсуждение».

Итак, вот он, «важный политический принцип» — вопрос о том, имеет ли согласительное собрание право создавать комиссии для расследования или же оно намерено само отказать себе в этом праве!

Французские и английские палаты издавна создавали такого рода комиссии (select committees) для расследования (enquête, parliamentary inquiry), и порядочные министры никогда ничего против этого не имели. Без таких комиссий ответственность министров превращается в пустую фразу. А г-н Кампгаузен отрицает за соглашателями это право!

Довольно. Произносить речи легко, но голосовать трудно. Прения подходят к концу, предстоит голосование, и тут начинаются бесконечные затруднения, сомнения, мудрствования и угрызения совести. Но избавим от всего этого наших читателей. После продолжительных разглагольствований предложение Парризиуса отвергается, а предложение Рейтера передается в отделения. Мир праху его!

Написано Ф. Энгельсом 6 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 8, 8 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВОПРОС ОБ АДРЕСЕ

Кёльн, 7 июня. Итак, Берлинское собрание решило обратиться к королю с адресом, чтобы дать *министерству* повод изложить свои взгляды, оправдать свою деятельность за истекшее время, Это-де не должно быть благодарственным адресом в духе старых ландтагов и даже не изъявлением почтения: его величество, по признанию его «ответственных», с высочайшего соизволения, министров, предоставляет лишь «наиболее удобный», «наилучший» *повод* для «согласования» принципов большинства с принципами министерства.

Если, таким образом, по существу дела персона короля—мы снова сошлемся на слова самого министра-президента—является только средством обмена, чем-то вроде денежного знака, посредством которого совершается действительная сделка, то для формы обсуждения она — эта персона — далеко не безразлична. Во-первых, тем самым представители воли народа должны будут вступить в непосредственное сношение с короной, и отсюда легко сделать вывод, что дебаты об адресе уже сами по себе являются признанием теории соглашения[35], отказом от народного суверенитета. Во-вторых, с главой государства, претендующим на особую почтительность, нельзя говорить так, как если бы прямо обращались к министрам. Пришлось бы выражаться с большей сдержанностью, больше намекать, чем говорить прямо, и, кроме того, опять-таки от решения министерства будет зависеть, сочтет ли оно даже робкую критику совместимой со своим дальнейшим существованием. Что же касается сложных вопросов, в которых наиболее резко проявляются противоречия, то они будут по возможности обойдены

молчанием или затронуты лишь поверхностно. Здесь легко можно будет сыграть на боязни преждевременного разрыва с короной, который-де мог бы повлечь за собой серьезные последствия, и при этом нетрудно будет прикрыться доводом, что не следует забегать вперед, так как предстоит более основательная дискуссия по отдельным вопросам.

Таким образом, простодушное благоговение, будь то перед личностью монарха или перед монархическим принципом вообще, опасение зайти слишком далеко, страх перед анархическими тенденциями — все это предоставило бы министерству огромные преимущества при обсуждении адреса, и г-н Кампгаузен мог не без основания заявить, что это «наиболее удобный», «наилучший» повод для создания прочного большинства.

Спрашивается теперь, намерены ли народные представители поставить себя в такое покорно зависимое положение? Учредительное собрание уже сильно скомпрометировало себя тем, что по собственному побуждению не потребовало от министров отчета во всем, сделанном ими до сих пор, в период их временного правления, тогда как это должно было быть его первой обязанностью. Ведь как будто для того и был ускорен созыв Собрания, чтобы подкрепить мероприятия правительства косвенной волей народа. Правда, теперь, *после* созыва Собрания, создается впечатление, будто оно призвано лишь для того, «чтобы выработать по соглашению с короной конституцию, которой, надо надеяться, предстоит длительное существование».

Но вместо того, чтобы соответствующим поведением с самого начала заявить о своем истинном назначении, Собрание позволило унизить себя, обязавшись под давлением министров одобрить отчетный доклад. Поразительно, что ни один из депутатов не потребовал, в противовес предложению об образовании комиссии для выработки адреса, чтобы министерство *без* какого бы то ни было особого «повода» предстало перед палатой, исключительно лишь для того, чтобы ответить за свою предшествующую деятельность. А между тем это было бы единственным убедительным аргументом против адреса; в отношении же всех остальных аргументов право было целиком на стороне министров.

Написано 7 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 8, 8 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

НОВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ [36]

Кёльн, 8 июня. Новая демаркационная линия г-на фон Пфуля в Познани представляет новое ограбление Польши. Она сводит «подлежащую реорганизации» часть Познани менее чем к трети всего великого герцогства и присоединяет гораздо большую часть Великой Польши к Германскому союзу. Польский язык и национальность должны признаваться только в узкой полосе вдоль русской границы. Эта полоса состоит из округов Врешен и Плешен* и частей округов Могильно, Вонгровец, Гнезен, Шрода, Шримм, Костен, Фрауштадт, Крёбен, Кротошин, Адельнау и Шильдберг**. Остальные части этих округов, а также целые округа Бук, Познань, Оборник, Замтер, Бирнбаум, Мезериц, Бомст, Чарников, Ходцизен, Вирзиц, Бромберг***, Шубин,, Иноврацлав без всяких околичностей, декретом г-на фон Пфуля превращены в германскую территорию. И, однако, не подлежит никакому сомнению, что даже на этой «территории Германского союза» большинство жителей говорит еще по-польски.

Старая демаркационная линия давала полякам в виде границы, по крайней мере, Варту. Новая линия сокращает подлежащую реорганизации часть снова на одну четверть. Поводом к этому служит, с одной стороны, *«желание»* военного министра исключить из реорганизации район крепости Познань радиусом

* Польские названия: Вжесня, Плешев. *Ред.*

** — Могильно, Вонгровец, Гнезно, Сьрода, Сьрем, Косьцян, Всхова, Кробя, Кротошин, Одолянув, Остшешув. *Ред.*

*** — Бук, Познань, Оборники, Шамотулы, Мендзыхуд, Мендзыжеч, Бабимост, Чарнкув, Ходцизен, Выжиск, Быдгощ. *Ред.*

в 3—4 мили, а с другой — требование различных городов, как, например, Острова[*] и т. д., о присоединении к Германии.

Что касается желания военного министра, то оно вполне естественно. Сперва захватывают город и крепость Познань, которая вклинивается на десять миль вглубь польских земель, затем, чтобы беспрепятственно пользоваться захваченным, признают желательным захват нового района радиусом в три мили. Захват этого района, в свою очередь, вызывает необходимость всякого рода небольших округлений территории, а это дает наилучший повод продвигать немецкую границу все дальше по направлению к русско-польской.

Что же касается стремления «немецких» городов к присоединению, то дело обстоит следующим образом. Во всей Польше немцы и евреи составляют основное ядро горожан, занимающихся промыслами и торговлей; это потомки переселенцев, которые покинули свою родину главным образом из-за религиозных преследований. Они основали на польской земле города и в течение столетий делили судьбы польского государства. Эти немцы и евреи — ничтожное меньшинство населения — пытаются использовать положение страны в данный момент, чтобы добиться господствующей роли. Они ссылаются на то, что они — *немцы,* но они столь же мало являются немцами, как и американские немцы. Присоединение их к Германии означает подавление языка и национальности более чем половины польского населения Познани, и притом как раз той части провинции, где национальное восстание вспыхнуло с наибольшей силой и энергией, — округов Бук, Замтер, Познань, Оборник.

Г-н фон Пфуль заявляет, что он будет считать новую границу окончательной, как только министерство ее ратифицирует. Он не говорит ни о согласительном собрании, ни о германском Национальном собрании, которые ведь тоже должны сказать свое слово, когда дело идет об определении границ Германии. Но даже если министерство, соглашатели, Франкфуртское собрание ратифицируют постановление г-на Пфуля, — демаркационная линия *не* может быть «окончательной» до тех пор, пока ее не ратифицировали еще две другие силы: немецкий народ и польский народ.

Написано Ф. Энгельсом 8 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 9, 9 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — Острув-Велькопольски. *Ред.*

ЩИТ ДИНАСТИИ

Кёльн, 9 июня. Как сообщают немецкие газеты, г-н Кампгаузен излил 6 июня свое переполненное сердце перед своими соглашателями. Он произнес

«не столь блестящую, сколь *исходившую из самой глубины сердца* речь, которая заставляет вспомнить о словах Павла: «Если бы я говорил языками человеческими и ангельскими, а любви не имел, то я был бы как медь звенящая!» Речь его была полна того священного трепета, который мы называем любовью... она вдохновенно обращалась к вдохновленным; не было конца аплодисментам... и понадобилась продолжительная пауза, чтобы впитать в себя и воспринять все впечатление от нее»[37].

Кто же был героем этой исходившей из самой глубины сердца любвеобильной речи? Кто послужил темой, столь воодушевившей г-на Кампгаузена, что он вдохновенно обращался к вдохновленным? Кто же Эней этой Энеиды[38], импровизированной 6 июня?

Не кто иной, как *принц Прусский!*

Стоит прочесть в стенографическом отчете, как поэтически настроенный министр-президент описывает странствия современного Анхизова сына; как он в день,

— когда пала священная Троя,
Пал и Приам, погиб и народ копьеносца Приама[39],

как он после падения юнкерской Трои, после долгих блужданий по водам и по суше, пристал, наконец, к берегу современного Карфагена и был дружественно встречен царицей Дидоной; как ему более повезло, чем Энею I, потому что нашелся такой человек, как Кампгаузен, который сделал все для того, чтобы

восстановить Трою, и вновь открыл священную «почву законности»; как Кампгаузен вернул, наконец, своего Энея к его пенатам и как теперь радость снова царит в троянских чертогах[40]. Нужно прочесть все это вместе с бесчисленными поэтическими украшениями, чтобы почувствовать, что значит, когда вдохновляющий обращается к вдохновленным.

Впрочем, весь этот эпос служит г-ну Кампгаузену лишь предлогом для дифирамба самому себе и своему собственному министерству.

«Да», — восклицает он, — «мы думали, что дух конституционного строя требует, чтобы *мы* встали на место высокой особы, чтобы *мы* предстали в качестве лиц, против которых должны направляться все нападки... Так и случилось. Мы встали как щит перед династией, приняв на себя все опасности и нападки!»

Какой комплимент «высокой особе», какой комплимент «династии»! Без г-на Кампгаузена и его шести паладинов династия погибла бы. Какой же сильной, какой «имеющей глубокие корни в народе династией» должен г-н Кампгаузен считать династию Гогенцоллернов, чтобы так говорить! Право, для династии было бы лучше, если бы г-н Кампгаузен говорил не так «вдохновенно перед вдохновленными», если бы он был не столь «полон того священного трепета, который мы называем любовью», или если бы он предоставил говорить только своему Ганземану, который довольствуется «медью звенящей»!

«Однако, господа, я говорю это не с высокомерной гордостью, а со смирением, вытекающим из сознания, что высокая задача, поставленная перед вами и перед нами, может быть разрешена только при условии, если дух *терпимости* и *примирения* снизойдет и на это Собрание, если мы сможем рассчитывать наряду с вашей справедливостью и на вашу снисходительность!»

Г-н Кампгаузен прав, вымаливая для себя терпимость и снисходительность у Собрания, которое само так нуждается в терпимости и снисходительности со стороны публики!

Написано 9 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 10, 10 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

КЁЛЬН В ОПАСНОСТИ

Кёльн, 10 июня. Настал чудесный праздник троицы, зеленели поля, цвели деревья[41], и сколько ни есть людей, смешивающих дательный падеж с винительным[42], все они начали готовиться к тому, чтобы в *один* день излить святой дух реакции на все города и веси.

Момент выбран удачно. В Неаполе гвардейским лейтенантам и швейцарским ландскнехтам удалось потопить молодую свободу в крови народа*. Во Франции собрание капиталистов опутывает республику драконовскими законами и назначает комендантом Венсеннского замка генерала Перро, приказавшего 23 февраля у дома Гизо открыть огонь. В Англии и Ирландии массами бросают в тюрьму чартистов и рипилеров[43] и разгоняют с помощью драгун митинги безоружных людей. Во Франкфурте Национальное собрание само назначает теперь триумвират, предложенный блаженной памяти Союзным сеймом и отвергнутый Комиссией пятидесяти[44]. В Берлине правая одерживает одну победу за другой посредством своего численного превосходства и топанья ногами, а принц Прусский своим въездом в «собственность всей нации»[45] объявляет революцию несуществующей.

В Рейнском Гессене концентрируются войска; вокруг Франкфурта расположились герои, которые заслужили себе шпоры борьбой против республиканских повстанческих отрядов в Озерном крае[46]; Берлин и Бреславль** окружены войсками, а как обстоят дела в Рейнской провинции, это мы сейчас увидим.

Реакция подготовляет мощный удар.

В то время как в Шлезвиге идут бои, в то время как Россия посылает угрожающие ноты и стягивает триста тысяч солдат к Варшаве, Рейнская Пруссия наводняется войсками, хотя

---

* См. настоящий том, стр. 17—19. *Ред.*

** Польское название: Вроцлав. *Ред.*

буржуа парижской палаты уже снова провозглашают «мир любой ценой»!

В Рейнской Пруссии, Майнце и Люксембурге расквартированы (по словам «Deutsche Zeitung»[47]) *четырнадцать* пехотных полков *в полном составе* (13, 15*, 16, 17, 25, 26, 27, 28, 30, 34, 35, 38, 39, 40), т. е. *целая треть* всей прусской линейной и гвардейской пехоты (45 полков). Часть этих полков развернута по штатам военного времени, а остальные усилены путем призыва третьей части запасных. Кроме того, здесь расположены три уланских, два гусарских полка и один драгунский полк, причем в ближайшее время ожидается еще кирасирский полк. К этому надо прибавить большую часть 7-й и 8-й артиллерийских бригад, из состава которых по крайней мере половина уже приведена в состояние мобильности (т. е. доведена с 19 до 121 лошади на батарею или с 2 до 8 упряжек с орудиями). Для Люксембурга и Майнца образована сверх того еще третья артиллерийская рота. Эти войска расположены большой дугой от Кёльна и Бонна через Кобленц и Трир к французской и люксембургской границе. Вооружение всех крепостей усиливается, рвы снабжаются палисадами, деревья на гласисе вырубаются кое-где полностью, кое-где лишь на линии орудийного огня.

А каково положение здесь, в *Кёльне?*

Кёльнские форты полностью вооружены. Установлены платформы, прорезаны бойницы, орудия находятся здесь и устанавливаются на позициях. Эти работы производятся каждый день с 6 часов утра до 6 вечера. Говорят даже, что орудия вывозятся из города по ночам с *обернутыми колесами,* во избежание всякого шума.

Укрепление городской стены началось с Байентурма и доведено уже до бастиона № 6, т. е. охватывает до половины крепостного вала. На 1-м участке уже установлено 20 орудий.

На бастионе № 2 (Северинтор) орудия установлены на воротах. Достаточно повернуть их, чтобы подвергнуть обстрелу город.

Лучшее доказательство того, что это вооружение лишь по видимости направлено против внешнего врага, а на самом деле— *против самого Кёльна,* состоит в том, что здесь везде оставлены деревья на гласисе. Таким образом, в случае, если войска должны будут покинуть город и укрыться в фортах, пушки, установленные на городском валу, не смогут действовать против фортов, между тем как мортирам, гаубицам и 24-фунтовым орудиям фор-

* Не совсем верно. 13-й полк расквартирован частично, 15-й целиком находится в Вестфалии, но может прибыть сюда по железной дороге в течение нескольких часов.

тов решительно ничто не помешает обстреливать город через деревья гранатами и бомбами. Форты находятся на расстоянии всего 1400 шагов от городской стены, и это дает возможность обстреливать из фортов любую часть города бомбами, действующими на расстоянии до 4000 шагов.

Теперь о мероприятиях, *направленных непосредственно против города.*

Цейхгауз, находящийся напротив здания окружного управления, *очищается.* Ружья прекрасно упакованы, дабы это не бросалось в глаза, и доставляются в форты.

В *ружейных ящиках* в город доставляются артиллерийские снаряды и размещаются вдоль городской стены в военных складах, недоступных для бомб.

В тот момент, когда мы пишем эти строки, *артиллеристам* раздаются *ружья со штыками,* хотя известно, что артиллерия в Пруссии совершенно не обучена обращению с ними.

Пехота уже частично размещена в фортах. Весь Кёльн знает, что третьего дня было роздано по 5000 боевых патронов на каждую роту.

На случай столкновения с народом даны следующие распоряжения.

По первому сигналу тревоги 7-я рота (крепостной) артиллерии направляется к фортам.

Вслед за этим батарея № 37 тоже выводится из города. Эта батарея уже полностью приведена «в боевую готовность».

5-я и 8-я артиллерийские роты пока остаются в городе. Эти роты имеют по 20 зарядов на каждую упряжку.

Гусары направляются в Кёльн из Дёйца.

Пехота занимает Новый рынок, Ханентор и Эрентор, чтобы прикрывать отход всех войск из города, и вслед за тем тоже должна укрыться в фортах.

При этом высшие офицеры делают все возможное, чтобы внушить войскам старопрусскую ненависть к новым порядкам. При нынешнем разгуле реакции нет ничего легче, как под предлогом выступления против смутьянов и республиканцев заниматься самыми злобными нападками на революцию и на конституционную монархию.

А между тем Кёльн никогда не был спокойнее, чем именно в последнее время. Если не считать незначительного сборища перед домом регирунгспрезидента и драки на Сенном рынке, за последние четыре недели не произошло ничего такого, что хоть в малейшей степени потревожило бы даже гражданское ополчение. Таким образом, все описанные мероприятия *совершенно ничем не вызваны.*

Повторяем: судя по всем этим мероприятиям, которые ничем иным нельзя объяснить, судя по тому, что, как подтверждают полученные нами письма, войска стягиваются к Берлину и Бреславлю, а столь ненавистная реакционерам Рейнская провинция наводнена солдатами, — судя по всему этому, можно не сомневаться, что реакция готовится нанести повсеместно мощный удар.

Начало, повидимому, намечено здесь, в Кёльне, на *второй день троицы.* Старательно распространяются слухи, что в этот день «начнется». Будут стараться вызвать небольшие беспорядки, чтобы затем тотчас же пустить в ход войска, пригрозить городу бомбардировкой, разоружить гражданское ополчение, запрятать в тюрьму главных смутьянов,— словом, расправиться с нами по образцу Майнца и Трира*.

Мы серьезно предостерегаем кёльнских рабочих от той ловушки, которую ставит им реакция. Мы настоятельно просим их *не давать* старопрусской партии *ни малейшего повода* к тому, чтобы подчинить Кёльн деспотизму военных законов. Мы просим их *особенно спокойно провести оба дня троицы* и тем самым расстроить весь план реакционеров.

Если мы дадим реакции повод напасть на нас, мы погибли, с нами произойдет то же, что и с жителями Майнца. Если мы вынудим реакцию напасть на нас и она действительно решится на это, то кёльнцам представится случай доказать, что и они, не колеблясь ни минуты, готовы бороться до последней капли крови за завоевания 18 марта.

Приписка. Только что изданы следующие приказы:

На оба *дня троицы отменяется сбор для получения пароля* (в то время как обычно он объявляется с особой торжественностью). Войска *остаются в казармах,* где офицерам и сообщается пароль.

Батареи крепостной артиллерии, ремонтные артиллерийские роты, а также пехотный гарнизон фортов ежедневно, начиная с сегодняшнего дня, получают, кроме обычной порции хлеба, рацион хлеба на четыре дня вперед, *так что они всегда имеют запас продовольствия на 8 дней.*

Артиллерия уже сегодня в 7 часов вечера проводит *боевые учения.*

Написано Ф. Энгельсом 10 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 11, 11 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* См. настоящий том, стр. 15—16. *Ред.*

ПРИЗНАНИЕ ФРАНКФУРТСКИМ И БЕРЛИНСКИМ СОБРАНИЯМИ СВОЕЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ

Кёльн, 11 июня. Оба собрания, Франкфуртское и Берлинское, торжественно занесли в протокол признание своей некомпетентности. Франкфуртское собрание своим голосованием по шлезвиг-гольштейнскому вопросу признает Союзный сейм вышестоящим учреждением[48]. Берлинское собрание, приняв, в противовес предложению депутата Берендса, решение о мотивированном переходе к очередным делам, не только отрекается от революции*; оно прямо заявляет, что созвано лишь для соглашения о конституции, и тем самым признает основной принцип проекта конституции, предложенного министерством Кампгаузена. Оба собрания дали себе правильную оценку. Оба они — некомпетентны.

Написано 11 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 12—13, 13 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* См. настоящий том, стр. 66—78. *Ред.*

БЕРЛИНСКИЕ ДЕБАТЫ О РЕВОЛЮЦИИ

I

Кёльн, 13 июня. Согласительное собрание, наконец-то, высказалось определенно. Оно отреклось от революции и признало теорию соглашения.

Суть дела, по которому должно было высказаться Собрание, такова.

18 марта король обещал конституцию, ввел свободу печати, обусловленную залогами, и сделал ряд заявлений в том смысле, что единство Германии должно быть осуществлено путем растворения ее в Пруссии.

Таковы были уступки 18 марта, к этому сводилось их действительное содержание. То обстоятельство, что берлинцы удовлетворились этим, что они устроили шествие к дворцу, чтобы выразить королю благодарность за это, доказывает нагляднейшим образом необходимость революции 18 марта. Не только государство, но и *граждане* государства должны были быть революционизированы. Лишь в кровавой освободительной борьбе они могли избавиться от верноподданнического духа.

Известное «недоразумение» вызвало революцию. Впрочем, недоразумение действительно имело место. Нападение солдат, 16-часовой бой, необходимость для народа добиться отступления войск, — все это служит достаточным доказательством того, что народ совершенно *не уразумел* уступок 18 марта.

Результатами революции были: с одной стороны, народнее вооружение, право союзов, фактически завоеванный суверенитет народа; с другой стороны, сохранение монархии и министерство Кампгаузена — Ганземана, т. е. правительство представителей крупной буржуазии.

Таким образом, революция имела двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были прийти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии.

Одним словом, революция была не доведена до конца. Народ предоставил представителям крупной буржуазии образование министерства, а эти представители крупной буржуазии доказали свои стремления тотчас же тем, что предложили союз старопрусскому дворянству и бюрократии. В министерство вступили Арним, Каниц и Шверин.

Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией.

Объединенные реакционные партии начали свою борьбу против демократии с того, что *поставили революцию под вопрос.* Они отрицали победу народа, сфабриковали пресловутый список «семнадцати убитых солдат», всячески старались оклеветать баррикадных борцов. Но и этого мало. Министерство решило действительно созвать Соединенный ландтаг, о созыве которого было объявлено до революции, и post festum* инсценировать законный переход от абсолютизма к конституции. Тем самым оно прямо отреклось от революции. Затем министерство изобрело теорию соглашения и тем самым снова отреклось от революции, а заодно и от народного суверенитета.

Таким образом, революция действительно была поставлена под вопрос, и она могла быть поставлена под вопрос, потому что она была лишь половинчатой революцией, лишь началом длительного революционного движения.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на том, почему и в каком отношении теперешнее господство крупной буржуазии в Пруссии является необходимой переходной ступенью к демократии и почему крупная буржуазия после своего воцарения сейчас же стала на сторону реакции. Мы констатируем пока лишь самый факт.

Согласительное собрание должно было заявить теперь, признает оно революцию или нет.

Но признать при данных обстоятельствах революцию значило признать демократическую сторону революции в противо-

---

* — после праздника, т. е. после того, как событие произошло, задним числом. *Ред.*

вес крупной буржуазии, которая стремилась эту сторону революции свести на нет.

Признать революцию означало в данный момент признать именно *половинчатость* революции и тем самым признать демократическое движение, которое направлено против некоторой части результатов революции. Это значило признать, что в Германии происходит революция, в процессе которой министерство Кампгаузена, теория соглашения, косвенные выборы, господство крупных капиталистов и результаты деятельности самого Собрания хотя и могут быть неизбежными промежуточными этапами, но ни в коем случае не являются конечными результатами.

Во время прений в палате о признании революции обе стороны выступали весьма многословно и весьма активно, но обнаружили удивительную бедность мысли. Редко приходится читать нечто более безотрадное, чем эти расплывчатые прения, поминутно прерываемые шумом или спорами по поводу тонкостей регламента. Вместо великой страстности партийной борьбы — холодное спокойствие духа, поминутно грозящее перейти в тон благодушного собеседования; вместо разящей остроты аргументации — пространная и запутанная болтовня, перескакивающая с пятого на десятое; вместо метких возражений — скучное морализирование о существе и природе нравственности.

Левая также не особенно отличилась в этих дебатах. Большинство ее ораторов повторяют друг друга; никто не осмеливается решительно высказаться по существу вопроса и выступить открыто революционно. Они все время боятся кого-нибудь оттолкнуть, оскорбить, отпугнуть. Если бы борцы 18 марта проявили в борьбе не больше энергии и страстности, чем господа левые в дебатах, — то плохо обстояло бы дело в Германии.

II

Кёльн, 14 июня. Депутат *Берендс* из Берлина открывает прения, внося следующее предложение:

«Признавая революцию, Собрание заявляет, что борцы 18 и 19 марта имеют большие заслуги перед отечеством».

Форма предложения — заимствованная великой французской революцией у древних римлян лаконичность — была вполне уместна.

Тем более неуместным был способ, с помощью которого г-н *Берендс* обосновывал свое предложение. Его речь была не революционной, а примирительной. Он должен был бы выразить гнев оскорбленных баррикадных борцов перед собранием реакционеров, а вместо этого он спокойно и сухо поучал, как будто выступал еще в качестве учителя в берлинском союзе ремесленников. Ему нужно было защищать совершенно простое, совершенно ясное дело, а между тем его рассуждения — верх путаницы.

Г-н *Берендс* начинает так:

«Господа! Признание революции совершенно в порядке вещей (!). Само наше Собрание представляет собой красноречивое признание великого движения, охватившего все цивилизованные страны Европы. Собрание порождено этой революцией, его существование, таким образом, представляет фактическое признание революции».

Во-первых, дело совсем не в том, чтобы вообще признать как факт «великое движение, охватившее все цивилизованные страны Европы», — это было бы излишне и ничего не говорило бы. Нет, дело в том, чтобы признать настоящей, действительной революцией уличные бои в Берлине, которые изображаются как мятеж.

Во-вторых, Берлинское собрание, конечно, с одной стороны, представляет *«признание* революции», поскольку, не будь уличных боев в Берлине, не было бы никакой «согласованной»

конституции, а в лучшем случае получилась бы октроированная конституция. Но благодаря способу своего созыва, благодаря мандату, данному ему Соединенным ландтагом и министерством, Собрание стало в то же время и *отрицанием* революции. Собрание, стоящее «на почве революции», не вступает в соглашение, оно декретирует.

В-третьих, Собрание признало теорию соглашения уже своим голосованием по поводу адреса, а голосованием против шествия к могилам павших борцов оно уже отреклось от революции.[49] Оно отреклось от революции, поскольку вообще продолжало «заседать» наряду с Франкфуртским собранием.

Таким образом, предложение г-на Берендса фактически было уже дважды отвергнуто. Тем более оно должно было провалиться на этот раз, когда Собрание вынуждено было высказаться открыто.

Раз уж Собрание было реакционным, раз было ясно, что народу больше нечего ждать от него, то левые должны были быть заинтересованы в том, чтобы меньшинство *в пользу* предложения оказалось возможно более незначительным и включало в себя только самых решительных депутатов.

А поэтому г-ну *Берендсу* совершенно незачем было церемониться. Ему следовало выступить возможно более решительно, возможно более революционно. Вместо того чтобы цепляться за иллюзию, будто Собрание является учредительным и хочет быть таковым, будто Собрание *стоит* на почве революции, он должен был заявить этому Собранию, что оно косвенно уже отреклось от революции, и потребовать, чтобы оно сделало это теперь открыто.

Однако не только он, но и вообще ни один из ораторов левой не последовал этой политике, единственной, которая подобает демократической партии. Они поддались иллюзии, будто могут уговорить Собрание сделать революционный шаг. Они шли поэтому на уступки, сглаживали острые углы, говорили о примирении и таким образом *сами* отреклись от революции.

И вот г-н *Берендс* продолжает в высшей степени хладнокровно и в высшей степени невыразительно распространяться по поводу революций вообще и берлинской революции в частности. Развивая свою мысль, он касается возражения, что революция была излишней, так как король уже раньше согласился на все. На это он отвечает:

«Конечно, его величество король *многое* пожаловал... но разве народ удовлетворен этим пожалованием? Разве нам была дана гарантия, что это обещание действительно воплотится в жизнь? Я *полагаю,* что эта гарантия... была получена только после борьбы!... Установлено, что подобного рода

государственное преобразование может родиться и прочно укорениться только в результате великих катастроф борьбы. Одна важная уступка не была еще сделана 18 марта: это — вооружение народа... Только поело того как народ вооружился, он почувствовал себя гарантированным от возможных недоразумений... Борьба, *следовательно* (!), есть, конечно, *своего рода стихийное явление* (!), но явление неизбежное... катастрофа, в которой становится действительностью, осуществляется преобразовании государственной жизни».

Из этого длинного, путаного, изобилующего повторениями рассуждения совершенно ясно видно, что г-ну *Берендсу* абсолютно неясны результаты и необходимость революции. Из ее результатов он знает только «гарантию» обещаний 18 марта и «вооружение народа»; ее необходимость он конструирует философским путем, еще раз в высоком стиле описывая «гарантию», и кончает торжественным заверением, что никакая революция не может быть осуществлена без революции.

Революция была необходима — это означает, повидимому, только, что она была необходима для достижения того, чего мы теперь достигли. Необходимость революции прямо пропорциональна ее результатам. Но так как г-ну *Берендсу* результаты эти неясны, то он, естественно, вынужден прибегать к многословным торжественным заверениям, чтобы сконструировать ее необходимость.

Каковы были результаты революции? Отнюдь не «гарантия» обещаний 18 марта, а, напротив, ниспровержение этих обещаний.

18-го была обещана монархия, в которой дворянство, чиновничество, военщина и попы сохраняют в своих руках бразды правления, но предоставляют при этом крупной буржуазии право контроля посредством *дарованной* конституции и свободы печати, обусловленной залогами. Для народа — германские знамена, германский флот вместо прусских, воинская повинность в рамках Германского союза, а не в рамках Пруссии.

Революция ниспровергла все силы абсолютной монархии — дворянство, чиновничество, военщину и попов. Она привела к власти одну только крупную буржуазию. Она дала народу оружие свободы печати без залогов, право союзов и, по крайней мере отчасти, также и материальное оружие — винтовку.

Но это еще не главный результат. Народ, сражавшийся и победивший на баррикадах, — это совсем не тот народ, который 18 марта шествовал к дворцу, чтобы только поело нападения драгун понять истинное значение полученных уступок. Он способен совсем на другие дела, он совершенно

иначе относится к правительству. Важнейшее завоевание революции — это *сама революция.*

«Как берлинец, я могу с полным правом сказать, что мы испытали *прискорбное чувство»* (и ничего больше!)... «видя, как поносят эту борьбу... Я напомню слова г-на министра-президента, который... доказывал, что перед великим народом и всеми народными представителями стоит задача действовать *в духе терпимости и примирения. К этой терпимости я и призываю,* предлагая вам, в качестве представителя Берлина, признать 18 и 19 марта. Народ Берлина все время после революции несомненно держался, в общем, весьма порядочно и достойно. Возможно, что имели место отдельные эксцессы... И потому я *полагаю уместным,* чтобы Собрание заявило и т. д. и т. д.»

К этому трусливому заключению, которое является отречением от революции, нам остается лишь добавить, что после такой мотивировки предложение заслуживало того, чтобы его провалили.

III

Кёльн, 14 июня. Первая поправка, противопоставленная предложению Берендса, обязана своим недолговечным существованием депутату г-ну *Бремеру.* Это было расплывчатое, благонамеренное заявление, в котором: 1) признавалась революция, 2) признавалась теория соглашения, 3) признавались все те, кто принимал участие в происшедшем перевороте, и 4) признавалась великая истина, что

Не конь, не всадник охраняют
Вершину, где стоят князья[50], —

в силу чего сама революция снова получила истинно прусский отпечаток. Почтенный старший учитель г-н *Бремер* хотел угодить всем партиям, а они все и знать о нем не хотели. Его поправка была отклонена без обсуждения, и г-н Бремер ретировался с полнейшей покорностью разочарованного друга человечества.

На трибуну поднимается г-н *Шульце* из Делича. Г-н Шульце тоже поклонник революции, но поклонник не столько баррикадных борцов, сколько людей следующего дня, в отличие от «борцов», именуемых «народом». Он высказывает пожелание, чтобы «поведение народа *после* боев» получило особое признание. Его восторг не знал границ, когда он услышал

«об умеренности и благоразумии народа, когда ему не противостояли уже никакие противники (!)... о серьезности, о примирительном настроении народа... об его отношении к династии... Мы видели, что народ прекрасно отдавал себе отчет в том, что в эти моменты он *прямо смотрит в глаза самой истории!!»*

Г-н *Шульце* восторгается не столько революционной деятельностью народа *во время* боев, сколько его отнюдь не революционной бездеятельностью *после* боев.

Признание великодушия народа после революции может означать только одно из двух:

Либо оно означает оскорбление народа, потому что было бы оскорблением народа вменять ему в заслугу, что *после* победы он не совершает низостей.

Либо оно означает признание того, что народ после победы, достигнутой силой оружия, пребывает в бездействии и этим дает возможность реакции снова поднять голову.

«Соединяя то и другое», г-н Шульце высказал свое «удивление, граничащее с восторгом», по поводу того, что народ, во-первых, вел себя прилично, а, во-вторых, дал реакции возможность вновь прийти в себя.

«Поведение народа» выразилось в том, что он, полный восторга, «прямо смотрел в глаза самой истории», в то время как должен был бы ее творить; в том, что из-за своего «поведения», своей «умеренности», своего «благоразумия», своей «глубокой серьезности» и «неугасимого священного огня» он не сумел помешать министрам обманным путем отнять у него одну за другой завоеванные свободы; в том, что он объявил революцию законченной, вместо того чтобы продолжать ее. Насколько иным было поведение венцев, которые шаг за шагом оттесняли реакцию и завоевали теперь *учредительный* рейхстаг вместо согласительного![51]

Г-н *Шульце* (из Делича) признает, следовательно, революцию с тем условием, чтобы ее не признавать. Этим он заслужил оглушительные возгласы «браво».

После непродолжительных пререканий по поводу регламента на трибуну поднимается сам г-н *Кампгаузен.* Он замечает, что, согласно предложению Берендса, «Собрание должно высказаться по поводу одной *идеи,* должно, высказать свое суждение». Революция для г-на Кампгаузена только *«идея».* Он «предоставляет» поэтому Собранию решить, намерено ли оно сделать это. По поводу самого вопроса, по его мнению, «не существует, пожалуй, сколько-нибудь серьезного расхождения во взглядах», в соответствии с общеизвестным фактом, что, когда два немецких бюргера спорят, они всегда au fond* согласны друг с другом.

«Если хотят повторить, что... наступил период, *результатом* которого *должны быть...* величайшие преобразования» (значит, их еще не было), «то никто не может быть согласен с этим больше, чем я».

«Если же, напротив, хотят сказать, что государство и государственная власть утратили свою правовую основу, что *произошло насильственное ниспровержение существующей власти...* тогда я протестую против подобного толкования».

До сих пор г-н Кампгаузен видел свою главную заслугу в том, что он снова соединил порванную нить законности;

* — в сущности. *Ред.*

теперь он утверждает, что нить эта никогда и не порывалась. Пусть факты уличают его во лжи, — догмату о непрерывном законном переходе власти от Бодельшвинга к Кампгаузену нет дела до фактов.

«Если хотят намекнуть на то, что мы находимся на пороге событий, которые, как нам известно из истории английской революции XVII века и французской революции XVIII века, заканчиваются тем, что власть переходит в руки диктатора»,

то г-н Кампгаузен также вынужден протестовать.

Наш мыслящий друг истории не мог, разумеется, упустить случая высказать по поводу берлинской революции те суждения, которые немецкий бюргер тем больше любит выслушивать, чем чаще он их читал у Роттека. Берлинская революция уже потому не могла быть революцией, что в противном случае она должна была бы породить Кромвеля или Наполеона, против чего г-н Кампгаузен протестует.

В заключение г-н Кампгаузен дозволяет своим соглашателям «высказать свои *чувства* по отношению к жертвам *рокового столкновения»,* но замечает, что здесь «существенное и большое значение имеет способ выражения», и считает, что весь этот вопрос должен быть передан на рассмотрение комиссии.

После нового инцидента в связи с регламентом выступает, наконец, оратор, умеющий затронуть сердца и утробы, так как он проникает вглубь вещей. Это — его преподобие г-н пастор *Мюллер* из Волау, высказывающийся за дополнение, которое внес Шульце. Г-н пастор не намерен *«задерживать»* Собрание и хочет «только затронуть *один* весьма *существенный* пункт».

С этой целью г-н пастор ставит перед Собранием следующий вопрос:

«Данное предложение привело нас в сферу *нравственности,* и если мы возьмем его не в *поверхностной стороне»* (как это умудряются брать дело *в* его поверхностной стороне?), «а в его *глубине»* (бывает пустая глубина, как и пустое многословие), «то мы не сможем не признать, как бы это ни было трудно, что дело идет не больше и не меньше, как о нравственном признании восстания; и *потому я спрашиваю: нравственно восстание или нет?»*

Дело не в каком-то политическом партийном вопросе, а в чем-то бесконечно более важном: в теологически-философско-нравственной проблеме. Собранию надлежит выработать по соглашению с короной не конституцию, а философско-нравственную систему. «Нравственно восстание или нет?» В этом все дело. Что же ответил г-н пастор затаившему дыхание Собранию?

«Я, *однако, не думаю,* что *нам надлежит разрешать* здесь этот высокий нравственный принцип»!!

Г-н пастор проник вглубь вопроса лишь для того, чтобы заявить, что он не в состоянии постичь его глубины.

«Это было предметом размышления многих *глубокомысленных* людей, и все же они не пришли *ни к какому определенному решению.* И нам не достигнуть необходимой ясности в ходе кратких дебатов».

Собрание точно громом поражено. Г-н пастор ставит перед ним нравственную проблему с убийственной остротой и со всей серьезностью, требуемой предметом; он ставит ее перед Собранием, чтобы тотчас же вслед за тем заявить, что проблема неразрешима. В этом тягостном положении соглашатели должны были почувствовать себя так, как будто они действительно стоят уже «на почве революции».

Но это был всего-навсего лишь душеспасительный маневр г-на пастора, чтобы привести Собрание к покаянию. У него имеется наготове капля бальзама для сокрушенного Собрания:

«Я полагаю, что существует еще третья точка зрения, которую здесь следует принять во внимание: жертвы 18 марта *действовали в таком состоянии, которое не дозволяет принимать решения нравственного характера»!!*

Баррикадные борцы были в невменяемом состоянии.

«Но если вы спросите меня, считаю ли я, что они имели *нравственное право,* то я отвечу решительно: *да!»*

Мы спрашиваем: если деревенский проповедник слова божия добивается избрания в Берлин только для того, чтобы докучать всем собравшимся своей морализирующей казуистикой, то это *нравственно* или *не нравственно?*

Депутат *Хофер,* как померанский крестьянин, протестует против всего вопроса в целом.

«Ибо кто такие были солдаты? Разве это не наши собственные братья и сыновья? Подумайте хорошенько о том, какое это произведет впечатление, если отец на берегу моря» (по-вендски: po more, т. е. в Померании) «услышит, как относятся здесь к его сыну!»

Пусть солдаты вели себя как угодно, пусть они позволили превратить себя в орудие гнуснейшего предательства, — все равно, это были наши померанские парни, а потому трижды ура в их честь!

Депутат *Шульц* из Ванцлебена: Господа, берлинцы должны получить признание. Их мужество было безгранично. Они не только превозмогли страх перед пушками.

«Что значит страх быть пораженным *картечью,* если противопоставить этому *опасность* подвергнуться суровому, может быть, позорящему наказанию *в качестве участника уличных беспорядков! Мужество,* необходимое для того, чтобы принимать участие в *такой* борьбе, столь возвышенно, что *перед ним совершенно* меркнет мужество человека, открыто стоящего перед жерлами пушек»!

Стало быть, немцы не совершали революции до 1848 г. потому, что боялись полицейского комиссара.

Министр *Шверин* выступает с заявлением, что он выйдет в отставку, если будет принято предложение Берендса.

Эльснер и *Рейхенбах* высказываются против добавления Шульце.

Диршке замечает, что революцию следует признать, поскольку «борьба нравственной свободы еще не доведена до конца» и поскольку Собрание тоже «призвано к жизни нравственной свободой».

Якоби требует «полного признания революции со всеми ее последствиями». Его речь была наилучшей за все время заседания.

Наконец, мы имеем удовольствие видеть, как после такого обилия морализирующих, скучных, нерешительных или примирительных выступлений на трибуну поднимается наш *Ганземан.* Теперь-то, наконец, мы услышим нечто решительное, нечто определенное — но нет, г-н Ганземан тоже выступает сегодня мягко, примирительно. У него имеются для этого свои основания, он ничего не делает без своих собственных оснований. Он видит, что Собрание колеблется, что исход голосования неясен, что подходящая поправка еще не придумана. Он стремится отложить прения.

С этой целью он изо всех сил старается говорить возможно более кротко. Факт налицо, он неоспорим. Только одни называют его революцией, другие — «крупными событиями». Мы должны

«не забывать, что здесь не было *революции,* как в Париже и еще ранее в Англии, — что у нас имело место *соглашение* между короной и народом» (своеобразное соглашение при помощи картечи и ружейных пуль!). «Но именно потому, что мы» (министры) «в некотором смысле не делаем никаких возражений *по существу дела,* а с другой стороны, потому что необходимо найти такое выражение, которое сделало бы возможным сохранение той основы, на которой стоит правительство»), —

поэтому следует отложить прения, чтобы дать министрам возможность посоветоваться между собой.

Подумать только, чего стоило нашему Ганземану совершить подобный поворот и признать, что «основа», на которой стоит правительство, столь зыбка, что достаточно какого-нибудь «выражения», чтобы его низвергнуть! Утешить его могло только удовольствие, что снова можно свести все дело к *вопросу о доверии.*

Итак, прения были отложены.

IV

Кёльн, 14 июня. — *Второй день.* — Прения опять начинаются с продолжительных споров по поводу регламента. После того, как с этим покончено, выступает

г-н *Захарие.* Он предлагает поправку, которая должна спасти Собрание в его безвыходном положении. Вот, наконец, формула, устраивающая министерство. Она гласит:

«Принимая во внимание, что высокое значение великих мартовских событий, благодаря которым, а также благодаря согласию короля» (которое само было «мартовским событием», хотя и не «великим»), «у нас установлен нынешний государственно-правовой порядок, бесспорно (!!), так же как и заслуга борцов за него» (т. е. за королевское согласие), «и сверх того, принимая во внимание, что Собрание усматривает свою задачу не в том, чтобы высказывать суждения» (Собрание должно заявить, что оно не имеет никакого суждения!), «а в том, чтобы *выработать по соглашению с короной конституцию,* — Собрание переходит к очередным делам».

Это путаное, бессодержательное предложение, которое имеет целью всем угодить и относительно которого г-н Захарие льстит себя надеждой, что «всякий, даже г-н Берендс, найдет в нем *все, что только он мог иметь в виду,* если он с добрыми намерениями вносил свое предложение», эта кислосладкая похлебка — таково, следовательно, то «выражение», на «основе» которого «стоит» и может стоять министерство Кампгаузена.

Г-н пастор *Зидов* из Берлина, ободренный успехом своего коллеги Мюллера, тоже поднимается на кафедру. Нравственный вопрос вертится у него в голове. То, чего не мог решить Мюллер, сможет разрешить *он.*

«Господа, позвольте мне *сразу же»* (после того, как он проповедовал уже полчаса) «сказать здесь то, к чему меня побуждает чувство долга: если прения будут продолжаться, то в таком случае, по-моему, никто не должен молчать, пока не выполнит долга своей совести. (Браво!)

Разрешите мне личное замечание. *Мое мнение о* революции таково (к делу! к делу!), что когда происходит революция, она является лишь симптомом вины обеих сторон — как правящих, так и управляемых.

Это» (эта пошлость, этот самый дешевый способ отделаться от вопроса) «— *высший нравственный взгляд* на дело, и (!) не следует нам предвосхищать *христиански-нравственное суждение* нации». (Для чего же, по мнению этих господ, они сидят там?) (Волнение. Крики: к порядку дня!)

«Но, господа», — продолжает неустрашимый защитник высшего нравственного взгляда и непредвосхищенного христиански-нравственного суждения нации, — «я не разделяю того мнения, что не могут наступить такие времена, когда со стихийной необходимостью народу придется прибегнуть к политической самообороне (!), и... тогда, по моему мнению, *отдельная личность может принять* в ней *участие самым нравственным образом».* (Хвала казуистике, мы спасены!) *«Конечно,* она может участвовать *и безнравственным образом* — в таком случае это дело ее совести»!!

Вопрос о баррикадных борцах должен рассматриваться не в soi-disant* Национальном собрании, а в исповедальне. Таким образом, вопрос исчерпан.

Г-н пастор *Зидов* заявляет еще, что он обладает «мужеством», распространяется о народном суверенитете с точки зрения высшего нравственного взгляда, его еще трижды прерывают нетерпеливым шумом, и он удаляется на свое место с радостным сознанием, что выполнил долг своей совести. Весь свет знает теперь, какого мнения придерживается пастор Зидов и какого мнения он не разделяет.

Г-н *Плённис* заявляет, что всю эту затею надо бросить. Ведь предложение, выхолощенное в результате такого обилия поправок и дополнительных поправок, таких бесконечных прений и мелочных пререканий, не имеет уже никакой ценности. Г-н Плённис прав. Но он не мог оказать Собранию худшей услуги, как обратив внимание на это обстоятельство, на это доказательство трусости столь многих депутатов обеих сторон.

Г-н *Рейхеншпергер* из Трира:

«Мы здесь не для того, чтобы строить теории и *декретировать историю,* мы должны, по возможности, *делать историю».*

Отнюдь нет! Принятием мотивированного перехода к очередным делам Собрание постановляет, что оно, напротив, существует для того, чтобы *делать историю несуществующей.* Впрочем, это тоже способ «делать историю».

«Я напоминаю изречение Верньо, что революция склонна пожирать своих собственных детей».

Увы, нет! Скорее она близка к тому, чтобы ее пожрали ее собственные дети!

Г-н Ридель открыл, что под предложением Берендса *«следует понимать не только то, что просто заключено в словах, —*

* — так называемом. *Ред.*

за этим скрывается принципиальный спор». И этой жертвой «высшего нравственного взгляда» является тайный архивный советник и профессор!

На сцену выступает еще один достопочтенный г-н пастор. Это г-н *Йонас,* дамский проповедник из Берлина. Он, кажется, в самом деле принимает Собрание за аудиторию, состоящую из дочерей образованных сословий. Со всей претенциозностью и заносчивостью настоящего ученика Шлейермахера он преподносит бесконечный ряд самых плоских общих мест по поводу столь важного различия между революцией и реформацией. Еще до того, как он закончил введение к своей проповеди, его трижды прерывали; наконец, он разразился великолепной тирадой:

«Революция — это нечто такое, что прямо противоречит нашему современному религиозному и нравственному сознанию... Революция — это деяние, которое, правда, считалось великим и славным у древних греков и римлян, но в христианском мире...» (Резкие возгласы. Общий шум. Эссер, Юнг, Эльснер, председатель и бесчисленные голоса вмешиваются в прения. Наконец, модному проповеднику удается возобновить свою речь.)

«Во всяком случае я не признаю за Собранием права голосовать по поводу религиозных и нравственных принципов; по поводу таких принципов не может голосовать никакое собрание» (? и консистория, синод?). «Желать декретировать или заявлять, что революция —это высокий нравственный образец или что-нибудь другое» (значит, вообще что-нибудь), «представляется мне равносильным желанию Собрания вынести постановление о том, что существует бог, или что его не существует, или что существует много богов».

Так оно и есть! Дамский проповедник благополучно снова перевел вопрос в область «высшего нравственного взгляда», и теперь вопрос этот, естественно, подлежит компетенции лишь протестантских соборов или синодов, этих фабрикантов катехизиса.

Слава богу! После всего этого высоконравственного словоблудия выступает, наконец, наш *Ганземан.* Имея дело с таким практическим умом, мы чувствуем себя в полной безопасности от «высшего нравственного взгляда». Г-н *Ганземан* целиком отметает нравственную точку зрения одним-единственным пренебрежительным замечанием:

«Располагаем ли мы, спрашиваю я вас, достаточным досугом, чтобы пускаться в подобные принципиальные споры?»

Г-н Ганземан вспоминает, что вчера один депутат говорил о рабочих, не имеющих средств к существованию. Г-н Ганземан использует это замечание для искусного хода. Он говорит

о нужде рабочего класса, высказывает сожаление по поводу его нищеты и спрашивает:

«В чем причина-всеобщей нужды? Я полагаю... каждый испытывает такое чувство, что у нас еще нет уверенности в прочности всего существующего, пока еще не упорядочен наш государственно-правовой строй».

Г-н Ганземан говорит в данном случае от всей души. Доверие должно быть восстановлено! — восклицает он, — и лучшее средство для восстановления доверия — это отречение от революции. И затем оратор министерства, которое «не усматривает никакой реакции», распространяется в устрашающих выражениях на тему о важности дружественного расположения со стороны реакции.

«Заклинаю вас содействовать единению *всех классов»* (нанося оскорбление классам, совершившим революцию!); «заклинаю вас содействовать единению между народом и войском; подумайте о том, что на войске покоятся наши надежды на упрочение нашей независимости» (! это в Пруссии, где каждый является солдатом!); «подумайте о том, в каких тяжелых условиях мы находимся — мне нет необходимости подробнее излагать вам это: *внимательный читатель* газет» (а ими являются, конечно, все присутствующие здесь господа) *«согласится,* что эти условия трудны, в *высшей степени трудны.* Я не считаю уместным в такой момент делать заявление, которое внесет в страну *семя раздора...* Поэтому, господа, постарайтесь *примирить* партии, не поднимайте вопросов, которыми вы *провоцируете противников,* ибо это, *несомненно, случилось бы.* Принятие данного предложения могло бы иметь *самые печальные последствиям.*

Как смеялись, должно быть, реакционеры, видя, как столь решительный обычно Ганземан нагоняет страх не только на Собрание, но и на самого себя!

Эта апелляция к страху крупных буржуа, адвокатов и школьных учителей палаты оказала большее воздействие, чем все чувствительные фразы о «высшем нравственном взгляде». Дело было решено. Д'Эстер ринулся еще в бой, чтобы парализовать произведенное впечатление, но напрасно: прения были прекращены, и 196 голосами против 177 был принят мотивированный переход к очередным делам, предложенный Захарие.

Собрание, таким образом, вынесло само себе осуждение, показав, что не имеет собственного суждения.

Написано Ф. Энгельсом 13—14 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 14—17, 14—17 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПОЛОЖЕНИЕ ПАРТИЙ В КЁЛЬНЕ

Кёльн, 16 июня. Несколько дней тому назад здесь состоялись дополнительные выборы, которые самым убедительным образом свидетельствуют о том, как изменилось положение партий со времени всеобщих выборов[52].

Г-н полицейдиректор Мюллер, заместитель депутата Франкфуртского собрания, был избран депутатом Берлинского собрания от Гуммерсбаха.

На выборах было выставлено 3 кандидата. Католическая партия выдвинула г-на *Пельмана,* конституционная партия (Союз граждан)[53] — г-на адвоката *Фая,* демократическая партия — г-на адвоката *Шнейдера II,* председателя Демократического общества (Штольверкского)[54].

При первом голосовании (голосовало 140 выборщиков) г-н Фай получил 29 голосов, г-н Пельман — 34, г-н Шнейдер — 52 голоса. Остальные голоса разделились.

При втором голосовании (139 голосов) г-н Фай получил 14, г-н Пельман — 59, г-н Шнейдер — 64 голоса. Таким образом, демократическая партия еще имела все возрастающее большинство голосов.

При третьем голосовании (138 голосов) г-н Фай, наконец, не получил *ни одного* голоса. Г-н Шнейдер получил 55, г-н Пельман — 75 голосов. Следовательно, господа из Союза граждан из страха перед членами Штольверкского общества отдали свои голоса кандидату католической партии.

Результаты этих голосований показывают, как сильно изменилось здесь общественное настроение. Во время основных выборов демократы повсюду были в меньшинстве. Во время

этих дополнительных выборов из трех борющихся партий безусловно самой сильной оказалась демократическая партия, и она могла быть побеждена только при условии противоестественной коалиции двух других партий. Мы не упрекаем католическую партию за то, что она согласилась на эту коалицию. Мы подчеркиваем лишь тот факт, что *конституционалисты* исчезли.

Написано 16 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 18, 18 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СОГЛАСИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 15 ИЮНЯ

Кёльн, 17 июня. Мы говорили вам несколько дней тому назад*: вы отрицаете существование революции. Второй революцией она докажет свое бытие.

События 14 июня[55] представляют лишь первую зарницу этой второй революции, а министерство Кампгаузена уже находится в состоянии полного распада. Согласительное собрание вынесло вотум доверия берлинскому народу, поставив себя под его защиту[56]. Это — запоздалое признание мартовских борцов. Собрание отобрало дело выработки конституции из рук министров и пытается «согласовать» ее с народом, назначив комиссию для рассмотрения всех петиций и адресов, касающихся конституции. Это — запоздалая отмена его заявления о своей некомпетентности**. Собрание обещает начать выработку конституции делом: уничтожением самой основы старого здания — феодальных отношений, тяготеющих над деревней. Это — обет, подобный тому, который был дан в ночь на 4 августа[57].

Одним словом: согласительное собрание 15 июня отреклось от своего собственного прошлого, подобно тому, как 9 июня оно отреклось от прошлого народа. Оно пережило свое 21 марта[58].

---

* См. настоящий том, стр. 63—65. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 62. *Ред.*

Но Бастилия еще не взята.

А между тем с востока неудержимо, безостановочно приближается апостол революции. Он стоит уже перед воротами Торна*. Это *царь. Царь спасет германскую революцию тем, что централизует ее.*

Написано 17 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 18, 18 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* Польское название: Торунь. *Ред.*

ПРАЖСКОЕ ВОССТАНИЕ

Кёльн, 17 июня. Новая кровавая баня по познанскому образцу готовится в *Богемии**. Австрийская военщина потопила в чешской крови возможность мирного сожительства Богемии и Германии.

Князь Виндишгрец приказывает установить на Вишеграде и Градшине[59] пушки, направленные против Праги. Концентрируются войска и подготовляется нападение на Славянский съезд[60] и на чехов.

Народ узнает об этих военных приготовлениях. Он устремляется к дворцу князя и требует оружия. Ему в этом отказывают. Возбуждение усиливается, собирается все большая масса вооруженных и невооруженных людей. Тут раздается выстрел из гостиницы, расположенной против дворца командующего, и княгиня Виндишгрец падает, смертельно раненная. Тотчас же отдается приказ об атаке, гренадеры устремляются вперед и оттесняют народ. Но повсюду вырастают баррикады, которые задерживают войска. Выкатывают пушки, и баррикады засыпаются картечью. Кровь течет потоками. Борьба длится всю ночь с 12-го на 13-е и продолжается 13-го. Наконец, солдатам удается овладеть широкими улицами и оттеснить народ в более узкие кварталы, где нельзя применить артиллерию.

Таковы полученные нами последние известия. К этому прибавляют, что многие делегаты Славянского съезда под сильным конвоем высланы из города. Судя по этим сообщениям, войска, по крайней мере частично, победили.

* — Чехии. *Ред.*

Чем бы ни кончилось восстание, истребительная война немцев против чехов остается теперь единственным возможным исходом.

Немцы должны в своей революции расплачиваться за грехи всего своего прошлого. Они расплачивались за них в Италии. В Познани они вновь навлекли на себя проклятие всей Польши. А теперь пришел черед и Богемии.

Французы даже там, куда они приходили как враги, умели снискать себе признание и симпатии. Немцы же нигде не получают признания и нигде не встречают симпатии. Даже там, где они выступают великодушными апостолами свободы, их отталкивают с горькой насмешкой.

И по заслугам. Нация, позволившая превращать себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна прежде всего доказать, что она действительно стала революционной. И доказать это она должна не двумя-тремя половинчатыми революциями, которые не привели ни к какому иному результату, кроме сохранения в другой форме прежней нерешительности, слабости и разобщенности, — революциями, во время которых какой-нибудь Радецкий остается в Милане, какой-нибудь Коломб и Штейнеккер — в Познани, какой-нибудь Виндишгрец — в Праге, какой-нибудь Хюзер — в Майнце, как будто ничего не случилось.

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Одновременно со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которых она до сих пор угнетала.

А что *сделала* революционная Германия? Она полностью санкционировала прежнее угнетение Италии, Польши, а теперь и Богемии немецкой военщиной. Кауниц и Меттерних полностью оправданы.

И после всего этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли!

И после всего этого ставят в вину чехам, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождая самое себя, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!

Им ставят в вину, что они отказываются послать депутатов в такое собрание, как наше жалкое, трусливое, страшащееся своего собственного суверенитета франкфуртское «Национальное собрание»!

Им ставят в вину, что они отреклись от бессильного, беспомощного и жалкого австрийского правительства, которое, кажется, для того только и существует, чтобы констатировать распад Австрии, не будучи в состоянии не только предупре-

дить, но хотя бы организовать его, — от правительства, которое слишком слабо даже для того, чтобы освободить Прагу от пушек и солдат какого-нибудь Виндишгреца!

Но больше всего заслуживают сожаления сами храбрые чехи. Победят ли они или будут разбиты, — их гибель несомненна. В результате четырехвекового угнетения со стороны немцев, которое продолжается теперь в виде уличных боев в Праге, чехов загоняют в объятия русских. В великой борьбе между Западом и Востоком Европы, которая вспыхнет в самое ближайшее время — возможно, через несколько недель, — несчастная судьба ставит чехов на сторону русских, на сторону деспотизма против революции. Революция одержит победу, и чехи будут первыми, кто будет ею разбит.

Вину за этот гибельный для чехов исход опять-таки несут немцы. Ибо немцы продали их России.

Написано Ф. Энгельсом 17 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 18, 18 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

АРЕСТ ВАЛЬДЕНЕРА. — ЗЕБАЛЬДТ

Кёльн. Как известно, берлинское согласительное собрание отложило обсуждение запроса Венцелиуса об аресте *Виктора Вальденера,* депутата от Трирского округа. И на каком основании! Так как в архивах старого прусского законодательства не нашлось никакого *закона о* неприкосновенности народных представителей, подобно тому как не нашлось, разумеется, и самих народных представителей среди старого хлама прусской истории. После этого ничего не стоит зачеркнуть под тем же предлогом в интересах соблюдения государственных законов все завоевания революции! Очевидные запросы, потребности и права, выдвинутые революцией, разумеется, не могут быть санкционированы законодательством, основы которого взорваны этой самой революцией. *Неприкосновенность* прусских народных представителей существует с того самого момента, с какого существуют прусские народные представители. Или, быть может, существование всего согласительного собрания находится в зависимости от прихоти какого-нибудь полицей-президента или какой-нибудь судебной палаты? Разумеется, от такого рода случайности полностью гарантированы *Цвейфель, Рейхеншпергер* и другие рейнские юристы, которые превращают каждый политический вопрос в спор о процедуре и которые не преминули воспользоваться делом Вальденера для проявления мелкого крючкотворства и колоссального сервилизма.

По этому случаю мы спрашиваем г-на Рейхеншпергера II: уж не предназначено ли г-ну Рейхеншпергеру занять пост *председателя палаты в Кёльне* вместо г-на Шауберга, который должен с 1 июля 1848 г. уйти на пенсию?

Вальденер был арестован в тот момент, когда он садился в почтовую карету, чтобы ехать в *Мерциг,* где должны были состояться выборы *депутата во Франкфуртское собрание.* Вальденеру было обеспечено значительное большинство голосов. Самый лучший способ помешать выборам, сулящим нежелательный результат, — это арестовать кандидата! И чтобы быть последовательным, правительство не призывает его заместителя *Греффа,* несмотря на требование последнего, и, таким образом, население в 60000 человек, заслужившее нерасположение правительства, оказывается лишенным представителя. Мы советуем г-ну Греффу отправиться в Берлин на основе его собственных полномочий.

Наконец, положение в Трире лучше всего характеризует воспроизводимое нами ниже *предупреждение* всемогущего г-на *Зебальдта,* королевского ландрата и обербургомистра Трира.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Несколько вечеров подряд на площадях и улицах города наблюдались необычно многочисленные скопления людей; это вызывало в некоторых робких умах опасение, что готовятся противозаконные выступления. Я не из робкого десятка и мог бы, пожалуй, терпеть это, если не нарушается уличное движение. Если, однако, против ожидания каким-нибудь незрелым умам вздумается нарушить это движение непристойными выходками или оскорбительными насмешками, то я должен настоятельно рекомендовать лучшей части публики тотчас же отдалиться от таких элементов, так как в случае серьезного нарушения порядка будут приняты серьезные меры, и мне было бы прискорбно, если при возможном столкновении вместо виновных пострадали бы неосторожные.

Трир, 16 июня 1848 г. Королевский ландрат и обербургомистр регирунгсрат *Зебальдт*

Как добродушно, как патриархально выражается это высокопоставленное лицо!

«Он мог бы, пожалуй, терпеть это, если не нарушается уличное движение». Хороша терпимость г-на Зебальдта!

Робкие умы опасаются выступлений. Диктатору Трира робость не свойственна. Но он должен показать свое могущество, должен превратить фантастические бредни робких умов в *официально высказанное подозрение,* угрожая *серьезными* морами при *серьезном* нарушении порядка.

Как поразительно сочетается у великого мужа серьезность с добродушием! *Лучшие* из жителей Трира могут спать спокойно под защитой этого серьезно-добродушного *провидения.*

Написано 18 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 19, 19 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Па русском языке публикуется впервые

СОГЛАСИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 ИЮНЯ

Кёльн, 19 июня. «Ничему не научились и ничего не позабыли», — эти слова в такой же степени относятся к министерству Кампгаузена, как и к Бурбонам.

14 июня народ, возмущенный тем, что соглашатели отреклись от революции, врывается в цейхгауз. Он хочет получить какую-нибудь гарантию против Собрания и он знает, что лучшей гарантией является оружие. Цейхгауз берут штурмом, народ вооружается.

Штурм цейхгауза — событие без непосредственных результатов, остановившаяся на полпути революция — имел, однако, следующие последствия:

1) дрожащее Собрание отменило свое вчерашнее решение и заявило, что ставит себя под защиту берлинского населения ;

2) оно отреклось от министерства в жизненно важном вопросе и большинством в 46 голосов провалило кампгаузеновский проект конституции;

3) сразу же начался полный распад министерства, министры Каниц, Шверин и Ауэрсвальд вышли в отставку (из них до сего времени лишь Каниц определенно замещен Шреккенштейном), а г-н Кампгаузен лишь 17 июня испросил у Собрания трехдневный срок для пополнения своего распавшегося кабинета.

Все это было следствием штурма цейхгауза.

И в то самое время, когда *последствия* самовооружения народа сказываются столь разительно, правительство осмеливается осуждать само это действие народа! В то самое время,

когда Собрание и министерство признают восстание, против участников последнего возбуждается судебное следствие, к ним применяют старопрусские законы, их оскорбляют на заседании Собрания и выставляют простыми ворами!

В тот самый день, когда дрожащее Собрание поставило себя под защиту борцов, бравших штурмом цейхгауз, приказы гг. *Грисхейма* (комиссара военного министерства) и *Темме* (прокурора) объявляют этих борцов «разбойниками» и «грабителями». «Либеральный» г-н Темме, которого революция вернула из изгнания, начинает строгое следствие против тех, кто продолжает революцию. Арестованы *Корн, Лёвинзон* и *Урбан.* По всему Берлину обыски следуют за обысками. Капитан *Нацмер,* который, правильно оценив положение, сразу же понял необходимость оставить цейхгауз, человек, который своим мирным отступлением избавил Пруссию от новой революции, а министров от величайших опасностей, — этот человек предается военному суду, к нему применяются статьи воинского устава, осуждающие его на смерть.

Соглашатели также оправляются от своего страха. На заседании 17 июня они отрекаются от борцов, штурмовавших цейхгауз, подобно тому как 9 июня они отреклись от баррикадных борцов. На этом заседании 17 июня происходит следующее:

Г-н Кампгаузен заявляет Собранию, что изложит ему теперь все обстоятельства дела, дабы оно решило, надлежит ли привлекать к судебной ответственности министерство в связи со штурмом цейхгауза.

Разумеется, для обвинения министров было основание, но не потому, что они допустили штурм цейхгауза, а потому, что они *вызвали* его, ловко сведя на нет один из важнейших результатов революции — вооружение народа.

После г-на Кампгаузена выступает комиссар военного министерства, г-н *Грисхейм.* Он дает пространное описание находящегося в цейхгаузе оружия, а именно: ружей «совершенно нового образца, секрета одной только Пруссии», оружия «исторического значения» и всяких прочих достопримечательностей. Он описывает организацию охраны цейхгауза: в верхнем этаже 250 солдат, в нижнем — гражданское ополчение. Он указывает на то, что поступление и отправка оружия из цейхгауза, как главного арсенала всего прусского государства, почти не были прерваны мартовской революцией.

После всех этих предварительных замечаний, которыми он хотел снискать симпатии соглашателей к такому крайне интересному учреждению, как цейхгауз, г-н Грисхейм подходит, наконец, к событиям 14 июня.

Внимание народа постоянно-де обращали на цейхгауз и на отправку оружия; народу внушали, что оружие якобы принадлежит ему.

Но ведь, действительно, это оружие принадлежало народу: во-первых, как национальная собственность и, во-вторых, как неотъемлемая часть завоеванного народом и гарантированного ему права на вооружение.

Г-н Грисхейм «может с определенностью заверить, что первые выстрелы были сделаны из рядов народа по гражданскому ополчению».

Это утверждение как две капли воды похоже на легенду о «семнадцати убитых солдатах» в мартовские дни.

Г-н Грисхейм рассказывает далее, как народ ворвался в цейхгауз, как гражданское ополчение отступило и как тогда «было *украдено* 1100 ружей новейшего образца, что является незаменимой потерей» (!). Капитана Нацмера уговорили отступить, т. е. *«нарушить свой долг»;* и войска отступили.

Тут г-н комиссар военного министерства переходит к тому месту своего сообщения, когда его старопрусское сердце обливается кровью: народ осквернил святыню старой Пруссии. Послушайте только:

«Но вот в верхних помещениях цейхгауза начались *самые настоящие ужасы:* там *крали, грабили и опустошали.* Новые ружья сбрасывались вниз и разбивались, *предметы древности,* которым нет цены, ружья, украшенные серебром и слоновой костью, искусно сделанные, трудно восстановимые артиллерийские модели были уничтожены, *добытые народной кровью трофеи и знамена,* с которыми *связана честь нации, разорваны и осквернены!»* (Всеобщее негодование; со всех сторон крики: пфуй! пфуй!)

Это негодование старого вояки по поводу народного легкомыслия производит поистине комическое впечатление. Народ совершил «настоящие ужасы» по отношению к старым остроконечным каскам, киверам ландвера и прочему хламу, «которому нет цены»! Он сбрасывал вниз «новое оружие»! Какой «ужас» в представлении поседевшего на службе подполковника, который только в цейхгаузе мог благоговейно созерцать «новое оружие», в то время как его полк производил учения с самыми устарелыми ружьями! Народ уничтожил артиллерийские модели! Не требует ли г-н Грисхейм, чтобы народ во время революции надевал лайковые перчатки? Но что самое ужасное— трофеи старой Пруссии были осквернены и разорваны!

Г-н Грисхейм повествует нам тут о факте, который свидетельствует о том, что 14 июня берлинский народ проявил

совершенно правильный революционный такт. Растоптав ногами захваченные под Лейпцигом и Ватерлоо знамена, народ Берлина тем самым отрекся от так называемых освободительных войн. Первое, что должны сделать немцы в своей революции, — это порвать со всем своим позорным прошлым.

Но старопрусское собрание соглашателей должно было, конечно, кричать «пфуй! пфуй!» по поводу поступка, означавшего первое революционное выступление народа не только против своих угнетателей, но и против блестящих иллюзий своего собственного прошлого.

Шумно возмущаясь подобным святотатством, г-н Грисхейм не забывает отметить, что вся эта история «стоила государству 50000 талеров и оружия для нескольких батальонов».

Он продолжает:

«Нападение на цейхгауз было вызвано вовсе не стремлением к вооружению народа. Оружие было распродано за какие-то гроши».

По мнению г-на Грисхейма, штурм цейхгауза был просто-напросто делом некоего числа воров, укравших ружья, чтобы продать их за водку. Но почему «грабители» разгромили именно цейхгауз, а не богатые лавки ювелиров и менял, этого комиссар военного министерства не счел нужным объяснить.

«По отношению к несчастному (!) капитану проявлено было живое участие за то, что он нарушил свой долг, только бы, как говорят, не пролить кровь граждан; больше того, это деяние изобразили как заслуживающее признательности и благодарности; сегодня его даже посетила депутация, которая требует, чтобы это деяние было признано заслуживающим благодарности всего отечества. (Возмущение.) Это были депутаты различных клубов во главе с асессором Шраммом. (Возмущение правых и крики «пфуй!») Совершенно бесспорно, что капитан нарушил первый и важнейший долг солдата — он оставил свой пост вопреки определенно данной ему инструкции не покидать его без особого приказа. Ему внушили, что своим отступлением он спасает трон, что все войска, будто бы, покинули город и что король бежал из Потсдама. (Возмущение.) *Он поступил подобно тому коменданту в 1806 г.*, который просто-напросто сдал вверенную ему крепость, вместо того, чтобы защищать ее. Что касается возражения, будто своим отступлением он помешал пролитию крови граждан, то оно отпадает само собой; никто не пострадал бы ни в малейшей степени, так как он сдал свой пост в тот самый момент, когда на помощь ему приближалась остальная часть батальона». (Крики «браво» справа, шиканье слева.)

Г-н Грисхейм, понятно, снова позабыл, что именно выдержка капитана Нацмера спасла Берлин от новой вооруженной борьбы, министров — от величайшей опасности, монархию — от гибели. Г-н Грисхейм снова оказывается типичным подполковником, который в поведении Нацмера не усматривает ничего другого, кроме нарушения субординации, трусливого оставления

своего поста и измены по известному старопрусскому образцу 1806 года. Человек, которому монархия обязана своим спасением, должен быть приговорен к смерти. Прекрасный пример для всей армии!

А как вело себя Собрание во время этого рассказа г-на Грисхейма? Оно было эхом его возмущения. Левая протестовала под конец— шиканьем. Берлинская левая ведет себя вообще все трусливее, все двусмысленнее. Эти господа, которые использовали народ на выборах, — где были они ночью 14 июня, когда народ просто по беспомощности своей вскоре вновь лишился завоеванных им преимуществ и когда ему недоставало только вождя, чтобы одержать полную победу? Где были тогда гг. Берендс, Юнг, Эльснер, Штейн, Рейхенбах? Они отсиживались дома или делали безобидные представления министрам. И это еще не все! Они не осмелились даже защитить народ от клеветы и оскорблений со стороны правительственного комиссара. Ни один оратор не выступил. Ни один не пожелал взять на себя ответственность за выступление народа, которое принесло им первую победу. Они отваживаются только на — *шиканье!* Какой героизм!

Написано Ф. Энгельсом 19 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 20, 20 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПОПРАВКА ШТУППА

Кёльн, 20 июня. Г-н *Штупп* из *Кёльна* внес к закону о *неприкосновенности депутатов* поправку, которая не обсуждалась в согласительном собрании, но, пожалуй, небезынтересна для его кёльнских сограждан. Мы не хотим лишить их удовольствия полностью насладиться этим произведением законодательного искусства.

Поправка депутата Штуппа

§ 1. «Ни один депутат Собрания не может быть каким бы то ни было образом привлечен к ответственности за свое участие в голосовании или за высказанные им, в качестве депутата, слова и мнения».

Поправка: «Вычеркнуть слово «слова» в третьей строке».

Обоснование: «Достаточно, чтобы депутат имел право свободно высказывать свое *мнение.* Под выражение «слова» могут быть подведены также оскорбления чести, которые дают оскорбленному право на *гражданский иск.* Защита депутатов от такого рода жалоб кажется мне противоречащей достоинству и чести Собрания».

Достаточно, если депутат *совсем* не высказывает *никакого мнения,* а только топает ногами и голосует. В самом деле, почему не вычеркнуть также и *«мнения»?* Ведь мнения должны быть выражены «словами» и могут быть выражены даже «оскорбительными для чести» словами; к тому же под выражение «мнения» могут быть *«подведены»* также оскорбительные для чести мнения.

§ 2. «Ни один депутат Собрания за все время существования последнего не может быть без санкции Собрания привлечен к ответственности или арестован за какое-либо действие, подлежащее наказанию, исключая случаи, когда он арестовывается в момент совершения преступления или

в течение 24 часов после него. — Такая же санкция необходима при аресте за долги».

Поправка: «Вычеркнуть заключительную фразу: «Такая же санкция необходима при аресте за долги»».

Обоснование: «Здесь налицо *вмешательство в частные права граждан,* санкционирование которого мне представляется опасным. Как бы ни была велика заинтересованность Собрания в том, чтобы иметь в своей среде того или иного депутата, я все же считаю, что уважение к *частным правам* имеет еще большее значение.

В особенности же следует иметь в виду, что этот закон мы принимаем не для будущего, т. е. не для депутатов какой-либо будущей палаты, а *для нас* самих. Предположим, что в нашей среде есть депутаты, могущие опасаться ареста за долги; в таком случае на наших избирателей, без сомнения, произвело бы скверное впечатление, если бы мы пожелали при помощи закона, принятого нами самими, оградить себя от *законного* преследования со стороны наших кредиторов».

Или, скорее, наоборот! На г-на Штуппа производит скверное впечатление, что избиратели послали «в нашу среду» депутатов, которые могут быть арестованы за долги. Какое счастье для *Мирабо* и *Фокса,* что при их жизни не действовало законодательство Штуппа! Одно-единственное затруднение слегка смущает г-на Штуппа, а именно — «заинтересованность Собрания в том, чтобы иметь в своей среде того или иного депутата». *Интерес народа* — впрочем, кто станет говорить о нем? Речь идет лишь об интересах «замкнутой корпорации», желающей иметь данное лицо в своей среде, тогда как кредитор желает видеть его в тюрьме. Коллизия двух важных интересов! Г-н Штупп мог бы более ясно сформулировать свою поправку: лица, обремененные долгами, могут быть избраны народными представителями только с разрешения соответствующих кредиторов. В любой момент они могут быть отозваны своими кредиторами. А в последней инстанции Собрание и правительство зависят от высочайшего решения *государственных кредиторов.*

Вторая *поправка* к § 2:

«Ни один депутат Собрания без согласия последнего не может во время его заседаний подвергаться преследованию или аресту со стороны властей за какое-либо наказуемое действие, исключая арест на месте преступления».

Обоснование: «Прежде всего, слово «Собрание» употреблено в смысле корпорации, а потому выражение «время существования последнего» представляется неподходящим, и я предлагаю: «время его заседаний».

Вместо «действие, подлежащее наказанию», представляется более подходящим выражение: «наказуемое действие».

Я придерживаюсь того мнения, что мы не должны исключать возможность *гражданских исков* по поводу наказуемых действий, потому что в противном случае мы позволили бы себе вмешательство в *частные права.* Поэтому и предлагается добавить «со стороны властей».

Если останется добавление «или в течение ближайших 24 часов и т. д.», то судья сможет арестовать любого депутата в течение 24 часов после совершения какого-либо проступка».

Законопроект обеспечивает неприкосновенность депутатов на время существования Собрания, поправка г-на Штуппа — во «время его заседаний», т. е. в течение 6, самое большее 12 часов в сутки. И какая остроумная мотивировка! Можно говорить о *времени заседания,* а не о *времени существования корпорации!*

Г-н Штупп не хочет допускать без согласия Собрания ни преследования, ни ареста депутатов со *стороны властей.* Следовательно, он позволяет себе вторгаться в область *уголовного права.* Другое дело преследование *в порядке гражданского иска!* Только бы не вмешательство в область гражданского права! Да здравствует гражданское право! То, что не подобает государству, подобает, оказывается, частному лицу! Гражданский иск превыше всего! Гражданский иск — это навязчивая идея г-на Штуппа. Гражданское право — это заповеди Моисея и пророков! Клянитесь гражданским правом, в особенности — гражданским иском! Народ, уважай святая святых!

Нет никакого вмешательства частного права в область публичного права, но бывают «опасные» вмешательства публичного права в область частного права. Для чего вообще нужна еще конституция, раз у нас есть Code civil[61], гражданские суды и адвокаты?

§ 3. «Всякое уголовное преследование против депутата Собрания и всякое тюремное заключение прекращаются на время заседаний, если этого требует Собрание».

К § 3 — поправка, следующим образом изменяющая формулировку:

«Всякое уголовное преследование против депутата Собрания и всякий арест, состоявшийся вследствие этого, если только он не последовал в силу *судебного постановления,* должны быть немедленно прекращены, поскольку Собрание постановит это».

Обоснование: «Полагаю, что нет намерений выпускать из тюрьмы таких депутатов, которые уже приговорены судебным постановлением к тюремному заключению».

«Если эта поправка будет принята, то она распространится и на тех, кто находится под арестом за долги».

Разве может быть у Собрания преступное намерение парализовать «силу судебного постановления» или даже призвать в свою среду человека, находящегося «под арестом» за долги? Г-н Штупп содрогается перед таким покушением на гражданский иск и на силу судебного постановления. Все вопросы, связанные с народным суверенитетом, нашли теперь свое разрешение. Г-н Штупп провозгласил *суверенитет гражданского иска и гражданского права.* Как жестоко отрывать такого

человека от занятий гражданским правом и бросать его в *подчиненную* сферу законодательной власти! Суверенный народ совершил это «опасное» вмешательство в область «частного права». Г-н Штупп предъявляет поэтому гражданский иск народному суверенитету и публичному праву.

А император Николай может спокойно повернуть вспять. При первой же попытке перехода через прусскую границу навстречу ему выйдет депутат Штупп, держа в одной руке «гражданский иск», а в другой — «судебное постановление». Ибо, — провозгласит он с надлежащей торжественностью, — война, что такое война? Опасное вмешательство в область частного права! Опасное вмешательство в область частного права!

Написано 20 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №21, 21 июня I848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

НОВАЯ ПОЛИТИКА В ПОЗНАНИ

Кёльн, 20 июня. Опять новый поворот в познанском вопросе! После стадии возвышенных обещаний и восторженных прокламаций, после стадии Виллизена наступила стадия Пфуля с шрапнелью, с клеймением и бритыми головами[62], стадия кровавой бани и русского варварства. После стадии Пфуля теперь наступает новая стадия примирения!

Майор *Ольберг,* начальник генерального штаба в Познани и главный участник резни и клеймения, неожиданно против своего желания переведен в другое место. Генерал *Коломб* тоже против своего желания переводится из Познани в Кёнигсберг. Генерал *Пфуль* (Адский камень) вызван в Берлин, а обер-президент *Бёйрман* уже прибыл туда.

Таким образом, Познань совершенно покинута рыцарями с адским камнем в гербе и с бритвой в руках, храбрецами, которые из надежного прикрытия расстреливали шрапнелью на расстоянии в 1000 и 1200 шагов беззащитных крестьян, вооруженных косами. Немецко-еврейские ненавистники поляков трепещут; как раньше поляки, так теперь они видят, что правительство их предало.

У министерства Кампгаузена внезапно открылись глаза. Опасность русского вторжения показывает ему теперь, какую громадную ошибку оно сделало, предоставив поляков ярости бюрократии и померанского ландвера. Теперь оно хотело бы любой ценой вновь снискать симпатии поляков — теперь, когда уже слишком поздно!

Итак, вся кровавая истребительная война против поляков, со всеми жестокостями и варварством, которые покрыли вечным

позором имя немцев, справедливая смертельная ненависть поляков к нам, неизбежный теперь русско-польский союз против Германии, союз, благодаря которому враги революции усилены храбрым 20-миллионным народом, — все это произошло и было сделано только для того, чтобы г-н Кампгаузен, в конце концов, имел случай пробормотать свое pater, peccavi*?

Неужели г-н Кампгаузен думает, что теперь, когда он нуждается в поляках, он сможет сладкими речами и уступками вновь снискать их симпатии, потопленные в крови? Неужели он думает, что люди с клеймами на руках станут когда-либо сражаться за него, что люди с обритыми лбами станут ради него подставлять их под русские сабли? Неужели он в самом дело думает, что сможет когда-либо повести против русской картечи тех, кто уцелел от прусской шрапнели?

И неужели г-н Кампгаузен думает, что он может еще оставаться у власти после того, как он сам столь недвусмысленно признал свою непригодность?

Написано Ф. Энгельсом 20 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 21, 21 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — отец, я согрешил. *Ред.*

ПАДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА КАМПГАУЗЕНА

Кёльн, 22 июня.

«Как ярко солнце ни свети,
А все ж оно должно зайти»[63].

И солнце 30 марта[64], окрашенное горячей польской кровью, тоже зашло.

Министерство Кампгаузена облачило контрреволюцию в свой буржуазно-либеральный наряд. Контрреволюция чувствует себя достаточно сильной, чтобы сбросить эту стеснительную маску.

Какое-нибудь нежизнеспособное министерство левого центра может, пожалуй, на сколько-то дней сменить министерство 30 марта. Но подлинным его преемником является *министерство принца Прусского*. Кампгаузену принадлежит честь даровать абсолютистско-феодальной партии ее естественного шефа, а себе самому — преемника.

К чему дольше возиться с буржуазными опекунами?

Разве русские войска не стоят на восточной границе, а прусские — на западной? Разве поляки при помощи шрапнели и адского камня не подготовлены для русской пропаганды?

Разве не приняты все меры, чтобы повторить пражскую бомбардировку почти во всех рейнских городах?

Разве в датской и польской войнах, во многих мелких столкновениях между войсками и народом армия не имела достаточно возможности превратиться в разнузданную солдатню?

Разве буржуазия не устала от революции? И разве не высится среди моря скала, на которой контрреволюция будет воздвигать свою церковь, — *Англия?*

Министерство Кампгаузена пытается выклянчить еще хоть на грош популярности, возбудить сочувствие общества своими уверениями, что оно, *обманутое,* сходит с арены государственной деятельности. И в самом деле, перед нами обманутый обманщик. Служа крупной буржуазии, оно должно было стремиться обманным путем уничтожить демократические завоевания революции; в борьбе с демократией оно должно было вступить в союз с аристократической партией и стать орудием ее контрреволюционных вожделений. Аристократическая партия достаточно окрепла, чтобы выбросить за борт своего покровителя. *Г-н Кампгаузен посеял реакцию в духе крупной буржуазии, а пожал ее в духе феодальной партии.* Таково было доброе намерение этого человека, и такова его злая участь. Хоть на грош популярности для обманутого в своих ожиданиях героя!

Хоть на грош популярности!

Как ярко солнце ни свети,
А все ж оно должно зайти.

Однако оно снова всходит на *востоке.*

Написано 22 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 23, 23 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПЕРВОЕ ДЕЯНИЕ ГЕРМАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВО ФРАНКФУРТЕ

Кёльн. Германское Национальное собрание, наконец-то, зашевелилось! Оно приняло, наконец, решение, имеющее непосредственное практическое значение: оно вмешалось в австро-итальянскую войну.

И как же оно это сделало? Провозгласило независимость Италии? Отправило в Вену курьера с приказом Радецкому и Вельдену тотчас же отступить за Изонцу? Обратилось с поздравительным адресом к миланскому временному правительству?[65]

Ничего подобного! Оно заявило, что *всякое нападение на Триест будет им рассматриваться как повод к войне.*

Это значит, что германское Национальное собрание, в сердечном согласии с Союзным сеймом, разрешает австрийцам совершать в Италии величайшие насилия, грабить, убивать, забрасывать зажигательными ракетами каждый город, каждую деревню (см. рубрику *Италия),* а затем в полной безопасности отступать на нейтральную территорию Германского союза! Оно позволяет австрийцам в любую минуту с германской территории наводнять Ломбардию хорватами и пандурами[66], но хочет воспретить итальянцам преследовать разбитых австрийцев в их убежищах! Оно позволяет австрийцам блокировать из Триеста Венецию, а также устья Пьяве, Бренты, Тальяменто, но строжайше запрещает итальянцам какие бы то ни было враждебные действия против Триеста!

Германское Национальное собрание не могло совершить более трусливого поступка, чем принятие этого решения. У него не хватило мужества на то, чтобы открыто санкционировать войну против Италии. Еще менее оказалось у него мужества,

чтобы запретить австрийскому правительству ведение этой войны. В этом затруднительном положении оно приняло — и притом криками одобрения, чтобы громким шумом заглушить свою скрытую тревогу, — решение о Триесте, которое по форме не одобряет и не осуждает войны против итальянской революции, но по существу одобряет эту войну.

Это решение есть косвенное, а потому вдвойне позорное для такой сорокамиллионной нации, как немецкая, *объявление войны Италии.*

Решение Франкфуртского собрания вызовет бурю негодования во всей Италии. Если итальянцы способны проявить хоть сколько-нибудь гордости и энергии, они ответят бомбардировкой Триеста и походом на Бреннер.

Но Франкфуртское собрание предполагает, а французский народ располагает. Венеция обратилась за помощью к Франции; после этого решения французы, пожалуй, скоро перейдут через Альпы, и тогда мы в недалеком будущем увидим их на Рейне.

Один из депутатов упрекнул Франкфуртское собрание в бездействии. Напротив, оно уже так много потрудилось, что мы ведем одну войну на севере и другую на юге, а войны на западе и на востоке стали неизбежными. Мы стоим перед приятной перспективой — одновременно вести борьбу против царя и против Французской республики, против реакции и против революции. Собрание позаботилось о том, чтобы русские и французские, датские и итальянские солдаты устроили себе встречу в соборе св. Павла во Франкфурте. А еще говорят, будто Собрание бездействует!

Написано Ф. Энгельсом 22 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 23, 23 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

КАБИНЕТ ГАНЗЕМАНА

Кёльн, 23 июня. Новый поворот министерского кризиса в Берлине! Нашему *Ганземану* поручено составить кабинет; вместе с обломками старого министерства, с *Патовым, Борнеманом, Шлейницем* и *Шрекквништейном,* он в умилении бросится в объятия левого центра. В этой новой комбинации должен принять участие г-н *Родбертус,* который в качестве посредника должен обеспечить раскаявшимся остаткам министерства Кампгаузена милость и прощение левого центра.

По милости г-на Родбертуса наш прусский Дюшатель видит исполнение своих самых заветных желаний — он становится премьер-министром. Лавры Кампгаузена не давали ему спать; теперь, наконец, он получит возможность показать, на что он способен, когда может без помех расправить свои крылья. Теперь мы сможем восхищаться всем великолепием его грандиозных финансовых планов, его бесконечными проектами уничтожения всякой нужды и нищеты — теми самыми планами, о которых он так много наболтал своим депутатам. Лишь теперь он в состоянии посвятить государству всю полноту своих талантов, которые он раньше столь блестяще и успешно развивал в качестве железнодорожного деятеля, а также и на других поприщах. Теперь-то уж посыплются градом вопросы о доверии кабинету!

Г-н Ганземан превзошел свой прообраз: благодаря самопожертвованию г-на Родбертуса он становится премьер-министром, тогда как Дюшатель им никогда не был. Но мы предостерегаем его. У Дюшателя были свои основания постоянно оставаться по видимости на втором плане. Дюшатель знал, что

более или менее образованные сословия страны, как в палате, так и вне ее, нуждаются в велеречивом рыцаре «больших дебатов», в каком-нибудь Гизо или Кампгаузене, который в любом случае сумеет усыпить совесть и завоевать сердца всех слушателей соответствующими аргументами, философскими рассуждениями, политическими теориями и прочими пустыми фразами. Дюшатель охотно уступал своему болтливому идеологу ореол председательства в кабинете министров. Суетный блеск не имел для него цены, ему важно было обладать действительной практической властью, и он знал: там, где был *он,* была действительная власть. Г-н Ганземан пытается действовать по-иному; что ж, ему виднее. Но повторяем: председательство в кабинете министров — неподходящее место для Дюшателя.

Однако чувство грусти охватывает нас, когда мы подумаем, как скоро г-н Ганземан слетит со своей головокружительной высоты. Ибо прежде чем кабинет Ганземана сформировался, прежде чем ему удалось насладиться хоть на миг Своим существованием, он уже обречен на гибель.

«Палач стоит у порога»[67];

реакция и русские стучатся в дверь, и прежде чем трижды пропоет петух, кабинет Ганземана падет, несмотря на Родбертуса и несмотря на левый центр. Тогда прощай, председательство в кабинете министров, тогда прощайте, финансовые планы и грандиозные проекты уничтожения нужды; всех их поглотит бездна, и благо г-ну Ганземану, если он сможет спокойно возвратиться к своему скромному буржуазному очагу и предаться размышлениям о том, что жизнь — это сон.

Написано 23 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 24, 24 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«NEUE BERLINER ZEITUNG» О ЧАРТИСТАХ

Кёльн, 23 июня. «Neue Berliner Zeitung»[68] сообщает нам в своем первом номере всякого рода диковинные вещи из Англии. Хорошо быть оригинальным; заслугой «Neue Berliner Zeitung» является, по крайней мере, то, что она совершенно по-новому изображает положение дел в Англии. Сперва говорится:

«О'Коннор, который, повидимому, в самом деле является человеком неумным и бесхарактерным, не пользуется здесь никаким уважением».

Мы не беремся решать, так ли много у О'Коннора ума и характера, как у «Neue Berliner Zeitung». Отпрыск древнеирландских королей, вождь великобританского пролетариата, может быть, в отношении этих достоинств и уступает образованной берлинке; что же касается уважения, то ты, о образованная берлинка, разумеется, права: как и все революционеры, О'Коннор обладает очень плохой репутацией; он никогда не умел так завоевывать себе уважение всех благомыслящих, как это сделала ты уже своим первым номером.

Затем берлинка продолжает:

«О'Коннел сказал, что у него» (т. е. у О'Коннора) «имеется, правда, энергия, но отсутствует логика».

Это опять-таки превосходно. Покойный Дан* был достойным человеком; логика его энергии состояла в том, что он ежегодно выжимал из карманов своих бедных земляков ренту в 30000 ф. ст.; логика о'конноровской агитации привела

* — Даниел О'Коннел. *Ред.*

пользующегося дурной славой чартиста только к продаже всех своих поместий.

«Г-н Джонс, второй вождь крайнего крыла чартистов, которого теперь разыскивают суды и которого нигде нельзя найти, не может даже представить поручителя за себя на сумму в 1000 ф. ст.».

Это — третья новость крайне образованной берлинки. В этих трех строках содержатся три крайне смехотворных утверждения. Во-первых, о поручительстве не может быть и речи, пока суды еще разыскивают кого-то. Во-вторых, г-н Эрнест Джонс уже две недели находится в Ньюгейте[69]; образованная берлинка, вероятно, была просто приглашена на чашку чая к какой-либо другой крайне образованной и осведомленной коллеге, когда, совсем недавно, вся английская буржуазная пресса выражала свою неистовую радость по поводу ареста Джонса. В-третьих, г-н Джонс, наконец, нашел все же человека, готового уплатить за него залог в 1000 ф. ст., а именно — того же самого неумного и бесхарактерного О'Коннора, но суды отказали О'Коннору на том основании, что он, как член парламента, не может быть поручителем.

В заключение берлинская газета заявляет, будто чартисты в небольших городах Англии нередко избивают друг друга. Дорогая берлинка, хоть бы ты разок почитала какую-нибудь английскую газету! Тогда бы ты увидела, что чартистам издавна доставляет гораздо больше удовольствия избивать полицию, чем друг друга.

Рекомендуем полную ума и характера «Neue Berliner Zeitung» особому вниманию наших читателей.

Написано 23 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 24, 24 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

УГРОЗА «GERVINUS-ZEITUNG» [70]

Кёльн, 24 июня.

«Если авторитет Франкфуртского собрания и его конституционных установлений сможет удержать Францию в узде, то *беда еще невелика;* Пруссия из своих восточных провинций восстановит свой авторитет и *при этом, вероятно, едва ли остановится перед временной утратой своей Рейнской провинции»* («Gervinus-Zeitung» от 22 июня).

Как дипломатично выражается берлинский корреспондент профессорской газеты! Пруссия восстановит *из* «своих восточных провинций свой авторитет». Где восстановит она свой авторитет? *В* восточных провинциях? Отнюдь нет, *из* восточных провинций. *В* Рейнской провинции? Еще меньше того. Потому что при этом *восстановлении* своего авторитета она рассчитывает *«на временную утрату Рейнской провинции»,* т. е. на временную *утрату* своего «авторитета» в Рейнской провинции.

Итак, она восстановит свой авторитет в *Берлине* и в *Бреславле.*

А почему она восстановит утраченный, повидимому, в Берлине и Бреславле авторитет не *при помощи* своей восточной провинции, почему она восстановит его *из* своей восточной провинции?

Россия не составляет *восточную провинцию* Пруссии, скорее Пруссия является *западной провинцией* России. Но *из* прусской восточной провинции, рука об руку с бравыми померанцами, русские отправятся в поход на *Содом* и *Гоморру* и вновь восстановят *«авторитет» Пруссии,* т. е. прусской династии, абсолютной королевской власти. «Авторитет» этот был утрачен с того дня, когда абсолютизм вынужден был поставить между собой

и *своим* народом обагренный плебейской кровью *«исписанный клочок бумаги»*[71], когда двору пришлось поставить себя под защиту и под надзор буржуазных торговцев зерном и шерстью[72].

Итак, друг и спаситель явится с востока; зачем же сосредоточивать войска на границе с этой стороны? Враг надвигается с запада, поэтому военные силы следует сосредоточить на западе. Наивный берлинский корреспондент *«Kolnische Zeitung»*[73] не может постичь геройского мужества *Пфуля,* бравого друга поляков, который принимает на себя миссию в Петербург, не имея за своей спиной охраны в 100000 солдат. *Пфуль бесстрашно* едет в Петербург! *Пфуль в Петербурге! Пфуль* не боится перейти русскую границу, а немецкая публика болтает о русских войсках, сосредоточенных у германской границы! Корреспондент «Kolnische Zeitung» жалеет немецкую публику. Но вернемся к нашей профессорской газете!

Если русские устремятся на помощь прусской династии с востока, то французы поспешат на помощь германскому народу с запада. И «Франкфуртское собрание» может спокойно продолжать дебаты о наилучшем порядке дня и наилучших «конституционных установлениях». Корреспондент «Gervinus-Zeitung» скрывает этот взгляд на вещи под цветистой фразой, «что Франкфуртское собрание и его конституционные установления» будут держать Францию «в узде». Пруссия *утратит* Рейнскую провинцию. Но зачем ей *останавливаться* перед этой утратой? Ведь последняя будет лишь «временной». Германский патриотизм еще раз отправится в поход под русской командой против романского Вавилона и надолго восстановит *«авторитет Пруссии»* также в Рейнской провинции и во всей Южной Германии. О ты, предчувствий полный ангел![74]

Если Пруссия не *«остановится перед временной утратой Рейнской провинции»,* то Рейнская провинция тем более не остановится перед *«постоянной»* утратой прусского господства. Если Пруссия заключит союз с русскими, то немцы заключат союз с французами и вместе с ними поведут войну Запада против Востока, цивилизации против варварства, республики против самодержавия.

Мы желаем единства Германии, но элементы этого единства могут выделиться только в результате распада больших немецких монархий. Эти элементы сольются воедино только в буре войны и революции. А конституционализм исчезает сам собой, как только *события* выдвигают *лозунг: самодержа-*

вие или республика. Но, — кричат нам в возмущении конституционные буржуа, — кто навлек на немцев угрозу со стороны русских? Кто другой, как не демократы? Долой демократов! — И они правы!

Если бы мы сами ввели у себя русскую систему, мы избавили бы русских от труда вводить ее, а себя — от *военных расходов.*

Написано 24 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 25,
25 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ЗАПИСКА ПАТОВА О ВЫКУПЕ

Кёльн, 24 июня. На согласительном заседании 20-го сего месяца, на том роковом заседании, на котором закатилось солнце Кампгаузена и наступил министерский хаос, г-н Патов представил записку об основных принципах, исходя из которых он предполагает регулировать устранение феодальных отношений в деревне.

Читая эту записку, никак не поймешь, почему в старопрусских провинциях давно уже не вспыхнула крестьянская война. Какая бездна повинностей, оброков, поборов, какая путаница средневековых названий, одно бессмысленнее другого! Сеньериальная власть [Lehnsherrlichkeit], посмертный побор [Sterbefall], лучшая голова скота [Besthaupt], курмед [Kurmede], десятина скотом [Blutzehnt], охранные деньги [Schutzgeld], вальпургиев чинш [Walpurgiszins], побор с пчел [Bienenzins], чинш воском [Wachspacht], поборы с захваченных вотчинником общинных угодий [Auenrecht], десятины [Zehnten], лаудемии [Laudemien], чинш с наследства [Nachschusrenten], — все это по сей день сохранялось в «самом благоустроенном государстве на свете» и сохранилось бы на веки веков, если бы французы не совершили февральскую революцию!

Да, большая часть этих повинностей, и как раз *самые обременительные* из них, сохранилась бы на веки веков, если бы все шло согласно желанию г-на Патова. Ведь для того этот департамент и был вверен г-ну Патову, чтобы он по возможности щадил захолустных юнкеров Бранденбурга, Померании и Силезии, а крестьян по возможности лишил обманным путем завоеваний революции!

Берлинская революция сделала все эти феодальные отношения навсегда невозможными. Крестьяне, само собой разумеется, сейчас же отменили их на практике. Правительству следовало только облечь в законную форму *фактически уже осуществленную волей народа отмену всех феодальных повинностей.*

Но прежде чем аристократия решится на четвертое августа, должны запылать ее замки. Правительство, в данном случае само представленное аристократом, высказалось в пользу аристократии; оно представляет Собранию записку, в которой требовалось от соглашателей, чтобы они предали теперь аристократии также и крестьянскую революцию, вспыхнувшую в марте по всей Германии. Правительство несет ответственность за последствия, которые вызовет в деревне применение принципов г-на Патова.

Ведь г-н Патов хочет, чтобы крестьяне заплатили выкуп за отмену всех феодальных повинностей, даже лаудемии! Лишь те повинности должны быть отменены без выкупа, которые вытекают из наследственной крепостной зависимости, из прежней системы налогов и из вотчинной юрисдикции, или же те, которые не представляют ценности для феодалов (как милостиво!); иначе говоря, *те* повинности, которые составляют ничтожнейшую часть всего феодального бремени.

Напротив, все выкупы феодальных повинностей, урегулированные уже путем договоров или судебных решений, сохраняют свою силу. Это значит, что крестьяне, которые выкупили свои повинности во время действия реакционных, благоприятных для дворянства законов, издававшихся начиная с 1816 и особенно с 1840 г., и которые при этом были обманным путем лишены своей собственности в пользу феодалов сначала с помощью закона, а затем с помощью подкупленных чиновников, — что они не получат никакого возмещения.

А для того, чтобы крестьянам пустить пыль в глаза, должны быть учреждены рентные банки[75].

Если бы все шло, как хочется г-ну Патову, то при его законах феодальные повинности так же не были бы отменены, как они не были выкуплены при старых законах 1807 года.

Действительный заголовок проекта г-на Патова, это — «Записка о сохранении на вечные времена феодальных повинностей посредством выкупа».

Правительство провоцирует крестьянскую войну. Быть может, Пруссия *«не остановится»* даже перед «*временной утратой» Силезии*.

Написано 24 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 25, 25 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ВОССТАНИЯ

Прага. Каждый день приносит новые подтверждения правильности нашего взгляда на характер пражского восстания (см. № 18 нашей газеты*); становится очевидным, что подозрения, высказанные немецкими газетами по адресу чешской партии, будто бы она служит реакции, аристократии, России и т. п., являются чистейшей ложью.

Видели только графа Лео Туна с его аристократами, но не видели массы чешского народа—многочисленных промышленных рабочих и крестьян. Из того, что в какой-то момент аристократия попыталась использовать чешское движение в своих интересах и в интересах инсбрукской камарильи, сделали вывод, будто бы революционный пражский пролетариат, который уже в 1844 г. в течение трех дней был полным хозяином Праги[76], отстаивал интересы дворянства и реакции вообще!

Однако все подобные клеветнические измышления окончательно опровергнуты первым же решительным выступлением со стороны чехов. Восстание было столь определенно демократическим, что графы *Тун* не только не встали во главе движения, но тотчас же отошли от него и были задержаны народом как австрийские заложники. Оно было столь определенно демократическим, что все чехи, сторонники аристократии, отшатнулись от него. Оно было направлено в такой же мере против чешских феодалов, как и против австрийской солдатни.

Австрийцы напали на народ не потому, что он чешский, а потому, что он *революционный* народ. Для военщины штурм

---

* См. настоящий том, стр. 83—85. *Ред.*

Праги был только прологом, за которым должно было последовать предание огню и штурм Вены.

«Berliner Zeitungs-Halle»[77] сообщает в корреспонденции из *Вены* от 20 июня:

«Сегодня возвратилась делегация, посланная в Прагу здешним Комитетом горожан[78] с одним-единственным поручением — следить за передачей телеграфных сообщений, чтобы нам больше не приходилось, как в последние дни, ждать целые сутки известий из Праги. Делегация доложила комитету о своей поездке. Она сообщила нечто ужасное о хозяйничанье солдатни в Праге. Она не находит слов для описания ужасов осады, бомбардировки и штурма этого города. С опасностью для жизни добрались делегаты на лошадях с последней перед Прагой железнодорожной станции до города и с неменьшей опасностью пробрались через ряды войск к пражскому дворцу.

Повсюду солдаты встречали их возгласами: «И вы здесь, венские собаки! Наконец-то вы нам попались!» Многие солдаты хотели напасть на делегацию; даже офицеры вели себя неописуемо грубо. Наконец, делегаты прибыли во дворец. Граф Вальмоден взял документ об их полномочиях, выданный комитетом, взглянул на подпись и сказал: *«Пиллерсдорф?* он для нас здесь ничего не значит». Виндишгрец встретил штатских каналий суровее, чем когда-либо, и сказал: *«Революция победила всюду, но здесь победителями являемся мы, и никаких гражданских властей мы не признаем.* Пока я был в Вене, там было спокойно. Стоило лишь мне уехать, как поднялась буря, которая все перевернула». У делегатов было отобрано оружие, сами они были заключены в одну из комнат дворца. Только через два дня они получили разрешение выйти оттуда; оружие им возвращено не было. Вот что рассказали наши делегаты, вот как обращался с ними пражский Тилли, вот каково поведение войск, а здесь еще делают вид, будто верят, что это только борьба против чехов! Но разве делегаты говорили почешски? Разве они не были одеты в форму венской национальной гвардии? Разве они не предъявили полномочий от министерства и от Комитета горожан, получившего от правительства законодательные права?

Но революция сделала слишком большие успехи. Виндишгрец считает себя единственным человеком, способным поставить ей преграду. Чехов расстреливают как собак и выжидают только благоприятного момента, чтобы выступить против Вены. Почему Виндишгрец освободил Лео Туна, того самого Лео Туна, который встал во главе пражского временного правительства, который проповедовал даже отпадение Богемии?

Почему, спрашиваем мы, он был освобожден из рук чехов, как не потому, что все его действия были маневром, затеянным по сговору с аристократией для того, чтобы спровоцировать восстание?

Третьего дня из Праги отправился поезд. С этим поездом уезжали немецкие беженцы-студенты, венские национальные гвардейцы и некоторые семьи, бежавшие из Праги, которые, очевидно, чувствовали себя там не очень-то хорошо, несмотря на восстановленное спокойствие. На первой же станции после Праги расположенный там военный пикет потребовал, чтобы все пассажиры без исключения сдали оружие; получив отказ, солдаты открыли огонь по вагонам, стреляя в беззащитных мужчин, женщин и детей. Шесть трупов было вынесено из вагонов; пассажиры стирали со своих лиц кровь убитых. Так поступила с немцами та солдатня, которую здесь пытаются изобразить как ангела-хранителя немецкой свободы».

Написано Ф. Энгельсом 24 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 25, 25 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 11, 1955 г.

ВЕСТИ ИЗ ПАРИЖА

Кёльн, 24 июня, 10 часов вечера. Почта из Парижа от 23-го не получена. Курьер, которому удалось добраться сюда, рассказывает, что во время его отъезда из Парижа там началось сражение между народом и национальной гвардией и что на некотором расстоянии от города он слышал сильную канонаду.

Написано 24 июня 1848 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 25, 25 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВЕСТИ ИЗ ПАРИЖА

Кёльн, 25 июня, 10 часов вечера. Почта из Парижа снова не получена; прибывшие сегодня парижские газеты датированы 23-м; при регулярной работе почты они должны были быть здесь уже вчера вечером. Единственные источники, которыми мы располагаем при этих обстоятельствах, — это сбивчивые и противоречивые сообщения бельгийских газет, а также наше собственное знание Парижа. Основываясь на этом, мы попытались нарисовать нашим читателям возможно более верную картину восстания 23 июня.

Для дальнейших комментариев у нас нет времени. Наше подробное суждение о событиях, а также более полный отчет о заседании парижского Собрания от 23-го мы сообщим завтра.

Написано 25 июня 1848 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 26, 26 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПОДРОБНОСТИ СОБЫТИЙ 23 ИЮНЯ

Восстание носит характер настоящего рабочего восстания. Гнев рабочих обрушился на правительство и Собрание, которые обманули их надежды, ежедневно принимали все новые меры в интересах буржуазии против рабочих, распустили рабочую комиссию в Люксембургском дворце, ограничили деятельность национальных мастерских, издали закон о запрещении сборищ[79]. Все подробности событий говорят об определенно пролетарском характере восстания.

Бульвары, эта главная жизненная артерия Парижа, первые стали ареной скопления масс. От ворот Сен-Дени вниз до улицы Вьей дю Тампль все было запружено толпой. Рабочие из национальных мастерских заявили, что они не поедут в Солонь, в тамошние национальные мастерские; другие рассказывали, что они вчера отправились туда, однако задержались уже у заставы Фонтенбло, где тщетно ожидали выдачи проездных свидетельств и приказа о выезде, обещанных им накануне вечером.

Около 10 часов раздался призыв строить баррикады. Восточный и юго-восточный районы Парижа, начиная от квартала и предместья Пуассоньер, были быстро забаррикадированы, но, повидимому, это было сделано еще довольно беспорядочно и без общего плана. Улицы Сен-Дени, Сен-Мартен, Рамбюто, Фобур-Пуассоньер и на левом берегу Сены подступы к предместьям Сен-Жак и Сен-Марсо — улицы Сен-Жак, Лагарп, Ла-Юшетт и прилегающие мосты — были в большей или меньшей степени укреплены. На баррикадах были водружены знамена с надписью «Хлеб или смерть!» или *«Работа или смерть!»*.

Таким образом, восстание определенно опиралось на восточную часть города, населенную преимущественно рабочими: прежде всего на предместья Сен-Жак, Сен-Марсо, Сент-Антуан, Тампль, Сен-Мартен п Сен-Дени, на «aimables faubourgs»[80], а затем на расположенные между ними части города (кварталы Сент-Антуан, Маре, Сен-Мартен и Сен-Дени).

Вслед за постройкой баррикад начались стычки. Сторожевой пост на бульваре Бон-Нувель, который почти при каждой революции в первую очередь подвергался нападению, занимала мобильная гвардия[81]. Народ обезоружил этот пост.

Однако вскоре на выручку подошла буржуазная гвардия западных кварталов. Она вновь заняла пост. Другой отряд занял тротуар перед театром Жимназ — возвышенное место, господствующее над значительным отрезком линии бульваров. Народ пытался разоружить выдвинутые вперед посты, но пока ни одна сторона еще не прибегала к оружию.

Наконец, был получен приказ взять баррикаду, воздвигнутую поперек бульвара у ворот Сен-Дени. Национальная гвардия во главе с полицейским комиссаром продвинулась вперед; начались переговоры; раздалось несколько выстрелов, с какой стороны — неизвестно, и тут же завязалась перестрелка.

Немедленно вслед за этим открыл огонь и пост Бон-Нувель. Батальон второго легиона, занимавший бульвар Пуассоньер, также двинулся вперед с заряженными ружьями. Народ был окружен со всех сторон. Национальная гвардия открыла сильный перекрестный огонь по рабочим со своих выгодных и местами безопасных позиций. Рабочие защищались в течение получаса; в конце концов были захвачены бульвар Бон-Нувель и баррикады до ворот Сен-Мартен. В этом районе к 11 часам национальная гвардия захватила также баррикады со стороны Тампля и заняла подступы к бульвару.

Героями, бравшими штурмом эти баррикады, были буржуа из второго округа, простирающегося от бывшего Пале-Рояля[82] и охватывающего все предместье Монмартр. Его населяют богатые владельцы магазинов с улиц Вивьенн, Ришельё и с Итальянского бульвара, крупные банкиры с улиц Лафит и Бержер и живущие в свое удовольствие рантье с Шоссе-д'Антен. Здесь живут Ротшильд и Фульд, Ружмон де Лованбер и Ганнерон. Словом, здесь находится биржа, Тортони[83] и все, что с ними так или иначе связано.

Эти герои, которым красная республика угрожала прежде всего и больше всего, первыми оказались на месте. Знаменательно, что *первая баррикада 23 июня была взята теми, кто потерпел поражение 24 февраля.* Они наступали в количе-

стве трех тысяч человек, и четыре роты брали штурмом опрокинутый омнибус. Между тем инсургентам, повидимому, удалось вновь укрепиться у ворот Сен-Дени, так как около полудня генерал Ламорисьер вынужден был выступить с сильными отрядами мобильной гвардии, линейных войск, кавалерии и с двумя пушками, чтобы совместно со вторым легионом (национальной гвардией 2-го округа) взять хорошо укрепленную баррикаду. Взвод мобильной гвардии был вынужден отступить под натиском инсургентов.

Бой на бульваре Сен-Дени явился сигналом к схваткам во всех восточных районах Парижа. Бой был кровавый. Свыше 30 инсургентов было убито и ранено. Возмущенные рабочие поклялись следующей ночью начать наступление со всех сторон и не на жизнь, а на смерть бороться против «муниципальной гвардии республики».

В 11 часов бой происходил также на улице Планш-Мибре (продолжение улицы Сен-Мартен по направлению к Сене); один человек был убит.

В районе Центрального рынка, улицы Рамбюто и др. дело также дошло до кровавых столкновений. Четыре или пять убитых остались на месте.

В час дня произошла стычка на улице Паради-Пуассоньер; огонь открыла национальная гвардия; результат неизвестен. В предместье Пуассоньер после кровавого столкновения были разоружены два унтер-офицера национальной гвардии.

Улица Сен-Дени была очищена в результате кавалерийских атак.

В предместье Сен-Жак после полудня борьба велась с крайним ожесточением. На улицах Сен-Жак и Лагарп, на площади Мобер баррикады подвергались атакам с переменным успехом и *усиленно обстреливались картечью.* В предместье Монмартр войска также стреляли из пушек.

В общем инсургенты были оттеснены. Ратуша оставалась свободной; к трем часам район восстания ограничивался предместьями и кварталом Маре.

Впрочем, среди находившихся под ружьем национальных гвардейцев можно было встретить лишь *немногих не в военной форме* (т. е. рабочих, которые не имеют денег для приобретения формы). Зато среди них были люди, имевшие *дорогое оружие,* охотничьи ружья и т. п. Кавалеристы национальной гвардии (к которым всегда принадлежала молодежь из самых богатых семейств) также находились в рядах пехоты. На бульваре Пуассоньер национальные гвардейцы спокойно позволили народу разоружить себя и спаслись бегством.

В пять часов борьба еще продолжалась, но проливной дождь внезапно приостановил ее.

В отдельных местах, однако, сражение продолжалось до позднего вечера. В девять часов еще слышны были ружейные выстрелы в Сент-Антуанском предместье — этом центре рабочего Парижа.

До сих пор борьба не велась еще со всей ожесточенностью решительной революционной битвы. Национальная гвардия, за исключением второго легиона, повидимому, в большинстве случаев не решалась нападать на баррикады. Рабочие, несмотря на всю свою ярость, понятно, ограничивались обороной своих баррикад.

Обе стороны, таким образом, разошлись вечером, назначив встречу на следующее утро. Первый день борьбы не дал правительству никаких преимуществ; оттесненные инсургенты могли в течение ночи вновь овладеть потерянными позициями, что они действительно и сделали. Зато против правительства свидетельствовали два серьезных факта: оно стреляло картечью и не смогло подавить мятеж в первый день. Но после обстрела картечью и после ночи, которая принесла не победу, а только перемирие, — *кончается мятеж и начинается революция.*

Написано Ф. Энгельсом 25 июня 1848 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 26, 26 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 3 1940 г.

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ПАРИЖА

Кёльн, 26 июня. Известия, только что полученные из Парижа, занимают так много места, что мы вынуждены опустить все статьи комментирующего характера.

Поэтому всего несколько слов нашим читателям. *Ледрю-Роллен и Ламартин,* а также их министры — *в отставке; военная диктатура Кавеньяка* перенесена из Алжира в Париж; *Марраст — гражданский диктатор; Париж залит кровью; восстание* разрастается в *величайшую революцию из всех, которые когда-либо происходили,* в *революцию пролетариата против буржуазии* — таковы последние известия, полученные нами из Парижа. Этой грандиозной по масштабам *июньской революции* мало трех дней, как *июльской* и *февральской революциям,* но *победа народа более несомненна, чем когда-либо. Французская буржуазия решилась на то, на что никогда не решались французские короли: она сама бросила жребий.* Этим *вторым актом французской революции,* только начинается *европейская трагедия.*

Написано 26 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 27, 27 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ГАЗЕТА «NORTHERN STAR» О «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» [84]

Орган английских чартистов, газета *«Northern Star»,* редактируемая Фергюсом *О'Коннором,* Дж. Джулианом *Гарни* и Эрнестом *Джонсом,* в своем последнем номере выражает одобрение тому, как «Neue Rheinische Zeitung» относится к английскому народному движению и как она вообще отстаивает интересы демократии.

Мы выражаем благодарность редакторам «Northern Star» за их дружественный и подлинно демократический отзыв о нашей газете. В то же время мы заверяем их, *что революционная «Northern Star»* является единственной английской газетой, одобрением которой мы дорожим.

Написано 26 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 27, 27 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

23 ИЮНЯ

Мы продолжаем узнавать множество новых подробностей относительно боев 23 июня. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, неисчерпаем; время, однако, позволяет нам сообщить только самое существенное и характерное.

Июньская революция представляет картину ожесточенной борьбы, еще невиданной ни в Париже, ни во всем мире. Из всех революций, имевших место до настоящего времени, самыми жаркими боями были ознаменованы мартовские дни в Милане, где почти безоружное население в 170000 человек разбило 20—30-тысячную армию. Но мартовские дни в Милане — детская игра в сравнении с июньскими днями в Париже.

Июньскую революцию отличает от всех предшествовавших революций *полное отсутствие каких бы то ни было иллюзий, какой бы то ни было восторженности.*

Если в феврале народ стоял на баррикадах с песней «Mourir pour la patrie»*, то 23 июня рабочие борются за свое существование, и отечество потеряло для них всякое значение. «Марсельеза» исчезла вместе с другими воспоминаниями о великой революции. И народ и буржуазия чувствуют, что революция, в которую они теперь вступают, более великая, чем революция 1789 и 1793 годов.

Июньская революция—революция отчаяния, и она протекает в молчаливом гневе, в мрачном хладнокровии отчаяния. Рабочие знают, что они ведут *борьбу не на жизнь, а на смерть,*

---

* — «Умереть за отечество». *Ред.*

и перед грозной суровостью этой борьбы умолкает даже веселое остроумие французов.

В истории известны только два момента, подобные той борьбе, которая, вероятно, в настоящее время еще происходит в Париже: это война рабов в Риме и лионское восстание 1834 года. Старый лионский лозунг «Жить, работая, или умереть, сражаясь» внезапно ожил вновь через четырнадцать лет и теперь начертан на знаменах.

Июньская революция — первая революция, которая действительно расколола все общество на два больших враждебных лагеря, представленных восточным и западным Парижем. Исчезло единение февральской революции — то поэтическое единение, полное ослепительных иллюзий и обольстительной лжи, достойным воплощением которого был сладкоречивый предатель Ламартин. Теперь перед лицом неумолимо суровой действительности теряют силу все лицемерные обещания 25 февраля. Февральские бойцы сражаются теперь друг против друга, и — чего еще никогда не бывало — не существует больше безразличия, каждый человек, способный носить оружие, действительно сражается по *эту* или по *ту* сторону баррикады.

Армии, сражающиеся на улицах Парижа, столь же многочисленны, как и армии, сражавшиеся в Лейпцигской битве народов[85]. Уже одно это доказывает громадное значение июньской революции.

Перейдем, однако, к описанию самой борьбы.

Судя по нашим вчерашним сведениям, можно было подумать, что баррикады строились довольно беспорядочно. Но из сегодняшних подробных сообщений выясняется обратное. Никогда еще оборонительные сооружения рабочих не были построены с таким строгим расчетом, так планомерно.

Город разделился на два военных лагеря. Разграничитель-пая линия между ними начиналась у северо-восточной окраины города, шла от Монмартра вниз до ворот Сен-Дени и оттуда вдоль улицы Сен-Дени, через остров Сите, вдоль улицы Сен-Жак до заставы. Все пространство на восток от этой линии было занято и укреплено рабочими. С запада наступала буржуазия, и оттуда же она получала подкрепления.

С раннего утра народ молча начал воздвигать баррикады. Они были выше и крепче, чем когда-либо. На баррикаде при входе в Сент-Антуанское предместье развевалось громадное красное знамя.

Бульвар Сен-Дени был очень сильно укреплен. Баррикады на бульваре, на улице Клери, а также прилегающие дома, превращенные в настоящие крепости, представляли цельную

оборонительную систему. Здесь, как мы уже сообщали вчера, разразился первый серьезный бой. Народ сражался с невиданным презрением к смерти. Сильный отряд национальной гвардии напал с фланга на баррикаду улицы Клери. Большая часть защитников баррикады отступила. Только семь мужчин и две женщины, две молодые красивые гризетки, остались на местах. Один из этих семи поднимается на баррикаду со знаменем в руках; остальные начинают стрелять. Национальная гвардия открывает ответный огонь; знаменосец падает. Тогда одна из гризеток, высокая, красивая девушка в изящной одежде, с обнаженными руками, подхватывает знамя, перебирается через баррикаду и идет по направлению к национальной гвардии. Огонь продолжается, буржуа из национальной гвардии стреляют в девушку и убивают ее в тот момент, когда она вплотную подходит к их штыкам. Тотчас же подбегает вторая гризетка, схватывает знамя, поднимает голову своей подруги и, убедившись в том, что она мертва, в ярости бросает камни в национальных гвардейцев. И она также падает под выстрелами буржуа. Перестрелка усиливается, стреляют из окон, из-за баррикады; ряды национальной гвардии редеют; но вот подходит подкрепление, и баррикаду берут штурмом. Из семи защитников баррикады в живых остался только один; его обезоружили и взяли в плен. Эту геройскую победу над семью рабочими и двумя гризетками одержали франты и биржевые волки из второго легиона.

После соединения обоих отрядов и взятия баррикады наступила кратковременная устрашающая тишина. Но вскоре она была прервана. Храбрая национальная гвардия открывает сильную стрельбу взводами против безоружной и спокойной массы людей, занимавшей часть бульвара. Люди в ужасе разбегаются. Но баррикады не были взяты. Только около трех часов, когда подошел Кавеньяк с линейными войсками и кавалерией, после долгой борьбы бульвар был занят до ворот Сен-Мартен.

Ряд баррикад был построен в предместье Пуассоньер, в частности на углу улицы Лафайета, где многие дома также служили крепостями для инсургентов. Восставшими командовал один офицер национальной гвардии. Против них наступали 7-й полк легкой пехоты, мобильная гвардия и национальная гвардия. Полчаса длился бой; наконец, войска победили, но лишь после того, как потеряли около 100 человек убитыми и ранеными. Это сражение произошло после трех часов пополудни.

Баррикады были построены также против Дворца юстиции на улице Константины и на прилегающих улицах, а также на

мосту Сен-Мишель, где развевалось красное знамя. После продолжительной борьбы были взяты и эти баррикады.

Диктатор Кавеньяк приказал артиллерии занять позиции на мосту Нотр-Дам. Отсюда он обстреливал улицы Планш-Мибре и Сите; отсюда он легко мог двинуть орудия против баррикад улицы Сен-Жак.

Эта улица была перерезана многочисленными баррикадами, и ее дома были превращены в настоящие крепости. Здесь могла действовать только артиллерия, и Кавеньяк ни минуты не поколебался пустить ее в ход. Всю вторую половину дня раздавался грохот пушек. Картечь сметала все живое на улице. В семь часов вечера оставалось взять лишь одну баррикаду. Число убитых было очень велико.

На мосту Сен-Мишель и на улице Сент-Андре-дез-Ар тоже стреляли из пушек. В самом конце северо-восточной окраины города, на улице Шато-Ландон, куда отважилась продвинуться одна войсковая часть, также была разрушена артиллерийским огнем одна баррикада.

После полудня перестрелка в северо-восточных предместьях все усиливалась. Жители пригородов Ла-Виллет, Пантен и др. пришли на помощь восставшим. Баррикады непрестанно воздвигались снова и снова в очень большом количестве.

В Сите рота республиканской гвардии[86], под предлогом братания с инсургентами, пробралась между двумя баррикадами и затем открыла огонь. Народ в ярости набросился на предателей и истребил их одного за другим. Не более двадцати из них сумели спастись бегством.

Повсюду борьба становилась все более ожесточенной. Пока было светло, везде стреляли из пушек; позднее ограничивались ружейной перестрелкой, которая длилась до глубокой ночи. Еще в 11 часов по всему Парижу били тревогу, а в полночь еще слышна была перестрелка в стороне Бастилии. Площадь Бастилии и все подступы к ней целиком были во власти инсургентов. Сент-Антуанское предместье, главный центр их сил, было отлично укреплено. На бульварах, от улицы Монмартра до улицы Тампль, тесными рядами стояли кавалерия, пехота, национальная гвардия и мобильная гвардия.

В 11 часов вечера насчитывалось уже свыше 1000 человек убитых и раненых.

Это был первый день июньской революции, день, не имеющий себе равных в революционных анналах Парижа. Парижские рабочие боролись совершенно одни против вооруженной буржуазии, против мобильной гвардии, против вновь организованной республиканской гвардии и против линейных войск всех

родов оружия. Они выдержали бой с беспримерным мужеством, которое может сравниться лишь со столь же беспримерной жестокостью их врагов. Становишься снисходительным к какому-нибудь Хюзеру, Радецкому или Виндишгрецу, когда видишь, как парижская буржуазия с подлинным восторгом участвует в кровавой бойне, организованной Кавеньяком.

В ночь с 23-го на 24-е Общество прав человека[87], вновь восстановленное 11 июня, постановило использовать восстание в интересах *красного знамени* и соответственно с этим решило принять в нем участие. Оно собралось поэтому на заседание, на котором были выработаны необходимые меры и были избраны два непрерывно действующих комитета.

Написано Ф. Энгельсом 27 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 28, 28 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

24 ИЮНЯ

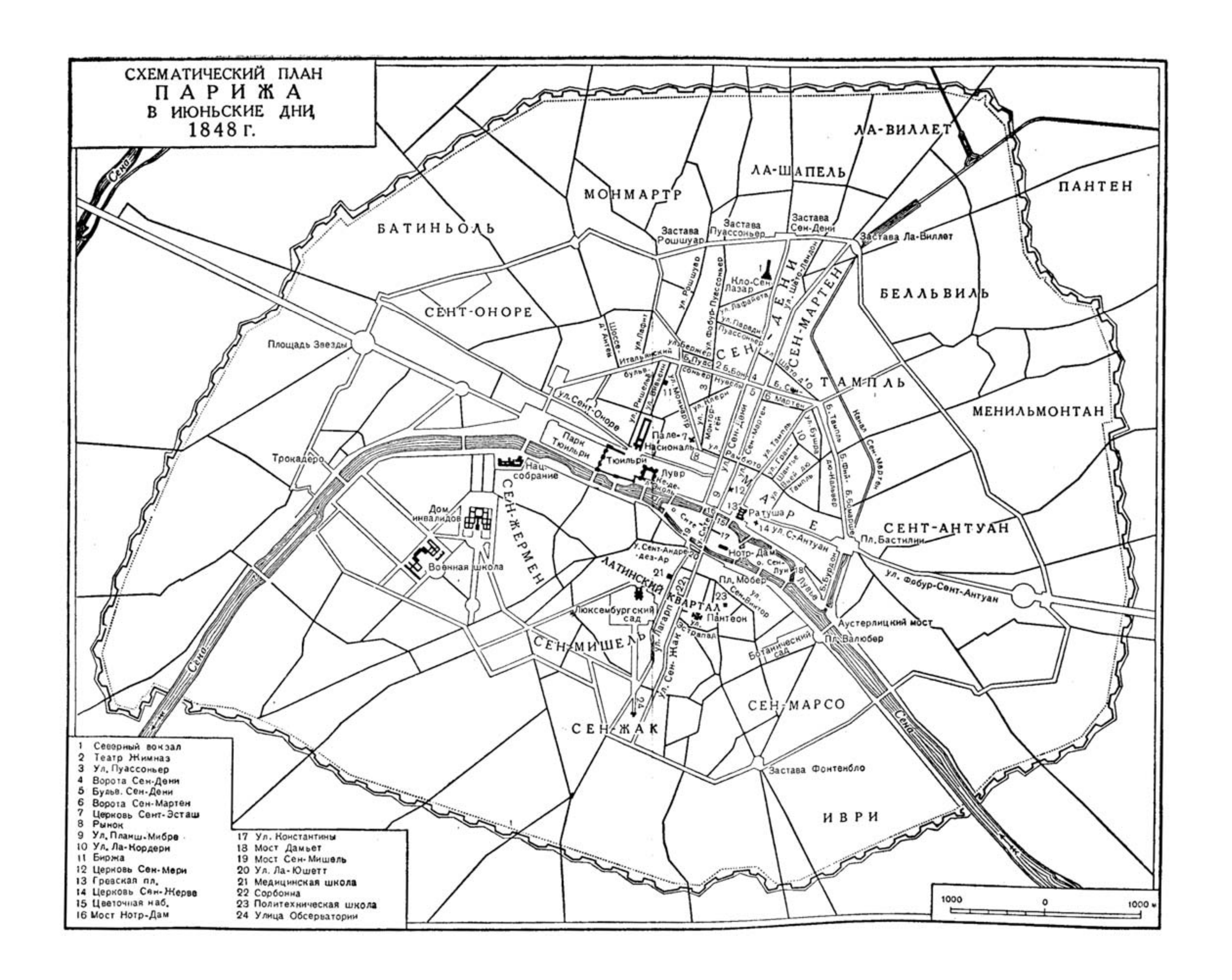
Всю ночь Париж был наводнен войсками. Сильные воинские пикеты расположились на площадях и на бульварах.

В четыре часа утра раздался сигнал тревоги. Офицер и несколько рядовых из национальной гвардии заходили во все дома и вызывали национальных гвардейцев своей роты, которые не явились добровольно.

В это же время вновь раздается гром канонады, всего сильнее в районе моста Сен-Мишель, который служит средством связи между инсургентами левого берега и инсургентами Сите. Генерал Кавеньяк, облеченный сегодня утром диктаторскими полномочиями, горит желанием использовать эти полномочия для подавления мятежа. Накануне артиллерия пускалась в ход только в виде исключения, и стреляли большей частью только картечью; сегодня же артиллерийскому обстрелу подвергаются повсюду не только баррикады, но и дома; стреляют не только кар-течью, но и *пушечными ядрами, гранатами* и *ракетами Конгрива.*

В северной части предместья Сен-Дени с утра начался сильный бой. Вблизи Северного вокзала инсургенты занимали строившийся дом и несколько баррикад. Первый легион национальной гвардии начал атаку, но не добился, однако, никакого успеха. Он расстрелял свои боевые припасы, потерял около 50 человек убитыми и ранеными и едва удержал свои позиции до подхода артиллерии (около 10 часов), которая до основания разрушила дом и баррикады. Войска снова заняли Северный вокзал. Однако бой в этой местности (называемой Кло-Сен-Лазар[*], что «Kol-

[*] См. настоящий том, стр. 135. *Ред.*

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН
ПАРИЖА
В ИЮНЬСКИЕ ДНИ
1848 г.
ЛА-ВИЛЛЕТ
ЛА-ШАПЕЛЬ
МОНМАРТР
ПАНТЕН
БАТИНЬОЛЬ
Застава Рошшуар
Застава Пуассоньер
Застава Сен-Дени
Застава Ла-Виллет
Кло-Сен-Лазар
БЕЛЛЬВИЛЬ
СЕНТ-ОНОРЕ
СЕН-ДЕНИ
СЕН-МАРТЕН
Площадь Звезды
ТАМПЛЬ
МЕНИЛЬМОНТАН
ул. Сент-Оноре
Пале-Насиональ
Парк Тюильри
Тюильри
Лувр
Трокадеро
Нац. собрание
СЕН-ЖЕРМЕН
Дом инвалидов
Военная школа
МАРЕ
Ратуша
Нотр-Дам
о. Сите
о. Сен-Луи
СЕНТ-АНТУАН
Пл. Бастилии
ул. Фобур-Сент-Антуан
ЛАТИНСКИЙ КВАРТАЛ
Пл. Мобер
Пантеон
Люксембургский сад
Аустерлицкий мост
Пл. Валюбер
Ботанический сад
СЕН-МИШЕЛЬ
СЕН-МАРСО
СЕН-ЖАК
Застава Фонтенбло
ИВРИ
Сена
1000 0 1000 м
1 Северный вокзал
2 Театр Жимназ
3 Ул. Пуассоньер
4 Ворота Сен-Дени
5 Бульв. Сен-Дени
6 Ворота Сен-Мартен
7 Церковь Сент-Эсташ
8 Рынок
9 Ул. Планш-Мибре
10 Ул. Ла-Кордери
11 Биржа
12 Церковь Сен-Мери
13 Гревская пл.
14 Церковь Сен-Жерве
15 Цветочная наб.
16 Мост Нотр-Дам
17 Ул. Константины
18 Мост Дамьет
19 Мост Сен-Мишель
20 Ул. Ла-Юшетт
21 Медицинская школа
22 Сорбонна
23 Политехническая школа
24 Улица Обсерватории

nische Zeitung» перевела как «двор Сен-Лазар») еще долго продолжался и велся с большим ожесточением. «Это настоящая бойня», — пишет корреспондент одной бельгийской газеты. У застав Рошшуар и Пуассоньер возвышались мощные баррикады; на улице Лафайета укрепления были вновь восстановлены и взяты лишь после полудня в результате артиллерийского обстрела.

На улицах Сен-Мартен, Рамбюто и Гран-Шантье баррикады также удалось взять лишь при помощи артиллерии.

Кафе Кюизинье против моста Сен-Мишель разрушено артиллерийским обстрелом.

Главный бой произошел, однако, около трех часов пополудни на Цветочной набережной, где известный магазин готового платья «Бель жардиньер» был занят 600 повстанцами и превращен в крепость. Артиллерия и линейная пехота начинают атаку. Снесен угол стены. Кавеньяк, который сам командует здесь обстрелом, предлагает инсургентам сдаться, угрожая в противном случае всех уничтожить. Инсургенты отказываются сдаться. Канонада возобновляется, и в конце концов пускаются в ход зажигательные ракеты и гранаты. Дом разрушен до основания, восемьдесят инсургентов погребены под развалинами.

В предместье Сен-Жак, в районе Пантеона, рабочие также забаррикадировались со всех сторон. Каждый дом приходилось брать осадой, как в Сарагосе[88]. Попытки диктатора Кавеньяка взять дома приступом были настолько безуспешны, что этот свирепый алжирский солдафон пригрозил сжечь их, если засевшие в них инсургенты не сдадутся.

В Сите девушки стреляли из окон по солдатам и по гражданскому ополчению. И здесь пришлось пустить в ход гаубицы, чтобы добиться хоть какого-нибудь успеха.

Одиннадцатый батальон мобильной гвардии, который пожелал сражаться на стороне инсургентов, был уничтожен войсками и национальной гвардией. Так, по крайней мере, говорят.

К полудню перевес был решительно на стороне восставших. Все предместья и пригороды Батиньоль, Монмартр, Ла-Шапель, Ла-Виллет, одним словом, вся окраинная часть Парижа от Батиньоля до Сены и большая часть левого берега Сены были в их руках. Они захватили здесь 13 пушек, однако не пустили их в ход. В центре, в Сите и в конце улицы Сен-Мартен, они пробивались к городской ратуше, которую защищали сильные отряды войск. И несмотря на это, заявил в палате Бастид, городская ратуша, возможно, через час будет-де занята инсургентами; под влиянием паники, которую вызвало это известие,

было решено учредить диктатуру и объявить осадное положение. Едва получив диктаторские полномочия, Кавеньяк прибег к мерам крайней жестокости, каких никогда еще не применяли в цивилизованном городе, на какие не решался даже Радецкий в Милане. Народ опять был слишком великодушен. Если бы он на зажигательные ракеты и гаубицы ответил поджогами, то к вечеру был бы победителем. Но народ и не подумал воспользоваться тем же оружием, каким действовали его враги.

Боевые припасы инсургентов состояли главным образом из пироксилина, который изготовляли в большом количестве в предместье Сен-Жак и в Маре. На площади Мобер была устроена мастерская, где отливали пули.

Правительство непрерывно получало подкрепления. Всю ночь к Парижу подходили войска: прибыла национальная гвардия из Понтуаза, Руана, Мёлана, Манта, Амьена, Гавра. Подтянуты были войска из Орлеана, артиллерия и саперы — из Арраса и Дуэ, один полк прибыл из Орлеана. 24-го утром в городе было получено 500000 патронов и 12 орудий из Венсенна; но железнодорожные рабочие на Северной дороге разобрали путь между Парижем и Сен-Дени, чтобы невозможно было больше подвозить подкрепления.

При помощи этих соединенных сил и посредством мер неслыханной жестокости во второй половине дня 24-го удалось оттеснить инсургентов.

С каким ожесточением сражалась национальная гвардия и как хорошо она понимала, что дело идет об ее существовании, видно из того, что не только Кавеньяк, но сама национальная гвардия *собиралась поджечь* весь квартал Пантеона!

У наступавших войск было три командных пункта: ворота Сен-Дени, где командовал генерал Ламорисьер, ратуша, где находился генерал Дювивье с 14 батальонами, и площадь Сорбонны, откуда генерал Дамем вел наступление на предместье Сен-Жак.

К полудню были заняты подступы к площади Мобер, а сама площадь была окружена. В час дня площадь была занята; при этом погибло пятьдесят человек из мобильной гвардии! В это же время, после сильной и продолжительной канонады, был взят или, лучше сказать, был сдан Пантеон. Тысяча пятьсот инсургентов, забаррикадировавшихся здесь, сдались, вероятно, вследствие угрозы г-на Кавеньяка и разъяренной буржуазии предать огню весь квартал.

«Защитники порядка» между тем продвигались все дальше по бульварам и занимали баррикады на прилегающих улицах.

На улице Тампль рабочих оттеснили до угла улицы Ла-Кордери. На улице Бушра еще продолжалось сражение, как и по ту сторону бульвара, в предместье Тампль. На улице Сен-Мартен еще слышались отдельные ружейные выстрелы. На Пуант Сент-Эсташ еще держалась одна баррикада.

Около 7 часов вечера к генералу Ламорисьеру подошли два батальона национальной гвардии из Амьена, которые он тотчас же послал окружить баррикады за Шато д'О. В это время предместье Сен-Дени было уже очищено и спокойно, как и почти весь левый берег Сены. Инсургентов окружили в части квартала Маре и в Сент-Антуанском предместье. Между тем оба эти квартала отделены друг от друга бульваром Бомарше и находящимся позади него каналом Сен-Мартен, который был доступен для войск.

Генерал Дамем, командовавший мобильной гвардией, был ранен пулей в бедро у баррикады на улице Эстрапад. Рана не опасна. Депутаты Биксио и Дорнес тоже не так серьезно ранены, как думали вначале.

Рана генерала Бедо также легкая.

К 9 часам предместья Сен-Жак и Сен-Марсо были, в сущности, уже захвачены. Бой был необычайно ожесточенным. В это время здесь командовал генерал Бреа.

Генерал Дювивье в городской ратуше действовал с меньшим успехом. Однако и здесь инсургенты были оттеснены.

Генерал Ламорисьер, несмотря на упорное сопротивление, очистил до застав предместья Пуассоньер, Сен-Дени и Сен-Мартен. Только в Кло-Сен-Лазар рабочие еще держались; они забаррикадировались в больнице Луи-Филиппа.

Такое же сообщение сделал председатель Национальному собранию в половине десятого вечера. Однако он несколько раз сам себе противоречил. Он признавал, что в предместье Сен-Мартен еще продолжается сильная перестрелка.

Итак, к вечеру 24-го положение было таково:

Инсургенты еще владели примерно половиной территории, занятой ими утром 23-го. В эту территорию входила восточная часть Парижа, предместья Сент-Антуан, Тампль, Сен-Мартен и Маре. Их форпосты составляли Кло-Сен-Лазар и несколько баррикад у Ботанического сада.

Вся остальная часть Парижа находилась в руках правительства.

Что особенно бросается в глаза в этой отчаянной борьбе — это ярость, с которой сражались «защитники порядка». Эти люди, которые прежде с такой слабонервной чувствительностью относились к пролитию каждой капли «крови граждан»,

которые даже ударялись в сентиментальность по поводу смерти солдат муниципальной гвардии[89] 24 февраля,—эти самые буржуа расстреливали теперь рабочих, как диких зверей. В рядах национальной гвардии, в Национальном собрании ни слова сострадания, ни слова примирения, ни малейшей сентиментальности, напротив — взрыв бешеной ненависти, холодная ярость по отношению к восставшим рабочим. Буржуазия совершенно сознательно ведет против них войну на уничтожение. Одержит ли она теперь кратковременную победу или будет разбита, — так или иначе, рабочие отплатят ей страшной местью. После таких боев, какие происходили в эти три июньских дня, возможен только *терроризм*—с той или с другой стороны.

Написано Ф. Энгельсом 27 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 28, 28 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

25 ИЮНЯ

С каждым днем борьба становилась все более напряженной, ожесточенной и яростной. Буржуазия с тем большим озлоблением выступала против инсургентов, чем яснее становилось, что ее жестокости не приводят немедленно к цели, чем больше она сама уставала от боев, ночных караулов и бивуаков, чем ближе подходил час ее окончательной победы.

Буржуазия объявила рабочих не просто врагами, которых следует победить, а *врагами общества,* которых следует уничтожить. Она распространяла абсурдную клевету, будто рабочие, которых она сама же насилием спровоцировала на восстание, думают только о грабежах, поджогах и убийствах, что рабочие— это шайка разбойников, которых следует пристрелить как диких зверей. Между тем инсургенты, которые в течение 3 дней держали в своих руках значительную часть города, вели себя в высшей степени благородно. Если бы они пустили в ход такие же жестокие средства, как предводительствуемые Кавеньяком буржуа и их холопы, Париж был бы превращен в груду развалин, но восставшие одержали бы победу.

Какое варварство проявила буржуазия в этой борьбе, видно из всех подробностей восстания. О картечи, гранатах и зажигательных ракетах нечего и говорить; твердо установлено, что *на большинстве захваченных баррикад побежденным не давали никакой пощады.* Буржуа убивали всех без исключения, кто попадался им под руку. 24-го вечером на улице Обсерватории было без суда и следствия расстреляно свыше 50 захваченных в плен инсургентов. «Это истребительная война», — восклицает корреспондент «Independance belge», которая сама

является буржуазной газетой. На всех баррикадах царила уверенность, что всех инсургентов без исключения прикончат на месте. Когда Ларошжаклен заявил в Национальном собрании, что необходимо как-то рассеять это убеждение, буржуа не дали ему даже договорить и подняли такой шум, что председатель вынужден был надеть свой головной убор и прервать заседание. Когда потом сам г-н Сенар (см. ниже сообщение о заседании Собрания) захотел сказать несколько лицемерных слов о милосердии и примирении, снова поднялся такой же шум. Буржуа и слышать не хотели о пощаде. Несмотря на опасность потерять из-за бомбардировки часть своей собственности, они твердо решили раз и навсегда покончить с врагами порядка, с грабителями, разбойниками, поджигателями и коммунистами.

При этом они отнюдь не проявили того героизма, который всячески стараются им приписать буржуазные газеты. Из сегодняшнего сообщения о заседании Национального собрания[90] явствует, что в начале восстания национальная гвардия была парализована страхом; из сообщений всех газет самых разнообразных направлений, несмотря на все напыщенные фразы, видно, что в первый день восстания национальная гвардия явилась на сбор в очень небольшом количестве, что на второй и на третий день Кавеньяк вынужден был стаскивать национальных гвардейцев с постелей и с помощью ефрейтора и четырех солдат отправлять их в бой. Несмотря на фанатическую ненависть к восставшим рабочим, буржуа не могли побороть свою природную трусость.

Рабочие, напротив, сражались с невиданной храбростью. Несмотря на то, что им все труднее становилось возмещать свои потери, что их все больше теснили превосходящие силы противника, они ни на миг не поддавались усталости. Уже утром 25-го они должны были увидеть, что шансы на победу решительно оборачивались против них. Отовсюду в большом количестве прибывали все новые войска; в Париж стягивались крупные части национальной гвардии из пригородов и из более отдаленных городов. Линейных войск, участвовавших в сражении 25-го, было на 40000 человек больше обычного состава гарнизона; мобильная гвардия выставила от 20 до 25 тысяч человек; к этому надо добавить национальную гвардию Парижа и других городов, а также еще несколько тысяч человек республиканской гвардии. Общая численность вооруженных сил, которые выступили против восставших, составляла 25-го не менее 150—200 тысяч человек. Силы рабочих едва достигали одной четверти этого количества; кроме того, у рабочих было меньше боевых припасов, не было никакого военного руководства и

ни одной пригодной пушки. Но они молча, с отчаянной храбростью сражались против врага, обладавшего колоссальным перевесом сил. Все новые и новые массы солдат устремлялись в бреши, пробитые тяжелыми орудиями в баррикадах; рабочие встречали их молча; они всюду сражались до последнего человека, и тогда только баррикада переходила в руки буржуа. На Монмартре инсургенты заявили населению: либо они нас уничтожат, либо мы их уничтожим, но мы не отступим, и молите бога, чтобы мы победили, так как в противном случае мы сожжем весь Монмартр. Эта угроза, так и не приведенная в исполнение, изображается, конечно, как «гнусный план», тогда как гранаты и зажигательные ракеты Кавеньяка признаются «удачными военными мероприятиями, вызвавшими всеобщее восхищение»!

25-го утром инсургенты занимали следующие позиции: Кло-Сен-Лазар, предместья Сент-Антуан и Тампль, Маре и квартал Сент-Антуан.

Кло-Сен-Лазар (бывшее монастырское владение) представляет собой большой земельный участок, частично застроенный, частично занятый недостроенными домами, намеченными к прокладке улицами и т. д. В самой середине этого участка находится Северный вокзал. В этом квартале, где находится множество беспорядочно разбросанных зданий и имеется, кроме того, большое количество строительных материалов, инсургенты соорудили мощную крепость. Центром ее стала строящаяся больница Луи-Филиппа; они возвели огромные баррикады, которые, по словам очевидцев, являлись совершенно неприступными. За баррикадами находилась отрезанная и занятая инсургентами крепостная стена города. Отсюда их укрепления доходили до улицы Рошшуар или до района застав. Заставы Монмартра были сильно укреплены, Монмартр был целиком занят восставшими. Сорок пушек, которые в течение 2 дней обстреливали их, еще не смогли их сломить.

Снова целый день по этим укреплениям стреляли из 40 пушек; в конце концов, в 6 часов вечера две баррикады на улице Рошшуар были взяты, а вскоре после этого был захвачен и Кло-Сен-Лазар.

На бульваре Тампль мобильная гвардия в 10 часов утра захватила несколько домов, откуда инсургенты обстреливали наступавшие войска. «Защитники порядка» продвинулись примерно до бульвара Фий-дю-Кальвер. Между тем инсургентов в предместье Тампль оттесняли все дальше, канал Сен-Мартен был местами занят, и более широкие и прямые улицы были подвергнуты сильному артиллерийскому обстрелу со стороны

канала и со стороны бульвара. Бой был исключительно ожесточенным. Рабочие прекрасно сознавали, что враг нападает здесь на самый центр их позиций. Они яростно защищались. Им удавалось даже снова занимать потерянные ими ранее баррикады. Но после долгой борьбы они были разбиты противником, превосходившим их численностью и вооружением. Баррикады захватывались одна за другой; с наступлением ночи было взято не только предместье Тампль; продвигаясь по бульвару и каналу, враг овладел также подступами к предместью Сент-Антуан и несколькими баррикадами в этом предместье.

У ратуши медленно, но упорно наступал генерал Дювивье. Со стороны набережных он охватил с флангов баррикады улицы Сент-Антуан и одновременно обстреливал из тяжелых орудий остров Сен-Луи и прежний остров Лувье[91]. Здесь также происходил чрезвычайно ожесточенный бой, подробности которого, однако, неизвестны; имеются лишь сведения о том, что в четыре часа были взяты мэрия девятого округа и прилегающие к ней улицы, что баррикады на улице Сент-Антуан одна за другой брались штурмом и что был взят мост Дамьет, который является подступом к острову Сен-Луи. С наступлением ночи инсургенты в этом районе были отовсюду оттеснены и все подступы к площади Бастилии очищены.

Таким образом, инсургенты были выбиты из всех районов города, за исключением Сент-Антуанского предместья. Это была самая сильная их позиция. Многочисленные подступы к этому предместью — подлинному очагу всех парижских восстаний— были особенно искусно укреплены. Баррикады, построенные под углом друг к другу, так что одна прикрывала другую, поддерживаемые вдобавок перекрестным огнем из домов, представляли собой мощное препятствие для наступающих. Штурм этих баррикад должен был стоить огромного количества жертв.

Перед этими укреплениями расположились лагерем буржуа, или, вернее, их холопы. Сама национальная гвардия в этот день почти бездействовала. Действовали главным образом линейные войска и мобильная гвардия; национальная гвардия занимала спокойные и уже ранее захваченные части города.

Хуже всех вели себя республиканская и мобильная гвардия. Республиканская гвардия, реорганизованная и подвергнутая чистке, с большим ожесточением расправлялась с рабочими, в борьбе против которых она завоевывала себе славу республиканской муниципальной гвардии.

Мобильная гвардия, набранная главным образом из среды парижского люмпен-пролетариата, за короткое время своего существования, благодаря хорошей оплате, уже успела пре-

Neue Rheinische Zeitung.

Organ der Demokratie.

№ 29. Köln, Donnerstag 29. Juni 1848.

Die „Neue Rheinische Zeitung" erscheint vom 1. Juni an täglich. Bestellungen für das nächste Quartal, Juli bis September, wolle man baldigst machen.

Alle Postämter Deutschlands nehmen Bestellungen an.

Für Frankreich übernehmen Abonnements Herr **G. A. Alexandre**, Nr. 28, Brandgasse in Straßburg, und 23, rue Notre Dame de Nazareth in Paris; so wie das königliche Ober-Post-Amt in Aachen. Für England die HH. **J. J. Ewer** & Comp. 72, Newgate Street in London. Für Belgien und Holland die respekt. königlichen Briefpost-Aemter und das Postbüreau zu Lüttich.

Abonnementspreis in Köln vierteljährlich 1 Thlr. 15 Sgr., in allen übrigen Orten Preußens 2 Thlr. 3 Sgr. 9 Pf. Außerhalb Preußens mit Zuschlag des fremden Zeitungsportos. Inserate: die vierspaltige Petitzeile oder deren Raum 1 Sgr. 6 Pf.

Anzeigen aller Art erlangen durch die großen Verbindungen der Zeitung die weiteste Verbreitung.

Zu Nr. 28 der „Neuen Rheinischen Zeitung" ist am 28. Juni Morgens eine außerordentliche Beilage ausgegeben und versandt worden.

Französische Republik.

Der 25. Juni.

Westphalen.

Страница «Neue Rheinische Zeitung»

со статьей К. Маркса «Июньская революция»

вратиться в настоящую преторианскую гвардию, выступавшую всякий раз на стороне того, в чьих руках была власть. Организованный люмпен-пролетариат выступил против неорганизованного занятого трудом пролетариата. Как и следовало ожидать, люмпен-пролетариат предоставил себя в распоряжение буржуазии, подобно тому, как лаццарони в Неаполе предоставили себя в распоряжение Фердинанда*. Только те части мобильной гвардии, которые состояли из *настоящих* рабочих, перешли на сторону восставших.

Какое же гнусное впечатление производит все то, что происходит теперь в Париже! Недавних нищих, бродяг, жуликов, уличных мальчишек и карманных воров, ныне составляющих мобильную гвардию, — людей, которых в марте и апреле каждый буржуа считал долее нетерпимой бандой воров и разбойников, способной на любые преступления, — эту банду разбойников теперь балуют, превозносят, осыпают деньгами и наградами за то, что эти «юные герои», эти «дети Парижа», храбрость которых не поддается-де описанию, с необычайным мужеством взбирались на баррикады и т. д.; за то, что эти люди, которые не задумываясь сражались на баррикадах в феврале, теперь так же не задумываясь стреляли в пролетариев, как раньше в солдат; за то, что они были подкуплены и за тридцать су в день согласились расстреливать своих братьев! Хвала этим продажным бродягам, ибо за тридцать су в день они расстреливали лучшую, наиболее революционную часть парижских рабочих!

Храбрость, с которой сражались рабочие, поистине изумительна. От тридцати до сорока тысяч рабочих целых три дня держались против более восьмидесяти тысяч солдат и ста тысяч национальных гвардейцев, против картечи, гранат и зажигательных ракет, против «благородного» военного опыта генералов, не брезгавших применением алжирских методов! Рабочие разбиты, и значительная их часть зверски уничтожена. Их павшим борцам не будут оказаны такие почести, как жертвам июля и февраля; по история отведет им совершенно особое место, как жертвам первой решительной битвы пролетариата.

Написано Ф. Энгельсом 28 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 29, 29 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском ямке впервые опубликована в журнале «Большевик» № 14, 1940 г.

* См. настоящий том, стр. 18. *Ред.*

ИЮНЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Парижские рабочие *подавлены* превосходящими силами врагов, но не *сдались* им. Они *разбиты,* но их враги *побеждены.* Минутный триумф грубой силы куплен ценой крушения всех обольщений и иллюзий февральской революции, ценой распада всей старореспубликанской партии, ценой раскола французской нации на две нации — нацию имущих и нацию рабочих. Трехцветная республика отныне носит только *один цвет* — цвет побежденных, *цвет крови.* Она стала *красной республикой.*

Ни одного известного республиканца, будь то из «National»[92] или из «Reforme»[93], не было на стороне народа! Не имея других вождей, других средств, кроме самого восстания, народ оказывал сопротивление объединенным силам буржуазии и военщины дольше, чем какая-либо французская династия, обладающая всем военным аппаратом, сопротивлялась какой-нибудь части буржуазии, объединившейся с народом. Чтобы народ избавился от последних иллюзий, чтобы он совершенно порвал с прошлым, для этого нужно было, чтобы обычное поэтическое украшение французских восстаний — полная энтузиазма буржуазная молодежь, питомцы Политехнической школы, треугольные шляпы, встали на сторону угнетателей. Питомцы медицинского факультета отказывали раненым плебеям в помощи науки. Наука не для плебея, который совершил неслыханное, небывалое преступление, — вступил на этот раз в бой за свое собственное существование вместо того, чтобы проливать кровь за Луи-Филиппа или за г-на Марраста.

Последний официальный остаток февральской революции — Исполнительная комиссия[94] — рассеялся, как призрак, перед

лицом суровых событий; фейерверк Ламартина превратился в зажигательные ракеты Кавеньяка.

Вот оно — fraternitе, братство противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой, это fraternitе, возвещенное в феврале, огромными буквами начертанное на фронтонах Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме. Его истинным, неподдельным, его прозаическим выражением является *гражданская война,* гражданская война в своем самом страшном обличии — война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, истекал кровью, оглашался стонами.

Братство продолжалось только до тех пор, пока интересы буржуазии смыкались с интересами пролетариата. Педанты старой революционной традиции 1793 года; социалистические доктринеры, которые выпрашивали у буржуазии милостыню для народа и которым дозволено было читать длинные проповеди и компрометировать себя, пока нужно было убаюкивать пролетарского льва; республиканцы, которым требовался весь старый буржуазный порядок, но только без коронованного главы; династическая оппозиция[95], которой случай преподнес вместо смены министерства крушение династии; легитимисты[96], стремившиеся не сбросить ливрею, а только изменить ее покрой, — таковы были союзники, с которыми народ совершил свой февраль. То, что народ инстинктивно ненавидел в Луи-Филиппе, был не сам Луи-Филипп, а коронованное господство одного класса, капитал на троне. Но великодушный, как всегда, он вообразил, что уничтожил своего врага, свергнув лишь врага своих врагов, *общего* врага.

Февральская революция была *красивой* революцией, революцией всеобщих симпатий, ибо противоречия, резко выступившие в тот момент против королевской власти, еще дремали мирно, рядышком, находясь в *неразвитом виде,* ибо социальная борьба, составлявшая их подоплеку, достигла пока лишь призрачного существования, существования фразы, слова. *Июньская революция,* напротив, — революция *отвратительная,* отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнажила голову самого чудовища, сбив с него защищавшую и скрывавшую его корону.

Порядок! — таков был боевой клич Гизо. *Порядок!* — кричал гизотист Себастиани, когда Варшава была взята русскими. *Порядок!* — кричит Кавеньяк, это грубое эхо французского Национального собрания и республиканской буржуазии.

Порядок! — гремела его картечь, разрывая тело пролетариата.

Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на *порядок,* так как все они сохраняли классовое господство, рабство рабочих, сохраняли *буржуазный порядок,* как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот *порядок.* Горе Июню!

При *временном правительстве* было признаком хорошего тона, более того, было *необходимостью* внушать великодушным рабочим, тем самым рабочим, которые, как это было напечатано в тысячах официальных плакатов, *«предоставили в распоряжение республики три месяца нужды»,* — было одновременно политикой и фантазерством внушать им, что февральская революция совершена якобы *в их собственных интересах* и что в февральской революции речь идет прежде всего об *интересах рабочих.* С *открытием* Национального собрания наступили прозаические времена. Речь шла уже только о том, чтобы, как выразился министр Трела, *вернуть труд в его прежние условия.* Итак, рабочие сражались в феврале для того, чтобы быть ввергнутыми в пучину промышленного кризиса.

Деятельность Национального собрания сводится к тому, чтобы свести на нет результаты февраля, по крайней мере, для рабочих, и отбросить их назад, к старым отношениям. Но и этого не произошло, так как не во власти какого-нибудь собрания, как и не во власти короля, приказать промышленному кризису, принявшему всеобщий характер: *ни шагу дальше!* Национальное собрание в своем грубом старании покончить с досадной февральской фразеологией не провело даже *тех* мероприятий, которые были возможны на почве старых отношений. Парижских рабочих от 17 до 25 лет оно либо вынуждает поступать в армию, либо выбрасывает на мостовую; иногородних рабочих оно высылает из Парижа в Солонь, не уплатив даже причитающихся им при расчете денег; взрослым парижанам оно временно предлагает милостыню в организованных на военный манер мастерских, при условии отказа от участия в каких бы то ни было народных собраниях, т. е. при условии, что они перестанут быть республиканцами. Но ни сентиментальная риторика после февраля, ни жестокое законодательство после 15 мая[97] не достигли цели. Надо было решить вопрос на деле, на практике. Для кого же вы, канальи, совершили февральскую революцию, для *себя* или для *нас?* Буржуазия поставила вопрос так, что должен был последовать ответ июнем — картечью и баррикадами.

И тем не менее на все Национальное собрание, как выразился 25 июня один из народных представителей, напал столбняк. Депутаты были ошеломлены, когда вопрос и ответ затопили кровью мостовые Парижа; ошеломлены — одни потому, что их иллюзии рассеялись в пороховом дыму, другие—потому, что они не понимают, как это народ мог отважиться *самостоятельно* отстаивать свои *самые кровные* интересы. *Русские деньги, английские деньги, бонапартовский орел, королевские лилии,* амулеты всякого рода — вот в чем они искали объяснения этого события, непостижимого для их рассудка. Но *обе части* Собрания чувствуют, что их отделяет от народа непроходимая пропасть. Никто не осмеливается поднять голос в защиту народа.

Как только столбняк прошел, начинается приступ бешенства. Большинство с полным правом освистало жалких утопистов и лицемеров, которые, впадая в анахронизм, повторяют еще фразы о fraternite, о братстве. Ведь дело шло именно об отказе от этой фразы и тех иллюзий, которые порождаются ее двусмысленностью. Когда легитимист *Ларошжаклен,* этот рыцарски настроенный мечтатель, стал возмущаться низостью тех, кто провозглашает: «Vae victis!» *Горе побежденным!* — большинство Собрания было охвачено какой-то пляской св. Витта, словно его укусил тарантул. Оно кричит рабочим: *«Горе вам!»,* чтобы скрыть, что *«побежденным»* является не кто иной, как оно само. Либо оно должно теперь погибнуть, либо республика. И поэтому оно истошно воет: «Да здравствует республика!»

Должна ли глубокая пропасть, разверзшаяся перед нами, ввести нас, демократов, в заблуждение, заставив нас вообразить, будто борьба за форму государства бессодержательна, иллюзорна, никчемна?

Только слабые, трусливые умы могут так ставить вопрос. Конфликты, возникающие из самих условий буржуазного общества, должны быть преодолены в борьбе, их нельзя устранить с помощью фантазии. Лучшая форма государства — та, в которой общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно, следовательно, только искусственно, только по видимости. Лучшая форма государства — та, в которой эти противоречия доходят до открытой борьбы и тем самым находят свое разрешение.

Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народного гнева, для национальной гвардии, для мобильной гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск?

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты будут прославлять их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса объявит их бессмертными, европейская реакция будет превозносить их от востока до запада.

Но плебеи истерзаны голодом, оплеваны прессой, покинуты врачами, по милости «порядочных» ославлены ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети ввергнуты в еще более безграничную нищету; их лучшие представители из оставшихся в живых сосланы за море. Обвить лавровым венком их грозно-мрачное чело — это *привилегия,* это *право демократической печати.*

Написано К. Марксом 28 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 29, 29 июня 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«KOLNISCHE ZEITUNG» ОБ ИЮНЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кёльн, 30 июня. Рекомендуем прочесть следующие отрывки из «London Telegraph» и сравнить их с тем, что болтают немецкие либералы и в особенности гг. Брюггеман—Дюмон и Вольферс о парижской июньской революции; тогда станет ясно, что английские буржуа, не говоря о многих других преимуществах, по крайней мере, *тем* отличаются от *немецких мещан,* что судят о великих событиях, хотя и с буржуазной точки зрения, но все же как *взрослые люди,* а не как *уличные мальчишки.*

В № 122 «Telegraph» говорится:

«... А теперь ожидают, что мы выскажемся о причинах и результатах этого ужасного кровопролития. *С самого начала было ясно, что это настоящее сражение между двумя классами».* (Можно царство отдать за подобную мысль, — воскликнет про себя достойная «Kolnische» и ее «Вольферс».) «Это — восстание рабочих против правительства, созданного ими самими, и против класса, который в настоящее время поддерживает правительство. Труднее объяснить, из-за чего непосредственно разгорелась борьба, чем указать ее постоянные, существующие и поныне причины. *Февральская революция* была совершена главным образом *рабочим классом,* и было заявлено во всеуслышание, *что она была совершена в его интересах.* Это не столько политическая, сколько социальная революция. Масса недовольных рабочих не явилась на свет сразу, наделенная всеми качествами солдат. Их нужда и их недовольство также не были порождены исключительно событиями последних четырех месяцев. Еще в понедельник мы цитировали, может быть преувеличенное, но не вызвавшее возражений заявление г-на Леру в Национальном собрании, что во Франции существует 8 миллионов нищих и 4 миллиона рабочих, не имеющих определенного заработка. Он имел при этом в виду предреволюционное время и жаловался, что *после* революции ничего не предпринято против этого страшного зла. Теории социализма и коммунизма, сложившиеся во Франции и получившие теперь такое большое влияние на общественное мнение, выросли на почве ужасающей нужды, которую испытывали

громадное большинство народа в правление Луи-Филиппа. Основной вопрос, который нельзя упускать из виду, — это *бедственное положение народных масс; в этом-то и кроется действительная жизненная причина революции.* В Национальном собрании скоро было решено лишить рабочих тех преимуществ, которые политические деятели революции им так поспешно и необдуманно наобещали. Совершенно явно начиналась *сильная реакция социального* и даже *политического* характера. От власти, которую поддерживала большая часть Франции, требовали, чтобы *она удалила тех людей, которым эта власть была обязана своим существованием.* Сначала рабочим льстили, кормили их, затем разъединили, грозили им голодной смертью, удалили в провинцию, оторвав от привычных трудовых связей, и в конце концов создали план уничтожения их силы. Можно ли после этого удивляться раздражению рабочих? Конечно, никого не может удивить их уверенность, что они в состоянии совершить вторую, более успешную революцию. И их шансы на победу над вооруженными силами правительства, судя по длительности оказанного ими до сих пор сопротивления, были сильнее, чем многие предполагали. Из этого, а также из того обстоятельства, что среди народа не оказалось политических вождей, и из того факта, что высланные из Парижа рабочие, едва дойдя до застав, тотчас же возвращались обратно, можно заключить, что *восстание является результатом всеобщего недовольства рабочего класса, а не делом политических подстрекателей.* Рабочие считают, что их *собственное правительство* снова предало их интересы. Теперь, *как и в феврале,* они взялись за оружие, чтобы бороться с *ужасающей нуждой,* жертвой которой они были так долго.

Теперешняя борьба является лишь продолжением февральской революции. Она является продолжением охватившей всю Европу борьбы за более справедливое распределение ежегодно производимых продуктов труда. В Париже эта борьба теперь, вероятно, будет подавлена, потому что сила, которую новая власть унаследовала, от старой, очевидно, имеет перевес. *Но как бы успешно ни подавляли эту борьбу, она снова и снова будет возобновляться* до тех пор, пока правительство либо осуществит более справедливое распределение ежегодно производимых продуктов труда, либо, в виду невозможности это сделать, откажется от дальнейших попыток в этом направлении и предоставит решение вопроса свободной рыночной конкуренции... *В действительности борьба ведется за достаточные средства существования.* Политические деятели, взявшие на себя руководство революцией, лишили даже средний класс средств к существованию. *Средний класс стал более варварским, чем рабочие.* Сильнейшие страсти разгорелись с обеих сторон и толкнули к пагубным действиям. *Всякое братство отброшено, и обе стороны объявили друз другу войну не на жизнь, а на смерть.* Невежественное, если не злонамеренное правительство, не имеющее, повидимому, при существующем чрезвычайном кризисе никакого представления о своих обязанностях, сперва натравливало рабочих против среднего класса, а в настоящее время *помогает последнему смести с лица земли разочарованных, обманутых и ожесточившихся теперь рабочих.* Упрек по поводу разразившегося великого несчастья не должен касаться самого принципа революции — *твердого намерения бороться с нуждой и угнетением.* Упрек, скорее, должен быть направлен против тех, кто по своему политическому невежеству еще больше ухудшил бедственное положение, унаследованное от Луи-Филиппа».

Так пишет об июньской революции *лондонская* буржуазная газета, газета, защищающая принципы *Кобдена, Брайта* и др.,

газета, которая после «Times»[98] и «Northern Star», этих двух деспотов английской прессы, как называет их «Manchester Guardian»[99], является *наиболее распространенной газетой в Англии.*

Теперь сравните вышеприведенный отрывок с тем, что пишет в № 181 «Kolnische Zeitung»! Эта удивительная газета превращает *борьбу двух классов* в *борьбу «порядочных»* с *ворами!* Достойная газета! Как будто этими эпитетами не наделяли друг друга попеременно оба класса. Это та самая газета, которая при *первых* слухах об июньском восстании призналась *в своей полной неосведомленности относительно характера* восстания; *потом* сообщения *из Парижа* заставили ее признать, что там происходит *серьезная социальная революция,* которая не исчерпывается *в результате одного поражения; наконец,* ободренная *одним* поражением рабочих, газета видит в восстании не что иное как борьбу *«подавляющего большинства»* против *«дикой орды каннибалов, разбойников и убийц».*

Чем была римская война рабов? *Войной между «порядочными» и каннибалами!* Г-н *Вольферс* напишет римскую историю, а гг. *Дюмон—Брюггеман* будут разъяснять *рабочим,* этим «несчастным», их истинные права и обязанности, «будут приобщать их к *той науке,* которая ведет к порядку, которая *воспитывает* истинных граждан!»

Да здравствует *наука Дюмона—Брюггемана—Вольферса,* их тайная наука! — Вот *один* пример этой *тайной науки:* на протяжении двух номеров почтенный триумвират рассказывает своим доверчивым слушателям, будто Кавеньяк *собирается минировать Сент-Антуанское предместье.* На беду Сент-Антуанское предместье несколько *больше славного города Кёльна.* Но ученый триумвират, который мы рекомендуем германскому Национальному собранию для обуздания Германии, триумвират *Дюмон — Брюггеман — Вольферс* преодолевает это затруднение — он знает, как одной миной взорвать город Кёльн! Его представлению о мине, которая должна взорвать Сент-Антуанское предместье, соответствует представление о подземных силах, которые подрывают современное общество, от которых задрожал Париж в июньские дни и под действием которых из его революционного кратера стала извергаться кровавая лава.

Но, добрейший триумвират! Великие *Дюмон—Брюггеман— Вольферс,* мужи, прославленные в мире газетных объявлений! Кавеньяки рекламы! *Мы* скромно склонили головы перед величайшим историческим кризисом, какой когда-либо сотрясал мир, — перед *классовой борьбой буржуазии и пролетариата.*

Мы не создавали этого факта: мы его констатировали. Мы констатировали, что один из этих классов *побежден,* как говорит *сам Кавеньяк.* Над могилой побежденных мы воскликнули: *«Горе победителям!»,* и сам Кавеньяк содрогается перед своей исторической ответственностью! А Национальное собрание обвиняет в трусости каждого из своих членов, который не берет на себя открыто эту ужасающую историческую ответственность. Разве для того раскрыли мы перед *немцами* книгу Сивиллы, чтобы они ее сожгли? Когда мы изображаем борьбу чартистов с английской буржуазией, разве мы тем самым требуем от немцев, чтобы они стали англичанами?

Но, Германия, неблагодарная Германия, хотя тебе и известна *«Kolnische Zeitung»* с ее объявлениями, но ты не знаешь величайших своих мужей, своего *Вольферса,* своего *Брюггемана,* своего *Дюмона!* Сколько потрачено умственных усилий, сколько пролито пота, кровавого пота в *борьбе классов,* в борьбе свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных, капиталистов и рабочих! *Но все это только потому, что еще не существовало «Kolnische Zeitung».* Однако, храбрейший триумвират, если современное общество в таком количестве и с такой энергией порождает *«злодеев», «каннибалов», «убийц»* и *«грабителей»,* что их восстание потрясает основы официального общества, то что это за общество! Какая педантично организованная анархия! И ты воображаешь, что кладешь конец раздорам, воображаешь, что возвышаешь и участников и зрителей страшной драмы, низводя их до роли действующих лиц лакейских трагедий Коцебу!

Среди *национальных гвардейцев предместий Сент-Антуан, Сен-Жак и Сен-Марсо* нашлось всего лишь *50* человек, которые откликнулись на призыв буржуазных трубачей, — так сообщает парижский «Moniteur», правительственный орган, газета *Людовика XVI, Робеспьера, Луи-Филиппа* и *Марраста—Кавеньяка!* Нет ничего проще для той *науки,* которая «воспитывает» из человека *истинного гражданина!* Три самых больших предместья Парижа, три наиболее развитых в промышленном отношении предместья, перед изделиями которых бледнеют и блекнут даккский муслин и бархат Спиталфилдса, населены-де «каннибалами», «грабителями», «разбойниками» и «злодеями». Так утверждает *Вольферс!*

А *Вольферс,* конечно, достойный человек! Он восславил воров, заставив их давать более крупные сражения, изготовлять лучшие шедевры и совершать более героические подвиги, чем деяния Карла X, Луи-Филиппа, Наполеона и чем изделия даккских и спиталфилдсских ткачей.

Выше мы упоминали о лондонском «Telegraph». А вчера наши читатели могли ознакомиться с мнением *Эмиля Жирардена.* Рабочий класс, — говорит он, — после того как он отсрочил на месяц уплату по векселю своему должнику, февральской революции, стучится в качестве кредитора в дверь своего должника, стучится мушкетом, баррикадой, своим собственным телом! *Эмиль Жирарден? Но* кто он такой? Отнюдь не анархист! Упаси боже! Но *он республиканец следующего дня, республиканец завтрашнего дня* (republicain du lendemain), а *«Kolnische Zeitung»,* какой-нибудь *Вольферс,* какой-нибудь *Дюмон,* какой-нибудь *Брюггеман* — это все *позавчерашние республиканцы, республиканцы до республики, республиканцы вчерашнего дня* (republicains de la veille)! *Эмиль Жирарден,* да разве может он выступать в качестве свидетеля наряду с *Дюмоном?*

Когда «Kolnerin» к *ссылке* и *повешению* присоединяет *еще и злорадство по поводу ссылки и повешения,* восхищайтесь ее патриотизмом! Ведь ей только нужно доказать миру, недоверчивому, совершенно слепому немецкому миру, что *республика сильнее, чем монархия,* что республиканское Национальное собрание с Кавеньяком и Маррастом способно на то, на что неспособна была конституционная палата депутатов с Тьером и Бюжо! *Vive la republique!* Да здравствует республика! — восклицает спартанка «Kolnerin» над истекающим кровью, истерзанным, объятым пламенем Парижем. Да ведь она скрытая республиканка! И за это ее подозревают в *трусости,* в *бесхарактерности* какой-то *Гервинус,* какая-то «Augsburgerin»[100]! О безупречная! Кёльнская Шарлотта Корде!

Заметьте, *ни одна парижская газета,* ни «Moniteur», ни «Debats»[101], ни «National» не говорят о *«каннибалах», «грабителях», «разбойниках», «убийцах».* Об этом твердила только одна газета — газета *Тьера,* человека, безнравственность которого бичевал в *«Kolner Zeitung» Якоб Венедей,* газета человека, против которого «Kolnerin» кричала во всю глотку:

«Его не получить им,
Немецкий вольный Рейн»[102], —

только газета Тьера «Constitutionnel»[103], из которой черпает свою премудрость бельгийская *«Independance»,* а также рейнская наука, воплощенная в *Дюмоне—Брюггемане—Вольферсе!*

А теперь отнеситесь несколько критически к скандальным анекдотам, с помощью которых *«Kolnische Zeitung»* клеймит побежденных, — та самая газета, которая *в самом начале борьбы* заявила, что она совершенно *не осведомлена* о ее характере, которая *во время* борьбы утверждала, что это *«серьезная*

социальная революция», а *после окончания* борьбы заговорила о потасовке *жандармов и воров.*

Они *грабили!* Но что? *Оружие, боевые припасы, перевязочные материалы* и *необходимейшие средства к жизни.* На оконных ставнях воры писали: «Mort aux voleurs!» *Смерть ворам/*

Они *«убивали, как каннибалы»!* Каннибалы, они не соглашались добровольно, чтобы *национальные гвардейцы,* наступавшие на баррикады *позади* линейных войск, *разбивали черепа их раненым,* пристреливали побежденных, закалывали женщин. Каннибалы, которые *уничтожали* в этой *истребительной войне,* как ее называет одна буржуазная французская газета. Они *поджигали?* Однако *единственный* факел, который они бросили в восьмом округе в ответ на *законные* зажигательные ракеты Кавеньяка, — это только *поэтический, вымышленный* факел, как свидетельствует «Moniteur».

«Одни», — говорит Вольферс, — «превозносили программу Барбеса, Бланки и Собрие, другие провозглашали здравицу в честь Наполеона или Генриха V».

А целомудренная *«Kolnerin»,* которая не носит в своем чреве ни Наполеонидов, ни Бланки, уже на второй день восстания объявила, что «борьба ведется во имя *красной республики».* Зачем же она болтает о *претендентах?* Но она, как мы уже сказали, — заядлая *скрытая республиканка,* Робеспьер в юбке, ей всюду мерещатся претенденты, и это заставляет ее трепетать за свою нравственность!

«Почти все они имели при себе деньги, а некоторые даже значительные суммы».

Рабочих было от 30000 до 40000 человек, и «почти все они имели при себе деньги», — это теперь-то, при такой нужде и при таком застое во всех делах! Деньги, должно быть, потому стали *такой редкостью, что их припрятали рабочие!*

С величайшей старательностью парижский «Moniteur» сообщал о всех случаях, когда у инсургентов были найдены *деньги.* Таких случаев смогли насчитать не больше *двадцати.* Разные газеты и корреспонденты приводят те же случаи, а суммы указывают разные. *«Kolnische Zeitung»,* известная своим критическим тактом, принимает эти разные рассказы о тех *же двадцати* случаях как сообщения о различных случаях, да еще прибавляет к ним все распространявшиеся слухи и все-таки может насчитать не более двухсот случаев. И это дает ей право сказать, что почти все 30—40000 рабочих имели при себе деньги! До сих пор установлено лишь то, что легитимистские, бонапартистские и, может быть, филиппистские агенты, снабженные

деньгами, затесались или намеревались затесаться в среду баррикадных борцов. Г-н *Пайе,* чрезвычайно консервативный член Национального собрания, проведший двенадцать часов среди инсургентов в качестве пленника, заявляет:

«Большинство из них — это рабочие, доведенные четырехмесячной нуждой до отчаяния, и они говорили: *лучше умереть от пули, чем от голода!»*

«Многие, очень многие из числа убитых», — уверяет *Вольферс,* — «имели на теле те роковые знаки, которыми общество клеймит преступление».

Это низкая ложь, постыдная клевета, одна из тех гнусностей, которые заклеймил *Ламенне,* противник инсургентов, сторонник «National», в своей газете «Peuple constituant»[104], а также *Ларошжаклен,* неизменно рыцарски настроенный легитимист, в Национальном собрании. Вся эта ложь основана на в высшей степени недостоверном, *не подтвержденном* «Moniteur» утверждении *одного* корреспондентского бюро, будто было найдено *одиннадцать трупов,* заклейменных буквами Т. F.* Да и была ли когда-нибудь революция, во время которой не нашли бы таких одиннадцати трупов? И какая революция не клеймит этими знаками в сто раз больше людей?

Итак, мы видим, что газеты, воззвания и иллюминации победителей свидетельствуют о том, как они морили голодом, доводили до отчаяния, закалывали, расстреливали, заживо замуровывали, ссылали, издевались над мертвыми. А против побежденных приводятся только *анекдоты,* рассказанные одним лишь «Constitutionnel», перепечатанные газетой *«Independance»* и переведенные на немецкий язык *«Kolnische».* Нет большего оскорбления для истины, как пытаться доказывать ее *анекдотом,* — говорит *Гегель.*

Перед домами в Париже сидят женщины и щиплют *корпию* для раненых, даже для раненых инсургентов. А редакторы «Kolnische Zeitung» вливают им в раны *серную кислоту.*

Они донесли на *нас* буржуазной *полиции.* Мы же, наоборот, советуем *рабочим,* этим *«несчастным»,* «уяснить себе свои истинные права и обязанности, дать себя приобщить к той *науке,* которая ведет к порядку, которая воспитывает истинных граждан», воспользовавшись услугами бессмертного триумвирата *Дюмона — Брюггемана — Вольферса.*

Написано Ф. Энгельсом 30 июня 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 31, 1 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Travaux forces — каторжные работы. *Ред.*

ИЮНЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(ХОД ВОССТАНИЯ В ПАРИЖЕ[105])

I

Постепенно перед нами вырисовывается вся совокупность событий июньской революции. Сообщения поступают в более полном виде, создается возможность отделить факты от слухов и от лжи, все яснее становится характер восстания. И чем более удается уловить внутреннюю связь событий четырех июньских дней, тем большее изумление вызывают колоссальные размеры восстания, героическое мужество, быстро импровизированная организация, единодушие инсургентов.

План военных действий рабочих, составленный, как говорят, Керсози, другом Распайля и бывшим офицером, сводился к следующему.

Инсургенты должны были наступать концентрически четырьмя колоннами в направлении ратуши.

Первая колонна, операционной базой которой были пригороды Монмартр, Ла-Шапель и Ла-Виллет, должна была двигаться от застав Пуассоньер, Рошшуар, Сен-Дени и Ла-Виллет на юг, занять бульвары и подойти к ратуше через улицы Монторгёй, Сен-Дени и Сен-Мартен.

Вторая колонна, базой которой были населенные почти исключительно рабочими и защищенные каналом Сен-Мартен предместья Тампль и Сент-Антуан, должна была двигаться к тому же центру по улицам Тампль и Сент-Антуан и по набережным северного берега Сены, а также по всем параллельным улицам лежащих между ними кварталов.

Третья колонна, опиравшаяся на предместье Сен-Марсо, должна была продвигаться по улице Сен-Виктор и по набережным южного берега Сены достичь острова Сите.

Четвертая колонна, опиравшаяся на предместье Сен-Жак в на район Медицинской школы, должна была двигаться по улице Сен-Жак и также достичь Сите. Отсюда обе колонны, соединившись, должны были наступать по правому берегу Сены и охватить ратушу с тыла и с флангов.

План, таким образом, совершенно правильно опирался на населенные исключительно рабочими части города, которые охватывают полукругом всю восточную половину Парижа и расширяются по направлению к востоку. Предполагалось сперва полностью очистить от врагов восточную часть Парижа и лишь затем двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и ее центры — Тюильри и Национальное собрание.

Эти колонны должны были получать поддержку со стороны множества летучих отрядов, самостоятельно действующих на их флангах и между ними, воздвигающих баррикады, занимающих небольшие улицы и осуществляющих связь между колоннами.

На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам военного искусства в сильные крепости. Такие укрепления воздвигнуты были в Кло-Сен-Лазар, в предместье и квартале Сент-Антуан и в предместье Сен-Жак.

Если этот план имел слабую сторону, то она состояла в том, что он в начале операций оставлял без всякого внимания западную часть Парижа. Здесь, по обеим сторонам улицы Сент-Оноре, у Центрального рынка и у Пале-Насиональ, расположен ряд чрезвычайно удобных для повстанческих действий кварталов, имеющих очень узкие и кривые улицы и населенных преимущественно рабочими. Было чрезвычайно важно заложить здесь пятый очаг восстания и тем самым, с одной стороны, отрезать ратушу, а с другой — задержать у этого выступающего вперед укрепленного пункта значительную часть войск. Успех восстания зависел от того, удастся ли как можно более быстро продвинуться в центр Парижа и обеспечить захват ратуши. Мы не знаем, в какой мере Керсози был лишен возможности организовать в этом районе повстанческие действия. Но известно, что ни одно восстание не имело успеха, если повстанцам с самого начала не удавалось овладеть этим центром Парижа, примыкающим к Тюильри. Напомним лишь о восстании во время похорон генерала Ламарка[106], когда повстанцы также успели продвинуться вплоть до улицы Монторгёй, но затем были оттеснены.

Инсургенты повели наступление, следуя своему плану. Они немедленно стали отделять свою территорию, рабочий Париж,

от Парижа буржуазии с помощью двух главных укреплений: баррикад у ворот Сен-Дени и баррикад на Сите. Из первого укрепления они были выбиты, второе же им удалось удержать. Первый день, 23 июня, был лишь прологом. План инсургентов вырисовывался вполне отчетливо уже после первых авангардных боев утром этого дня (его вполне правильно поняла с самого начала «Neue Rheinische Zeitung», см. экстренное приложение к № 26*). Бульвар Сен-Мартен, пересекающий операционную линию первой колонны, стал ареной ожесточенных боев, которые закончились там победой защитников «порядка», обусловленной отчасти характером местности.

Подступы к Сите были защищены справа летучим отрядом, который засел на улице Планш-Мибре, слева — третьей и четвертой колоннами, занявшими и укрепившими три южных моста Сите. Здесь также развернулся чрезвычайно ожесточенный бой. Защитникам «порядка» удалось овладеть мостом Сен-Мишель и продвинуться вперед вплоть до улицы Сен-Жак. Они льстили себя надеждой, что к вечеру восстание будет подавлено.

Если план инсургентов обрисовался уже отчетливо, то в еще большей степени это можно сказать о плане защитников «порядка». Их план вначале сводился лишь к тому, чтобы любыми средствами подавить восстание. Об этом намерении они возвестили инсургентам пушечными ядрами и картечью.

Однако правительство полагало, что имеет дело с неорганизованной бандой обыкновенных, действующих без всякого плана мятежников. Очистив к вечеру главные улицы, оно заявило, что мятеж подавлен, и заняло завоеванные части города лишь весьма незначительным количеством войск.

Инсургенты сумели великолепно воспользоваться этим упущением, начав после авангардных боев 23 июня решительное сражение. Вообще поразительно, как быстро рабочие усвоили план военных действий, как планомерно они поддерживали друг друга, как искусно они сумели использовать столь сложные условия местности. Это было бы просто необъяснимо, если бы рабочие не были организованы в значительной степени на военный лад уже в национальных мастерских, где они были разбиты на роты, так что им оставалось только применить свою промышленную организацию к области военных действий, чтобы тотчас же образовать хорошо организованную армию.

Утром 24 июня не только была целиком отвоевана потерянная территория, но и занята новая. Правда, линия бульваров

* См. настоящий том, стр. 117—120. *Ред.*

вплоть до бульвара Тампль оставалась занятой войсками, и тем самым первая колонна оказалась отрезанной от центра; зато вторая колонна из квартала Сент-Антуан продвинулась так далеко вперед, что почти окружила ратушу. Она расположила свой командный пункт в церкви Сен-Жерве, в 300 шагах от ратуши, захватила церковь Сен-Мери и прилегающие улицы; она продвинулась далеко за ратушу и вместе с колоннами, занявшими Сите, почти совершенно отрезала ее. Оставался открытым только один подступ: набережные правого берега. На юге было вновь целиком занято предместье Сен-Жак, восстановлена связь с Сите, туда были посланы подкрепления и подготовлен переход на правый берег.

Теперь-то уж, во всяком случае, нельзя было терять времени; ратуша, революционный центр Парижа, оказалась под угрозой и должна была бы пасть, если бы не были приняты самые решительные меры.

II

Перепуганное Национальное собрание назначило Кавеньяка диктатором, а тот, еще со времен Алжира привыкший к «энергичным» расправам, уж знал, что нужно делать.

Тотчас же по широкой Ке-де-л'Эколь к ратуше двинулось 10 батальонов. Они отрезали от правого берега инсургентов, утвердившихся на острове Сите, обезопасили ратушу и даже сделали возможными атаки на окружавшие ее баррикады.

Улица Планш-Мибре и ее продолжение, улица Сен-Мартен, были заняты войсками и прочно удерживались кавалерией. Расположенный напротив мост Нотр-Дам, который ведет на Сите, был очищен снарядами тяжелых орудий, и тогда Кавеньяк двинулся прямо на Сите, чтобы произвести там «энергичную» расправу. Главный опорный пункт инсургентов, магазин «Бель жардиньер», сперва был разрушен артиллерийскими снарядами, а затем подожжен ракетами; улица Сите также была захвачена при помощи артиллерийского обстрела; три моста, ведущие на левый берег, были взяты штурмом, и инсургенты на левом берегу были решительно отброшены. В то же время стоявшие на Гревской площади и на набережных 14 батальонов освободили осажденную уже ратушу, и церковь Сен-Жерве из командного пункта инсургентов превратилась в их отрезанный форпост.

Улица Сен-Жак не только подверглась артиллерийскому обстрелу со стороны Сите, но и была атакована с фланга со стороны левого берега. Генерал Дамем пробился вдоль Люксембургского сада к Сорбонне, захватил Латинский квартал и направил свои колонны против Пантеона. Площадь Пантеона была превращена в грозную крепость. Улица Сен-Жак давно уже была взята, а здесь защитники «порядка» все еще стояли перед неприступной твердыней. Орудийный огонь и штыковые атаки не давали никаких результатов, пока, наконец, утомление, недостаток боевых припасов и угроза поджога со

стороны буржуазии не принудили окруженных со всех сторон 1500 рабочих сдаться. В то же время после долгой и мужественной обороны в руках защитников «порядка» оказалась площадь Мобер, и инсургенты, вытесненные из своих наиболее укрепленных позиций, принуждены были очистить весь левый берег Сены.

Между тем позиции войск и отрядов национальной гвардии на бульварах правого берега Сены были также использованы, чтобы действовать в обоих направлениях. Ламорисьер, который командовал этими частями, приказал обстрелом из тяжелых орудий и стремительными атаками войск очистить улицы предместий Сен-Дени и Сен-Мартен, бульвар Тампль и половину улицы Тампль. К вечеру он мог похвалиться блестящими успехами: первую колонну он отрезал и наполовину окружил в Кло-Сен-Лазар, вторую оттеснил назад и своим продвижением вдоль бульваров вбил в нее клин.

Каким же образом Кавеньяк добился этих успехов? Во-первых, посредством громадного перевеса сил, которые он мог двинуть против инсургентов. 24-го в его распоряжении было не только 20 тысяч солдат парижского гарнизона, от 20 до 25 тысяч солдат мобильной гвардии и от 60 до 80 тысяч человек национальной гвардии, которой он мог располагать, но также национальная гвардия всех окрестностей Парижа и некоторых более отдаленных городов (от 20 до 30 тысяч человек) и, сверх того, от 20 до 30 тысяч солдат, спешно вызванных из соседних гарнизонов. Утром 24-го в его распоряжении было уже гораздо больше 100 тысяч человек, а к вечеру число это еще увеличилось наполовину. Между тем инсургенты насчитывали, самое большее, 40—50 тысяч человек!

Во-вторых, посредством жестоких мер, которые он пустил в ход. До тех пор на улицах Парижа лишь однажды стреляли из пушек — в вандемьере 1795 г., когда Наполеон картечью разгонял восставших на улице Сент-Оноре[107]. Но против баррикад, против домов никогда еще не применялась артиллерия, а тем более гранаты и зажигательные ракеты. Народ еще не был к этому подготовлен; он оказался совершенно безоружным против таких средств борьбы, а единственный способ противодействия — поджоги — противоречил его благородным чувствам. Народ до сих пор не имел ни малейшего представления о таком алжирском способе ведения войны на улицах Парижа. Поэтому он отступил, и его первое отступление предопределило его поражение.

25-го Кавеньяк повел наступление еще более крупными силами. В руках инсургентов оставался всего лишь один район —

предместья Сент-Антуан и Тампль; кроме того, у них было еще два форпоста — Кло-Сен-Лазар и часть Сент-Антуанского квартала до моста Дамьет.

Кавеньяк, который получил новое подкрепление в 20-30 тысяч человек со значительным артиллерийским парком, приказал прежде всего атаковать изолированные форпосты инсургентов, в частности, Кло-Сен-Лазар. Здесь инсургенты укрепились, как в крепости. После 12-часового артиллерийского обстрела и метания гранат Ламорисьеру удалось, в конце концов, выбить инсургентов из их позиций и занять Кло-Сен-Лазар; это ему удалось, однако, лишь после того, как он обеспечил себе возможность фланговой атаки со стороны улиц Рошшуар и Пуассоньер, и лишь после того как баррикады были разрушены обстрелом — в первый день из 40, во второй — из еще большего числа орудий.

Другая часть его колонны продвинулась через предместье Сен-Мартен в предместье Тампль, но не достигла больших успехов; третья наступала вниз по бульварам к Бастилии, но тоже продвинулась недалеко, так как здесь ряд самых мощных баррикад после длительного сопротивления сдался лишь в результате ожесточенной канонады. Дома были здесь подвергнуты страшному разрушению.

Колонна Дювивье, которая наступала от ратуши, непрерывным артиллерийским огнем все дальше оттесняла инсургентов. Церковь Сен-Жерве была взята, очищена большая часть улицы Сент-Антуан со стороны ратуши, и несколькими колоннами, наступавшими по набережной и параллельным ей улицам, был взят мост Дамьет, связывавший инсургентов квартала Сент-Антуан с инсургентами островов Сен-Луи и Сите. Квартал Сент-Антуан был обойден с фланга, и инсургентам оставалась только возможность отступления в предместье, что они и сделали, ведя ожесточенные бои с колонной, наступавшей вдоль набережных до устья канала Сен-Мартен и оттуда вдоль канала по бульвару Бурдон. Немногие отрезанные инсургенты были перебиты, совсем немногие — взяты в плен.

В результате этой операции были заняты квартал Сент-Антуан и площадь Бастилии. К вечеру колонне Ламорисьера удалось целиком захватить бульвар Бомарше и соединиться на площади Бастилии с войсками Дювивье.

Занятие моста Дамьет дало возможность Дювивье вытеснить инсургентов с острова Сен-Луи и прежнего острова Лувье. Он сделал это, проявив с особым размахом алжирское варварство. В немногих частях города огонь тяжелых орудий произвел такие опустошения, как здесь, на острове Сен-Луи. Но кому

было до этого дело? Зато инсургенты были оттеснены или перебиты, и «порядок» восторжествовал на залитых кровью развалинах.

На левом берегу Сены оставалось захватить еще один пункт. Аустерлицкий мост, который к востоку от канала Сен-Мартен соединяет предместье Сент-Антуан с левым берегом Сены, был сильно забаррикадирован, а на левом берегу, там, где мост примыкает к площади Валюбер, перед Ботаническим садом, было сооружено сильное предмостное укрепление. Это предмостное укрепление, последнее укрепление инсургентов на левом берегу после падения Пантеона и площади Мобер, было взято после упорного сопротивления.

Таким образом, на следующий день, 26-го в руках инсургентов остается только их последний оплот — предместье Сент-Антуан и часть предместья Тампль. Оба предместья не совсем удобны для уличных боев; улицы там довольно широкие и почти совершенно прямые, дающие большой простор для действии артиллерии. С западной стороны они хорошо защищены каналом Сен-Мартен, с севера же, напротив, совершенно открыты. С этой стороны пять или шесть совершенно прямых и широких улиц ведут прямо к центру предместья Сент-Антуан.

Главные укрепления были сооружены у площади Бастилии и на важнейшей улице всего района — на улице Фобур-Сент-Антуан. Здесь были воздвигнуты баррикады изумительной мощи, одни — из крупных плит мостовой, другие — из бревен. Они образовали входящий угол, частью для того, чтобы ослабить действие пушечных ядер, частью, чтобы удлинить линию обороны и сделать возможным перекрестный огонь. Брандмауеры домов были проломлены; таким образом целые ряды домов были соединены между собой, и инсургенты могли, смотря по необходимости, то открывать ружейный огонь по войскам, то укрываться за баррикадами. Мосты и набережные канала, равно как и параллельные каналу улицы, также были сильно укреплены. Короче говоря, оба еще занятые инсургентами предместья напоминали настоящую крепость, в которой войска должны были брать с бою каждую пядь земли.

С утра 26-го снова должен был начаться бой. Однако Кавеньяк не имел особенного желания бросать свои войска в эту сеть баррикад. Он угрожал бомбардировкой. Были подвезены мортиры и гаубицы. Завязались переговоры. В это время Кавеньяк приказал начать подкоп под ближайшие дома — что, впрочем, было возможно лишь в очень ограниченных размерах за недостатком времени, а также из-за прикрывавшего

баррикады с одной стороны канала; он приказал также установить внутренние сообщения с примыкающими домами из ранее захваченных домов через проломы в брандмауерах.

Переговоры были прерваны; бой возобновился. Кавеньяк приказал генералу Перро вести наступление из предместья Тампль, а генералу Ламорисьеру — с площади Бастилии. Из обоих пунктов по баррикадам был открыт сильный артиллерийский огонь, Перро продвигался довольно быстро, захватил остальную часть предместья Тампль и даже вклинился местами в предместье Сент-Антуан. Ламорисьер продвигался медленнее. Первые баррикады устояли под огнем его пушек, хотя первые дома предместья были подожжены его гранатами. Он еще раз начал переговоры. С часами в руке ждал он той минуты, когда будет иметь удовольствие сравнять с землей огнем своей артиллерии наиболее густо населенный район Парижа. Тогда часть инсургентов, наконец, капитулировала, между тем как другая, атакованная с флангов, после короткого боя отступила за пределы города.

Это был конец июньских баррикадных боев. За пределами города происходила еще ружейная перестрелка, но она не имела уже никакого значения. Бежавшие инсургенты были рассеяны по окрестностям и поодиночке захвачены кавалерией.

Мы дали это чисто военное описание борьбы, чтобы показать нашим читателям, с каким геройским мужеством, с каким единодушием, с какой дисциплиной и с каким военным искусством сражались парижские рабочие. Сорок тысяч рабочих сражались четыре дня с противником, превосходившим их вчетверо, и были на волосок от победы. Еще немного — и они закрепились бы в центре Парижа, взяли бы ратушу, учредили бы временное правительство и удвоили бы свою численность как за счет населения захваченных частей города, так и за счет мобильной гвардии, которой нужен был тогда лишь толчок, чтобы перейти на сторону рабочих.

Немецкие газеты утверждают, что это было решающее сражение между красной и трехцветной республикой, между рабочими и буржуа. Мы убеждены, что это сражение ничего не решает и не приведет ни к чему, кроме внутреннего раскола среди самих победителей. В остальном, даже с чисто военной точки зрения, весь ход событий доказывает, что в недалеком будущем рабочие должны будут победить. Если 40000 парижских рабочих могли достигнуть таких огромных результатов в борьбе с противником, вчетверо превосходившим их численно, то что сможет совершить вся масса парижских рабочих, если она будет действовать единодушно и согласованно!

Керсози схвачен и в настоящий момент, вероятно, уже расстрелян. Буржуа могут его расстрелять, но не могут отнять у него той славы, что *он впервые организовал уличные бои.* Они могут его расстрелять, но никакая сила в мире не сможет помешать тому, что его боевые приемы будут применяться в будущем во всех уличных боях. Они могут его расстрелять, но не могут помешать тому, что его имя войдет в историю как имя *первого баррикадного полководца.*

Написано Ф. Энгельсом 30 июня — 1 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 31 и 32, 1 и 2 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

Кёльн, 2 июля. Натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, — вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов. Особенно отличилась в этом отношении Германия. За последние семьдесят лет, чтобы не углубляться в более отдаленное прошлое, она за английское золото предоставляла британцам своих ландскнехтов против североамериканцев, боровшихся за свою независимость. Когда вспыхнула первая французская революция, опять-таки именно немцы дали натравить себя, как свору бешеных собак, на французов; это они грозили в свирепом манифесте герцога Брауншвейгского, что не оставят в Париже камня на камне[108]; это они вступили в заговор с эмигрировавшими дворянами против нового порядка во Франции, получив за это мзду от Англии под видом субсидий. Когда у голландцев впервые за последние два столетия появилась, наконец, разумная мысль — положить конец безумному хозяйничанью Оранской династии и превратить свою страну в республику[109], — палачами свободы выступили опять-таки немцы. Швейцария также могла бы немало порассказать о соседстве немцев, а Венгрия лишь очень не скоро сможет оправиться от бедствий, причиненных ей Австрией, германским императорским двором. Даже в Грецию посылались банды немецких наемников, чтобы поддержать там крохотный трон любезного Отто[110], и даже в Португалию посылали немецких полицейских. А конгрессы после 1815 г., походы Австрии в Неаполь, Турин, Романью, заточение Ипсиланти, за-

теянная под давлением Германии поработительная война Франции против Испании[111], поддержка, которую Германия оказывала дон Мигелу[112], дон Карлосу[113], ганноверские войска, служившие орудием реакции в Англии; расчленение Бельгии и ее термидоризирование в результате немецкого влияния! Даже в самой глубине России немцы являются оплотом самодержца и мелких деспотов — вся Европа наводнена, Кобургами!

Польша ограблена и расчленена при помощи немецкой военщины; Краков ею же предательски задушен[114]. Ломбардия и Венеция порабощены и доведены до полного истощения с помощью немецких денег и немецкой крови; всякое освободительное движение во всей Италии раздавлено при прямом или косвенном участии Германии, с помощью штыков, виселиц, тюрем, галер. Перечень грехов гораздо длиннее, лучше прекратим его!

Вина за эти гнусности, совершенные с помощью Германии в других странах, падает не только на немецкие правительства, но в значительной степени и на немецкий народ. Не будь его ослепления, его рабского духа, его готовности играть роль ландскнехтов и «благодушных» палачей, служить орудием господ «божьей милостью», — не будь этого, слово «немец» не произносилось бы за границей с такой ненавистью, с таким проклятием и презрением, а порабощенные Германией народы давно достигли бы нормальных условий свободного развития. Теперь, когда немцы сбрасывают с себя свое собственное ярмо, должна быть изменена и вся их политика по отношению к другим народам. Иначе наша юная, почти только лишь предчувствуемая свобода окажется закованной в те самые цепи, которыми мы опутываем чужие народы. Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам.

Наконец-то действительно начинается просветление. Ложь и извращение фактов, столь усердно распространявшиеся старыми правительственными органами относительно Польши и Италии, попытки искусственно разжечь ненависть, высокопарные фразы о том, что дело-де идет о немецкой чести, о немецком могуществе, — все эти магические формулы уже утратили свою силу. Только там, где за этими вычурными патриотическими фразами скрываются материальные интересы, только у части крупной буржуазии, устраивающей под вывеской официального патриотизма свои собственные дела, этот официальный патриотизм еще делает свое дело. Это знает и этим пользуется реакционная партия. Но широкие массы немецкого среднего сословия и рабочего класса понимают или хотя бы чувствуют, что свобода соседних народов является гарантией

их собственной свободы. Разве война Австрии против независимости Италии, война Пруссии против восстановления Польши, — разве эти войны пользуются популярностью и, напротив, не рассеиваются ли последние иллюзии относительно этих «патриотических» крестовых походов? Но одного этого понимания, одного этого чувства еще недостаточно. Для того чтобы немецкая кровь и немецкие деньги больше не расточались, вопреки собственным интересам Германии, для угнетения других национальностей, для этого мы должны добиться настоящего народного правительства, а старое здание должно быть снесено до самого основания. Лишь тогда кровавая и в то же время трусливая политика старой, вновь восстановленной системы уступит место интернациональной политике демократии. Как же вы хотите осуществлять демократическую политику вовне, когда внутри демократия скована по рукам и ногам? И тем не менее и по эту и по ту сторону Альп должно быть сделано все, чтобы всеми мерами подготовить демократическую систему. Со стороны *итальянцев* нет недостатка в заявлениях, из которых явствуют их дружественные чувства по отношению к Германии. Напомним о манифесте временного правительства в Милане к немецкому народу[115] и о многочисленных статьях итальянской печати, выдержанных в том же духе. У нас перед глазами новое свидетельство этих настроений — частное письмо редакции издающейся во Флоренции газеты *«Alba» к* редакции *«Neue Rheinische Zeitung».* Оно датировано 20 июня, и в нем, в частности, говорится:

«... Сердечно благодарим вас за то внимание, которое вы проявляете к нашей бедной Италии. Заверяем вас, что все итальянцы знают, кто именно посягает на их свободу и борется против нее; они знают, что их смертельным врагом является не могучий и великодушный немецкий народ, а его деспотическое, несправедливое и жестокое правительство. Заверяем вас, что каждый истинный итальянец с нетерпением ждет того дня, когда он сможет свободно протянуть руку немецкому брату, зная, что как только будут твердо установлены неотъемлемые права немецкого брата, последний сумеет их отстоять и, уважая их сам, сумеет внушить уважение к таким же правам всех своих братьев. Мы проникнуты верой в те же принципы, неуклонное развитие которых вы поставили себе задачей. С глубоким уважением остаемся

вашими преданными друзьями и братьями

(подпись) Л. Алинари»

«Alba» — одна из немногих итальянских газет, решительно отстаивающих демократические принципы.

Написано Ф. Энгельсом. 2 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 33, 8 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МАРРАСТ И ТЬЕР

Мы уже неоднократно обращали внимание читателей «Neue Rheinische Zeitung» на интриги партии «National», воплощением которой является *Марраст.* Мы разоблачали те происки, при помощи которых эта партия стремится достигнуть диктатуры. Одновременно мы указывали, что диктатура Марраста влечет за собой диктатуру Тьера.

Насколько партия «National» в результате своей победы уже оттесняется партией Тьера, тесно спаянной в настоящее время с династической оппозицией, ярко видно из некоторых фактов.

Назначение *Карно,* представителя партии «National», министром вызвало целую бурю в Национальном собрании. Против кандидатуры *Мари* на пост председателя Национального собрания была выставлена кандидатура *Дюфора,* и Мари прошел только потому, что он, по словам «Debats», считается «самым мудрым и самым умеренным членом старой Исполнительной комиссии», т. е. потому что он сделал старой династической партии наибольшие уступки, потому что он составил законопроект о запрещении сборищ, являющийся продолжением сентябрьских законов, внес этот проект в Национальное собрание и защищал его. Остается фактом, что пост председателя Национального собрания был разыгран между «Маррастом» и «Тьером».

Однако «династическую оппозицию» это не удовлетворяет. Один из первых законов, которые она готовит, — это закон о муниципальных советах, закон, который направлен прямо против Марраста, мэра Парижа, против его единовластия и авторитета. И Марраст падет.

В ближайшее время все депутаты Национального собрания передерутся. Реакция будет наступать и дальше, вплоть до отстранения партии «National» от всякой власти. «Республика» и «династическая оппозиция» вновь будут противостоять друг другу, но республика уже не будет одерживать победу при таких условиях, как в феврале.

Народ больше уже не будет предаваться иллюзиям. Он не станет откладывать месть «в долгий ящик», как говорит Коссидьер, и не позволит больше «водам Стикса унести прочь свое чувство гнева»[116]. Qui vivra verra*.

Написано 2 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 33, 3 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — Поживем — увидим. *Ред.*

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Кёльн, 2 июля. После трагедии — идиллия, после грома парижских июньских дней — барабанная трескотня берлинских соглашателей. Мы совсем потеряли из виду этих господ, и вот оказывается, что в тот самый момент, когда Кавеньяк бомбардировал Сент-Антуанское предместье, г-н Кампгаузен произносил грустную прощальную речь, а г-н Ганземан докладывал о программе нового министерства.

Прежде всего мы с удовлетворением отмечаем, что г-н Ганземан последовал нашему совету и *не* стал министром-президентом*. Он понял, что куда важнее *делать* министров-президентов, чем *быть* министром-президентом.

Новое министерство есть и остается, несмотря на подставное имя (prete-nom) Ауэрсвальда, министерством *Ганземана.* Оно выдает себя за таковое, рекламируя себя как министерство *дела,* как министерство практического осуществления. Право же, у г-на Ауэрсвальда нет никаких данных для того, чтобы быть министром дела!

Программа г-на Ганземана известна. Не станом входить в разбор ее политических пунктов, они уже сделались пищей для более или менее ничтожных немецких газет. Только один пункт не отважились подвергнуть обсуждению, и чтобы г-н Ганземан не был в обиде, мы наверстаем упущенное.

Г-н Ганземан заявляет:

«Для оживления промышленной деятельности, стало быть, для уничтожения нужды трудящихся классов народа, нет в настоящее время более

* См. настоящий том, стр. 103—104. *Ред.*

действенного средства, чем восстановление пошатнувшегося доверия к прочности законного порядка и прочному утверждению в скором времени конституционной монархии. Всеми силами преследуя эту цель, *мы тем самым вернее всего боремся с безработицей и нуждой».*

В начале своей программы г-н Ганземан уже заявил, что с этой целью он предложит новые репрессивные законы, так как старое законодательство (законодательство полицейского государства!) является недостаточным.

Сказано довольно ясно. Старое деспотическое законодательство недостаточно! Не министру общественных работ, не министру финансов, а *военному* министру надлежит ведать уничтожением нужды трудящихся классов! Репрессивные законы в первую, картечь и штыки во вторую очередь, — воистину, «нет более действенного средства»! Быть может, г-н Шреккенштейн, уже одна фамилия которого, согласно одному вестфальскому адресу, внушает ужас* смутьянам, воспылал желанием продолжить свои трирские подвиги и сделаться Кавеньяком в уменьшенном прусском масштабе?

Но кроме этого «самого действенного» средства, в распоряжении г-на Ганземана имеются еще и другие:

«Для этой цели *также* необходимо предоставление занятий при помощи общественных работ, которые принесут стране действительную пользу».

Таким образом, г-н Ганземан обещает в этом отношении «предпринять еще более обширные работы для блага *всех* трудящихся классов народа», чем г-н Патов. Но сделает он это лишь тогда, «когда министерству удастся рассеять питаемую волнениями и *подстрекательствами* боязнь крушения государственного порядка и *восстановить* всеобщее *доверие,* необходимое для получения потребных *денежных средств».*

В данное время г-н Ганземан не может предпринять никаких работ, так как не может получить для этого никаких денег. Он сможет лишь тогда получить деньги, когда будет восстановлено доверие. Но когда будет восстановлено доверие, рабочие, по его собственным словам, найдут работу, и тогда правительству *не придется* предоставлять занятия безработным.

В этом отнюдь не порочном, а бюргерски-добродетельном кругу вертятся мероприятия г-на Ганземана по уничтожению нужды. Теперь же г-н Ганземан не может предложить рабочим ничего, кроме сентябрьских законов и Кавеньяка в миниатюре. В самом деле, это — министерство *дела!*

---

* «Игра слов: Schreckenstein—фамилия, «Schrecken» — «страх», «ужас». *Ред.*

Вопроса о признании революции в программе мы уж не будем касаться. «Хорошо осведомленный корреспондент» «Kolnische Zeitung», пишущий под значком «G», только что намекнул публике, в какой мере г-н Ганземан спас почву законности на благо соседних с нами публицистов. Г-н Ганземан признал за революцией лишь то, что она, по существу, вовсе не была революцией.

Едва г-н Ганземан кончил, как поднялся министр-президент *Ауэрсвальд* — ему ведь тоже полагалось что-то сказать. Он вынул исписанную бумажку и прочитал приблизительно следующее, только не в стихотворной форме:

Сегодня, судари, средь вас
Я счастлив пребывать
И этот незабвенный час
Век буду вспоминать.
От вас я слышу в этот миг
Сочувствующий вой;
Бессилен описать язык
Восторг безмерный мой[117].

Заметим, что мы истолковали здесь довольно невразумительную записку г-на министра-президента в самом благоприятном для него смысле.

Не успел г-н Ауэрсвальд кончить, как снова выскакивает наш Ганземан, чтобы постановкой вопроса о доверии показать, что он остался прежним. Он требует, чтобы проект адреса[*] был передан в комиссию, и говорит:

«Прием, который это предложение встретит в Собрании, даст представление о большем или меньшем доверии, с которым высокое Собрание относится к новому министерству».

Однако это было уже слишком. Депутат *Вейксель* — несомненно, один из читателей «Neue Rheinische Zeitung» — с возмущением вскакивает на трибуну и заявляет решительный протест против этого неизменного метода постановки вопроса о доверии. До сих пор все шло хорошо. Но раз уж немец взял слово, он не скоро с ним расстанется, и вот г-н Вейксель углубился в пространное рассуждение о всякой всячине — о революции, о 1807 и 1815 гг., о горячем сердце, бьющемся под простой курткой, и о разных других предметах. И все это потому, что «ему необходимо высказаться». Ужасный шум и несколько возгласов «браво» со стороны левых заставили этого достойного человека сойти с трибуны.

[*] См. настоящий том, стр. 52—53. *Ред.*

Г-н Ганземан стал уверять Собрание, что министерство совершенно не намерено *легкомысленно* ставить *вопрос о доверии.* К тому же на сей раз это не полный, а только частичный вопрос о доверии, так что нет надобности и говорить об этом.

Тогда разгораются такие дебаты, какие бывают редко. Все говорят одновременно, перескакивая с пятого на десятое. Говорят о доверии, о порядке дня, о регламенте, о польской национальности, о том, чтобы отложить обсуждение, и все это происходит вперемежку с криками «браво» и шумом. Наконец, г-н *Парризиус* замечает, что г-н Ганземан внес предложение от имени министерства, тогда как министерство как таковое не имеет права вносить какие-либо предложения, а может только делать сообщения.

Г-н *Ганземан* отвечает: он оговорился, предложение, в сущности, вовсе не предложение, а только *пожелание* министерства.

Величественный вопрос о доверии сводится, следовательно, всего-навсего к «пожеланию» господ министров!

Г-н Парризиус вскакивает на трибуну с левой стороны, г-н Риц — с правой. На трибуне они сталкиваются. Схватка становится неизбежной — ни один из героев не желает уступить; тогда председатель г-н Эссер берет слово, и оба героя возвращаются на свои места.

Г-н *Захарие* вносит от своего имени предложение министерства и требует продолжения дебатов.

Г-н Захарие, услужливый пособник как этого, так и прежнего министерства, который и во время прений по предложению Берендса выступил в надлежащий момент с поправкой и явился, таким образом, ангелом-спасителем, не находит ничего больше сказать для мотивировки своего предложения. Того, что сказано г-ном министром финансов, совершенно достаточно.

Развертываются продолжительные прения с неизбежными поправками, перерывами, шумом, криками и крючкотворством по поводу регламента. Нет надобности водить наших читателей по этому лабиринту, — достаточно раскрыть перед ними несколько наиболее привлекательных выходов из этого хаоса.

1) Депутат *Вальдек* поучает нас: адрес не может быть возвращен в комиссию, потому что комиссии больше не существует.

2) Депутат *Хюффер* объясняет: адрес является ответом не короне, а министрам. Министры, составившие тронную речь, больше не существуют. Как же мы можем отвечать тому, кто больше не существует?

3) Депутат *Д'Эстер* в форме поправки делает отсюда следующий вывод: Собрание считает нужным отказаться от адреса.

4) Эта поправка следующим образом отводится председателем *Эссером:* «Это заявление представляется новым предложением, а не поправкой».

Таков скелет прений. Но этот тощий скелет обрастает массой рыхлого мяса в виде речей гг. министров Родбертуса и Кюльветтера, гг. депутатов Захарие, Рейхеншпергера II и др.

Положение в высшей степени странное. Как говорит сам г-н Родбертус, «неслыханно в истории парламентов, чтобы министерство уходило в отставку в тот момент, когда обсуждается проект адреса и по этому поводу открываются прения!». Пруссии вообще посчастливилось в том отношении, что в первые шесть недель ее парламентской жизни почти только и совершались вещи, «неслыханные в истории парламентов».

Г-н Ганземан в таком же затруднении, как и палата. Адрес, несомненный ответ на тронную речь Кампгаузена—Ганземана, на деле должен превратиться в ответ на программу Ганземана—Ауэрсвальда. Угодливая по отношению к Кампгаузену комиссия должна поэтому проявить такую же угодливость и по отношению к г-ну Ганземану. Затруднение лишь в том, чтобы растолковать людям это «неслыханное в истории парламентов» требование. Для этого прибегают к всевозможным средствам. Родбертус — эта эолова арфа левого центра — наигрывает свои нежнейшие мелодии. Кюльветтер стремится умиротворить всех; ведь возможно-де, что при новом рассмотрении проекта адреса «придут к заключению, что *и в настоящий момент нет основания вносить никаких изменений* (!), но, чтобы прийти к такому заключению» (!!), необходимо снова вернуть проект в комиссию! Наконец, г-н Ганземан, которому, как всегда, надоедают эти длинные прения, разрубает узел, сказав прямо, почему проект должен быть возвращен в комиссию: он не желает, чтобы новые изменения проскользнули с черного хода в качестве министерских поправок, — они должны явиться в зал с парадного хода, через широко раскрытые двери в виде предложений комиссии.

Министр-президент заявляет, что необходимо, чтобы «министерство, *в согласии с конституцией, принимало участие* в составлении проекта адреса». Как это понимать и что за конституции имеет в виду г-н Ауэрсвальд, мы сами, сколько ни размышляли над этим, не в состоянии сказать. Тем более, что в Пруссии в настоящий момент *нет* никакой конституции.

Необходимо упомянуть еще лишь о двух речах противной стороны — гг. Д'Эстера и Хюффера. Г-н *Д'Эстер* очень удачно высмеял программу г-на Ганземана, применив к его весьма

отвлеченной программе его же собственные прежние пренебрежительные замечания об абстракциях, о бесполезных спорах по поводу принципов и т. д. Д'Эстер потребовал от министерства *дела* «перейти, наконец, к делу и оставить в стороне вопросы о принципах». Его предложение, единственно разумное за весь день, мы уже отметили выше.

Г-н *Хюффер,* ярче всех выразивший правильную точку зрения на адрес, весьма ярко сформулировал также и свое отношение к требованию г-на Ганземана: Министерство желает, чтобы мы из доверия к нему передали адрес в комиссию, и ставит свое существование в зависимость от нашего решения. Однако министерство может требовать вотум доверия только в отношении действий, *им самим совершенных,* а не в отношении действий, *навязываемых им Собранию.*

Короче говоря, г-н Ганземан требует вотум доверия, а Собрание, чтобы избавить г-на Ганземана от огорчения, вотирует косвенное порицание своей комиссии, обсуждавшей проект адреса. Министерство дела скоро покажет господам депутатам, что за штука знаменитый Treasury Whip (министерский кнут).

Написано Ф. Энгельсом 2 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 34, 4 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

АРЕСТЫ

Кёльн, 3 июля. Министерство *дела* проявляет себя пока лишь как министерство полиции. Его первым делом был арест гг. *Монекке* и *Фернбаха* в Берлине, вторым — арест бомбардира *Функа* в Саарлуи. Теперь эти «дела» начинаются и здесь, в Кёльне. Сегодня утром арестованы гг. доктор *Готшальк* и лейтенант в отставке *Аннеке.* Мы еще не располагаем точными сведениями ни о причинах, ни об обстоятельствах этих арестов, поэтому воздерживаемся пока от суждения.

Рабочие будут достаточно благоразумны, чтобы не позволить спровоцировать себя на выступление.

Написано 3 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 34, 4 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

АРЕСТЫ

Кёльн, 4 июля. Мы обещали вчера нашим читателям вернуться к аресту гг. д-ра *Готшалька* и *Аннеке.* До сих пор нами получены более подробные сообщения только об аресте Аннеке.

Между 6 и 7 часами утра шесть или семь жандармов явились на квартиру Аннеке, сразу же грубо оттолкнули в дверях служанку и тихо поднялись по лестнице. Трое остались в передней, четверо проникли в спальню, где спали Аннеке и его жена, которая должна была скоро рожать. Из этих четырех столпов правосудия один немного покачивался, уже с раннего утра преисполненный «духом»[*], живительной влагой, водкой.

Аннеке спросил, что им угодно. — «Следуйте за нами!», — последовал краткий ответ. Аннеке попросил их, по крайней мере, пощадить его больную жену и выйти в переднюю. Но господа из святой германдады[118] не пожелали удалиться из спальни, потребовали, чтобы Аннеке скорее одевался и не позволили ему даже поговорить с женой. В передней они от понукания переходят к рукоприкладству, причем один из жандармов вдребезги разбивает стеклянную дверь. Аннеке *сталкивают* с лестницы. Четыре жандарма отвозят его в новую тюрьму, трое остаются при г-же Аннеке, чтобы караулить ее до прибытия государственного прокурора.

По предписанию закона при аресте обязан присутствовать хотя бы один *чиновник судебной полиции* — полицейский комиссар или кто-нибудь другой. Но к чему подобные формальности

[*] Игра слов: «Geist» означает «дух», а также «спирт». *Ред.*

с тех пор, как народ имеет для защиты своих прав два Собрания: одно в Берлине, а другое во Франкфурте?

Через полчаса для производства обыска прибыли государственный прокурор *Геккер* и судебный следователь *Гейгер.*

Г-жа Аннеке заявляет жалобу на то, что государственный прокурор предоставил производить арест грубым жандармам, не сдерживаемым присутствием какого-либо должностного лица. Г-н Геккер отвечает, что он не давал *приказания о грубом обращении.* Как будто г-н Геккер мог давать подобные приказания !

Г-жа *Аннеке:* Вероятно, жандармов намеренно послали *одних* вперед, чтобы снять с себя ответственность за их грубость. К тому же арест был произведен незаконно, так как ни один из жандармов не предъявил приказа об аресте; один из жандармов, правда, вынул из кармана какую-то бумажку, но не дал ее прочесть Аннеке.

Г-н *Геккер:* «Жандармы были *направлены* для производства ареста *по постановлению судебных властей».* Но разве постановления судебных властей не подчиняются постановлениям закона? Государственный прокурор и судебный следователь конфисковали большое количество бумаг и прокламаций, среди них целую папку, принадлежащую г-же Аннеке, и т. д. Кстати, г-н судебный следователь Гейгер намечается на пост *полицейдиректора.*

Вечером Аннеке допрашивали в течение получаса. Причиной его ареста будто бы послужила мятежная речь, произнесенная им на последнем собрании в Гюрценихе[119]. Статья 102 Code pénal[120] упоминает о публичных речах, *непосредственно* призывающих к заговорам против императора и членов его семьи или имеющих целью вызвать нарушение государственного спокойствия путем гражданской войны, путем противозаконного употребления вооруженной силы, открытого погрома или разбоя. Кодексу неизвестен прусский термин «возбуждение недовольства». Ввиду невозможности применить прусское право будут пока прибегать к статье 102 во всех тех случаях, когда ее применение юридически совершенно недопустимо.

Во время самого ареста в городе были сосредоточены значительные военные силы; с четырех часов утра войска были собраны в казармах. Пекарей и ремесленников впустили в казармы, но обратно не выпустили. Около 6 часов утра в Кёльн прибыли гусары из Дёйца и проскакали через весь город. Отряд из 300 человек занял новую тюрьму. Сегодня поступили сведения об арестах еще четырех человек: Янсена, Калькера, Эссера и кого-то четвертого. Расклеенное на стенах воззвание

Янсена, в котором он призывал *рабочих к спокойствию,* было, как нас уверяют *очевидцы, сорвано* вчера вечером полицией. Было ли это сделано в интересах порядка? Или, наоборот, искали повод для осуществления в славном городе Кёльне давно задуманных планов?

Говорят, что г-н обер-прокурор Цвейфель уже давно запрашивал окружной суд в Арнсберге, может ли он арестовать Аннеке на основании вынесенного ранее приговора[121] и затем переслать его в Юлих. Повидимому, королевская амнистия помешала этому благому намерению. Дело было передано в министерство.

Говорят, будто г-н обер-прокурор Цвейфель заявил еще, что в течение недели покончит в Кёльне на Рейне с 19 марта, с клубами, со свободой печати и со всеми другими порождениями злополучного 1848 года. Г-н Цвейфель не принадлежит к числу скептиков!

Разве г-н Цвейфель не объединяет в своем лице исполнительную власть с законодательной? Быть может, лавры обер-прокурора должны прикрыть грехи народного представителя? Мы просмотрим еще раз наши излюбленные стенографические отчеты и дадим читателям полную картину деятельности народного представителя и обер-прокурора Цвейфеля.

Таковы, следовательно, дела *министерства дела,* министерства левого центра, министерства, являющегося переходом к стародворянскому, старобюрократическому, старопрусскому министерству. Как только г-н Ганземан сыграет свою переходную роль, он получит отставку.

Левая в Берлине должна, однако, уразуметь, что старая власть может спокойно дозволить ей одерживать маленькие парламентские победы и составлять большие конституционные проекты, лишь бы самой тем временем завладеть всеми действительно решающими позициями. Она смело может признавать революцию 19 марта в палате, если только вне палаты эта революция будет разоружена.

В одно прекрасное утро левая, возможно, убедится, что ее парламентская победа совпадает с ее действительным поражением. *Быть может, развитие Германии и нуждается в подобных контрастах.*

Министерство дела признает революцию в принципе для того, чтобы на практике осуществлять контрреволюцию.

Написано 4 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 35, 5 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Кёльн, 4 июля. Мы остановимся сегодня на согласительном заседании от 28 июня. Собрание имеет дело с новым председателем, новым регламентом и новыми министрами. Следовательно, можно себе представить, какая там царит неразбериха.

После долгих предварительных прений о регламенте и других вопросах слово получает, наконец, депутат *Гладбах.* Несколько дней тому назад прусская военщина насильственно разоружила в Шпандау возвращавшихся из Шлезвиг-Гольштейна добровольцев 6-й роты добровольческого корпуса, распущенной за республиканские убеждения; некоторые добровольцы были даже арестованы. Прусская военщина не имела на это абсолютно никакого законного основания и никаких законных полномочий. По закону военные власти вообще не имеют права самовольно проводить такие меры. Но большинство этих добровольцев были участниками баррикадных боев в Берлине, и господа гвардейцы должны были им отомстить за это.

Г-н *Гладбах* сделал запрос министерству по поводу этого акта военного деспотизма.

Военный министр *Шреккенштейн* ответил, что ему об этом ничего не известно и он сохраняет за собой право запросить соответствующие учреждения.

Итак, народ платит жалованье военному министру за то, что он 28-го, находясь в Берлине, еще ничего не знает о мерах, принятых 25-го военными властями в Шпандау, в трех часах езды от Берлина, и за то, что, можно сказать, на его глазах. в трех часах езды от Берлина, гвардейские лейтенанты занимают

вокзалы и отбирают у вооруженного народа принадлежащее ему, завоеванное им на поле битвы оружие, не считая при этом даже нужным удостоить г-на министра чести представления рапорта! Но, разумеется, г-н подполковник Шлихтинг, совершивший этот геройский поступок, действовал согласно «инструкциям», получаемым, вероятно, из Потсдама, куда он, повидимому, представляет и свои рапорты!

Завтра, умоляет хорошо информированный военный министр, завтра, *возможно,* я смогу дать ответ!

Далее следует запрос Захарие: министерство обещало представить законопроект о гражданском ополчении. Будет ли этот проект основан на принципе всеобщего вооружения народа?

Новый министр внутренних дел, г-н Кюльветтер, отвечает: законопроект о гражданском ополчении уже представлен, но еще не обсуждался в министерстве, поэтому он не может сообщить более подробных сведений по этому вопросу.

Итак, новое министерство было сформировано так скоропалительно, оно так плохо уяснило себе основные принципиальные вопросы, что даже такая жгучая проблема, как вооружение народа, еще совершенно не ставилась на обсуждение!

Второй запрос депутата *Гладбаха* касается окончательного утверждения бургомистров и других чиновников соответствующими учреждениями, на которые до сих пор была возложена эта обязанность. Так как все прежние административные учреждения функционируют лишь как временные, то они могут заполнять освободившиеся вакансии лишь временно, до окончательного утверждения соответствующим законодательством порядка назначения различных чиновников. Однако, несмотря на это, бургомистры и другие чиновники утверждены окончательно.

Министр *Кюльветтер* целиком соглашается с г-ном Гладбахом и заявляет, что он отдаст распоряжение о том, чтобы бургомистры назначались только временно.

Следующий запрос г-на *Гладбаха* относительно отстранения от должности многих чиновников, которых ненавидит подвластное им население и из коих некоторые, особенно в деревне, были изгнаны в период первого революционного подъема, ловко обходится г-ном председателем Грабовым.

После небольших прений по вопросам регламента ставится на обсуждение запрос депутата *Дирике о* кёслинском адресе[122] и о распространении этого адреса окружными управлениями и ландратами. Но г-н депутат совершенно позабыл, что его запрос стоял в повестке дня, и не захватил с собой необходимых для его обоснования документов. Поэтому ему не оставалось

ничего другого, как произнести несколько общих фраз о реакции, получить в высшей степени неудовлетворительный ответ министра и выслушать слова председателя, что Диршке, по-видимому, удовлетворен ответом.

Однако г-н Диршке внес еще второй запрос: предполагают ли министры пресечь реакционные поползновения дворянства и бюрократии.

Но, кажется, он забыл документы и по этому вопросу. Вместо того, чтобы привести факты, он снова ограничился -декламацией и не нашел ничего лучшего как потребовать от министерства, чтобы оно выпустило прокламацию против реакции.

Г-н *Кюльветтер* отвечает, конечно, что его интересуют не убеждения дворян-землевладельцев и чиновников, а исключительно их действия, что эти люди пользуются такой же свободой, как г-н *Диршке,* и что, впрочем, г-ну Диршке следовало бы привести факты. Нелепую мысль об издании «указа» против реакции он отклоняет с подобающей важностью. Тогда г-н Диршке приводит факт, что в его округе Олау ландрат, якобы, заявил, что Национальное собрание придет к соглашению не ранее, чем оно будет спаяно картечью, а про депутата от этого округа (т. е. самого Диршке) сказал, будто тот заявил, что повесить министра — это пустяк.

Отсюда председатель сделал вывод, что г-н Диршке получил удовлетворение также и по второму запросу, и г-н Диршке не нашел что возразить.

Однако г-н *Ганземан* не считает себя удовлетворенным. Он упрекает оратора в том, что тот уклонился от основного вопроса. Он «предоставляет Собранию судить, насколько оно считает удобным выдвигать против чиновников личные обвинения, если они тут же не подтверждаются доказательствами».

После этого гордого вызова г-н Ганземан садится на свое место под громкие возгласы одобрения правых и центра.

Депутат *Эльснер* вносит неотложное предложение. Необходимо немедленно назначить комиссию для обследования положения прядильщиков и ткачей, а также всей прусской льняной промышленности.

Г-н *Эльснер* делает Собранию краткий и убедительный доклад о том, как старое правительство в каждом отдельном случае приносило льняную промышленность в жертву всевозможным династическим и легитимистским интересам или, точнее, прихотям. Доказательством служат Испания, Мексика, Польша, Краков.

К счастью, факты оказались убедительными и затрагивали лишь старое правительство. Поэтому никто не стал возражать; правительство заявило, что заранее предоставляет себя в распоряжение комиссии, и предложение было принято единогласно.

Далее последовал запрос *Д'Эстера,* относительно обритых поляков[123].

Д'Эстер заявил, что он желает получить разъяснения не только по поводу самого факта, но и специально по вопросу о мерах, принятых министерством против подобного образа действий. Поэтому он и обращается не к военному министру, а ко всему министерству.

Г-н *Ауэрсвальд:* Если Д'Эстер не желает получить ответ по поводу конкретного случая, то «министерство совершенно *не заинтересовано»* в обсуждении вопроса.

В самом деле, министерство совершенно «не заинтересовано» в обсуждении этого вопроса! Какая новость! В действительности интерпелляции обычно вносятся лишь по таким вопросам, в обсуждении которых «министерство» абсолютно *те заинтересовано»!* Именно *потому,* что оно не заинтересовано в ответе, именно поэтому, г-н министр-президент, и вносятся запросы министерству.

Впрочем, г-н министр-президент, вероятно, полагает, что он имеет дело не с теми, кто стоит над ним, а со своими подчиненными. Ответ на запрос он пытается поставить в зависимость от того, представляет ли вопрос интерес не для Собрания, а для министерства!

Мы объясняем исключительно неопытностью г-на председателя Грабова тот факт, что он не призвал к порядку г-на Ауэрсвальда за это бюрократическое высокомерие.

Впрочем, министр-президент заверил, что против бритья голов полякам будут приняты решительные меры, но что подробности об этом он сможет сообщить лишь позднее.

Д'Эстер охотно соглашается с отсрочкой ответа, но выражает желание, чтобы был указан день, когда Ауэрсвальд соблаговолит ответить.

Г-н *Ауэрсвальд,* который, вероятно, туговат на ухо, отвечает: Я полагаю, что из моего заявления нельзя сделать вывода, что министерство впоследствии не пожелает (!) вернуться к этому вопросу. Но дня он назначить еще не может.

Однако *Бенш* и *Д'Эстер* решительно заявляют, что они требуют разъяснений и по поводу самого факта.

Затем *Д'Эстер* вносит второй запрос: что означают военные приготовления в Рейнской провинции, в частности в Кёльне, и не возникла ля необходимость защиты границы с Францией?

Г-н *Шреккенштейн* отвечает: никаких войск, за исключением некоторого числа запасных, в течение последних месяцев иа Рейн переброшено не было. (Пусть так, храбрый Баяр, но ведь их там уже давно было более чем достаточно.) *Все* крепости, а не только Кёльн, усиливаются, дабы отечеству не угрожала опасность.

Итак, значит, если войска ,в Кёльне не будут переведены в форты, где им совершенно нечего делать и где они весьма плохо расквартированы, если артиллерия не получит орудий, а войска не будут снабжены хлебом на восемь дней вперед, если нехота не будет снабжена боевыми патронами, а артиллерия картечью и пушечными ядрами, то отечество будет в опасности? Таким образом, по словам г-на Шреккенштейна, отечество только тогда окажется *вне* опасности, если Кёльн и другие крупные города будут находиться *в* опасности!

Впрочем, «все передвижения войск должны быть предоставлены исключительно на усмотрение военного лица, военного министра, в противном случае он не может нести ответственность!».

Можно подумать, что это говорит оскорбленная в своей невинности молодая девица, а не прусский pro tempore* Баяр, рыцарь без страха и упрека, имперский барон Рот фон Шреккенштейн, одно имя которого наводит ужас!

Если депутат доктор медицины Д'Эстер, который, поистине, выглядит карликом по сравнению с могучей фигурой имперского барона Рот фон Шреккенштейна, запрашивает названного Шреккенштейна о значении того или иного мероприятия, то великий имперский барон полагает, что маленький доктор медицины хочет отобрать у него право распоряжаться расположением войск, а в таком случае он не может нести ответственность!

Короче говоря: г-н военный министр заявляет, что его не следует *привлекать* к *ответственности,* в противном случае он вовсе не сможет *нести ответственность.*

Впрочем, чего стоит запрос депутата по сравнению с «усмотрением военного лица, и в особенности военного министра»!

Д'Эстер заявляет, правда, что он не удовлетворен, однако делает из ответа Шреккенштейна заключение, что военные приготовления произведены для защиты границы с Францией. Министр-президент *Ауэрсвальд* протестует против такого заключения.

* — временный. *Ред.*

Если *все* пограничные крепости будут усилены, то ведь тем самым *все* границы будут «защищены». Если *все* границы будут защищены, то в таком случае и граница с *Францией* будет «защищена».

Г-н Ауэрсвальд согласен с предпосылками и «от имени министерства не принимает» заключения.

Мы, напротив, «принимаем во имя» здравого человеческого смысла, что г-н Ауэрсвальд не только туговат на ухо.

Д'Эстер и *Пфаль* немедленно заявляют протест. *Рейхенбах* заявляет, что Нейсе[*], крупнейшая крепость Силезии на востоке, отнюдь не усиливается и находится в самом жалком состоянии. Когда он начинает приводить подробные данные об этом, правые, при поддержке центра, поднимают страшный шум, и Рейхенбах вынужден сойти с трибуны.

Г-н *Мориц:*

«Граф Рейхенбах *не* указал, на каком основании он взял слово (!). *На том же самом основании,* полагаю, и я могу взять слово (!!). Я считаю непарламентарным и неслыханным в истории парламентов фактом подобным образом... (сильный шум) ставить министерство в *затруднительное положение,* говорить о вещах, которые не подлежат широкому оглашению... Мы присланы сюда не для того, чтобы ввергать отечество в *опасность».* (Страшный шум. Наш Мориц вынужден сойти с трибуны.)

Депутат Эссер I прекращает шум тем, что пускается в столь же серьезное, сколь и своевременное разъяснение § 28 регламента.

Г-н *Мориц* протестует и заявляет, что он вовсе не желал внести фактическую поправку, а хотел лишь «взять слово на тех же основаниях, как и граф Рейхенбах»! Консервативная часть Собрания вступается за него и награждает его громкими криками «браво», против чего крайняя левая шумно протестует.

Ауэрсвальд:

«Уместно ли обсуждать в целом или в частностях такие детали об обороноспособности прусского государства?»

На это следует, во-первых, заметить, что речь шла не об обороноспособности государства, а о его *неспособности к обороне.* Во-вторых, неуместным является то, что военный министр вооружается против внутреннего врага, а не против внешнего, но вовсе не то, что ему напоминают об его обязанностях.

Правая страшно скучает и требует прекращения прений. Под общий шум председатель объявляет вопрос исчерпанным.

[*] Польское название: Ныса *Ред.*

В порядке дня стоит запрос *Юнга.* Г-н Юнг считает удобным отсутствовать. Удивительное народное представительство! Тогда ставится запрос депутата *Шольца.* Он гласит дословно:

«Запрос г-ну министру внутренних дел о том, может ли он дать разъяснение и склонен ли он отвечать по вопросу о *нецелесообразном введении в округах констеблей*[124]».

Председатель: Я спрашиваю прежде всего, *ясен* ли этот запрос.

(Запрос оказывается неясным и зачитывается вторично.)

Министр *Кюльветтер:* Я, право, не знаю, по какому вопросу от меня требуют разъяснений. Вопрос для меня неясен.

Председатель: Поддерживается ли запрос? (Запрос не поддерживается.)

Шольц: Я временно беру свой запрос назад.

После этой непревзойденной, «неслыханной в истории парламентов» сцены мы на сегодня также отступаем «назад».

Написано Ф. Энгельсом 4 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 35, 5 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПРОТИВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 6 июля. Нами только что получено следующее опровержение по поводу статьи, напечатанной во вчерашнем номере «[Neue] Rheinische Zeitung» и датированной «Кёльн, 4 июля», относительно ареста гг. д-ра Готшалька и Аннеке*.

«Я объявляю ложным сообщение, будто на жалобу г-жи Аннеке по поводу ареста ее мужа, произведенного в отсутствии должностного лица, я ответил:

Я не давал *приказания о грубом обращении.*

На самом деле я лишь заявил, что сожалею, если жандармы держали себя неподобающим образом.

Далее, я объявляю ложным сообщение, будто я выразился таким образом:

«Жандармы были *направлены,* для производства ареста *по постановлению судебных властей».*

Я лишь заметил, что арест был произведен согласно приказу г-на следователя о приводе.

Приказы о приводе по закону выполняются судебными исполнителями или представителем военной власти. Присутствие чиновника судебной полиции нигде не предусмотрено.

Содержащиеся в статье клеветнические выпады и оскорбления против г-на обер-прокурора Цвейфеля и жандармов, производивших арест, получат должную оценку во время судебного следствия, которое возбуждается по этому делу.

Кёльн, 5 июля 1848 г.

Государственный прокурор

Геккер»

Наши уважаемые читатели могут убедиться на основании вышеприведенного, что «Neue Rheinische Zeitung» приобрела нового, многообещающего сотрудника — *прокуратуру.*

---

* См. настоящий том, стр. 172—174. *Ред.*

Мы ошиблись лишь в *одном* юридическом вопросе. При аресте должен присутствовать не *«чиновник судебной полиции»,* а лишь *представитель государственной власти.* Какую трогательную заботу проявляет кодекс о неприкосновенности личности!

Все же тот факт, что господа жандармы не предъявили приказа об аресте, остается незаконным. Незаконным является и то, что, как нам сообщили позднее, они еще *до* появления г-на Геккера и его спутника *стали просматривать бумаги.* Но прежде всего незаконным является *грубое обращение,* по поводу которого г-н Геккер выразил свое *сожаление.* Мы поражены, что судебное следствие возбуждается не против господ жандармов, а против газеты, которая разоблачила бесчинство господ жандармов.

Оскорбление могло бы относиться лишь к одному из господ жандармов, о котором говорилось, что он в ранний час *«покачивался»* по причинам более или менее спиритуальным или спиртуозным. Но если следствие подтвердит, — в чем мы ни на минуту не сомневаемся, — правильность фактов, т. е. грубого обращения, допущенного господами агентами государственной власти, то, по нашему мнению, мы только заботливейшим образом, со всем подобающим печати беспристрастием, подчеркнули, в собственных интересах обвиняемых нами господ, единственное *«смягчающее вину обстоятельством;* а прокуратура превращает это продиктованное человеколюбием указание на единственное смягчающее вину обстоятельство в «оскорбление» !

Наконец, об оскорблении г-на обер-прокурора *Цвейфеля* или клевете на него!

Мы просто поместили сообщение и, как мы сами указали, это сообщение основано на *слухах,* которые дошли до нас из надежных источников. Но ведь печать не только имеет право, но и обязана самым тщательным образом контролировать деятельность господ народных представителей. Мы одновременно указали, что парламентская деятельность г-на Цвейфеля дает основание полагать, что приписываемые ему враждебные по отношению к народу высказывания, возможно, имели место. Неужели у печати хотят отнять право *судить* о парламентской деятельности народного представителя? К чему же тогда печать?

Разве печать не имеет права находить, что в народном представителе *Цвейфеле* слишком много качеств обер-прокурора, а в обер-прокуроре слишком много качеств народного представителя? Зачем же тогда в Бельгии, Франции и т. д. происходят дебаты о несовместимости?

Что касается *конституционной традиции,* то мы рекомендуем посмотреть, как «Constitutionnel», «Siecle»[125] и «Presse»[126] при Луи-Филиппе оценивали парламентскую деятельность гг. *Эбера, Плугульма* и др., в то время, когда эти господа одновременно возглавляли прокуратуру и являлись депутатами. Почитайте бельгийские газеты, и именно строго конституционные — «Observateur»[127], «Politique», «Emancipation» — и посмотрите, как они оценивали парламентскую деятельность г-на *Баве* еще в прошлом году, когда г-н Баве объединял в своем лице депутата и генерального прокурора.

Неужели то, что всегда разрешалось при министерстве Гизо, при министерстве Рожье, не разрешается в *монархии на самой широкой демократической основе?* Неужели право, которое не оспаривалось ни одним министерством французской Реставрации, становится преступлением при *министерстве дела,* признающем *революцию в принципе?*

Впрочем, из нашего экстренного приложения, выпущенного сегодня утром, публика убедилась, насколько правильно мы предугадали ход событий. *Родбертус* вышел из министерства, а *Ладенберг* вошел в него. Министерство левого центра за несколько дней *превратилось в определенно старопрусское реакционное министерство. Правые* решились на *государственный, переворот*[128], *левые с угрозами отступили.*

Неужели было не ясно, что последние события в Кёльне уже были предусмотрены в большом плане военных действий *министерства дела?*

Только что нам сообщили, что «Neue Rheinische Zeitung» не пропускают в тюрьму. Дают ли тюремные правила основание для такого запрещения? Или политические заключенные в виде наказания осуждены читать исключительно *«Kolnische Zeitung»?*

Написано К. Марксом 6 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 37, 7 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

БЕРЛИНСКИЕ СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Кёльн, 6 июля. Пока в Берлине продолжается министерский кризис № 2, мы снова перенесемся, употребляя выражение депутата *Метце,* «из этой бури» в до сих пор столь «тихие воды» согласительных дебатов. Пусть говорят, что угодно, но мы здесь Провели не один час в уютной и веселой обстановке —

Порядок тут и благонравье,
Цветами же скромных забав и у нас
Ты наслаждаться вправе[129].

На очереди заседание от 30 *июня.* Уже при его открытии происходят значительные, в высшей степени характерные события.

Кто не слышал о великом походе пятидесяти семи отцов семейств из областей Берг и Марк, предпринятом для спасения отечества? Кто не знает, с каким презрением к смерти собрался в поход этот цвет консервативного мещанства, оставив жен, детей и дела на произвол судьбы? Они ринулись вперед, чтобы бороться с революцией не на жизнь, а на смерть, короче говоря, чтобы направиться в Берлин и вручить министерству петицию

против смутьянов.

Эти пятьдесят семь паладинов вручили затем и согласительному собранию письмо с робкими благочестивыми пожеланиями в реакционном духе. Письмо было зачитано. Некоторые господа из числа правых пожелали также узнать, чьи подписи стоят под этим документом. Секретарь начинает читать, но его прерывают криками: «довольно, довольно!»

Депутат *Берг:*

«Зачитанный документ является либо предложением, либо петицией. Если это предложение, то я желал бы знать, кто из депутатов его поддерживает. Если же это петиция, то ее следует направить в соответствующую комиссию и *не надоедать* нам *больше с этим делом».*

Этим лаконическим ответом г-на Берга вопрос был исчерпан. Председатель бормочет какие-то извинения и откладывает в сторону письмо пятидесяти семи отцов семейств.

Затем поднимается на трибуну наш старый друг и друг левых, депутат *Шульц* из Ванцлебена:

«Третьего дня я взял обратно свои предложения о гражданском браке и пр., указав, что формулировка этих законопроектов будет мною изменена. В стенографическом отчете я нашел по этому поводу замечание: *«смех».* Возможно, что кто-либо и смеялся по этому поводу, но, разумеется, *без всякого основания»* (снова смех).

И депутат Шульц из Ванцлебена с самым наивным простодушием распространяется о том, что он хотел лишь добра и охотно примет хороший совет, что он учел замечания о несовершенстве внесенных им законопроектов, но не может же он сам вносить поправки к своему собственному предложению, ввиду чего он считает своим долгом не «представлять» это предложение Собранию в первоначальном виде, а пока взять его обратно.

«Я не нахожу в этом ничего смешного и должен заявить протест по поводу слова «смех», которое представляет мой вполне обоснованный образ действий в *смешном* виде».

Депутат Шульц из Ванцлебена напоминает рыцаря Тангейзера:

Лишь вспомню тот *смех* —
Все плачу я снова и снова[130].

Депутат *Брилль* отмечает, что в обычно безукоризненных стенографических отчетах на этот раз пропущена фраза министра Ганземана о том, что программа нынешнего министерства является продолжением тронной речи. Это место особенно врезалось ему в память, так как ому как печатнику при этом вспомнились слова, которые он часто печатал: «продолжение следует».

Такое легкомысленное отношение к серьезным вопросам вызывает крайнее возмущение депутата г-на *Рица.* Он стремительно взбегает на трибуну и заявляет:

«Господа, я полагаю, что в интересах сохранения достоинства Собрания мы должны воздерживаться в своих речах от неуместных аналогий

и неподобающих *сравнений.* Кроме того, они *не парламентарны.* (Сильный шум.) Мы внесли в предыдущее заседание много *веселого оживления;* я считаю, что это унижает достоинство Собрания... в интересах сохранения достоинства этого Собрания я рекомендовал бы соблюдать известную *сдержанность».*

«В интересах» рекомендуемой депутатом Рицем «сдержанности» мы посоветовали бы депутату Рицу, «в интересах сохранения достоинства Собрания», как можно меньше выступать с речами, так как они всегда будут сопровождаться «веселым оживлением».

Однако дальнейшие события наглядно показали, что благие намерения таких добродетельных мужей, как гг. Шульц из Ванцлебена и Риц, всегда несправедливо оцениваются в этом ужасном мире. Дело в том, что председатель г-н *Грабов* назначил счетчиков, в том числе от левого центра г-на Шульца из Ванцлебена (смех), а от правого центра г-на Брилля (веселое оживление). Что касается г-на Брилля, то наши читатели должны знать, что этот депутат, принадлежащий к крайнему левому крылу, сел на скамьи правого центра к верхнесилезским и померанским крестьянам; благодаря своему популярному ораторскому таланту, ему удалось добиться того, что некоторые наущения реакционной партии не имели успеха среди этих крестьян.

Далее следует запрос г-на *Бенша* по поводу русской ноты, которая-де явилась причиной отступления Врангеля из Ютландии. *Ауэрсвальд,* несмотря на сообщение «Morning Chronicle»[131] и русской «Пчелы»[132], отрицает существование такой ноты. Мы полагаем, что г-н Ауэрсвальд прав; мы не думаем, что Россия направила в Берлин официальную «ноту». А о том, что Николай послал в Потсдам, мы знаем так же мало, как и г-н Ауэрсвальд.

Г-н *Бенш* вносит также запрос по поводу ноты майора Вильденбруха датскому правительству[133], из которой следует, что датская война — это только мнимая война, это игра, придуманная для того, чтобы дать выход чрезмерному патриотическому пылу.

Г-н *Ауэрсвальд* находит повод, чтобы *не* ответить на этот запрос.

После скучной и запутанной дискуссии о специальных комиссиях на этот раз, наконец, разыгралась действительно интересная парламентская сцена; во время этой сцены негодование и полемический пыл на какой-то момент заглушили стереотипную трескотню правых. Этой сценой мы обязаны депутату *Гладбаху.* Военный министр обещал сегодня дать ответ

на его запрос по поводу разоружения и ареста вернувшихся добровольцев*.

Как только председатель объявил, что на очереди стоит обсуждение этого вопроса, немедленно поднимается г-н подполковник *Грисхейм,* с которым мы уже давно знакомы, и начинает говорить. Однако резкие возгласы тотчас же положили конец этой бюрократически-солдафонской назойливости.

Председатель объясняет, что, согласно § 28 регламента, помощники министров могут получать слово лишь с согласия Собрания.

Грисхейм: Я нахожусь здесь в качестве представителя военного министра.

Председатель: Меня об этом *не известили.*

Грисхейм: Если *господа* не желают меня слушать... (Ого! Шум.)

«Господа!» Для г-на Грисхейма эти «господа» являются все же «высоким собранием». Г-ну председателю следовало бы призвать г-на Грисхейма к порядку за то, что он вторично ведет себя неподобающим образом.

Собрание желает выслушать г-на Грисхейма. Сначала берет слово г-н *Гладбах* для обоснования своего запроса. Но прежде всего он заявляет, что, поскольку он сделал запрос военному министру, он требует его присутствия — это право, предоставляемое Собранию регламентом. Однако председатель отклоняет это требование, и ввиду неотложности вопроса г-н Гладбах приступает к изложению содержания своей интерпелляции. Он рассказывает, как добровольцы, вследствие распространения военно-деспотических порядков и на их корпус, вышли из его состава и решили вернуться домой; как в Шпандау «проклятая полицейщина, которая вдруг выползла изо всех укромных уголков», заклеймила их позорным прозвищем «бродяг»; как в Шпандау их разоружили, задержали и, снабдив проездными свидетельствами, в принудительном порядке отправили по домам. Г-н Гладбах — первый депутат, которому удалось рассказать о таком постыдном деле с негодованием, которого оно заслуживает.

Г-н *Грисхейм* заявил, что эти меры были приняты по требованию берлинского полицейпрезидиума.

Тогда г-н *Гладбах* зачитывает подписанное принцем Фридрихом Шлезвиг-Гольштейнским и составленное в благожелательных выражениях увольнительное свидетельство одного из добровольцев и тут же противопоставляет ему проездное свидетельство, выданное тому же самому добровольцу в Шпан-

* См. настоящий том, стр. 175—176. *Ред.*

дау *«по решению министерства»* на следование по принудительному маршруту, как если бы он был бродягой. Гладбах указал на содержащуюся в проездном свидетельстве угрозу *ареста, принудительных работ* и *денежного штрафа* и на основании официального документа доказал, что утверждение г-на Грисхейма, будто бы это мероприятие исходило от полицейп-резидента, является ложью. Далее он спрашивает: разве в Шпандау существует еще особое *русское* министерство?

В первый раз министерство было изобличено в явной лжи. Все Собрание было охвачено крайним возбуждением.

Министр внутренних дел, г-н Кюльветтер, вынужден был, наконец, встать и пробормотать какие-то извинения. Ведь *ничего* не произошло, кроме того, что у 18 вооруженных людей было отнято оружие — ничего, кроме нарушения законности! Нельзя было допускать, чтобы вооруженные шайки без разрешения бродили по стране — т. е. 22 добровольца, которые направлялись на родину! (без разрешения!)

Первые слова г-на министра Собрание встретило явными признаками недовольства. Даже правые настолько еще находились под впечатлением этих уничтожающих фактов, что, по крайней мере, молчали. Но вскоре, когда они увидели, как их несчастный министр с трудом выпутывается из положения под смех и ропот левых, они приободрились и начали громко кричать «браво» беспомощно оправдывавшемуся Кюльветтеру; кое-кто из центра присоединился к ним, и г-н Кюльветтер, наконец, до того воспрянул духом, что смог заявить: Не я, а мой предшественник издал распоряжение об этих мероприятиях; но я заявляю, что вполне их одобряю и в подобном же случае намерен поступить точно так же.

Правые и центр вознаградили своего героического Кюльветтера за такую отвагу громовым «браво».

Но *Гладбах* не дает себя запугать. Под шум и крики консерваторов он поднимается на трибуну и снова спрашивает: Как могло случиться, что г-н Шреккенштейн, который ведь был министром еще до случая в Шпандау, *ничего об этом не знал?* Как могло случиться, что *четыре* добровольца с хорошими свидетельствами могли угрожать безопасности государства? (Здесь его прерывают господа из центра, напоминая о регламенте.) Вопрос нельзя считать исчерпанным. Как можно было принудительно отправлять этих людей на родину, как каких-то бродяг? (Оратора прерывают; шум.) Я не получил еще ответа на вопрос о проездных свидетельствах. Этих людей оскорбили. Почему же в таком случае здесь терпят шайку воинствующих мракобесов, которые прибыли с оружием в руках

из Вупперталя (страшный шум) и позорят столицу? (Шум. Крики «браво».)

Кюльветтер, наконец, выходит из положения, заявляя, что все это произошло из-за сомнительных свидетельств! Значит, свидетельство об увольнении, подписанное шлезвиг-гольштейнским командованием, для полицейских чиновников г-на Кюльветтера является «сомнительным»? Удивительная бюрократия!

Еще несколько депутатов выступают против министров, пока, наконец, председатель не заявляет, что обсуждение вопроса закончено, и пока депутат *Метце* не переносит Собрание из бури этих дебатов в тихие воды учительской жизни, где мы его и оставим, пожелав самых идиллических радостей.

Мы рады, что, наконец, одному из левых депутатов удалось хорошо обоснованным запросом и решительным выступлением прогнать сквозь строй господ министров и вызвать сцену, которая напоминает французские и английские парламентские дебаты.

Написано Ф. Энгельсом 6 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 37, 7 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

МИНИСТЕРСТВО ДЕЛА

Кёльн, 7 июля. У нас *новый министерский кризис.* Министерство *Кампгаузена пало,* министерство *Ганземана оступилось. Министерство дела* просуществовало всего *неделю,* несмотря на лечение домашними средствами, на пластыри, на процессы по делам печати, на аресты, несмотря на высокомерную наглость, с которой бюрократия снова подняла свою голову, покрытую архивной пылью, и принялась обдумывать мелочно-жестокую месть за свое низложение. *«Министерство дела»,* составленное из одних посредственностей, было столь ограниченным, что в начале последнего согласительного заседания верило еще в непоколебимую прочность своего положения.

К концу заседания оно совершенно распалось. Это чреватое последствиями заседание убедило министра-президента фон *Ауэрсвальда* в том, что он должен подать в отставку; министр фон *Шреккенштейн* тоже не захотел дольше оставаться в свите Ганземана, и вот все министерство отправилось вчера к королю в Сан-Суси. На чем там порешили, мы узнаем завтра.

Наш берлинский корреспондент, пишущий под значком # добавляет к своему сообщению:

«Только что распространился слух, что спешно вызваны *Финке, Gиндер, Мевиссен,* чтобы принять участие в составлении нового министерства».

Если этот слух подтвердится, то от министерства посредничества через министерство дела мы доберемся, *в конце концов,*

до министерства контрреволюции. *В конце концов!* Самого короткого существования этой министерской контрреволюции было бы достаточно, чтобы во весь рост показать народу тех карликов, которые при малейшем дуновении реакции вновь поднимают свои крохотные головы.

Написано К. Марксом 7 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 39, 9 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Кельн, 8 июля. Одновременно с известием о распаде министерства Ганземана мы получили также стенографический отчет о согласительном заседании 4 июля. На этом заседании было оглашено сообщение о выходе из министерства г-на Родбертуса, что явилось первым симптомом распада министерства; кроме того, оба противоречивых голосования по поводу познанской комиссии, а также уход левых сильно ускорили развал министерства.

Сообщения господ министров о выходе г-на Родбертуса и в стенографическом отчете не дают ничего нового; поэтому мы не будем останавливаться на этом.

Поднимается г-н *Форстман.* Он-де вынужден протестовать по поводу тех выражений, которые были допущены г-ном Гладбахом 30 июня[*] в отношении «депутации самых почтенных мужей Рейнской области и Вестфалии».

Г-н *Берг:* Я уже сделал не так давно, ссылаясь на регламент, замечание, что оглашение петиции здесь неуместно и что оно мне прискучило[**]. (Возгласы: *нам* прискучило!) Хорошо, *нам.* Я говорил от своего имени и от имени *многих других,* и то обстоятельство, что нам сегодня задним числом докучают замечаниями, не снимает этого замечания.

Г-н *Тюсхаус,* референт центрального отделения, делает сообщение по вопросу о познанской комиссии. Центральное отделение предлагает, чтобы была создана комиссия для

[*] См. настоящий том, стр. 189—190. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 186. *Ред.*

рассмотрения всех вопросов, имеющих отношение к Познани, и оставляет открытым вопрос о том, с помощью каких средств комиссия должна будет осуществить эту цель.

Гг. Вольф, Мюллер, Рейхеншпергер II и Зоммер вносят поправки; все они поддерживаются и ставятся на обсуждение.

Г-н *Тюсхаус* дополняет свой отчет некоторыми замечаниями, в которых он высказывается против комиссии. В данном случае, как и всегда, истина-де находится где-то посередине, и после длинных и противоречивых сообщений Собрание придет лишь к тому заключению, что обе стороны допускали неправильные действия, т. е. останется при том же мнении, что и сейчас. Прежде всего следовало бы потребовать подробного отчета от правительства, а затем уже делать дальнейшие выводы.

Как может центральное отделение назначать докладчика, который выступает против своего же собственного доклада?

Г-н *Рейтер* излагает причины, побудившие его выдвинуть вопрос о назначении комиссии. Наконец, он заявляет, что ни в коем случае не намеревался возбуждать обвинение против министров; ему, как юристу, слишком хорошо известно, что всякая ответственность министров за случившееся остается иллюзорной до тех пор, пока не существует соответствующего закона.

Выступает г-н *Рейхеншпергер II.* Он клянется в своих горячих симпатиях к Польше; он надеется, что недалек тот день, когда германская нация уплатит свой старый долг чести потомкам Собеского. (Как будто этот долг чести давно уже не уплачен восемью разделами Польши, шрапнелью, адским камнем и палочными ударами!) «Но мы должны также проявить максимум спокойствия и благоразумия, дабы германские интересы всегда оставались на первом плане». (Германские интересы, разумеется, заключаются в том, чтобы удержать в своих руках как можно большую часть этой области.) Г-н Рейхеншпергер особенно возражает против создания комиссии по расследованию обстоятельств дела: «это вопрос такого характера, что может быть разрешен только *историей* или судом». Разве г-н Рейхеншпергер позабыл о том, что, как он сам заявил во время дебатов о революции, господа депутаты призваны *«делать историю»?*[*] Он заканчивает свое выступление чисто юридическим софизмом о положении депутатов. Мы еще вернемся к вопросу о компетенции.

Но вот поднимается на трибуну г-н *Бауэр* из Кротошина, сам польский немец, чтобы защитить интересы своих собратьев.

---

[*] См. настоящий том, стр. 76. *Ред.*

«Я бы очень просил Собрание предать забвению прошлое и заниматься лишь вопросами будущности народа, который вправе рассчитывать на ваше участие».

Как трогательно! Г-н Бауэр из Кротошина настолько поглощен заботой о будущности польского народа, что хотел бы «предать забвению» его прошлое, варварство прусской военщины, евреев и польских немцев! В интересах самих поляков следует отказаться от обсуждения этих вопросов!

«Чего можно ждать от таких печальных разбирательств? Если вы сочтете виновными немцев, то разве вы будете из-за этого меньше заботиться о защите их национальности, об охране их личности и их собственности?»

Действительно, великолепная откровенность! Г-н Бауэр из Кротошина признает, что немцы, возможно, были неправы, — но и в этом случае, все равно, немецкую национальность следует поддерживать в ущерб полякам!

«Я не представляю себе, какую пользу может принести копание в прошлом для удовлетворительного разрешения в настоящее время этих сложных вопросов».

Разумеется, никакой «пользы» для господ польских немцев и их ярых сторонников. Потому-то они так упорно и возражают против этого.

Далее г-н Бауэр пытается запугать Собрание: такая комиссия вызовет-де вновь возбуждение умов, разожжет фанатизм, и в результате всего этого может произойти новое кровавое столкновение. Эти человеколюбивые соображения удерживают г-на Бауэра от голосования за комиссию. Но чтобы не получилось впечатления, что его доверители имеют основание опасаться комиссии, он не может голосовать и против. В интересах поляков он *против* комиссии, в интересах немцев *за* таковую, а чтобы проявить при этой дилемме всю свою беспристрастность, он вовсе не голосует.

Другой депутат из Познани, *Бусман* из Гнезена, считает, что одно уже его присутствие является доказательством того, что в Познани проживают также и немцы. Он хочет доказать на основании статистических данных, что в его районе живет «масса немцев». (Его прерывают.) Кроме того, имущество более чем на две трети находится в руках немцев.

«К тому же я хочу доказать, что мы, пруссаки, не только в 1815 г. *завоевали* Польшу *силой нашего оружия* (!?!), но завоевали ее вторично 33-летним миром и нашей интеллигентностью» (доказательством чего служит данное заседание). (Его прерывают. Председатель предлагает Г-ну Бусману говорить по существу.) «Я не возражаю против реоргани-

зации, но самой разумной реорганизацией было бы введение муниципального устава с выборностью чиновников; такой устав и постановления Франкфуртского собрания о защите всех национальностей предоставили бы полякам все гарантии. Но против демаркационной линии я решительно возражаю. (Его прерывают. Вторичное предупреждение.) Если говорить по существу вопроса, то я против комиссии, так как она бесполезна и лишь вызовет волнения; впрочем, я не боюсь ее создания и, если будет нужно, я выскажусь за комиссию... *(Его* прерывают: Значит, он говорит за нее!) Нет, я говорю против... Господа, чтобы объяснить вам хотя бы причины возникновения восстания, я хочу вкратце...» (Его прерывают. Возражения.)

Цешковский: Не прерывайте его! Дайте высказаться!

Председатель: Я еще раз прошу оратора строго придерживаться существа вопроса.

Бусман: «Я уже высказался против комиссии и мне нечего больше добавить!»

Выразив этими словами свое возмущение, немецко-польский г-н помещик в ярости покидает трибуну и под громкий смех присутствующих спешит занять свое место.

Г-н *Хейне,* депутат Бромбергского округа, пытается спасти честь своих земляков, голосуя за комиссию. В то же время он также не может удержаться от того, чтобы не упрекнуть поляков в лицемерии, обмане и т. п.

Г-н *Баумштарк,* также польский немец, опять-таки выступает против создания комиссии. Причины все те же.

Поляки воздерживаются от участия в дискуссии. Только Покшивницкий высказывается за создание комиссии. Известно, что именно поляки уже давно настаивали на расследовании, в то время как сейчас выясняется, что все польские немцы, за исключением одного, протестуют против этого.

Г-н *Поле* — настолько не поляк*, что он всю Познань причисляет к Германии, а границу между Германией и Польшей называет «стеной, разделившей Германию».

Защитники комиссии говорили в общем пространно и недостаточно резко. Так же, как и их противники, они без конца повторялись. Их аргументы большей частью носили полемически тривиальный характер и были гораздо менее занимательны, чем пристрастные клятвенные уверения польских немцев.

На позиции министров и чиновников в этом вопросе, а также на знаменитом вопросе о компетенции мы остановимся завтра.

Написано Ф. Энгельсом 8 июля 1848 г.

Напечатано я «Neue Rheinische Zeitung» № 39, 9 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Игра слов: Pohle — фамилия, «Pole» — «поляк». *Ред.*

МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС

Кёльн, 9 июля. Министерство *Ганземана* с большим упорством оттягивает свое падение на несколько дней. В особенности министр финансов оказывается слишком патриотичным, чтобы передать управление государственной казной в неопытные руки. В парламентском смысле министерство уже распалось, но фактически оно еще продолжает существовать. В Сан-Суси, повидимому, решили попытаться еще раз продлить жизнь министерству. Само согласительное собрание, готовое каждую минуту нанести министерству смертельный удар, тут же приходит в ужас, пугается своих собственных вожделений, а большинство этого Собрания, очевидно, догадывается, что, если министерство Ганземана еще не является тем министерством, которое было бы ему по душе, то министерство, которое придется ему по душе, будет одновременно министерством кризиса и развязки. Отсюда колебания Собрания, его непоследовательность, его злые выходки и неожиданные приступы раскаяния. А *министерство дела* с непоколебимым, почти циничным равнодушием соглашается на такую жизнь, которая дается в виде одолжения, ежеминутно ставится под вопрос, — жизнь глубоко унизительную, поддерживаемую толью милостынями слабохарактерных.

Дюшатель! Дюшатель! Неизбежный, с трудом отложенный на несколько дней конец этого министерства будет таким же бесславным, каким было его существование. Дополнительный материал для суждения об этом существовании читатель найдет в статье нашего берлинского корреспондента, пишущего под значком #, которая публикуется в сегодняшнем номере нашей газеты. Мы можем обрисовать согласительное заседание

от 7 июля в нескольких словах. Согласительное собрание насмехается над министерством Ганземана[*], оно доставляет себе удовольствие наносить ему полупоражения; министерство, улыбаясь и злобствуя одновременно, склоняет свою голову; но на прощание высокое собрание кричит ему вслед: *«уж вы не обижайтесь!»,* а стоический триумвират *Ганземан—Кюльветтер—Мильде* бормочет в ответ: «Pas si bete! Pas si bete!»[**].

Написано К. Марксом 9 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 40, 10 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] Игра слов: Hansemann — фамилия, «hanseln» — «насмехаться». *Ред.*
[**] — «Не так уж мы глупы! Не так уж мы глупы!» *Ред*.

СОГЛАСИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 ИЮЛЯ

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Кёльн, 9 июля. Насколько назначение комиссии для расследования с неограниченными полномочиями является неотложным и необходимым актом справедливости по отношению к полякам, явствует из основанного на подлинных документах сообщения, которое мы начали печатать три дня тому назад[134].

Старопрусские чиновники, заведомо враждебные полякам, усмотрели в обещаниях реорганизации угрозу своему существованию. Малейший акт справедливости по отношению к полякам представлялся им опасностью. Отсюда фанатическая ярость, с которой они, при поддержке разнузданной солдатни, обрушивались на поляков, нарушали договоры, оскорбляли самых безобидных граждан, поощряли или санкционировали величайшие гнусности, лишь бы вызвать поляков на выступление, подавление которого ввиду огромного перевеса сил представлялось несомненным.

Министерство Кампгаузена, не только слабое, беспомощное, плохо осведомленное, но и *нарочито,* принципиально бездеятельное, предоставило все своему течению. Совершались неслыханнейшие акты варварства, но г-н Кампгаузен и пальцем не шевельнул.

Какими сообщениями располагаем мы о гражданской войне в Познани?

С одной стороны, пристрастные, лицеприятные сообщения Виновников войны — чиновников и офицеров — и опирающиеся на их показания данные, которые могут быть представлены министерством. *Само* министерство — тоже заинтересованная

сторона, пока в него входит г-н Ганземан. Эти документы пристрастны, но они являются *официальными.*

С другой стороны — факты, собранные поляками, их жалобы министерству, в особенности письма архиепископа Пшилуского министрам. Эти документы в большинстве случаев являются неофициальными, но их составители стремятся доказать правду.

Эти два рода сообщений полностью противоречат друг другу. Задача комиссии — выяснить, на чьей стороне правда.

Она сможет это сделать — за исключением некоторых случаев — лишь при том условии, если сама выедет на место и там на основании свидетельских показаний выяснит по крайней мере наиболее важные факты. Если ей это запретят, то вся ее деятельность будет носить иллюзорный характер, ибо ей, быть может, удастся провести некоторые историко-филологические изыскания, признать большую или меньшую достоверность тех или других сообщений, но решить она ничего не сможет.

Все значение комиссии зависит от того, будет ли она иметь полномочия допрашивать свидетелей, и поэтому все рьяные ненавистники поляков в Собрании стремятся помешать этому с помощью всякого рода глубокомысленных и хитроумных соображений; этим объясняется и государственный переворот в конце заседания.

Депутат *Блём* говорил во время прений 4 июля:

«Разве это значит стремиться к выяснению истины, если искать ее, как предлагается в некоторых поправках, в докладах правительства? Конечно же, нет! На чем основаны доклады правительства? Большей частью на сообщениях чиновников. Откуда же взялись эти чиновники? Они являются порождением старой системы. Разве исчезли старые чиновники? Разве были проведены новые, отражающие волю народа выборы новых ландратов? Отнюдь нет. Осведомляют ли нас чиновники о действительных настроениях в стране? Старые чиновники представляют теперь такие же доклады, что и раньше. Таким образом, не подлежит сомнению, что простое ознакомление с документами министерства нас ни к чему не приведет».

Депутат *Рихтер* идет еще дальше. Он рассматривает поведение познанских чиновников лишь как крайне резко выраженное, но неизбежное следствие сохранения прежней системы управления и прежних чиновников вообще. Подобные конфликты между служебным долгом и интересами старых чиновников могут каждый день происходить и в других провинциях.

«Со времени революции мы получили новое министерство, теперь имеем даже и второе. Но министерство есть лишь душа—оно должно всюду вносить единообразную организацию. В провинциях же повсеместно сохранилась без изменений прежняя система управления. Хотите вы, чтобы я выразился иначе? Так вот — нельзя вливать новое вино в старые заплесневелые мехи. Вот почему в великом герцогстве раздаются

отчаянные жалобы. Но обязаны ли мы уже *по одному этому* назначить комиссию, чтобы стало ясно, насколько необходимо как в Познани, так и в других провинциях заменить старую систему новой, более соответствующей времени и обстоятельствам?»

Депутат *Рихтер* прав. После революции смена всех гражданских и военных чиновников, а также части судебных чиновников, и особенно *прокуратуры,* является первой необходимостью. В противном случае лучшие начинания центральной власти потерпят крушение из-за сопротивления низших чиновников. Слабость как французского временного правительства, так и министерства Кампгаузена принесла в этом отношении самые горькие плоды.

В Пруссии же, где в течение сорока лет как в области военной, так и в области гражданской администрации царила абсолютная власть превосходно организованной бюрократической иерархии и где именно бюрократия была главным врагом, побежденным 19 марта, — в Пруссии было более чем где бы то ни было необходимо провести полную смену гражданских и военных чиновников. Но министерство посредничества, разумеется, не имело призвания осуществлять требования революции. Его осознанным призванием было ничего не делать, и поэтому оно оставило пока реальную власть в руках своих старых противников—бюрократов. Оно выступило «посредником» между старой бюрократией и новыми порядками. Зато при «посредничестве» бюрократии оно оказалось перед лицом гражданской войны в Познани и должно было нести ответственность за жестокости, невиданные со времени Тридцатилетней войны.

Министерство Ганземана, наследник министерства Кампгаузена, должно было перенять все активы и пассивы своего завещателя, т. е. не только большинство в палате, но и познанские события и познанских чиновников. Министерство было, таким образом, прямо заинтересовано в том, чтобы сделать работу следственной комиссии как можно более фиктивной. Ораторы министерского большинства, и в первую очередь юристы, употребили весь свой запас казуистики и хитроумия, чтобы найти глубокомысленные принципиальные причины, по которым комиссия не должна допрашивать свидетелей. Мы зашли бы слишком далеко, если бы стали здесь восхищаться юридической изворотливостью какого-нибудь Рейхеншпергера и других. Мы должны ограничиться рассмотрением обстоятельного выступления г-на министра *Кюльветтера.*

Оставляя совершенно в стороне суть вопроса, г-н *Кюльветтер* начинает с заявления, насколько приятно было бы министерству, если бы подобные комиссии выяснением дела и т. д.

облегчили ему выполнение лежащих на нем сложных задач. Да, если бы г-ну Рейтеру не пришла счастливая мысль предложить создание подобной комиссии, г-н Кюльветтер, безусловно, сам настоял бы на этом. Комиссии следует дать как можно более широкие задания (чтобы она не могла с ними справиться!); он совершенно согласен, что проявлять робость и нерешительность в данном вопросе неуместно. Ее деятельность должна распространяться на все прошлое, настоящее и будущее Познанской провинции; поскольку речь будет идти только о выяснении положения, министерство не будет боязливо ограничивать компетенцию комиссии. Разумеется, могут зайти слишком далеко, по он полагается на мудрость комиссии в решении вопроса о том, следует ли, например, ей включать в круг своей деятельности также и вопрос о смещении познанских чиновников.

Таковы предварительные уступки г-на министра, уснащенные известной дозой добродетельной декламации и встреченные оживленными возгласами «браво». Затем следуют различные *«но»*.

«Но поскольку здесь говорилось, что доклады о Познани никак не могут пролить правильный свет на положение, ибо они исходят только от *чиновников,* и к тому же чиновников старого времени, то я считаю своим долгом взяты под защиту это достойное сословие. Если правда, что некоторые чиновники не были верны своему долгу, то нужно наказать отдельных лиц, забывших про свои обязанности, но нельзя унижать все *сословие* чиновников за то, что отдельные его члены нарушили свой долг».

Как смело выступает г-н Кюльветтер! Несомненно, были отдельные случаи нарушения долга, но в целом чиновники с честью исполняли свой долг.

И в самом деле, познанские чиновники в огромном большинстве *исполнили* свой «долг», свой «долг перед служебной присягой», перед всей старопрусской бюрократической системой, перед своими собственными интересами, совпадающими с этим долгом. Они исполнили свой долг, не брезгуя никакими средствами, лишь бы уничтожить в Познани результаты 19 марта. И именно поэтому, г-н Кюльветтер, Ваш «долг» состоит в. том, чтобы сместить всех этих чиновников!

Но г-н Кюльветтер говорит о том долге, который определялся дореволюционными законами, между тем как ныне речь идет о совсем ином долге, возникающем после каждой революции и состоящем в том, чтобы правильно понять изменившиеся условия и способствовать их развитию. А требовать от чиновников, чтобы они сменили прежнюю бюрократическую точку зрения на новую, конституционную, чтобы они, как и новые министры, стали на почву революции, значит, согласно г-ну Кюльветтеру, унижать достойное сословие!

Г-н Кюльветтер отклоняет также сделанный в общей форме упрек в том, что главари пользовались покровительством, что преступления оставались безнаказанными. Он требует указания определенных фактов.

Неужели г-н Кюльветтер всерьез утверждает, что не осталась безнаказанной хоть какая-нибудь часть насилий и жестокостей, совершенных прусской военщиной при поддержке и с ведома чиновников, при одобрении польских немцев и евреев? Г-н Кюльветтер говорит, что пока он не мог еще всесторонне ознакомиться с колоссальным материалом. В действительности, повидимому, он в высшей степени односторонне знакомился с ним.

Но вот г-н Кюльветтер подходит к «самому трудному и сложному вопросу», а именно — каковы должны быть *формы* деятельности комиссии. Г-н Кюльветтер желал бы, чтобы этот вопрос был обсужден более подробно, ибо «в основе его, как было отмечено, лежит принципиальный вопрос, вопрос о droit d' enquete*».

Г-н Кюльветтер осчастливил нас затем пространным рассуждением о разделении властей в государстве, в чем, вероятно, было много нового для верхнесилезских и померанских крестьян, заседающих в Собрании. Забавно слышать, как прусский министр — да к тому же еще «министр дела» — в лето от рождества христова 1848 с торжественной серьезностью излагает с трибуны взгляды Монтескьё.

Разделение властей, которое г-н Кюльветтер и другие великие философы государственного права с глубочайшим благоговением рассматривают как священный и неприкосновенный принцип, на самом деле есть не что иное, как прозаическое деловое разделение труда, примененное к государственному механизму в целях упрощения и контроля. Подобно всем другим вечным, священным и неприкосновенным принципам, и этот принцип применяется лишь в той мере, в какой он соответствует существующим отношениям. Так, в конституционной монархии законодательная и исполнительная власть переплетаются в лице государя; далее, в палатах законодательная власть переплетается с контролем над исполнительной и т. д. Эти необходимые ограничения разделения труда в государстве находят в устах такого государственного мудреца, как наш «министр дела», следующее определение:

«Законодательная власть, поскольку она осуществляется народным представительством, имеет свои собственные органы; исполнительная власть тоже имеет свои органы, точно так же как и судебная. Недопустимо

* — праве расследования. *Ред.*

поэтому (!), чтобы одна власть непосредственно использовала органы другой власти, если только она не уполномочена на это *специальным законом».*

Отклонение от принципа разделения властей недопустимо, «если только это» не предписано «специальным законом»! И, наоборот, применение предписанного разделения властей в такой же мере недопустимо, «если только это» не предписано «специальным законом»! Какое глубокомыслие! Какие открытия!

О том, что в случае революции разделение властей прекращается без всякого «специального закона», г-н Кюльветтер не упоминает ни единым словом.

Далее г-н Кюльветтер подробно распространяется о том, что предоставление комиссии права допрашивать под присягой свидетелей, требовать сведений от чиновников и пр., — словом, права видеть все *собственными глазами,* есть-де нарушение принципа разделения властей и должно быть определено специальным законом. В виде примера он приводит бельгийскую конституцию, 40-я статья которой специально предоставляет палатам droit d' enquete.

Но, г-н Кюльветтер, разве в Пруссии по закону и фактически существует разделение властей в том смысле, в каком вы его понимаете, т. е. в конституционном смысле? Разве существующее разделение властей не является ограниченным, урезанным, приспособленным к *неограниченной* бюрократической монархии? Как же можно, следовательно, применять к этому разделению властей конституционные понятия, пока оно не будет преобразовано в конституционном духе? Как может Пруссия иметь такую 40-ю статью конституции, пока самой конституции еще не существует?

Подведем итоги. По г-ну Кюльветтеру, назначение комиссии с неограниченными полномочиями является нарушением конституционного разделения властей. Но в Пруссии еще не существует никакого конституционного разделения властей, и, следовательно, оно не может быть нарушено.

Однако оно должно быть введено, и при том временном революционном порядке, при котором мы живем, оно, по мнению г-на Кюльветтера, должно считаться как бы *уже существующим.* Если бы г-н Кюльветтер был прав, конституционные *исключения* также должны были бы считаться существующими. А к этим конституционным исключениям и принадлежит как раз право законодательного органа производить расследование!

Но г-н Кюльветтер отнюдь не прав. Как раз наоборот, временный революционный порядок именно в том и состоит, что разделение властей временно *отменяется,* что законодательный орган временно захватывает исполнительную власть или

исполнительный орган захватывает власть законодательную. Находится ли революционная диктатура (а она остается диктатурой, в какой бы слабой форме она ни осуществлялась) в руках короны, или Собрания, или в руках их обоих,—это совершенно безразлично. Если г-ну Кюльветтеру интересны примеры всех трех случаев, то французская история с 1789 г. предоставляет их во множестве.

Временный порядок, к которому апеллирует г-н Кюльветтер, свидетельствует как раз против него. Порядок этот признает за Собранием и совершенно другие атрибуты власти, кроме одного только права расследования, — он дает ему даже право в случае необходимости превращаться в *судебный трибунал* и выносить приговоры без всяких законов!

Если бы г-н Кюльветтер заранее предвидел такого рода последствия, он, быть может, был бы несколько осторожнее с «признанием революции». Но пусть он успокоится:

Германия ведь не притон разбойный,
А детский уголок спокойный[135],

и господа соглашатели могут заседать, сколько им угодно, — их Собрание никогда не станет «Долгим парламентом».

Впрочем, если сравнить этого чиновника-доктринера министерства дела с его предшественником в области доктрины, г-ном Кампгаузеном, то мы все же найдем между ними существенную разницу. У г-на Кампгаузена было во всяком случае несравненно больше оригинальности; в нем было нечто от Гизо, тогда как г-н Кюльветтер не может возвыситься даже до карликовой фигуры лорда Джона Рассела.

Мы достаточно восхищались государственно-философской глубиной речи г-на Кюльветтера. Рассмотрим теперь цель, подлинную практическую основу этой заплесневелой мудрости, всей этой теории Монтескьё о разделении властей.

Г-н Кюльветтер как раз переходит теперь к выводам из своей теории. Министерство в виде исключения склонно приказать чиновникам выполнять то, что найдет нужным комиссия. Однако оно не может согласиться с тем, чтобы указания чиновникам исходили непосредственно от комиссии.

Иначе говоря, комиссия, не связанная непосредственно с чиновниками, не имея над ними никакой власти, не может заставить их давать иные сведения, чем те, которые они сами соблаговолят представить. И к тому же еще медлительность делопроизводства, бесконечное прохождение по инстанциям! Прекрасное средство — под видом разделения властей превратить комиссию в сплошную фикцию!

«Не может быть и речи о том, чтобы возложить на комиссию разрешение всей задачи, которая лежит на правительстве».

Точно кто-нибудь предлагал предоставить комиссии право *управления!*

«Правительство, *наряду* с комиссией, должно будет попрежнему заботиться о том, чтобы выяснить, какие причины вызвали раздоры в Поз-пани» (именно то обстоятельство, что оно так долго «выясняет» и все же ничего еще не *выяснило,* может служить достаточным основанием для того, чтобы теперь совершенно отстранить его от этого дела), «и вследствие того, что одна и та же цель будет достигаться двумя путями, зачастую неизбежна будет напрасная трата времени и труда, и едва ли можно будет избегнуть столкновений».

Судя по прецедентам, имевшим место до сих пор, комиссия несомненно «напрасно потратит много времени и труда», если, по предложению г-на Кюльветтера, вступит на путь бесконечного прохождения по инстанциям. И на этом пути столкновения будут возникать легче, чем если бы комиссия была непосредственно связана с чиновниками и тут же, на месте, выясняла недоразумения и преодолевала бюрократические рогатки.

«Поэтому (!) представляется естественным, чтобы комиссия стремилась к достижению цели в *согласии с* министерством и при его *постоянном участит.*

Еще лучше! Комиссия, которая должна контролировать министерство в согласии с ним и при его постоянном участии! Г-н Кюльветтер не постеснялся обнаружить, насколько он считает желательным, чтобы комиссия находилась под его контролем, а не он под контролем комиссии.

«Если же комиссия пожелала бы занять обособленное положение, то встал бы вопрос, может и желает ли она в таком случае взять на себя ответственность, лежащую на министерстве. Здесь уже было замечено столь же справедливо, сколь и остроумно, что неприкосновенность депутатов несовместима с подобной ответственностью».

Но речь идет не об управлении, а только об установлении фактов. Комиссия должна получить право применять необходимые для этого средства. И это все. Само собой разумеется, что комиссия должна будет нести ответственность перед Собранием как за недостаточное, так и за слишком широкое применение этих средств.

Все это имеет столь же мало отношения к министерской ответственности и к депутатской неприкосновенности, как и к «справедливости» и к «остроумию».

Словом, под предлогом разделения властей г-н Кюльветтер настоятельно просил соглашателей принять эти предложения для разрешения конфликта, но сам при этом никакого

определенного предложения не внес. Министерство дела чувствует под собой шаткую почву.

Мы не можем останавливаться на дальнейших прениях. Результаты голосования известны: поражение правительства при поименном голосовании, государственный переворот правых, которые затем приняли уже отвергнутое предложение. Обо всем этом мы уже сообщали. Добавим только, что среди рейнских депутатов, голосовавших *против* неограниченных полномочий комиссии, наше внимание привлекли к себе следующие имена:

Арнц (доктор права), Бауэрбанд, Френкен, Лензинг, фон Лоэ, Рейхеншпергер II, Симонс и последний по счету, но не по важности, наш обер-прокурор *Цвейфель*.

Написано Ф. Энгельсом 9 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 41, 11 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ
ПРОТИВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 10 июля. Вчера *одиннадцать* наборщиков нашей газеты и г-н Клоут получили предписание явиться во вторник, 11 июля, к судебному следователю в качестве свидетелей. Речь все еще идет об установлении автора инкриминируемой статьи*. Помнится, во времена старой *«Rheinische Zeitung»*[136], во времена цензуры и министерства Арнима, власти в поисках лица, приславшего в газету пресловутый «Законопроект о браке»[137], не прибегали ни к обыскам, ни к допросу наборщиков и владельца типографии. Правда, с тех пор мы пережили революцию, которую, на ее несчастье, признал г-н Ганземан.

Мы должны еще раз остановиться на *«опровержении»* г-на государственного прокурора *Геккера* от 5 июля**.

В этом опровержении г-н Геккер упрекает нас *во лжи* в связи с тем или иным приписываемым ему высказыванием. Быть может, мы располагаем сейчас материалами, чтобы в эту поправку внести свои поправки, но кто нам гарантирует, что в этой неравной борьбе нам опять не ответят параграфом 222 или параграфом 367 Уголовного кодекса?

Опровержение г-на *Геккера* заканчивается следующими словами:

«Содержащиеся в статье» (датированной Кёльн, 4 июля) *«клеветнические выпады и оскорбления* против г-на обер-прокурора Цвейфеля и жандармов, производивших арест, получат *должную оценку* во время *судебного следствия,* которое возбуждается по этому делу».

---

* См. настоящий том, стр. 172—174. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 182. *Ред.*

Должную оценку! Разве получили должную *«оценку» черно-красно-золотые* цвета в ходе «судебных следствий», когда *Кампц* был министром?[138]

Заглянем в Уголовный кодекс. Читаем § 367:

«Виновен в клевете тот, кто в общественных местах или в аутентичном и официальном документе, или в напечатанном или ненапечатанном сочинении, которое было вывешено, продано или роздано, обвинит кого-либо в таких фактах, которые, *если бы они действительно имели место,* повлекли бы за собой преследование в уголовном или исправительном порядке в отношении виновного или, по меньшей мере, навлекли бы на него презрение или ненависть граждан».

§ 370. «Если в *законном* порядке будет установлена достоверность факта, на котором покоится обвинение, то лицо, выдвинувшее обвинение, освобождается от всякого наказания. *Законным* доказательством считается лишь такое, которое основано на судебном *приговоре* или каком-нибудь ином *аутентичном документе».*

Для пояснения этого параграфа приведем еще § 368:

«Соответственно этому *не принимается во внимание прошение* лица, выдвинувшего обвинение, о предоставлении ему возможности *привести доказательства* в свою защиту; это лицо также не может ссылаться в; свое *оправдание* на то, что *документы или факт общеизвестны* или что обвинения, послужившие поводом к преследованию, повторены или заимствованы им из иностранных газет или из *других печатных сочинений»*[*].

В этих параграфах нашла отражение эпоха империи со всем свойственным ей утонченным деспотизмом.

Согласно *обычному* человеческому рассудку *оклеветанным* считается человек, которого обвиняют в выдуманных действиях; но *по необычному* разумению Уголовного кодекса человек считается оклеветанным, если ему приписывают поступки, *действительно* им совершенные, поступки, которые могут быть *доказаны,* но только не *единственно признаваемым* способом, не с помощью судебного *приговора* или *официального документа.* Чудодейственная сила судебных приговоров и официальных документов! Только *установленные судом,* только *официально документированные* факты считаются *настоящими, действительными* фактами. Существовал ли когда-либо свод законов, который бы так гнусно *клеветал* на самый обычный человеческий рассудок? Воздвигала ли когда-либо бюрократия подобную китайскую стену между собой и гласностью? Под защитой этого параграфа чиновники и депутаты так же *неприкосновенны,* как конституционные короли. Эти господа могут *совершить* столько действий, «навлекающих на них ненависть и презрение граждан», сколько их душе угодно, но говорить, писать, печатать об этих действиях ничего нельзя, не подвергаясь лишению

[*] В цитатах всюду курсив Маркса. *Ред.*

гражданских прав с обязательным тюремным заключением и денежным штрафом. Да здравствует свобода печати и слова, смягченная параграфами 367, 368 и 370! Тебя незаконно посадили в тюрьму. Печать разоблачает это беззаконие. *Результат:* разоблачение получает должную *«оценку»* в ходе «судебного следствия» по поводу «клеветы» на достопочтенного чиновника, совершившего беззаконие, — если только не случится такого чуда, что по поводу совершенного сегодня беззакония уже вчера был вынесен *судебный приговор.*

Не приходится удивляться тому, что рейнские юристы, и среди них *народный представитель Цвейфелъ,* голосовали против *польской комиссии* с неограниченными полномочиями! С точки зрения этих юристов следовало присудить поляков к лишению гражданских прав с обязательным тюремным заключением и денежным штрафом за *«клевету»* на Коломбов, Штейнеккеров, Хиршфельдов, Шлейницев, померанских солдат ландвера и старопрусских жандармов. Это достойным образом увенчало бы своеобразную пацификацию Познани.

И какое противоречие, ссылаясь на эти параграфы Уголовного кодекса, окрестить *клеветой* слух об угрозе покончить «с 19 марта, с клубами и со свободой печати»[*]! Как будто применение §§ 367, 368 и 370 Уголовного кодекса в отношении политических речей и произведений не есть действительная и окончательная ликвидация завоеваний 19 марта, клубов и свободы печати? Что такое клуб без свободы слова? И что такое свобода слова при существовании §§ 367, 368 и 370 Уголовного кодекса? И что такое 19 марта без клубов и свободы слова? Разве подавление свободы слова и печати на *деле* не является самым убедительным доказательством того, что только *клеветники* могли болтать о *намерении* совершить это дело? Остерегайтесь подписать составленное вчера в Гюрценихе обращение[139]. Прокуратура даст *«должную оценку»* вашему обращению, начав *«судебное следствие»* по обвинению вас в *«клевете»* на *Ганземана — Ауэрсвальда;* или же только на *министров* можно клеветать безнаказанно, клеветать в смысле французского уголовного кодекса, этого составленного в лапидарном стиле кодекса политического рабства? Разве у нас имеются ответственные министры и безответственные жандармы?

Следовательно, дело не в том, что инкриминируемая газетная статья может найти должную *оценку* путем применения параграфов о *«клевете в юридическом смысле», о* клевете в смысле *деспотической фикции,* возмущающей здравый человеческий

[*] См. настоящий том, стр. 174. *Ред.*

рассудок. Что здесь может найти должную оценку— это единственно только завоевания мартовской революции, это степень развития, которой достигла контрреволюция, это отчаянная наглость, с которой бюрократия извлекает и пускает в ход против новой политической жизни еще имеющееся в арсенале старого законодательства оружие. Применение параграфов о клевете к нападкам на *народных представителей* — какое это замечательное средство, чтобы отвести от этих господ удары критики, а прессу изъять из ведения суда присяжных!

Переходим от обвинения в *клевете к* обвинению в *оскорблении.* Здесь мы встречаемся с § 222, который гласит:

«Если одному или нескольким должностным лицам из административного или судебного ведомства *при исполнении,* или *по случаю исполнения ими своих служебных обязанностей* будет нанесено какое-либо *словесное* оскорбление с целью затронуть их честь или их деликатность, то лицо, оскорбившее их таким образом, карается тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет».

Когда в «Neue Rheinische Zeitung» появилась инкриминируемая статья, г-н *Цвейфель* выполнял функции *народного представителя* в *Берлине,* а никоим образом не функции *должностного лица судебного ведомства в Кёльне.* Так как он не исполнял никаких служебных обязанностей, то было фактически невозможно оскорбить его при исполнении служебных обязанностей или по случаю исполнения этих обязанностей. А честь и деликатность господ жандармов находилась бы под защитой этой статьи только в случае *словесного* (par parole) их оскорбления. Мы же *писали,* а не *говорили,* а par ecrit* — это не par parole. Итак, что же остается? Мораль, которая состоит в том, что о самом последнем из жандармов надо говорить с большей осторожностью, чем о первом из принцев, и в особенности не осмеливаться затрагивать в высшей степени раздражительных господ из прокуратуры. Еще раз обращаем внимание читателей на то, что *одни и те же* преследования начались одновременно в разных местах — в Кёльне, в Дюссельдорфе, в Кобленце. Странная цепь случайностей!

Написано К. Марксом 10 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 41, 11 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — письменно. *Ред.*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В ПРАГЕ

Кёльн, 11 июля. Несмотря на патриотический вой и шум, поднятый почти всей немецкой печатью, *«Neue Rheinische Zeitung»* с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии. С первого момента мы разоблачали макиавеллистскую политику, которая, будучи поколеблена в своих устоях в самой Германии, стремилась парализовать демократическую энергию, отвлечь от себя внимание, отвести в сторону поток революционной лавы, выковать оружие для внутреннего угнетения; с этой целью она вызвала своекорыстную, противную космополитическому характеру немцев *ненависть к другим народам,* и в войнах между народами, которые велись с неслыханной жестокостью и беспримерным варварством, создала военщину, какой не знала, пожалуй, даже Тридцатилетняя война.

В тот самый момент, когда немцы борются со своими правительствами за внутреннюю свободу, их заставляют под командой этих же самых правительств предпринимать крестовый поход против свободы Польши, Богемии, Италии. Какая глубина комбинации! Какой исторический парадокс! Охваченная революционным брожением Германия ищет выхода вовне в *войне с целью реставрации,* в походе *за* укрепление старой власти, *против* которой как раз направлена ее революция. Лишь *война против России* есть война *революционной Германии,* война, в которой она может смыть грехи прошлого, окрепнуть и победить своих собственных самодержцев, — война, в которой она, как подобает народу, сбрасывающему с себя оковы долгого покорного рабства, кровью своих сынов купит себе право на пропаганду

цивилизации и освободит себя внутри страны, освобождая народы вне ее.

Чем полнее последние события становятся достоянием гласности, тем сильнее факты подтверждают нашу точку зрения на войны между народами, которыми Германия запятнала свою новую эру. В целях такого освещения событий мы приводим запоздалое, правда, сообщение одного *немца* из Праги:

Прага, 24 июня 1848 г. (задержано доставкой)

«Deutsche Allgemeine Zeitung» поместила статью от 18 с. м. о собрании немцев, состоявшемся 18 с. м. в Аусcиге*. На этом собрании были произнесены речи, в которых обнаружилось такое незнакомство с нашими последними событиями и отчасти, говоря мягко, выявилась такая готовность осыпать нашу независимую печать позорными упреками, что референт считает своей обязанностью, насколько это возможно в настоящее время, разъяснить эти заблуждения и, твердо отстаивая истину, выступить против заблуждающихся и злонамеренных лиц. Нельзя не поражаться, когда люди, подобные «основателю Союза защиты немецких интересов на востоке», говорят перед лицом целого собрания: «Пока в Праге длится борьба, не может быть речи о прощении, и если нас ожидает победа, то ее следует в будущем использовать». Какую же победу одержали немцы, какой заговор был подавлен? Разумеется, тот, кто доверяет корреспонденту «Deutsche Allgemeine Zeitung», —повидимому, всегда очень поверхностно осведомленному, — или патетическим фразам «маленького пожирателя поляков и французов», или статьям вероломного «Frankfurter Journal», во время баденских событий натравливавшего немцев на немцев, а теперь немцев на чехов, — тот никогда не уяснит себе здешних условий. В Германии, повидимому, повсюду господствует мнение, что борьба на улицах Праги велась только во имя угнетения немецкой части населения и во имя основания славянской республики. О последнем мы не будем говорить, потому что такой взгляд слишком наивен. Что же касается первого, то во время боев на баррикадах не замечалось ни малейшей тени соперничества между национальностями; немцы и чехи стояли рядом, одинаково готовые защищаться, и я сам неоднократно просил ораторов, говоривших на чешском языке, перевести сказанное на немецкий язык, что и делалось каждый раз без малейших возражений. Говорят, что взрыв революции произошел на два дня раньше, чем предполагалось; но в таком случае должна была уже быть все-таки налицо какая-нибудь организация или, по крайней мере, должны были быть заготовлены боевые припасы, однако в действительности ничего этого не было. Баррикады неожиданно вырастали из-под земли там, где собиралось 10—12 человек. Впрочем, больше баррикад построить не было никакой возможности, так как даже самые маленькие улички были в трех-четырех местах забаррикадированы. Боевыми припасами делились на улицах, и количество их было очень ограничено. О высшем командовании, вообще о каком бы то ни было командовании, не было и речи. Защитники баррикад сражались там, где на них нападали, и стреляли без всякого руководства, без команды из домов и из-за баррикад. Каким же образом при таком неорганизованном, никем не руководимом сопротивлении могла возникнуть мысль о заговоре, если бы она не распространялась в официальном заявлении и в опубликованных результатах расследования? Однако само правительство,

* Чешское название: Усти. *Ред.*

повидимому, не считает это основательным, ибо из дворца не сообщают ничего, что могло бы разъяснить Праге события кровавых июньских дней. Захваченные члены Сворности почти все уже выпущены на свободу; будут выпущены и остальные пленные, только граф Букоа, Виллани и некоторые другие остаются еще под арестом. И в один прекрасный день мы, может быть, увидим на стенах Праги плакат, в котором будет сказано, что все было лишь недоразумением. Операции командующего генерала тоже не указывают на то, что приходилось защищать немцев от чехов. Ибо вместо того, чтобы привлечь к себе немецкое население разъяснением событий, взять баррикады и охранять жизнь и собственность «верных» жителей города, — генерал очищает Старый город, переходит на левым берег Молдавы* и расстреливает и немцев и чехов, так как бомбы и пули, попадавшие в Старый город, не могли отыскивать одних лишь чехов, а поражали одинаково всех, невзирая на кокарду. Какие же имеются, здраво рассуждая, основания предполагать существование славянского заговора, если до сих пор правительство не желает или не может дать никаких объяснений?

Гражданин д-р Гёшен из Лейпцига передал благодарственный адрес князю фон Виндишгрецу, которому этот генерал не должен, однако, придавать особенного значения и не должен рассматривать его как выражение народных чувств. Гражданин Гёшен — один из тех осторожных либералов, которые после февральских дней вдруг сделались либералами. Он — автор адреса с выражением доверия саксонскому министерству по поводу избирательного закона, в то время как вся Саксония единодушно возмущалась этим законом, ибо шестая часть ее населения, и в том числе как раз наиболее способные люди, оказалась лишенной своего основного гражданского права —избирательного права. Он один из тех, кто в «Немецком союзе» определенно высказывался против допущения к участию в выборах в Саксонии немцев не-саксонцев, и — обратите внимание, какое двуличие! — вскоре после того он от лица своего клуба обещал полное содействие тому, чтобы союз проживающих в Саксонии немцев не-саксонцев получил возможность избрать своего депутата во Франкфурт. Короче говоря, его вполне характеризует один факт: он — основатель «Немецкого союза». И этот человек посылает благодарственный адрес австрийскому генералу и благодарит его за защиту, оказанную им всему немецкому отечеству! Надеюсь, мне удалось доказать, что по всему происшедшему вовсе еще нельзя судить, сколь велики были до сих пор заслуги князя Виндишгреца перед немецким отечеством. Это покажет лишь результат расследования. Поэтому мы предоставим истории судить о «высоком мужестве, отважной деятельности, о твердой выдержке» генерала. Что же касается выражения «низкое убийство» по поводу смерти княгини, мы заметим только, что совершенно не доказано, что пуля предназначалась княгине, которая пользовалась единодушным уважением всей Праги. Если же это действительно было так, то убийца не уйдет от наказания, а горе князя, вероятно, не больше, чем горе той матери, которая видела, как унесли с размозженной головой ее 19-летнюю дочь — тоже невинную жертву. А относительно выражения в адресе «храбрые войска, столь мужественно сражавшиеся под вашим командованием», я вполне согласен с г-ном Гёшеном; если бы он, подобно мне, видел, с каким воинственным пылом эти «храбрые войска» набросились на Цельтнергассе в понедельник в полдень на беззащитную толпу, он нашел бы свое выражение слишком слабым. Что же касается меня, то я должен сознаться, как ни тяжело это для моего воинского самолюбия, что я, мирно прогуливаясь у собора среди

* — Влтавы. *Ред.*

женщин и детей, должен был вместе с ними обратиться в бегство перед лицом 30—40 императорско-королевских гренадеров, и притом столь поспешно, что весь мой багаж, т. е. моя шляпа, остался в руках победителей, ибо я нашел излишним ждать, пока сыпавшиеся позади меня удары обрушатся на меня. Однако шесть часов спустя мне привелось видеть, как те же императорско-королевские гренадеры сочли для себя возможным обстреливать в течение получаса картечью и шестифунтовыми снарядами баррикаду на Цельтнергассе, которую защищало не больше двадцати человек, — и все же не взяли ее до тех пор, пока защитники не покинули ее около полуночи. До рукопашной дело не доходило, за исключением отдельных случаев, когда перевес был на стороне гренадеров. Грабен и Новая аллея, судя по разрушению домов, были очищены, главным образом, артиллерией, и я позволю себе спросить: требуется ли особое презрение к смерти для того, чтобы очистить картечью широкую улицу, которую защищает но больше сотни едва вооруженных людей?

Что же касается последней речи г-на доктора Страдаля из Теплица*, в которой он говорит, что «пражские газеты действовали в чужих интересах» (нужно думать — в русских интересах), то я заявляю от имени независимой пражской печати, что это — или верх невежества или подлая клевета, вся нелепость которой уже достаточно доказана и будет впредь доказываться позицией наших газет. Свободная пражская печать никогда не имела других стремлений, кроме защиты независимости Богемии и отстаивания равных прав обеих национальностей. Ей, однако, отлично известно, что немецкая реакция стремится, так же как в Познани и в Италии, оживить себялюбивые националистические настроения, отчасти *для того, чтобы подавить революцию внутри Германии,* отчасти же для того, чтобы *подготовить военщину к гражданской войне.*

Написано 11 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 42, 12 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Теплице. *Ред.*

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ 7 ИЮЛЯ

Кёльн, 12 июля. Отчет о согласительном заседании 7 июля получен нами лишь вчера поздно вечером. Стенографические отчеты, которые обычно поступали сюда только на 24 часа позже, чем письменные сообщения, все больше запаздывают вместо того, чтобы поступать раньше.

Как легко было бы избежать такого запаздывания, видно по быстроте, с которой французские и английские газеты выпускают отчеты своих законодательных собраний. Английский парламент часто заседает до 4 часов утра, а уже четыре часа спустя стенографический отчет о заседании, напечатанный в «Times», распространяется во всех концах Лондона. Французская палата редко открывала свои заседания ранее 1 часа дня, заканчивая их между 5 и 6 часами, а уже в 7 часов вечера «Moniteur» обязан был доставить оттиск стенографического отчета о заседании в редакции всех парижских газет. Почему же досточтимый «Staats-Anzeiger» не может так же быстро справляться со своей работой?

Но перейдем к заседанию 7 июля, заседанию, на котором на долю министерства Ганземана выпало немало злых насмешек. Не будем останавливаться на протестах, заявленных в самом начале заседания, на предложении Д'Эстера об отмене постановления, принятого в конце заседания 4 июля (это предложение было оставлено в повестке дня), и на многих других предложениях, поставленных в порядок дня. Перейдем прямо к запросам и неприятным предложениям, которые сегодня обрушились на министерство.

Первым выступил г-н *Филипс.* Он запросил министерство, какие мероприятия предприняты для защиты наших границ от России?

Г-н *Ауэрсвальд:* Я считаю неуместным отвечать на этот вопрос на заседании Собрания.

Мы весьма охотно верим г-ну Ауэрсвальду. Единственный ответ, который он мог бы дать, это: *никакие,* или, точнее говоря, — ряд полков переброшен с русской границы на Рейн. Нас удивляет только, что Собрание довольно спокойно встретило этот смехотворный ответ г-на Ауэрсвальда, эту ссылку на car tel est notre bon plaisir*, сопроводив его лишь «шиканьем» некоторых депутатов и криками «браво» со стороны некоторых других.

Г-н *Боррис* вносит предложение отменить во втором полугодии 1848 г. поразрядный налог для низшей категории налогоплательщиков и немедленно отменить все мероприятия по принудительному взысканию недоимок за первое полугодие с той же категории.

Предложение передается в специальную комиссию.

Г-н *Ганземан* поднимается и заявляет, что подобные финансовые вопросы необходимо подвергать весьма серьезному обсуждению. К тому же есть все основания подождать с обсуждением этого вопроса, тем более, что на будущей неделе он внесет на обсуждение ряд законопроектов по финансовым вопросам, в том числе и законопроект, касающийся поразрядного налога.

Г-н *Краузе* обращается с запросом к министру финансов: возможно ли до начала 1849 г. заменить налоги на помол, убой скота и поразрядный налог подоходным налогом?

Г-н *Ганземан* вынужден еще раз подняться со своего места и с раздражением объяснить: ведь он уже сказал, что на следующей неделе внесет на обсуждение финансовые законы.

Но г-н Ганземан еще не испил до конца чашу страданий. Теперь встает г-н *Гребель* с пространным предложением, каждое слово которого — нож в сердце г-на Ганземана:

Принимая во внимание, что для обоснования предполагаемого выпуска принудительного займа ни в коем случае не будет достаточно простой ссылки на то, что казна и финансы истощены;

принимая во внимание, что для обсуждения вопроса о принудительном займе (против которого г-н Гребель протестует, пока не принята конституция, соответствующая всем обещаниям)

* — ибо так нам угодно. *Ред.*

необходим просмотр всех книг и документов финансового управления, — г-н Гребель предлагает:

назначить комиссию, которая просмотрит все книги и документы по управлению финансами и казначейством, начиная с 1840 г. по настоящее время, и представит об этом отчет.

Но мотивировка г-на Гребеля еще хуже, чем его предложение. Он говорит о многочисленных слухах по поводу разбазаривания и незаконного использования государственной казны, волнующих общественное мнение; он требует, в интересах народа, отчета об израсходовании всех тех средств, которые народ выплачивал в течение 30 лет мирного времени; он заявляет, что пока такое объяснение не будет представлено, Собрание не сможет вотировать ни гроша. Принудительный заем вызвал огромное волнение, принудительный заем является окончательным осуждением всего предшествующего управления финансами, принудительный заем — предпоследняя ступень перед государственным банкротством. Принудительный заем произвел тем боле'е ошеломляющее впечатление, что мы привыкли всегда слышать, что финансовое положение блестяще и что государственная казна даже в случае серьезной войны избавит нас от необходимости выпуска займа. Ведь г-н Ганземан сам подсчитал в Соединенном ландтаге, что государственная казна должна насчитывать не менее тридцати миллионов. Этого и можно было ожидать, поскольку не только продолжали уплачиваться те же высокие налоги, что и во время войны, но общая сумма их постоянно увеличивалась.

И вдруг появилось сообщение о предполагаемом выпуске принудительного займа, и одновременно, вместе с этим горьким разочарованием, исчезло сразу же и всякое доверие.

Единственное средство восстановить это доверие — немедленный вполне правдивый отчет о состоянии государственных финансов.

Г-н Ганземан, правда, пытался всякими юмористическими замечаниями позолотить пилюлю при сообщении о принудительном займе, но все же вынужден был признать, что принудительный заем произведет неблагоприятное впечатление.

Г-н *Ганземан* отвечает: Разумеется, министерство, коль скоро оно требует денег, готово представить все необходимые разъяснения относительно того, на что израсходованы поступившие до сего времени суммы. Но надо подождать, пока будут внесены на обсуждение уже дважды упомянутые мною финансовые законы. Что касается слухов, то неверно, будто государственная казна располагала огромными суммами, которые за последние годы уменьшились. Вполне естественно, что за

последние тяжелые годы, при нынешнем политическом кризисе, связанном с невиданным застоем в делах, самое блестящее состояние финансов могло превратиться в затруднительное.

«Здесь было сказано, что принудительный заем является предвестником государственного банкротства. Нет, господа, он не *должен* быть таким предвестником, напротив, заем *должен* вызвать *оживление кредита»*.

(Должен! должен! как будто воздействие принудительного займа на кредит зависит от благих пожеланий г-на Ганземана!) Насколько подобные опасения необоснованы, видно из того, что курс государственных бумаг повысился. Подождите же, господа, издания финансовых законов, которые я вам здесь сегодня обещаю в четвертый раз.

(Следовательно, кредит прусского государства настолько подорван, что ни один капиталист не хочет дать ему взаймы деньги даже под самые ростовщические проценты, и у г-на Ганземана нет другого выхода, кроме последнего средства обанкротившихся государств — принудительного займа; и при таком положении г-н Ганземан говорит еще о росте государственного кредита, потому что, по мере того как мы удалялись от 18 марта, государственные бумаги с трудом ползли вверх на 2—3 процента! А как же эти бумаги покатятся вниз, когда принудительный заем действительно будет выпущен!)

Г-н *Бенш* настаивает на назначении предложенной комиссии по проверке финансов.

Г-н *Шрамм:* Помощь нуждающимся, оказанная за счет государственных средств, не стоит того, чтобы о ней говорить; и если свобода стоит *нам* денег, то *правительству* до сих пор она во всяком случае ничего не стоила. Напротив, правительство скорее отпускало деньги на то, чтобы свобода не развилась до той стадии, на которой мы теперь находимся.

Г-н *Метце:* Вдобавок к уже известному нам факту, что государственная казна пуста, мы узнаем теперь еще, что в ней уже давно ничего нет. Эта новость является лишним подтверждением необходимости назначить комиссию.

Г-н *Ганземан* вынужден снова подняться:

«Я никогда не говорил, что в государственной казне ничего нет и что в ней ничего не было; наоборот, я заявил, что за последние 6—7 лет государственная казна значительно увеличилась».

(Если сопоставить это заявление с докладной запиской г-на Ганземана Соединенному ландтагу и с тронной речью, то вообще трудно понять, каково же действительное положение вещей.)

Цешковский: «Я за предложение Гребеля, так как г-н Ганземан всегда дает нам только обещания и каждый раз, когда здесь ставится вопрос о финансах, ссылается на *свои* будущие объяснения, которых он так никогда и не представляет. Такая медлительность кажется тем более странной, что г-н Ганземан уже свыше 3 месяцев занимает пост министра».

Г-н *Мильде,* министр торговли, приходит, наконец, на помощь своему попавшему в тяжелое положение коллеге. Он умоляет Собрание все же не назначать комиссии. Он обещает самую большую откровенность со стороны министерства. Он взывает к тщательному изучению создавшегося положения. Но сейчас необходимо оказать поддержку правительству, так как оно занято именно тем, чтобы вывести государственный корабль из затруднительного положения, в котором он в настоящее время находится. Собрание, несомненно, протянет ему руку помощи. (Браво.)

Г-н *Баумштарк* также пытается оказать посильную поддержку г-ну Ганземану. Но министр финансов едва ли мог найти более неуклюжего и бестактного защитника:

«Министр финансов, который захотел бы скрывать состояние финансов, был бы *плохим* министром финансов. И если какой-либо министр финансов заявляет, что он даст соответствующие разъяснения, то мы должны считать его либо *честным человеком, либо наоборот!!* (Движение в зале.) Господа, я никого не оскорбил, я сказал: если *какой-либо,* а не: если *данный* министр финансов»!!!

Рейхенбах: Где они, эти прекрасные дни больших дебатов, вопросов о принципах и вопросов о доверии? Тогда г-н Ганземан ничего так страстно не желал, как ринуться в бой, а сейчас, когда случай для этого представился, да к тому же относящийся к его собственному ведомству, — теперь он уклоняется! Поистине, министры дают бесконечные обещания и выдвигают принципы лишь для того, чтобы несколько часов спустя отказаться от них. (Движение в зале.)

Г-н *Ганземан* ждет, не выступит ли кто-нибудь в его защиту. Но не находится никого, кто сделал бы это. Наконец, он с ужасом замечает, что поднимается депутат Баумштарк и, чтобы тот еще раз не объявил его «честным человеком», он сам спешит взять слово,

Вы ждете, что раздраженный, измученный булавочными уколами, истерзанный всей оппозицией лев Дюшатель покажет, наконец, всю свою мощь, что он повергнет в прах своих врагов, короче говоря, что он поставит *вопрос о доверии?* Увы, от былой твердости и отваги не осталось и следа, прежнее величие исчезло, как содержимое государственной казны в тяжелые времена!

С поникшей головой, униженный, непризнанный стоит перед нами великий финансист. Дело дошло до того, что он уже вынужден ссылаться на *причины,* да еще на какие причины!

«Каждый, кому приходилось заниматься финансами и множеством встречающихся при этом *цифр* (!!), должен знать, что разъяснение по финансовым вопросам не может быть сделано основательно в связи с какой-нибудь интерпелляцией, что налоговые вопросы настолько сложны, что о них ведутся прения в законодательных собраниях» (г-н Ганземан вспоминает о своих блестящих речах в блаженной памяти Соединенном ландтаге) «в течение многих дней и даже недель».

Но разве кто-либо требует основательного обсуждения? В первую очередь от г-на Ганземана потребовали простого заявления, простого «да» или «нет», по вопросу о налогах; далее от него потребовали согласия на назначение комиссии по проверке отчетности предшествовавшего управления государственным казначейством и прочего; а когда он отклонил и то и другое, ему указали на контраст между его прежними обещаниями и осторожным поведением в настоящее время.

И именно потому, что «разъяснения по финансовым вопросам со множеством встречающихся при этом цифр» требуют времени, именно поэтому комиссия и должна немедленно приступить к работе!

«Впрочем, если я ранее не поднимал финансовых вопросов, то на это имеется серьезная причина: я полагал, что если я немного подожду, то это окажет более благоприятное влияние на положение страны. Я надеялся, что в стране несколько восстановится спокойствие, а вместе с тем в известной мере восстановится и государственный кредит; я хочу, чтобы эта надежда но оказалась тщетной, и я убежден в том, что *поступил правильно, не внеся эти законы на рассмотрение раньше».*

Какие разоблачения! Значит, финансовые законы г-на Ганземана, которые должны укрепить государственный кредит, таковы, что угрожают подорвать государственный кредит! Г-н Ганземан считал за благо до поры до времени сохранять в секрете финансовое положение страны!

Если государство находится в таком положении, то со стороны г-на Ганземана безответственно делать такие неопределенные заявления вместо того, чтобы открыто заявить о положении финансов и с помощью самих фактов рассеять все сомнения и слухи. В английском парламенте после такого бестактного заявления немедленно был бы вынесен вотум недоверия.

Г-н *Зиберт:*

«До сих пор мы ничего не сделали. Все важные вопросы, как только дело доходило до их разрешения, снимались с обсуждения или откладывались, Мы до сих пор не приняли еще никакого решения, которое носило *бы законченный* характер, мы еще не довели ни одного дела до конца.

Неужели и сегодня мы поступим так же, неужели мы опять отложим вопрос, поверив обещаниям? Кто поручится нам за то, что *министерство продержится у власти еще неделю?*»

Г-н *Парризиус* вносит поправку, в которой г-ну Ганземану предъявляется требование в течение 14 дней представить комиссии по проверке из 16 членов, которую надлежит избрать немедленно, необходимые данные об управлении финансами и государственной казной, начиная с 1840 года. Г-н Парризиус заявляет, что это — специальное поручение его избирателей: они желают знать, что стало с государственной казной, которая в 1840 г. насчитывала свыше 40 миллионов.

Эта поправка, еще более резкая, чем первоначальное предложение, казалось, должна была бы поднять на дыбы измученного Дюшателя. Теперь-то уж, вероятно, будет поставлен вопрос о доверии?

Как раз наоборот! Г-н Ганземан, который был *против* предложения, абсолютно ничего не имеет возразить против этой поправки с ее оскорбительным ультимативным требованием о сроке! Он замечает лишь, что это дело потребует необычайно много времени, и выражает сочувствие бедным членам комиссии, которым придется взять на себя такую малоприятную работу.

Далее были сделаны кое-какие замечания по вопросу о голосовании, причем дело не обошлось без нескольких нелестных слов по адресу г-на Ганземана. Затем происходит голосование, проваливаются различные мотивированные и немотивированные предложения о переходе к очередным делам, и поправка Парризиуса, которую поддерживает г-н Гребель, принимается почти единогласно.

Г-н Ганземан избежал решительного поражения только благодаря тому, что не оказал никакого сопротивления, только благодаря тому самоотречению, с которым он принял оскорбление со стороны Парризиуса. Униженный, сломленный, уничтоженный сидел он на своей скамье, похожий на лишенное листьев дерево, возбуждая жалость даже у самых закоренелых насмешников. Вспомним слова поэта:

Германцам но пристало
Над теми зло острить, кто ниц
Низвергнут с пьедестала![140]

Отчет о второй половине заседания мы дадим завтра.

Написано Ф. Энгельсом. 12 июля l848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 44, 14 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Г-н ФОРСТМАН О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ

Кёльн, 13 июля. В своей речи на согласительном заседании 7-го с. м. г-н *Форстман* следующими неотразимыми аргументами рассеял сомнения бессовестных левых в устойчивости прусского государственного кредита:

«Благоволите сами решить, упало ли доверие к прусским финансам до нуля, если на вчерашней бирже $3^1/_2$%-е государственные бумаги, при учетной ставке в $5^1/_2$%, котировались в 72% от номинала!»

Из этого видно, что г-н Форстман столь же слаб в вопросах биржевой спекуляции, как и в политической экономии. Если бы верна была предпосылка г-на Форстмана, что цена на государственные бумаги всегда обратно пропорциональна цене денег, то положение прусских $3^1/_2$%-х бумаг было бы действительно необыкновенно благоприятно, ибо в этом случае при учетной ставке в $5^1/_2$% они могли бы котироваться не в 72%, а лишь в $63^7/_{11}$% от номинала. Но кто сказал г-ну Форстману, что подобная обратная зависимость существует в каждый данный момент при застое в делах, а не на протяжении 5—10 лет в среднем?

От чего зависит цена денег? От существующего в каждый данный момент соотношения между спросом и предложением, от имеющегося налицо недостатка или излишка денег. От чего зависит недостаток или излишек денег? От состояния промышленности в каждый данный момент, от застоя или процветания всего обмена в целом.

От чего зависит цена государственных бумаг? Точно так же от существующего в каждый данный момент соотношения между спросом и предложением. Но от чего зависит это соотношение?

От очень многих, особенно для Германии чрезвычайно сложных условий.

Во Франции, Англии, Испании, вообще во всех странах, государственные бумаги которых обращаются на *мировом рынке,* государственный кредит имеет решающее значение. Но в Пруссии и в более мелких немецких государствах, бумаги которых котируются только на небольших местных биржах, государственный кредит играет лишь второстепенную роль. Здесь большая часть государственных бумаг служит не для спекуляции, а для надежного помещения капитала, для обеспечения их владельцу твердого *дохода.* Лишь относительно очень небольшая их часть поступает на биржи и в продажу. Почти вся сумма государственного долга находится в руках мелких рантье, вдов и сирот, опекунских советов и пр. Падение курса бумаг в связи с сокращением государственного кредита служит для этого разряда государственных кредиторов лишним основанием к тому, чтобы *не* продавать своих бумаг. Ренты хватает им только на'то, чтобы просуществовать; продай они свои бумаги со значительной потерей,—и они разорены. Незначительное количество бумаг, циркулирующих на нескольких небольших местных биржах, разумеется, не может в такой степени подвергаться резким и быстрым колебаниям спроса и предложения, понижения и повышения, как огромная масса французских, испанских и прочих бумаг, являющихся главным образом предметом спекуляции и обращающихся на больших фондовых рынках мира в крупных суммах.

Поэтому случаи, когда капиталисты из-за недостатка денег бывают вынуждены сбывать свои бумаги по любой цене и тем самым понижать их курс, в Пруссии бывают редко, между тем как в Париже, Амстердаме и т. д. это— обычное явление, и как раз после февральской революции оно в гораздо большей степени повлияло на неслыханно быстрое обесценение французских государственных бумаг, чем падение государственного кредита.

К тому же в Пруссии *запрещены* фиктивные покупки («marches a terme»)[141], составляющие в Париже, Амстердаме и т. д. главную массу биржевых сделок.

Ввиду такого совершенно различного коммерческого значения прусских ценных бумаг, имеющих обращение на местных рынках, и французских, английских, испанских и прочих, обращающихся на мировом рынке, ясно, что курс прусских бумаг никоим образом не отражает мельчайших политических осложнений в своем государстве в той мере, как ценные бумаги Франции и других стран, и что государственный кредит отнюдь

не имеет такого решающего и быстрого слияния на курсы прусских государственных бумаг, как на бумаги других государств.

По мере того как Пруссия и мелкие немецкие государства втягиваются в колебания европейской политики, по мере того как возрастает власть буржуазии, прусские государственные бумаги, равно как и земельная собственность, теряют свой патриархальный, неотчуждаемый характер, втягиваются в обращение, превращаются в обыкновенный, часто переходящий из рук в руки предмет торговли, а со временем, быть может, смогут даже претендовать на скромное место на мировом рынке.

Из этих фактов следует:

Во-первых. Бесспорно, что *в среднем, в течение известного продолжительного времени* и при неизменном государственном кредите, курс государственных бумаг везде поднимается пропорционально падению процентной ставки, и наоборот.

Во-вторых. Во Франции, Англии и в других странах это соотношение существует даже для более коротких промежутков времени, так как там большая часть государственных бумаг находится в руках спекулянтов и так как часто из-за недостатка денег происходят вынужденные продажи, регулирующие каждый день соотношение между курсом бумаг и процентной ставкой. Поэтому здесь это соотношение часто действительно существует даже в каждый данный момент.

В-третьих. В Пруссии, наоборот, это соотношение наблюдается только в среднем за более продолжительные периоды времени, так как количество обращающихся на рынке государственных бумаг незначительно и биржевые сделки ограничены, так как продажи из-за недостатка денег, являющиеся, собственно, регуляторами этого соотношения, происходят редко, так как фондовые курсы на местных биржах обусловливаются прежде всего местными влияниями, тогда как цена денег определяется влиянием мирового рынка.

В-четвертых. Таким образом, когда г-н Форстман из соотношения между ценой денег и курсом государственных бумаг делает вывод о состоянии прусского государственного кредита, он обнаруживает только полное незнание дела. Курс $3^1/_2$%-х бумаг в 72% от номинала при учетной ставке в $5^1/_2$% *ничего* не говорит в *пользу* прусского государственного кредита, принудительный же заем *целиком* свидетельствует *против* него.

Написано 13 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 44, 14 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Кёльн, 14 июля. Сегодня мы переходим ко второй части согласительного заседания 7 июля. После столь неприятных для г-на Ганземана прений о финансовой комиссии господам министрам пришлось пережить еще целый ряд менее значительных огорчений. Это был день неотложных предложений и интерпелляций, день нападок и тяжких затруднений для министерства.

Депутат *Вандер* внес предложение, согласно которому чиновник, незаконно арестовавший какого-либо гражданина, обязан выплатить пострадавшему полное возмещение убытка и, кроме того, отбыть заключение, в четыре раза превышающее срок заключения того, кто был подвергнут им аресту.

Предложение, не признанное неотложным, передается в специальную комиссию.

Министр юстиции *Меркер* заявляет, что принятие этого предложения не только не усилит предусмотренное существующим законодательством наказание чиновников, производящих незаконные аресты, а, напротив, смягчит его. (Браво.)

Г-н министр юстиции забыл только упомянуть, что по существующим, а именно старопрусским законам для чиновника *почти невозможно* арестовать кого-либо *незаконно.* Самый произвольный арест может быть оправдан на основании параграфов старого почтенного прусского права.

Кстати, мы обращаем внимание на весьма непарламентарный прием, к которому стали прибегать господа министры. Они выжидают, пока предложение *не будет передано* в специальную комиссию или отделение, а потом уже высказываются по этому поводу. Это дает им полную уверенность в том, что *никто*

не сможет им *возразить.* Так поступил г-н Ганземан при обсуждении предложения г-на Борриса*, так поступает сейчас и г-н Меркер. В Англии и Франции господ министров, которые стали бы так непозволительно вести себя в парламенте, совершенно по-иному призвали бы к порядку. Но в Берлине!

Г-н *Шульце* из Делича вносит предложение: потребовать от правительства *немедленно* внести в Собрание для обсуждения в отделениях все уже разработанные и еще разрабатываемые проекты органических законов.

В этом предложении снова содержится скрытый упрек правительству в бездеятельности или сознательном оттягивании внесения в Собрание органических законов, дополняющих конституцию. Упрек тем более чувствительный, что как раз в то же самое утро были внесены на обсуждение два законопроекта, в том числе и законопроект о гражданском ополчении. Казалось бы, министр-президент, будь он немного энергичнее, должен был бы решительно отвергнуть это предложение. Но вместо этого он произносит лишь несколько общих фраз о стремлении правительства всячески идти навстречу справедливым пожеланиям Собрания — и предложение принимается большинством голосов.

Г-н *Бессер* делает запрос военному министру по поводу отсутствия воинского устава. Прусская армия — единственная, не имеющая подобного устава. Вследствие этого во всех воинских подразделениях, вплоть до рот и эскадронов, царит полный разнобой во взглядах на самые важные вопросы военной службы и, в частности, на вопрос о правах и обязанностях различных воинских чинов. Правда, существуют тысячи приказов, распоряжений и предписаний, но именно вследствие своей многочисленности, запутанности и противоречивости они более чем бесполезны. Кроме того, все эти документы проходят через ряд промежуточных инстанций и обрастают всевозможными дополнениями, пояснениями, комментариями и комментариями к комментариям, которые делают их совершенно неузнаваемыми. Такая путаница, разумеется, способствует произволу начальников, в то время как подчиненные от этого только страдают. Вследствие этого подчиненный не знает никаких прав, а только одни обязанности. Когда-то существовал воинский устав, который назывался уставом из свиной кожи, но в 20-х годах он был *изъят из частного пользования.* С тех пор *ни один подчиненный* не может ссылаться на него *в защиту своих интересов,* в то время как *высшее* начальство продолжает применять его *против* под-

* См. настоящий том, стр. 217. *Ред.*

чиненных! Точно так же обстоит дело и с уставом гвардейского корпуса, который никогда не доводился до сведения армии и который оставался совершенно недоступным для подчиненных, подвергавшихся тем не менее наказаниям согласно предписаниям устава! Господам штабным офицерам и генералам эта путаница, разумеется, только на руку, так как она позволяет им осуществлять самый необузданный произвол и жестокую тиранию. По младшие офицеры, унтер-офицеры и солдаты страдают от этого, и именно в их интересах г-н Бессер делает запрос генералу Шреккенштейну.

Можно себе представить, как изумлен был г-н *Шреккенштейн,* когда он услышал эти длинные излияния «бумагомараки», как любили выражаться в тринадцатом году! Как, прусская армия не имеет воинского устава? Какой вздор! Честное слово, прусская армия имеет самый лучший устав в мире и к тому же самый короткий, он состоит всего лишь из двух слов: *«Подчиняться приказу!».* Если солдат этой армии, «где нет рукоприкладства», получает тумаки, пинки и удары прикладом, или какой-нибудь только что выскочивший из кадетского корпуса молокосос лейтенант дергает его за бороду или дает ему щелчок по носу, и солдат на это пожалуется, то следует ответ: *«Подчиняться приказу!».* Если какой-нибудь подвыпивший майор, чтобы доставить себе особое развлечение после обеда, приказывает своему батальону маршировать по болоту, по пояс в воде и заставляет солдат выстраиваться там в каре, а подчиненный осмеливается жаловаться, то следует ответ: *«Подчиняться приказу!».* Если офицерам запрещается посещать то или иное кафе и они позволяют себе сделать по этому поводу замечание, то следует ответ: *«Подчиняться приказу!».* Это самый лучший из всех воинских уставов, так как он подходит для всех случаев.

Г-н *Шреккенштейн* — единственный из всех министров, который еще не пал духом. Солдат, который служил при Наполеоне, который в течение тридцати трех лет проходил прусскую военную муштру, которому не раз приходилось слышать свист пуль над головой, не испугается же в самом деле соглашателей и их интерпелляций! А тем более, когда грозит опасность великому правилу «подчиняться приказу!».

Господа, говорит он, мне уж это лучше знать. Мне виднее, что именно в этом деле надо изменить. Речь здесь идет о ломке, а ломку не надо производить, потому что восстановление — очень трудное дело. Военная система разработана Шарнхорстом, Гнейзенау, Бойеном и Грольманом, ей подчиняются 600000 вооруженных и обученных тактике граждан, и каждому гражданину она обеспечивает будущее, пока сохраняется дис-

циплина. Дисциплину же я намерен сохранить, и этим все сказано.

Г-н *Бессер:* Г-н Шреккенштейн совсем не ответил на вопрос. Но из его слов можно сделать заключение, что он считает, будто воинский устав подорвет дисциплину!

Г-н *Шреккенштейн:* Как я уже сказал, я буду делать то, что в данный момент необходимо для армии и идет на пользу *службе.*

Г-н *Бенш:* Мы имеем право, по крайней мере, требовать, чтобы г-н министр ответил нам хотя бы «да» или «нет» или заявил, что он не желает отвечать. До сих пор мы слышали лишь уклончивые ответы.

Г-н *Шреккенштейн,* раздраженно: Я не считаю полезным для *службы* обсуждать далее эту интерпелляцию.

Служба, всегда служба! Г-н Шреккенштейн все еще думает, что он является начальником дивизии и разговаривает со своими офицерами. Он воображает, что и в роли военного министра он обязан интересоваться только службой, а вовсе не правовым положением различных чинов армии по отношению друг к другу и уж во всяком случае не отношением армии к государству в целом и к его гражданам! Мы все еще живем во времена Бодельшвинга; дух старого Бойена безраздельно царит в военном министерстве.

Г-н *Пегса* делает запрос по поводу насилий, совершенных по отношению к полякам в *Мельцыне*[*] *7* июня.

Г-н *Ауэрсвальд* отвечает, что он должен подождать подробных сообщений.

Итак, спустя *целый месяц,* т. е. через 31 день после этих событий, г-н Ауэрсвальд еще не имеет подробных сообщений! Замечательный способ управления!

Г-н *Бени* делает запрос г-ну Ганземану: предполагает ли он в докладе о бюджете дать обзор управления Seehandlung с 1820 г. и государственным казначейством с 1840 года.

Г-н *Ганземан* заявляет под громкий смех присутствующих, что сможет дать ответ через неделю!

Г-н *Бенш* делает второй запрос по поводу поддержки эмиграции со стороны правительства.

Г-н *Кюльветтер* отвечает, что это общегерманское дело, и отсылает г-на Бенша к эрцгерцогу Иоганну.

Г-н *Гребель* делает запрос г-ну Шреккенштейну относительно чиновников военного ведомства, которые одновременно являются офицерами ландвера. На время учений ландвера они чис-

---

[*] Польское название: Мельжин. *Ред.*

лятся на действительной службе и тем самым лишают других офицеров ландвера возможности проходить военное обучение. Он предлагает, чтобы эти чиновники были освобождены от службы в ландвере.

Г-н *Шреккенштейн* отвечает, что он выполнит свой долг и даже рассмотрит этот вопрос.

Г-н *Фельдхаус* интерпеллирует г-на Шреккенштейна относительно солдат, погибших 18 июня во время похода из Познани в Глогау*, и о принятых мерах по наказанию виновных в этом варварстве.

Г-н *Шреккенштейн:* Этот случай имел место. Рапорт командира полка уже поступил. Рапорт главного командования, которое определило этапы похода, еще не получен. Ввиду этого я пока не могу определенно сказать, был ли нарушен походный порядок. Кроме того, здесь речь идет об обвинении офицера штаба, а такие обвинения всегда тягостны. Надеюсь, что «высокое общее собрание» (!!!) потерпит, пока поступят рапорты.

Г-н Шреккенштейн не характеризует это варварство как варварство, для него вопрос лишь в том, *«подчинился ли»* соответствующий майор *«приказу».* И какое значение имеет то, что 18 солдат самым жалким образом, подобно скоту, погибают на большой дороге, если только имеет место *подчинение приказу!*

Г-н *Бенш,* который сделал тот же запрос, что и г-н Фельдхаус, указывает: Я беру свой запрос обратно, поскольку он стал излишним, но требую, чтобы г-н военный министр назначил день, когда он даст ответ. Прошло уже три недели со времени этого события, и рапорты давным-давно могли бы уже поступить.

Г-н *Шреккенштейн:* Не было потеряно ни одной минуты, рапорты главного командования были затребованы немедленно.

Председатель хочет обойти вопрос.

Г-н *Бенш:* Я только прошу военного министра дать ответ и назначить для этого день.

Председатель: Угодно ли г-ну Шреккенштейну...

Г-н *Шреккенштейн:* Совершенно невозможно предусмотреть, когда это будет сделано.

Г-н *Гладбах:* Параграф 28 регламента вменяет министрам в обязанность назначать день для ответа. Я также настаиваю на этом.

Председатель: Я еще раз спрашиваю г-на министра.

Г-н *Шреккенштейн:* Определенный день я назначить не могу.

---

* — Глогув. *Ред.*

Г-н *Гладбах:* Я настаиваю на своем требовании.

Г-н *Темме:* Я того же мнения.

Председатель: Быть может, г-н министр через две недели...

Г-н *Шреккенштейн:* Весьма возможно. Как только я установлю, имело ли место подчинение приказу, я дам ответ.

Председатель: Итак, через две недели.

Так г-н военный министр выполняет «свой долг» перед Собранием!

Г-н Гладбах делает еще один запрос министру внутренних дел относительно отстранения от должности не угодных народу чиновников и предварительных, лишь временных назначений на освободившиеся вакансии.

Г-н *Кюльветтер* даст в высшей степени неудовлетворительный ответ. Дальнейшие замечания г-на Гладбах а, несмотря на мужественный отпор, заглушаются ропотом, криками и шумом на скамьях правых, возмущенных подобной дерзостью.

Предложение г-на *Берендса о* том, чтобы ландвер, призванный для несения службы внутри страны, подчинить командованию гражданского ополчения, не признается неотложным и поэтому снимается. Затем начинается приятный обмен мнениями по поводу разных ухищрений, связанных с познанской комиссией. Буря запросов и неотложных предложений утихает; подобно легкому дуновению зефира и тихому журчанию ручейка на лугу, замирают последние примиряющие звуки знаменитого заседания 7 июля. Г-н Ганземан удаляется с утешительной мыслью, что шум и крики правых вплели несколько цветов в его терновый венец, а г-н Шреккенштейн самодовольно покручивает ус и бормочет: «Подчиняться приказу!»

Написано Ф. Энгельсом 14 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 45, 15 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДЕБАТЫ О ПРЕДЛОЖЕНИИ ЯКОБИ

Кёльн, 17 июля. Снова мы дождались, наконец, «больших дебатов», как выражается г-н Кампгаузен, дебатов, которые продолжались целых два дня.

Тема этих дебатов известна: выдвинутая правительством оговорка относительно немедленного вступления в силу решений Национального собрания и предложение Якоби о признании за Собранием права немедленно, не дожидаясь чьей-либо санкции, принимать решения, имеющие законную силу, но в то же время и о неодобрении постановления Собрания по вопросу о центральной власти[142].

Уже одно то, что прения на эту тему были вообще возможны, вызовет недоумение у других народов. Но мы находимся в стране дубов и лип, и тут ничему не приходится особенно удивляться.

Народ посылает депутатов во Франкфуртское собрание с полномочием провозгласить Собрание верховной властью над всей Германией и всеми ее правительствами; в силу своего, переданного ему народом суверенитета Собрание должно принять решение о конституции Германии.

Но Собрание, вместо немедленного провозглашения своего суверенитета над отдельными германскими государствами и Союзным сеймом, трусливо обходит все вопросы, имеющие к этому отношение, и все время занимает нерешительную, колеблющуюся позицию.

Наконец, оно подходит к решающему вопросу — к назначению временной центральной власти. С виду независимо, а на деле идя на поводу у правительств, воздействующих на него через Гагерна, оно само выбирает заранее указанного ему правительствами имперского регента.

Союзный сейм признает состоявшееся избрание и в известной мере претендует на то, что только своим утверждением он придал этому законную силу.

Тем не менее из Ганновера и даже из Пруссии поступают возражения в форме оговорок, и оговорка Пруссии как раз легла в основу прений 11-го и 12-го.

На этот раз, следовательно, берлинская палата не так уж виновата в туманной расплывчатости прений. Виновато само колеблющееся, вялое, лишенное всякой энергии франкфуртское Национальное собрание, если его решения таковы, что о них трудно сказать что-нибудь, кроме переливания из пустого в порожнее.

Якоби мотивирует свое предложение кратко и с обычной для него четкостью. Он весьма затрудняет положение ораторов левой; он высказывает все, что можно сказать о данном предложении, если не касаться столь компрометирующей Национальное собрание истории возникновения центральной власти.

И действительно, левые депутаты не сказали после него почти ничего нового, а правым пришлось еще гораздо хуже: их выступления вылились либо в пустую болтовню, либо в юридические хитросплетения. Депутаты той и другой стороны без конца повторялись.

Депутату *Шнейдеру* принадлежит честь первому познакомить Собрание с аргументацией правых.

Он начал с основного аргумента, что внесенное предложение само себе противоречит. С одной стороны, оно признает суверенитет Национального собрания, а с другой — предлагает согласительной палате вынести Собранию порицание и таким образом поставить себя выше него. Порицание может быть вынесено только отдельным лицом, но не целым Собранием.

Этот тонкий аргумент, которым правая, очевидно, весьма гордится, ибо он проходит через все ее речи, выдвигает совершенно новую теорию. Согласно ей Собрание располагает меньшими правами по отношению к Национальному собранию, чем отдельное лицо.

За этим первым, основным аргументом последовал второй: республиканский. Германия состоит большей частью из конституционных монархий и должна поэтому иметь конституционного безответственного, а не республиканского ответственного верховного главу. Этот аргумент был отведен во второй день г-ном *Штейном:* Германия, сказал он, по своему центральному политическому устройству всегда была республикой, правда, благонамеренной республикой.

«Мы получили», — сказал г-н Шнейдер, — «полномочие выработать соглашение о конституционной монархии, а франкфуртские депутаты получили аналогичное полномочие выработать по соглашению с германскими правительствами конституцию Германии».

Реакция выдает свои желания за уже свершившиеся факты. В те дни, когда дрожащий Союзный сейм созывал по требованию не имевшего никаких законных полномочий собрания, так называемого Предпарламента, германское Национальное собрание, — в те дни не было и речи о соглашении: созванное Национальное собрание считалось тогда суверенным. Но теперь положение изменилось. Июньские дни в Париже снова оживили надежды не только крупной буржуазии, но и сторонников ниспровергнутого режима. Каждый захолустный юнкер мечтает о восстановлении своего старого палочного режима, и от императорской резиденции в Инсбруке до родового замка Генриха LXXII уже раздается требование «соглашения о германской конституции». Правда, вину за это должно взять на себя само Франкфуртское собрание.

«Итак, Национальное собрание действовало согласно своим полномочиям, избрав конституционного верховного главу. Но оно действовало и согласно воле народа; огромное большинство стоит за конституционную монархию. Я счел бы даже несчастьем иное решение Национального собрания. *Не* потому, что я *против республики:* в *принципе* я признаю республику, — и тут я не вступаю в противоречие с самим собой, — *совершеннейшей. и благороднейшей формой государства,* но в действительности мы еще весьма далеки от нее. У нас не может быть этой формы, пока нет соответствующего духа. Мы не можем желать республики, когда у нас нет *республиканцев,* т. е. благородных характеров, способных не только в порыве воодушевления, но и в любое время со спокойным сознанием и благородным самоотречением подчинять свои интересы общим интересам».

Можно ли требовать лучшего доказательства того, какие добродетели представлены в берлинской палате, чем эти благородные, скромные слова депутата Шнейдера? Поистине, если еще можно было сомневаться в пригодности немцев к республиканской форме правления, это сомнение должно рассеяться, как дым, перед такими образцами подлинной гражданской добродетели, благородной, скромнейшей самоотверженности нашего Цинцинната-Шнейдера! Пусть же Цинциннат наберется мужества и веры в себя и в бесчисленных благородных граждан Германии, которые тоже считают республику благороднейшей формой государства, но самих себя плохими республиканцами: они уже созрели для республики, они вынесли бы республику с такой же героической покорностью, как и абсолютную монархию. Республика добропорядочных была бы самой счастливой из всех, когда-либо существовавших: это была бы республика

без Брута и Катилины, без Марата и июньских бурь, республика «сытой добродетели и платежеспособной морали»[143].

Как сильно ошибается Цинциннат-Шнейдер, когда он восклицает:

«При абсолютизме не могут выработаться республиканские характеры; республиканский дух нельзя вызвать к жизни одним *мановением руки;* нам нужно сперва воспитать в этом духе наших детей и внуков! В настоящее время я считал бы республику лишь величайшим бедствием, потому что она была бы анархией под поруганным названием республики, деспотизмом под личиной свободы!»

Наоборот, немцы, — как выразился г-н *Фогт* (из Гисена) в Национальном собрании, — *прирожденные* республиканцы, и Цинциннат-Шнейдер не мог бы лучше воспитать своих детей в республиканском духе, чем воспитывая их в старых добрых немецких нравах, в скромности и страхе божием, в которых он сам добросовестно воспитывался с молодых лет. Республика добропорядочных была бы не анархией и деспотизмом, а лишь довела бы до высшего совершенства те благодушные обсуждения в духе трактирных политиканов, на которые такой мастер Цинциннат-Шнейдер. Республика добропорядочных, далекая от всех ужасов и преступлений, запятнавших первую французскую республику, не запачканная кровью и ненавидящая красное знамя, осуществила бы небывалое: она дала бы возможность каждому добропорядочному бюргеру вести тихое и спокойное существование в полном благочестии и благоприличии. Кто знает, быть может эта республика добропорядочных вернула бы нам даже цехи со всеми их забавными процессами против нецеховых ремесленников! Эта республика добропорядочных — не воздушная греза, а самая настоящая действительность; она существует в Бремене, Гамбурге, Любеке и Франкфурте и даже в некоторых частях Швейцарии. Но повсюду ей угрожает опасность в наше бурное время, повсюду она близка к гибели.

А потому воспрянь, Цинциннат-Шнейдер, оставь плуг и свекловичное поле, пиво и соглашение, воссядь на коня и спасай республику, которой угрожает опасность, *твою* республику, *республику добропорядочных!*

Написано Ф. Энгельсом 17 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 48, 18 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕБАТЫ О ПРЕДЛОЖЕНИИ ЯКОБИ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Кёльн, 18 июля. После г-на Шнейдера на трибуну поднимается г-н Вальдек, чтобы высказаться за предложение Якоби:

«Положение прусского государства сейчас поистине беспримерно, и, *в сущности,* нельзя отрицать, что оно *в известной степени* вызывает опасения».

Это начало тоже в известной степени вызывает опасения. Нам кажется, что мы все еще слышим депутата Шнейдера.

«Пруссия была, мы должны это сказать, призвана к гегемонии в Германии».

Все та же старопрусская иллюзия, все те же сладкие мечты о том, что удастся растворить Германию в Пруссии и провозгласить Берлин германским Парижем! Правда, г-н Вальдек видит, как эта сладкая надежда рассеивается у него на глазах, но он с болью в душе смотрит ей вслед, он упрекает прошлое и нынешнее правительства в том, что по их вине Пруссия не стоит во главе Германии.

Увы, миновали те чудесные дни, когда Таможенный союз[144] прокладывал путь прусской гегемонии над Германией, когда провинциальный патриотизм мог верить, что «бранденбургский род в последние 200 лет решал судьбы Германии» и будет решать их впредь; те чудесные дни, когда Германия Союзного сейма, находившаяся в состоянии полного распада, могла усматривать последнее средство сохранения взаимосвязи даже во всеобщем применении прусско-бюрократической смирительной рубашки!

«Уже давно осужденный общественным мнением Союзный сейм исчезает, и перед глазами *изумленного мира* внезапно предстает учредительное Национальное собрание во Франкфурте!»

«Мир», действительно, не мог не «изумиться», увидав *такое* учредительное Национальное собрание. Справьтесь об этом во французских, английских и итальянских газетах.

Г-н Вальдек произносит еще длинную тираду, возражая против того, чтобы был германский император, и уступает место г-ну Рейхеншпергеру II.

Г-н *Рвйхеншпергер* ***II*** объявляет защитников предложения Якоби республиканцами и высказывает пожелание, чтобы они выступали со своими намерениями так же открыто, как франкфуртские республиканцы. Затем и он уверяет, что Германия не обладает еще «в полной мере гражданской и политической добродетелью, что один великий политический мыслитель называет важнейшей предпосылкой республики». Плохо же обстоит дело с Германией, если так говорит патриот Рейхеншпергер!

Правительство, продолжает он, не сделало никаких оговорок (!), а лишь выразило свои пожелания. Поводов для этого было достаточно, и я тоже надеюсь, что не всегда при решениях Национального собрания будут игнорироваться мнения правительств. Определение компетенции франкфуртского Национального собрания не входит в нашу компетенцию; само Национальное собрание отказалось от того, чтобы создавать теории о своей компетенции, оно действовало практически там, где было необходимо действовать.

Это значит, другими словами, что Франкфуртское собрание в период революционного возбуждения, когда оно было всемогущим, не завершило одним решающим ударом неизбежную борьбу с германскими правительствами; оно предпочло оттягивать решающий бой, ввязываясь по поводу каждого отдельного решения в мелкие стычки то с тем, то с другим правительством,— в стычки, которые ослабляют его тем больше, чем больше оно отдаляется от времени революций и компрометирует себя в глазах народа своим пассивным поведением. И в этом отношении г-н Рейхеншпергер прав: не стоит труда приходить на помощь такому Собранию, которое не отстаивает своих собственных интересов!

Но поистине трогательны следующие слова г-на Рейхеншпергера:

«Обсуждать все эти вопросы о компетенции было бы *не по-государственному;* требуется только одно: решать в каждом отдельном случае практические вопросы».

Да, разумеется, было бы «не по-государственному» покончить раз навсегда одним энергичным решением с этими «практическими вопросами»; было бы «не по-государственному» осуществить революционные полномочия, принадлежащие всякому вызванному к жизни баррикадами собранию, в противовес попыткам реакции подавить движение; разумеется, Кромвель, Мирабо, Дантон, Наполеон, вся английская и французская революция действовали в высшей степени «не по-государственному», но зато Бассерман, Бидерман, Эйзенман, Виденман, Дальман ведут себя вполне «по-государственному»! «Государственные мужи» вообще сходят со сцены, когда наступает революция, и революция, очевидно, в данный момент задремала, раз снова выступают «государственные мужи»! Особенно государственные мужи такого масштаба, как г-н Рейхеншпергер II, депутат от округа Кемпен!

«Если вы откажетесь от этой системы, то вряд ли удастся избежать конфликтов с германским Национальным собранием или с правительствами отдельных германских государств; во всяком случае, вы вызовете прискорбные раздоры; в результате раздоров поднимет голову анархия, и тогда никто не спасет нас от гражданской войны. А гражданская война будет началом еще бо̲льших бед... Я допускаю возможность, что в этом случае и о нас в один прекрасный день скажут: порядок в Германии восстановлен — нашими восточными и западными друзьями!»

Г-н Рейхеншпергер, может быть, и прав. Если Собрание займется вопросами компетенции, это может повести к конфликтам, результатом которых будет гражданская война, появление французов и русских. Но если оно не станет ими заниматься, как это и было до сих пор, то гражданская война обеспечена нам вдвойне. Конфликты, в начале революции еще сравнительно простые, осложняются с каждым днем, и чем дольше оттягивается решение, тем мучительнее и кровопролитнее будет развязка.

Такая страна, как Германия, которая вынуждена пробивать себе дорогу к единству из неслыханнейшей раздробленности, которая под страхом гибели нуждается в тем более строгой революционной централизации, чем более раздробленной она была до сих пор; страна, таящая в своих недрах двадцать Вандеи, втиснутая между двумя наиболее могущественными и централизованными континентальными державами, окруженная бесчисленными мелкими соседями и находящаяся со всеми в напряженных отношениях или даже в состоянии войны, — такая страна в наше время всеобщей революции не сможет избежать *ни гражданской, ни внешней войны.* И эти войны, совершенно для нас неизбежные, будут тем опаснее и тем опустошительнее, чем нерешительнее будет поведение парода и его руководителей,

чем дольше будет оттягиваться решение. Если у кормила останутся «государственные мужи» г-на Рейхеншпергера, мы доживем, пожалуй, до второй Тридцатилетней войны. Но, к счастью, сила событий, немецкий народ, русский император и французский народ еще скажут свое слово.

Написано Ф. Энгельсом 18 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 49, 19 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ЗАКРЫТИЕ КЛУБОВ
В ШТУТГАРТЕ И ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

Кёльн, 19 июля.

Все немцы были пьяны в дым,
А ты — ты верил тостам пьяным
И черно-красно-золотым
Кистям на чубуках с изъяном[145].

Такова, добрый немец, оказалась опять твоя судьба! Ты думаешь, что совершил революцию? Заблуждение! — Ты думаешь, что покончил с полицейским государством? Заблуждение! — Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечены право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие красивые слова, которые доносились к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение, чистейшее заблуждение!

Когда прошел приятный хмель,
Очнулся ты в недоуменье[145].

В недоуменье перед твоими косвенно избранными так называемыми национальными собраниями[146], перед возобновившейся высылкой немецких граждан из немецких городов, перед тиранией сабли в Майнце, Трире, Ахене, Мангейме, Ульме, Праге, перед арестами и политическими процессами в Берлине, Кёльне, Дюссельдорфе, Бреславле и т. д.

Но одно оставалось у тебя, добрый немец, — это клубы! Ты мог ходить в клубы и открыто жаловаться там на политическое мошенничество последних месяцев; ты мог изливать свое тоскующее сердце перед единомышленниками и находить утешение в словах одинаково мыслящих патриотов, изнывающих под тем же гнетом!

Но теперь и этому пришел конец. Клубы несовместимы с существованием «порядка». Для «восстановления доверия» настоятельно необходимо положить конец мятежной деятельности клубов.

Вчера мы рассказали о том, как *вюртембергское* правительство прямо *запретило* с помощью королевского указа окружной демократический союз в Штутгарте. Теперь не дают себе даже труда привлекать руководителей клубов к суду, а просто возвращаются к старым полицейским мерам. Более того: гг. *Харпрехт, Дювернуа* и *Мауклер,* скрепившие своими подписями этот указ, идут еще дальше: они грозят непредусмотренными законом карами за нарушение указа, — карами, доходящими до одного года тюремного заключения; они издают уголовные законы, и к тому же исключительные уголовные законы, помимо палат, просто «в силу § 89 конституции»!

Не лучше обстоят дела в *Бадене.* Мы печатаем сегодня сообщение о запрещении демократического студенческого союза в Гейдельберге. Здесь право союзов вообще оспаривается не так открыто, здесь его оспаривают только у *студентов,* ссылаясь на старые, давно отмененные исключительные законы Союзного сейма; студентам грозят наказаниями, которые предусматриваются этими утратившими силу законами.

Теперь, пожалуй, надо ожидать, что в ближайшем будущем будут закрыты клубы и у нас.

А для того, чтобы дать правительствам возможность совершенно безнаказанно принимать подобные меры, не вызывая негодования общественного мнения, для этого у нас существует Национальное собрание во Франкфурте. Это Собрание пройдет, конечно, мимо подобных полицейских репрессий с такой же легкостью, с какой оно прошло мимо майнцкой революции, перейдя к очередным делам*.

И потому, не в надежде добиться чего-нибудь от Франкфуртского собрания, а лишь для того, чтобы еще раз принудить его большинство открыто объявить перед всей Германией о своем Союзе с реакцией, мы призываем депутатов крайней левой во Франкфурте внести предложение:

Привлечь к судебной ответственности инициаторов этих мероприятий, а именно гг. Харпрехта, Дювернуа, Мауклера и Мати за нарушение основных прав немецкого народа.

Написано Ф. Энгельсом 19 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 50, 20 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 11—13. *Ред.*

ПРУССКИЙ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПЕЧАТИ

Кёльн, 19 июля. Мы собирались сегодня развлечь читателей дальнейшим изложением согласительных дебатов и, в частности, думали ознакомить их с блестящей речью депутата Баумштарка, но события мешают нам это сделать.

Своя рубашка ближе к телу. Когда опасность угрожает существованию печати, можно забыть даже о депутате Баумштарке.

Г-н Ганземан внес в согласительное собрание временный законопроект о печати. Отеческая забота г-на Ганземана о печати заставляет нас немедленно заняться этим вопросом.

В прежние времена Code Napoléon* украшали назидательнейшими разделами прусского права. Теперь, после революции, все изменилось. Теперь общее прусское право украшают лучшими перлами Code и сентябрьских законов. Дюшатель, разумеется, не Бодельшвинг.

Несколько дней тому назад мы сообщили главные положения этого законопроекта о печати. Лишь только процесс но обвинению в клевете представил нам случай доказать, что статьи 367 и 368 Code pénal** вопиюще противоречат свободе печати***, как г-н Ганземан собирается не только распространить их действие на всю монархию, но еще, по крайней мере, в три раза усилить их. В новом законопроекте мы вновь находим все то, что уже в результате нашего практического опыта стало нам так любо и дорого.

---

* — Кодекс Наполеона. *Ред.*

** — Уголовного кодекса. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 209—210. *Ред.*

Мы находим там запрещение, под страхом заключения на срок от трех месяцев до трех лет, выдвигать против кого-либо обвинение в фактах, наказуемых по закону или «влекущих за собой общественное презрение». Мы находим там и запрещение устанавливать достоверность факта иначе, как посредством «документов, являющихся исчерпывающим доказательством», словом — все классические памятники наполеоновского деспотизма в области печати.

В самом деле, г-н Ганземан исполняет свое обещание приобщить старые провинции к благам рейнского законодательства!

§ 10 законопроекта является венцом всех перечисленных положений, а именно: если клевета направлена против *государственных чиновников* в отношении исполнения ими своих служебных обязанностей, то обычное наказание *может быть увеличено наполовину.*

Статья 222 Уголовного кодекса карает тюремным заключением от одного месяца до двух лет за *словесное оскорбление* (outrage par parole) чиновника при исполнении или по случаю (a l'occasion) исполнения им своих служебных обязанностей. Несмотря на доброжелательные старания прокуратуры, эта статья до сих пор не применялась к печати — и по весьма основательным причинам. Чтобы исправить это упущение, г-н Ганземан переделал ее в вышеуказанный § 10. Во-первых, выражение «по случаю» заменено более удобным «в *отношении* исполнения своих служебных обязанностей», во-вторых, столь стеснительное выражение par parole* заменено par ecrit**, а, в-третьих, наказание усилено втрое.

С того дня как этот закон вступит в силу, прусские чиновники смогут спать спокойно. Если г-н Пфуль будет прижигать полякам руки и уши адским камнем и печать сообщит об этом, — то за это полагается от $4^1/_2$ месяцев до $4^1/_2$ лет тюремного заключения! Если граждан по ошибке заключат в тюрьму, хотя при этом и будет известно, что они невиновны, и печать сообщит об этом, — от $4^1/_2$ месяцев до $4^1/_2$ лет тюремного заключения! Если ландраты превратятся в коммивояжеров реакции и станут сборщиками подписей под роялистскими адресами, а печать разоблачит этих господ, — от $4^1/_2$ месяцев до $4^1/_2$ лет тюремного заключения!

С того дня как этот закон вступит в силу, чиновники смогут безнаказанно чинить любой произвол, совершать любое насилие, любое беззаконие: они спокойно смогут избивать и приказывать избивать, производить аресты и задерживать без

* — словесно. *Ред.*
** — письменно. *Ред.*

допроса. Единственный действительный контроль — печать — станет недействительным. В тот день, когда этот закон вступит в силу, бюрократия сможет устроить радостный праздник — она станет более могущественной, более безнаказанной, более сильной, чем была до марта.

В самом деле, что останется от свободы печати, когда то, что *достойно* общественного презрения, нельзя будет предавать общественному презрению?

По действовавшим до сих пор законам печать могла, по крайней мере, приводить факты в доказательство своих общих утверждений и обвинений. Теперь этому придет конец. Теперь она больше не будет *излагать факты,* — она должна будет *ограничиваться* только общими *фразами,* чтобы благомыслящие, начиная с г-на Ганземана и кончая последним обывателем, имели право говорить, что печать только *бранится,* но ничего не *доказывает!* Для этого-то ей и запрещают доказывать.

Впрочем, мы рекомендовали бы г-ну Ганземану внести еще один пункт в его благожелательный проект. Он мог бы также объявить наказуемой всякую попытку предать господ чиновников не только общественному презрению, но также и общественному осмеянию. Иначе этот пробел будет ощущаться весьма болезненно.

На статьях, касающихся преступлений против нравственности, на предписаниях о конфискации и т. д. мы не будем останавливаться. Они превосходят все прелести законодательства о печати времен Луи-Филиппа и Реставрации. Отметим лишь один пункт: согласно § 21, прокурор может потребовать не только запрещения уже готовых печатных произведений, он может даже дать распоряжение конфисковать только что *сданную в печать рукопись,* если ее содержание дает основание усмотреть в ней преступление или проступок, подлежащий преследованию со стороны властей! Какое широкое поле деятельности для человеколюбивых прокуроров! Какое приятное развлечение — в любое время отправляться в редакции газет и требовать на просмотр «сданные в печать рукописи», ибо ведь возможно, что имеется основание усмотреть в них преступление или проступок!

Какой злой насмешкой звучит при этом торжественная важность того параграфа проекта конституции и «Основных прав немецкого народа», который гласит: *«Цензура никогда не может быть восстановлена!».*

Написано К. Марксом 19 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 50, 20 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ЗАКОНОПРОЕКТ О ГРАЖДАНСКОМ ОПОЛЧЕНИИ

I

Кёльн, 20 июля. *Гражданское ополчение распущено* — таков *основной параграф* законопроекта об учреждении гражданского ополчения, хотя этот параграф и помещен лишь в конце законопроекта в весьма скромной форме, в виде § 121, гласящего:

«Ввиду учреждения настоящим законом гражданского ополчения все вооруженные части, входящие в данное время в состав гражданского ополчения или существующие наряду с ним, объявляются распущенными».

К роспуску частей, не входивших непосредственно в гражданское ополчение, уже приступили без всяких церемоний. Роспуск же самого гражданского ополчения можно провести только под видом его *реорганизации.*

Чувство приличия заставило законодателей включить в § 1 следующую конституционную фразу:

«Гражданское ополчение имеет *назначение охранять конституционную свободу* и законный порядок».

Чтобы вполне соответствовать *«смыслу этого назначения»,* гражданское ополчение не должно, однако, ни думать, ни говорить об общественных делах, ни обсуждать их, ни выносить решения (§ 1), ни устраивать собраний, ни браться за оружие (§ 6), вообще не должно подавать ни малейших признаков жизни без разрешения властей предержащих. Не гражданское ополчение «охраняет» конституцию от властей, а власти охраняют конституцию от гражданского ополчения. Согласно § 4, гражданское ополчение должно слепо «следовать приказу властей», воздерживаться от всякого вмешательства «в действия общинных, административных и судебных властей» и отказаться

от всяких рассуждений. В случае «отказа» от пассивного повиновения г-н регирунгспрезидент может *«отстранить»* гражданское ополчение *«от несения службы»* на 4 недели (§ 4). Если же оно навлечет на себя высочайшее недовольство, то «по королевскому указу» оно может быть «отстранено от несения *службы»* на «6 месяцев» или может даже быть совсем «распущено» и только через шесть месяцев оно *должно быть* заново сформировано (§ 3). Итак (§ 2), «в каждой общине королевства должно быть учреждено гражданское ополчение», если только г-н регирунгспрезидент или король не сочтут нужным распорядиться иначе в каждой общине. Если государственные дела не подлежат «ведению» гражданского ополчения, то, наоборот, гражданское ополчение «подлежит ведению министра внутренних дел», т. е. *министра полиции,* который является его естественным начальником и «по смыслу своего назначения» — верным Эккартом[147] «конституционной свободы» (§ 5). Пока гражданское ополчение не призывается г-ном регирунгспрезидентом или другими господами чиновниками к «охране конституционной свободы», т. е. к исполнению предписаний своих господ начальников, т. е. к несению *службы,* его настоящее назначение сводится к выполнению *воинского устава,* составленного каким-нибудь королевским *полковником.* Воинский устав — это его magna charta[*], для охраны и выполнения которой оно, так сказать, и создано. Да здравствует *воинский устав!* Наконец, включение в ряды гражданского ополчения дает повод заставить каждого пруссака «в возрасте от 24 до 50 лет» принести следующую *присягу:*

«Клянусь в верности и повиновении королю, конституции и законам королевства».

Бедная конституция! Как робко, застенчиво и по-мещански скромно, в какой униженной позе примостилась она между королем и законами. Сначала идет роялистская присяга, присяга любезных верноподданных, затем конституционная присяга, а под конец следует присяга, не имеющая уже никакого смысла, — кроме легитимистского, — как будто наряду с законами, которые исходят из конституции, существуют еще и другие законы, обязанные своим происхождением королевскому всевластию. И вот почтенный гражданин оказывается целиком, с головы до ног, — «в ведении министерства внутренних дел».

Этот честный человек получил оружие и мундир под условием, что он прежде всего откажется от своих основных

[*] — великая хартия. *Ред.*

политических прав, права союзов и пр. Поставленная передним задача охранять «конституционную свободу» «по смыслу своего назначения» решается таким образом, что он обязан слепо повиноваться распоряжениям властей и что самую обыкновенную, признаваемую даже в абсолютных монархиях гражданскую свободу он заменяет пассивным, безвольным, безликим солдатским повиновением. Превосходная школа, — как говорил г-н Шнейдер в согласительном собрании, — для воспитания будущих республиканцев! Во что превратился наш *гражданин?* В нечто среднее между прусским жандармом и английским констеблем. Но за все его потери утешением ему должен послужить *воинский устав* и сознание, что он подчиняется приказу. Вместо того чтобы растворить армию в народе, не оригинальнее ли растворить народ в армии?

Поистине необычайное зрелище — это претворение конституционных фраз в прусскую действительность!

Если пруссачество приспособляется к конституционализму, то почему бы и конституционализму не приспособиться к пруссачеству? Бедный конституционализм! Честные немцы! Они так долго жаловались, что не выполняются «самые торжественные» обещания! Скоро они будут испытывать только один страх — страх, как бы действительно не осуществились эти торжественные обещания! Народ наказывают тем же, par ou il a peche*. Вы требовали свободы печати? Вот вы и будете наказаны свободой печати и получите цензуру без цензоров, цензуру с помощью прокуратуры, цензуру с помощью закона, который считает, что печать «по смыслу своего назначения» должна интересоваться всем, но только не начальством, непогрешимым начальством, — цензуру тюрем и денежных штрафов. Подобно тому, кар; олень жаждет свежей воды, так и вы будете молить, чтобы вам вернули доброго старого цензора, которого много поносили и мало ценили, чтобы вам вернули этого последнего римлянина, под аскетическим предусмотрительным надзором которого вы вели такой удобно-безопасный образ жизни.

Вы требовали народного ополчения? Вы получите воинский устав. Вы поступите в ведение властей, вы будете проходить военную муштру, вас так усердно будут обучать пассивному повиновению, что у вас глаза полезут на лоб.

Прусские законодатели со свойственным им нюхом поняли, что каждое новое конституционное установление дает превосходнейший повод для новых уголовных законов, для новых

* — в чем он согрешил. *Ред.*

регламентов, для новых карательных мер, для нового надзора, для новых придирок и для новой бюрократии.

Еще больше конституционных требований! Еще больше конституционных требований! — восклицает министерство дела. На каждое требование мы отвечаем *делом!*

Требование: Каждый гражданин должен быть вооружен для охраны «конституционной свободы».

Ответ: Отныне каждый гражданин подлежит ведению министерства внутренних дел.

Легче было бы узнать греков под личиной зверей, в которых их превратила Цирцея, чем узнать конституционные установления в том фантастическом обличий, которое им придает *пруссачество* и его *министерство дела.*

После *прусской реорганизации Польши — прусская реорганизация гражданского ополчения!*

II

Кёльн, 21 июля. Как мы уже видели, «общие положения» законопроекта о *гражданском ополчении* сводятся к следующему: гражданское ополчение перестает существовать. Мы коснемся бегло еще некоторых разделов законопроекта, чтобы лучше выявить дух «министерства дела», причем и здесь нам придется производить отбор сырого материала об институте, прикрываемом не принадлежащим ему именем. Большое количество параграфов предполагает наличие нового положения об общинах и округах, нового административного деления монархии и т. п., — таких мероприятий, которые пока еще ведут скрытое существование в таинственном лоне министерства дела. Почему же, однако, министерство дела внесло свой законопроект о реорганизации гражданского ополчения раньше обещанных проектов положений об общинах, округах и т. д.?

В разделе III мы находим два послужных списка: послужной список добропорядочных членов гражданского ополчения и послужной список лиц, обязанных служить в ополчении и получающих пособие из общественных средств (§ 14). К числу лиц, получающих пособие из общественных средств, конечно, не относится армия чиновников. Как известно, в Пруссии они-то и составляют собственно производительный класс. Пауперы же, подобно рабам в Древнем Риме, «привлекаются к несению службы только в исключительных случаях». Но если пауперы в силу своей гражданской несамостоятельности так же мало призваны охранять «конституционную свободу», как и лаццарони в Неаполе, то достойны ли они того, чтобы занять подчиненное положение в этом новом институте пассивного повиновения?

Но, помимо пауперов, мы находим еще несравненно более важное различие между *платежеспособными* и *неплатежеспособными* лицами, обязанными служить в гражданском ополчении.

Предварительно еще одно замечание. Согласно § 53,

«гражданское ополчение во всей стране должно носить одинаковое, простое обмундирование, образец которого утверждается королем. Обмундирование должно быть такого рода, чтобы нельзя было спутать гражданское ополчение с армией».

Разумеется! Обмундирование должно быть такого рода, чтобы войско противопоставлялось гражданскому ополчению, а гражданское ополчение — народу, чтобы в случаях применения холодного оружия, расстрелов и тому подобных военных приемов не могло произойти никакой путаницы. Но *обмундирование, как таковое,* столь же необходимо, как *послужной* список, как *воинский* устав. Ливрея свободы именно и есть *обмундирование.* Эта ливрея дает повод значительно увеличить расходы на экипировку гражданского ополчения, а это увеличение расходов дает желанный повод отделить непроходимой пропастью *ополченцев-буржуа* от ополченцев- *пролетариев.*

Слушайте же дальше:

§ 57. Каждый член гражданского ополчения обязан озаботиться приобретением *за свой счет* обмундирования, где таковое имеется, служебных знаков и оружия. Община, однако, обязана за свой счет приобрести эти предметы в количестве, достаточном для снаряжения *той части действительно несущих службу ополченцев, которые не имеют возможности приобрести их за свой счет.*

§ 59. Община оставляет за собой право собственности на приобретенные ею предметы снаряжения и, *когда они не используются для несения службы, может хранить их в особо предназначенных для того местах.*

Таким образом, все, кто не в состоянии на свои средства приобрести полное военное снаряжение, — а к таким относится огромное большинство населения Пруссии, все рабочие и большая часть среднего сословия,—*все* они, «когда не используются для несения службы», оказываются по закону *обезоруженными,* между тем как в руках *буржуа* в гражданском ополчении всегда остаются вооружение и обмундирование. И так как та же самая буржуазия в лице «общины» «может хранить в особо предназначенных для того местах» все «приобретенные» ею «предметы снаряжения», то в результате она обладает не только своим *собственным* вооружением, но располагает также и вооружением ополченцев из пролетариата и в случае неугодных ей политических коллизий *«может»* и *«будет»* отказывать в выдаче оружия даже в целях *«использования для несения службы».* Таким образом, политическая привилегия капитала восстанавливается в самой неприметной, но вместе с тем и в самой действительной, самой решающей форме. Капитал обладает

привилегией вооружения в отношении малоимущих, как средневековый феодальный барон — в отношении своих крепостных .

Чтобы сохранять эту привилегию во всей ее исключительности, § 56 устанавливает, что

«лишь в деревнях и в городах с населением менее чем в 5000 человек допускается вооружение гражданского ополчения пиками или саблями, и при таком вооружении вместо обмундирования требуется лишь ношение особых *служебных знаков,* установленных полковником».

Во всех городах с населением *свыше* 5000 человек *обмундирование* увеличивает *ценз,* который в действительности и определяет право обладания оружием, а вместе с тем увеличивает и число тех, кто оказывается на положении пролетария в гражданском ополчении. Подобно тому как обмундирование и оружие даются этому пролетариату, т. е. огромному большинству населения, только *взаймы,* так и вообще ему только *взаймы дается право на вооружение,* на самое существование его в качестве ополченца, и — beati possidentes, счастливы имущие! Моральная подавленность, ощущаемая человеком, одетым в *одолженное платье,* тем более в такое одолженное платье, которое, подобно солдатскому, по очереди переходит от одного к другому, — эта моральная подавленность и есть, конечно, первое, что требуется римлянам, призванным «охранять конституционную свободу». Но разве в противовес этому не будет возрастать гордое сознание своего достоинства у *платежеспособных* членов гражданского ополчения? А что еще нужно, кроме этого?

Однако даже эти условия, которые делают право на вооружение для большинства населения иллюзорным, даже они опять суживаются в интересах имущей части населения, привилегированного капитала, новыми, еще более ограничительными условиями.

А именно, община должна иметь в запасе предметы снаряжения только для «действительно несущей службу» неплатежеспособной части ополченцев. Согласно § 15, с «действительно несущей службу» частью дело обстоит следующим образом:

«Во всех общинах, где количество людей, способных нести текущую службу, превышает $^1/_{20}$ часть населения, общинное управление имеет право ограничить этой частью населения число людей, действительно несущих службу. Если общинное управление воспользуется этим правом, оно обязано организовать порядок службы таким образом, чтобы все люди, привлекаемые для текущей службы, несли ее по очереди, попеременно. Однако сменяться каждый раз должно не больше одной трети, причем одновременно должны призываться на службу пропорционально их числу представители ополченцев всех возрастов».

А теперь не угодно ли подсчитать, для какой крохотной части ополченцев-пролетариев и всего населения община *действительно* будет заготовлять предметы снаряжения?

В нашей вчерашней статье мы видели, как *министерство дела* занимается реорганизацией конституционного института гражданского ополчения в духе старопрусского, бюрократического государства. Лишь сегодня мы видим, как министерство достигло вершины своей миссии, — видим, как оно преобразует этот институт гражданского ополчения в духе июльской революции, в духе Луи-Филиппа, в духе эпохи, которая возвела капитал на трон и прославила

при звуках труб и барабанов
светлость юную его[148].

Два слова министерству Ганземана—Кюльветтера—Мильде. Г-н Кюльветтер разослал на днях всем регирунгспрезидентам циркуляр по поводу происков реакции. Откуда сие?

Министерство дела хочет основать господство буржуазии и в то же время идет на компромисс со старым полицейским и феодальным государством. В процессе разрешения этой двойственной, противоречивой задачи министерство дела каждую минуту видит, как реакция в абсолютистском, феодальном духе подкапывается под только еще создаваемое господство буржуазии, а также под его собственное существование, — и оно окажется побежденным. Буржуазия не может завоевать себе господства, не заручившись предварительно союзником в лице всего народа, не выступая поэтому в более или менее демократическом духе.

Но стремиться соединить эпоху Реставрации с июльской эпохой, добиваться того, чтобы буржуазия, еще борющаяся с абсолютизмом, феодализмом, захолустными юнкерами, с господством военщины и бюрократии, уже отстранила народ, надела на него ярмо и отбросила его в сторону — это квадратура круга, это историческая задача, при разрешении которой потерпит неудачу даже министерство дела, даже триумвират Ганземан — Кюльветтер — Мильде.

III

Кёльн, 23 июля. Раздел *законопроекта о гражданском ополчении,* касающийся *«выборов и назначения начальников»,* — настоящий *лабиринт избирательных методов.* Мы хотим сыграть роль Ариадны и дать современному Тезею — почтенному гражданскому ополчению — нить, которая выведет его из этого лабиринта. Но современный Тезей окажется столь же неблагодарным, как и античный, и, умертвив Минотавра, вероломно оставит свою Ариадну — прессу — сидеть на Наксосской скале.

Перечислим различные ходы лабиринта.

Ход первый. Прямые выборы.

§ 42. «Командиры гражданского ополчения, до капитана включительно, выбираются *действительно несущими службу* ополченцами».

Боковой ход. «Действительно несущие службу ополченцы» составляют лишь незначительную часть действительно «пригодных к ношению оружия» людей. Ср. § 15 и нашу позавчерашнюю статью.

«Прямые» выборы, следовательно, тоже оказываются только так называемыми прямыми выборами.

Ход второй. Косвенные выборы.

§ 48. «Майора, командующего батальоном, выбирают абсолютным большинством голосов капитаны, взводные командиры и командиры отделений соответствующих рот».

Ход третий. Комбинация косвенных выборов и королевского назначения.

§ 49. *«Полковой командир* назначается *королем* из списка трех кандидатов, выбираемых командирами соответствующих батальонов и прочими чинами до взводных командиров включительно».

Ход четвертый. Комбинация косвенных выборов и назначения господами командирами.

§ 50. «Адъютанты назначаются соответственными командирами из числа взводных командиров, батальонные писари — из числа командиров отделений, батальонный барабанщик из числа барабанщиков».

Ход пятый. Прямое назначение бюрократическим путем.

§ 50. «Ротный фельдфебель и писарь назначаются капитаном, эскадронный вахмистр и писарь назначаются ротмистром, капрал назначается взводным командиром».

Таким образом, если эти избирательные методы начинаются фальсифицированными прямыми выборами, то кончаются они действительным прекращением *всяких* выборов, произволом господ капитанов, ротмистров и взводных командиров. Finis coronat opus*. Этот лабиринт имеет свою pointe, свой кульминационный пункт.

Кристаллы, выделившиеся в результате этого сложного химического процесса, начиная от блистательного полковника и кончая незаметным ефрейтором, оседают на 6 лет.

§ 51. «Выборы и назначения командиров производятся на *шесть* лет».

Трудно представить себе, зачем после таких мер предосторожности министерство дела сочло еще нужным в «общих постановлениях» бестактно крикнуть в лицо гражданскому ополчению: Из *политического* института вы должны быть реорганизованы в чисто *полицейский* институт, в рассадник *старопрусской муштры.* Зачем разрушать иллюзии?

Королевское назначение настолько походит на *канонизацию,* что в разделе *«Суды гражданского ополчения»* совершенно не указано, какой суд должен судить *«полковника»;* точно указаны лишь суды для всех других чинов до *майора* включительно. И в самом деле, разве королевский полковник может совершить преступление?

Зато само пребывание в ополчении является такой *профанацией* понятия гражданина, что достаточно одного слова какого-нибудь его начальника, начиная от непогрешимого королевского полковника и кончая первым попавшимся парнем, которого г-н капитан назначил фельдфебелем или г-н взводный командир произвел в капралы, чтобы на 24 часа лишить ополченца *личной свободы* и посадить под арест.

§ 81. «Каждый начальник может делать своим *подчиненным* выговоры по службе; он имеет даже право *приказать немедленно арестовать и заключить под стражу на 24 часа* подчиненного, который при исполнении служебных обязанностей окажется в нетрезвом состоянии или будет повинен в каком-либо *ином* грубом нарушении *служебного долга».*

Г-н начальник, конечно, сам рассудит, *что* является *иным* грубым нарушением служебного долга, а *подчиненный* должен подчиняться приказу.

---

* — Конец — делу венец. *Ред.*

Таким образом, если, согласно введению в этот законопроект, гражданин достигает «смысла своего назначения», «охраны конституционной свободы», перестав быть тем, что, по словам Аристотеля, составляет назначение человека — быть «zoon politicon», «общественным животным»,—то он завершает свое призвание, только отказавшись от своей гражданской свободы, отдав себя во власть какого-нибудь полковника или капрала.

«Министерство дела», повидимому, придерживается своеобразных восточно-мистических воззрений, особого рода *культа Молоха.* Чтобы охранять «конституционную свободу» регирунгспрезидентов, бургомистров, полицейдиректоров и полицейпрезидентов, полицейских комиссаров, чиновников прокуратуры, председателей или директоров судебных палат, судебных следователей, мировых судей, сельских старост, министров, духовенства, военных, состоящих на действительной службе, пограничных, таможенных и акцизных чиновников, чиновников лесного и почтового ведомств, смотрителей и надзирателей всех тюрем, полицейских экзекуторов и всех лиц моложе 25 и старше 50 лет, — всех тех людей, которые, согласно §§ 9, 10, 11, не входят в состав гражданского ополчения, — чтобы охранять «конституционную свободу» этого цвета нации, остальная часть нации должна принести в качестве кровавой жертвы на алтарь отечества не только свою конституционную, но и свою личную свободу. Pends-toi, Figaro! Tu n'aurais pas inventé cela!*

Нечего и говорить, что раздел о *наказаниях* разработан с особым наслаждением и тщательностью. Да и весь институт гражданского ополчения, согласно «смыслу своего назначения», должен явиться лишь карой за стремления почтенных граждан к конституции и народному ополчению. Отметим еще только, что, помимо действий, подлежащих наказанию по *закону,* караются также по новому списку наказаний (см. § 82 и сл.) случаи, предусмотренные в *воинском уставе,* этой magna charta гражданского ополчения, составленной *королевским полковником* при содействии майора и одобренной мнимым «окружным представительством». Само собой разумеется, что *тюремное заключение* может заменяться *денежным штрафом,* дабы разница между *платежеспособными* и *неплатежеспособными* лицами в гражданском ополчении, открытая «министерством дела» разница между *буржуазией* и *пролетариатом* в гражданском ополчении получила уголовную санкцию.

* — Повесься, Фигаро! Тебе до этого не додуматься! (Бомарше. «Безумный день, или женитьба Фигаро».) *Ред.*

Исключительная подсудность, от которой министерство дела в общем и целом должно было отказаться в конституции, теперь снова протаскивается им в положение о гражданском ополчении. Все дисциплинарные проступки ополченцев и командиров отделений подлежат ведению ротных судов, состоящих из двух взводных командиров, двух командиров отделений и трех рядовых (§ 87). Все дисциплинарные проступки «командиров рот, входящих в состав батальона, от взводного командира до майора включительно», подлежат ведению батальонного суда, состоящего из двух капитанов, двух взводных командиров и трех командиров отделений (§ 88). Для майоров установлена опять-таки иная исключительная подсудность, о которой тот же § 88 говорит следующим образом: «Если суду подлежит майор, то в состав батальонного суда входят в качестве членов сверх того еще два майора». Наконец, г-н полковник, как выше сказано, *не подсуден* никакому суду.

Этот превосходный законопроект заканчивается следующим параграфом:

(§ 123.) «Положение об участии гражданского ополчения в защите отечества во время войны, равно как о его вооружении, снаряжении и довольствии в это время, устанавливается на основе общего закона об устройстве войск».

Другими словами: *ландвер продолжает существовать наряду с реорганизованным гражданским ополчением.*

Не заслуживает ли *министерство дела* того, чтобы уже за этот законопроект и за проект перемирия с Данией его привлекли к *судебной ответственности?*

Написано 20—23 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 51, 52 и 54, 21, 22 и 24 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ГАЗЕТА «FAEDRELANDET» [149]
О ПЕРЕМИРИИ С ДАНИЕЙ

Кёльн, 20 июля. Для того чтобы отечество могло убедиться, что оно своей так называемой революцией с Национальным собранием, имперским регентом и т. п. не достигло ничего, кроме полного восстановления достославной Священной Римской империи германской нации, приводим нижеследующую статью из датской газеты «Faedrelandet». Надеемся, что этого будет вполне достаточно, чтобы убедить даже самых доверчивых сторонников порядка в том, что сорок миллионов немцев были снова обмануты двумя миллионами датчан с помощью английского посредничества и русских угроз, точно так же как они постоянно бывали обмануты при «всеавгустейших императорах».

«Faedrelandet», собственная газета министра Орла Лемана, следующим образом высказывается о перемирии:

«Если рассматривать перемирие только с точки зрения наших надежд и пожеланий, то оно, конечно, не может считаться удовлетворительным. Если допустить, что правительство могло сделать выбор между перемирием и возможностью с помощью Швеции и Норвегии изгнать немцев из Шлезвига и заставить их признать права Дании на урегулирование дел этого герцогства по соглашению с его населением, — то необходимо признать, что правительство действовало безответственно, согласившись на перемирие. Но такого выбора не было. Надо учесть, что как Англия, так и Россия — две великие державы, больше всех заинтересованные в разрешении этого спорного вопроса, — потребовали заключения перемирия как условия их будущего доброжелательного отношения и посредничества. Шведско-норвежское правительство, раньше чем оно решилось дать свое согласие на какую-нибудь активную помощь, также потребовало, чтобы мы предприняли попытку мирного разрешения вопроса. Но и эту помощь оно обещало оказать лишь при условии, что она будет использована не для завоевания Шлезвига, а исключительно для обороны Ютландии и

островов. Таким образом, перед нами стояла следующая альтернатива: либо выиграть время для того, чтобы выждать, как сложатся события за границей, а также для того, чтобы внутри страны закончить политическую и военную организацию, либо перспектива отчаянного единоборства с более сильным противником, — единоборства, которое почти наверняка не привело бы к победе, даже если бы союзное войско, занимающее выгодные позиции, подверглось нападению со стороны нашего вдвое меньшего войска, а, наоборот, привело бы к тому, что, после того как шведско-норвежские войска были бы отозваны, немп;ы заняли бы весь полуостров. Такая борьба в лучшем случае принесла бы нам купленные дорогой ценой бесполезные победы, а в худшем случае — истощение всех наших оборонительных сил и унизительный мир».

Датская газета защищает далее условия перемирия как выгодные для Дании. Опасения, что возобновление военных действий произойдет зимой, когда германские войска смогут по льду перебраться на острова Фюнен и Альсен*, необоснованы. Немцы, так же как и датчане, неспособны выдержать в таких климатических условиях зимний поход, в то время как трехмесячное перемирие явилось бы большим преимуществом для Дании и благожелательно настроенного к ней населения Шлезвига. Если в течение 3 месяцев мир не будет заключен, то перемирие само собой затянется до весны. Далее газета пишет:

«Отмену блокады и освобождение пленных все будут считать вполне правильным. Но, с другой стороны, возможно, что выдача захваченных судов вызовет недовольство некоторых лиц. Между тем, захват немецких судов был произведен нами скорее в виде меры принуждения, чтобы заставить Германию отказаться от перехода нашей границы, но ни в коем случае не имел целью присвоение чужой частной собственности с целью обогащения. Кроме того, стоимость этих судов вовсе не так уж велика, как некоторые полагают. Если при нынешнем застое, как на нашем внутреннем рынке, так и во всей европейской торговле, эти суда пришлось бы продать с торгов, то за них можно было бы выручить *самое большее* $1^1/_2$ *миллиона,* т. е. сумму военных расходов за 2 месяца. А кроме того, компенсацией за возвращенные суда является эвакуация немцами обоих герцогств и возмещение убытков от реквизиций, произведенных в Ютландии. Таким образом, принятая нами мера принуждения достигла своей цели, и вполне естественно, что необходимость ее отпадает. И нам кажется, что *освобождение трех земель от превосходящей нас по силам армии,* которую мы сами не имели бы никакой возможности заставить отступить, в десять раз превышает ту небольшую выгоду, которую государство могло бы получить от продажи захваченных судов»,

Параграф 7 вызывает-де больше всего сомнений. Он предписывает дальнейшее сохранение особого правительства в герцогствах, а вместе с тем и «шлезвиг-гольштейнизма». В отношении обоих членов временного правительства, которых должен

* Датские названия: Фюн и Альс. *Ред.*

назначить датский король, он связан тем, что они должны быть из числа шлезвиг-гольштейнских *нотаблей,* и будет весьма трудно найти кого-либо, кто не является «шлезвиг-гольштейнцем». Но зато решительно осуждается «весь мятеж», все решения временного правительства аннулируются, и восстанавливается режим, существовавший *до* 17 марта.

«Таким образом, мы рассмотрели все основные условия перемирия с точки зрения Дании. Попытаемся все же стать и на германскую точку зрения.

Все требования Германии сводятся к выдаче судов и снятию блокады.

Отказывается же она от следующего:

Во-первых, от *герцогств,* которые были заняты армией, не потерпевшей еще до сих пор поражения и достаточно сильной, чтобы оборонять свои позиции от армии вдвое более мощной, чем та, которая противостояла ей до сих пор;

Во-вторых, от *включения Шлезвига в Германский союз,* что, правда, было провозглашено Союзным сеймом и признано Национальным собранием в форме включения в свой состав депутатов Шлезвига;

В-третьих, от *временного правительства,* которое Германия признала законным и как с таковым вела с ним переговоры;

В-четвертых, от *шлезвиг-гольштейнской партии,* требования которой, поддержанные всей Германией, в нерешенном виде передаются на рассмотрение негерманских держав;

В-пятых, от поддержки аугустенборгских претендентов, которым король Пруссии лично обещал помощь, но которые в договоре о перемирии не упоминаются ни единым словом и которым не гарантируется ни амнистия, ни право убежища;

Наконец, от возмещения *расходов, связанных с войной,* которые понесли частично герцогства, частично Германский союз. Но *те расходы, которые понесла, собственно Дания, будут ей компенсированы.*

Нам представляется, что наши значительно более сильные враги в этом перемирии потеряют гораздо больше, чем мы —-маленький, презираемый народ».

Шлезвиг возымел непонятное желание стать немецким. Совершенно естественно, что он за это наказан, что Германия оставила его на произвол судьбы.

Текст договора о перемирии мы напечатаем завтра.

Написано Ф. Энгельсом 20 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 51, 21 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПЕРЕМИРИЕ С ДАНИЕЙ

Кёльн, 21 июля. Как известно нашим читателям, мы всегда с большим хладнокровием относились к войне с Данией. Мы не присоединяли свой голос ни к шумливой хвастливой болтовне националистов, ни к надоевшей, проникнутой дешевым энтузиазмом песне об омываемом морем Шлезвиг-Гольштейне. Мы слишком хорошо знали наше отечество, мы знали, что значит положиться на Германию.

События полностью подтвердили нашу точку зрения. Беспрепятственное завоевание Шлезвига датчанами, обратное завоевание страны и поход в Ютландию, отступление к Шлею, вторичное завоевание герцогства до Кёнигсау*, — все это непонятное от начала до конца ведение войны ясно показало шлезвигцам, какой защиты можно ожидать от совершившей революцию великой, сильной, единой и т. д. Германии, от якобы суверенного сорокапятимиллионного народа. Но для того, чтобы у них окончательно пропала охота стать немцами, чтобы «датское иго» показалось им несравненно милее «немецкой свободы», — для этого Пруссия от имени Германского союза вела переговоры о перемирии, текст которого мы сообщаем сегодня в дословном переводе.

По существовавшему до сих пор обычаю, при заключении перемирий обе армии сохраняли занимаемые ими позиции, и лишь в крайнем случае между ними проводилась узкая нейтральная полоса. При заключении же настоящего перемирия — этого первого успеха «славного прусского оружия» —

* Датское название: Конге-О. *Ред.*

победоносные пруссаки отступают на двадцать миль назад, от Кольдинга[*] за Лауенбург, в то время как разбитые датчане сохраняют свои позиции у Кольдинга и оставляют только Альсен. Более того. В случае денонсирования перемирия датчане снова возвращаются на позиции, которые они занимали 24 июня, т. е. без единого выстрела овладевают в Северном Шлезвиге полосой в 6—7 миль — полосой, откуда их *дважды* выбивали, — в то время как немцы могут продвинуться вперед только до Апенраде[**] и его окрестностей. Так «охраняется честь немецкого оружия», а Северному Шлезвигу, совершенно истощенному после четырехкратного занятия его войсками, придется подвергнуться нашествию в пятый и шестой раз!

Но и этого еще мало. Часть Шлезвига даже во время перемирия будет занята датскими войсками. Шлезвиг, согласно ст. 8, будет оккупирован полками, личный состав которых был набран в герцогстве, т. е. отчасти шлезвигскими солдатами, участвовавшими в движении, отчасти теми войсками, которые в то время несли гарнизонную службу в Дании, которые боролись в рядах датской армии против временного правительства, которыми командуют датские офицеры и которые во всех отношениях являются *датскими* войсками. Датские газеты точно так же оценивают положение.

«Несомненно», — пишет «Faedrelandet» 13 июля, — «присутствие в герцогстве *надежных* шлезвигских войск значительно поднимет настроение народа, которое теперь, после испытанных бедствий войны, с силой обратится против виновников этих бедствий».

Вдобавок к этому — шлезвиг-гольштейнское движение! Датчане называют его *мятежом,* пруссаки *обходятся* с ним *как с мятежом.* Временное правительство, признанное Пруссией и Германским союзом, безжалостно приносится в жертву. Все законы, постановления и т. д., изданные со времени установления шлезвигской независимости, теряют силу; отмененные же датские законы, напротив, вновь вступают в силу. Короче говоря, ответ по поводу знаменитой ноты *Вильденбруха,* ответ, который Ауэрсвальд отказывался дать, находится здесь — в статье 7 проекта о перемирии. Все, что было революционного в движении, беспощадно уничтожается, и на место выдвинутого революцией правительства выступает легитимное правительство, назначенное тремя легитимными государями. Гольштейнские и шлезвигские войска снова получают *датское командование и датские плети,* гольштейнские и шлезвигские суда

[*] — Коллинга. *Ред.*
[**] — Обенро. *Ред.*

остаются попрежнему «Dansk-Eiendom»*, несмотря на последнее распоряжение временного правительства.

И, наконец, предполагаемое новое правительство венчает все это дело. Послушайте, что говорит «Faedrelandet»:

«Если мы в том ограниченном кругу людей, из числа которых избираются датские члены нового правительства, повидимому, не рассчитываем встретить соединения энергии и таланта, умай опыта, которыми будет располагать Пруссия при выборе своих членов», — то еще ничто не потеряно. «Члены правительства должны безусловно выбираться из среды населения герцогств, но никто не запрещает нам окружить их секретарями и помощниками из *уроженцев* и *постоянных жителей других местностей.* При выборе этих секретарей и советников можно не считаться с местными соображениями и принимать во внимание только их способности и таланты; весьма возможно, что эти лица окажут значительное влияние на весь дух и направление деятельности правительства. Можно надеяться, что даже *высокопоставленные датские чиновники* займут эти посты, хотя они и ниже по рангу. При создавшихся обстоятельствах каждый добрый датчанин сочтет за честь занять подобную должность».

Итак, министерская газета предсказывает герцогствам, что они будут наводнены не только датскими войсками, но и датскими чиновниками. Полудатское правительство сделает своей резиденцией Рендсбург, находящийся на признанной территории Германского союза.

Таковы преимущества перемирия для Шлезвига. Не меньшие преимущества получит и Германия. О включении Шлезвига в Германский союз не упоминается ни единым словом — наоборот, вследствие способа формирования нового правительства постановление Союзного сейма *самым настоящим образом дезавуируется.* Германский союз выбирает представителей за Гольштейн, датский король — *за Шлезвиг.* Шлезвиг находится, следовательно, под датским, а не под немецким верховенством.

Эту датскую войну Германия могла бы действительно вменить себе в заслугу, если бы она добилась отмены зундской пошлины[150], этого пережитка старинного феодального разбоя. Немецкие приморские города, ущемленные блокадой и захватом их кораблей, охотно еще долго переносили бы подобный гнет, если бы это привело к отмене зундской пошлины. Правительства повсюду заявляли во всеуслышание, что отмены пошлины уж во всяком случае надо добиться. А что вышло из этого хвастовства? Англия и Россия хотят сохранения зундской пошлины, и послушная Германия, конечно, покоряется.

Само собой разумеется, что взамен возвращенных кораблей будет возмещено все, что было реквизировано в Ютландии, —

* — «датской собственностью». *Ред.*

на том основании, что Германия достаточно богата, чтобы заплатить за свою славу.

Таковы преимущества, которые министерство Ганземана обещает германскому народу в этом проекте перемирия! Таковы плоды трехмесячной борьбы против крохотного народа в полтора миллиона человек! Таковы результаты всего бахвальства нашей националистической печати, наших страшных пожирателей датчан!

Говорят, что перемирие не будет заключено. Генерал Врангель, поддержанный Безелером, наотрез отказался его подписать, невзирая на все просьбы графа Пурталеса, представившего ему соответствующий приказ Ауэрсвальда, и несмотря на неоднократные напоминания о его долге как прусского генерала. Врангель заявил, что он прежде всего подчиняется германской центральной власти, а последняя не даст своего согласия на перемирие, если армия не сохранит своих теперешних позиций и если временное правительство не останется у власти до заключения мира.

Таким образом, прусский проект, вероятно, не будет осуществлен. Но все же он представляет интерес в качестве доказательства того, в какой мере Пруссия, когда она становится во главе Германии, способна защищать ее честь и интересы.

Написано Ф. Энгельсом 21 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rlieinische Zeitung» № 52, 22 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕБАТЫ О ПРЕДЛОЖЕНИИ ЯКОБИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Кёльн, 22 июля. Наконец-то события, законопроекты, планы перемирия и т. д. позволяют нам снова вернуться к нашим излюбленным согласительным дебатам. На трибуне — депутат г-н фон *Берг* из Юлиха, человек, интересующий нас вдвойне: во-первых, как житель Рейнской провинции и, во-вторых, как человек, только недавно ставший сторонником министерства.

Г-н Берг по разным мотивам против предложения Якоби. Первый его мотив таков:

«Первая часть предложения, требующая от нас, чтобы мы высказались против одного из решений германского парламента, есть не что иное, как протест от имени меньшинства против законного большинства. Далее, это не что иное, как попытка партии, *потерпевшей поражение внутри* законодательного органа, *найти поддержку вовне,* — попытка, последствия которой *должны привести к гражданской войне».*

Г-н Кобден в 1840—1845 гг. был в меньшинстве в палате общин со своим предложением об отмене хлебных законов. Он принадлежал к партии, «потерпевшей поражение внутри законодательного органа». Что же он сделал? Он попытался «найти поддержку вовне». Он не ограничился протестами против решений парламента; он пошел гораздо дальше, он основал Лигу против хлебных законов, создал печать, направленную против хлебных законов, — словом, развил колоссальную агитацию против них. С точки зрения г-на Берга это была попытка, которая «должна была привести к гражданской войне».

Меньшинство блаженной памяти Соединенного ландтага тоже пыталось «найти поддержку вовне». Г-н Кампгаузен,

г-н Ганземан, г-н Мильде не проявили в этом вопросе ни малейших колебаний. Факты, которые служат тому доказательством, общеизвестны. Ясно, с точки зрения г-на Берга, что последствия их поведения тоже «должны были привести к гражданской войне». Но они привели не к гражданской войне, а к министерским портфелям.

И таких примеров мы могли бы привести еще сотни.

Итак, меньшинство законодательного органа не должно искать поддержки вовне, если оно не хочет вызвать гражданскую войну. Но что же означает это «вовне»? Это — избиратели, т. е. люди, *создающие* законодательный орган. Если, однако, нельзя искать «поддержки» путем воздействия на этих избирателей, то где же еще искать поддержки?

Разве речи гг. Ганземана, Рейхеншпергера, фон Берга и других произносятся *только* для Собрания или также и для публики, которая знакомится с ними по стенографическим отчетам? Не являются ли эти речи также средством, с помощью которого эта «партия внутри законодательного органа пытается» или *надеется* «найти поддержку вовне»?

Одним словом: принцип г-на Берга привел бы к упразднению всякой политической агитации. Агитация есть не что иное, как использование неприкосновенности народных представителей, свободы печати, права союзов, т. е. свобод, существующих в Пруссии на основе закона. Приведут ли эти свободы к гражданской войне или нет, нас нисколько не касается; достаточно того, что они существуют, и мы еще посмотрим, к чему это «приведет», если их и в дальнейшем будут нарушать.

«Господа, эти попытки меньшинства увеличить свою силу и влияние вне органа законодательной власти возникли не сегодня и не вчера, они начались с первого же дня, когда поднялся немецкий народ. В Предпарламенте меньшинство ушло в знак протеста, и результатом этого была гражданская война».

Во-первых, в предложении Якоби нет ни слова об «уходе меньшинства в знак протеста».

Во-вторых, «попытки меньшинства увеличить свое влияние вне органа законодательной власти», конечно, «возникли не сегодня и не вчера», они начались с того дня, с какого существуют органы законодательной власти и меньшинства.

В-третьих, не уход в знак протеста меньшинства Предпарламента привел к гражданской войне, — к ней привело «моральное убеждение» г-на Миттермайера, что Геккер, Фиклер и т. д. — государственные изменники, а также принятые в связи с этим меры баденского правительства, продиктованные самым жалким страхом[151].

За аргументом о гражданской войне, способным, конечно, нагнать отчаянный страх на немецкого бюргера, следует другой аргумент: отсутствие полномочий.

«Мы выбраны нашими избирателями для выработки прусской конституции; те же самые избиратели послали других своих сограждан во Франкфурт для учреждения центральной власти. Нельзя отрицать, что избиратель, дающий полномочия, имеет право одобрить или не одобрить действия своего уполномоченного; но избиратели не уполномочили нас голосовать вместо них в этом вопросе».

Этот солидный аргумент вызвал большое восхищение среди юристов и юридических дилетантов Собрания. Мы не уполномочены! И, однако, тот же г-н Берг через две минуты заявил, что Франкфуртское собрание «было созвано для установления, в согласии с германскими правительствами, будущей германской конституции»; но ведь прусское правительство *не* дало бы, видимо, в этом случае своей санкции, не обсудив сначала вопрос с согласительным собранием или с палатой, выбранной согласно новой конституции? И, однако, министерство тотчас же уведомило Собрание о своем признании имперского регента, равно как и о своих оговорках, предложив тем самым Собранию высказать свое суждение!

Именно точка зрения г-на Берга, его собственная речь и сообщение г-на Ауэрсвальда приводят, таким образом, к заключению, что Собрание, безусловно, уполномочено заниматься франкфуртскими решениями!

Мы не уполномочены! Значит, если Франкфуртское собрание снова введет цензуру и в случае столкновения между палатой и короной пошлет в Пруссию для поддержки короны баварские и австрийские войска, — то у г-на Берга не окажется «полномочий»!

В чем же заключаются полномочия г-на Берга? Буквально — только в том, чтобы «выработать конституцию по соглашению с короной». Он, стало быть, не уполномочен делать запросы, вырабатывать по соглашению законы о неприкосновенности депутатов, законы о гражданском ополчении, о выкупе и другие не фигурирующие в конституции законы. Именно это каждодневно и утверждает реакция. Сам он говорит: «Каждый шаг сверх этих полномочий является несправедливостью, нарушением своих полномочий или даже предательством!»

И. все же г-н Берг и все Собрание ежеминутно нарушают под давлением необходимости свои полномочия. Они не могут не нарушать их в силу революционного — или теперь, вернее, реакционного — временного порядка. В силу этого временного порядка компетенция Собрания распространяется на все,

что способствует упрочению завоеваний мартовской революции, и если эта цель может быть достигнута путем морального воздействия на Франкфуртское собрание, то согласительная палата не только вправе, но и обязана оказать это воздействие .

Дальше следует рейнско-прусский аргумент, важный для нас, жителей Рейнской провинции, особенно потому, что он показывает, как представлены наши интересы в Берлине.

«Мы, жители Рейнской провинции, Вестфалии и других провинций, не связаны с Пруссией *решительно* ничем, кроме того обстоятельства, что мы *отошли к прусской короне.* Если мы разрушим эту связь, государство распадется. Мне совершенно непонятно, как, вероятно, и большинству депутатов моей провинции, на что нам нужна берлинская республика. Тогда уж мы скорее могли бы пожелать республику в Кёльне».

Не будем разбирать здесь досужие домыслы о том, чего бы мы «могли пожелать», если бы Пруссия превратилась в «берлинскую республику», равно как и новую теорию об условиях существования прусского государства и т. д. Мы только заявляем протест, как жители Рейнской провинции, против того, будто «мы отошли к прусской короне». Наоборот, «прусская корона» пришла *к нам.*

Следующим оратором против предложения Якоби выступает г-н *Симонс* из Эльберфельда. Он повторяет все, сказанное г-ном Бергом.

После него на трибуне появляется оратор левой, а потом г-н *Захарие.* Он повторяет все, сказанное г-ном Симонсом.

Депутат *Дункер* повторяет все, сказанное г-ном Захарие. Но он говорит и кое-что другое или, вернее, он повторяет уже сказанное в такой резко выраженной форме, что на его речи стоит вкратце остановиться.

«Если мы, учредительное собрание 16 миллионов немцев, бросим такой упрек учредительному собранию, представляющему всех немцев, то укрепим ли мы этим в сознании народа авторитет германской центральной власти, авторитет германского парламента? Не подорвем ли мы этим радостное послушание, с каким должны относиться к нему отдельные племена, чтобы оно могло действовать в пользу единства Германии?»

Согласно г-ну Дункеру, авторитет центральной власти п Национального собрания — «радостное послушание» — заключается, стало быть, в том, что *народ* слепо подчиняется этой власти, по отдельные *правительства* делают своп *оговорки* и при случае вовсе отказываются повиноваться ей.

«К чему в наше время, когда сила фактов так огромна, к чему еще какие-то теоретические заявления?»

Значит, признание суверенитета Франкфуртского собрания представителями «16 миллионов немцев» — это только «теоретическое заявление»!?

«Если бы в будущем правительство и народные представители Пруссии *сочли* какое-нибудь принятое во Франкфурте решение невозможным, неосуществимым, то возможно ли было бы тогда вообще выполнение такого решения?»

Стало быть, одно лишь мнение, *взгляд* прусского правительства и прусских народных представителей может сделать *невозможными* решения Национального собрания.

«Если бы весь прусский народ, если бы две пятых Германии не захотели подчиниться франкфуртским решениям, то они были бы невыполнимы, что бы мы сегодня ни говорили».

Вот оно, это старое прусское высокомерие, этот берлинский национал-патриотизм во всей его былой красе, с косицей и костылем старого Фрица*! Мы, правда, меньшинство, нас только две пятых (да и того меньше), но мы уж покажем большинству, что *мы* — хозяева Германии, что мы — пруссаки!

Мы не советуем господам депутатам правой провоцировать такой конфликт между «двумя пятыми» и «тремя пятыми». Численное соотношение оказалось бы все же совсем другим, и не одна провинция вспомнила бы, что она с незапамятных времен была немецкой, но только тридцать лет тому назад сделалась прусской.

Но г-н Дункер находит выход. Франкфуртские депутаты должны, так же, как и мы, «принимать только такие решения, в которых выражается разумная общая воля, подлинное общественное мнение, и которые будут санкционированы нравственным сознанием нации», т. е. решения, которые по душе депутату Дункеру.

«Если мы, равно как и депутаты Франкфуртского собрания, будем принимать такие решения, то мы будем суверенны и они будут суверенны, в противном же случае этого не будет, хотя бы мы это декретировали десять раз».

После такого глубокомысленного, соответствующего его нравственному сознанию определения суверенитета, г-н Дункер испускает вздох: «Но это уж дело будущего», и на этом заканчивает свою речь.

Место и время не позволяют нам остановиться на речах левых, произнесенных в тот же день. Но, вероятно, уже по

* — прусского короля Фридриха II. *Ред.*

приведенным нами речам правых читатель убедился, что г-н Парризиус был не так уж неправ, внося предложение об отсрочке заседания по той причине, что «при такой жаре, какая наступила в зале, невозможно сохранять *полную ясность мысли»!*

Написано Ф. Энгельсом 22 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 53, 23 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ТУРИНСКАЯ «CONCORDIA» [152]

Кёльн, 23 июля. Недавно мы упоминали, что выходящая во Флоренции газета *«Alba»* братски протянула нам свою руку через Альпы*. Можно было ожидать, что другая газета, туринская *«Concordia»,* газета противоположного направления, тоже выскажется в противоположном, но отнюдь не враждебном духе. В одном из своих прежних номеров «Concordia» высказала мысль, что «Neue Rheinische Zeitung» всякий раз встает на сторону тех, которые оказываются *«побежденными».* Это маловразумительное заключение газета делает на основании нашей оценки пражских событий и нашего сочувствия демократической партии в ее выступлениях против реакционного Виндишгреца и К°. Впрочем, может быть, с тех нор туринская газета несколько лучше уяснила себе характер так называемого *чешского* движения.

Все же недавно «Concordia» сочла нужным посвятить «Nuova Gazzetta Renana»** более или менее доктринерскую статью. Она прочла в нашей газете программу созываемого в Берлине рабочего конгресса[153], и восемь пунктов этой программы, подлежащие обсуждению рабочих, доставляют ей большое беспокойство.

Добросовестно переведя всю программу, она следующими словами начинает некое подобие критики:

«В этих предложениях много верного и справедливого, но «Concordia» изменила бы своей миссии, если бы не подняла голоса против заблуждений социалистов».

---

* См. настоящий том, стр. 162. *Ред.*

** — «Новой Рейнской газете». *Ред.*

Мы, со своей стороны, поднимаем свой голос против «заблуждения» «Concordia», которое состоит в том, что она приняла программу, составленную комиссией по созыву рабочего конгресса, а нами лишь воспроизведенную, за *нашу собственную* программу. Тем не менее мы готовы вступить в дискуссию с «Concordia» по политико-экономическим вопросам, как только ее собственная программа будет представлять из себя нечто большее, чем собрание общеизвестных филантропических фраз и ходячих догматов о свободе торговли.

Написано 23 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 55, 25 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕБАТЫ О ПРЕДЛОЖЕНИИ ЯКОБИ

(ОКОНЧАНИЕ)

Кёльн, 24 июля. Когда несколько дней тому назад поток мировых событий заставил нас прервать отчет об этих дебатах, один соседний с нами публицист любезно продолжил этот отчет вместо нас. Он уже обратил внимание публики на «изобилие превосходных мыслей и проницательных суждений, на правильное, здравое понимание истинной свободы, проявленные во время этих больших двухдневных дебатов ораторами большинства»[154] — и в особенности нашим несравненным Баумштарком.

Мы должны поторопиться с окончанием нашего отчета, но мы не можем отказать себе в удовольствии продемонстрировать несколько примеров из этого «изобилия» превосходных мыслей и проницательных суждений, высказанных правыми.

Второй день дебатов был открыт депутатом *Абеггом,* который угрожающе заявил Собранию: для выяснения всех вопросов, связанных с этим предложением, пришлось бы целиком повторить все франкфуртские прения, а на это высокое Собрание явно же не имеет права! Этого никогда не одобрили бы ваши господа избиратели, «при свойственном им такте и практическом смысле»! И, к тому же, во что превратилось бы германское единство, если бы (и тут высказывается особенно «превосходная мысль») «дело не ограничилось *одними оговорками»,* а выносилось бы «решительное одобрение или неодобрение франкфуртских решений»! Поэтому приходится довольствоваться «чисто формальным подчинением»!

Конечно, «чисто формальное подчинение» можно ограничить «оговорками» и в крайнем случае даже прямо нарушить, от

этого германское единство не потерпит ущерба; но вот одобрение или неодобрение, оценка этих решений со стилистической, логической или практической точки зрения — это, действительно, неслыханно!

Г-н *Абегг* заканчивает свою речь замечанием, что это дело Франкфуртского, а *не* Берлинского собрания высказываться по поводу оговорок, внесенных на рассмотрение Берлинского, а *не* Франкфуртского собрания. Нельзя же предвосхищать суждение франкфуртцев — ведь это было бы для них оскорбительным!

Господа в Берлине не компетентны судить о заявлениях, которые делают им их собственные министры.

Но будем останавливаться на кумирах маленьких людей, на каких-нибудь *Бальцере, Кемпфе, Греффе,* и поскорее перейдем к герою дня, к несравненному *Баумштарку.*

Депутат *Баумштарк* заявляет, что никогда не согласится объявить себя некомпетентным в каком-нибудь деле, пока но будет вынужден признать, что он в этом деле ничего не понимает, — но неужели же результатом восьминедельных прений может быть полное непонимание дела?

Депутат Баумштарк, стало быть, *компетентен.* И вот в каком смысле:

«Я спрашиваю, дает ли нам проявленная нами до сих пор мудрость полное право» (т. е. компетентность) «выступить против Собрания, которое вызвало к себе

всеобщий интерес в Германии,
восхищение всей Европы,
благородством своего образа мыслей,
высотой своего интеллекта,
нравственностью своих государственных взглядов», — словом,

«всем, чем возвеличено и прославлено в истории имя Германии, Перед всем этим я *преклоняюсь»* (т. е. объявляю себя *некомпетентным),* «и хотел бы, чтобы Собрание из чувства истины (!!) также преклонилось бы» (т. е. объявило бы себя *некомпетентным»*!

«Господа», — продолжает «компетентный» депутат Баумштарк, — «на вчерашнем заседании было сказано, что разговоры о республике и т. д. носят нефилософский характер. Но никак не может быть нефилософским утверждение, что отличительным признаком республики в демократическом смысле является ответственность лица, стоящего во главе государства. Господа, бесспорно, что все философы государственного права, от *Платона и ниже вплоть до Дальмана»* («ниже» депутат Баумштарк действительно не мог опуститься), «высказали именно этот взгляд, и мы не можем без совершенно особых соображений, которые еще должны быть выдвинуты, вступать в противоречие с этой более чем тысячелетней истиной (!) и с историческим фактом».

Значит, г-н Баумштарк полагает, что все-таки могут найтись иногда такие «совершенно особые соображения», по которым следует вступать в противоречия даже с «историческими

фактами». Впрочем, господа депутаты правой обычно в этом отношении не церемонятся.

Далее г-н Баумштарк объявляет себя снова *некомпетентным,* взваливая компетенцию на плечи «всех философов государственного права от Платона и ниже вплоть до Дальмана», к каковым философам г-н Баумштарк, разумеется, не принадлежит.

«Представьте себе только это государственное здание! *Одна* палата и ответственный имперский регент, и это на основе нынешнего избирательного закона! При ближайшем рассмотрении всякий согласится, что это противоречит *здравому смыслу».*

И тут г-н Баумштарк изрекает следующие глубокомысленные слова, которые, даже при самом пристальном рассмотрении, не окажутся в противоречии со «здравым смыслом».

«Господа! Для республики требуются две вещи: суждение народа и руководящие личности. Если мы присмотримся поближе к суждению нашего немецкого парода, мы едва ли найдем в нем хотя бы намек на *такую* республику» (т. е. вышеупомянутую республику имперского регента)!

Стало быть, г-н Баумштарк снова объявляет себя *некомпетентным,* причем на этот раз не он, а *народное суждение* является компетентным в вопросе о республике. Народное суждение «разумеет», стало быть, в этом деле лучше, чем депутат Баумштарк.

Но под конец оратор доказывает, что существуют и такие вопросы, в которых он кое-что «разумеет», и сюда относится прежде всего вопрос о народном суверенитете.

«Господа! История дает нам доказательство, —и я должен на этом остановиться, — что *народный суверенитет существовал у нас с незапамятных времен,* но, видоизменяясь, он принимал разные формы».

И далее следует ряд «превосходнейших мыслей и проницательнейших суждений» по поводу бранденбургско-прусской истории и народного суверенитета — мыслей и суждений, заставивших соседнего публициста от избытка конституционного блаженства и доктринерского упоения позабыть о всех земных страданиях.

«Когда великий курфюрст* оставил без внимания прогнившие сословные элементы, зараженные ядом французской безнравственности» (право первой ночи было, впрочем, постепенно похоронено именно «французской безнравственной» цивилизацией!), «когда он *даже* (!) сокрушил их» («сокрушить» что-либо — без сомнения, наилучший способ оставить это без внимания), — «тогда весь народ восторженно приветствовал его, проникнутый глубоким нравственным чувством, что этим укрепляется немецкое и в особенности прусское государственное здание».

* — Фридрих-Вильгельм. *Ред.*

Восхитительно это «глубокое нравственное чувство» бранденбургских мещан XVII века, которые в глубоком предчувствии своих барышей восторженно приветствовали курфюрста, когда он нападал на их врагов, феодалов, а им самим продавал привилегии, — но еще более восхитителен «здравый рассудок» и «проницательное суждение» г-на Баумштарка, усматривающего в этих восторгах проявление «народного суверенитета»!

«В те времена не было никого, кто не выражал бы свою преданность этой абсолютной монархии» (потому что иначе он был бы наказан палками), «и великий Фридрих никогда не достиг бы такого значения, если бы он не опирался на *истинный* народный суверенитет».

Народный суверенитет палки, крепостного права и барщины — вот что такое для г-на Баумштарка *истинный* народный суверенитет. Откровенное признание!

От истинного народного суверенитета г-н Баумштарк переходит теперь к *ложному*.

«Но наступили другие времена, времена конституционной монархии».

Это доказывается длинной «конституционной тирадой», сводящейся вкратце к тому, что с 1811 и до 1847 г. народ в Пруссии все время требовал конституции, но никогда не республики (!), за чем следует непринужденное замечание, что и от последнего республиканского восстания в Южной Германии «народ с негодованием отшатнулся».

И отсюда, совершенно естественно, вытекает, что второй вид народного суверенитета (правда, его уже нельзя назвать «истинным») есть «собственно конституционный».

«При этом виде народного суверенитета государственная власть делится между королем и народом, это — *поделенный* народный суверенитет» (пусть «философы государственного права от Платона и ниже вплоть до Дальмана» объяснят нам, что это такое); «он должен принадлежать народу *целиком* и *безусловно* (!!), но, однако, без ущерба для законной власти короля» (какими законами определяется в Пруссии эта власть после 19 марта?). «Тут имеется полная ясность» (особенно в голове депутата Баумштарка); «это понятие установлено историей конституционной системы, и ни у кого не может больше быть сомнений по этому поводу» (к сожалению, «сомнения» снова начинают возникать, когда читаешь речь депутата Баумштарка).

И, наконец, «существует третий вид народного суверенитета — демократически-республиканский, который должен покоиться на так называемой широчайшей основе. Какое это злополучное выражение — *широчайшая основа!*»

Против этой широчайшей основы и «поднимает» г-н Баумштарк свой «голос». Эта основа ведет к распаду государств, к варварству! У нас нет Катонов, которые могли бы дать

республике нравственный фундамент. И тут г-н Баумштарк начинает так громко трубить о республиканской добродетели в старый, давным-давно испорченный и усеянный трещинами рог Монтескьё, что соседний публицист в порыве восторга начинает вторить ему и, к изумлению всей Европы, блистательно доказывает, что «республиканская добродетель и ведет как раз... к конституционализму»! Но г-н Баумштарк тут же перестраивается на другой лад, и вот оказывается, что *отсутствие* республиканской добродетели тоже ведет к конституционализму. О блестящем эффекте этого дуэта, в котором после ряда душераздирающих диссонансов оба голоса сливаются, в конце концов, в примирительном аккорде конституционализма, читатель сам может составить себе представление.

Наконец, после довольно пространных рассуждений, г-н Баумштарк приходит к выводу, что министры не внесли, в сущности, «никакой *настоящей* оговорки», а сделали только *«небольшую* оговорку относительно будущего», и в заключение становится сам на широчайшую основу, заявив, что единственное спасение Германии — в *демократически*-конституционном строе. При этом «мысль о будущем Германии овладевает им» настолько, что он разражается восклицанием: «Да здравствует, трижды да здравствует народно-конституционная наследственная германская королевская власть!».

Поистине, он был вправе сказать: эта злополучная широчайшая основа!

Затем выступило еще несколько ораторов с обеих сторон, по после депутата Баумштарка мы уже не решаемся сообщать о них нашим читателям. Отметим еще только одно: депутат *Ваксмут* заявил, что в основе его кредо лежит тезис благородного Штейна: воля свободных людей — незыблемая опора каждого трона.

«Вот», — восклицает наш соседний публицист, захлебываясь от восторга, — «вот подлинная суть дела! Нигде так не преуспевает воля свободных людей, как под сенью незыблемого трона, и ни на чем трон не покоится так незыблемо, как на разумной любви свободных людей!»

Поистине, «изобилие превосходных мыслей и проницательных суждений», «здравое понимание истинной свободы», проявленные ораторами большинства во время этих дебатов, все-таки не могут идти в сравнение с глубиной и содержательностью мыслей соседнего публициста!

Написано Ф. Энгельсом 24 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 55, 25 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ЗАКОНОПРОЕКТ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ЗАЙМЕ И ЕГО МОТИВИРОВКА

I

Кёльн, 25 июля. Однажды известный мошенник благословенного Сент-Джайлсского квартала в Лондоне предстал перед судом присяжных. Он был обвинен в том, что облегчил на 2000 фунтов стерлингов сундук знаменитого в Сити скряги,

«Господа присяжные», — начал обвиняемый, — «я не буду долго испытывать ваше терпение. Моя защита носит политико-экономический характер, и поэтому я буду экономен в словах. Я отобрал у г-на Криппса 2000 фунтов стерлингов. Это действительно так. Но я взял деньги у частного лица с тем, чтобы отдать их обществу. Куда девались эти 2000 фунтов стерлингов? Разве я эгоистически хранил их у себя? Обыщите мои карманы. Если вы найдете хотя бы один пенс, я продам вам свою душу за фартинг. Эти 2000 фунтов стерлингов вы найдете у портного, у лавочника, в ресторане и т. д. Так что же я сделал? *«Бесполезно лежавшие* суммы, которые *только принудительным займом»* можно было вырвать из могилы, в которую их зарыл скупец, я «пустил *в обращение».* Я содействовал обращению, а обращение есть первое условие национального богатства. Господа, вы — англичане! Вы — экономисты! Вы не осудите благодетеля нации!»

Сент-Джайлсский экономист находится теперь на Вандименовой земле* и имеет возможность поразмыслить о слепой неблагодарности своих соотечественников.

Однако он жил не напрасно. Его принципы положены в основу *ганземановского принудительного займа.*

«Допустимость принудительного займа», — говорит Ганземан, *мотивируя* эту меру, — «основана на том бесспорном соображении, что большая часть наличных денег, в *больших или меньших суммах, бесполезно* пребывает в руках частных лиц и *только путем принудительного займа может быть пущена в обращение».*

* — Тасмании. *Ред.*

Расходуя капитал, вы пускаете его в обращение. Если вы его не пускаете в обращение, его *расходует* государство, дабы пустить его в обращение.

Хлопчатобумажный фабрикант использует, например, 100 рабочих. Предположим, что он платит ежедневно по 9 зильбергрошей каждому из них. Таким образом, ежедневно 900 зильбергрошей, или 30 талеров, перемещаются из его кармана в карманы рабочих и из карманов рабочих в карманы лавочника, домовладельца, сапожника, портного и пр. Это странствование 30 талеров называется их *обращением.* С того момента, как фабрикант может продавать свои хлопчатобумажные ткани лишь с убытком или вовсе не может их продавать, он прекращает производство и перестает использовать рабочих, а с прекращением производства прекращается странствование 30 талеров, прекращается *обращение.* Мы принудительно восстановим обращение! — восклицает Ганземан. Почему же деньги *бесполезно* лежат у фабриканта? Почему он не пускает их в обращение? Во время хорошей погоды гуляет множество народа. Ганземан выгоняет людей на улицы, заставляет их гулять, чтобы восстановить хорошую погоду. Какой мастер делать погоду!

В результате министерского и торгового кризиса капитал буржуазного общества лишается процентов. Помогая этому обществу выйти из тяжелого положения, государство отнимает и самый капитал.

Еврей *Пинто,* знаменитый биржевой делец XVIII века, в своей книге «Об обращении»[155] рекомендует биржевую игру. Биржевая игра, правда, ничего не создает, но она способствует обращению, перемещению богатства из одного кармана в другой. Ганземан превращает государственную казну в рулетку, где обращается достояние граждан. Ганземан-Пинто!

И вот в *«мотивировке»* «закона о принудительном займе» Ганземан наталкивается на серьезное затруднение. Почему *добровольный заем* не принес требуемых сумм?

Всем известно «безусловное доверие», которым пользуется теперешнее правительство. Всем известен восторженный патриотизм крупной буржуазии, жалующейся только на то, что какие-то смутьяны осмеливаются но разделять ее самоотверженного доверия. Всем известны адреса из всех провинций, заверяющие в лойяльности. И «вопреки всему, всему»[156], Ганземан вынужден превратить поэтический добровольный заем в прозаический принудительный заем!

Например, в Дюссельдорфском округе дворянство внесло 4000 талеров, офицеры — 900 талеров. А где же искать большего доверия, как не среди дворянства и офицерства Дюссель-

дорфского округа? О взносах принцев королевского дома и говорить не приходится.

Предоставим Ганземану самому объяснить нам это явление.

«Добровольные взносы поступали до сих пор лишь в незначительном количестве. Это, *пожалуй, можно объяснить не столько недостатком доверия* к нашим порядкам, сколько *неосведомленностью* в *действительных нуждах* государства, причем каждый полагал возможным выждать, пока не выяснится, *действительно ли и в каком размере собираются привлечь денежные средства населения.* На этом *обстоятельстве* и основана надежда, что все в меру своих сил сделают *добровольные* взносы, как только им разъяснят, что *обязательное участие в займе* является *неизбежной необходимостью».*

Государство, находясь в самом бедственном положении, взывает к патриотизму. Оно покорнейше просит патриотизм принести на алтарь отечества 15 миллионов талеров, и даже не в виде дара, а лишь в виде добровольного *займа.* Доверие к государству непоколебимо, — но все глухи к его крикам о помощи. К сожалению, все так *«неосведомлены» о «действительных нуждах* государства», что с величайшим душевным прискорбием предпочитают пока *совершенно ничего* не давать государству. Правда, к государственной власти питают величайшее доверие, а почтенная государственная власть утверждает, что государству необходимы 15 миллионов талеров. Именно из-за доверия и не верят заявлениям государственной власти, вопль же о 15 миллионах талеров принимают за простую шутку.

Известна история почтенного *пенсильванца,* который никогда не давал ни одного доллара взаймы своим друзьям. Он питал такое доверие к их упорядоченному образу жизни, он так верил в их деловую солидность, что до самой своей смерти не был «осведомлен», что они «действительно нуждаются» в долларах. В их настоятельных требованиях он видел лишь намерение испытать его доверие, доверие же его было непоколебимо.

Прусская государственная власть обнаружила, что все государство населено подобными пенсильванцами.

Но г-н Ганземан объясняет это странное политико-экономическое явление еще одним своеобразным *«обстоятельством».*

Народ не платил добровольно, «потому что полагал возможным выждать, *действительно ли и в каком размере собираются привлечь его денежные средства».* Иными словами: никто не платил добровольно, потому что каждый выжидал, *когда и в каком размере* его *заставят* платить. Осторожный патриотизм! В высшей степени сложный вид доверия! II вот на том *«обстоятельстве»,* что позади голубоглазого, сангвинического добровольного займа стоит теперь мрачный, ипохондрический принудительный заем, г-н Ганземан «основывает *надежду,* что все в меру

своих сил сделают *добровольные* взносы». По крайней мере, теперь самые закоренелые скептики расстанутся со своей неосведомленностью и убедятся, что государственная власть в самом деле серьезно нуждается в деньгах, а все зло, как мы уже видели, заключалось в этой тягостной неосведомленности. Если вы сами не дадите денег, то у вас их возьмут, а это создаст большие затруднения и для вас, и для нас. Мы надеемся поэтому, что ваше доверие перестанет быть столь чрезмерным и, вместо пустозвонных фраз, выльется в звонкие талеры. Est-ce clair?*

Какие бы *«надежды»* г-н Ганземан ни возлагал на это *«обстоятельство»,* однако скептицизм его *пенсильванцев* заразил и его, и он чувствует себя вынужденным прибегнуть к еще более сильным *возбуждающим средствам,* чтобы подхлестнуть доверие. Доверие, правда, существует, но никак не хочет проявиться. Необходимы *возбуждающие средства,* чтобы вывести его из этого скрытого состояния.

«Но чтобы создать еще более сильный стимул к добровольному участию в займе» (чем перспектива принудительного займа), «в § 1 проектируется выплата по займу $3^1/_3$% и устанавливается срок» (1 октября), «до которого еще будут приниматься взносы по добровольному 5% займу».

Таким образом, г-н Ганземан устанавливает *премию* в $1^2/_3$% за участие в добровольном займе. Теперь-то уж наверняка патриотизм превратится в наличные деньги, сундуки сразу откроются и золотые потоки доверия польются в государственную казну.

Г-н Ганземан, конечно, находит «справедливым» платить богатым людям на $1^2/_3$% больше, чем малосостоятельным, у которых только насильно можно будет отнять самое необходимое. В наказание за свое не слишком благополучное имущественное состояние они, сверх того, еще должны будут нести *издержки, связанные с обжалованием.*

Так сбывается библейское изречение. Имущему дано будет, а у неимущего отнимется.

* — Ясно? *Ред.*

II

Кёльн, 29 июля. Ганземан-Пинто, как некогда Пиль для хлебных пошлин, изобрел «скользящую шкалу»[157] для недобровольного патриотизма.

«В отношении процентного размера обязательного участия в займе»,— говорит наш Ганземан в своей мотивировке законопроекта, — «принята прогрессивная шкала, ибо ясно, что возможность располагать деньгами возрастает в *арифметической* прогрессии к размеру состояния».

С увеличением состояния увеличивается и возможность располагать деньгами. Иными словами: чем больше денег имеется в распоряжении, тем большим количеством денег можно распоряжаться. Пока что это все верно. Но что возможность располагать деньгами возрастает только в *арифметической* прогрессии даже тогда, когда размеры состояния составляют *геометрическую* прогрессию, — это открытие Ганземана, которое создаст ему большую славу среди потомков, чем положение Мальтуса, что жизненные средства растут только в арифметической прогрессии, тогда как население увеличивается в геометрической прогрессии.

Если, таким образом, различные размеры состояния относятся друг к другу, например, как 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512, то, согласно открытию г-на Ганземана, возможность располагать деньгами возрастает как

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. 8, 9, 10.

Несмотря на кажущийся рост обязательного участия в займе, возможность располагать деньгами, по мнению нашего экономиста, падает в той же мере, в какой увеличивается состояние.

В одной новелле Сервантеса[158] мы находим величайшего испанского финансиста в сумасшедшем доме. Он открыл, что государственный долг Испании был бы уничтожен, если бы

«кортесы приняли закон, согласно которому все подданные его величества от 14 до 60-летнего возраста обязаны один день в месяц питаться

хлебом и водой, причем выбор этого дня предоставляется им самим. А расход на фрукты, овощи, мясо, рыбу, вино, яйца и бобы, которые были бы потреблены в этот день, должен быть исчислен в деньгах, и эти деньги, под страхом наказания за нарушение присяги, должны сдаваться все до последнего гроша его величеству».

Ганземан сокращает процедуру. Он предлагает всем своим испанцам, имеющим 400 талеров годового дохода, изыскать один день в году, когда они могут отказать себе в 20 талерах. Малосостоятельным он предлагает, согласно скользящей шкале, воздержаться в течение 40 дней почти от всякого потребления. Если за время между августом и сентябрем они не найдут 20 талеров, то в октябре их разыщет судебный исполнитель, ибо сказано: Ищите да обрящете.

Проследим дальнейшую *«мотивировку»* нашего прусского Неккера.

«Всякий доход от промыслов в самом широком смысле этого слова»,— поучает он нас, — «т. е. вне зависимости от того, подлежит ли он обложению промысловым налогом, подобно доходам врачей и адвокатов, может учитываться только *за вычетом производственных расходов,* включая подлежащие уплате проценты по долгам, *ибо только таким образом определяется чистый доход.* По *той же причине* не принимается во внимание и *промысловый оборотный капитал, в том случае,* если исчисляемый на основании *дохода* размер займа *выше, чем если бы его стали исчислять на основании оборотного капитала».*

Nous marchons de surprise en surprise*. *Доход* может быть определен только *за вычетом оборотного капитала,* ибо принудительный заем может и должен быть не чем иным, как чрезвычайной формой *подоходного налога. А* расходы по предприятию имеют такое же отношение к доходу промышленника, как ствол и корень дерева — к его плодам. И вот *по той причине,* что обложению подлежит только доход, а не оборотный капитал, облагается именно оборотный капитал, а не доход, в тех случаях, когда это выгоднее для казны. Г-ну Ганземану поэтому совершенно безразлично, «каким образом будет исчислен *чистый* доход». Его интересует лишь, «каким образом будет исчислен *наибольший* доход» для казны.

Г-н Ганземан, покушающийся на оборотный капитал, подобен дикарю, срубающему дерево, чтобы завладеть его плодами.

«Таким образом, если» (статья 9 законопроекта) «сумма займа, исчисленная на основании промыслового оборотного капитала, выше суммы, исчисленной на основании десятикратной суммы дохода, исчисление

* — Нам преподносят один сюрприз за другим. *Ред.*

производится по первому способу», и тогда «принимается во внимание» сам «промысловый оборотный капитал».

Следовательно, каждый раз, когда казне заблагорассудится, она может в основу своих требований класть состояние, а не доход.

Народ требует обследования таинственной прусской государственной казны. На это бестактное требование министерство дела отвечает тем, что оставляет за собой право заглянуть проницательным взором во все торговые книги и составить инвентарную опись имущественного состояния всех граждан. Конституционная эра в Пруссии начинается тем, что не народ контролирует состояние государственного имущества, а, наоборот, государство контролирует имущественное состояние граждан. Так предоставляется полный простор для наглого вмешательства бюрократии в сферу гражданских связей и частных отношений. В Бельгии государство тоже прибегло к принудительному займу, но оно скромно удовлетворяется налоговыми списками и ипотечными книгами, имеющимися официальными документами. А министерство дела переносит спартанский дух прусской армии на прусскую политическую экономию.

Правда, в своей «мотивировке» Ганземан пытается успокоить граждан разными приятными словами и дружелюбными уговорами.

«В основу размещения займа», — нашептывает он им, — «положена *самооценка».* Все, «что может вызвать неприязнь», не будет допускаться.

«Не требуется даже общих данных об отдельных составных частях имущества». «Окружная комиссия, созданная *для проверки самооценки,* должна путем *доброжелательного* убеждения призвать к надлежащему участию в займе, и только в случае безуспешности этого пути может сама устанавливать сумму подписки. Решения окружных комиссий подлежат *обжалованию* в областные комиссии и т. д.»

Самооценка! Никаких, даже *общих* данных об отдельных составных частях имущества! Доброжелательное убеждение!
Обжалование!

Иль этого мало тебе?[159]

Начнем сразу с конца — с *обжалования.* Статья 16 гласит:

«Взыскание производится в назначенные сроки, *невзирая на произведенное обжалование,* причем в том случае, если будет признана обоснованность жалобы, внесенная сумма возвращается».

Итак, сперва принудительное *взыскание,* несмотря на обжалование, а затем признание обоснованности жалобы, несмотря на принудительное взыскание!

Больше того!

Вызванные обжалованием «издержки песет жалобщик в тех случаях, когда жалоба целиком *или частично* отвергается. В случае необходимости эти издержки взыскиваются в административном порядке» (статья 19). Кто знает, насколько экономически невозможно точно оценить состояние, тот сразу поймет, что жалоба *всегда* может быть *частично* отвергнута и, следовательно, ущерб всегда должен будет терпеть жалобщик. Следовательно, каково бы ни было обжалование, денежный урон всегда является его неразлучной тенью. Честь и место праву обжалования!

От обжалования — с конца, вернемся к началу — к *самооценке.*

Г-н Ганземан, видимо, не опасается, что его спартанцы будут себя переоценивать.

Согласно статье 13, «самооценка обязанных подпиской на заем составляет *основу* размещения займа». Архитектоника ганземановского проекта такова, что по фундаменту здания невозможно судить о дальнейших его очертаниях.

Или, вернее, «самооценка», которая в форме «декларации» передается «особым чиновникам, назначенным» г-ном «министром финансов или, но его поручению, окружным управлением», — эта основа подвергается теперь более глубокому обоснованию. Согласно статье 14, «для рассмотрения поданных объяснений собираются одна или несколько комиссий, председатели которых, так же как и прочие члены, числом не менее 5, *назначаются министром финансов или уполномоченными им на то властями». Назначение* со стороны министра финансов или уполномоченных им властей составляет, таким образом, настоящую *основу* проверки.

Если самооценка расходится с *«суждением»* этой назначенной министром финансов окружной или городской комиссии, «самооценщика» приглашают для дачи *декларации* (статья 15). Представит или не представит он эти объяснения, все равно, все зависит от того, *«удовлетворяет»* ли самооценка назначенную министром финансов комиссию. Если самооценка будет признана недостаточной, «комиссия, сообразно *своей собственной оценке,* определяет сумму подписки, о чем и *извещает* обязанного подпиской».

Сперва обязанный подпиской оценивает себя сам и извещает об этом чиновника. Теперь оценку производит чиновник и извещает об этом обязанного подпиской. Что же осталось от «самооценки»? Эта основа оказывается разрушенной до основания. Но в то время как самооценка давала лишь повод для

основательной «проверки» обязанного подпиской, чужая оценка ведет прямо к принудительному взысканию. Статья 16 предписывает, в частности:

«Заключения окружной (или городской) комиссии передаются в окружное управление, которое на их основании *немедленно* составляет ведомости размеров займа и передает их в соответственные кассы для взыскания — в случае надобности в принудительном порядке, — согласно действующим предписаниям о налогах».

Мы видели уже, что путь обжалования не всегда «усеян розами». Но этот путь изобилует и другими шипами.

Во-первых. Окружная комиссия, рассматривающая жалобы, составляется из депутатов, избираемых выборщиками, которые избраны на основании закона от 8 апреля 1848 года.

Но пред лицом принудительного займа вся страна распадается на два враждебных лагеря — на лагерь строптивых и на лагерь благомыслящих, против уже уплаченного или предложенного взноса которых в окружной комиссии никаких возражений не выдвигается. Депутаты могут быть выбраны только из среды благомыслящего лагеря (статья 17).

Во-вторых. Председательствует назначаемый министром финансов комиссар, к которому в качестве секретаря может быть прикомандирован чиновник (статья 18).

В-третьих. Окружная комиссия имеет право *подвергать* специальной оценке *состояние или доходы* и для этой цели может требовать *предъявления оценочных описей* или *обследовать торговые книги.* Если такое обследование окажется недостаточным, жалобщик может быть подвергнут допросу под присягой.

Следовательно, если кто-нибудь не согласится безоговорочно принять «оценку» назначенного министром финансов чиновника, он должен в наказание предоставить, возможно, двум бюрократам и пятнадцати конкурентам знакомиться со всем его имущественным положением. Таков тернистый путь обжалования! Ганземан, таким образом, просто издевается над своей публикой, говоря в мотивировке:

«В основу размещения займа положена самооценка. Чтобы не сделать ее ни в малейшей мере вызывающей неприязнь, не нужно требовать даже общих данных об отдельных составных частях имущества».

Министр дела в своем проекте не упустил даже наказания за «нарушение присяги», — точь-в-точь как у сервантесовского прожектера.

Вместо того чтобы мучиться над измышлением своей мнимой мотивировки, наш Ганземан сделал бы гораздо лучше, если бы сказал словами героя комедии:

«Как вы хотите, чтобы я заплатил старые долги и сделал новые, *если вы не даете мне денег взаймы?»*

Но в настоящий момент, когда Пруссия во имя своих особых интересов собирается совершить предательство по отношению к Германии и намерена восстать против центральной власти, *долг каждого патриота* — не давать добровольно ни одного пфеннига для принудительного займа. Только последовательно лишая Пруссию жизненных средств, можно заставить ее подчиниться Германии.

Написано 25—29 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 56 и 60; 26 и 30 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ
ОБ ОКРУЖНЫХ СОСЛОВНЫХ СОБРАНИЯХ

(СОГЛАСИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 18 ИЮЛЯ)

Кёльн, 25 июля. Из множества запутанных, бесполезных и чисто личных документов и прений, с которых обычно начинаются все заседания, мы выделим сегодня два момента.

Первый момент — это заявление экс-министра *Родбертуса,* переданное председателю в письменном виде и затем прочитанное с трибуны: хотя он и записался для выступления *против* предложения Якоби, он тем не менее намерен был высказаться *лишь* против первой части этого предложения, осуждающего франкфуртское решение, — а *вместе с тем и против заявления министерства* по этому вопросу 4 июля. Как известно, прения были прерваны, прежде чем г-н Родбертус успел взять слово.

Второй момент — это заявление г-на *Бродовского* от имени всех польских депутатов по поводу необоснованного заявления немецко-польских депутатов; он не признает присоединение части Познани к Германскому союзу, считая его незаконным; основание — договоры 1815 г. и спровоцированное королем заявление провинциального сословного собрания *против* приема этой территории в Германский союз[160].

«Последующий *законный путь* решения этого вопроса мне неизвестен, так как у *нации еще не спросили мнения на этот счет»*.

Следуют заключительные прения по поводу адреса. Как известно, адрес был отклонен под возгласы левых: «двукратный вопрос о доверии!» и под всеобщий смех.

Затем на обсуждение был поставлен отчет комиссии по поводу предложения 94 депутатов о лишении окружных сословных собраний права налогового обложения.

Мы намеренно останавливаемся на этом вопросе. Он снова вызывает в нашей памяти представление об истинном старопрусском законодательстве; усиливающаяся реакция все более восхваляет это законодательство как непревзойденный образец, в то время как министерство дела, которое не желает играть роль переходного министерства, с каждым днем все беззастенчивее выступает с восхвалением министерства Бодельшвинга.

Окружные сословные собрания на основании ряда законов, изданных еще до 1840 г., получили право устанавливать налоги, обязательные для населения округов.

Эти окружные сословные собрания являются великолепным образцом старопрусского «представительства». Наиболее крупные владельцы земли из числа крестьян округа посылают все вместе *трех* депутатов; каждый город, как правило, посылает *одного;* но *каждый дворянин-землевладелец* является *потомственным членом окружного сословного собрания.* Совершенно не представлены в городах рабочие и часть мелкой буржуазии, в деревне — мелкие собственники и не коренные жители, в общем огромное большинство населения. Эти классы не представлены, но тем не менее представители, и в особенности господа «потомственные члены окружного сословного собрания», облагают их налогами, а как и на какой предмет, мы сейчас увидим.

Эти окружные сословные собрания, могущие к тому же вполне самостоятельно распоряжаться финансами округа, при разрешении вопросов налогового обложения зависят от согласия обер-президента или короля, а кроме того, если они не приходят к соглашению и какое-нибудь одно сословие имеет особое мнение, то окончательное решение зависит от министра внутренних дел. Отсюда видно, как ловко старое пруссачество умело охранять «благоприобретенные права» крупных землевладельцев и вместе с тем право верховного надзора со стороны бюрократии.

Однако, как совершенно определенно признается в отчете центральной комиссии, это право верховного надзора со стороны бюрократии существует лишь для того, чтобы оберегать нрава местных чиновников от какого-либо вмешательства окружных сословных собраний, а вовсе не для того, чтобы защищать жителей округа, в особенности тех, которые не имеют права представительства, от посягательств господ депутатов окружных сословных собраний.

Отчет заканчивается предложением отменить законы, предоставляющие окружным сословным собраниям право налогового обложения.

Докладчик, г-н *Бухер,* обосновывает это предложение. Именно те решения окружных сословных собраний, которые были особенно тягостны и больше всего озлобляли население, лишенное права представительства, в первую очередь утверждались окружными управлениями.

«В этом и заключается проклятие полицейского государства, в принципе уже уничтоженного, но, к сожалению, фактически существующего и по сей день, — что чиновник или учреждение, чем выше они стоят на лестнице бюрократической иерархии, тем больше уверены в том, что разбираются лучше других во всем, даже в таких специальных вопросах, хотя именно благодаря этому они очень далеки от понимания местных нужд».

Обсуждаемое предложение надо считать тем более приемлемым, что оно является не созидательным, а *лишь разрушительным:* «нельзя отрицать, что Собрание до сих пор *не имело успеха* в своих попытках *созидательной* деятельности... поэтому целесообразно заняться пока преимущественно деятельностью *разрушительной».* В соответствии с этим оратор предлагает отменить, в особенности, изданные после 1815 г. реакционные законы.

Это было уж слишком. Докладчик объявил достойным осуждения не только старое пруссачество, бюрократию и окружные сословные собрания, но даже позволил себе иронически отозваться о результатах предыдущих согласительных дебатов. Обстоятельства складывались благоприятно для министерства. К тому же и по отношению к двору нельзя было допустить, чтобы отменялись именно только те законы, которые были изданы при нынешнем короле.

Итак, на трибуну поднимается г-н *Кюльветтер.*

«Состав окружных сословных собраний таков, что их строение, без сомнения, будет изменено, потому что» — сословные порядки вообще противоречат равенству перед законом? Напротив! Лишь «потому, что и сейчас каждый дворянин-землевладелец является потомственным членом окружного сословного собрания, тогда как город, *сколько бы* в него ни входило *дворянских поместий,* имеет право посылать только одного представителя в окружное сословное собрание, а крестьянские общины представлены там лишь тремя депутатами».

Перед нами раскрываются закулисные планы министерства дела. Сословное представительство должно было быть упразднено при создании центрального народного представительства, тут уж ничего не поделаешь. Но в представительных учреждениях более мелкого масштаба, в округах (а может быть и в провинциях?) пытаются *сохранить сословное представительство,* уничтожая лишь самые грубые привилегии дворянства по сравнению с горожанами и крестьянами. Заявление г-на Кюльветтера

нельзя понять иначе — это видно хотя бы из того, что доклад центральной комиссии как раз настаивал на установлении равенства перед законом в окружном представительстве. Г-н Кюльветтер, однако, обходит этот вопрос глубочайшим молчанием.

По поводу *содержания* предложения г-н Кюльветтер ничего не может возразить; он лишь вопрошает, следует ли оформлять это предложение «законодательным путем».

«Опасность, что окружные сословные собрания будут злоупотреблять правом налогового обложения, *пожалуй, не так уже велика*... Право надзора со стороны правительства *вовсе не так уже иллюзорно,* как это пытались изобразить; это право *всегда* добросовестно осуществлялось, причем именно низшие категории плательщиков поразрядного налога по возможности освобождались от обложения».

Разумеется! Г-н Кюльветтер был чиновником при Бодельшвинге и, даже рискуя скомпрометировать все министерство дела, он считает необходимым во что бы то ни стало защищать прежние подвиги бодельшвинговской бюрократии. Заметим, что г-н Ганземан отсутствовал, когда его коллега Кюльветтер таким образом объявил его солидарным с г-ном Бодельшвингом.

Г-н Кюльветтер заявляет, что он уже дал указания всем окружным управлениям — впредь до особого распоряжения не утверждать налогов, принятых в окружных сословных собраниях, — и, таким образом, цель якобы достигнута.

Г-н *Йенч* портит г-ну министру всю игру, заявляя, что у окружных сословных собраний установился обычай взимать дорожную подать, идущую, главным образом, на пользу дворянским поместьям, *по шкале поразрядного налога, от которого дворянские поместья совершенно освобождены.*

Г-н *Кюльветтер* и г-н *фон Вангенхейм,* лицо заинтересованное, пытаются защитить окружные сословные собрания. В частности, г-н оберландесгерихтсрат фон Вангенхейм, член окружного сословного собрания Затцига, произносит большую речь, в которой восхваляет это достойное учреждение.

По депутат *Мориц* опять портит весь эффект. Какое значение имеет распоряжение г-на Кюльветтера? Если министерство вынуждено будет уйти в отставку, то окружные управления не станут обращать внимания на это распоряжение. Если у нас существуют такие плохие законы, как эти, то я не вижу причины, почему мы не должны их отменить. А что касается злоупотреблений, которые здесь отрицались, то

«окружные сословные собрания злоупотребляли не только принадлежащим им правом налогового обложения, предоставляя *персональные льготы,* утверждая расходы, которые не шли на пользу всего населения

округа, но, кроме того, предпринимали дорожное строительство в интересах отдельных лиц, в интересах привилегированного сословия... Окружной центр — город Руппин — предполагается соединить с железнодорожной линией Гамбург—Берлин. Вместо того, чтобы провести дорогу через город Вустерхаузен, несмотря на то, что этот город изъявил готовность покрыть дополнительные расходы из собственных средств, *окружное управление отказало* этому маленькому, не имеющему никаких средств существования городу в проведении шоссейной дороги. Вместо этого шоссе было проложено через *три поместья, принадлежащив одному и тому же дворянину-землвладельцу»!!*

Г-н *Рейхенбах* обращает внимание на то, что распоряжение министерства никак не затрагивает вопроса о финансах округа, которыми полностью распоряжаются окружные сословные собрания.

Министр произносит в ответ несколько беспомощных фраз.

Г-н *Бухер* заявляет, что он вовсе не считает министра *правомочным* отдавать распоряжения, которые *фактически отменяют* существующие законы. Только законодательным путем можно помочь делу.

Г-н Кюльветтер бормочет еще несколько бессвязных слов в свою защиту, затем начинается голосование.

Собрание принимает предложение центральной комиссии, чтобы законы, которые предоставляют окружным сословным собраниям право налогового обложения и распоряжения финансами округа, были отменены, с добавлением: «принятые на основе этих законов решения окружных сословных собраний остаются в силе».

Итак, мы видим, что «дела» министерства дела сводятся к попыткам полицейскими мерами осуществить реакцию и к парламентским поражениям.

(Окончание следует)*

Написано Ф. Энгельсом 25 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 56, 26 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Дальнейшему ходу заседания прусского Национального собрания 18 июля посвящена статья Ф. Энгельса «Согласительные дебаты по делу Вальденера» (см. настоящий том, стр. 305—308). *Ред.*

РОСПУСК ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ В БАДЕНЕ

Кёльн, 27 июля. Реакционные полицейские меры против права союзов следуют одна за другой. Сначала был запрещен демократический союз в Штутгарте, затем в Гейдельберге*. Успех придает господам реакционерам смелости. Баденское правительство распускает сейчас все демократические союзы в Бадене.

Это происходит в тот самый момент, когда soi-disant** Национальное собрание во Франкфурте занято вопросом об обеспечении на вечные времена права союзов, как одного из «основных прав германского народа».

Основное условие права свободы союзов состоит в том, чтобы ни один союз, ни одно общество не могли быть распущены или запрещены полицией. Это может произойти лишь на основании судебного приговора, который устанавливает незаконность союза или его действий и целей и наказывает виновных в этих действиях.

Этот путь, разумеется, является чересчур длинным для весьма нетерпеливого в своих карательных мерах г-на *Мати.* Так же как ему казалось слишком скучным сначала добиться приказа об аресте или, по крайней мере, своего назначения специальным констеблем, когда он именем жандарма, которого он носит в своей груди, арестовал «государственного изменника» Фиклера, —точно так же и сейчас он считает всякий судебный, законный путь столь же достойным презрения и непрактичным.

---

* См. настоящий том, стр. 240—241. *Ред.*

** — так называемое. *Ред.*

Мотивы этого нового акта полицейского насилия весьма поучительны. Союзы-де присоединились к всегерманской организации демократических союзов, возникшей по инициативе демократического конгресса во Франкфурте[161]. Конгресс этот

«поставил себе целью борьбу за создание демократической республики» (как будто бы это запрещено!), «а что касается средств, которыми предполагается достигнуть этой цели, то о них можно судить по выраженным в этих постановлениях симпатиям к мятежникам» (с каких это пор «симпатии» считаются незаконными «средствами»?), «а также на основании того, что Центральный комитет этих союзов отказывается в дальнейшем признавать даже германское Национальное собрание и призывает к полному отделению его меньшинства с целью образования незаконным путем нового собрания».

Далее следуют постановления конгресса об организации демократической партии.

Следовательно, по мнению г-на Мати, баденские союзы несут ответственность за постановления Центрального комитета, даже если они их *не выполняют.* Ведь если бы эти союзы по настоянию Франкфуртского комитета действительно выпустили обращение к левой Национального собрания с призывом выйти из состава Собрания, то г-н Мати уж не преминул бы возвестить об этом. Впрочем, вопрос о том, был ли упомянутый призыв незаконным, должен решаться не г-ном Мати, а судом. А чтобы объявить организацию партии в виде округов, конгрессов и центральных комитетов незаконной, — для этого действительно надо быть г-ном Мати! И разве союзы конституционалистов и реакционеров[162] организуются не по такому же образцу?

Но, конечно, «является недопустимым и пагубным, когда подрываются основы государственного устройства и, таким образом, силой союзов потрясается все здание государства».

Как раз для того, г-н Мати, и существует право союзов, чтобы можно было безнаказанно «подрывать» государственное устройство, разумеется, в законных формах! А если союзы обладают большей силой, чем государство, то тем хуже для государства!

Мы еще раз призываем Национальное собрание, если оно не хочет потерять всякое уважение, немедленно привлечь г-на Мати к судебной ответственности.

Написано Ф. Энгельсом 27 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 58, 28 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском, языке публикуется впервые

ЗАКОНОПРОЕКТ
ОБ ОТМЕНЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ

Кёльн, 29 июля. Если какой-нибудь житель Рейнской провинции позабыл, чем он обязан «иноземному господству» и «гнету корсиканского тирана», пусть прочитает законопроект о безвозмездной отмене различных повинностей и поборов, который г-н Ганземан предложил «на обсуждение» своим соглашателям в благословенном 1848 году. Сеньориальная власть [Lehnsherrlichkeit], чинш при аллодификации крестьянского держания [Allodifikationszins], посмертный побор [Sterbefall], лучшая голова скота [Besthaupt], курмед [Kurmede], охранные деньги [Schutzgeld], судебный побор [Jurisdiktionszins], судебные штрафы [Dreidinggelder], бортнический чинш [Zuchtgelder], пошлина за приложение печати к документу [Siegelgelder], десятина скотом [Blutzehnt], десятина с ульев [Bienenzehnt] и т. д.— как чуждо, как варварски звучат эти нелепые названия для нашего слуха, цивилизованного французским революционным разрушением феодализма и Code Napoleon[*]! Как непонятна для нас вся эта груда средневековых повинностей и поборов, эта кунсткамера насквозь прогнившего хлама допотопных времен!

И все же сними обувь твою с ног твоих, немецкий патриот, ибо ты стоишь на священной земле! Все эти варварские обычаи — это обломки христианско-германской славы, это последние звенья цепи, которая тянется через всю историю и связывает тебя с величием твоих предков вплоть до самых лесов, где жили херуски! Этот затхлый воздух, этот феодальный ил, которые

[*] — Кодексом Наполеона. *Ред.*

мы вновь обнаруживаем здесь в классически натуральном виде, являются продуктами, издревле свойственными нашему отечеству, и всякий истый немец должен воскликнуть вместе с поэтом:

Ведь это же воздух отчизны! Он жжет
Своею живительной силой
Мне щеки. Вся эта дорожная грязь —
Навоз моей родины милой![163]

Когда читаешь этот законопроект, то кажется на первый взгляд, будто наш министр земледелия, г-н *Гирке,* по приказу г-на Ганземана наносит необычайно «смелый удар», будто он одним росчерком пера уничтожает все средневековье, и, разумеется, совершенно безвозмездно!

Однако, если всмотреться в *мотивировку* проекта, то оказывается, что она начинается как раз с доказательства того, что, в сущности, недопустима безвозмездная отмена *каких бы то ни было* феодальных повинностей, т. е. со смелого утверждения, которое прямо противоречит «смелому удару».

Между этими двумя видами смелости и лавирует теперь осторожно и предусмотрительно практическая робость г-на министра. Слева — «всеобщее благо» и «требования духа времени», справа — «благоприобретенные права помещиков», посредине — «похвальная идея более свободного развития сельских отношений», воплощенная в стыдливой растерянности г-на Гирке, — что за картина!

Одним словом, г-н Гирке полностью признает, что, в общем, феодальные повинности подлежат отмене только за выкуп. Тем самым *сохраняются* самые обременительные, самые распространенные, самые существенные повинности или, так как они на практике уже уничтожены крестьянами, они *снова восстанавливаются.*

Но, — полагает г-н Гирке, —

«если все же отдельные отношения, внутреннее обоснование которых недостаточно или дальнейшее существование которых несовместимо с требованиями духа времени и со всеобщим благом, будут отменены *без выкупа,* то пострадавшие от этого лица не смогут не признать, что они приносят некоторые жертвы не только во имя всеобщего блага, но и во имя своих собственных правильно понятых интересов, дабы сделать мирными и дружественными отношения между привилегированными лицами и лицами обязанными и тем самым сохранить за землевладением вообще то положение в государстве, которое приличествует ему для блага целого».

Революция в деревне состояла в фактической отмене всех феодальных повинностей. Министерство дела, которое-де признает революцию, признает ее в деревне таким образом, что под

сурдинку ее уничтожает. Вернуть целиком старый status quo* невозможно; крестьяне тогда просто-напросто перебили бы своих господ-феодалов — это понимает даже г-н Гирке. Поэтому отменяется широковещательный список незначительных, лишь кое-где существующих феодальных повинностей и восстанавливается главная феодальная повинность, которая выражается одним словом — *барщина.*

С потерей всех подлежащих отмене прав дворянство жертвует меньше чем 50000 талеров в год, а спасает тем самым несколько миллионов. Более того, как надеется министр, оно помирится таким путем с крестьянами и даже заполучит в будущем их голоса на выборах в палату. В самом деле, сделка была бы недурной, если бы только г-н Гирке не просчитался!

Таким образом были бы устранены протесты со стороны крестьян, а также со стороны дворянства, поскольку последнее правильно понимает свое положение. Остается еще палата, сомнения юридического и радикального крючкотворства. Различие между повинностями, подлежащими и не подлежащими отмене, которое является не чем иным, как различием между повинностями, не имеющими почти никакой ценности, и повинностями, обладающими весьма большой ценностью, — это различие, чтобы удовлетворить палату, должно получить мнимое юридическое и экономическое обоснование. Г-ну Гирке предстоит доказать, что подлежащие отмене повинности 1) имеют недостаточное внутреннее обоснование, 2) противоречат общему благу, 3) противоречат требованиям духа времени и 4) их отмена, по существу, не является нарушением права собственности, экспроприацией без компенсации.

Чтобы доказать недостаточную обоснованность этих поборов и повинностей, г-н Гирке углубляется в самые темные области ленного права. Он призывает на помощь все «вначале очень медленное развитие германских государств на протяжении целого тысячелетия». Но разве это поможет г-ну Гирке? Чем больше он углубляется в далекое прошлое, чем больше ворошит залежавшийся ил ленного права, тем больше это право дает ему доказательств вовсе не слабой, а с феодальной точки зрения весьма солидной обоснованности упомянутых повинностей; и несчастный министр только выставляет себя на посмешище, когда изо всех сил старается изложить ленное право в понятиях современного гражданского права, заставляя феодального барона XII века судить и рядить на манер буржуа XIX века.

* — порядок, положение вещей. *Ред.*

Г-н Гирке благополучно унаследовал основной принцип г-на фон Патова: безвозмездно отменить все, что вытекает из сеньориальной власти и наследственной крепостной зависимости, все же прочее — лишь за выкуп. Но неужто г-н Гирке думает, будто нужно обладать особой проницательностью, чтобы доказать ему, что вообще все подлежащие отмене повинности точно так же «вытекают из сеньериальной власти»?

Излишне, пожалуй, добавлять, что г-н Гирке ради последовательности всюду наряду с феодальными правовыми определениями протаскивает современные правовые понятия и в случаях крайней необходимости всегда апеллирует к ним. Но если г-н Гирке к некоторым из этих повинностей подходит с меркой требований современного права, то непонятно, почему это не делается по отношению ко всем повинностям. Впрочем, тогда барщину было бы, конечно, весьма трудно согласовать со свободой личности и собственности.

Но еще хуже приходится г-ну Гирке с его разграничениями, когда он оперирует аргументом общественного блага и требованиями духа времени. Ведь само собой понятно, что если эти незначительные повинности мешают общественному благу и противоречат требованиям духа времени, то в еще большей степени это относится к таким повинностям, как барщина, отработки, лаудемии и т. д. Или г-н Гирке считает право ощипывать крестьянских *гусей* (§ 1, № 14) устаревшим, а право ощипывать *самих крестьян* — отвечающим духу времени?

Далее следует доказательство того, что предусматриваемая законопроектом отмена феодальных повинностей не нарушает права собственности. Доказательство этой вопиющей неправды можно, разумеется, приводить только для видимости, а именно только таким образом, что дворянству путем подсчетов внушается, что эти права не имеют для него ценности, хотя это, разумеется, может быть доказано лишь приблизительно. И вот г-н Гирке с величайшей тщательностью производит подсчет по всем 18 разделам первого параграфа и не замечает при этом, что в той же самой мере, в какой ему удается доказать ничтожность упомянутых *повинностей,* он доказывает также *ничтожность собственного законопроекта.* Добрейший г-н Гирке! Как тяжело нам разрушать его приятную иллюзию и растаптывать его архимедовско-феодальные чертежи!

Но тут возникает еще одно затруднение! При прежних выкупах повинностей, подлежащих ныне уничтожению, как и при всех выкупах вообще, крестьяне были страшно надуваемы подкупленными комиссиями, которые действовали в пользу

дворянства. Крестьяне требуют теперь пересмотра всех выкупных договоров, заключенных при старом правительстве, и крестьяне совершенно правы.

Но г-ну Гирке до этого нет дела. Требованию крестьянства «противоречат формальное право и закон». Но они вообще противоречат всякому прогрессу, ибо всякий новый закон отменяет старое формальное право и старый закон.

«Последствия этого можно с уверенностью предсказать: для того чтобы доставить обязанным крестьянам выгоды путем мероприятий, противоречащих правовым нормам всех времен» (революции также противоречат правовым нормам всех времен), «пришлось бы нанести *неисчислимый вред* весьма значительной части землевладения в государстве, а вместе с тем (!) и самому государству»!

И тут г-н Гирке с потрясающей основательностью доказывает, что подобный образ действий

«поставит под вопрос и потрясет все правовые устои землевладения и тем самым, в связке бесчисленными процессами и издержками, нанесет землевладению, этой главной основе национального благосостояния, трудно исцелимую рану», что «нарушение правовых норм, определяющих действительность договоров, явилось бы покушением на совершенно несомненные договорные отношения, вследствие чего было бы поколеблено всякое доверие к стабильности гражданского права и тем самым подвергнут страшнейшей опасности весь деловой оборот»!!!

Таким образом, г-н Гирке видит в этом нарушение права собственности, которое поколебало бы все правовые нормы. Но почему безвозмездная отмена повинностей, о которых идет речь в законопроекте, не является таким же нарушением? Здесь ведь не просто совершенно несомненные договорные отношения, —• здесь налицо безоговорочно осуществлявшееся с незапамятных времен неоспоримое право, тогда как требование пересмотра касается таких договоров, которые ни в коем случае не являются неоспоримыми, так как подкупы и надувательства общеизвестны и могут быть во многих случаях доказаны документально.

Мы не можем этого отрицать: как ни незначительны отменяемые повинности, отменой их г-н Гирке «доставляет обязанным крестьянам выгоды путем мероприятий, противоречащих правовым нормам всех времен», чему «прямо противоречит формальное право и закон»; он «расшатывает все правовые устои землевладения», он покушается на «совершенно несомненные» права в самой их основе.

В самом деле, г-н Гирке, стоило ли совершать такие тяжкие прегрешения, чтобы достигнуть столь жалких результатов? —

В действительности *г-н Гирке посягает на собственность,* — это бесспорно, —но не на современную буржуазную собственность,

а на феодальную. Этим разрушением феодальной собственности он *укрепляет* буржуазную собственность, вырастающую на развалинах феодальной. И он лишь потому не желает пересмотра выкупных договоров, что посредством этих договоров феодальные отношения собственности были превращены в *буржуазные* и что, следовательно, он не может подвергнуть их пересмотру, не затрагивая вместе с тем формально и буржуазной собственности. А буржуазная собственность, разумеется, столь же священна и неприкосновенна, сколь феодальная уязвима и прикосновенна, — в меру потребности и смелости господ министров.

Каков же краткий смысл этого длинного закона?

Самое убедительное доказательство того, что немецкая революция 1848 г. есть лишь *пародия французской революции* 1789 года.

4 августа 1789 г., три педели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. Teste Gierke cum Hansemanno*.

Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого [grundbesitzenden] крестьянского класса.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает этих крестьян, своих *самых естественных союзников,* которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь!

Написано К. Марксом 29 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 60, 30 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Свидетели Гирке вместе с Ганземаном. *Ред.*

«KOLNISCHE ZEITUNG»
ОБ АНГЛИЙСКИХ ПОРЯДКАХ

Кёльн, 31 июля.

«Можно ли где- нибудь в Англии найти хоть *след подобной ненависти* к классу, *называемому во Франции буржуазией?* Эта ненависть была *некогда* направлена против аристократии, которая посредством хлебной монополии возложила на промышленность обременительный, несправедливый налог. Буржуа не *пользуется в Англии никакими привилегиями,* он — детище своего усердия; во Франции же при Луи-Филиппе он был детищем монополии, привилегии».

Это великое, это ученое, это правдолюбивое изречение находится в передовой статье г-на Вольферса на столбцах всегда хорошо осведомленной *«Kolnische Zeitung».*

Поистине удивительно! В Англии существует самый многочисленный, самый концентрированный, самый классический пролетариат, ряды которого опустошаются каждые пять-шесть лет губительнейшим бедствием экономических кризисов, а также голодом и тифом, — пролетариат, который в течение половины своей жизни оказывается в промышленности излишним и остается без куска хлеба; в Англии каждый десятый является паупером, а из трех пауперов один заключен в бастилии для бедных[164]; в Англии на общественную благотворительность ежегодно тратится сумма, почти равная всем расходам прусского государства; в Англии нищета и пауперизм открыто провозглашены необходимым фактором современной промышленной системы и национального богатства, и вопреки всему этому — где можно найти в Англии хоть след ненависти к буржуазии?

Ни в одной стране мира с появлением массового пролетариата противоположность между пролетариатом и буржуазией

не достигла такой степени развития, как в Англии; ни одна страна в мире не знает таких вопиющих контрастов между крайней нищетой и колоссальным богатством, и вопреки всему этому — где же можно найти хоть след ненависти к буржуазии?

Разумеется, коалиции рабочих, бывшие до 1825 г. тайными, а с 1825 г. ставшие открытыми, коалиции не на один только день против одного какого-нибудь фабриканта, а коалиции постоянные, направленные против целых групп фабрикантов, коалиции целых отраслей труда, целых городов, наконец, коалиции бесчисленных рабочих в масштабе всей Англии, все эти коалиции с их нескончаемой борьбой против фабрикантов, с их забастовками, которые приводили к насильственным действиям, мстительным разрушениям, поджогам, вооруженным нападениям, убийствам, — все это не что иное как доказательства любви пролетариата к буржуазии!

Вся война рабочих против фабрикантов, которая длится вот уже восемьдесят лет, которая началась с разрушения машин и через коалиции, через отдельные нападения на личность и собственность фабрикантов и немногих преданных фабрикантам рабочих, через более или менее крупные выступления, через восстания 1839 и 1842 гг., развилась в самую сознательную классовую борьбу, какую только видел свет, — вся эта классовая борьба чартистов, организованной партии пролетариата, против организованной государственной власти буржуазии, борьба, которая, правда, не привела еще к таким страшным кровавым столкновениям, как июньская битва в Париже, но ведется с гораздо большим упорством, гораздо большими массами и на гораздо большем пространстве, — эта социальная гражданская война является, конечно, для «Kolnische Zeitung» и для ее Вольферса одним сплошным доказательством любви английского пролетариата к господствующей над ним буржуазии.

Давно ли было в моде изображать Англию как классическую страну социальных противоречий и борьбы и, в сравнении с так называемым «неестественным положением» Англии, превозносить Францию с ее королем-буржуа, с ее буржуазными парламентскими борцами и ее добрыми рабочими, которые всегда так храбро сражались за буржуазию! Давно ли «Kolnische Zeitung» каждый день тянула эту песню и находила в английских классовых битвах основание для того, чтобы предостерегать Германию от протекционистской системы и развивающейся под ее влиянием «неестественной» тепличной промышленности! Но июньские дни все перевернули. «Kolnische Zeitung» оцепенела

от ужасов июньской битвы, и миллионы чартистов Лондона, Манчестера, Глазго превратились в ничто по сравнению с сорока тысячами парижских инсургентов.

Франция стала классической страной ненависти к буржуазии и, согласно теперешним утверждениям «Kolnische Zeitung», была ею с 1830 года. Странное дело! В то самое время, когда английские агитаторы на митингах, в брошюрах, в газетах вот уже с десяток лет неустанно, при одобрении всего пролетариата призывают к самой жгучей ненависти к буржуазии, французская рабочая и социалистическая литература неизменно проповедовала примирение с буржуазией, основываясь при этом как раз на том, что во Франции классовые противоречия еще далеко не так развиты, как в Англии! И как раз те люди, при одном имени которых «Kolnische Zeitung» трижды осеняет себя крестным знамением, — Луи Блан, Кабе, Коссидьер, Ледрю-Роллен, — в течение ряда лет, и до и после февральской революции, проповедовали мир с буржуазией и делали это большей частью de la meilleure foi du monde*. «Kolnische Zeitung» могла бы просмотреть все писания названных лиц, она могла бы перелистать «Reforme», «Populaire»[165], даже такие рабочие газеты последних лет, как «Union», «Ruche populaire», «Fraternite»[166], — впрочем, достаточно упомянуть два всем известных произведения: всю «Историю десяти лет» Луи Блана, особенно конец, и оба тома его же «Истории революции».

Но «Kolnische Zeitung» не ограничивается только *утверждением,* что в Англии не существует никакой ненависти «к тому, что во Франции называется *буржуазией»* (также и в Англии, наш прекрасно осведомленный коллега, ср. «Northern Star» за два года), — она объясняет также, *почему* это должно быть именно так, а не иначе.

Пиль спас английскую буржуазию от этой ненависти тем, что отменил монополию и установил свободу торговли:

«В Англии буржуа не пользуется никакими привилегиями, никакой монополией, во Франции же он был детищем монополии». «Мероприятия Пиля — вот что спасло Англию от ужаснейшего переворота».

Уничтожив монополию *аристократии,* Пиль спас *буржуазию* от грозной ненависти пролетариата — удивительная логика у «Kolnische Zeitung»!

«Английский народ, мы говорим: *английский народ* с каждым днем все больше убеждается в том, что только от *свободы торговли* можно ожидать разрешения жизненных вопросов, связанных со всеми его

* — самым искренним образом. *Ред.*

теперешними страданиями и заботами, — разрешения, которое пытались в последнее время найти в потоках крови... Не забудем, что первые идеи свободы торговли исходили от *английского народа».*

Английский народ! Но «английский *народ»,* начиная с 1839 г., боролся против сторонников свободы торговли на всех митингах и в печати; во времена наибольшего расцвета Лиги против хлебных законов[167] он вынуждал их собираться *тайно* и обусловливать доступ на свои митинги получением особого билета; с самой горькой иронией он сопоставлял практику фритредеров с их красивыми речами, он полностью отождествляет буржуа и фритредера! Английский народ был даже принужден время от времени пользоваться кратковременной поддержкой аристократии, монополистов, против буржуазии, — например, в вопросе о десятичасовом рабочем дне[168], — и вот этот самый народ, так хорошо умеющий гнать фритредеров с трибуны *открытых* собраний, этот «английский *народ»* изображают в виде провозвестника идей свободы торговли? Вот до чего доходит детская наивность «Kolnische Zeitung», которая в своей болтовне не только повторяет вслед за крупными капиталистами Манчестера и Лидса их иллюзии, но и доверчиво воспринимает их преднамеренную ложь!

«Буржуа не пользуется в Англии никакими привилегиями, никакой монополией!» Но во Франции — там дело обстоит иначе:

«Буржуа с давних пор был для рабочего монополистом, которому бедный земледелец уплачивал 60% налога за железо своего плуга, который ростовщически наживался на своем каменном угле, который обрек на голодную смерть всех виноделов Франции, который продавал им все и вся на 20, 40, 50% дороже»...

Почтенная «Kolnische Zeitung» не знает никакой иной «монополии», кроме монополии *пошлины,* т. е. монополии, которая лишь *по видимости* угнетает рабочего, в действительности же обременяет буржуазию, всех тех промышленников, которые не извлекают выгоды от протекционизма. «Kolnische Zeitung» не знает никакой иной монополии, кроме той, на которую нападали господа фритредеры от Адама Смита до Кобдена, т. е. местной, законами установленной монополии.

Но *монополия капитала,* монополия, существующая помимо законодательства и часто вопреки законодательству, не существует для господ из «Kolnische Zeitung». А между тем именно эта монополия непосредственно и безжалостно угнетает рабочих и порождает борьбу между пролетариатом и буржуазией! Именно эта монополия является *специфически современной* монополией, порождающей современные классовые противоречия,

а разрешение именно этих противоречий составляет специфическую задачу XIX столетия!

Эта *монополия капитала* становится, однако, все более могущественной, всеобъемлющей и угрожающей *в той самой степени, в какой исчезают все прочие мелкие и местные монополии.*

Чем свободнее становится конкуренция вследствие устранения всяких «монополий», тем быстрее концентрируется капитал в руках промышленных феодалов, тем быстрее разоряется мелкая буржуазия, тем быстрее Англия, эта страна монополии капитала, подчиняет своей промышленности окружающие страны. Уничтожьте «монополии» французской, немецкой, итальянской буржуазии, и Германия, Франция, Италия окажутся в положении пролетариев пред лицом всепоглощающей английской буржуазии. Тот гнет, который отдельные английские буржуа осуществляют по отношению к отдельным английским пролетариям, этот самый гнет будет тогда осуществлять английская буржуазия в целом по отношению к Германии, Франции и Италии, а от этого больше всего пострадает мелкая буржуазия этих стран.

Все это тривиальности, которые теперь уже никому больше не приходится разъяснять, не рискуя обидеть, — исключение составляют ученые господа из «Kolnische Zeitung».

Эти глубокие мыслители видят в свободе торговли единственное средство спасения Франции от истребительной войны между рабочими и буржуа.

В самом деле, низвести также и буржуазию страны до уровня пролетариата — вот средство примирения классовых противоречий, достойное «Kolnische Zeitung»!

Написано Ф. Энгельсом 31 июля 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 62, 1 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ ПО ДЕЛУ ВАЛЬДЕНЕРА

Кёльн, 1 августа. Нам снова предстоит сообщить о нескольких согласительных заседаниях.

На заседании 18 июля обсуждался вопрос о вызове депутата Вальденера. Центральная комиссия высказалась за принятие этого предложения. Три рейнских юриста выступили против него.

Первым выступил г-н *Симонс* из Эльберфельда, бывший государственный прокурор. Г-н Симонс, вероятно, думал, что он все еще ораторствует перед судом присяжных или перед судом исправительной полиции. Он выступил в роли государственного обвинителя и произнес настоящую адвокатскую речь против г-на Вальденера и в защиту правосудия. Он заявил: дело разбирается в обвинительном сенате, решение будет вынесено там в скором времени, и Вальденер либо будет освобожден, либо предстанет перед судом присяжных. В последнем случае «в высшей степени желательно, чтобы это дело не было расчленено и чтобы вынесение по нему приговора не откладывалось». Для г-на Симонса интересы юстиции, т. е. преимущества обвинительных сенатов, государственных прокуроров и судов присяжных, выше интересов свободы и неприкосновенности народных представителей.

Далее г-н Симонс пытается очернить свидетелей, выставленных защитой Вальденера, а затем и самого Вальденера. Он заявляет, что из-за отсутствия Вальденера Собрание «не лишилось какого-либо таланта», после чего объявляет, что Вальденер неправомочен заседать в Собрании, пока не очистит себя от всяких подозрений в заговорах против правительства и в

мятежном противодействии военным властям. Что касается таланта, то, следуя логике г-на Симонса, можно было бы, с таким же успехом, как и г-на Вальденера, арестовать девять десятых членов почтенного Собрания, не лишив его какого-либо таланта; что же касается второго аргумента, то г-ну Симонсу, безусловно, делает честь, что он никогда не участвовал в «заговорах» против абсолютизма и что его никак нельзя обвинить в «мятежном противодействии государственной власти» на мартовских баррикадах.

Г-н *Грефф,* заместитель Вальденера, неопровержимо доказал, что против Вальденера не существует никаких подозрений и что поступок, о котором идет речь, не может быть признан незаконным (так как он состоял в оказании содействия в исполнении возложенных на него обязанностей *созданному на законных основаниях гражданскому ополчению,* которое с согласия *магистрата* занимало баррикады в Трире). После этого заявления выступает г-н Бауэрбанд в защиту прокуратуры.

У г-на *Бауэрбанда* также имеются очень серьезные сомнения: «Не будет ли вызовом Вальденера предрешаться будущий приговор присяжных?». Глубокомысленное соображение, которое становится еще более неразрешимым после простого замечания г-на *Борхардта:* не будет ли *отказом* от вызова Вальденера также предрешаться приговор присяжных? Дилемма, действительно, настолько глубокомысленна, что даже мыслитель большего масштаба, чем г-н Бауэрбанд, напрасно потратил бы многие годы на ее разрешение. Быть может, только *один* человек из всего Собрания в силах разрешить эту задачу: это депутат *Баумштарк.*

Г-н Бауэрбанд продолжает ораторствовать еще довольно долго, весьма пространно и запутанно. Ему кратко отвечает г-н *Борхардт.* После него на трибуну поднимается г-н *Штупп,* чтобы также высказаться против Вальденера в том смысле, что он «во всех отношениях ничего (!) не может добавить» к выступлениям Симонса и Бауэрбанда. Это, конечно, явилось для него достаточным основанием, чтобы болтать до тех пор, пока его не прервали требованиями прекратить прения. Затем г-н Рейхеншпергер II и г-н Венцелиус выступают кратко в пользу Вальденера, и Собрание, как известно, выносит постановление о его вызове. Г-н Вальденер сыграл с Собранием злую шутку, не явившись на этот вызов.

Г-н *Борхардт* вносит предложение: дабы предотвратить предстоящее приведение в исполнение. смертных приговоров, пока Собрание не выскажется по поводу предложения г-на Лисецкого об отмене смертной казни, решение по этому предложению должно быть вынесено через неделю.

Г-н *Риц* считает, что такой опрометчивый образ действии не является *парламентарным.*

Г-н *Брилль:* Если мы, как мне хотелось бы, в скоромВремени вынесем решение об отмене смертной казни, то, разумеется, было бы наверняка весьма *непарламентарным,* если бы до этого кто-нибудь был обезглавлен.

Председатель хочет прекратить дискуссию, но на трибуне уже стоит любезный г-н *Баумштарк со* сверкающим взором и румянцем благородного негодования на челе:

«Господа, позвольте мне сказать *серьезное слово!* Вопрос, о котором здесь идет речь, вовсе не такого свойства, чтобы можно было просто подняться на трибуну и без дальнейших околичностей объявить обезглавливание непарламентарным!» (Правые, считающие обезглавливание в высшей степени парламентарным, разражаются бурными криками «браво».) «Это вопрос большого, исключительно серьезного значения» (как известно, г-н Баумштарк говорит это о каждом вопросе, по которому он выступает). «Другие парламенты... величайшие мужи законодательства и науки» (т. е. «все философы государственного права, начиная с Платона и ниже вплоть до Дальмана») «сами в течение 200—300 лет» (каждый?) «занимались этим вопросом, и если вы хотите, чтобы нас упрекали в таком легкомысленном разрешении столь важного вопроса... (браво!) Только совесть побуждает меня говорить... вопрос все же слишком серьезен... *лишняя неделя* при этом, *поистине,* не имеет никакого значения!»

Серьезные слова благородного депутата Баумштарка до такому большому, исключительно важному вопросу превращаются в самую легкомысленную фривольность. В самом деле, можно ли себе представить- большую фривольность, чем продолжать дискуссию об отмене смертной казни еще 200—300 лет, как того, повидимому, желает г-н Баумштарк, а тем временем спокойно позволять обезглавливать людей? «Лишняя неделя при этом, поистине, не имеет никакого значения», — так же как и несколько отрубленных за это время голов!

Министр-президент, впрочем, заявляет, что пока не предполагается приводить в исполнение смертные приговоры.

После нескольких глубокомысленных замечаний г-на Шульце из Делича по поводу регламента предложение Борхардта отклоняется и принимается поправка г-на Пете, которая рекомендует центральной комиссии ускорить рассмотрение вопроса.

Депутат *Хильденхаген* вносит предложение: До внесения соответствующего законопроекта председатель должен заканчивать каждое заседание следующей торжественной формулой:

«Мы, однако, полагаем, что министерство должно всеми средствами ускорить представление законопроекта о новом городовом положении».

Это высокоторжественное предложение, к сожалению, не было предназначено для нашей буржуазной эпохи:

«Не римляне мы, мы курим табак»[169].

Попытка высечь из того грубого камня, из которого сделан г-н председатель Грабов, классическую фигуру Аппия Клавдия и применить торжественное Ceterum censeo[170] к вопросам городового положения провалилась при «необычайном оживлении» Собрания.

После того как депутат *Бредт* из Бармена в довольно мягких тонах внес еще три запроса министру торговли: об объединении всей Германии в одну таможенную область и в единый союз по вопросам судоходства с навигационными пошлинами и, наконец, о временных покровительственных пошлинах; после того как он получил на эти вопросы от г-на *Мильде* столь же мягкие, но весьма неудовлетворительные ответы, г-н *Гладбах* завершает прения. Г-н *Шютце* из Лиссы* намеревался призвать его к порядку за слишком резкие выражения в связи с вопросом о разоружении добровольческого отряда**, но взял свое предложение обратно. Г-н Гладбах, однако, в весьма непринужденной форме бросает вызов храброму Шютце и всей правой: он рассказывает — к величайшей ярости старопруссаков — забавный анекдот об одном прусском лейтенанте, который заснул верхом на лошади и в таком виде разъезжал среди добровольцев. Последние встретили его песенкой: «Спи, дитятко, спи» и за это должны были предстать перед военным су дом! Г-н Шютце пробормотал несколько столь же возмущенных, сколь бессвязных фраз, после чего заседание было закрыто.

Написано Ф. Энгельсом 1 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 63, 2 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Польское название: Лешно. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 175—176, 187—190. *Ред.*

РУССКАЯ НОТА

Кёльн, 1 августа. Русская дипломатия вместо войск прислала пока что ноту в форме циркуляра всем русским посольствам в Германии. Эта нота прежде всего нашла приют в официальном органе германского имперского регентства во Франкфурте[171], а вскоре встретила благожелательный прием и в других официальных и неофициальных органах печати. Чем необычнее тот прием, с помощью которого г-н Нессельроде, русский министр иностранных дел, осуществляет официальную дипломатическую деятельность, тем более внимательного рассмотрения заслуживает эта деятельность.

В счастливые времена до 1848 г. немецкая цензура заботилась о том, чтобы ни одно слово, неугодное русскому правительству, не было напечатано, даже в разделе сообщений о Греции или Турции.

Со времени злополучных мартовских дней этот удобный выход, к сожалению, закрыт. Поэтому Нессельроде становится публицистом.

По его мнению, «немецкая печать, ненависть которой к России, казалось, на время приутихла», распространила по поводу русских «мер безопасности» на границе «самые неосновательные предположения и толкования». После довольно мягкого вступления следует повышение топа: «Немецкая печать ежедневно распространяет о нас самые нелепые слухи, самую гнусную клевету». Затем речь идет уже о «возгласах ярости», о «безумцах» и «коварной злонамеренности».

На ближайшем процессе по делам печати немецкий государственный прокурор сможет положить в основу своей

обвинительной речи русскую ноту в качестве достоверного документа.

Почему же нужно нападать на немецкую, особенно «демократическую» печать, а где это возможно и уничтожить ее? Потому, что она не признает «столь же благожелательные, сколь бескорыстные чувства» и «искренне миролюбивые намерения» русского императора!

«Когда Германия могла на нас пожаловаться?» — вопрошает Нессельроде от имени своего повелителя. «В течение всего времени, когда на континенте продолжалось тягостное владычество завоевателя, Россия проливала свою кровь, *чтобы оказать поддержку* Германии *в сохранении ее целостности и независимости.* Русская земля давно уже была освобождена, а Россия продолжала помогать и поддерживать своих германских союзников на всех полях сражения в Европе».

Несмотря на своих многочисленных и хорошо оплачиваемых агентов, Россия находится в самом плачевном заблуждении, если надеется в 1848 г. пробудить симпатии к себе напоминанием о так называемых освободительных войнах. И проливала ли Россия свою кровь за нас, немцев?

Не говоря уже о том, что Россия до 1812 г. «оказывала поддержку целостности и независимости» Германии открытым союзом и тайными договорами с Наполеоном, она в достаточной степени вознаградила себя позже грабежом и мародерством за свою так называемую помощь. Ее помощь была предоставлена объединившимся с нею государям, ее поддержка, несмотря на калишское воззвание[172], была оказана представителям абсолютизма «божьей милостью» против выдвинувшегося в итоге революции властелина. Священный союз и его далеко не священные дела, бандитские конгрессы в Карлсбаде, в Лайбахе, в Вероне и т. д., русско-немецкие преследования всякого свободолюбивого слова, — т. е. вся политика, какую вела Россия, начиная с 1815 г., должна была, конечно, внушить нам глубокую благодарность. Династия Романовых со своими дипломатами может не беспокоиться — *этого* долга мы никогда не забудем. Что же касается русской помощи в 1814 и 1815 гг., то нам доступны скорее всякие другие чувства, чем признательность за эту субсидированную Англией помощь.

Причины этого ясны для всякого проницательного человека. Если бы Наполеон остался победителем в Германии, он, согласно своей известной энергичной формуле, устранил бы, по крайней мере, три дюжины возлюбленных отцов народа. Французское законодательство и управление создали бы прочную основу для германского единства и избавили бы нас от 33-летнего позора и тирании Союзного сейма, столь восхваляемого, конечно,

г-ном Нессельроде. Несколько наполеоновских декретов совершенно уничтожили бы весь средневековый хлам, все барщины и десятины, все изъятия и привилегии, все феодальное хозяйничанье и всю патриархальность, которые еще тяготеют над нами во всех закоулках наших многочисленных отечеств. Остальная Германия давно уже стояла бы на той же ступени, какой достигло левое побережье Рейна вскоре после первой французской революции; у нас не было бы теперь ни укермаркских грандов, ни померанской Вандеи, и нам уже не приходилось бы дышать удушливым воздухом «исторических» и «христианско-германских» болот.

Но Россия великодушна. Даже если ей не выражают никакой благодарности, ее император питает к нам, как и раньше, «столь же благожелательные, сколь бескорыстные чувства». Да, «несмотря на оскорбления и вызывающий тон, но удалось изменить наши» (России) «чувства».

Эти чувства выражаются пока в «пассивной и выжидательной системе», в применении которой Россия, надо это признать, достигла большой виртуозности. Она умеет выжидать, пока ей не покажется, что наступил подходящий момент. Несмотря на огромные передвижения войск, имевшие место в России, начиная с марта, г-н Нессельроде настолько наивен, что убеждает нас, будто русские войска все это время «оставались там, где были расквартированы». Несмотря на классическое «Седлайте коней, господа!»[173], несмотря на доверительные сердечные излияния и желчные высказывания начальника полиции Абрамовича в Варшаве против немецкого народа, несмотря или, вернее, вследствие угрожающих и достигающих своей цели нот из Петербурга, русское правительство продолжает воодушевляться чувствами «мира и примирения». Россия продолжает быть «искренне миролюбивой и придерживается оборонительной позиции». Согласно циркуляру Нессельроде, Россия — само терпение и благочестие, многократно оскорбляемая и задеваемая невинность.

Приведем некоторые указанные в ноте преступления Германии против России: 1) «враждебное настроение» и 2) «лихорадочная страсть к переменам во всей Германии». В ответ на такую благожелательность царя — «враждебное» настроение! Как обидно для родственных чувств нашего дражайшего шурина! А тут еще эта распроклятая болезнь — «лихорадочная страсть к переменам»! Это, в сущности, ужаснее всего, хотя и поставлено здесь на второе место. Россия наделяет нас время от времени другой болезнью — холерой. Это еще куда ни шло! Но эта «лихорадочная страсть к переменам» не только заразительна —

она бывает иногда столь злокачественной, что высокие господа оказываются подчас вынужденными поспешно выезжать в Англию[174]. Может быть, «лихорадочная страсть немцев к переменам» была одной из причин, удержавших Россию от вторжения в Германию в марте и в апреле? 3-е преступление: Предпарламент во Франкфурте объявил, что война с Россией в настоящее время является необходимостью. То же самое заявлялось в клубах и в газетах, и это тем более непростительно, что, по постановлениям Священного союза и по позднейшим договорам между Россией, Австрией и Пруссией, мы, немцы, должны проливать кровь только за интересы государей, а не за наши собственные интересы. 4-е преступление: в Германии говорилось о восстановлении старой Польши в ее действительных границах 1772 года[175]. Кнутом бы вас, а потом — в Сибирь! Впрочем, нет, когда Нессельроде писал свой циркуляр, он еще не знал результатов голосования во Франкфуртском парламенте по вопросу о включении Познани*. Парламент искупил нашу вину, и кроткая прощающая улыбка играет теперь на устах царя. 5-е преступление Германии: «ее достойная сожаления война против одной северной монархии». За такую дерзость, принимая во внимание успех угрожающей ноты русского правительства, поспешное отступление германского войска по приказу из Потсдама и, учитывая заявление, сделанное прусским послом в Копенгагене о причинах и целях войны[176], Германия может быть наказана менее строго, чем если бы не было всех этих обстоятельств. 6-е преступление: «открытая проповедь оборонительного и наступательного союза Германии с Францией». Наконец, 7-е преступление: «прием, оказанный польским беженцам, предоставление им бесплатного проезда по железным дорогам и восстание в Познани».

Если бы язык не был дан дипломатам и людям их склада для того, «чтобы скрывать свои мысли», то Нессельроде и шурин Николай бросились бы нам на шею, ликуя и горячо благодаря за то, что стольких поляков из Франции, Англии, Бельгии и т. д. заманили и перевезли со всяческими льготами в Познань, чтобы там расстреливать их картечью и шрапнелью, клеймить адским камнем, убивать, брить им головы и т. д. и, с другой стороны, насколько это возможно, совершенно истребить их предательской бомбардировкой Кракова.

И в ответ на эти семь смертных грехов Германии Россия сохраняет оборонительное положение и не делает попыток

* См. настоящий том, стр. 335. *Ред.*

нападения? Да, это так, и именно поэтому русский дипломат приглашает весь мир преклониться перед миролюбием и умеренностью его императора.

Образ действий русского императора, «от которого он доныне ни на миг не отступал», заключается, по мнению г-на Нессельроде, в том, чтобы

«никоим образом не вмешиваться во внутренние дела государств, которые пожелали бы изменить свое устройство, больше того, предоставить народам полную свободу и, со своей стороны, не препятствовать им проводить какие угодно политические и социальные эксперименты; не нападать ни на какую державу, если она сама на него не нападет; но в то же время решительно отражать всякое покушение на его собственную внутреннюю безопасность и наблюдать за тем, чтобы, в случае нарушения или изменения в каком-нибудь пункте территориального равновесия, не был нанесен ущерб нашим законным интересам».

Русская нота забывает привести примеры в пояснение сказанного. После июльской революции русский император стянул войска к западной границе, чтобы в союзе со своими верными друзьями в Германии на деле доказать французам, как он «думает предоставить народам полную свободу проводить политические и социальные эксперименты». Что его образ действий встретил препятствия, в этом повинен не он, а польская революция 1830 г., которая дала другое направление его планам. Тот же образ действий мы вскоре могли наблюдать по отношению к Испании и Португалии. Доказательством тому является открытая и тайная поддержка русским императором дон Карлоса и дон Мигела. Когда прусский король в конце 1842 г. хотел дать стране своего рода сословную конституцию на весьма удобной «исторической» основе, которая сыграла такую превосходную роль в рескриптах 1847 г.[177], то, как известно, именно Николай категорически воспротивился этому и на много лет лишил нас, «христианских германцев», предусмотренных рескриптами радостей. Он сделал это, как говорит Нессельроде, потому, что Россия никогда не вмешивается во внутреннее устройство других стран. О Кракове едва ли стоит напоминать. Вспомним только последний образчик императорского «образа действий». Валахи свергают старое и на его место ставят временно новое правительство. Они хотят изменить всю старую систему и установить строй по примеру цивилизованных народов. «Дабы предоставить им полную свободу проводить политические и социальные эксперименты», в страну вторгается корпус русских войск.

Из этого всякий уже может сам понять, какое применение этот «образ действий» будет иметь по отношению к Германии.

Но русская нота избавляет нас от труда делать собственные выводы. Она гласит:

«Доколе *Союз,* какую бы *новую форму* он ни принял, не будет затрагивать соседние государства и не будет пытаться насильственно расширять свои границы или распространять свою законную компетенцию за *пределы,* установленные *трактатами,* император также будет *уважать* его *внутреннюю* независимость».

Яснее звучит другое место, относящееся к этому же вопросу:

«Если Германии действительно удастся разрешить задачу своего государственного устройства без ущерба для ее внутреннего спокойствия, без того, чтобы новые формы, приданные ее национальности, потревожили спокойствие других государств, мы чистосердечно тому порадуемся по тем же причинам, которые заставляли нас желать ей силы и единства при прежнем образе ее правления».

Наиболее ярко и недвусмысленно звучит следующее место циркуляра, где говорится о неустанных стараниях России установить и поддерживать в Германии согласие и единство:

«Разумеется, не то материальное единство, о котором мечтает ныне демократия, жаждущая уравнения и распространения и которое, если бы оно могло осуществиться, согласно честолюбивым теориям этой демократии, рано или поздно неизбежно вовлекло бы Германию в войну со всеми соседними государствами, — а то *моральное единство,* то искреннее единодушие во взглядах и намерениях по всем политическим вопросам, по которым *Германский союз* должен был договариваться с другими державами.

Поддерживать это единство, укреплять узы, связывающие германские правительства друг с другом, — только эту цель ставила себе наша политика.

Чего мы желали в те времена, того желаем и поныне».

Русское правительство, как можно видеть из вышеприведенного, охотно разрешает нам *моральное* единство Германии, но только не *материальное* единство, только не вытеснение существовавшего до сих пор Союзного сейма властью, основанной на народном суверенитете, властью не только кажущейся, а действительной и твердой центральной властью! Какое великодушие!

«Чего мы желали в те времена» (до февраля 1848 г.), «того желаем и поныне».

Это единственная фраза в русской ноте, которая наверняка ни у кого не вызовет сомнений. Заметим, однако, г-ну Нессельроде, что желание и его осуществление — это все-таки две разные вещи.

Немцы теперь прекрасно знают, чего они могут ожидать от России. Поскольку будет сохраняться старая система, хотя бы и подкрашенная современными красками, или поскольку Германия, выбившаяся под влиянием «мгновенного опьянения

и возбуждения» из русской и «исторической» колеи, снова покорно войдет в эту колею, постольку Россия будет «искренно миролюбива».

Положение дел внутри России — свирепствующая там холера, отдельные волнения в некоторых уездах, подготовлявшаяся в Петербурге, но во-время предотвращенная революция. заговор в варшавской цитадели, вулканическая почва в Царство Польском[178], — все это, во всяком случае, обстоятельства, способствующие столь же благожелательным, сколь и «бескорыстным чувствам» царя по отношению к Германии.

Однако гораздо более мощное влияние на «пассивную и выжидательную систему» русского правительства оказал, без сомнения, предшествующий ход событий в самой Германии.

Разве сам Николай мог бы лучше вести свои дела, скорее осуществлять свои намерения, чем это делалось до сих пор в Берлине — Потсдаме, в Инсбруке, Вене и Праге, во Франкфурте и Ганновере и почти в каждом укромном уголке нашего отечества, вновь охваченного моральным единством в угодном России духе? Разве Пфуль (Адский камень), Коломб и шрапнельный генерал[*] в Познани, как и Виндишгрец в Праге, не действовали таким образом, что сердце царя должно было переполниться блаженством? Разве Виндишгрец не получил из рук молодого г-на Мейендорфа хвалебного письма Николая, пересланного ему через Потсдам? А разве гг. Ганземан—Мильде— Шреккенштейн в Берлине и Радовицы, Шмерлинги и Лихновские во Франкфурте оставляют желать чего-нибудь лучшего для России? Разве *бидермановщина* и *бассермановщина* Франкфуртского парламента не должна явиться успокоительным бальзамом после многих огорчений недавнего прошлого? При таких условиях русской дипломатии не требовалось вторжения войск в Германию. Она с полным правом может довольствоваться «пассивной и выжидательной системой» и — разобранной выше нотой!

Написано 1 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 64, 3 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — Хиршфельд. *Ред.*

МИНИСТЕРСТВО ГАНЗЕМАНА И СТАРОПРУССКИЙ ПРОЕКТ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кёльн, 3 августа. Мы уже неоднократно говорили: министерство Ганземана всячески восхваляет министерство Бодельшвинга*. После признания революции — признание старопрусских порядков, «таков уж ход вещей»![179]

Но что г-н Ганземан дойдет до *такой степени* виртуозности, что будет восхвалять даже *такие* действия гг. Бодельшвинга, Савиньи и присных, против которых в свое время он, в качестве депутата рейнского ландтага, боролся с величайшим ожесточением, — это триумф, на который потсдамская камарилья наверняка не рассчитывала. И тем не менее! Прочтите следующую статью в последнем номере «Preusischer Staats-Anzeiger»:

Берлин, 1 августа. Последний номер бюллетеня министерства юстиции приводит в своем «неофициальном отделе» статистические данные о смертных казнях, а также сводку смертных приговоров, вынесенных и утвержденных за время с 1826 по 1843 г., не считая тех приговоров, которые были вынесены в связи с так называемыми преследованиями демагогов. Работа эта проведена на основании актов министерства юстиции и ввиду важности предмета заслуживает того, чтобы привлечь к себе особое внимание. Согласно сводке, за вышеуказанный срок:

1) в Рейнской провинции вынесено 189 смертных приговоров, утверждено 6;

2) в других провинциях вынесено 237 смертных приговоров, утверждено 94.

Всего вынесено 426 смертных приговоров, утверждено 100, из которых, однако, 4 не были приведены в исполнение вследствие бегства или смерти преступников.

---

* См. настоящий том, стр. 288. *Ред.*

Если бы проект нового уголовного кодекса 1847 г. был в силе в течение этого времени, то было бы:

1) в Рейнской провинции вынесено только 53 смертных приговора, утверждено 5;

2) в других провинциях вынесено только 134 смертных приговора, утверждено 76.

Всего было бы вынесено 187 смертных приговоров, утверждено 81. если предположить, что при утверждении руководствовались бы теми же самыми принципами, как и раньше. Таким образом, смертный приговор не был бы вынесен 237 преступникам, приговоренным к смерти по действующим ныне законам, и но был бы приведен в исполнение по отношению к 19 казненным преступникам.

Согласно этой сводке, на каждый год приходится в среднем:

1) в Рейнской провинции $10^{9}/_{18}$ вынесенных и $^{6}/_{18}$ утвержденных смертных приговоров;

2) в других провинциях 13 вынесенных и $5^{4}/_{18}$ утвержденных смертных приговоров.

А если бы этот законопроект был тогда в силе, на каждый год приходилось бы в среднем:

1) в Рейнской провинции только $2^{17}/_{18}$ вынесенных и $^{5}/_{18}$ утвержденных смертных приговоров,

2) в других провинциях только $7^{7}/_{18}$ вынесенных и $4^{4}/_{18}$ утвержденных смертных приговоров.

Итак, восхищайтесь милосердием, превосходством, величием королевско-прусского проекта уголовного законодательства 1847 года! В Рейнской провинции за 18 лет было бы, может быть, приведено в исполнение на целый смертный приговор меньше! Какие преимущества!

А бесчисленные обвиняемые, лишенные возможности предстать перед судом присяжных, осужденные и запрятанные в тюрьму королевскими судьями; позорные телесные наказания, которые производились бы здесь, на Рейне, старопрусскими палками, —здесь, где мы уже 40 лет тому назад избавились от палок; грязные процессы по поводу преступлений против нравственности, не предусмотренных Code, но вновь вызванных к жизни болезненной геморроидальной фантазией рыцарей прусского права; неизбежная путаница юридических понятий и, наконец, бесчисленные политические процессы в результате деспотических и коварных формулировок этого жалкого, негодного документа, словом — *опруссачение* всей Рейнской провинции, — неужели рейнские ренегаты в Берлине думают, что мы способны забыть все это даже в том случае, если бы было казнено одним человеком меньше?

Ясно одно: г-н Ганземан хочет через своего агента в судебном ведомстве, г-на Меркера, провести то, в чем потерпел неудачу Бодельшвинг; он хочет теперь действительно ввести в силу

глубоко ненавистный старопрусский проект уголовного законодательства.

Одновременно мы узнаем, что предполагается ввести суд присяжных только в Берлине, да и здесь лишь в виде опыта.

Итак, не введение рейнского права в старопрусских провинциях, а введение старопрусского права в Рейнской провинции — вот великий результат, огромное «достижение» мартовской революции. Rien que ca*.

Написано 3 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 65, 4 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Только и всего. *Ред.*

«KOLNISCHE ZEITUNG»
О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ЗАЙМЕ

Кёльн, 3 августа. В № 215 «Kolnische Zeitung» напечатан следующий призыв к рейнскому патриотизму:

«Как мы только что узнали из достоверных источников, здесь, в городе Кёльне подписка на добровольный заем на сегодняшний день составляет около 210000 талеров, часть которых внесена наличными. Надо надеяться, что те, кто до сих пор не принял участия в этом государственном займе, в ближайшие десять дней поймут и выполнят свой гражданский долг, *тем более,* что их собственная выгода должна побудить их внести деньги лучше *до* 10 августа из 5%, чем после этого срока из $3^1/_3$%. Особенно важно, чтобы сельские жители, не принявшие еще до сих пор должного участия в этом займе, не пропустили этот срок. *В противном случае там, где отсутствуют патриотизм и правильное понимание, пришлось бы применить принуждением.*

Целых $1^2/_3$% премии за патриотизм налогоплательщиков, и «вопреки всему, всему» патриотизм упорно пребывает в скрытом состоянии! C'est inconcevable*. $1^2/_3$% разницы! Неужели патриотизм сможет устоять против такого звонкого аргумента, как $1^2/_3$%?

Наш долг объяснить любезному коллеге это удивительное явление.

Чем намерено оплачивать прусское государство не 5, а только $3^1/_3$%? Новыми налогами. А если не хватит обычных налогов, как это можно заранее предвидеть, то новым принудительным займом. А чем будет оплачиваться принудительный заем № 2? Принудительным займом № 3. А принудительный заем № 3? *Банкротством.* Следовательно, патриотизм настоятельно

* — Это непостижимо. *Ред.*

требует любым способом забаррикадировать избранный прусским правительством путь — не талерами, а протестами.

Кроме того, Пруссия уже имеет, к своему удовольствию, экстраординарный долг в 10 миллионов талеров, вызванный расходами на гуннскую войну в Познани. Пятнадцать миллионов добровольного займа послужили бы, следовательно, только вознаграждением за интриги тайного кабинета в Потсдаме[180], который, вопреки распоряжениям бессильного берлинского кабинета, вел эту войну в интересах России и реакции. Юнкерская контрреволюция снизошла до того, что обратилась к кошелькам горожан и крестьян, которые должны задним числом оплатить ее геройские подвиги. А жестокосердные «сельские жители» упорствуют, когда им оказывается такая честь? «Министерство дела» требует также денег для *содержания констеблей,* а у вас ист «правильного понимания» благодетельности прусской полицейщины, организованной на английский манер? «Министерство дела» хочет вас связать по рукам и ногам, а вы отказываетесь дать ему денег на приобретение веревки? Удивительное отсутствие понимания!

Министерство дела нуждается в деньгах, чтобы в противовес немецкому единству отстаивать своекорыстные укермаркские интересы. А сельские жители Кёльнского округа настолько слепы, что отказываются нести расходы по защите укермаркско-померанской национальности, несмотря на премию в $1^2/_3$%? Где же их патриотизм?

Наш патриотический коллега, грозящий *«принудительным взысканием»,* забывает, наконец, в своем усердии, что принудительный заем еще не вотирован согласительным собранием и что министерские проекты имеют такую же законную силу, как передовицы «Kolnische Zeitung».

Написано 3 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 65, 4 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

РЕЧЬ ПРУДОНА ПРОТИВ ТЬЕРА

Париж, 3 августа. Третьего дня мы смогли дать лишь краткое сообщение о речи Прудона. Сегодня мы остановимся на ней подробнее[181]. Г-н Прудон начал с заявления, что февральская революция является не чем иным, как выступлением социализма, который стремился проявить себя во всех дальнейших событиях, во всех последующих фазах развития этой революции. Вы хотите покончить с социализмом? Ну что ж, послушайте меня, я хочу вам протянуть руку помощи для этого. Успех социализма ни в коем случае не зависит от отдельной личности, нынешняя борьба никоим образом не является борьбой между мною и г-ном Тьером, это борьба между трудом и привилегиями. Но вопреки этому г-н Прудон пускается в доказательства, что г-н Тьер оскорбил и оклеветал его лично. «Если мы станем на эту почву, то я скажу г-ну Тьеру: давайте оба исповедаемся! Сознайтесь в своих грехах, а я готов сознаться в своих!» Вопрос, о котором идет речь, есть вопрос о революции. Финансовая комиссия рассматривает революцию как случайное явление, как неожиданность, а он, Прудон, относится к ней серьезно. В 93-м году собственники оплатили свой долг республике тем, что внесли одну треть налогов. Революция 48-го года должна сохранить в этом отношении «пропорциональное соотношение». В 93-м году врагами были деспотизм и зарубежные страны, в 48-м году врагом является пауперизм. «Что представляет собой это droit au travail», право на труд?

«Если бы спрос на труд был больше, чем предложение, то не требовалось бы никаких гарантий со стороны государства. Но дело обстоит иначе; потребление остается очень незначительным; магазины полны

товаров, а бедняки не имеют одежды! А между тем, какая страна более склонна к потреблению, чем Франция? Если бы нам вместо 10 миллионов франков дали 100, т. е. 75 франков на человека в день, то мы уж нашли бы им употребление». (Смех в зале.)

Процентная ставка является-де основной причиной разорения народа. Учреждение национального банка с капиталом в 2 миллиарда, который будет выдавать беспроцентные ссуды и установит порядок бесплатного пользования землей и домами, принесло бы огромную пользу. (Сильное движение в зале.)

«Если мы будем придерживаться *этого* принципа (смех), если фетишизм денег будет уничтожен реализмом потребления (снова смех), то будет создана гарантия труда. Отмените пошлины на орудия труда, и вы будете спасены. Те, которые утверждают обратное, все равно, называют ли они себя жирондистами или монтаньярами, — не являются социалистами, не являются республиканцами (ого, ого!) ... Либо собственность одолеет республику, либо республика одолеет собственность». (Возгласы: довольно!)

Г-н Прудон пускается затем в длинные рассуждения о значении процента и о способах свести к нулю процентную ставку. Пока г-н Прудон рассуждает с экономической точки зрения, он весьма слаб, хотя его выступление вызывает в этой буржуазной палате необычайное возмущение. Но когда он, возбужденный именно этим возмущением, становится на точку зрения пролетария, членов палаты как бы схватывают нервные судороги.

«Господа, мой ход мыслей совершенно иной, чем у вас, я стою на совершенно иной точке зрения, чем вы! Ликвидация старого общества началась 24 февраля борьбой между буржуазией и рабочим классом. Эта ликвидация произойдет насильственным пли мирным путем. Все зависит от благоразумия буржуазии, от большего или меньшего ее сопротивления».

Далее г-н Прудон переходит к разъяснению своей идеи «об отмене собственности». Он предлагает отменить собственность не сразу, а постепенно, и поэтому он в своей газете[182] заявляет, что *земельная рента является добровольным даром земли,* который государство постепенно должно упразднить.

«Таким образом, я, с одной стороны, раскрыл буржуазии значение февральской революции, я предупредил собственность о том, что она должна быть готова к ликвидации и что собственники должны будут понести ответственность за свое сопротивление».

Громовые возгласы с разных сторон: Какую ответственность?

«Я хочу сказать, что если собственники не пойдут на добровольную ликвидацию, то *мы* займемся ликвидацией».

Несколько голосов: «Кто это — *мы?»*

Другие голоса: Отправить его в сумасшедший дом, в Шарантон. (Страшное волнение в зале; настоящая буря с громом и завыванием ветра.)

«Когда я говорю *мы,* то отождествляю *себя* с пролетариатом, а вас — с буржуазией!»

Затем г-н Прудон переходит к подробному изложению своей налоговой системы и опять становится «ученым». Эта «ученость», которая всегда была слабой стороной Прудона, в этой палате, где господствует посредственность, становится его силой, так как она придает ему смелость выступить со своей чистой, честной «наукой» против грязной финансовой науки г-на Тьера. Г-н Тьер доказал свое практическое благоразумие в финансовых вопросах. Государственная казна при его управлении уменьшилась, зато его личное состояние увеличилось.

Когда в палате ослабело внимание к дальнейшим рассуждениям Прудона, он заявил напрямик, что намерен говорить еще не менее $^3/_4$ часа. После этого большинство членов палаты собралось уйти, тогда он снова перешел к прямым нападкам на собственность. «Уже самой февральской революцией вы отменили собственность!» Можно сказать, что страх приковывал людей к скамьям всякий раз, когда Прудон произносил хоть одно слово против собственности. «Признав в конституции право на труд, вы тем самым высказались и за признание отмены собственности». Ларошжаклен спрашивает, имеется ли право на воровство. Другие депутаты хотели помешать г-ну Прудону продолжать речь.

«Вы не можете уничтожить последствия faits accomplis» (совершившегося). «Если должники и арендаторы еще платят, то они это делают по своей доброй воле». (Страшный шум. Председатель призывает оратора к порядку: каждый человек обязан платить свои долги.)

«Я не говорю, что долговые обязательства отменены, но те, которые хотят их здесь защищать, уничтожают революцию...

Чем являемся здесь мы, представители? Ничем, абсолютно ничем; власти, благодаря которой мы приобрели нашу власть, недоставало принципов, основы. Весь наш авторитет зиждется на насилии, произволе, на власти более сильного. (Новый взрыв негодования.) Всеобщее избирательное право — это случайность; для того чтобы оно приобрело какое-либо значение, сперва необходима организация. Нами управляет не закон, не право, а насилие, необходимость, провидение... 16 апреля, 15 мая, 23, 24 и 25 июня — все это факты и только факты, которые узаконены историей. Сегодня мы можем делать все, что пожелаем; сила на нашей стороне. Поэтому не будем говорить о мятежниках; мятежники— это те, которые не имеют других прав, кроме права сильного, но не хотят признавать этого права за другими. Я знаю, что мое предложение не будет принято. Но ваше положение таково, что вы можете спастись от гибели, только приняв мое предложение. Все дело в проблеме кредита, в проблеме труда! Доверие никогда уже не будет восстановлено—нет, оно

не может вернуться вновь...» (Какой ужас!) «Вы можете повторять сколько угодно, что стремитесь создать добропорядочную, умеренную республику; капитал не рискует предпринять что-либо в республике, которая вынуждена делать вид, что принимает меры в пользу рабочих. Поэтому в то время как капитал ждет удобного момента, чтобы ликвидировать нас, мы ждем момента, чтобы ликвидировать капитал. 24 февраля установило право на труд. Если вы вычеркнете это право из конституции, то тем самым вы установите право на восстание.

Поставьте себя навеки под защиту штыков, объявите навеки осадное положение: капитал все-таки будет испытывать страх, так как социализм неусыпно следит за ним».

Читатели «Kolnische Zeitung» давно знают г-на Прудона. Г-н Прудон, который, как указано в мотивировке решения о переходе к очередным делам, выступил с нападками на мораль, религию, семью и собственность, был еще совсем недавно прославленным героем «Kolnische Zeitung». «Так называемая социально-экономическая система» Прудона пространно превозносилась в корреспонденциях из Парижа, в фельетонах и в длинных статьях. Прудоновское определение стоимости провозглашалось исходным пунктом всех социальных реформ. Вопрос о том, как могло состояться это опасное для «Kolnische Zeitung» знакомство, сюда не относится. Но, удивительное дело! Газета, видевшая раньше в Прудоне спасителя, сейчас не находит достаточно бранных слов, чтобы обвинить его и его «лживую партию» в подрыве общества. Разве г-н Прудон уже не г-н Прудон?

То, что мы подвергали критике во взглядах г-на Прудона, это была его «утопическая наука», с помощью которой он пытался сгладить противоположность между капиталом и трудом, между пролетариатом и буржуазией[183]. Мы еще вернемся к этому вопросу. Вся его банковская система, весь его продуктообмен — не что иное как мелкобуржуазная иллюзия. Теперь, когда он вынужден, для осуществления своих расплывчатых иллюзий, выступать в демократическом духе против всей буржуазной палаты и резко подчеркивать эту противоположность, палата поднимает крик о покушении на мораль и собственность.

Написано 3 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 66, 5 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫКУПЕ

Кёльн, 4 августа. Берлинское собрание время от времени вытаскивает на свет всякую старопрусскую грязь, и как раз теперь, когда черно-белое рыцарство с каждым днем становится все наглее, такого рода разоблачения весьма полезны.

На заседании 21 июля снова зашла речь о феодальных повинностях. Центральная комиссия, исходя из предложения одного депутата, высказалась зато, чтобы приостанавливать по требованию властей или по требованию одной из заинтересованных сторон неоконченные переговоры и судебные процессы по вопросам выкупа и по вопросам раздела общинных земель.

Депутат *Диршке* остановился на действующих до сих пор условиях выкупа. Сперва он подробно рассказал о том, как уже самый порядок выкупа приводит к обману крестьян.

«Так, например, возмещение за барщину» (Frohndienste*) «установлено очень односторонне. Совсем не принято во внимание то, что оплата барщинного труда, которая в предыдущие столетия была установлена в размере 1 или 2 зильбергрошей, соответствовала *тогдашним ценам* на продукты и тогдашним отношениям; эта оплата могла считаться надлежащим эквивалентом производимой работы, так что ни помещик, ни обязанный крестьянин не получали особой выгоды. Но свободному наемному рабочему приходится платить теперь, вместо 2 зильбергрошей, 5—6 зильбергрошей в день. И вот, если от одной из заинтересованных сторон поступает заявление о выкупе, то после предварительного сведения барщинных дней к дням наемного труда получается разница, по крайнем мере, в 3 зильбергроша в день, — следовательно, за 50 дней в год должна быть установлена рента в 4—5 талеров, которая не под силу бедному крестьянину, так как часто он владеет едва лишь $^1/_4$ моргена земли, а заработать достаточно на стороне не имеет возможности».

---

* Энгельс поясняет употребленное Диршке менее распространенное обозначение барщины «Robotdienste». *Ред.*

Это место речи г-на Диршке наводит на всякого рода размышления, которые говорят далеко не в пользу столь прославленного либерального законодательства 1807—1811 годов[184].

Из этого прежде всего следует, что барщина (особенно в Силезии, о которой говорит г-н Диршке) вовсе не является вносимой в натуре рентой или платой за наследственную аренду, вовсе не является возмещением за пользование землей; вопреки гг. Патову и Гирке, барщина прямо «вытекает из сеньериальной власти и наследственной крепостной зависимости», и поэтому, на основании *собственных принципов* этих великих государственных мужей, она должна быть *отменена безвозмездно.*

В чем состояли повинности крестьянина? В том, что он должен был быть к услугам помещика в определенные дни года или для определенных работ. Но отнюдь не безвозмездно — он получал за это плату, которая первоначально целиком равнялась поденной плате за свободный труд. Выгода помещика состояла, таким образом, вовсе не в бесплатном или хотя бы более дешевом труде крестьянина, а в том, что в его распоряжении за обычную плату всегда находились необходимые ему рабочие, причем он не обязан был давать им работу, когда они ему не были нужны. Выгода помещика заключалась не в денежной стоимости натуральной повинности, а в *принудительном характере* последней; она заключалась не в экономической невыгодности для крестьянина, а в его *несвободном состоянии.* И такие обязательства не «вытекают из сеньориальной власти и наследственной крепостной зависимости»!

Не подлежит никакому сомнению, что, в силу первоначального характера барщины, она должна быть отменена *безвозмездно,* если только Патов, Гирке и К° хотят быть последовательными .

Но как обстоит дело, если подвергнуть рассмотрению *нынешний* характер барщины?

В продолжение столетий барщина оставалась неизменной, и оплата за барщинный труд тоже не изменялась. Но цены на жизненные средства повышались, а вместе с ними и оплата свободного труда. Барщина, которая первоначально была экономически одинаково выгодна обеим сторонам и которая часто даже давала крестьянину хорошо оплачиваемую работу в те дни, когда у него не было дела, превратилась для него постепенно, говоря языком г-на Гирке, в «настоящую поземельную повинность», а для г-на помещика — в прямой денежный доход. К уверенности его в том, что у него всегда имеется в распоряжении достаточное количество рабочих, прибавился еще изрядный куш, который он урывал из заработка этих

рабочих. Путем такого постоянного, столетиями длившегося надувательства крестьян обсчитывали на все большую часть их заработка, так что в конце концов они стали получать едва лишь третью или даже только четвертую его часть. Предположим, что крестьянский двор обязан поставлять только одного рабочего только на 50 дней в году и что поденная заработная плата возросла за 300 лет в среднем только на 2 зильбергроша, — тогда окажется, что г-н помещик заработал на одном этом рабочем целую тысячу талеров, а на процентах с 500 талеров за 300 лет из 5%—7500 талеров, всего 8500 талеров на одном рабочем. И это — по расчету, который и наполовину не достигает действительной суммы!

Что из этого следует? Что не крестьянин должен платить помещику, а помещик — крестьянину, что не крестьянский двор должен платить ренту поместью, а поместье — крестьянскому двору.

Однако прусские либералы 1848 г. рассуждают не так. Па-оборот, прусская совесть наших юристов толкует это так, что не дворянин крестьянину, а крестьянин дворянину должен возмещать разницу между оплатой барщины и оплатой свободного труда. Именно *потому, что* помещик так долго крал у крестьянина разницу в оплате, именно *поэтому* крестьянин должен уплатить помещику за уворованное этим господином. Ведь имущему дано будет, а у неимущего и последнее отнимется!

Итак, исчисляется разница в оплате, годовая сумма этой разницы рассматривается как земельная рента и в таком виде перекачивается в карман помещика. Если крестьянин захочет произвести выкуп этой ренты, она капитализируется из 4% (даже не из 5%!), и этот капитал, равный 25-кратному размеру ренты, он уплачивает. Отсюда видно, что с крестьянами дела ведутся чисто по-купечески, и наш вышеприведенный расчет прибылей дворянства был, таким образом, вполне обоснован.

Вдобавок крестьяне часто платят за $^1/_4$ моргена плохой земли 4—5 талеров ренты, в то время как целый морген хорошей, свободной от барщины земли можно приобрести за 3 талера годовой ренты!

Выкуп может быть также осуществлен путем уступки участка земли, стоимость которого равна подлежащей уплате сумме. Это в состоянии сделать, разумеется, только более крупные крестьяне. В этом случае помещик получает участок земли в виде премии за ту ловкость и последовательность, с какой он и его предки обкрадывали крестьян.

Такова теория выкупа. Она полностью подтверждает то, что происходило во всех других странах, где феодальные

отношения были отменены постепенно, в первую очередь в Англии и Шотландии, а именно: превращение феодальной собственности в буржуазную, сеньориальной власти в капитал всякий раз является новым вопиющим обманом несвободного в пользу феодала. Несвободный должен каждый раз *выкупать* свою свободу и выкупать дорогой ценой. Буржуазное государство поступает по принципу: даром — только смерть. Теория выкупа доказывает, однако, еще больше. Неизбежным следствием подобных чудовищных требований, предъявляемых к крестьянам, является, как заметил депутат *Дане,* то, что они попадают в руки ростовщиков. Ростовщичество, как доказывает пример Франции, Пфальца и Рейнской провинции, — неизбежный спутник класса *свободных* мелких крестьян. Прусское учение о выкупе привело к тому, что мелкие крестьяне старых провинций стали испытывать радости ростовщического гнета еще до того, как они стали свободными. Прусское правительство вообще всегда умело подчинять угнетенные классы одновременному гнету феодальных и современных буржуазных отношений и таким образом делать ярмо вдвое тяжелее.

К этому присоединяется еще одно обстоятельство, на которое депутат *Дане* также обращает внимание: огромные расходы, которые возрастают тем больше, чем ленивее и непригоднее повременно оплачиваемый комиссар.

«Город Лихтенау в Вестфалии заплатил за 12000 моргенов 17000 талеров, и *расходы этим еще не покрыты!!»*

Далее следует практическое проведение выкупа, еще больше подтверждающее сказанное. Поместные комиссары [Oekonomiekommissarien], т. е. чиновники, подготовляющие выкуп, — говорит далее г-н Диршке, —

«выступают в троякой роли. Во-первых, они выступают в качестве *чиновников, производящих расследование;* в качестве таковых они выслушивают обе стороны, устанавливают фактические основы выкупа и вычисляют размер возмещения. Часто они подходят при этом к делу весьма односторонне, не принимают во внимание существующих правовых отношений, так как иногда им просто не хватает юридических знаний. Затем они играют роль *экспертов* и *свидетелей* и совершенно самостоятельно устанавливают стоимость того, что подлежит выкупу. Наконец, они представляют свое *заключение,* которое почти равносильно решению, так как главная комиссия должна, как правило, опираться на их мнение, основанное на знании местных условий.

Наконец, поместные комиссары не пользуются доверием крестьян, так как часто причиняют ущерб сторонам тем, что часами заставляют себя ждать, пока они *угощаются за столом помещика»* (который сам является стороной), «и этим особенно вызывают К себе недоверие Сторон. Когда, наконец, после трехчасового ожидания, Dreschgartner[185]

принимают, поместные комиссары, часто кричат на них и грубо отвергают все их возражения. Я знаю это по собственному опыту, так как я был уполномоченным судебного ведомства и защищал интересы крестьян при проведении выкупа. Поэтому диктаторская власть поместных комиссаров должна быть отменена. Ничем не оправдывается соединение в одном лице трех функций — чиновника, производящего расследование, свидетеля и судьи».

Депутат *Мориц* защищает поместных комиссаров. Г-н *Диршке* отвечает: Могу сказать, что среди них есть много таких, которые действовали в ущерб интересам крестьян; я сам даже доносил о некоторых из них в целях расследования дела и могу, если потребуется, привести доказательства этого.

Министр *Гирке,* разумеется, опять выступает в качестве защитника старопрусской системы и возникших на ее основе институтов. Поместных комиссаров опять, конечно, надо похвалить:

«Предоставляю Собранию решить, допустимо ли пользоваться трибуной для подобных, *лишенных всяких доказательств, совершенно необоснованных* упреков!»

А ведь г-н Диршке предлагает привести доказательства?

Но так как его превосходительство Гирке придерживается, повидимому, того мнения, что общеизвестные факты можно опровергнуть министерскими утверждениями, мы в ближайшее время приведем кое-какие «доказательства» того, что г-н Диршке не только ничего не преувеличил, но даже весьма недостаточно осудил деятельность поместных комиссаров.

Таковы прения. Предложенные поправки были столь многочисленны, что отчет вместе с поправками пришлось вернуть в центральную комиссию. Окончательное решение Собрания состоится, таким образом, позже.

Среди этих поправок имеется поправка г-на *Морща,* в которой обращается внимание еще на одно поучительное распоряжение прежнего правительства. Он предлагает приостановить все переговоры, относящиеся к поборам за помол.

Когда в 1810 г. было решено отменить баналитеты [Zwangs-und Bannrechte], была одновременно назначена комиссия на предмет возмещения мельникам убытков, связанных с тем, что они отдавались во власть свободной конкуренции. Это само по себе уже было нелепым решением. Разве цеховые мастера получили возмещение за отмену своих привилегий? Но в данном случае были особые основания. Мельницы выплачивали чрезвычайный побор за пользование баналитетами, и, вместо простой отмены всего этого, им было Выплачено возмещение, но побор был сохранен. Форма сама по себе нелепа, однако в этом есть хоть *видимость* права.

Но в присоединенных с 1815 г. провинциях побор за помол был сохранен, а баналитеты были отменены, и тем не менее не было выплачено *никакого возмещения.* Таково старопрусское равенство перед законом. Хотя закон о промыслах отменяет все промысловые пошлины, по промысловому уставу 1845 г. и по закону о возмещении все поборы за помол рассматриваются в спорных случаях не как промысловые, а как *поземельные поборы.* На почве этой путаницы и этих правонарушений возникли бесчисленные процессы, различные судебные палаты в своих постановлениях противоречили друг другу, и даже верховный трибунал выносил самые противоречивые постановления. Какие поборы бывшая законодательная власть рассматривала как «поземельные поборы», видно из приведенного г-ном Морицем случая: одна мельница в Саксонии, к которой, кроме мельничных построек, может быть отнесена еще сила воды, но не земля, обложена «поземельным побором» в размере *четырех виспелей*[186] зерна!

Поистине, что бы там ни говорили, Пруссия искони была государством, которое управлялось наимудрейшим, наисправедливейшим, наилучшим образом!

Написано Ф. Энгельсом 4 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 67, 6 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«ОБРАЗЦОВОЕ ГОСУДАРСТВО» БЕЛЬГИЯ

Кёльн, 6 августа. Наконец-то мы снова обращаем свой взор на Бельгию, на наше конституционное *«образцовое государство»,* монархическое Эльдорадо на самой широкой *демократической* основе, на эту высшую школу берлинских государственных деятелей, гордость «Kolnische Zeitung».

Рассмотрим сперва ее экономическое положение, для которого столь прославленный политический строй является лишь позолоченной рамой.

Бельгийский *«Moniteur»*[187] — у Бельгии есть свой «Moniteur» — сообщает следующие данные о самом крупном вассале Леопольда — о *пауперизме.*

В	провинции	*Люксембург*	получает	пособие	1	из	69	жителей
»	»	*Намюр*	»	»	1	»	17	»
»	»	*Антверпен*	»	»	1	»	16	»
»	»	*Льеж* »	»	»	1	»	7	»
»	»	*Лимбург*	»	»	1	»	7	»
»	»	*Эно*	»	»	1	»	6	»
»	»	*Восточная Фландрия*	»	»	1	»	5	»
»	»	*Брабант*	»	»	1	»	4	»
»	»	*Западная Фландрия*	»	»	1	»	3	»

Это возрастание пауперизма неизбежно влечет за собой дальнейший рост пауперизма. Все лица, которые в состоянии существовать на собственные средства, теряют из-за налога на вспомоществование, которым их обременяют их сограждане-пауперы, свое имущественное равновесие и, в свою очередь, скатываются в пропасть официальной благотворительности.

Пауперизм с увеличивающейся скоростью порождает пауперизм. Но в той же мере, в какой растет пауперизм, растет и *преступность* и деморализуется самый источник жизни народа — *молодежь.*

1845, 1846, 1847 годы представляют в этом отношении весьма печальную картину.

Число юношей и девушек моложе 18 лет, находившихся под арестом по приговору суда, составляет:

	1845	**1846**	**1847**
Юноши	2146	4607	7283
Девушки	429	1279	2069
Итого	2575	5886	9352
Всего			17813

Таким образом, с 1845 г. каждый год число малолетних преступников *моложе* 18 лет увеличивалось примерно вдвое. Исходя из такой пропорции, в 1850 г. в Бельгии должно быть 74816 малолетних преступников, а в 1855 г. — 2393312, т. е. больше, чем численность всей молодежи до 18 лет и больше половины всего населения страны. В 1856 г. в тюрьме сидела бы вся Бельгия, в том числе и не родившиеся еще дети. Может ли монархия пожелать себе *более широкой* демократической основы? Ведь в тюрьме царит — *равенство.*

Рутинеры политической экономии тщетно прибегали к двум своим моррисоновским пилюлям — свободе торговли, с одной стороны, и покровительственным пошлинам — с другой. Пауперизм во Фландрии родился при системе свободной торговли, он вырос и окреп при системе покровительственных пошлин, направленных против иностранного полотна и льняной пряжи.

В то время как среди пролетариата так быстро растут пауперизм и преступность, у буржуазии иссякают источники дохода, как это доказывает недавно появившаяся сравнительная таблица бельгийской внешней торговли за первые полугодия 1846, 1847, 1848 годов.

Кроме оружейных и гвоздильных заводов, для которых, в виде исключения, обстоятельства в этот период складывались благоприятно, суконных фабрик, поддерживающих свою былую славу, и производства цинка, незначительного по сравнению с общей продукцией, вся бельгийская промышленность находится в состоянии упадка или застоя..

За небольшими исключениями, наблюдается значительное сокращение *вывоза* продукции бельгийского горного производства и металлических изделий.

Приведем несколько примеров:

	I полугодие 1847	I полугодие 1848
Уголь (в тоннах)	869000	549000
Чугун	56000	35000
Чугунные изделия	463	172
Железо, рельсы	3489	13
Кованые железные изделия	556	434
Гвозди	3210	3618
Итого	932718	588237

Общее сокращение вывоза продуктов этих трех отраслей за первое полугодие 1848 г. составляет, таким образом, 344481 тонну, несколько больше $^1/_3$ всего количества.

Перейдем к льняной промышленности:

	I полугодие 1846	I полугодие 1847	I полугодие I848
Льняная пряжа..-	1017000	623000	306000
Льняные ткани	1483000	1230000	681000
Итого	2500000	1853000	987000

Сокращение в I полугодии 1847 г. по сравнению с I полугодием 1846 г. достигает 657000 килограммов; сокращение в 1848 г. по сравнению с 1846 г. составляет 1613000 килограммов, или 64%.

Вывоз книг, хрусталя, оконного стекла невероятно сократился; уменьшился также вывоз необработанного и чесаного льна, пакли, древесной коры, табачных изделий.

Всепожирающий пауперизм, неслыханное распространение преступности среди молодежи, систематический упадок бельгийской промышленности образуют материальную основу для конституционных прелестей. Так, министерская газета «Independance» насчитывает — и не устает возвещать об этом — свыше 4000 подписчиков. Престарелый *Меллине,* единственный генерал, спасший честь Бельгии, сидит под домашним арестом и на днях предстанет перед судом присяжных в Антверпене*. Гентский адвокат *Ролен,* конспирирующий против Леопольда в интересах Оранской династии и в интересах Леопольда Кобургского против своих будущих союзников, бельгийских либералов, — Ролен, двойной ренегат, получил портфель министра общественных работ. Бывший торговец различным хламом, франскийон[188], барон и военный министр Ша-а-азаль размахивает

* См. настоящий том, стр. 403—405. *Ред.*

своей громадной саблей и спасает европейское равновесие. «Observateur» увеличил программу сентябрьских празднеств[189] еще на одно развлечение — генеральную процессию (Ommeganck General) в честь *Doudou* из Монса, *Houplala* из Антверпена и *Mannequin Pisse* из Брюсселя. И *«Observateur»* — газета великого *Верхагена* — рассказывает об этом самым серьезным образом. Наконец, и это вознаграждает ее за все страдания, Бельгия стала высшей школой для берлинских Монтескьё — какого-нибудь Штуппа, какого-нибудь Гримма, какого-нибудь Ганземана, какого-нибудь Баумштарка—и вызывает восхищение «Kolnische Zeitung». Счастливая Бельгия!

Написано К. Марксом 6 августа 1848 г.

Напечатано е «Neue Rheinische Zeitung» № 68, 7 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕБАТЫ ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ ВО ФРАНКФУРТЕ

I

Кёльн, 7 августа. Франкфуртское собрание, в котором дебаты никогда, даже в моменты сильнейшего возбуждения, не теряли характера истинно-немецкого благодушия, наконец-то расшевелилось при обсуждении познанского вопроса. По этому вопросу, который был уготован для Собрания прусской шрапнелью и постановлениями послушного Союзного сейма, Собрание должно было принять определенное решение. Тут невозможен был никакой компромисс; Собрание должно было спасти честь Германии или еще раз покрыть ее позором. Собрание действовало так, как мы и ожидали; оно санкционировало семь разделов Польши, оно переложило позор 1772, 1794 и 1815 гг. с плеч немецких государей на свои собственные плечи.

Больше того! Франкфуртское собрание объявило эти семь разделов Польши семью оказанными полякам благодеяниями. Разве насильственное вторжение еврейско-германской расы не вознесло Польшу на такую высоту культуры, на такую ступень просвещенности, о которых раньше эта страна и понятия не имела? Слепые, неблагодарные поляки! Если бы вас не поделили, вы сами должны были бы добиваться этой милости от Франкфуртского собрания!

Патер Бонавита Бланк в монастыре Парадиз под Шафхаузеном приучал сорок и скворцов улетать и возвращаться обратно. Он вырезал у них нижнюю половину клюва, так что они не могли больше сами добывать себе пищу и принуждены были получать корм только из его рук. Филистеры, издали наблюдавшие за тем, как птицы прилетали, садились на плечи его преподобия и доверчиво ели из его рук, дивились его высокой

культурности и просвещенности. —Птицы, рассказывает биограф патера, *любили его как своего благодетеля.*

А вот скованные, изувеченные, заклейменные поляки не хотят любить своих прусских благодетелей!

Нет лучшего способа описать благодеяния, оказанные полякам со стороны пруссачества, как разбор доклада комиссии по вопросам международного права, принадлежащего перу ученого историографа г-на *Штенцеля,* доклада, который был положен в основу прений.

Доклад этот, совершенно в стиле самых трафаретных дипломатических документов, излагает прежде всего историю возникновения великого герцогства Познанского в 1815 г. путем «включения» и «соединения». Затем следует перечень обещаний, которые Фридрих-Вильгельм III в то же время дал познанцам: сохранение их национальности, языка и религии, назначение наместника из уроженцев данной местности, распространение на познанцев знаменитой прусской конституции[190].

Известно, что из этих обещаний было выполнено. Свобода сообщения между тремя частями, на которые была разорвана Польша, — свобода, на которую Венский конгресс тем более спокойно дал свое согласие, чем менее осуществима она была,— разумеется, так и не была проведена в жизнь.

Дальше следует вопрос о составе населения. Г-н Штенцель вычислил, что в 1843 г. в великом герцогстве проживало 790000 поляков, 420000 немцев и около 80000 евреев, всего около 1300000 жителей.

Утверждению г-на Штенцеля противоречат утверждения поляков, в частности, архиепископа Пшилуского, согласно которым в Познани проживает значительно больше 800000 поляков, тогда как немцев, за вычетом евреев, чиновников и солдат, едва насчитывается 250000 человек.

Но будем исходить из утверждения г-на Штенцеля. Для наших целей и этого совершенно достаточно. Чтобы устранить всякие дальнейшие пререкания, допустим, что в Познани проживает 420000 немцев. Кто же такие эти немцы, число которых посредством включения евреев доводится до полумиллиона?

Славяне являются преимущественно земледельческим народом, мало искушенным в занятиях городскими промыслами в том виде, в каком последние были возможны до сих пор в славянских странах. Торговый обмен в его примитивных, грубейших формах, когда он ограничивался одной лишь мелочной торговлей, всецело был предоставлен *евреям,* торгующим вразнос. Когда население увеличилось и культура его возросла, когда почувствовалась потребность в городских промыслах и

концентрации городского населения, *немцы* потянулись в славянские страны. Немцы, достигшие своего наивысшего расцвета в мелком бюргерстве средневековых имперских городов, в вялой караванной внутренней торговле и ограниченной морской торговле, в цеховом ремесле XIV и XV вв., —эти немцы обнаружили свое призвание быть мещанами мировой истории именно тем, что они и поныне составляют ядро мелкой буржуазии во всей Восточной и Северной Европе и даже в Америке. Ремесленники, мелкие торговцы и мелкие посредники в Петербурге, Москве, Варшаве и Кракове, в Стокгольме и Копенгагене, в Пеште, Одессе и Яссах, в Нью-Йорке и Филадельфии в значительной, часто преобладающей степени состоят из немцев или лиц немецкого происхождения. Во всех этих городах имеются кварталы, где говорят исключительно по-немецки, а некоторые города, как Пешт, даже почти сплошь являются немецкими.

Эта немецкая иммиграция, особенно в славянские страны, продолжалась почти непрерывно, начиная с XII и XIII веков. Кроме того, со времен Реформации, вследствие преследования религиозных сект, большое число немцев время от времени вынуждено было бежать в Польшу, где их принимали с распростертыми объятиями. В других славянских странах, в Богемии*, Моравии и т. д., славянское население в результате завоевательных войн немцев сильно сократилось, а немецкое население вследствие вторжения увеличилось.

Особенно ясно это видно именно в Польше. Немецкие мещане, осевшие там сотни лет тому назад, издавна столь же мало причисляли себя в политическом отношении к Германии как и немцы в Северной Америке, или же как «французская колония» в Берлине и 15000 французов в Монтевидео — к Франции. Насколько это возможно было во времена децентрализации XVII и XVIII вв., они стали поляками, по-немецки говорящими поляками, и давно уже совершенно отказались от всякой связи с родиной.

Но ведь они принесли в Польшу культуру, образование и просвещение, торговлю и промыслы! — Действительно, они принесли с собой мелкую торговлю и цеховое ремесло; своим потреблением и развитием здесь ограниченного обмена они до некоторой степени подняли производство. О высокой образованности и просвещенности что-то не слышно было до 1772 г. во всей Польше, а с того времени и в австрийской и русской Польше. О прусской Польше мы еще поговорим подробнее.

* — Чехии. *Ред.*

Зато немцы помешали созданию в Польше польских городов с польской буржуазией. Своим особым языком, своей отчужденностью от польского населения, тысячей своих различных привилегий и городовых положений они затруднили осуществление централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны. Почти у каждого города было свое особое право; больше того, в городах со смешанным населением существовало и часто еще продолжает существовать различное право для немцев, для поляков и для евреев. Польские немцы застряли на самой низкой ступени промышленного развития, они не сосредоточили в своих руках крупных капиталов, не сумели приспособиться к крупной промышленности и не овладели расширившимися торговыми связями. Потребовался приезд в Варшаву англичанина Кокерилла, чтобы промышленность смогла пустить корни в Польше. Мелочная торговля, ремесло и, самое большее, хлебная торговля и мануфактура (ткачество и т. п.) в самом ограниченном масштабе — вот к чему сводилась вся деятельность польских немцев. При оценке заслуг польских немцев не следует также упускать из виду, что они принесли с собой в Польшу немецкое филистерство, немецкую мещанскую ограниченность и что они сочетали в себе дурные особенности обеих наций, не усвоив хороших.

Г-н Штенцель пытается оживить симпатии немцев к польским немцам:

«Когда короли... особенно в XVII веке становились все бессильнее и не могли уже защитить даже местных польских крестьян от самого жестокого угнетения со стороны дворянства, тогда и немецкие деревни и города тоже пришли в упадок и многие из них перешли во владение дворянства. Только более крупные королевские города спасли часть своих старых вольностей» (читай: привилегий).

Уж не требует ли г-н Штенцель, чтобы поляки лучше защищали (впрочем, тоже «местных») «немцев» (читай: польских немцев), чем самих себя? Само собой понятно, однако, что переселившиеся в какую-нибудь страну чужеземцы ни на что другое не могут претендовать, как лишь на то, чтобы делить радость и горе с исконным населением!

Перейдем теперь к тем благодеяниям, которыми поляки обязаны именно прусскому правительству.

В 1772 г. Фридрих II захватил Нетцкий округ*, а в следующем году был проведен Бромбергский канал, который установил внутреннее судоходное сообщение между Одером и Вислой.

* — от названия реки Нетце (польское название: Нотец). *Ред.*

«Местности, которые в течение столетий были предметом спора между Польшей и Померанией и которые неоднократно становились необитаемыми вследствие бесчисленных опустошений и огромных болот, теперь были обработаны и заселены многочисленными колонистами».

Таким образом, первый раздел Польши вовсе-де не был грабежом. Фридрих II овладел лишь областью, которая «в течение столетий была предметом спора». Но ведь с каких уж пор не существует больше самостоятельной Померании, которая *могла бы* оспаривать право на эту область? И уже сколько столетий эта область в действительности больше не оспаривалась у поляков? И вообще чего стоит эта покрывшаяся ржавчиной и обветшалая теория «спорности» и «притязаний», годившаяся в XVII и XVIII веках для того, чтобы прикрывать ею грубую заинтересованность в расширении торговли и в округлении земель? Чего стоит эта теория в 1848 г., когда всяческого рода «историческое право» и «несправедливость» оказались лишенными всякой почвы?

Впрочем, г-н Штенцель должен был бы сообразить, что, согласно этой давным-давно похороненной доктрине, рейнская граница между Францией и Германией является «в течение тысячелетий предметом спора», а поляки могли бы предъявить свои притязания на провинцию Пруссию и даже на Померанию, как на свое ленное владение!

Короче говоря, Нетцкий округ стал прусским и таким образом перестал быть «предметом спора». Фридрих II заселил эту область немецкими колонистами, и вот появились столь прославленные в связи с познанским вопросом так называемые *«нетцкие братья».* Германизация, исходящая от государства, началась с 1773 года.

«Евреи в великом герцогстве, *по всем заслуживающим доверия данным,* — сплошь немцы и *желают* быть немцами... Религиозная терпимость, царившая некогда в Польше, а также некоторые качества евреев, которых недоставало полякам, дали евреям возможность развить в течение столетий деятельность, глубоко проникающую в жизнь Польши» (а именно в кошельки поляков). «Обычно они владеют обоими языками, хотя в семейном кругу они, как и их дети с ранних лет, говорят *по-немецки*».

Здесь получили свое официальное выражение неожиданные симпатии и признание, которые снискали себе в последнее время в Германии польские евреи. Обесславленные повсеместно, куда только достигает влияние Лейпцигской ярмарки, как наиболее полное воплощение барышничества, скряжничества и нечистоплотности, они сделались вдруг немецкими братьями; честный Михель прижимает их со слезами радости к своему сердцу,

а г-н Штенцель претендует на них от имени немецкой нации как на немцев, которые и впредь *желают* оставаться ими.

И почему бы польским евреям не быть истинными немцами? Разве они не говорят «в семейном кругу, как и их дети с ранних лет, по-немецки»? И вдобавок еще на каком немецком языке!

Впрочем, мы обращаем внимание г-на Штенцеля на то, что он мог бы подобным же образом претендовать на всю Европу и половину Америки, даже на часть Азии. Немецкий язык, как известно, является языком евреев всего мира. В Нью-Йорке и в Константинополе, в Петербурге и в Париже, «евреи в семейном кругу, как и их дети с ранних лет, говорят по-немецки», и часть из них —на более правильном немецком языке, чем «соплеменные» союзники «нетцких братьев» — познанские евреи.

Доклад и дальше изображает национальные взаимоотношения возможно менее определенно и, по возможности, в выгодном свете для мнимого полумиллиона немцев, состоящего из польских немцев, «нетцких братьев» и евреев. Земельные владения немецких крестьян болыпе-де по своим размерам, чем земельные владения польских крестьян (мы увидим, как это получилось). Со времени первого раздела Польши вражда между поляками и немцами, особенно пруссаками, будто бы возросла до крайних пределов.

«Введением своих особенно твердо урегулированных государственных и административных устройств» (ну и язык!) «и строгим их применением Пруссия особенно ощутимо нарушила старинные права и исконные учреждения поляков».

До какой степени эти «твердо урегулированные» и «строго применяемые» мероприятия достопочтенной прусской бюрократии *«нарушили»* не только старинные обычаи и исконные учреждения, но и *всю общественную* жизнь, промышленное и земледельческое производство, торговлю, горное дело, словом, все без исключения общественные отношения, — об этом смогли бы порассказать удивительные вещи не только поляки, но и остальное население Пруссии и, в особенности, мы, жители Рейнской провинции. Но г-н Штенцель говорит тут даже не о бюрократии 1807—1848 гг., а о бюрократии 1772—1806 гг., о чиновниках из среды самого доподлинного, заядлого пруссачества, низость, подкупность, алчность и жестокость которых нашли такое яркое выражение в изменах 1806 года. Эти чиновники якобы защищали польских крестьян против дворянства и встретили одну только неблагодарность; правда, эти чиновники должны были бы почувствовать, «что ничто, даже дарованное и

навязываемое добро, не вознаграждает за потерю национальной независимости».

Мы также знакомы с манерой «все даровать и навязывать», которая еще и в последнее время была присуща прусским чиновникам. Какой житель Рейнской провинции не имел дела со свежеимпортированными старопрусскими чиновниками, не имел случая дивиться этому ни с чем не сравнимому кичливому зазнайству, этой бесстыдной манере всюду совать свой нос, этому сочетанию ограниченности и непогрешимой самоуверенности, этой безапелляционной грубости! У нас, правда, господам старопруссакам в большинстве случаев скоро сбивали спесь; в их распоряжении не было ни «нетцких братьев», ни тайного судопроизводства, ни прусского права, ни телесных наказаний, и из-за отсутствия последних кое-кто даже умер с горя. По как они хозяйничали именно в Польше, где могли, сколько душе угодно, применять телесные наказания и прибегать к тайному судопроизводству, — это мы и без рассказов можем себе представить.

Одним словом, прусский деспотизм сумел снискать себе такую любовь, что «уже после битвы при Йене ненависть поляков проявилась в форме всеобщего восстания и изгнания прусских чиновников». Тем самым на время прекратилось хозяйничанье чиновников.

Но в 1815 г. это хозяйничанье возобновилось в несколько измененном виде. «Реформированное», «образованное», «неподкупное», «лучшее» чиновничество попыталось добиться успеха у этих строптивых поляков.

«Но и с созданием великого герцогства Познанского не удалось установить доброго согласия, так как ... прусский король ни в коем случае не мог тогда пойти на то, чтобы дать отдельной провинции совершенно самостоятельную организацию и превратить свое государство до известной степени в союзное государство».

Итак, прусский король, по словам г-на Штенцеля, «ни в коем случае не мог тогда пойти» на выполнение своих собственных обещаний и венских договоров!![191]

«Когда в 1830 г. сочувствие польского дворянства варшавскому восстанию вызвало опасения и с тех пор стала проводиться обдуманная политика, сводившаяся к тому, чтобы путем проведения некоторых мероприятий (!), а именно путем скупки, раздробления и раздела польских поместий между немцами, понемногу совершенно покончить, главным образом, с польским дворянством, — тогда озлобление последнего против Пруссии возросло».

«Путем проведения некоторых мероприятий!» Путем запрещения продавать с молотка земельные участки полякам

и другими подобными мероприятиями, которые г-н Штенцель всячески стремится приукрасить.

Что сказали бы жители Рейнской провинции, если бы прусское правительство и у нас также запретило продавать жителям Рейнской провинции земельные участки, подлежащие продаже по решению суда! Предлогов для этого нашлось бы достаточно: чтобы смешать население старых и новых провинций; чтобы распространить на уроженцев старых провинций благодеяния парцелляции и рейнского законодательства; чтобы побудить жителей Рейнской провинции путем иммиграции внедрить свою промышленность и в старых провинциях и т. д. Оснований достаточно, чтобы и нас также осчастливить прусскими «колонистами»! Как бы посмотрели мы на население, которое вследствие полного устранения конкуренции приобретало бы наши земли по смехотворно низким ценам и, кроме того, получало бы поддержку государства, на население, которое было бы навязано нам именно с целью приучить нас кричать в пьяном восторге: «С богом за короля и отечество»?

А ведь мы-то все-таки немцы, мы говорим на том же самом языке, что и жители старых провинций. В Познани же эти колонисты систематически, с неумолимой настойчивостью посылались в домены, в леса, в парцеллируемые поместья польских дворян, чтобы вытеснить прирожденных поляков и их язык **из** их же собственной страны и создать истинно-прусскую провинцию, которая превзошла бы в черно-белом фанатизме даже Померанию.

А для того, чтобы прусские крестьяне в Польше не остались без естественных повелителей, им вслед послали цвет прусского дворянства, вроде какого-нибудь *Трескова* или *Люттихау,* которые точно так же приобретали там дворянские поместья по смехотворно низким ценам, да еще с помощью казенных ссуд. Больше того: после польского восстания 1846 г.[192] в Берлине образовалось под милостивым покровительством высоких, высших и высочайших персон целое акционерное общество с целью скупки польских имений для немецких дворян. Отощавшие прихлебатели из среды бранденбургского и померанского дворянства сообразили, что процесс против восставших поляков разорит множество польских помещиков и что их имения вскоре пустят в продажу за бесценок. Какая пожива для стольких увязших в долгах укермаркских дон Ранудо![193] Прекрасное поместье почти даром, польские крестьяне для порки и, сверх того, еще та заслуга, что посвятил себя служению королю и отечеству, — какая блестящая перспектива!

Так возникло третье немецкое вселение в Польшу: прусские крестьяне и прусские дворяне, повсеместно обосновавшиеся в Познани, пришли с явным намерением при поддержке правительства не только германизировать, но и *померанизировать* Познань. Если у немецко-польских бюргеров еще имелось оправдание, что они в какой-то мере способствовали поднятию торговли, если «нетцкие братья» могли похвастаться тем, что осушили несколько болот, то для этого последнего прусского вторжения не было уж никакого предлога. Даже парцелляция не была проведена ими хоть сколько-нибудь последовательно: прусское дворянство следовало по пятам за прусскими крестьянами.

II

Кёльн, 11 августа. В первой статье мы подвергли разбору «историческое обоснование» доклада Штенцеля в той его части, которая касается положения Познани до революции. Сегодня мы переходим к истории революции и контрреволюции в Познани в толковании г-на Штенцеля.

«Немецкий народ, неизменно преисполненный участия ко всякому несчастному» (пока это участие ничего не стоит), «всегда глубоко чувствовал большую несправедливость, которую его государи совершили в отношении поляков».

Разумеется, он «глубоко чувствовал» спокойным немецким сердцем, где чувства запрятаны настолько «глубоко», что они никогда не проявляются в действиях! Разумеется, он выражал «участие» в виде кое-каких подаяний в 1831 г., в виде банкетов и польских балов, поскольку дело сводилось к тому, чтобы поплясать в пользу поляков, выпить шампанского и спеть:

«Еще Польша не погибла!»[194]. Но совершить что-нибудь действительно серьезное, действительно принести какую-нибудь жертву — когда же это считалось делом немцев!

«Немцы чистосердечно протянули братскую руку, чтобы искупить преступления, совершенные в прошлом их государями».

Разумеется, если бы чувствительные фразы и вялое переливание из пустого в порожнее могли что-нибудь «искупить», то ни один народ не был бы столь чист перед историей, как именно немцы.

«Но в тот самый момент, когда поляки пошли навстречу немцам» (именно, приняли братски протянутую им руку), «интересы и цели обеих наций уже разошлись. Поляки думали только о восстановлении своего старого государства, по крайней мере в границах, существовавших до первого раздела в 1772 году».

Воистину, лишь бессмысленный, пустой, беспредметный энтузиазм, искони бывший главным украшением немецкого

национального характера, мог привести к тому, что немцы были ошеломлены требованием поляков! Немцы хотели *«искупить»* несправедливость, причиненную Польше. С чего началась эта несправедливость? Не говоря уже о прежних предательствах, во всяком случае, с первого раздела в 1772 году. Как это можно было «искупить»? Только восстановлением status quo* *до* 1772 г. или, по крайней мере, возвращением Польше всего того, что *немцы* награбили у поляков с 1772 года. По это противоречило интересам немцев? Хорошо, уж если заговорили об интересах, то тогда не может быть и речи о сентиментальностях вроде «искупления» и т. п.; тогда уж говорите языком холодной, бессердечной практики и избавьте нас от застольных речей и великодушных чувствований.

Впрочем, во-первых, поляки «думали» отнюдь не *«только» о* восстановлении Польши в границах 1772 года. Вообще, о чем *«думали»* поляки, это нас в данном случае не касается. Они *требовали* прежде всего лишь реорганизации *всей* Познани и заговаривали о дальнейших возможностях лишь на случай германо-польской войны против России.

Во-вторых, «интересы и цели обеих наций разошлись» лишь постольку, поскольку «интересы и цели» революционной Германии в области отношений между народами остались совершенно теми же самыми, что и у старой, абсолютистской Германии. Конечно, пока союз с Россией или, по крайней мере, мир с ней, достигнутый любой ценой, является «интересом и целью» Германии, — до тех пор в Польше все должно оставаться по-старому. Но мы увидим дальше, насколько *действительные* интересы Германии тождественны интересам Польши.

Далее следует пространное, запутанное, неясное место, где. г-н Штенцель распространяется о том, насколько правы были польские немцы, когда они, хотя и воздавали должное Польше, но хотели в то же время остаться пруссаками и немцами. Что это «хотя» исключает «но», а «но» исключает «хотя», — до этого г-ну Штенцелю, разумеется, нет никакого дела.

Сюда примыкает столь *же* пространное и запутанное историческое повествование, в котором г-н Штенцель, вдаваясь в подробности, пытается доказать, что при наличии «расходящихся интересов и целей обеих наций», при все усиливающемся из-за этого взаимном ожесточении *неизбежно* было кровавое столкновение. Немцы крепко держались за *«национальный»* интерес, поляки — за чисто *«территориальный»*. Это означает, что немцы требовали раздела великого герцогства по националь-

* — положения вещей. *Ред.*

ностям, а поляки добивались всей своей прежней области для себя.

Это опять-таки неверно: поляки требовали реорганизации, но тут же заявляли, что они совершенно согласны на уступку тех смешанных пограничных округов, где большинство населения немецкое и где оно *желает* присоединиться к Германии. Только не следует по произволу прусских *чиновников* превращать жителей в немцев или поляков, а надо дать им возможность выявить *собственную* волю.

Миссия Виллизена, продолжает г-н Штенцель, должна была, естественно, потерпеть неудачу вследствие (мнимого, нигде не существующего) противодействия поляков уступке округов с преобладающим немецким населением. В распоряжении г-на Штенцеля имелись заявления Виллизена о поляках и поляков о Виллизене. Эти *опубликованные* заявления доказывают обратное. Но так бывает, если,—как говорит г-н Штенцель, — «являешься человеком, который в течение многих лет занимается историей и вменил себе в обязанность никогда не говорить неправды и никогда не замалчивать истины»!

С той же правдивостью, которая никогда не замалчивает истины, г-н Штенцель легко проходит мимо разгула каннибализма в Познани, мимо гнусного, вероломного нарушения Ярославецкой конвенции[195], мимо резни в Тшемешно, Милославе и Врешене*, мимо опустошительного неистовства солдатни, достойной Тридцатилетней войны, не упоминая обо всем этом ни единым словом.

Г-н Штенцель переходит теперь к четырем новым разделам Польши, совершенным прусским правительством. Сначала был отторгнут Нетцкий округ вместе с четырьмя другими округами (14 апреля); к этому прибавили еще некоторые части других округов с общим количеством населения в 593390 душ и включили всю эту область в Германский союз (22 апреля). Затем были захвачены город и крепость Познань вместе с остатком левого берега Варты — еще, стало быть, 273500 душ, т. е. вместе с прежними *вдвое больше* того числа немцев, которые, даже по *прусским* данным, проживают во всей Познани. Это сделано было по королевскому указу от 29 апреля, а уже 2 мая последовало принятие в Германский союз. Г-н Штенцель слезно убеждает Собрание, до какой степени необходимо, чтобы в немецких руках осталась Познань, эта важная, мощная крепость, где проживает свыше 20000 немцев (из коих большинство — польские евреи), которым принадлежат $^2/_3$ всех

* Польское название: Вжесня. *Ред.*

земельных владений и т. д. То обстоятельство, что Познань расположена среди чисто польских земель, что она была насильственно германизирована и что польские евреи вовсе не являются немцами, — все это в высшей степени безразлично для людей, которые «никогда не говорят неправды и никогда не замалчивают истины», т. е. для историков калибра г-на Штенцеля!

Итак, по военным соображениям нельзя было выпустить из рук Познань. Как будто нельзя было срыть эту крепость, являющуюся, по словам Виллизена, одной из величайших стратегических ошибок, а вместо этого укрепить Бреславль*! Но на укрепление Познани ухлопали десять миллионов (между прочим, опять неверно — едва ли пять миллионов), и, разумеется, выгоднее удержать это драгоценное произведение искусства в своих руках, а заодно прихватить 20—30 квадратных миль польской земли.

Но если уж владеешь «городом и крепостью» Познань, то представляется самая естественная возможность захватить еще больше.

«Но чтобы удержать за собой крепость, неизбежно придется обеспечить подступы к ней со стороны Глогау, Кюстрина и Торна**, равно как и крепостной район к востоку от нее» (которому вполне достаточно было бы простираться лишь на 1000—2000 шагов, как крепостному району Маастрихта в направлении Бельгии и Лимбурга). «Тем самым»,— продолжает г-н Штенцель, ухмыляясь, — «одновременно закрепляется беспрепятственное владение Бромбергским каналом, но вместе с тем многочисленные полосы земли с преобладающим польским населением приходится включить в Германский союз».

И вот на основании всего этого известный друг человечества Пфуль-Адский камень предпринял два новых раздела Польши, которые удовлетворяют все пожелания г-на Штенцеля и присоединяют три четверти всего великого герцогства к Германии. Г-н Штенцель признает эти деяния с тем большей благодарностью, что он как историк должен был увидеть в этом возрождении — к тому же в усугубленном виде — «присоединительных палат» Людовика XIV[196] наглядное доказательство того, что немцы научились извлекать пользу из уроков истории.

Поляки, полагает г-н Штенцель, должны утешиться тем, что оставленные им земли плодороднее, чем земли присоединенной области, что земельных владений у них гораздо меньше, чем у немцев, и что «ни один беспристрастный человек не станет

* — Вроцлав. *Ред.*
** — Глогува, Костшина и Торуни. *Ред.*

отрицать, что польский земледелец будет гораздо более сносно чувствовать себя под властью германского правительства, нежели немец под властью польского правительства»!! Это замечательно подтверждается историей.

В заключение г-н Штенцель взывает к полякам, убеждая их в том, что и того маленького клочка земли, что у них остался, им будет достаточно, чтобы путем упражнения во всех гражданских добродетелях

«достойно подготовиться к тому моменту, который теперь -еще скрыт от них завесой будущего и который они, весьма простительным образом, хотя, быть может, и слишком бурно, пытаются приблизить. «Есть корона,— как выразился весьма удачно один из самых дальновидных их сограждан,— которая также достойна возбудить ваше честолюбие — это *корона гражданина!»* Немец может присовокупить: она не блестит, но зато она достойнее!»

«Она достойнее»! Но еще «достойнее» действительные причины новых четырех разделов Польши, совершенных прусским правительством.

Добрый немец! Ты думаешь, что эти разделы предприняты, чтобы спасти твоих немецких братьев от польского господства? Чтобы крепость Познань служила тебе защитой от всякого нападения? Чтобы охранить дороги Кюстрина, Глогау и Бромберга* или Нетцкий канал? Какое заблуждение!

Тебя постыдным образом обманули. Новые разделы Польши были совершены не по каким-либо другим причинам, а лишь для того, чтобы *пополнить казну прусского государства.*

Первые разделы Польши до 1815 г. были вооруженным грабежом территории; разделы 1848 г. — это *кража.*

А теперь посмотри, добрый немец, как тебя обманули!

После третьего раздела Польши Фридрих-Вильгельм II конфисковал в пользу государства польские казенные и принадлежащие католическому духовенству имения. В частности, церковные имения составляли *«весьма значительную* часть всей земельной собственности», как говорится в самой декларации о конфискации владений от 28 марта 1796 года. Эти новые домены управлялись на королевский счет или сдавались в аренду; они были так велики, что для ведения хозяйства в них пришлось учредить 34 управления доменами и 21 главное лесничество. В ведении каждого такого управления доменами находилось множество деревень; например, к 10 управлениям Бромбергского округа было отнесено всего 636 деревень, а к одному только управлению доменами Могильно — 127 деревень.

* — Быдгоща. *Ред.*

Кроме того, в 1796 г. Фридрих-Вильгельм II конфисковал имения и леса женского монастыря в Овиньске и продал купцу фон Трескову (предку Трескова — храброго предводителя прусских банд в последнюю героическую войну[197]); эти имения состоят из 24 деревень вместе с мельницами и 20000 моргенов леса стоимостью по меньшей мере в 1000000 талеров.

Затем управления доменами Кротошина, Роздражева, Орпишева и Адельнау* стоимостью по меньшей мере в два миллиона талеров были уступлены в 1819 г. князю Турн-унд-Таксису в возмещение за почтовую привилегию в некоторых присоединенных к Пруссии провинциях.

Все эти имения были присвоены Фридрихом-Вильгельмом II якобы с целью лучшего управления ими. Однако имения эти, являющиеся собственностью польской нации, были раздарены, уступлены, распроданы, и вырученные деньги потекли в *прусскую* государственную казну.

Домены Гнезно, Скоженцин, Тшемешно были раздроблены и проданы.

В руках прусского правительства остаются, таким образом, еще 27 управлений доменами и главных лесничеств общей стоимостью самое меньшее в *двадцать миллионов талеров.* Мы готовы доказать с картой в руках, что все эти домены и леса — за немногими или даже без всяких исключений — находятся в присоединенной части Познани. Чтобы спасти это неоценимое сокровище и ни в коем случае не возвращать его польской нации, необходимо было принять его в Германский союз; но так как оно само не могло прийти к Германскому союзу, то последний должен был пойти к этому сокровищу— и три четверти Познани были включены в Германский союз.

Такова действительная причина четырех знаменитых разделов Польши, произведенных в течение двух месяцев. Решающее значение имели не требования той или иной национальности и не так называемые стратегические соображения; расположение доменов, алчность прусского правительства — это единственное, что определило пограничную линию.

В то самое время как немецкие бюргеры проливали кровавые слезы по поводу вымышленных страданий их бедных братьев в Познани; в то время как они пылали желанием обеспечить безопасность немецкой Восточной марки; в то время как они позволяли ожесточать себя против поляков вымышленными сообщениями о совершаемых поляками варварствах,— прусское правительство, действуя втихомолку, устраивало свои делишки.

* — Одолянува. *Ред.*

Беспочвенный и бесцельный немецкий энтузиазм пригодился лишь на то, чтобы прикрыть самое грязное деяние в новейшей истории.

Вот какую шутку, добрый немец, сыграли с тобой твои ответственные министры!

Но, в сущности, ты мог бы знать это наперед. Там, где замешан г-н Ганземан, дело никогда не идет о немецкой национальности, военной необходимости и тому подобных пустых фразах, а всегда только о чистогане и барыше.

III

Кёльн, 19 августа. Мы подвергли подробному разбору доклад г-на Штенцеля, который лег в основу дебатов. Мы показали, как он фальсифицирует более раннюю и новейшую историю Польши и историю немцев в Польше; как он извращает весь вопрос; как историк Штенцель допустил не только умышленную подтасовку фактов, но и обнаружил грубое невежество.

Прежде чем перейти к самим дебатам, бросим еще один взгляд на польский вопрос.

Познанский вопрос, взятый сам по себе, лишен всякого смысла, всякой возможности разрешения. Он является лишь частью польского вопроса и может быть решен лишь в связи с этим вопросом и вместе с ним. Граница между Германией и Польшей может быть установлена лишь тогда, когда Польша будет снова существовать.

Но может ли и будет ли Польша снова существовать? В прениях это отрицалось.

Один французский историк сказал: il y a des peuples nеcessaires — существуют *необходимые народы.* К этим необходимым народам в XIX веке безусловно принадлежит польский народ.

Национальное существование Польши ни для кого, однако, не представляет большей необходимости, чем именно для нас, немцев.

На чем зиждется прежде всего сила реакции в Европе с 1815 г., отчасти даже со времени первой французской революции? На русско-прусско-австрийском *Священном союзе.* А чем скрепляется этот Священный союз? *Разделом Польши,* из которого все три союзника извлекли выгоду.

Линия раздела, которую эти три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности.

С того момента, когда был учинен первый грабеж Польши, Германия попала в зависимость от России. Россия приказала Пруссии и Австрии оставаться абсолютными монархиями, и Пруссия и Австрия должны были повиноваться. И без того вялые и робкие усилия, особенно прусской буржуазии, завоевать себе господство полностью потерпели неудачу из-за невозможности освободиться от России, из-за поддержки, которую Россия предоставила феодально-абсолютистскому классу в Пруссии.

К этому присоединилось то обстоятельство, что, со времени первых же попыток порабощения Польши союзниками, поляки не только восставали в борьбе за свою независимость, но одновременно выступали *революционно* против своих собственных внутренних общественных порядков.

Раздел Польши был осуществлен в результате союза крупной феодальной аристократии Польши с тремя державами, принимавшими участие в разделе. Он вовсе не был прогрессом, как утверждает экс-поэт г-н Йордан; он являлся для крупной аристократии последним средством спасения от революции, он был насквозь реакционным.

Последствием уже первого раздела был, совершенно естественно, союз остальных классов, т. е. дворянства, городского бюргерства и отчасти крестьянства, как против угнетателей Польши, так и против крупной аристократии своей собственной страны. Насколько ясно поляки уже тогда понимали, что их независимость вовне неотделима от свержения аристократии и от аграрной реформы внутри страны, показывает конституция
1791 года[198].

Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями [frohnpflichtigen] крестьян в свободных землевладельцев, — революции, вполне аналогичной с французской революцией 1789 г. в деревне. Польская нация имеет ту заслугу, что она первая среди соседних с ней земледельческих народов провозгласила это. Первой попыткой преобразования была конституция 1791 года; во время восстания 1830 г. Лелевель провозгласил аграрную революцию единственным средством спасения страны, но это было признано сеймом слишком поздно; во время восстаний 1846 и 1848 гг. открыто провозглашалась аграрная революция.

Со дня своего порабощения поляки выступали революционно и тем самым еще крепче приковывали своих поработителей к контрреволюции. Они заставляли своих угнетателей

сохранять патриархально-феодальный строй не только в Польше, но и в своих собственных странах. И особенно со времени краковского восстания 1846 г. борьба за независимость Польши одновременно является борьбой *аграрной демократии* — единственно возможной в Восточной Европе — против *патриархально-феодального абсолютизма.*

Таким образом, покуда мы помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии — мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма. Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии.

Но создание польского государства и урегулирование его границ с Германией не только необходимо — больше того, оно является самым разрешимым из всех политических вопросов, которые со времени революции возникли в Восточной Европе. Борьба за независимость разноплеменных народов, беспорядочно разбросанных и перемешанных друг с другом к югу от Карпат, отличается гораздо большей сложностью, будет стоить гораздо больше крови, вызовет гораздо больше смут и гражданских войн, чем польская борьба за независимость и установление границы между Германией и Польшей.

Само собой понятно, что речь идет не о создании призрачной Польши, а о создании государства на жизнеспособной основе. Польша должна, по меньшей мере, обладать территорией 1772 г., должна владеть не только бассейнами, но и устьями своих больших рек и большой прибрежной полосой, по крайней мере, на Балтийском море.

Все это могла бы ей гарантировать Германия и притом оградить свои интересы и свою честь, если бы она после революции имела мужество, в своих собственных интересах, с оружием в руках потребовать от России отказа от Польши. Что при смешении немецкого и польского населения в пограничных областях, особенно на побережье, обе стороны должны были бы кое в чем уступить друг другу, причем некоторым немцам пришлось бы стать поляками, а некоторым полякам немцами, — это разумеется само собой и не представило бы никаких трудностей.

Но после половинчатой германской революции не нашлось мужества для столь решительного выступления. Произносить •пышные речи об освобождении Польши, устраивать на железнодорожных станциях встречи проезжающим полякам и заверять их в самых горячих симпатиях немецкого народа (кому только не навязывались эти симпатии?) — на это нас хватило; но

начать войну с Россией, поставить под вопрос все европейское равновесие и, наконец, отдать обратно какой-нибудь клочок награбленной земли — ну» ожидать этого значило бы не знать наших немцев!

А чем была бы война с Россией? Война с Россией была бы полным, открытым и действительным разрывом со всем нашим позорным прошлым, была бы действительным освобождением и объединением Германии, установлением демократии на развалинах феодализма и на месте кратковременного иллюзорного господства буржуазии. Война с Россией была бы единственно возможным путем спасти нашу честь и наши интересы по отношению к нашим славянским соседям и особенно к Польше.

Но мы были мещанами и остались мещанами. Мы совершили несколько дюжин малых и больших революций, которых сами испугались раньше чем они были завершены. После того как мы здорово нахвастали, мы ровно ничего не довели до конца. Революция, вместо того чтобы расширить наш кругозор, сузила его. При обсуждении всех вопросов было проявлено самое трусливое, самое ограниченное, самое узколобое филистерство, в результате чего все наши действительные интересы были, конечно, вновь скомпрометированы. С точки зрения этого мелочного филистерства, разумеется, и большой вопрос об освобождении Польши свелся к ничтожным фразам о реорганизации одной части провинции Познань, а наш энтузиазм по отношению к полякам превратился в шрапнель и адский камень.

Повторяем: решением единственно возможным, единственно ограждающим честь и интересы Германии, была война с Россией. На эту войну не отважились, и тогда произошло неизбежное: реакционная военщина, разбитая в Берлине, снова подняла голову в Познани; под видом спасения чести и национальных интересов Германии она подняла знамя контрреволюции и подавила наших союзников, революционных поляков, — и был момент, когда одураченная Германия бурно приветствовала своих победоносных врагов. Новый раздел Польши был совершен, и ему недоставало только лишь санкции германского Национального собрания.

Чтобы поправить дело, у Франкфуртского собрания был еще один выход: надо было исключить всю Познань из Германского союза и заявить, что вопрос о границах является открытым, пока не представится возможность повести об этом переговоры d'egal a egal[*] с восстановленной Польшей.

[*] — как равный с равным. *Ред.*

Но это значило бы требовать слишком многого от наших франкфуртских профессоров, адвокатов и пасторов из Национального собрания! Соблазн был слишком велик: они, мирные бюргеры, никогда не нюхавшие пороха, должны были простым голосованием завоевать для Германии страну в 500 кв. миль, присоединить 800000 «нетцких братьев», польских немцев, евреев и поляков, хотя и в ущерб чести и действительным, непреходящим интересам Германии, — какое искушение! — Они поддались ему, они санкционировали раздел Польши.

По каким мотивам — это мы увидим завтра.

IV

Кёльн, 21 августа. Оставляя в стороне предварительный вопрос, должны ли были познанские депутаты принимать участие в обсуждении и голосовании, перейдем прямо к дебатам по главному вопросу.

Г-н *Штенцель* в качестве докладчика открыл прения страшно путаной и неясной речью. Он выступает в роли историка и добросовестного человека, говорит о крепостях и полевых укреплениях, о добре и зле, о симпатиях и немецких сердцах; возвращается к XI веку, чтобы доказать, что польское дворянство всегда угнетало крестьян; использует несколько скудных фактов из польской истории для оправдания бесконечного потока самых плоских общих рассуждений о дворянстве, крестьянах, городах, благодеяниях абсолютной монархии и т. п.; запинаясь и путаясь на каждом шагу, он оправдывает раздел Польши; он столь запутанно излагает положения конституции 3 мая 1791 г., что депутаты, которые и до того ее не знали, теперь уже вовсе не понимают, в чем дело; он хочет перейти к великому герцогству Варшавскому, но тут его прерывает громкий возглас: «Это уж слишком!» и замечание председателя.

Великий историк, пришедший в полное замешательство, продолжает свою речь в следующих трогательных выражениях :

«Я буду краток. Теперь спрашивается: что нам делать? Это вопрос совершенно естественный» (буквально!). «Дворянство хочет восстановить польское государство. Оно утверждает, что является демократичным. Не сомневаюсь в том, что оно искренне так думает. Однако, господа, естественно (!), что иные сословия создают себе большие иллюзии. Я всецело верю в их искренность, но если князья и графы должны слиться с народом, то я не знаю, как произойдет это слияние» (а какое, собственно, дело до этого г-ну Штенцелю!). «В Польше это невозможно» и т. д.

Г-н Штенцель изображает дело так, как будто в Польше дворянство и аристократия едины суть. «История Польши»

Лелевеля, которую цитировал сам г-н Штенцель, «Спор между революцией и контрреволюцией в Польше» Мерославского[199] и много других новейших сочинений могли бы научить уму-разуму «человека, который в течение многих лет занимается историей». Большинство «князей и графов», о которых говорит г-н Штенцель, — это как раз те, против кого польская демократия сама ведет борьбу.

Надо поэтому, полагает г-н Штенцель, махнуть рукой на дворянство вместе со всеми его иллюзиями и основать Польшу для крестьянства (присоединяя к Германии одну часть Польши за другой).

«Протяните же лучше руки бедным крестьянам, чтобы они окрепли, дабы им, быть может (!), удалось создать свободную Польшу и не только создать, но и сохранить ее. Это, господа, и есть главная задача!»

И, сопровождаемый торжествующими возгласами национал-болтунов обоих центров[200]: «Прекрасно!», «Превосходно!», упоенный победой историк покидает трибуну. Изобразить новый раздел Польши как благодеяние для польских крестьян — этот поразительно бессмысленный оборот дела должен был, конечно, тронуть до слез исполненную благодушия и человеколюбия массу, образующую центр Собрания!

Па трибуну поднимается г-н *Гёден* из *Кротошина,* польский немец чистейшей воды. После него выступает г-н *Зенф* из *Иновроцлава,* прекрасный образец «нетцкого брата», который не способен ни на какой обман, который записался, чтобы выступить против предложения комиссии, а высказался за него. В результате один из ораторов, желавший говорить против предложения, был обманным путем лишен своей очереди.

Манера выступлений «нетцких братьев» в Собрании, это — самая забавная комедия на свете, и она лишний раз показывает, на что способен истый пруссак. Все мы знаем, что корыстолюбивая еврейско-прусская мелюзга в Познани боролась против поляков в теснейшем единении с бюрократией, с королевско-прусским офицерством, с бранденбургским и померанским юнкерством, одним словом, бок о бок со всем, что было реакционного, старопрусского. Предательство по отношению к Польше было первым решительным выступлением контрреволюции, и никто при этом не проявил себя более контрреволюционно, чем именно господа «нетцкие братья».

А теперь посмотрите-ка на этих яро пруссофильских школьных учителей и чиновников с их девизом: «С богом за короля и отечество!»; полюбуйтесь на то, как они выступают здесь, во Франкфурте, выдавая свое контрреволюционное предательство

по отношению к польской демократии за революцию, за действительную, настоящую революцию во имя суверенных «нетцких братьев», как они попирают ногами историческое право и провозглашают над якобы мертвой Польшей: «Право только на стороне живого!».

Но таков уж пруссак: на Шпрее — «божьей милостью», на Варте — суверенный народ; на Шпрее — бунт черни, на Варте — революция; на Шпрее—«историческое право, которое не имеет никакой даты»*, на Варте — право живого факта, датированного вчерашним днем, — и, несмотря на это, никакого обмана, все честно и благородно в верном прусском сердце!

Послушаем г-на Гёдена:

«Второй раз вынуждены мы защищать дело столь большого значения, столь чреватое последствиями для нашей родины, что если бы оно и само по себе не представлялось нам совершенно правым (!), то его по *необходимости следовало бы сделать таковым* (!!). Наше право коренится не столько в прошлом, сколько *в горячем биении пульса»* (вернее сказать — в избиении прикладами) *«современности».*

«Польский крестьянин и бюргер, благодаря переходу в другое» (прусское) «владение, почувствовали себя в таком состоянии безопасности и благополучия, какого они никогда не знали» (особенно со времени польско-прусских войн и разделов Польши).

«Нарушение справедливости, связанное с разделом Польши, полностью искуплено гуманностью вашего» (немецкого) «народа» (и особенно батогами прусских чиновников), «его трудолюбием» (на украденных и разdaренных польских землях), «а в апреле этого года и его *кровью!»*

Кровью г-на Гёдена из Кротошина!

«Революция — вот наше право, и в силу этого мы находимся здесь!»

«Документальные доказательства законности нашего включения в состав Германии заключаются теперь не в пожелтевших пергаментах; мы вошли в состав Германии не в качестве приданого или по наследству, не в порядке купли или обмена; мы — немцы и принадлежим нашему отечеству, потому что нас побуждает к этому разумная, законная, *суверенная воля* — воля, которая обусловлена нашим географическим положением, нашим языком и нравами, нашей численностью (!), нашей собственностью, но прежде всего нашим немецким образом мыслей и нашей любовью к отечеству».

«Наши права столь бесспорны, столь глубоко укоренились в *современном миросозерцании,* что для их признания не нужно даже обладать немецким сердцем!»

Да здравствует «суверенная воля» прусско-еврейских «нетцких братьев», покоящаяся на «современном миросозерцании», опирающаяся на шрапнельную «революцию», коренящаяся «в горячем биении пульса» военно-полевой действительности! Да здравствует немецкий дух познанских чиновничьих окладов,

* См. настоящий том, стр. 375. *Ред.*

грабежа церковных и казенных имений и денежных ссуд a la* Флотвель!

После рыцаря, декламирующего о самых высоких правах, выступает не знающий ни стыда, ни совести «нетцкий брат». Для г-на Зенфа из Иновроцлава даже предложение Штенцеля является чересчур вежливым по отношению к полякам, и потому он предлагает несколько более грубую редакцию. С той же наглостью, с какой он под этим предлогом записался в качестве оратора, выступающего против предложения комиссии, г-н Зенф заявил, что устранение познанцев от голосования было бы вопиющей несправедливостью:

«Я полагаю, что *именно* познанские депутаты призваны принять участие в голосовании, потому что речь идет как раз о важнейших правах тех, которые нас сюда послали».

Г-н Зенф переходит затем к истории Польши со времени первого раздела и обогащает ее множеством таких злостных извращений и вопиющих вымыслов, что по сравнению с ним г-н Штенцель оказывается самым жалким кропателем. Все, что только есть сносного в Познани, обязано своим происхождением прусскому правительству и «нетцким братьям».

«Возникло великое герцогство Варшавское. Место прусских чиновников заняли польские, и уже в 1814 г. почти нельзя было заметить и следа того хорошего, что сделало прусское правительство для этих провинций».

Г-н Зенф прав. «Нельзя было заметить и следа» ни крепостного состояния, ни бюджетных отчислений польских округов прусским учебным заведениям, например, университету города Галле, ни вымогательств и жестокостей прусских чиновников, не знающих польского языка. Но еще Польша не погибла, так как милостью России Пруссия снова возвысилась, и Познань снова перешла к Пруссии.

«С тех пор возобновились стремления прусского правительства улучшить положение провинции Познань».

Кто хочет узнать подробности об этом, пусть прочтет памятную записку Флотвеля 1841 года[201]. До 1830 г. правительством не было сделано ровно *ничего.* Во всем великом герцогстве Флотвель нашел лишь *четыре* мили шоссейных дорог! А надо ли перечислять благодеяния самого Флотвеля? Г-н Флотвель, хитрый бюрократ, старался подкупить поляков проведением шоссейных дорог, превращением рек в судоходные, осушением болот и т. п., но он подкупал их не на деньги прусского правитель-

* — на манер. *Ред.*

ства, а *на собственные деньги поляков.* Все эти улучшения были произведены главным образом на частные средства или на средства округов, и если кое-где правительство добавляло и свою субсидию, то это составляло лишь самую незначительную часть тех сумм, которые оно извлекало из провинции путем налогов или в виде дохода с польских национальных и церковных доменов. Далее, поляки обязаны г-ну Флотвелю не только дальнейшей приостановкой избрания ландратов округами (с 1826 г.), но, в особенности, постепенной экспроприацией польских помещиков путем скупки правительством поместий, продаваемых с молотка, и последующей перепродажи их лишь благонадежным немцам (королевский указ 1833 г.). Последним благодеянием флотвелевского управления было улучшение школьного дела. Но и это было опять-таки одной из мер опруссачения. Средние школы должны были при помощи прусских учителей опруссачивать дворянское юношество и будущее католическое духовенство, а низшие — крестьян. О действительном характере учебных заведений проболтался как-то в неосторожном порыве откровенности бромбергский регирунгспрезидент г-н Валлах; он писал обер-президенту г-ну Бёйрману, что *польский язык* является *главным препятствием* для распространения образования и благосостояния среди сельского населения! Разумеется, это так, раз учитель не понимает по-польски. — Кто же, однако, оплачивал эти школы? Опять-таки сами поляки, так как 1) большинство важнейших, но не служащих специально целям опруссачения институтов было основано и поддерживалось на частные взносы или на средства провинциальных сословных собраний, и 2) даже школы, созданные в целях опруссачения, содержались на доходы от секуляризованных 31 марта 1833 г. монастырей, а государственная казна отпустила средства лишь на десять лет по 21000 талеров ежегодно.

Впрочем, г-н Флотвель признает, что все реформы исходили от самих поляков. А о том, что величайшие благодеяния прусского правительства состояли в извлечении значительных рент, взыскании высоких налогов и в использовании молодежи для прусской военной службы, — об этом г-н Флотвель умалчивает точно так же, как и г-н Зенф.

Короче говоря, все благодеяния прусского правительства сводятся к тому, чтобы пристроить в Познани прусских унтер-офицеров, будь то в качестве экзерцирмейстеров, учителей, жандармов или сборщиков налогов.

Мы не можем заниматься подробным разбором других неосновательных подозрений относительно поляков, а также

лживых статистических данных г-на Зенфа. Ясно, г-н Зенф говорит с единственной целью — вызвать ненависть Собрания к полякам.

За ним следует г-н *Роберт Блюм.* Он, по обыкновению, произносит так называемую *солидную* речь, т. е. речь, которая содержит больше чувства, чем аргументов, и больше декламации, чем чувства, и которая, впрочем, как упражнение в декламации, производит, признаться, не больший эффект, чем «современное миросозерцание» г-на Гёдена из Кротошина. Польша — вал против северного варварства ... если у поляков есть пороки, то это вина их угнетателей ... старый Гагерн называет раздел Польши кошмаром, который тяготеет над нашей эпохой... поляки горячо любят свою родину, и нам не мешало бы брать с них пример... опасности, угрожающие со стороны России... А если бы в Париже победила красная республика и захотела силой оружия освободить Польшу, что было бы тогда, господа?.. Будем беспристрастными и т. д. и т. д.

Нам жаль г-на Блюма, но если снять со всех этих прекрасных рассуждений декламаторскую мишуру, то не останется ничего, кроме самой тривиальной болтовни, пусть даже — охотно допускаем это — болтовни широкого размаха и высокого мастерства. Даже когда г-н Блюм утверждает, что по отношению к Шлезвигу, Богемии, итальянскому Тиролю, русским прибалтийским провинциям и Эльзасу Национальное собрание, если оно хочет быть последовательным, должно было бы применить те же принципы, что и по отношению к Познани, то это такой довод, который является правомерным только в противовес бессмысленной националистической лжи и удобной непоследовательности большинства. И если он утверждает, что Германия могла бы достойным образом вести переговоры о Познани лишь с уже существующей Польшей, то мы не станем отрицать этого, но все же должны заметить, что этот единственный удачный довод в его речи уже сотни раз и гораздо лучше был развит самими поляками, тогда как в устах г-на Блюма он является тупой риторической стрелой, которая «со всей умеренностью и щадящей мягкостью» была понапрасну пущена в окаменевшую грудь большинства.

Г-н Блюм прав, говоря, что шрапнель — не довод, но он не прав — и знает это сам, — когда беспристрастно становится на более высокую «умеренную» точку зрения. Если г-н Блюм не мог уяснить себе сущность польского вопроса, то это его собственная вина. Но совсем скверно, что г-н Блюм 1) надеется добиться от большинства, чтобы оно потребовало хотя бы только отчета от центральной власти, и 2) что он рассчитывает

выиграть хоть самую малость с помощью отчета тех министров центральной власти, которые 6 августа столь позорно склонились перед прусскими стремлениями к верховенству[202]. Если хочешь сидеть на «крайней левой», то первым делом надо отбросить в сторону всякую щадящую мягкость и отказаться от надежды добиться от большинства чего-нибудь, хотя бы самого пустяка.

Вообще почти вся левая, как всегда, и в польском вопросе пускается в декламации или даже в фантастические мечтания, ни в малейшей степени не затрагивая фактического материала, практической сущности вопроса. А между тем, как раз тут материал был так содержателен, факты — так разительны. Конечно, чтобы это сделать, нужно вопрос изучить, но можно, понятно, обойтись и без этого, раз удалось проскочить через чистилище выборов, после чего уж ни перед кем больше не приходится нести ответственности.

К немногим исключениям мы еще вернемся при освещении хода прений. Завтра мы скажем несколько слов о г-не Вильгельме Йордане, который вовсе не является исключением, а на этот раз, в буквальном смысле слова и по понятным причинам, идет вместе с толпой.

V

Кёльн, 23 августа. Наконец-то мы покидаем, слава богу, плоские песчаные равнины каждодневной пустопорожней болтовни, чтобы вознестись на альпийские высоты больших дебатов! Наконец-то взбираемся мы на окутанную облаками вершину, где гнездятся орлы, где человек встречается лицом к лицу с божеством и откуда он с пренебрежением взирает на копошащихся где-то глубоко-глубоко внизу жалких человечков» побивающих друг друга с помощью скудных аргументов обыкновенного человеческого рассудка! Наконец-то, после схваток какого-то Блюма с каким-то Штенцелем, каким-то Гёденом, каким-то Зенфом из Иновроцлава начинается великая битва, в которой герои в стиле Ариосто усеивают поле брани обломками копий своего духа!

Благоговейно расступаются ряды борцов, и, потрясая мечом, вперед выскакивает г-н *Вильгельм Йордан* из Берлина.

Кто же такой г-н Вильгельм Йордан из Берлина?

Г-н Вильгельм Йордан из Берлина во времена расцвета немецкого литераторства был литератором в Кёнигсберге. В ту пору там устраивались полудозволенные собрания в «Бётхерсхёфхен»; г-н Вильгельм Йордан отправился туда, прочитал там стихотворение «Моряк и его бог» и был выслан.

Г-н Вильгельм Йордан из Берлина направился в Берлин. Там устраивались студенческие собрания. Г-н Вильгельм Йордан прочитал стихотворение «Моряк и его бог» и был выслан.

Г-н Вильгельм Йордан из Берлина направился в Лейпциг. Там тоже происходили какие-то невинные собрания. Г-н Вильгельм Йордан прочитал стихотворение «Моряк и его бог» и был выслан.

Г-н Вильгельм Йордан издал затем ряд сочинений: стихотворение «Колокол и пушка»; собрание литовских народных песен, в том числе и продукт своего собственного творчества, а именно сочиненные им самим польские песни; переводы из

Жорж Санд, некий журнал, — непонятный «понятый мир»[203] и т. д. к выгоде широко известного г-на Отто Виганда, который еще не столь преуспел, как его французский оригинал г-н Паньер; далее он издал перевод «Истории Польши» Лелевеля с полонофильским предисловием и т. д.

Наступила революция. En un lugar de la Mancha cuyo nombre no quiero acordarme*, в некоей местности немецкой Манчи, сиречь Бранденбургской марки, где произрастают Дон Кихоты, в местности, названия которой и припоминать не стоит, г-н Вильгельм Йордан из Берлина выставил свою кандидатуру в германское Национальное собрание. Крестьяне этого округа были настроены благодушно-конституционно. Г-н Вильгельм Йордан произнес много проникновенных речей, полных наиконституционнейшего благодушия. Восхищенные крестьяне избрали великого мужа в депутаты. Едва явившись во Франкфурт, благородный «безответственный» усаживается на скамьях «крайней» левой и голосует с республиканцами. Крестьяне, которые в качестве избирателей породили этого парламентского Дон Кихота, посылают ему вотум недоверия, напоминают ему его обещания, отзывают его. Но г-н Вильгельм Йордан столь же мало считает себя связанным своим словом, как какой-нибудь король, и продолжает при каждом удобном случае оглушать Собрание своим колоколом и пушкой.

Всякий раз, как г-н Вильгельм Йордан поднимался на кафедру собора св. Павла[204], он, в сущности, прочитывал одно только стихотворение «Моряк и его бог» — этим, однако, не сказано, что он тем самым заслужил, чтобы его выслали.

Послушаем же последние удары колокола и самый последний гром пушки великого Вильгельма Йордана о Польше.

«Я, напротив, полагаю, что нам надо подняться на *всемирно-историческую точку зрения,* с которой надлежит изучать познанский вопрос как эпизод великой польской драмы».

Могучий г-н Вильгельм Йордан одним махом поднимает нас высоко над облаками, на покрытый снегом, устремленный к небу Чимборасо «всемирно-исторической точки зрения» и раскрывает перед нами необозримую перспективу.

Но перед этим он еще некоторое время подвизается в будничной сфере «специального» обсуждения — и притом весьма успешно. Вот несколько примеров:

«Позднее он» (Нетцкий округ) «по Варшавскому договору» (т. е. по первому разделу Польши) «перешел к Пруссии и с тех пор, если

* — В некоем селе ламанчском, названия которого и припоминать не стоит (начальные слова романа Сервантеса «Дон Кихот»). *Ред.*

не считать кратковременного промежуточного существования герцогства Варшавского, оставался за Пруссией».

Г-н Йордан говорит здесь о Нетцком округе в *противоположность* остальной Познани. Он, рыцарь всемирно-исторической точки зрения, знаток польской истории, переводчик Лелевеля, — из какого источника черпает он эти сведения? Не иначе, как из речи г-на Зенфа из Иновроцлава! Он так строго придерживается этой речи, что даже совершенно забывает о том, как и остальная, великопольская часть Познани в 1794 г. «перешла к Пруссии и с тех пор, если не считать кратковременного промежуточного существования герцогства Варшавского, оставалась за Пруссией». Но об этом «нетцкий брат» Зенф не говорил, и поэтому «всемирно-историческая точка зрения» ничего не знает, кроме того, что округ Познань лишь в 1815 г. «перешел к Пруссии».

«Далее, и западные округа — Бирнбаум, Мезериц, Бомст и Фрауштадт* — с *незапамятных* времен, как это можно видеть уже из *названий* этих городов, в преобладающей массе своего населения были немецкими».

Но и округ Мендзыхуд — не правда ли, г-н Йордан? — «с незапамятных времен, как это можно видеть уже из его названия, в преобладающей массе своего населения был польским»?

Но округ Мендзыхуд есть не что иное, как округ Бирнбаум. По-польски город называется Мендзыхуд.

Какую поддержку найдут эти этимологические «присоединительные палаты» «всемирно-исторической точки зрения» «понятого мира» у христианско-германского г-на *Лео!* Не говоря уже о том, что Mailand, Luttich, Genf, Kopenhagen**, «как видно уже из самих названий, с незапамятных времен» являются «немецкими», не усматривает ли «всемирно-историческая точка зрения» «уже из самих названий», что Хаймонс-Эйхихт, Вельш-Лейден, Иенау и Кальтенфельде с незапамятных времен были немецкими? Всемирно-историческая точка зрения, конечно, затруднится найти на карте эти исконные немецкие названия, и, разумеется, когда она узнает, что под ними подразумеваются Ле-Кенуа, Лион, Генуя и Кампо-Фреддо, она будет обязана этим одному г-ну Лео, который сам сфабриковал эти названия.

Что скажет всемирно-историческая точка зрения, если французы в ближайшем будущем объявят Cologne, Coblence,

* Польские названия: Мендзыхуд, Мендзыжеч, Бабимост и Всхова. *Ред.*
** Немецкие названия городов Милана, Льежа, Женевы и Копенгагена. *Ред.*

Mayence и Francfort* исконными французскими землями; горе тогда всемирно-исторической точке зрения!

Но не станем задерживаться далее на этих petites miseres de la vie humaine**, которые случались и с более великими людьми. Последуем за г-ном Вильгельмом Йорданом из Берлина в более высокие сферы его полета. Тут мы услышим, что поляков «любят тем больше, чем дальше находятся от них и чем меньше их знают, и, наоборот, тем меньше любят, чем ближе соприкасаются с ними», а потому «эта симпатия» покоится «не столько на действительном достоинстве польского характера, сколько на известного рода *космополитическом идеализме».*

Но как всемирно-историческая точка зрения объяснит, что народы земного шара не «любят» некий другой народ ни тогда, когда «от него далеко находятся», ни тогда, когда с ним «ближе соприкасаются»; как объяснит она, что народы земного шара с редким единодушием презирают этот народ, используют, высмеивают и третируют его? Народ этот — *немцы.*

Всемирно-историческая точка зрения скажет, что это основано на *«космополитическом материализме»,* и таким образом выйдет из положения.

Но, не смущаясь подобными мелкими возражениями, всемирно-исторический орел взлетает все смелее, все выше, пока, наконец, в чистом эфире в-себе-и-для-себя сущей идеи он не разражается следующим героически-всемирно-исторически-гегельянским гимном:

«Пусть воздают должное истории, которая на своем предначертанном необходимостью пути всегда безжалостно растаптывает железной пятой народность, уже не являющуюся настолько сильной, чтобы удержаться среди равных наций, но все же было бы бесчеловечным и варварским не проявлять никакого участия при виде долгих страданий такого народа, и я весьма далек от подобной бесчувственности». (Бог воздаст Вам, благородный Йордан!) «Но одно дело—быть потрясенным трагедией, а другое дело — хотеть, так сказать, дать ей обратный ход. Ведь только железная необходимость, которой подчинен герой, превращает его судьбу в *настоящую трагедию,* и вмешиваться в ход этой судьбы, хотеть из человеческого участия остановить катящееся колесо истории, да еще повернуть его вспять — значит самому подвергаться опасности быть им раздавленным. Желать восстановления Польши потому только, что гибель ее вызывает справедливую скорбь, — это я называю малодушной сентиментальностью!»

Какое богатство мыслей! Какая глубина премудрости! Какой вдохновенный язык! Так вещает всемирно-историческая

* Французские названия городов Кёльна, Кобленца, Майнца и Франкфурта. *Ред.*
** — мелких невзгодах человеческой жизни. *Ред.*

точка зрения, когда задним числом выправит стенограммы своих речей.

Поляки стоят перед выбором: если они хотят разыграть «настоящую трагедию», тогда они должны покорно позволить растоптать себя железной пятой и катящимся колесом истории, сказав Николаю: «Государь, да будет воля твоя!» Или, если они желают бунтовать и, в свою очередь, делать попытки, не удастся ли им наступить «железной пятой истории» на шею своим угнетателям, тогда они никакой «настоящей трагедии» не разыгрывают, и г-н Вильгельм Йордан из Берлина уже не может больше интересоваться ими. Так говорит эстетически воспитанная профессором Розенкранцем всемирно-историческая точка зрения.

В чем же заключалась неумолимая, железная необходимость, которая на время уничтожила Польшу? В разложении дворянской демократии, покоящейся на крепостном праве, т. е. в возникновении крупной аристократии *внутри* дворянства. Это было шагом вперед, поскольку являлось единственным выходом из отжившего свой век строя дворянской демократии. А каковы были последствия этого? Железная пята истории, т. е. три восточных самодержца, раздавила Польшу. Аристократия принуждена была заключить союз с заграницей, чтобы расправиться с дворянской демократией. Польская аристократия до недавнего времени, частью и поныне, оставалась неизменной союзницей поработителей Польши.

А в чем заключается неумолимая, железная необходимость того, что Польша вновь станет свободной? В том, что господство аристократии в Польше, которое с 1815 г. не прекращалось, по крайней мере в Познани и в Галиции и отчасти даже в русской Польше, теперь так же изжило себя и подорвано, как демократия мелкого дворянства в 1772 году; в том, что установление аграрной демократии для Польши стало вопросом жизни не только политическим, но и общественным; в том, что источник существования польского народа, земледелие, рухнет, если крепостной или «обязанный» [robotpflichtige] крестьянин не станет свободным землевладельцем; в том, наконец, что аграрная революция невозможна без одновременного завоевания самостоятельного национального существования, без обладания балтийским побережьем и устьями польских рек.

И это г-н Йордан из Берлина называет желанием остановить катящееся колесо истории, да еще повернуть его вспять!

Конечно, старая Польша *дворянской* демократии давно умерла и похоронена, и только г-н Йордан может приписать кому-либо намерение дать обратный ход «настоящей трагедии»

этой Польши; но этот «герой» трагедии породил могучего сына, ближайшее знакомство с которым действительно может вызвать дрожь ужаса у иного спесивого берлинского литератора. И этот сын, который еще только готовится разыграть *свою* драму и наложить свою руку на «катящееся колесо истории», но которому победа обеспечена, — этот сын есть Польша *крестьянской* демократии.

Немного затасканной беллетристической пышности, немного аффектированного презрения к миру, — которое у Гегеля было смелостью, а у г-на Йордана становится дешевым, плоским дурачеством, — короче говоря, немного колокола и пушки, «дым и звук»[205], облеченные в фразы дурного стиля, и, вдобавок, невероятная путаница и невежество в том, что касается самых обыкновенных исторических отношений, — вот к чему сводится вся всемирно-историческая точка зрения!

Да здравствует всемирно-историческая точка зрения с ее понятым миром!

VI

Кёльн, 26 августа. Второй день битвы представляет еще более величественную картину, чем первый. Правда, нам не хватает г-на Вильгельма Йордана из Берлина, уста которого приковывают сердца всех слушателей; но будем скромны: такими как Радовиц, Вартенслебен, Керст и Родомонт-Лихновский[206] тоже не следует пренебрегать.

Первым поднимается на трибуну г-н *Радовиц.* Лидер правых говорит кратко, определенно, рассчитанно. Декламации не больше, чем это нужно. Ложные предпосылки, но сжатые, быстро следующие одно за другим заключения из этих предпосылок. Игра на чувстве *страха* у правых. Хладнокровная уверенность в успехе, опирающаяся на трусость большинства. Глубокое презрение ко всему Собранию, и к правым и к левым. Таковы отличительные черты произнесенной г-ном Радовицем краткой речи, и нам вполне понятен тот эффект, который должны были произвести эти немногие, холодные как лед и простые, без вычурностей, слова на Собрание, привыкшее выслушивать самые напыщенные и пустые риторические упражнения. Г-н Вильгельм Йордан из Берлина был бы счастлив, если бы он со всем своим «понятым» и непонятым миром образов произвел хотя бы десятую часть того впечатления, которое произвел г-н Радовиц своей краткой и, в сущности, также совершенно бессодержательной речью.

Г-н Радовиц не является «характером», не принадлежит к добропорядочным мужам твердых убеждений, но он представляет собой определенную, резко очерченную фигуру; достаточно познакомиться с одной только его речью, чтобы составить себе о нем полное представление.

Мы никогда не притязали на честь быть органом какой-нибудь парламентской левой. Напротив, при пестроте различных элементов, из которых образовалась демократическая партия в Германии, мы считали настоятельно необходимым никого не подвергать более строгому контролю, как именно демократов.

А при недостатке энергии, решительности, таланта и знаний, что, за немногими исключениями, мы наблюдаем у руководителей всех партий, нас может только радовать, что в лице г-на Радовица мы находим, по крайней, мере, достойного *противника.*

После г-на Радовица выступает г-н Шузелька. Несмотря на все предшествующие уроки, снова чувствительная апелляция к сердцу. Бесконечно растянутая речь, изредка прерываемая историческими примерами и проблесками австрийского здравого смысла. В общем, речь утомительная.

Г-н Шузелька отправился в Вену, будучи избран также и туда в рейхстаг. Там он на своем месте. Если во Франкфурте он сидел на скамьях левой, то там он оказался в центре; если во Франкфурте он мог еще играть известную роль, то в Вене он при первом же выступлении потерпел фиаско. Такова судьба всех этих литераторствующих, философствующих и праздно-болтающих великих мужей, которые только использовали революцию с целью создать себе положение; поставьте их на мгновение на действительно революционную почву — и они тотчас же канут в небытие.

За ним следует ci-devant* граф фон *Вартенслебен.* Г-н Вартенслебен выступает как добродушный, преисполненный благожелательности простак, рассказывает анекдоты о своем походе в качестве солдата ландвера к польской границе в 1830 г., переходит на роль Санчо Пансы, обращаясь к полякам с поговоркой «лучше синицу в руки, чем журавля в небе», но при этом умудряется с самым невинным видом протащить коварное замечание:

«Почему ни разу не нашлось польских чиновников, которые согласились бы взять на себя реорганизацию в подлежащей отделению части Познани? Боюсь, что они боятся самих себя, они чувствуют, что еще не доросли до того, чтобы спокойно организовать население, и это они прикрывают тем доводом, будто любовь к своему отечеству — Польше — мешает им положить даже начало радостному возрождению!»

Другими словами, поляки в течение целых восьмидесяти лет неустанно борются, принося в жертву свою жизнь и состояние, за дело, которое сами же они считают невозможным и бессмысленным.

В заключение г-н Вартенслебен присоединяется к мнению г-на Радовица.

На трибуну поднимается г-н Янишевский из Познани, член познанского Национального комитета.

Речь г-на Янишевского — первый образчик настоящего парламентского красноречия, прозвучавшего с трибуны собора св. Павла. Наконец-то мы слышим оратора, который не гонится

* — бывший. *Ред.*

за одобрением зала, который говорит языком подлинной живой страсти и который именно поэтому производит совершенно иное впечатление, чем все предшествующие ораторы. Апелляция Блюма к совести Собрания, дешевый пафос Йордана, холодная последовательность Радовица, благодушная расплывчатость Шузельки — все исчезает перед этим поляком, который защищает существование своей нации и требует восстановления своего неоспоримого права. Янишевский говорит возбужденно, горячо, но он не декламирует; он лишь излагает факты со справедливым возмущением, без которого невозможно правильно освещать подобные факты и которое вдвойне справедливо после наглых измышлений, преподносившихся в ходе прений. Его речь, действительно являющаяся центральным пунктом прений, опровергает все прежние нападки на поляков, исправляет все ошибки друзей Польши, возвращает прения на единственно практическую и настоящую их почву и заранее отнимает у следующих за ним ораторов правой наиболее веские их аргументы.

«Вы проглотили поляков, но, клянусь, вам не переварить их!»

Это яркое резюме речи Янишевского останется в памяти, как и его гордое заявление в ответ на всякого рода попрошайничанья друзей Польши:

«Я обращаюсь к вам не как нищий, я опираюсь на свое неоспоримое право; не о сочувствии взываю я, а лишь о справедливости».

После г-на Янишевского выступает г-н директор Керст из Познани. После поляка, борющегося за существование, за социальную и политическую свободу своего народа, — переселившийся в Познань прусский школьный учитель, который борется за свой оклад. После прекрасной, негодующе страстной речи угнетенного — пошлое бесстыдство бюрократа, который благоденствует за счет угнетения.

Раздел Польши, «который ныне называют позором», был в свое время *«самым обычным явлением»*.

«Право народов обособляться по национальностям является совершенно новым и нигде не признанным правом». «В политике решает только *фактическое владение»*.

Таковы некоторые из тех выразительных афоризмов, на которых г-н Керст основывает свою аргументацию. За этим следуют грубейшие противоречия.

«С Познанью, — говорит он, — к Германии отошла полоса земли, которая, без сомнения, в большей своей части является польской», а немного спустя заявляет: «Что же касается польской части Познани, то она не просила о присоединении к Германии, и, насколько я знаю, вы, господа, не намереваетесь присоединить эту часть против ее воли!»

За этими рассуждениями следуют статистические данные о составе населения, данные, полученные при помощи известного, употребляемого «нетцкими братьями» способа подсчета, согласно которому лишь те считаются поляками, кто совсем не понимает по-немецки, а все те, кто кое-как говорит на ломаном немецком языке, считаются немцами. И под конец следует крайне искусный подсчет, в результате которого он заключает, что меньшинство в 17 голосов против 26, высказавшееся при голосовании в познанском провинциальном ландтаге *за* присоединение к Германии, собственно говоря, было большинством.

«Правда, согласно провинциальному закону нужно было бы, чтобы большинство составляло $^2/_3$ голосов, дабы оно считалось правомочным. Разумеется, 17 не составляет полных $^2/_3$ по отношению к 26, но недостающая часть настолько ничтожна, что при решении столь важного вопроса ее можно, пожалуй, не принимать во внимание»!!

Таким образом, если меньшинство составляет $^2/_3$ большинства, то, «согласно провинциальному закону», оно является большинством! Старое пруссачество, бесспорно, увенчает главу г-на Керста за подобное открытие. — В действительности же дело обстоит так: чтобы внести *предложение,* требовались $^2/_3$ голосов. Принятие в Германский союз и было таким предложением. Таким образом, предложение о принятии лишь тогда было бы законным, если бы за него голосовало две трети собрания, т. е. $^2/_3$ из 43 голосующих. Вместо этого почти $^2/_3$ голосовали против. Но что из этого? Ведь 17 — это почти «$^2/_3$ от 43»!

Если поляки не являются столь «образованной» нацией, как граждане «государства разума», то это вполне понятно, коль скоро государство разума дает им в учителя таких знатоков арифметики.

Г-н *Клеменс* из Бонна делает справедливое замечание, что прусское правительство добивалось не германизации Познани, а *опруссачения* ее, и сравнивает с попытками опруссачения Познани подобные же попытки в Рейнской области.

Г-н *Остендорф* из Зоста. Уроженец «красной земли»* разражается целым потоком политических пошлостей и пустой болтовни, расплывается в возможностях, вероятностях и предположениях, перескакивает с пятого на десятое, от г-на Йордана к французам, от красной республики к краснокожим Северной Америки, с которыми он на одну доску ставит поляков, тогда как «нетцких братьев» сравнивает с янки. Смелые параллели, достойные красной земли! Г-н Керст, г-н Зенф, г-н Гёден в роли колонистов в девственных лесах, в бревенчатых домиках, с ружьем и заступом, — какая бесподобная комедия!

* — Вестфалии. *Ред.*

На трибуну поднимается г-н *Франц Шмидт* из Лёвенберга. Он говорит спокойно и без напыщенности, и это тем более заслуживает быть отмеченным, что г-н Шмидт принадлежит к сословию, которое вообще превыше всего любит декламацию, к сословию немецко-католического духовенства. Г-н Шмидт, речь которого после речи Янишевского является лучшей в ходе всех этих прений, хотя бы потому, что она наиболее убедительна и обнаруживает наибольшее знание предмета, — г-н Шмидт доказывает комиссии, что за ее псевдоучеными доводами (содержание которых мы подвергли разбору) скрывается самое безграничное невежество в области действительно существующих отношений. Г-н Шмидт ряд лет прожил в великом герцогстве Познанском и указывает комиссии, что даже в отношении того маленького округа, который ему ближе знаком, допущены грубейшие ошибки. Он показывает, что как раз во всех решающих вопросах комиссия не дала Собранию нужных разъяснений и что она прямо-таки приказывает, чтобы Собрание без каких бы то ни было материалов, без всякого знания предмета, наобум приняло решение. Он требует прежде всего разъяснения фактического положения вещей. Он доказывает, насколько предложения комиссии противоречат ее собственным предпосылкам; он цитирует памятную записку Флотвеля и требует, чтобы ее автор, который находится тут же в качестве депутата, выступил, если этот документ является поддельным. Он разоблачает, наконец, публично, как «нетцкие братья» явились к Гагерну и ложным сообщением о вспыхнувшем якобы в Познани восстании хотели побудить его поскорее прекратить прения. Гагерн, правда, отрицает это, однако г-н Керст открыто этим похвалялся.

Большинство Собрания отплатило г-ну Шмидту за его мужественную речь тем, что позаботилось об извращении этой речи в стенографическом отчете. В одном месте г-н Шмидт самолично трижды выправлял в стенограмме вписанную туда бессмыслицу, и тем не менее она попала в печать. Обструкция по отношению к Шлёффелю*, открытое насилие по отношению к Брентано[207], подлог по отношению к Шмидту — в самом деле, господа правые — тонкие критики!

Речью г-на Лихновского заканчивается заседание. Но этого приятеля мы сохраним про запас для следующей статьи; с оратором такого калибра, как г-н Лихновский, не разделаешься в двух словах!

---

* См. настоящий том, стр. 12. *Ред.*

VII

Кёльн, 31 августа. На трибуну всходит с рыцарски-галантной осанкой и самодовольной улыбкой bel-homme* Собрания, немецкий Баяр, рыцарь без страха и упрека, экс-князь (§ 6 основных прав[208]) фон *Лихновский.* С чистейшим акцентом прусского лейтенанта и с презрительной небрежностью выкладывает он те немногие обрывки мыслей, которые намерен сообщить Собранию.

Прекрасный рыцарь представляет совершенно необходимый элемент этих дебатов. Кто на примере гг. Гёдена, Зенфа и Керста еще недостаточно убедился в том, какими достойными уважения людьми являются польские немцы, тот на примере рыцаря Лихновского может видеть, какое неэстетическое явление — несмотря на изящную фигуру — представляет собой опруссаченный славянин. Г-н Лихновский — соплеменник польских немцев, он дополняет документы одним только своим появлением на трибуне. Превратившийся в прусского заскорузлого юнкера шляхтич из Верхней Силезии являет нам живой пример того, во что любвеобильное прусское правительство намеревалось превратить познанское дворянство. Г-н Лихновский, несмотря на все его торжественные уверения, вовсе не немец, он — «реорганизованный» поляк; и говорит-то он не по-немецки, а по-прусски.

Г-н *Лихновский* начинает с торжественных уверений в своей рыцарской симпатии к полякам, делает комплименты г-ну Янишевскому, отдает должное полякам за «великую поэзию мученичества» и вдруг делает крутой поворот. Почему симпатии эти уменьшились? Потому что во всех восстаниях и революциях «поляки стояли впереди всех на баррикадах»! Это, без сомнения, преступление, которое больше не случится, как только поляки будут «реорганизованы». Впрочем, мы можем успокоить г-на Лихновского, заверив его, что и среди «поль-

* — красавец-мужчина. *Ред.*

ской эмиграции», даже среди столь низко павших, по его мнению, польских дворян-эмигрантов, имеются люди, совершенно не запятнавшие себя каким бы то ни было соприкосновением с баррикадами.

Далее разыгрывается веселая сцена.

Лихновский: «Господа левые, которые попирают ногами пожелтевшие пергаменты, странным образом взывали к историческому праву. Они не имеют никакого права в интересах польского дела предпочитать одну дату другой. Для исторического права не существует никакой даты. (Громкий смех среди левых*.)

Для исторического права не существует никакой даты». (Громкий смех среди левых.)

Председатель: «Господа, дайте же оратору возможность закончить фразу, не прерывайте его».

Лихновский: «Историческое право не имеет никакой даты». (Смех слева.)

Председатель; «Прошу не прерывать оратора, прошу соблюдать спокойствие!» (Волнение.)

Лихновский: «Для исторического права не существует такой даты («браво» и оживление среди левых**), которая могла бы притязать на большие права по сравнению с более ранней датой!»

Ну, разве мы не вправе были сказать, что благородный рыцарь говорит не по-немецки, а по-прусски?

Историческое право, не имеющее никакой даты, встречает страшного противника в лице нашего благородного паладина:

«Если мы углубимся в историю, то мы найдем» (в Познани) «много округов, которые были силезскими и немецкими; углубимся в прошлое еще больше, и мы придем к тому времени, когда Лейпциг и Дрезден были построены славянами, а затем мы дойдем до Тацита — и бог знает куда еще заведут нас эти господа, если мы углубимся в эту тему».

Скверно, должно быть, идут дела на свете. Видимо, поместья прусского дворянства безнадежно заложены, евреи-кредиторы стали страшно настойчивыми, сроки платежей по соловекселям слишком быстро следуют один за другим; продажа с молотка, лишение свободы, увольнение со службы за легкомысленно наделанные долги, — все эти ужасы беспросветной финансовой нужды, видимо, угрожают неизбежным разорением прусскому дворянству, раз дело дошло до того, что какой-нибудь Лихновский оспаривает то самое историческое право, защищая которое он заслужил среди рыцарей круглого стола дон Карлоса свои шпоры![209]

---

* Смех вызвала грамматическая ошибка Лихновского, допустившего два отрицания подряд («Fur das historische Recht gibt es *kein* Datum *nicht»),* что противоречит правилам немецкого языка. Неоднократно используя в данной серии статей это выражение Лихновского, Энгельс повсюду сохраняет и грамматически неправильное построение фразы. *Ред.*

** На этот раз Лнхновский правильно построил фразу. *Ред.*

Разумеется, один бог ведает, куда завели бы судебные исполнители тощее рыцарство, если бы мы захотели углубиться в вопрос об историческом долговом праве! И все же, разве не долги являются лучшей, единственно извиняющей* особенностью прусских паладинов?

Переходя к своей теме, bel-homme полагает, что не следовало бы, выступая против польских немцев, «рисовать неясную картину скрывающегося в туманной дали будущего Польши (!)»; он думает, что поляки не удовольствовались бы Познанью:

«Если бы я имел *честь* быть поляком, я бы день и ночь только о том и помышлял, как бы восстановить старое польское королевство».

Но так как г-н Лихновский «этой чести не имеет», так как он только реорганизованный поляк из Верхней Силезии, то «день и ночь» он думает совсем о других, менее патриотических вещах.

«Говоря по чести, я должен сказать, что несколько сот тысяч поляков должны стать немцами, что, откровенно говоря, при нынешних обстоятельствах вовсе не было бы для них несчастьем».

Напротив, как было бы хорошо, если бы прусское правительство устроило еще один питомник для выращивания того дубья, из которого вытесывают Лихновских.

Наш рыцарь с закрученными усами еще некоторое время продолжает болтать все в том же любезно-небрежном тоне, в сущности, рассчитанном на дам, находящихся на галерее, но достаточно отвечающем также и уровню самого Собрания, а затем заканчивает следующим образом:

«Мне нечего больше сказать, теперь решайте сами, примете ли вы в нашу среду 500000 немцев или откажетесь от них... но тогда вычеркните также песню нашего старого народного певца: «Где речь немецкая звучит, где бог на небесах ликует»[210]. Вычеркните эту песню!»

Разумеется, скверно, что старый Арндт, сочиняя свою песню, не подумал о польских евреях и их немецком языке. Но, к счастью, тут появляется наш верхнесилезский паладин. Кто не знает старых, освященных веками обязательств дворянства по отношению к евреям? Что проглядел старый плебей, о том вспомнил рыцарь Лихновский.

Где, коверкая гнусно немецкий язык,
Надувает всех польский еврей-ростовщик, —

туда простирается отечество г-на Лихновского!

* Игра слов: «Schulden» — «долги», «entschuldigende» — «извиняющая», «оправдывающая». *Ред.*

VIII

Кёльн, 2 сентября. Третий день дебатов обнаруживает всеобщую усталость. Аргументы повторяются, не делаясь от этого лучше, и если бы первый достопочтенный оратор, гражданин *Арнольд Руге,* не выложил своего богатого запаса новых доводов, стенографический отчет был бы смертельно скучным.

Но гражданин Руге знает свои заслуги лучше, чем кто-либо другой. Он обещает:

«Я употреблю *всю* мою *страсть,* какая у меня есть, *все* мои *знания,* какими я обладаю».

Он вносит предложение, но это не какое-нибудь обыкновенное предложение, не предложение вообще, а единственно правильное, *истинное* предложение, абсолютное предложение.

«Ничего другого нельзя ни предложить, ни допустить. Можно поступить как-нибудь иначе, господа, так как человеку свойственно отклоняться от правильного пути. Именно потому, что человек отклоняется от правильного пути, он и обладает свободной волей... но от этого правильное не перестает быть правильным. А в данном случае то, что я предлагаю, есть *единственно правильное* из того, что может произойти».

(Гражданин Руге приносит, таким образом, в этом случае свою «свободную волю» в жертву «правильному».)

Присмотримся поближе к страсти, знаниям и к единственно правильному предложению гражданина Руге.

«Уничтожение Польши потому является позорной несправедливостью, что вследствие этого было подавлено ценное развитие нации, которая имеет огромные заслуги в семье европейских народов и блестящим образом развила одну фазу средневековой жизни — рыцарство. Деспотизм помешал дворянской республике осуществить свое собственное внутреннее (!) уничтожение, которое было бы возможно посредством конституции, выработанной в революционное время».

Южнофранцузская национальность в средние века была не более родственна северофранцузской, чем теперь польская —

русской. Южнофранцузская — vulgo[*] провансальская — нация не только проделала во времена средневековья «ценное развитие», но даже стояла во главе европейского развития. Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам. Она не только «блестящим образом» развила «одну фазу средневековой жизни», но вызвала даже отблеск древнего эллинства среди глубочайшего средневековья. Южнофранцузская нация «имела», таким образом, не только большие, но прямо-таки безмерные «заслуги в семье европейских народов». И все же она, подобно Польше, была сначала поделена между Северной Францией и Англией, а позднее вся была покорена французами-северянами. Начиная с альбигойских войн[211] и до Людовика XI, французы-северяне, которые по своей культуре стояли настолько же ниже своих южных соседей, насколько русские — ниже поляков, вели беспрерывные поработительные войны против французов-южан, что привело к покорению всей страны. Южнофранцузской «дворянской республике» (для времени ее расцвета название совершенно правильное) «деспотизм» (Людовика XI) «помешал осуществить свое собственное внутреннее уничтожение», которое во всяком случае настолько же было бы возможно посредством развития городского бюргерства, как и уничтожение польской дворянской республики посредством конституции 1791 года.

В течение целых веков французы-южане боролись против своих угнетателей. Но историческое развитие было неумолимо. После трехсотлетней борьбы их прекрасный язык был низведен на степень местного диалекта, а сами они стали французами. Триста лет тяготел северофранцузский деспотизм над Южной Францией, и лишь по прошествии этого времени французы-северяне искупили свое угнетение, уничтожив последние остатки национальной независимости южан. Учредительное собрание разбило на части независимые провинции, железный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции *французами* и в компенсацию за утрату их национальности дал им демократию. Но в течение трех веков порабощения к ним буквально применимо то, что гражданин Руге говорит о поляках:

[*] — как обычно говорят. *Ред.*

«Деспотизм России не освободил поляков, уничтожение польского дворянства и изгнание из Польши стольких дворянских семей — все это вовсе не создало в России ни демократии, ни гуманных условий жизни».

И все же порабощение Южной Франции французами-северянами никогда не называли «позорной несправедливостью». Чем же это объясняется, гражданин Руге? Одно из двух: либо порабощение Южной Франции является позорной несправедливостью, либо порабощение Польши отнюдь не является позорной несправедливостью. Выбирайте, гражданин Руге!

Но в чем же заключается различие между поляками и французами-южанами? Почему Южная Франция вплоть до полного уничтожения ее национальности была как беспомощный балласт взята на буксир французами-северянами, тогда как у поляков имеются все виды на то, чтобы очень скоро оказаться во главе всех славянских народностей?

Южная Франция — в силу социальных отношений, которые мы не можем здесь разбирать подробно, — стала реакционной частью Франции. Ее оппозиция Северной Франции очень скоро превратилась в оппозицию против прогрессивных классов всей Франции. Она стала главным оплотом феодализма и доныне остается твердыней контрреволюции во Франции.

Напротив, Польша, в силу социальных условий, которые мы разобрали выше (в № 81)*, сделалась революционной частью России, Австрии и Пруссии. Ее оппозиция против ее угнетателей была, вместе с тем, оппозицией против высшей аристократии в самой Польше. Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически-аграрной революции. Польша была уже очагом восточноевропейской демократии, когда Германия прозябала еще в самой пошлой конституционной и напыщенно-философской идеологии.

В этом, а вовсе не в блестящем развитии давно похороненного рыцарства лежит гарантия, неизбежность восстановления Польши.

Но у г-на Руге имеется еще другой аргумент в пользу необходимости существования независимой Польши в «семье европейских народов»:

«Учиненное над Польшей насилие рассеяло поляков по всей Европе; повсюду разбросаны они, охваченные гневом из-за испытанной ими несправедливости... польский дух во Франции и в Германии (!?) сделался более гуманным и очистился: польская эмиграция стала *пропагандой свободы»* (№1) ...«Славяне смогли вступить в великую семью европейских народов» (без «семьи» никак невозможно!), «потому что... их эмиграция

* См. настоящий том, стр. 351—355. *Ред.*

осуществляет настоящее *апостольство свободы»* (№ 2)... «Вся русская армия (!!) заражена идеями нового времени благодаря полякам, этим *апостолам свободы»* (№ 3) ... «Я уважаю достойное стремление поляков, проявленное ими по всей Европе, с оружием в руках вести *пропаганду свободы»* (№ 4)... «Они будут прославлены в истории, доколе будет раздаваться ее голос, за то, что они были *передовыми борцами»* (№ 5) *«всюду, где они являлись таковыми (!!!)...* Поляки являются *элементом свободы»* (№ 6), «брошенным в среду славянства; они *направили* Славянский съезд в Праге на путь *свободы»* (№ 7), «они действовали во Франции, России и Германии. Таким образом, поляки являются деятельным элементом также и в современной культуре, они оказывают хорошее влияние, и так как они оказывают хорошее влияние, так как они необходимы, они отнюдь не мертвы».

Гражданин Руге должен доказать, что поляки 1) необходимы и 2) не мертвы. Он доказывает это, говоря: «Так как они необходимы, они отнюдь не мертвы».

Удалите из вышеприведенной длинной тирады, повторяющей семь раз одно и то же, несколько слов: поляки — элемент— свобода — пропаганда — культура — апостольство, — и вы увидите, что останется от всей этой высокопарной болтовни.

Гражданин Руге должен доказать, что восстановление Польши необходимо. Доказывает он это следующим образом. Поляки не мертвы, напротив, они полны жизни, они оказывают хорошее влияние, они апостолы свободы по всей Европе. Как же они достигли этого? Насилие, позорная несправедливость, учиненные над ними, рассеяли их по всей Европе, куда они понесли свой гнев из-за испытанной ими несправедливости, свой праведный революционный гнев. Этот свой гнев они «очистили» в изгнании, и этот очищенный гнев сделал их способными к апостольству свободы и поставил их «впереди всех на баррикадах». Что же отсюда следует? Устраните позорную несправедливость и учиненное над поляками насилие, восстановите Польшу — и тогда исчезнет «гнев», и тогда нельзя будет больше его очищать, тогда поляки вернутся домой и перестанут быть «апостолами свободы». Если только «гнев из-за испытанной несправедливости» делает поляков революционерами, то устранение несправедливости сделает их реакционерами. Если противодействие угнетению есть единственное, что поддерживает в поляках жизнь, то устраните угнетение, и они будут мертвы.

Таким образом, гражданин Руге доказывает как раз обратное тому, что хочет доказать. Его доводы ведут к тому, что в интересах свободы и в интересах семьи европейских народов Польша *не* должна быть *восстановлена.*

В странном свете выступают к тому же «знания» гражданина Руге, когда он, говоря о поляках, упоминает только эмиграцию, только эмиграцию видит на баррикадах. Мы весьма далеки от желания оскорбить польскую эмиграцию, доказавшую

свою энергию и свое мужество на поле битвы и восемнадцатилетней конспиративной деятельностью в интересах Польши. Но мы не можем отрицать и следующего: кто знаком с польской эмиграцией, тот знает, что она далеко не в такой степени была апостольски-свободолюбивой и рвущейся на баррикады, как это изображает гражданин Руге, доверчиво повторяя болтовню экс-князя Лихновского. Польская эмиграция стойко держалась, много претерпела и много поработала для восстановления Польши. Но разве поляки в самой Польше сделали меньше, разве они не пренебрегали большими опасностями, разве не подвергались они ужасам тюрем Моабита и Шпильберга, кнута и сибирских рудников, галицийской резни и прусской шрапнели? Но всего этого не существует для г-на Руге. Столь же мало обратил он внимания на то, что не эмигрировавшие поляки гораздо больше восприняли общеевропейскую культуру, гораздо лучше познали потребности Польши, где постоянно жили, чем почти вся польская эмиграция, за исключением Лелевеля и Мерославского. Гражданин Руге приписывает всю просвещенность, какая существует в Польше — или, выражаясь его языком, какая «проникла в среду поляков и какой прониклись поляки», — пребыванию их за границей. Мы показали в № [81], что полякам не надо было искать понимания потребностей своей страны ни у французских политических мечтателей, которые после февраля потерпели крушение из-за своих собственных фраз, ни у глубокомысленных немецких идеологов, которым еще не представлялся случай потерпеть крушение; мы показали, что Польша сама была наилучшей школой для изучения того, что нужно Польше. Заслуга поляков состоит в том, что они первые признали и провозгласили аграрную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций, а вовсе не в том, как вообразил гражданин Руге, что они «перенесли в Польшу и в Россию» общие фразы вроде «великой идеи политической свободы, созревшей во Франции, и даже (!) философию, которая появилась на свет в Германии» (и в которой увяз г-н Руге).

Избави нас бог от наших друзей, а уж с нашими врагами мы сами справимся! — могли бы воскликнуть поляки после этой речи гражданина Руге. Но уже издавна величайшее несчастье поляков состояло в том, что их непольские друзья защищали их с помощью самых негодных доводов, какие только существуют на свете.

Весьма похвально со стороны франкфуртской левой, что, за немногими исключениями, она была в полном восторге от речи гражданина Руге по польскому вопросу, от речи, в которой сказано:

«Не будем спорить, господа, по вопросу о том, что мы предпочитаем: демократическую монархию, демократизированную монархию (!) или чистую демократию, — *в общем мы желаем одного и того же* — свободы, народной свободы, народовластия!»

И нам надлежит восторгаться левой, которая восхищается, когда говорят, что она хочет «в общем одного и того же», что и правая, хочет того же, что г-н Радовиц, г-н Лихновский, г-н Финке и другие жирные или тощие рыцари? Восторгаться левой, которая сама не помнит себя от восторга, которая забывает обо всем, как только услышит несколько бессодержательных громких слов, вроде «народной свободы» и «народовластия»?

Но оставим левую и вернемся к гражданину Руге.

«Еще не было более великой революции на всем земном шаре, чем революция 1848 года».

«Она самая гуманная по своим принципам», — потому что эти принципы возникли из затушевывания самых противоположных интересов.

«Самая гуманная в своих декретах и прокламациях», — так как они представляют собой компендиум филантропических фантазий и сентиментальных фраз о братстве, выдуманных всеми пустыми головами Европы.

«Самая гуманная в своих проявлениях», — а именно в избиениях и варварствах в Познани, в убийствах и поджогах, совершенных Радецким, в каннибальских жестокостях июньских победителей в Париже, в краковской и пражской бойнях, во всеобщем господстве военщины — короче, во всех тех гнусностях, которые сегодня, 1 сентября 1848 г., в своей совокупности составляют «проявления» этой революции и которые за четыре месяца стоили больше крови, чем 1793 в 1794 годы, вместе взятые.

«Гуманный» гражданин Руге!

IX

Кёльн, 6 сентября. Мы следовали за «гуманным» гражданином Руге по пути его исторических изысканий о необходимости Польши. До сих пор гражданин Руге говорил о дурном прошлом, о временах деспотизма; он редактировал *события неразумия,* теперь же он переходит к настоящему времени, к славному 1848 году, к революции, теперь он вступает на родную почву, теперь он редактирует *«разум* событий»[212].

«Как может совершиться освобождение Польши? Оно может осуществиться посредством договоров, в которых примут участие обе великие цивилизованные нации Европы, которые необходимо должны образовать вместе с Германией, с освобожденной Германией, новый тройственный союз *потому,* что они думают одно и то же и в *общем* желают одного и того же».

Тут перед нами в одной смелой фразе весь разум событий в сфере внешней политики. Союз между Германией, Францией и Англией, которые «думают одно и то же и в общем желают одного и того же», новый союз Рютли[213] между современными тремя швейцарцами — Кавеньяком, Лейнингеном и Джоном Расселом! Впрочем, за последнее время Франция и Германия с божьей помощью снова так далеко шагнули вспять, что их правительства «думают» об общих политических принципах почти «одно и то же», что и официальная Англия, эта непоколебимая скала контрреволюции, которая высится среди моря.

Но эти страны не только «думают» одно и то же, они «в общем желают одного и того же»: Германия хочет получить Шлезвиг, а Англия не хочет предоставить ей эту возможность; Германия хочет покровительственных пошлин, а Англия — свободы торговли; Германия хочет единства, а Англия желает ее раздробленности; Германия хочет быть самостоятельной, а Англия стремится к промышленному ее порабощению. Но что из этого? «В общем» они все-таки желают «одного и того же»! А Франция,

Франция издает таможенные законы против Германии; ее министр Бастид издевается над школьным учителем Раумером, представляющим там Германию, — стало быть, она явно «в общем» желает «одного и того же», что и Германия! В самом деле, Англия и Франция доказывают весьма убедительно, что они желают того же, что и Германия, угрожая ей войной: Англия — из-за Шлезвига, Франция — из-за Ломбардии!

Гражданин Руге проявляет свойственную идеологам наивность, полагая, будто нации, которым общи некоторые политические представления, уж по одному этому должны заключить союз между собой. На политической палитре у гражданина Руге имеются вообще всего лишь две краски: черная и белая — рабство и свобода. Мир делится для него на две большие части: на цивилизованные нации и варваров, на свободных и холопов. Пограничная линия свободы, шесть месяцев тому назад проходившая по ту сторону Рейна, теперь совпадает с русской границей, — и этот прогресс называют революцией 1848 года. В таком путаном виде отражается современное движение в голове гражданина Руге. Таков перевод баррикадных боевых лозунгов февраля и марта на померанский язык[214].

Если перевести рассуждения Руге обратно с померанского языка на немецкий, то окажется, что три цивилизованные нации, три свободных народа — это те самые, у которых при всем различии форм и ступеней развития господствует буржуазия, в то время как «рабами и холопами» являются народы, находящиеся под властью патриархально-феодального абсолютизма. Под свободой суровый республиканец и демократ Арнольд Руге понимает самый обыкновенный «мелкотравчатый» либерализм, господство буржуазии, самое большее, в коекаких мнимо-демократических формах, — в этом вся суть!

Так как во Франции, Англии и Германии господствует буржуазия, то страны эти являются естественными союзниками, — так рассуждает гражданин Руге. А если материальные интересы этих трех стран прямо противоположны друг другу; если свобода торговли с Германией и Францией является жизненной необходимостью для английской буржуазии; если покровительственные пошлины против Англии являются жизненной необходимостью для французской и немецкой буржуазии; если аналогичные отношения во многих вопросах имеют место между Германией и Францией; если этот тройственный союз на практике превратится в промышленное порабощение Франции и Германии? — «Ограниченный эгоизм, скаредные торгашеские души», — бормочет в свою русую бороду померанский мыслитель Руге.

Г-н Йордан в своей речи говорил о трагической иронии мировой истории. Гражданин Руге являет этому убедительный пример. Он, как и вся более или менее идеологическая левая, видит, как его самые дорогие, излюбленные мечты, величайшие усилия его мысли разбиваются об интересы класса, представителем которого он является. Его филантропически-космополитический проект разбивается о скаредные торгашеские души, и он вынужден, сам того не сознавая и не желая, в более или менее идеологически искаженном виде представлять интересы этих самых торгашеских душ. Идеолог полагает, а купец располагает. Трагическая ирония мировой истории!

Гражданин Руге рассказывает далее, как Франция «заявила, что, хотя договоры 1815 г. и разорваны, она все же желает признать территориальное положение в том виде, в каком оно сейчас существует». «Это очень правильно», ибо гражданин Руге нашел в манифесте Ламартина то, чего никто до сего времени не искал в нем: основу нового международного права. Эта мысль развивается следующим образом:

«Из этих отношений с Францией должно возникнуть новое *историческое* (!) право» (№ 1). «Историческое право есть *право народов»* (! № 2). «В случае, о котором мы говорим (?), мы имеем дело с новым *международным правом»* (! № 3). «Это единственно правильное понимание *исторического права»* (! № 4). «Всякое другое понимание *исторического права»* (! № 5) «абсурдно. Не существует никакого другого *международного права»* (! № 6). *«Историческое право»* (№ 7) «есть право» (наконец-то!), «которое *осуществляет история* и *санкционирует время,* так как это» (что?) «уничтожает, разрывает старые договоры и ставит на их место новые».

Одним словом: историческое право есть — редакция разума событий!

Буквально так написано в деяниях апостолов германского единства, сиречь в стенографических отчетах Франкфуртского собрания, страница 1186, первый столбец[215]. А еще жалуются на то, что «Neue Rheinische Zeitung» критикует г-на Руге с помощью восклицательных знаков! Разумеется, эта головокружительная бешеная пляска исторического права и международного права должна была ошеломить простодушную левую, и она должна была застыть в изумлении, когда померанский философ с непоколебимой уверенностью кричал ей в уши: «Историческое право есть право, которое осуществляет история и санкционирует время» и т. п.

Но ведь «история» постоянно «осуществляла» прямо противоположное тому, что «санкционировало время», а санкция «времени» всегда состояла именно в том, что оно опрокидывало то, что «осуществляла история».

Теперь гражданин Руге вносит «единственно правильное и допустимое» предложение:

«Предложить центральной власти совместно с Англией и Францией созвать конгресс для восстановления свободной и независимой Польши, к участию в котором будут привлечены через своих послов все заинтересованные державы».

Какой смелый, добродетельный образ мыслей! Лорд Джон Рассел и Эжен Кавеньяк должны восстановить Польшу; английская и французская буржуазия должны угрожать России войной, чтобы добиться освобождения Польши, до которого им в данный момент нет совершенно никакого дела! В настоящее время всеобщего хаоса и неразберихи, когда каждое успокоительное известие, повышающее курс на одну восьмую процента, снова сводится на нет шестью разрушительными ударами; когда промышленность борется с затяжным банкротством; когда торговля парализована; когда приходится затрачивать огромные суммы на поддержку страдающего от безработицы пролетариата, чтобы не толкнуть его на всеобщую последнюю отчаянную схватку, — неужели в такое время буржуа трех цивилизованных наций станут создавать еще новое осложнение? И какое осложнение! Войну с Россией, которая с февраля является ближайшим союзником Англии! Войну с Россией, войну, которая, как всякий знает, была бы крушением германской и французской буржуазии! И ради получения каких выгод? Никаких! В самом деле, это больше, чем померанская наивность!

Но гражданин Руге головой ручается за то, что возможно «мирное разрешение» польского вопроса. Чем дальше, тем лучше! Почему же? Потому что теперь идет речь вот о чем:

«То, к чему *стремятся* венские договоры, теперь должно быть реализовано и действительно осуществлено... Венские договоры стремились утвердить права *всех* наций против *великой* французской нации... Они стремились к восстановлению немецкой нации».

Теперь выясняется, почему г-н Руге «в общем хочет одного и того же», что и правая. Правая тоже хочет осуществления венских договоров.

Венские договоры представляют собой итог великой победы реакционной Европы над революционной Францией. Они представляют собой классическую форму господства европейской реакции в течение пятнадцатилетнего периода Реставрации. Они восстанавливают легитимизм, королевскую власть божьей милостью, феодальное дворянство, господство попов, патриархальное законодательство и управление. Но так как победа эта была одержана при помощи английской, немецкой, итальянской,

испанской и особенно французской *буржуазии,* то и буржуазии должны были быть сделаны уступки. II вот в то время как государи, дворяне, попы и бюрократы делили между собой жирные куски добычи, буржуазии пришлось довольствоваться векселями на будущее, которые никогда не были оплачены и которые никто и не собирался оплачивать. А г-н Руге, вместо того чтобы разобраться в действительном, практическом содержании венских договоров, верит, что эти пустые обещания и являются их истинным содержанием, тогда как реакционная практика толкуется им лишь как злоупотребление!

Нужно, действительно, обладать удивительно благодушной натурой, чтобы спустя тридцать три года, после революций 1830 и 1848 гг., все еще верить в уплату по этим векселям и воображать, будто сентиментальные фразы, в которые облечены были венские посулы, имеют хоть какой-нибудь смысл в 1848 году!

Гражданин Руге в роли Дон Кихота венских договоров!

В заключение гражданин Руге раскрывает Собранию глубокую тайну: революции 1848 года вызваны просто тем, что в 1846 г. в Кракове были нарушены договоры 1815 года. Предостережение для всех деспотов!

Короче говоря, гражданин Руге ни в чем не переменился со времени нашей последней встречи с ним на литературном поприще. Все те же фразы, которые он затвердил и повторял с того самого времени, когда играл роль привратника немецкой философии в «Hallische» и «Deutsche Jahrbucher»[216]; все та же путаница, все та же неразбериха во взглядах, все то же недомыслие; все то же умение преподносить пустейшие и нелепейшие мысли в торжественной форме; все тот же недостаток «знаний»; и особенно все те же притязания на одобрение немецкого филистера, который не слыхал еще ничего подобного в своей жизни.

На этом мы заканчиваем наш обзор дебатов по польскому вопросу. Требовать от нас, чтобы мы остановились еще на г-не Лёв из Познани и на других великих мужах, которые выступали после него, — значило бы требовать слишком многого.

Все эти дебаты производят жалкое впечатление. Так много длинных речей и так мало содержания, так мало знакомства с предметом, так мало таланта! Самые неинтересные дебаты в прежней или нынешней французской палате или в английской палате общин отличаются большим умом, большим знанием дела, большим действительным содержанием, чем это трехдневное обсуждение одного из самых интересных вопросов современной политики. Можно было всячески использовать эти дебаты, но Национальное собрание превратило их в пустую болтовню!

Воистину, еще никогда и нигде не заседало собрание, подобное этому!

Решения известны. Завоевали три четверти Познани; завоевали не силой, не «немецким трудолюбием», не «плугом». а пустой болтовней, лживой статистикой и трусливыми постановлениями.

«Вы проглотили поляков, но, клянусь, вам не переварить их!»

Написано Ф. Энгельсом 7 августа — 6 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 70, 73, 81, 82, 86, 90, 91, 93 и 96; 9, 12, 20, 22, 26 и 31 августа, 1, 3 и 7 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ГЕРМАНСКОЕ ПРАВО ГРАЖДАНСТВА
И ПРУССКАЯ ПОЛИЦИЯ

Кёльн, 11 августа. Известно, как 6 августа прусская армия принесла присягу германскому единству[217]. *Прусской полиции* нельзя отставать от прусской армии. Никогда еще, с ее точки зрения, в Пруссии не было столько *немецких иностранцев* или *иностранных немцев,* как со времени появления во Франкфурте единого и неделимого германского Национального собрания, германского имперского регента и германского имперского министерства.

Г-н *Гейгер,* исполняющий обязанности полицейдиректора, восшествие коего на престол мы, исполненные предчувствий, уже приветствовали ранее, видимо, получил специальный приказ очистить Кёльн от немецких *иностранцев* и оставить в стенах старого имперского города только прусских *подданных.* Если он будет действовать последовательно, то кто же сохранит право гражданства, кроме полиции, армии, бюрократии и коренных пруссаков? В числе этих *«последних могикан»* не может не оказаться и сам г-н Гейгер.

О конфликте, который возник у главного редактора «Neue Rheinische Zeitung» *Карла Маркса* из-за прусского подданства, мы сообщим позже[*]. Сейчас речь идет о сотруднике и корректоре «Neue Rheinische Zeitung» — г-не *Карле Шаппере.*

Г-н Шаппер был сегодня утром вызван к полицейскому комиссару своего участка. Г-н полицейский комиссар сообщил ему, что, согласно предписанию г-на Гейгера, он как иностранец должен уже завтра утром оставить Кёльн и выехать из

[*] См. настоящий том, стр. 407—410. *Ред.*

пределов прусского государства. Г-н комиссар прибавил при этом, что из любезности он откладывает срок выезда на 8 дней.

Г-н Шаппер не только немец, но к тому же еще и *нассауский гражданин* и имеет нассауский паспорт in optima forma*. Г-н Шаппер проживает в Кёльне с женой и тремя детьми. Преступление его состоит в том, что он является членом Демократического общества и Рабочего союза, а также корректором «Neue Rheinische Zeitung» — в самом деле, три преступления сразу.

«Всякий немец имеет общвгерманское право гражданства» — гласит первый, уже утвержденный параграф германских основных прав. В толковании г-на Гейгера это, повидимому, означает, что всякий немец имеет право быть высланным из 37 немецких государств. Наряду с законодательством Национального собрания существует законодательство Гейгера!

Но г-ну *Ганземану,* министру дела, мы даем совет: он может подвергать депутатов полицейским репрессиям, сколько ему заблагорассудится, но с печатью шутки плохи. Она может приоткрыть завесу над его буржуазным прошлым и —

Коли вы сплясать хотите,
Ваша светлость, намекните —
Я сыграю вам![218] —

сколько бы ни угрожали *Гейгеры* своим *полицейским участком***.

Написано 11 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 73, 12 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* — по всей форме. *Ред.*

** Двойная игра слов; Geiger — фамилия, «Geiger» — «скрипач»; «Violine» — «скрипка», «Violon» — «тюрьма», «полицейский участок». *Ред.*

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ИТАЛИИ И ПРИЧИНЫ ЕЕ ТЕПЕРЕШНЕЙ НЕУДАЧИ

С той же быстротой, с какой австрийцы были в марте изгнаны из Ломбардии, они теперь победоносно возвратились обратно и уже вступили в Милан.

Итальянский народ не останавливался ни перед какими жертвами. Он готов был бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы завершить начатое дело и завоевать себе национальную независимость.

Однако эта храбрость, этот энтузиазм, это самопожертвование нигде не соответствовали намерениям людей, стоявших у власти. Открыто или тайно они делали все, чтобы использовать имевшиеся в их распоряжении средства не для освобождения страны от жестокой тирании Австрии, а для того, чтобы парализовать силы народа и возможно скорее восстановить по существу старый порядок.

Папа*, который с каждым днем все больше испытывал влияние австрийско-иезуитской политики и подчинялся ей, ставил, в союзе с «черными» и «черно-желтыми»[219], на пути министерства Мамиани всяческие препятствия. Само министерство произносило перед обеими палатами весьма патриотические речи, но не проявляло необходимой энергии, чтобы осуществить свои благие намерения.

В Тоскане правительство, правда, не скупилось на красивые фразы, но делало еще меньше. Однако самым заклятым врагом итальянской свободы из всех государей Италии был и остается Карл-Альберт. Итальянцам следовало бы ежечасно повторять

* — Пий IX. *Ред.*

и помнить изречение: «избави нас бог от наших друзей, а уж с нашими врагами мы сами справимся!». Фердинанда Бурбонского им нечего было особенно опасаться — он давно был разоблачен. Напротив, Карл-Альберт заставлял воспевать себя повсюду как «la spada d'Italia» (меч Италии), как героя, шпага которого служит наилучшей гарантией свободы и независимости Италии.

Его эмиссары, направившиеся во все уголки Северной Италии, изображали его как единственного человека, который может спасти и спасет отечество. А чтобы он смог это осуществить, для этого, разумеется, необходимо-де создать североитальянское королевство. Только это может предоставить в его распоряжение силу, необходимую не только для сопротивления Австрии, но и для изгнания австрийцев из Италии. Честолюбие Карла-Альберта, толкнувшее его в свое время на союз с карбонариями, которых он потом предал, это честолюбие разыгралось больше, чем когда-либо и увлекло его мечтой о такой полноте власти и таком великолепии, которые очень скоро затмили бы всех остальных итальянских государей. Все народное движение 1848 года он вознамерился использовать в интересах своей жалкой персоны. Исполненный ненависти и недоверия ко всем действительно свободомыслящим деятелям, он окружил себя людьми, более или менее преданными абсолютизму и склонными поддерживать честолюбивые замыслы короля. Он поставил во главе армии таких генералов, умственного превосходства или политических взглядов которых он мог не опасаться, но которые не пользовались доверием солдат и не обладали талантами, необходимыми для успешного ведения войны. Пышно величая себя «освободителем» Италии, он ставил в качестве условия освобождаемым, чтобы они подчинились его игу. Обстоятельства складывались для него на редкость благоприятно. Но его жадность, его стремление захватить как можно больше, а по возможности и все, привели в конце концов к тому, что он потерял и то, что уже успел захватить. Пока еще не разрешился окончательно вопрос о присоединении Ломбардии к Пьемонту, пока еще существовала возможность установления республиканского строя, он отсиживался в своих укреплениях и не предпринимал ничего против австрийцев, хотя они в то время были сравнительно слабы. Предоставляя Радецкому, Д'Аспре, Вельдену и другим захватывать в венецианских провинциях город за городом, крепость за крепостью, он не двигался с места. Венецию он только тогда счел достойной своей помощи, когда она стала искать спасения под его короной. Так же поступил он с Пармой и Моденой. Тем временем Радецкий

накопил силы и, в противоположность бездеятельности и слепоте Карла-Альберта и его генералов, принял все необходимые меры для организации наступления и решительной победы. Результат известен. С этого времени итальянцы не могут и не будут больше отдавать дело своего освобождения в руки какого-нибудь государя или короля. Во имя своего спасения им нужно как можно скорее отшвырнуть подальше этот «spada d'Italia», как негодный. Если бы они сделали это раньше, если бы они распростились с королем, его системой и всеми его приверженцами и объединились в демократический союз, то, вероятно, в Италии теперь не осталось бы ни одного австрийца. Вместо этого итальянцы понапрасну претерпели всевозможные бедствия войны, которую их враги вели зверским, варварским образом, и напрасно понесли величайшие жертвы; мало того — их беззащитных выдали на расправу кровожадным меттерниховско-австрийским реакционерам и их военщине. Кто читал манифесты Радецкого к населению Ломбардии или обращение Вельдена к римским легатствам, тот поймет, что Аттила со своими гуннами показался бы итальянцам кротким ангелом. Реакция и реставрация торжествуют победу. Герцог Моденский, прозванный «il carnefice» (палачом), который ссудил австрийцам 1200000 гульденов на ведение войны, также возвращается обратно. Народы так часто из-за своего собственного великодушия сами себе рыли могилу, что им пора, наконец, поумнеть и кое-чему научиться у своих врагов. Моденцы позволили спокойно уехать своему герцогу, который в годы своего прежнего правления бросал в тюрьму, вешал и расстреливал тысячи людей за их политические убеждения. И вот теперь он возвращается к ним обратно, чтобы с удвоенным рвением приняться за свое кровавое княжеское ремесло.

Реакция и реставрация торжествуют победу. Но это торжество лишь временное. Народ слишком глубоко проникнут революционным духом, чтобы его удалось подавить надолго. Милан, Брешиа и другие города показали в марте, на что способен этот революционный дух. Чаша страданий переполнится, и это приведет к новому восстанию. Горький опыт последних месяцев предостережет итальянцев от новых иллюзий и поможет им обеспечить свою независимость под единым знаменем демократии.

Написано Ф. Энгельсом 11 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 73, 12 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

«KOLNISCHE ZEITUNG» ОБ ИТАЛИИ

Кёльн, 26 августа. Вчера мы были обречены на то, чтобы выслушивать разглагольствования о политике с всемирно-исторической точки зрения литератора г-на Вильгельма Йордана из Берлина*. Судьба безжалостно преследует нас: подобный же жребий выпадает на нашу долю и сегодня. Главное завоевание марта состоит в том, что литераторы взяли себе политику на откуп.

Г-н *Левин Шюккинг* из Мюнстера, четвертая или пятая спица в рекламной колеснице г-на Дюмона, опубликовал в «Kolnische Zeitung» статью о «нашей политике в Италии».

Что же говорит «мой друг Левин с глазами призрака»[220]?

«Для Германии никогда не представлялось *более благоприятного* момента чем нынешний, чтобы построить свою политику по отношению к Италии на здоровой основе, которая может устоять столетия. Мы с честью» (! в результате предательства Карла-Альберта) «смыли с наших знамен оскорбление, которое нанес им народ, быстро возгордившийся своей удачей. Во главе армии, непревзойденной не только в борьбе и победе, но и достойной изумления по своему терпению и упорству, barba bianca, *Белобородый,* водрузил славного (!?) германского двуглавого орла на башнях *мятежного* города, там, где свыше шестисот лет тому назад император *Рыжебородый* водрузил это же самое знамя как *символ верховенства Германии над Италией. Это верховенство и поныне принадлежит нам».*

Так говорит г-н Левин Шюккинг из «Kolnische Zeitung». Когда хорваты и пандуры Радецкого были выбиты из Милана безоружным народом после пятидневной борьбы, когда «достойная изумления армия», разбитая при Гойто, отступала к Вероне, — тогда молчала политическая лира «моего друга

* См. настоящий том, стр. 363—368. *Ред.*

Левина с глазами призрака»! Но с тех пор как получившая подкрепление австрийская армия одержала незаслуженную ею победу вследствие столь же трусливого, сколь и безобразного предательства Карла-Альберта, — предательства, которое мы предсказывали несчетное число раз, — с тех пор соседние с нами публицисты снова появились на сцене, с тех пор они трубят о «смытом оскорблении», с тех пор они рискуют проводить параллели между Фридрихом Барбароссой и Радецким Барбабианкой, с тех пор героический Милан, совершивший самую славную революцию из всех революций 1848 года, стал только «мятежным городом», с тех пор нам, немцам, которым искони вообще ничего не принадлежит, оказывается, принадлежит «верховенство над Италией»!

«Наши знамена»! Черно-желтые лоскутья меттерниховской реакции, которые в Вене топчут ногами, — вот знамена г-на Шюккинга из «Kolnische Zeitung»!

«Славный германский двуглавый орел»! То самое геральдическое чудовище, которому вооруженная революция повыщипала перья при Жемапе, при Флёрюсе, при Миллезимо, при Риволи, при Нёйвиде, при Маренго, при Хоэнлиндене, при Ульме, при Аустерлице, при Ваграме[221] — вот каков «славный» цербер г-на Шюккинга из «Kolnische Zeitung»!

Когда австрийцы терпели поражения, они были австрийцами, действовавшими по примеру Зондербунда[222], даже почти предателями родины. Но с тех пор как Карл-Альберт попался в ловушку, с тех пор как австрийцы продвинулись к Тичино, они стали «немцами» и оказывается, что «*мы*» совершили все это. Мы согласны признать, что «Kolnische Zeitung» одержала победы при Вольте и Кустоце и завоевала Милан[223]. Но в таком случае она также берет на себя ответственность за хорошо ей известные зверства и бесчинства этой «достойной изумления по своему терпению и упорству» варварской армии — точно так же, как в свое время она взяла на себя ответственность за галицийскую резню.

«Это верховенство и поныне принадлежит нам. Италия и Германия — это нации, которых природа и история связали общими узами, которые соединены провидением, которые родственны друг другу, как наука и искусство, как мысль и чувство» —

как г-н Брюггеман и г-н Шюккинг!

И именно для того немцы и итальянцы в течение 2000 лет постоянно вели борьбу друг с другом, именно для того итальянцы снова и снова сбрасывали немецкий гнет, именно для того улицы Милана так часто обагрялись немецкой кровью, чтобы доказать, что Германия и Италия «соединены провидением»!

Именно потому, что Италия и Германия «родственны друг другу», Радецкий и Вельден предали огню и разграблению все венецианские города!

Мой друг Левин с глазами призрака выражает теперь желание, чтобы мы отказались от Ломбардии вплоть до реки Эч*, так как народ не хочет нас, хотя несколько бедных «cittadini»** (так называет ученый г-н Шюккинг contadini —крестьян) и встречали австрийцев с ликованием. Но если мы будем вести себя как подобает «свободному народу», «итальянский народ охотно протянет нам руку, чтобы *мы* повели его по пути, по которому он один не в состоянии идти, — по пути к свободе».

В самом деле! Италия, завоевавшая себе свободу печати, суд присяжных, конституцию еще до того, как Германия очнулась от своего беспробудного сна, Италия, совершившая в Палермо первую революцию этого года, Италия, без оружия победившая в Милане «непревзойденных» австрийцев, — Италия не может идти по пути свободы, если Германия, т. е. какой-нибудь Радецкий, не поведет ее! Конечно, если Франкфуртское собрание, никчемная центральная власть, тридцать девять зондербундов и «Kolnische Zeitung» необходимы для того, чтобы идти по пути к свободе...

Итак, для того чтобы итальянцы попросили именно немцев «повести их к свободе», г-н Шюккинг удерживает итальянский Тироль и Венецианскую область, дабы пожаловать их австрийскому эрцгерцогу, и посылает «2000 солдат южногерманских имперских войск в Рим, чтобы дать возможность наместнику Христа восстановить спокойствие в своем собственном доме».

Но, увы!

Французам и русским подвластна земля,
Британцам море покорно,
Но в царстве воздушном мечтательных грез
Немецкая мощь бесспорна.

Здесь в наших руках гегемония; здесь
Мы все нераздельно слились,
Не так, как другие народы, — они
На плоской земле развились[224].

Там-то наверху, в воздушном царстве грез нам и принадлежит «верховенство над Италией». Никто этого не знает лучше г-на Шюккинга. И, потолковав на пользу Германской империи об этой храброй политике верховенства, он со вздохом заключает:

* Итальянское название: Адидже. *Ред.*
** — «горожан». *Ред.*

«Эта великая, благородная политика, достойная такой державы, как Германская империя, все же, к сожалению, всегда считалась у нас фантастической, *и так, вероятно, будет еще долго продолжаться!*»

Мы рекомендуем г-на Шюккинга на должность привратника и пограничного часового немецкой чести на высотах Штильфского перевала. Оттуда закованный в латы фельетонист «Kolnische Zeitung» будет с высоты наблюдать за Италией и надзирать за тем, чтобы не пропала ни малейшая доля «верховенства Германии над Италией». И только тогда Германия сможет спать спокойно.

Написано Ф. Энгельсом 26 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 87, 27 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«ZEITUNGS-HALLE» О РЕЙНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Кёльн, 26 августа. В «Berliner Zeitungs-Halle» появилась статья следующего содержания:

«Не так давно мы имели случай говорить о том, что настало время, когда в старых государственных организмах все более и более исчезает тот дух, который так долго связывал их воедино. В отношении Австрии едва ли кто-нибудь в этом сомневается. Однако и в Пруссии с каждым днем появляются все более явственные знамения времени, подтверждающие нашу мысль, и мы не можем закрывать на них глаза. В настоящее время имеется лишь один интерес, который еще может связывать все провинции Германии с прусским государством: это заинтересованность в развитии либеральных государственных учреждений, в создании и развитии путем совместных усилий новых, свободных форм общественных отношений. Силезия, которая твердо встала на путь политического и социального прогресса, едва ли будет хорошо чувствовать себя в составе Пруссии, если Пруссия как государство не будет полностью соответствовать этому интересу. Относительно провинции Саксонии слишком хорошо известно, что с тех пор как она была присоединена к прусскому государству, она в душе всегда относилась к нему враждебно. А что касается Рейнской провинции, то все, вероятно, еще помнят, с какими угрозами ее депутаты выступали здесь перед 18 марта и как они повлияли на ускорение переворота. Дух отчужденности растет в этой провинции. Листовка, выпущенная без указания издателя и места издания и распространяемая сейчас в большом количестве, является новым доказательством этого враждебного чувства».

Листовка, о которой говорит «Zeitungs-Halle», вероятно, известна всем нашим читателям.

Нас должно радовать, что среди берлинцев, наконец, нашелся, по крайней мере, один сторонник того взгляда, что Берлин не является Парижем ни для всей Германии, ни в особенности для Рейнской области. Берлин начинает сознавать,

что он не может управлять нами, что он не может завоевать себе того авторитета, которым должен пользоваться столичный город. Берлин в достаточной мере обнаружил свою несостоятельность во время половинчатой мартовской революции, во время штурма цейхгауза и недавних волнений[225]. К нерешительности, которую проявил берлинский народ, присоединяется полное отсутствие во всех партиях способных людей, В ходе всего движения, начиная с февраля, в Берлине не выдвинулся ни один человек, который оказался бы в состоянии руководить своей партией. Дух в этой столице «духа» полон благих намерений, но так же немощен, как и плоть. Даже своего Ганземана, своего Кампгаузена, своего Мильде берлинцы вынуждены были вывезти с Рейна или из Силезии. Берлин, который очень далек от того, чтобы быть немецким Парижем, не может быть даже назван прусской Веной. Это — не столица, это — «резиденция».

Тем более заслуживает внимания то обстоятельство, что и в самом Берлине начинают приходить к выводу, который здесь, на Рейне давно уже стал общепризнанным, — что *лишь из распада* немецких так называемых великих держав может возникнуть единство Германии. Мы никогда не скрывали своих взглядов на этот счет. Мы не восторгаемся ни прошлой, ни настоящей славой Германии, ни освободительными войнами, ни «славными победами германского оружия» в Ломбардии и Шлезвиге. Но для того, чтобы из Германии когда-либо получилось что-нибудь путное, необходимо, чтобы произошла ее концентрация; Германия должна стать единым государством не только на словах, но и на деле. А для этого прежде всего необходимо, чтобы больше не существовало «ни Австрии, ни Пруссии»[226].

Впрочем, тот «дух», который «так долго связывал» нас со старой Пруссией, был весьма ощутимым, грубым духом — то был дух 15000 штыков и некоего количества пушек. Недаром здесь, на Рейне была основана солдатская колония из верхне-силезских поляков и кашубов. Недаром нашу молодежь загоняли в берлинскую гвардию. Это делалось не для того, чтобы примирить нас с другими провинциями. Это делалось для того, чтобы натравить провинции друг на друга, чтобы использовать в интересах патриархально-феодальной деспотии национальную вражду между немцами и славянами, а также местную ненависть каждой крошечной немецкой провинции ко всем соседним провинциям. «Divide et impera!»*

* — «Разделяй и властвуй!» *Ред.*

Действительно, пора уже покончить с фиктивной ролью, которую заставили играть берлинцев «провинции», т. е. укермаркское и восточно-померанское юнкерство, своими паническими адресами, — роль, которую берлинцы поспешили принять на себя. Берлин не является — и никогда не станет — центром революции, столицей демократии. Только фантазия бранденбургских дворян, трепещущих перед банкротством, арестом за долги и фонарным столбом, могла приписать Берлину такую роль. Лишь берлинцы, со свойственным им кокетливым тщеславием, могли принять этих дворян за подлинных представителей провинций. Мы признаем мартовскую революцию, но видим в ней то, чем она действительно была, и не более того. Самым большим ее недостатком является то, что она не революционизировала *берлинцев.*

«Zeitungs-Halle» полагает, что с помощью либеральных учреждений можно будет снова скрепить разваливающееся прусское государство. Наоборот! Чем более либеральными будут эти учреждения, тем легче будет разнородным элементам отделиться друг от друга, тем яснее станет необходимость разъединения, тем нагляднее обнаружится несостоятельность берлинских политиков всех партий.

Повторяем: Рейнская провинция не возражает против того, чтобы оставаться в составе *Германии* вместе со старопрусскими провинциями. Но заставить ее остаться навсегда в составе Пруссии, все равно, будет ли Пруссия абсолютистским, конституционным или демократическим государством, — это означало бы сделать единство Германии невозможным; это означало бы даже, быть может — мы выражаем здесь всеобщее мнение народа — потерю большой, прекрасной области для Германии из-за стремлений сохранить ее для Пруссии.

Написано Ф. Энгельсом 26 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 87
27 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано
в сборнике «Маркс и Энгельс против
реакции в Германии», 1944 г.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО И ИНТЕРВЕНЦИЯ. РАДЕЦКИЙ И КАВЕНЬЯК

Приблизительно через три недели (21 сентября) истекает срок перемирия[227], заключенного в результате предательства Карла-Альберта. Франция и Англия предложили свое посредничество. Что Австрия еще до сих пор не высказалась ни за ни против этого предложения, — об этом можно прочитать в газете Кавеньяка «Spectateur Republicain!». Диктатора Франции в конце концов рассердила эта австрийская невежливость, и он грозит вооруженной интервенцией, если венский кабинет к определенному дню не даст ответа или откажется от посредничества. Позволит ли Австрия, чтобы какой-то Кавеньяк диктовал ей мир именно теперь, после победы над венской демократией и над итальянскими «мятежниками»? Австрия очень хорошо знает, что французская буржуазия хочет «мира любой ценой», что вообще буржуазии совершенно безразлично, будет ли Италия свободна или порабощена, и что буржуазия согласится на все, лишь бы ее открыто не осрамили перед всем миром и тем самым не заставили против собственной воли взяться за меч. Говорят, что Радецкий совершит ненадолго поездку в Вену, чтобы сказать решающее слово по поводу посредничества. Но для этого ему вовсе незачем ехать в Вену. Его политика теперь одерживает верх, и его мнение ничуть не станет менее веским, если даже он и останется в Милане. Если бы Австрия согласилась на условия мира, предложенные Англией и Францией, то она сделала бы это не из страха перед интервенцией Кавеньяка, а по значительно более неотложным и настоятельным причинам.

Итальянцы, точно так же как и немцы, оказались обманутыми мартовскими событиями. Первые думали, что теперь-то уж во

всяком случае покончено с чужеземным господством; вторые полагали, что старая система похоронена навсегда. На деле, однако, в Италии чужеземное господство тяжелее, чем когда-либо, а в Германии старая система вновь оправилась от нескольких ударов, нанесенных ей в марте, и свирепствует с еще большей яростью и жаждой мести.

Заблуждение итальянцев в настоящее время состоит в том, что они ждут спасения от нынешнего французского правительства. Спасти их могло бы только падение этого правительства. Итальянцы заблуждаются, далее, в том отношении, что считают возможным освобождение своей страны, в то время как во Франции, Германии и других странах демократия все более теряет почву под ногами. Реакция, под ударами которой теперь пала Италия, является не итальянским, а европейским фактором. Италия не может одна освободиться из когтей этой реакции, и меньше всего это возможно при помощи французской буржуазии, которая, собственно, и является настоящей опорой реакции во всей Европе.

Сначала должна быть побеждена реакция в самой Франции, только тогда она может быть уничтожена в Италии и Германии. Сначала, следовательно, во Франции должна быть провозглашена демократически-социальная республика, сначала французский пролетариат должен наступить на горло своей буржуазии, — только тогда станет возможной прочная победа демократии в Италии, Германии, Польше, Венгрии и других странах.

Написано Ф. Энгельсом 31 августа 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 91, 1 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СМЕРТНЫЕ ПРИГОВОРЫ В АНТВЕРПЕНЕ

Кёльн, 2 сентября. Образцовое конституционное государство Бельгия представило новое блестящее доказательство превосходства своих учреждений. *Семнадцать смертных приговоров* из-за смехотворной истории Рискон-Ту![228] Семнадцать смертных приговоров, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное высоконравственной бельгийской нации несколькими безрассудными, наивными простаками, попытавшимися приподнять кончик ее конституционной мантии! Семнадцать смертных приговоров — какое зверство!

История Рискон-Ту известна. В Париже собрались бельгийские рабочие, чтобы попытаться совершить республиканский поход на родину. Бельгийские демократы, прибывшие из Брюсселя, поддержали это предприятие. Ледрю-Роллен, сколько мог, способствовал ему. Ламартин, предатель с «благородным сердцем», не скупившийся на красивые слова и гнусные дела в отношении иностранных, так же как и французских демократов, Ламартин, который хвастает, что конспирировал с анархией, как громоотвод с молнией, — Ламартин сначала поддерживал бельгийский легион, чтобы потом вернее предать его. Легион выступил в поход. Делеклюз, правительственный комиссар департамента Нор, *продал* первую колонну бельгийским железнодорожным чиновникам; поезд, который вез ее, был предательски доставлен на бельгийскую территорию, очутился среди бельгийских штыков. Вторую колонну вели *три бельгийских шпиона* (член парижского временного правительства сам рассказал нам об этом, и весь ход дела это подтвердил), и эти стоявшие во главе предатели привели ее в лес

на бельгийской территории, где ее ждали в надежной засаде заряженные пушки. Часть колонны была расстреляна и большая часть взята в плен.

Этот незначительный эпизод революции 1848 года, который вследствие множества предательств и вследствие размеров, приданных ему в Бельгии, приобрел комический характер, послужил бельгийской прокуратуре холстом, на котором она изобразила самый колоссальный заговор, какой когда-либо замышлялся. Освободитель Антверпена, старый генерал Меллине, Тедеско, Баллен—короче говоря, самые решительные, самые деятельные демократы Брюсселя, Льежа и Гента—оказались притянутыми к этому делу. Г-н Баве втянул бы туда даже Жотрана из Брюсселя, если бы г-н Жотран не знал таких вещей и не имел в своем распоряжении таких документов, опубликование которых скомпрометировало бы самым позорным образом все бельгийское правительство, не исключая и премудрого Леопольда.

Для чего же понадобились эти аресты демократов, этот чудовищнейший судебный процесс против людей, которые имели так же мало отношения ко всему этому делу, как и присяжные, перед судом которых они предстали? Для того, чтобы нагнать страх на бельгийскую буржуазию и, используя этот страх, собрать непомерные налоги и провести принудительные займы, которые являются как бы цементом для славного бельгийского государственного здания и с уплатой которых дело обстояло весьма плохо!

Итак, обвиняемые предстали перед антверпенскими присяжными, перед избранной частью тех фламандских пивных душ, которым одинаково чужды как пафос французского политического самопожертвования, так и спокойная уверенность величавого английского материализма, предстали перед торговцами треской, которые всю свою жизнь прозябают в самом мелочном мещанском утилитаризме, в самой мелкотравчатой, ужасающей погоне за барышом. Великий Баве знал, с кем имеет дело, и апеллировал к страху этих людей.

В самом деле, разве в Антверпене видели когда-нибудь республиканца? А теперь тридцать два таких чудовища стояли перед испуганными антверпенцами; и дрожащие присяжные вкупе с премудрыми судьями предали семнадцать обвиняемых милосердию 86-й и последующих статей Code pénal*, т. е. смерти!

И во времена террора 1793 года бывали расправы под видом судебных процессов, выносились приговоры, в основе которых

* — Уголовного кодекса. *Ред.*

лежали не те факты, которые приводились официально. Но процесса, полного такой грубой, бесстыдной лжи, такой ослепленной пристрастием ненависти, никогда не проводил даже фанатик Фукье-Тенвиль. А разве Бельгия охвачена гражданской войной? Разве половина Европы стоит у ее границ, находясь в заговоре с мятежниками, как это было во Франции в 1793 году? Разве отечество в опасности? Разве в короне появилась трещина? — Напротив, никто не собирается порабощать Бельгию, и премудрый Леопольд до сих пор ежедневно ездит без эскорта из Лакена в Брюссель и из Брюсселя в Лакен.

Что такого сделал Меллине, старик 81 года, чтобы присяжные заседатели и судьи могли приговорить его к смерти? Старый солдат французской республики спас в 1831 г. последние остатки бельгийской чести. Он освободил Антверпен, и за это Антверпен приговаривает его к смерти! Вся его вина состояла в том, что он защищал от нападок официальной бельгийской печати своего старого друга Беккера и не переставал относиться к нему дружески, когда тот занимался конспиративной деятельностью в Париже. К заговору Меллине не имел ни малейшего отношения. И за это его без дальних околичностей приговаривают к смерти.

А Баллен! Он был другом Меллине, он его часто навещал, его видели в кафе вместе с Тедеско — достаточное основание, чтобы приговорить его к смерти.

И, наконец, Тедеско! Разве он не был членом немецкого Рабочего союза, разве он не был связан с людьми, которым бельгийская полиция подбросила бутафорские кинжалы? Разве его не видели в кафе вместе с Балленом? Дело доказано — Тедеско спровоцировал битву народов при Рискон-Ту, на эшафот его!

И то же самое с другими.

Мы гордимся правом называть себя друзьями многих из этих «заговорщиков», которые были приговорены к смерти только потому, что они являются демократами. И если продажная бельгийская печать обливает их грязью, то мы, по крайней мере, заступимся за их честь пред лицом немецкой демократии. Если их родина отрекается от них, то мы признаем их своими!

Когда председатель огласил вынесенный им смертный приговор, они воскликнули с энтузиазмом: «Да здравствует республика!» В продолжение всего процесса, а также и во время оглашения приговора они держали себя с истинно революционной непоколебимостью.

А теперь послушаем, что говорит жалкая бельгийская печать:

«Приговор», — пишет «Journal d'Anvers», — «произвел в городе не больше сенсации, чем весь процесс, который не вызвал почти никакого интереса. Только среди трудящихся классов» (читай: среди люмпен-пролетариата) «можно заметить враждебные чувства по отношению к паладинам республики; остальное население совсем не обращало внимания на процесс; для него эта попытка вызвать революцию, кажется, не перестает быть смехотворной даже после вынесения смертного приговора; к тому же никто не верит, что этот приговор будет приведен в исполнение».

Конечно, если бы антверпенцам было уготовлено интересное зрелище гильотинирования семнадцати республиканцев во главе со спасителем Антверпена, старым Меллине, тогда бы уж они заинтересовались процессом!

Словно не в том именно и состоит зверство бельгийского правительства, бельгийских присяжных и бельгийского суда, что они играют со смертными приговорами!

«Правительство», — пишет «Libéral Liégeois», — «хотело показать свою *силу,* но оно сумело проявить только *зверство».*

Впрочем, таков уж был всегда удел фламандской нации.

Написано Ф. Энгельсом 2 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 93, 3 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МАРКС И ПРУССКОЕ ПОДДАНСТВО [229]

Кёльн, 4 сентября. У главного редактора «Neue Rheinische Zeitung» Карла Маркса, как мы уже ранее упоминали*, воз-лик конфликт из-за прусского подданства. Это обстоятельство является новым показателем того, к каким мерам прибегают, чтобы обманным путем свести на нет данные в марте обещания. Каковы обстоятельства дела, видно из следующего документа, который Маркс направил министру внутренних дел г-ну Кюльветтеру:

Господин министр!

Позволяю себе обратиться к вам с апелляцией на касающееся меня лично постановление здешнего королевского окружного управления.

В 1843 г. я покинул свою родину — Рейнскую Пруссию, чтобы на время поселиться в Париже. — В 1844 г. я узнал, что в связи с моими сочинениями королевский обер-президент в Кобленце дал предписание соответствующим пограничным полицейским властям о моем аресте. Это известие было также опубликовано в берлинских подцензурных газетах.—С того времени я считал себя политическим эмигрантом. Позднее, в январе 1845 г., я был выслан из Франции по прямому настоянию тогдашнего прусского правительства и поселился в Бельгии. — Но так как и в бельгийское министерство поступило требование со стороны прусского правительства о моей высылке, я, в конце концов, счел себя вынужденным потребовать

---

* См. настоящий том, стр. 389. *Ред.*

признания моего выхода из прусского подданства.— Я должен был прибегнуть к этой крайней мере, чтобы избавиться от подобных преследований. — Лучшим доказательством того, что я потребовал свидетельство о разрешении эмигрировать лишь из соображений самозащиты, служит то обстоятельство, что я не принял гражданства никакого другого государства, хотя мне это предлагалось во Франции после февральской революции членами временного правительства.

После мартовской революции я возвратился на родину и в апреле месяце в Кёльне вошел с ходатайством о предоставлении мне прав гражданства, каковые и были мне предоставлены местным магистратом без всяких возражений. — Согласно закону от 31 декабря 1842 г., дело направлено было на утверждение королевского окружного управления. Теперь я получил от исполняющего обязанности здешнего полицейдиректора г-на Гейгера бумагу следующего содержания:

> «Уведомляю Ваше высокородие, что королевское окружное управление, принимая во внимание то положение, в котором Вы находились до настоящего времени, не нашло возможным применить в отношении Вас принадлежащее ему, согласно § 5 закона от 31 декабря 1842 г., право принимать иностранцев в прусское подданство. Поэтому Вы и впредь, как до сих пор, должны считаться иностранцем (§§ 15 и 16 упомянутого закона).
>
> Кёльн, 3 августа 1848 г.
>
> Исполняющий обязанности полицейдиректора
>
> (подпись) Гейгер
>
> № 2678 Его высокородию г-ну д-ру Марксу, здесь»

Я считаю это постановление королевского окружного управления незаконным по следующим причинам:

Согласно постановлению Союзного сейма от 30 марта с. г., правом избирать и быть избранным в Национальное собрание пользуются также политические эмигранты, если они вернулись в Германию и заявили о желании снова принять германское гражданство.

Постановление Предпарламента, хотя и не имеющее прямой силы закона, но знаменательное, однако, в смысле намерений и обещаний, данных немецкому народу сразу же после революции, предоставляет активное и пассивное избирательное право даже тем политическим эмигрантам, которые стали *иностранными гражданами,* но снова желают вступить в германское гражданство.

Во всяком случае постановление Союзного сейма и основанный на нем порядок выборов, установленный министерством Кампгаузена, имеет в Пруссии силу закона.

POLICE GÉNÉRALE
~~DU ROYAUME~~

Passe-Port
gratuit
valable pour un an.

DÉPARTEMENT
de la Seine

~~SOUS~~-PRÉFECTURE
de Police

COMMUNE
de Paris

Registre des Etrangers
N° 272

SIGNALEMENT.

Agé de 29 ans
taille d'un mètre 80 centimètres
cheveux noirs
front haut
sourcils noirs
yeux noirs
nez moyen
bouche moyenne
barbe noire
menton rond
visage ovale
teint brun

SIGNES PARTICULIERS.

Signature du Porteur:
Charles Marx

301B

(P. G.)

République française
Liberté Egalité Fraternité

Passe-port Gratuit,
valable pour un an.
Pour aller à l'Etranger

15897a

Nous Préfet de Police

Invitons les Autorités civiles et militaires à laisser passer et librement circuler de Paris département de la Seine à Berlin département de [illegible]
Le Sr Marx Charles,
profession de Docteur en Philosophie
natif de Trèves département de Prusse
demeurant à Paris Rue [illegible]
et à lui donner aide et protection, en cas de besoin.

Délivré sur [illegible]

Fait à Paris, le 30 Mars 1848.

Gratis

PRÉFECTURE DE POLICE

Паспорт К. Маркса 1848-1849 годов
(*первая страница*)

Paris le 30 Mars 1848

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

25 August 1848

Gratis.

Bei der K. K. Gesandtschaft

Reise nach Wien.

25. August 1848.

No 5338

August 1848

No 8780

AM 1 SEP 1848

VON COELN

No 820. Bon pour Vienne

Berlin le 23 Août 1848

LÉGATION DE PRUSSE BERLIN

STADT- ... HAUPTMANNSCHAFT IN WIEN

Nach Berlin

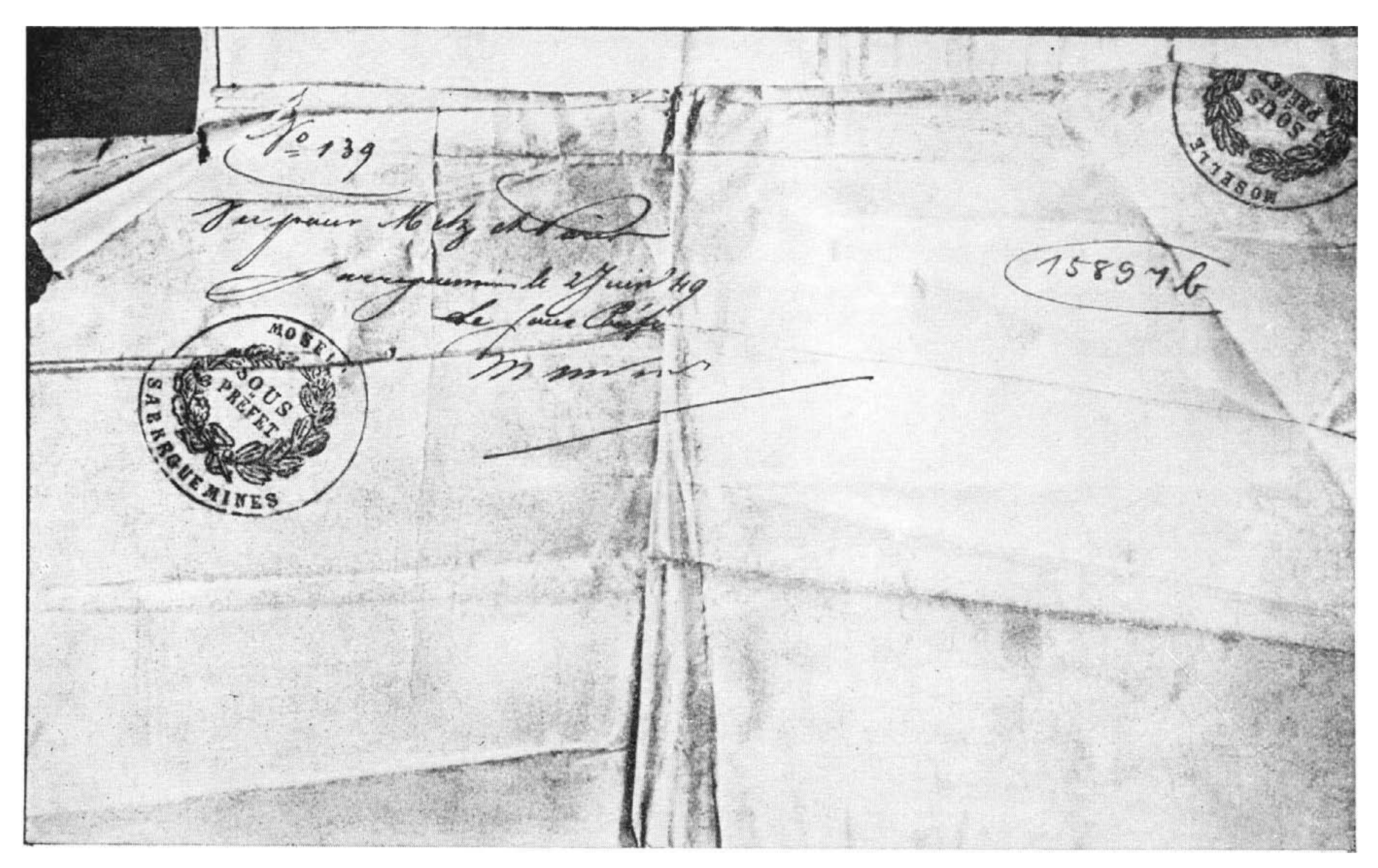
vom 6. September 848

POLIZEY AMT

Marx

1849

Паспорт К. Маркса 1848-1849 годов
(*вторая страница*)

No 139

Vu pour Metz et Paris

Sarreguemines le 2 Juin 49

Le Sous Préfet

MOSELLE SOUS PRÉFET SARREGUEMINES

15897 b

MOSELLE SOUS PRÉFET

Паспорт К. Маркса 1848-1849 годов
(*третья страница*)

Так как в моем заявлении о предоставлении мне права жительства в Кёльне мое намерение снова вступить в германское гражданство выражено достаточно ясно, то я тем самым получил право выбирать и быть избранным в германское Национальное собрание, т. е., по меньшей мере, обладаю правом германского гражданства.

Если же я обладаю высшим правом, каким только может обладать немец, то уж во всяком случае мне не может быть отказано в более ограниченном праве *прусского* гражданства.

Королевское окружное управление в Кёльне ссылается на закон от 31 декабря 1842 года. Но и этот закон в связи с вышеупомянутым постановлением Союзного сейма говорит в мою пользу.

Согласно § 15, пп. 1 и 3, право прусского подданства утрачивается в результате выхода из него по заявлению самого подданного или после его десятилетнего пребывания за границей. — Многие политические эмигранты, вернувшиеся после революции на родину, пробыли за границей более десяти лет и, следовательно, согласно § 15 упомянутого закона, перестали быть прусскими гражданами точно так же, как и я. — Некоторые из них, например г-н Я. Венедей, заседают даже в германском Национальном собрании. — Прусские «полицейские власти» (§ 5 закона) могли бы, следовательно, также, если это им вздумается, лишить этих германских законодателей прав прусского гражданства!

Наконец, я считаю совершенно недопустимым, что здешнее королевское окружное управление или исполняющий обязанности полицейдиректора г-н Гейгер употребляют в присланном мне извещении слово «подданный», в то время как и предшествующее и нынешнее министерство изгнали это определение из всех официальных документов, заменив его всюду названием «граждане государства». — Столь же недопустимо, даже оставляя в стороне мое право на прусское гражданство, называть меня, германского гражданина, «иностранцем».

Далее, если королевское окружное управление отказывается утвердить предоставление мне прусского гражданства, «принимая во внимание положение, в котором я находился до настоящего времени», то это не может относиться к моему материальному положению, так как, даже согласно точному смыслу закона от 31 декабря 1842 г., выносить постановления по этому вопросу может только кёльнский магистрат, а он решил его в мою пользу. — Это может относиться только к моей деятельности в качестве главного редактора «Neue Rheinische Zeitung», и тогда это означает: принимая во внимание мои демокра-

тические убеждения и мое оппозиционное отношение к существующему правительству. — Но если бы здешнему окружному управлению или министерству внутренних дел в Берлине даже и принадлежало право, — что я отрицаю, — отказать мне в праве прусского гражданства в этом специальном случае, относящемся к постановлению Союзного сейма от 30 марта, то подобные тенденциозные мотивы могли быть пущены в ход только в старом полицейском государстве, но ни в коем случае не в Пруссии, где совершилась революция и где существует ответственное правительство.

Наконец, я должен еще заметить, что г-н полицейдиректор Мюллер, которому я заявил, что не могу перевезти мою семью из Трира в Кёльн при создавшемся неопределенном положении, заверил меня, что восстановление в правах гражданства не встретит никаких возражений.

На основании всего этого я требую, чтобы Вы, г-н министр, отдали распоряжение здешнему королевскому окружному управлению об утверждении предоставленного мне здешним магистратом права жительства и тем самым о восстановлении меня в правах прусского гражданства.

Примите, г-н министр, уверения в моем совершенном почтении.

Кёльн, 22 августа 1848 г.

Карл Маркс

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 94, 5 сентября 18 48 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПЕРЕМИРИЕ С ДАНИЕЙ

Кёльн, 7 сентября.

«Что станет с Германией, если Пруссия не будет больше стоять во главе ее, если прусские войска не будут больше охранять честь Германии, если мощь и влияние Пруссии как великой державы уступят место фантастическому господству иллюзорной германской центральной власти!»

Так хвастливо заявляет прусская партия, партия героев «с богом за короля и отечество», контрреволюционное дворянство Восточной Померании и Укермарка.

И вот Пруссия *стояла* во главе Германии, Пруссия охраняла ее честь — в Шлезвиг-Гольштейне.

А каков же результат? После ряда легких, бесславных побед над слабым врагом, после войны, ведение которой тормозилось самой трусливой дипломатией, после постыдных отступлений перед *разбитой* армией, наконец — перемирие, столь оскорбительное для Германии, что даже *прусский* генерал нашел основание не подписывать его.

Снова начались военные действия и переговоры. Имперский регент дал прусскому правительству полномочия заключить договор о перемирии; эти полномочия *не были контрассигнованы ни одним из имперских министров* и потому не имели *никакой законной силы.* Согласно этим полномочиям признавался первый договор о перемирии, но со следующими изменениями: 1) состав нового правительства Шлезвиг-Гольштейна должен быть еще до заключения перемирия «согласован таким образом, чтобы можно было считать обеспеченным существование и успешную деятельность нового правительства»; 2) все законы и распоряжения временного правительства, изданные до заключения

перемирия, сохраняют полную законную силу; 3) все остающиеся в Шлезвиг-Гольштейне войска подчиняются приказам германского главнокомандующего.

Если сравнить эту инструкцию с условиями первого прусско-датского проекта, то цель ее станет совершенно ясной. Условия эти обеспечивают далеко не все то, что могла потребовать победоносная Германия; но, уступая во многом по форме, они спасают многое по существу.

Первое условие должно было гарантировать, что в новом правительстве шлезвиг-гольштейнское (немецкое) направление сохранит перевес над датским. Как же поступает Пруссия? Она соглашается на то, чтобы *глава датской партии* в Шлезвиг-Гольштейне, Карл *Мольтке,* стал главой нового правительства и чтобы Дания имела в правительстве *три* голоса против *двух* шлезвиг-гольштейнских.

Второе условие должно было означать признание, если не самого временного правительства, признанного Союзным сеймом, то его прежней деятельности. Его постановления должны были сохранять силу. Как же поступает Пруссия? Под тем предлогом, что Дания тоже отказывается от иллюзорных постановлений, издававшихся для герцогств в Копенгагене и никогда не имевших ни малейшей силы закона за пределами острова Альсена*, — под этим предлогом контрреволюционная Пруссия соглашается уничтожить все постановления временного правительства.

Наконец, третье условие должно было означать предварительное признание единства герцогств и их включения в состав Германии; подчинение всех остающихся в Шлезвиге и Гольштейне войск германскому главнокомандующему должно было свести на нет попытку датчан контрабандным путем опять отправить в Шлезвиг шлезвигских уроженцев, служивших в датской армии. А Пруссия? Пруссия соглашается на то, чтобы шлезвигские войска были отделены от гольштейнскнх, изъяты из-под власти германского главнокомандующего и просто переданы в распоряжение нового правительства, на три пятых датского по своему составу.

Кроме того, Пруссия была уполномочена заключить только трехмесячное перемирие (статья 1 первоначального проекта), а заключила его собственной властью на семь месяцев; это значит, что она обеспечила датчанам перемирие в продолжение зимних месяцев, когда флот, эта главная сила датчан, неспособен к блокаде германского и шлезвигского побережья и

* Датское название: Альс. *Ред.*

когда мороз позволил бы немцам перейти по льду Малый Бельт, завоевать Фюнен* и ограничить территорию Дании одной Зеландией.

Словом, во всех трех пунктах Пруссия растоптала данные ей полномочия. Почему бы и нет? Ведь они *не были контрассигнованы!* И разве г-н Кампгаузен, посол Пруссии при центральной власти, в своем письме от 2 сентября его «превосходительству» (!!) г-ну Хекшеру не говорил прямо, что прусское правительство «на основе этих полномочий считает себя вправе *заключить договор без всяких оговорок»?*

Но этого еще мало. Имперский регент посылает помощника статс-секретаря, «своего» Макса Гагерна в Берлин, а оттуда в Шлезвиг для наблюдения за переговорами. Он дает ему полномочия, опять-таки *не контрассигнованные.* Г-н Гагерн — мы не знаем, какой прием встретил он в Берлине — приезжает в герцогства. Уполномоченные Пруссии для ведения переговоров находятся в Мальмё. Ему об этом ничего не сообщают. — В Любеке происходит обмен ратификационными грамотами. Тогда г-ну Гагерну сообщают, что этот обмен уже произошел и что он теперь спокойно может отправляться домой. Разумеется, неудачливому Гагерну с его не контрассигнованными полномочиями не остается ничего другого, как возвратиться во Франкфурт и жаловаться на то, какую жалкую роль ему пришлось сыграть.

Так родилось славное перемирие, которое связывает немцам руки в самое благоприятное для ведения войны время года, уничтожает революционное правительство и демократическое Учредительное собрание Шлезвиг-Гольштейна, отменяет все декреты этого правительства, признанного Союзным сеймом, передает герцогства датскому по своему составу правительству, во главе которого находится ненавистный Мольтке, вырывает шлезвигских солдат из их полков, изымает их из-под власти германского главнокомандующего и передает датскому правительству [герцогств], которое по своему усмотрению может их распустить,—перемирие, принуждающее немецкие войска отступить от Кёнигсау** к Ганноверу и Мекленбургу и передающее Лауенбург в руки старого реакционного датского правительства***.

Не только Шлезвиг-Гольштейн, но и вся Германия, за исключением старопрусских провинций, возмущена этим позорным

* — Фюн. *Ред.*

** — Конге-О. *Ред.*

*** Этот фокус был проделан следующим образом; старое правительство было распущено; вслед за тем один из членов этого старого правительства был снова избран в новое правительство Данией, другой—Пруссией, а третий—совместно Данией и Пруссией.

перемирием. А имперское министерство, которому г-н Кампгаузен сообщил о перемирии, сперва испугалось, но в конце концов все же взяло на себя ответственность за него. Да и что было ему делать? Повидимому, г-н Кампгаузен прибегнул к угрозам, а для трусливого, контрреволюционного имперского министерства официальная Пруссия все еще представляет силу. Но затем дело дошло до Национального собрания. Необходимо было его согласие, и, как ни примерно поведение этого Собрания, его «превосходительство» г-н Хекшер все-таки чувствовал себя неловко, выступая с этим документом. Он огласил его, сопровождая тысячами реверансов и самыми смиренными просьбами сохранять спокойствие и умеренность. Последовала всеобщая буря. Даже правый центр, даже часть правых и сам г-н *Дальман* были охвачены сильнейшим гневом. Комиссиям было дано поручение представить доклад в течение 24 часов. На основании этого доклада решено было немедленно приостановить отступление войск. Решение о самом перемирии еще не принято.

Наконец-то Национальное собрание приняло энергичное решение, хотя министерство заявило, что оно подаст в отставку, если подобное решение будет принято. Это решение означает не отказ от перемирия, а его *нарушение.* В герцогствах оно вызовет не только возбуждение, но и открытое сопротивление как проведению перемирия, так и новому правительству; оно приведет к новым осложнениям.

Мы, однако, питаем мало надежды на то, что Собрание отвергнет само перемирие. Г-ну Радовицу достаточно перетянуть на свою сторону только девять голосов из центра, чтобы получить большинство. И разве ему не удастся это в течение тех нескольких дней, которые остаются до решения?

Если Собрание решит сохранить перемирие в силе, то результатом этого будет провозглашение республики и гражданская война в Шлезвиг-Гольштейне, полное подчинение Пруссии центральной власти, всеобщее презрение всей Европы к центральной власти и к Собранию и вместе с тем множество осложнений, достаточных для того, чтобы любое будущее имперское министерство погибло под тяжестью неразрешимых трудностей.

Если оно постановит отменить перемирие, то результатом этого будет европейская война, разрыв между Пруссией и Германией, новые революции, распад Пруссии и *действительное единство Германии.* Пусть Собрание не дает себя запугать: не менее двух третей Пруссии стоит на стороне Германии.

Но разве представители буржуазии во Франкфурте не согласятся скорее проглотить любое оскорбление, разве они не пред-

почтут отдаться в рабство Пруссии, чем решиться на европейскую революционную войну и подвергнуть себя новым бурям, которые будут угрожать их собственному классовому господству в Германии?

Мы думаем, что дело будет именно так. Слишком сильна трусость буржуазной натуры. Мы *не верим,* что Франкфуртское собрание спасет в Шлезвиг-Гольштейне уже поруганную в Польше честь Германии.

Написано Ф. Энгельсом 7 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 97, 8 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПАДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ДЕЛА

Кёльн, 8 сентября, 10 часов вечера. Министерство дела свергнуто. До этого оно много раз «спотыкалось» и удерживалось только благодаря своей наглости. Наконец, все возраставшие притязания министерства показали Собранию, в чем именно состояла тайна существования министерства.

На вчерашнем заседании согласительного собрания обсуждалось **предложение Штейна**[230]. Предложение гласило:

«Неотложной обязанностью министерства должно быть немедленное издание приказа в соответствии с постановлением от 9 августа в целях успокоения страны, а также во избежание разрыва с Собранием».

Министерство заявило, что оно не пойдет ни на какие уступки, ни на какой компромисс.

Левая заявила, что она уйдет, если Собрание откажется от своего постановления от 9 августа.

Затем на вчерашнем заседании, после ничего не говорящей речи министра-президента, депутат *Унру* внес следующую поправку:

«Принимая во внимание, что постановление от 9 августа имеет целью не расследование образа мыслей и не давление на совесть, а лишь установление необходимого в конституционном государстве согласия между народом и армией и предупреждение реакционных происков, а также дальнейших конфликтов между гражданами, принадлежащими к армии, и штатскими», —

Собрание заявляет,

«что министерство лишится доверия страны, если будет дольше медлить с изданием приказа по армии в соответствии с постановлением от 9 августа».

Этой поправке **левого центра** была противопоставлена поправка **правого центра,** внесенная депутатом Тамнау. Она гласит:

> «Национальное собрание считает нужным разъяснить следующее: в своем постановлении от 9 августа с. г. Национальное собрание имело в виду издание такого же приказа командному составу армии, с каким министерство финансов и министерство внутренних дел обратились 15 июля к регирунгспрезидентам. Собрание не имеет в виду принуждать офицеров армии излагать свои политические убеждения и не собирается предписывать военному министру самый текст приказа. **Оно считает необходимым в интересах гражданского мира и развития нового конституционного государственного строя издание приказа, предостерегающего офицеров армии как от реакционных, так и от республиканских устремлений».**

После длившихся некоторое время прений «благородный» *Шреккенштейн* заявляет от имени министерства о **согласии** с поправкой **Тамнау.** И это после гордого, заверения, что министерство не пойдет ни на какой компромисс!

После того как прения продолжались еще некоторое время и г-н *Мильде* даже предостерег Собрание, чтобы оно не превратилось в **революционный Конвент** (опасения г-на Мильде совершенно излишни!), происходит голосование при невероятном скоплении народа у зала заседания. Поименное голосование:

Поправка Унру отклоняется 320 голосами против 38. Поправка Тамнау отклоняется 210 голосами против 156. Предложение Штейна принимается 219 голосами против 152. Против министерства — большинство

в 67 голосов.

Один из наших берлинских корреспондентов сообщает:

Сегодня в городе царило большое волнение; тысячи людей окружили здание, где заседает Собрание, так что г-н Рейхеншпергер после оглашения председателем вполне лойяльного адреса гражданского ополчения предложил перенести заседания Собрания в другой город, ибо Берлин находится-де под угрозой.

Как только до собравшегося народа дошла весть о поражении министерства, началось неописуемое ликование, и, когда появились депутаты левой, их проводили непрерывными криками «ура!» до Унтер-ден-Линден. Когда же показался депутат Штейн (внесший предложение, принятое сегодняшним голосованием), энтузиазм достиг своей высшей точки. Несколько человек из народа сейчас же посадили его себе на плечи и с триумфом донесли до дверей его гостиницы на Таубенштрассе. Тысячи людей присоединились к этому шествию, и с непрерывными криками «ура» массы проходили по площади Оперы. Никогда

еще не видели здесь такого проявления радости. Чем больше было опасений за успех, тем поразительнее блестящая победа.

Против министерства голосовали: левые, левый центр (партия Родбертуса—Берга) и центр (Унру, Дункер, Кош). Председатель по всем трем пунктам голосовал за министерство. Министерство Вальдека—Родбертуса может после этого рассчитывать на абсолютное большинство.

Следовательно, через несколько дней мы будем иметь удовольствие наблюдать, как инициатор принудительного займа, министр дела, ***«его превосходительство»*** г-н Ганземан будет прогуливаться здесь, как он вернется к своему «гражданскому* прошлому» и будет размышлять о Дюшателе и Пинто.

Падение Кампгаузена произошло в благопристойной форме. Г-н Ганземан, который своими интригами привел его к падению, г-н Ганземан кончил весьма плачевно! Бедный Ганземан-Пинто!

Написано Ф. Энгельсом 8 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 99, 10 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* в оригинале «burgerlich», что может означать «гражданский», «буржуазный», «скромный». *Ред.*

ДАТСКО-ПРУССКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Кёльн, 9 сентября. Мы снова возвращаемся к перемирию с Данией — из-за обстоятельности Национального собрания, которое, вместо того чтобы быстро и энергично принять решение и *добиться* назначения новых министров, позволяет комиссиям совещаться не торопясь и предоставляет разрешение министерского кризиса на волю божью. Эта обстоятельность, которая плохо прикрывает тот факт, что «мужества нет у наших добрых знакомых»[231], предоставляет нам время для этого.

Война в Италии была всегда непопулярна у демократической партии и даже у венских демократов давно уже утратила всякую популярность. При помощи фальсификации и лжи прусское правительство смогло отсрочить лишь на несколько недель бурю общественного недовольства по поводу истребительной войны в Познани. Уличные бои в Праге, вопреки всем стараниям националистической печати, возбудили в народе симпатии только к побежденным, а не к победителям. Напротив, война в Шлезвиг-Гольштейне была с самого начала популярна и среди *народа.* Чем же это объясняется?

В то время как в Италии, в Познани, в Праге немцы *боролись против революции,* в Шлезвиг-Гольштейне они *поддерживали революцию.* Война с Данией — это первая *революционная война,* которую ведет Германия. И потому мы, отнюдь не обнаруживая этим ни малейшего родства с энтузиазмом буржуазии, воспевающей за кружкой пива омываемый морями Шлезвиг-Гольштейн, с самого начала высказались *за* энергичное ведение войны с Данией.

Довольно-таки печально для Германии, что ее первая революционная война — это самая комическая из войн, которые когда-либо велись!

А теперь о существе дела. Датчане — это народ, находящийся в самой неограниченной торговой, промышленной, политической и литературной зависимости от Германии. Известно, что фактической столицей Дании является не Копенгаген, а Гамбург; что датское правительство целый год проделывало все эксперименты с Соединенным ландтагом по примеру прусского правительства, окончившего свой жизненный путь в результате баррикадных боев; что Дания получает всю свою литературную пищу, точно так же как и материальную, из Германии, и что датская литература—за исключением Хольберга — представляет собой бледную копию немецкой литературы.

Как ни бессильна была издавна Германия, но она может испытывать удовлетворение, что скандинавские нации, и в частности Дания, оказались в зависимости от нее, что по сравнению с *ними* она является даже еще революционной и прогрессивной страной.

Вы хотите доказательств? Ознакомьтесь с полемикой, разгоревшейся между скандинавскими нациями со времени появления идеи скандинавизма. Скандинавизм заключается в восхвалении жестокого, грубого, пиратского древненорманского национального характера, той крайней замкнутости, при которой избыток мыслей и чувств выражается не в словах, а только в делах, именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и в неистовой воинственности [Berserkerwut*], перемежающейся со слезливой сентиментальностью.

Скандинавизм и теория племенного родства с омываемым морями Шлезвиг-Гольштейном появились одновременно в землях датского короля. Они взаимно связаны: они вызвали друг друга к жизни, боролись друг с другом и таким путем отстояли свое существование.

Скандинавизм был той формой, в которой датчане апеллировали к поддержке шведов и норвежцев. Но случилось то, что бывает всегда у христианско-германской нации: немедленно возник спор о том, кто является истинным христиано-германцем, кто является подлинным скандинавом. Швед объявил датчанина «онемеченным» и выродившимся, норвежец объявил таковыми шведа и датчанина, а исландец — всех троих. Конечно,

* — Berserker — образ неистового воина в скандинавских сагах. *Ред.*

чем менее культурна нация и чем ближе ее нравы и образ жизни к древненорманским, тем более «скандинавским» характером она отличается.

Перед нами лежит газета «Morgenbladet»[232] из Христиании[*] от 18 ноября 1846 года. В статье этой милой газетки мы находим следующие веселые места о скандинавизме.

Изобразив весь скандинавизм просто как попытку датчан вызвать движение в своих собственных интересах, она говорит о датчанах:

«Что общего у этого веселого, жизнерадостного народа с древним, суровым и хмурым миром воинов (med den gamle, alvorlige og vemodsfulde Kjampeverden)? Как может эта нация со своим — как признает даже один датский писатель — слабым и мягким характером думать о духовном родстве своем с крепкими, полными сил и энергии людьми древней эпохи? И как могут эти люди с мягким выговором южан воображать, что они говорят на северном языке? И хотя главная черта нашей и шведской нации, как и древних обитателей севера, состоит в том, что чувства уходят глубоко *внутрь* души, не проявляясь *ео-вне,* тем не менее эти чувствительные и сердечные люди, которых так легко привести в изумление, затронуть их чувства, подчинить своему влиянию, которые сразу же всем своим внешним видом выдают свои душевные переживания, — эти люди воображают, что они скроены по единому северному образцу, что они родственны по натуре двум другим скандинавским нациям!»

«Morgenbladet» объясняет это вырождение датчан их связью с Германией и распространением в Дании немецких нравов. Правда, немцы

«потеряли свое самое священное достояние, свой национальный характер; но как ни слаба и бесцветна немецкая национальность, в миро существует другая национальность, еще более слабая и бесцветная, а именно датская. В то время как в Эльзасе, Ваадте и на славянской границе немецкий язык вытесняется» (!! тогда заслуги «нетцких братьев» еще не получили огласки), — «на датской границе он сделал огромные успехи».

Поэтому, мол, датчане должны были противопоставить немцам свою национальность, и для этой цели они изобрели скандинавизм; датская национальность была неспособна к сопротивлению,

«ибо, как сказано, датская нация, хотя и не переняла немецкого языка, но была *в значительной степени онемечена.* Автор сам читал в одной датской газете признание того, что *датская* национальность *не отличается существенным образом от немецкой).*

Так пишет «Morgenbladet».

[*] — Осло. *Ред.*

Конечно, нельзя отрицать, что датчане являются полу цивилизованной нацией. Несчастные датчане!

По тому же праву, по которому французы забрали Фландрию, Лотарингию и Эльзас и раньше или позже завладеют Бельгией, — по тому же праву Германия забирает Шлезвиг: это право цивилизации по отношению к варварству, прогресса по отношению к застою. И если даже, — что еще очень сомнительно, — договоры были бы в пользу Дании, то это право значит больше, чем все договоры, ибо это право исторического развития.

Пока шлезвиг-гольштейнское движение сохраняло характер чисто буржуазной, мирной, легальной, филистерской агитации, оно только возбуждало энтузиазм благонамеренных мелких буржуа. Поэтому, когда перед февральской революцией теперешний датский король при своем восшествии на престол обещал ввести во всем своем государстве либеральную конституцию с равным числом депутатов для герцогств и для Дании, а герцогства возражали против этого, то в этом неприятным образом проявился мелкобуржуазный локальный характер шлезвиг-гольштейнского движения. Речь шла тогда не столько о присоединении к Германии — разве была тогда Германия?— сколько об отделении от Дании и образовании маленького самостоятельного государства локального характера.

Но тут нагрянула революция и придала движению другой характер. Шлезвиг-гольштейнская партия должна была либо погибнуть, либо сама решиться на революцию. Она решилась на революцию и правильно сделала: датские обещания, очень благоприятные до революции, стали недостаточными после революции; присоединение к Германии, представлявшее прежде пустую фразу, теперь могло приобрести значение; Германия переживала революцию, и Дания, как всегда, повторяла ее на провинциальный манер.

Шлезвиг-голыптейнская революция и возникшее в результате этой революции временное правительство вначале имели сами весьма мещанский характер. Но война скоро заставила их вступить на демократический путь. Это правительство, в котором сидят одни лишь достопочтенные старолиберальные деятели, прежние единомышленники Велькера, Гагерна и Кампгаузена, дало Шлезвиг-Гольштейну более демократические законы, чем в каком-либо другом германском государстве. Кильское собрание — единственное из всех немецких собраний, основанное не только на всеобщем избирательном праве, но и на прямых выборах. Предложенный ему правительством проект конституции — самый демократический из всех, составленных

когда-либо на немецком языке. Шлезвиг-Гольштейн, до сих пор в политическом отношении тащившийся в хвосте у Германии, благодаря революционной войне сразу получил более прогрессивные учреждения, чем вся остальная Германия.

Война, которую мы ведем в Шлезвиг-Гольштейне, является, следовательно, подлинно революционной войной.

А кто стоял с самого начала на стороне Дании? Три самые контрреволюционные державы Европы: *Россия, Англия* и *прусское правительство.* Пока возможно было, прусское правительство вело лишь *мнимую войну:* достаточно вспомнить ноту Вильденбруха[233], готовность, с которой прусское правительство, по представлению Англии и России, отдало приказ об отступлении из Ютландии, и, наконец, двукратное перемирие! Пруссия, Англия и Россия — вот три державы, которым больше всего приходится опасаться германской революции и се ближайшего результата — единства Германии: Пруссии — ибо благодаря этому она перестанет существовать, Англии — ибо она тем самым лишится возможности эксплуатировать германский рынок, России — ибо благодаря этому демократия продвинется не только до Вислы, но даже до Двины и Днепра. Пруссия, Англия и Россия составили заговор против Шлезвиг-Гольштейна, против Германии и против революции.

Война, которая, быть может, будет вызвана теперь решениями во Франкфурте, была бы войной Германии против Пруссии, Англии и России. И именно такая война нужна засыпающему германскому движению — война против трех контрреволюционных великих держав, война, которая *действительно* растворит Пруссию в Германии, сделает безусловно необходимым союз с Польшей, немедленно приведет к освобождению Италии, — война, которая будет направлена как раз против старых контрреволюционных союзников Германии в 1792— 1815 гг., война, которая ввергнет «отечество в опасность» и именно тем спасет его, так как она поставит победу *Германии* в зависимость от победы демократии.

Пусть буржуа и юнкеры во Франкфурте не питают на этот счет никаких иллюзий: если они решат отвергнуть перемирие, они предрешат свое собственное падение совершенно так же, как во времена первой революции жирондисты, участвовавшие в событиях 10 августа и голосовавшие за казнь бывшего короля, тем самым подготовили свое собственное падение 31 мая. Если, напротив, они примут предложенное перемирие, то они также предрешат свое собственное падение: они отдадут себя под власть Пруссии, и на этом их роль будет сыграна. Пусть они сделают выбор.

Вероятно, известие о падении Ганземана прибыло во Франкфурт еще до голосования. Возможно, что оно существенно повлияет на исход голосования, особенно потому, что ожидаемое министерство Вальдека и Родбертуса, как известно, признает суверенитет Национального собрания.

Поживем — увидим! Но повторяем: честь Германии находится в плохих руках!

Написано Ф. Энгельсом 9 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 99, 10 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

КРИЗИС И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ [234]

I

Кёльн, 11 сентября. Прочтите наши берлинские корреспонденции, помещаемые ниже, и скажите, не предсказали ли мы совершенно точно развитие министерского кризиса. Старые министры уходят в отставку; план министерства, состоящий в том, чтобы продержаться путем роспуска согласительного собрания, при помощи законов о военном положении и пушек, видимо, не встретил одобрения у камарильи. Укермаркское юнкерство жаждет конфликта с народом, повторения парижских июньских сцен на улицах Берлина. Но оно никогда не будет бороться за министерство Ганземана — оно будет бороться за **министерство принца Прусского.** Будут призваны к власти *Радовиц, Финке* и тому подобные надежные люди, чуждые Берлинскому собранию, которых ничто не связывает по отношению к нему. Сливки прусского и вестфальского дворянства, объединенные для виду с некоторыми достопочтенными буржуа из числа крайних правых, с каким-нибудь Беккератом и компанией, которым поручат прозаические торговые дела государства, — таково министерство принца Прусского, которым нас собираются осчастливить. А между тем распространяют сотни слухов, говорят о том, что, может быть, призовут Вальдека или Родбертуса, вводят в заблуждение общественное мнение и одновременно ведут военные приготовления, чтобы выступить открыто, когда настанет время.

Мы идем навстречу решительной борьбе. Одновременный кризис во Франкфурте и Берлине, последние постановления обоих собраний заставляют контрреволюцию дать решающий бой. Если в Берлине осмелятся попрать конституционный принцип

господства большинства, если против 219 голосов большинства будет выставлено двойное количество пушек, если не только в Берлине, но и во Франкфурте осмелятся глумиться над большинством, составив министерство, неприемлемое для обоих собраний, — **если, таким образом, спровоцируют гражданскую войну между Пруссией и Германией, то демократы знают, что им нужно будет делать.**

II

Кёльн, 12 сентября. В то время как известие о новом имперском министерстве, которое мы вчера опубликовали, подтверждается также с других сторон, и мы, возможно, уже сегодня днем получим сообщение о его окончательном сформировании, в Берлине министерский кризис продолжается. Кризис может быть разрешен только двумя путями:

Либо министерство Вальдека, признание авторитета германского Национального собрания, признание народного суверенитета;

Либо министерство Радовица — Финке, роспуск Берлинского собрания, уничтожение завоеваний революции, мнимый конституционализм или даже — Соединенный ландтаг.

Скажем прямо: конфликт, вспыхнувший в Берлине, — это конфликт не между соглашателями и министрами, а между Собранием, впервые выступающим в качестве *учредительного,* и *короной.*

Все зависит от того, хватит ли смелости распустить Собрание или нет.

Но имеет ли корона право распустить Собрание?

В конституционных государствах корона, несомненно, имеет право в случае конфликта распускать законодательные палаты, созванные на основе конституции, и путем новых выборов апеллировать к народу.

Является ли Берлинское собрание конституционной, законодательной палатой?

Нет. Оно созвано для «соглашения с короной о конституции прусского государства» — не на основе конституции, а на основе *революции.* Свои полномочия оно получило отнюдь не от короны или ответственных перед нею министров, а только от своих избирателей и от себя самого. Собрание было суверенно как законное выражение революции, и полномочия, изготовленные для него г-ном Кампгаузеном совместно с Соединенным

ландтагом в виде избирательного закона 8 апреля, представляли собой всего лишь *благое пожелание,* судьбу которого должно было решить Собрание.

Вначале Собрание более или менее признавало теорию соглашения. Оно убедилось, как было обмануто при этом министрами и камарильей. Наконец, оно совершило суверенный акт, выступив на миг в качестве учредительного собрания, а не в качестве собрания, созванного для соглашения.

Будучи суверенным для *Пруссии* собранием, оно имело полное право на это.

Но суверенное собрание никем не может быть распущено, ничьим приказам оно не подчинено.

И даже в качестве собрания, созванного лишь для соглашения, даже по теории самого г-на Кампгаузена, оно занимает *равноправное положение* наряду с короной. Обе стороны *заключают* государственный договор, обе стороны имеют равное право на суверенитет — такова теория 8 апреля, теория Кампгаузена — Ганземана, т. е. признанная самой короной *официальная* теория.

Но если Собрание *равноправно* с короной, *то корона не имеет никакого права распускать Собрание.*

В противном случае — если быть последовательным — Собрание имело бы также *право низложить короля.*

Роспуск Собрания означал бы, следовательно, *государственный переворот.* А как отвечают на государственные перевороты, показали события 29 июля 1830 г. и 24 февраля 1848 года.

Скажут, что корона может ведь снова апеллировать к тем же самым избирателям. Но кто не знает, что *сегодня* избиратели выбрали бы совершенно другое собрание, собрание, которое стало бы гораздо меньше церемониться с короной?

Все знают, что после роспуска данного Собрания возможна только апелляция к *совершенно другим избирателям,* чем избиратели 8 апреля, и невозможны никакие иные выборы, кроме выборов в обстановке тирании сабли.

Не будем поэтому строить себе никаких иллюзий:

Если победит Собрание и добьется министерства левых, то власть короны, существующая *наряду* с Собранием, будет сломлена, король будет играть только роль платного слуги народа, л мы опять переживем день 19 марта, — при условии, что министерство Вальдека не предаст нас, как иные министерства до него.

Если победит корона и добьется министерства принца Прусского, то Собрание будет распущено, право союзов уничтожено, пресса окажется в тисках, будет издан цензовый изби-

рательный закон, может быть даже, как уже было сказано, еще раз будет вызван призрак Соединенного ландтага, — и все это под охраной военной диктатуры, пушек и штыков.

Какая из этих двух сторон победит, будет зависеть от поведения народа и, в частности, от поведения демократической партии. Демократы должны сделать выбор.

Мы переживаем 25 июля. Осмелятся ли издать ордонансы, которые замышляются теперь в Потсдаме? Будут ли провоцировать народ, чтобы он за один день проделал скачок от 26 июля к 24 февраля?[235]

Конечно, в доброй воле недостатка нет, но мужество, где мужество?

III

Кёльн, 13 сентября. Кризис в Берлине продвинулся на шаг вперед: *конфликт с короной,* который вчера еще можно было только определить как неизбежный, *действительно на' ступил.*

Наши читатели найдут ниже ответ короля на просьбу министров об отставке[236]. Благодаря этому письму на передний план выступает сама корона — она становится на сторону министров, противопоставляет себя Собранию.

Корона идет еще дальше: она образует министерство вне Собрания, она призывает *Беккерата,* который во Франкфурте принадлежит к крайней правой и который, как всему миру заранее известно, ни в коем случае не может рассчитывать на большинство в Берлине.

Послание короля контрассигновано г-ном *Ауэрсвальдом.* Пусть же г-н Ауэрсвальд несет ответственность за то, что он таким образом выдвигает вперед корону, чтобы прикрыть свое позорное отступление, что он в одно и то же время перед палатой пытается спрятаться за конституционный принцип и тут же попирает этот конституционный принцип, *компрометируя корону и толкая к республике!*

Конституционный принцип! — взывают министры. Конституционный принцип! — взывает правая. Конституционный принцип! — глухо отзывается эхо, «Kolnische Zeitung».

«Конституционный принцип!» Неужели эти господа действительно так глупы, чтобы поверить, будто из бурь 1848 года, из надвигающейся с каждым днем угрозы крушения всех исторически унаследованных учреждений можно вывести немецкий народ при помощи насквозь прогнившего разделения властей по Монтескьё—Делольму, при помощи затасканных фраз и давно разоблаченных фикций!

«Конституционный принцип!» Но именно эти господа, любой ценой желающие спасти конституционный принцип,

должны прежде всего понять, что при временном устройстве спасти этот принцип можно только энергией!

«Конституционный принцип!» Но разве голосование Берлинского собрания, разве столкновения между Потсдамом и Франкфуртом, разве беспорядки, попытки реакционных выступлений, провокации военщины не показали уже давно, что мы, вопреки всяким фразам, *стоим* все еще на *революционной почве,* что фикция, будто мы стоим уже на почве *конституированной,* законченной конституционной монархии, ведет только к конфликтам, которые уже сейчас привели «конституционный принцип» на край пропасти?

Всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г-н Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу. Было созвано собрание для соглашения о конституции. Оно выступало как равноправная сторона наряду с короной. Две равноправные власти при временном устройстве! Именно разделение властей, при помощи которого г-н Кампгаузен пытался «спасти свободу», именно это разделение властей при временном устройстве должно было привести к конфликтам. За короной пряталась контрреволюционная камарилья дворянства, военщины и бюрократии. За большинством Собрания стояла буржуазия. Министерство пыталось играть роль посредника. Оно было слишком слабым для того, чтобы решительно отстаивать интересы буржуазии и крестьян и одним ударом свергнуть власть дворянства, бюрократии и военщины, слишком неискусным для того, чтобы всякий раз не задевать буржуазию своими финансовыми мероприятиями. И оно достигло только того, что сделалось неприемлемым для всех партий и привело к конфликту, которого оно как раз и хотело избежать.

При всяком неконституированном устройстве государства решающее значение имеет не тот или иной принцип, а только salut public, общественное спасение. Министерство могло бы предупредить конфликт между Собранием и короной только тем, что руководствовалось бы лишь принципом общественного спасения, не останавливаясь даже перед опасностью *самому* вступить в конфликт с короной. Но министерство предпочло остаться «приемлемым» для Потсдама. Оно никогда не колебалось применять против демократов меры общественного спасения

(mesures du salut public), диктаторские меры. Чем же иным было применение старых законов к политическим преступлениям, даже после того как г-н Меркер уже признал, что эти параграфы прусского права должны быть отменены? Что иное представляли собой массовые аресты во всех частях королевства?

Зато по отношению к контрреволюции министерство весьма остерегалось действовать во имя общественного спасения!

И именно из-за этой пассивности министерства в отношении контрреволюции, которая с каждым днем становилась все более угрожающей, Собрание оказалось вынужденным *само диктовать* меры общественного спасения. Раз представляемая министрами корона была слишком слаба, Собрание должно было само вмешаться. Оно совершило это, приняв постановление от 9 августа. Оно выполнило это еще в весьма мягкой форме — оно сделало министрам только предостережение. Министры и не подумали посчитаться с этим.

Да и как могли они согласиться с этим! Постановление от 9 августа попрало-де конституционный принцип, оно является вмешательством законодательной власти в функции исполнительной власти, оно уничтожает столь необходимые в интересах свободы разделение и взаимный контроль властей, оно превращает согласительное собрание в *Национальный конвент/*

И вот пускается в ход ураганный огонь угроз, громовый призыв к страху мелких буржуа, широкая перспектива царства террора с гильотиной, прогрессивным налогом, конфискацией и красным знаменем.

Берлинское собрание — Конвент! Какая ирония!

Но эти господа не совсем неправы. Если правительство будет и впредь идти тем же путем, мы довольно скоро будем иметь Конвент — и не только для Пруссии, но и для всей Германии — Конвент, который должен будет всеми средствами преодолеть гражданскую войну со стороны наших двадцати Вандеи и неизбежную войну со стороны России. А пока, правда, у нас есть лишь пародия на Конституанту[237]!

Но как господа министры, апеллирующие к конституционному принципу, сами соблюдали этот принцип?

9 августа они дали Собранию спокойно разойтись в уверенности, что министры выполнят его постановление. Они и не подумали сообщить Собранию о своем отказе выполнять постановление и отнюдь не собирались подавать в отставку.

Министры раздумывают целый месяц, и, наконец, когда им угрожает ряд запросов, они коротко и ясно заявляют Собранию, что, само собой разумеется, они не станут выполнять постановление.

Когда же в ответ на это Собрание предписывает министрам все-таки выполнить постановление, они укрываются за короной, вызывают разрыв между короной и Собранием, толкают, таким образом, к республике.

И эти господа еще толкуют о конституционном принципе!

Резюмируем:

Неизбежный конфликт между двумя равноправными властями при временном устройстве разразился. Министерство не сумело управлять достаточно энергично; оно не приняло необходимых мер общественного спасения. Собрание только исполнило свой долг, когда потребовало от министерства, чтобы оно выполнило свои обязанности. Министерство объявляет это нарушением прав короны и компрометирует корону в самый момент своей отставки. Корона и Собрание противостоят друг другу. «Соглашение» привело к разрыву, к конфликту. Решать, быть может, будет оружие.

Победит тот, у кого больше мужества и выдержки.

IV

Кёльн, 15 сентября. Министерский кризис опять вступил в новую стадию, и не вследствие прибытия и напрасных стараний неприемлемого г-на Беккерата, а вследствие *военного мятежа в Потсдаме и Науэне.* Конфликт между демократией и аристократией разразился *в среде самой гвардии:* солдаты усматривают в решении Собрания от 7 числа свое освобождение от тирании офицерства, они шлют Собранию благодарственные адреса и приветствуют его.

Тем самым вырван меч из рук контрреволюции. Теперь не посмеют распустить Собрание. А раз на это пойти нельзя, не остается ничего иного, как уступить, выполнить постановление Собрания и сформировать министерство Вальдека.

Мятеж солдат в Потсдаме, возможно, избавит нас в данный момент от революции.

Написано К. Марксом 11, 12, 13 и 15 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 100, 101, 102 и 104; 12, 13, 14 и 16 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СВОБОДА ДЕБАТОВ В БЕРЛИНЕ

Кёльн, 16 сентября. С начала кризиса контрреволюционная пресса беспрестанно утверждает, будто Берлинское собрание не пользуется свободой обсуждения. В частности, хорошо известный корреспондент «Kolnische Zeitung», пишущий под значком G, который исполняет свою должность тоже только «временно, впредь до назначения его преемника»[238], с нескрываемым страхом сообщил о «8000—10000 клубных молодчиков», которые в парке «Кастаниен-Вельдхен» «морально» поддерживали своих друзей из числа левых. «Vossische»[239], «Spenersche»[240] и другие газеты подняли такой же вой, а г-н Рейхеншпергер даже прямо предложил 7 числа перенести Собрание из Берлина в другое место (уж не в Шарлоттенбург ли?).

«Berliner Zeitungs-Halle» помещает длинную статью, в которой пытается опровергнуть это обвинение. Она заявляет, будто бы тот факт, что значительное большинство оказалось на стороне левых, в отличие от прежнего колеблющегося поведения Собрания, отнюдь не свидетельствует о непоследовательности. Можно доказать,

«что голосование 7 числа и со стороны тех, которые прежде всегда голосовали за предложения министров, могло состояться, *не протиеореча* их прежнему поведению, и что, с точки зрения этих депутатов, голосование это находится даже в полном соответствии с их прежним поведением...» Депутаты, перешедшие из обоих центров, «находились в заблуждении: они *представляли* себе дело *таким образом,* будто министры являются исполнителями воли народа; в стремлении министров восстановить спокойствие и порядок они видели выражение своей собственной воли, воли депутатов большинства, и *не замечали,* что министры лишь тогда могут считаться с волей народа, когда она не противоречит воле короны, но не тогда, когда противопоставляет себя ей».

Так «объясняет» «Zeitungs-Halle» поразительный факт внезапной перемены ориентации столь многих депутатов представлениями и заблуждениями этих депутатов. Трудно придать делу более невинный вид.

Газета, однако, признает, что запугивания имели место. Но, полагает она,

«если внешние влияния и оказали некоторое воздействие, то это выразилось в том, что они в известной мере уравновесили влияние лживых обещаний со стороны министерства и его попыток сбить с толку депутатов и тем самым дали возможность многим слабым и несамостоятельным депутатам следовать... *естественному жизненному инстинкту»*.

Вполне понятны причины, побуждающие «Zeitungs-Halle» морально оправдывать таким образом в глазах публики колеблющихся депутатов обоих центров: статья написана скорее для этих самых господ из обоих центров, чем для публики. Для нас же, имеющих привилегию говорить откровенно и поддерживающих представителей той или иной партии лишь до тех пор и постольку, поскольку они *выступают революционно,*— для нас таких причин не существует.

Почему бы нам-то не сказать этого? Конечно, депутаты обоих центров 7 числа испугались народных масс; был ли их страх обоснован или пет — этот вопрос оставим в стороне.

Право демократических народных масс оказывать своим присутствием моральное воздействие на позицию учредительных собраний есть старое революционное право народа, которое со времен английской и французской революций использовалось во все бурные эпохи. Этому праву история обязана почти всеми энергичными шагами таких собраний. Если люди, цепляющиеся за «почву законности», если трусливые и филистерски-настроенные друзья «свободы дебатов» испускают вопли против этого, то лишь по той причине, что они вообще не хотят никаких энергичных решений.

«Свобода дебатов»! Нет более пустой фразы, чем эта. «Свобода дебатов» ограничивается, с одной стороны, свободой печати, свободой собраний и слова, правом народа на вооружение. С другой стороны, она ограничивается существующей государственной властью, находящейся в руках короны и ее министров: армией, полицией, так называемыми независимыми судьями, которые, однако, на доле зависимы от любого продвижения по службе и любых политических перемен.

Свобода дебатов всегда была фразой, которая означала лишь одно: независимость от всех не признаваемых законом влияний. тогда как признаваемые влияния — подкуп, продвижение по службе, частные интересы, страх перед роспуском палаты

и т. п. — делают прения истинно «свободными». Но в революционное время эта фраза совершенно лишена смысла. Там, где друг против друга стоят во всеоружии две силы, две партии, где ежеминутно может вспыхнуть борьба, депутатам остается только такой выбор:

либо они становятся *под защиту народа* — ив таком случае им уж придется примириться с тем, что время от времени они будут получать назидательный урок;

либо они становятся *под защиту короны,* переезжают в какой-нибудь маленький город, совещаются под охраной штыков и пушек или даже осадного положения — ив таком случае им не приходится возражать, если корона и штыки будут предписывать им решения.

Запугивание со стороны невооруженного народа или запугивание со стороны вооруженной военщины — пусть Собрание сделает выбор.

Французское Учредительное собрание переехало из Версаля в Париж. По правде говоря, это соответствовало бы всему характеру германской революции, если бы согласительное собрание переехало из Берлина в Шарлоттенбург.

Написано 16 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 105, 17 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

РАТИФИКАЦИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Кёльн, 19 сентября. Германское Национальное собрание ратифицировало перемирие. Мы не ошиблись; «честь Германии находится в плохих руках»*.

Голосование происходило в суматохе и в полной темноте, причем на депутатские скамьи проникли посторонние, дипломаты и др. Большинство в два голоса заставило Собрание голосовать одновременно по двум совершенно различным вопросам. Большинством в 21 голос перемирие было принято, Шлезвиг-Гольштейн принесен в жертву, «честь Германии» попрана и решено *растворить Германию в Пруссии.*

Ни в каком другом вопросе голос народа не прозвучал столь решительно. Ни в каком другом вопросе господа правые не признавались так открыто, что они выступают за дело, которое *нельзя защищать.* Ни в каком другом вопросе интересы Германии не были столь бесспорны, столь ясны, как в этом. Национальное собрание вынесло решение: оно произнесло себе и созданной им так называемой центральной власти *смертный приговор.* Будь у Германии свой Кромвель, он не преминул бы появиться со словами: «Вы не парламент! Именем бога, убирайтесь вон»![241]

Говорят, будто левые намерены выйти из состава Собрания. О, если бы они обладали мужеством, эти бедные осмеянные левые, испытавшие на себе кулаки большинства и вдобавок за это же призванные благородным Гагерном к порядку! Никогда еще меньшинство не третировалось так нагло и последо-

---

* См. настоящий том, стр. 424. *Ред.*

вательно, как эти франкфуртские левые третируются благородным Гагерном и его 250 героями большинства. Если бы только они обладали мужеством!

Из-за недостатка мужества гибнет все движение в Германии. Контрреволюции в такой же мере не хватает мужества для решительных ударов, как и революционной партии. Вся Германия — стоит ли она на стороне правых или левых — знает теперь, что нынешнее движение должно привести к жестоким столкновениям, к кровавым боям — будет ли это в целях его подавления или же в целях его завершения. Но вместо того чтобы мужественно идти навстречу этим неизбежным боям, вместо того чтобы несколькими быстрыми, решающими ударами довести их до конца, обе партии — и партия контрреволюции, и партия движения — вступают в форменный заговор с целью отсрочить эти бои на возможно более долгое время. И именно эти постоянные мелкие уловки, эти уступочки и полумеры, эти попытки компромисса виной тому, что невыносимость и неопределенность политического положения повсюду привели *к* бесчисленным разрозненным восстаниям, с которыми может быть покончено лишь путем кровопролития и ограничения завоеванных прав. Именно эта боязнь борьбы вызывает тысячи стычек, придает 1848 году неслыханно кровавый характер и настолько усложняет положение борющихся партий, что конечная битва неминуемо будет особенно ожесточенной и опустошительной. Но «мужества нет у наших добрых знакомых»!

Этой решающей борьбы за централизацию и демократическую организацию Германии никак нельзя избежать. Вопреки всяческому затушевыванию и компромиссам, борьба эта с каждым днем все более приближается. Завязка драмы в Вене, Берлине, в самом Франкфурте толкает к развязке. И если все должно погибнуть из-за немецкой трусости и нерешительности, тогда нас спасет Франция. В Париже теперь созревают плоды июньской победы: роялисты берут верх над Кавеньяком и его «чистыми республиканцами» и в Национальном собрании, и в печати, и в клубах; легитимистский Юг угрожает всеобщим восстанием; Кавеньяк вынужден прибегнуть к революционному средству Ледрю-Роллена—к департаментским комиссарам с чрезвычайными полномочиями; лишь с величайшим трудом Кавеньяк со своим правительством устоял в субботу на заседании палаты. Еще одно такое голосование, и Тьер, Барро и компания — люди, в интересах которых одержана была июньская победа, — получат большинство, Кавеньяк будет брошен в объятия красной республики, и разгорится борьба за самое существование республики.

Если Германия попрежнему будет оставаться в нерешительности, тогда эта новая фаза французской революции послужит одновременно сигналом к новому взрыву открытой борьбы в Германии — борьбы, которая, надо надеяться, поведет нас несколько дальше и, по меньшей мере, освободит Германию от традиционных оков прошлого.

Написано Ф. Энгельсом 19 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 107, 20 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВОССТАНИЕ ВО ФРАНКФУРТЕ [242]

I

Кёльн, 19 сентября, 7 часов вечера. Германо-датское перемирие породило бурю. Во Франкфурте разразилось кровопролитное восстание. Честь Германии, преданную Национальным собранием прусскому министерству, с позором ушедшему в отставку, защищают ценой собственной жизни рабочие Франкфурта, Оффенбаха и Ханау, а также крестьяне окрестных деревень.

Исход борьбы еще не решен. До вчерашнего вечера солдаты добились, повидимому, небольших успехов. Артиллерию во Франкфурте, за исключением улицы Цейль, да разве еще некоторых других улиц и площадей, применить трудно, а кавалерию почти совсем нельзя использовать. С этой стороны шансы народа благоприятны. На помощь пришли жители Ханау, вооружившиеся в результате штурма цейхгауза. Пришли также крестьяне из многочисленных окрестных селений. Численность войска ко вчерашнему вечеру составляла, повидимому, около 10000 человек при небольшом количестве артиллерии. Приток крестьян за ночь, вероятно, был весьма велик, а приток солдат уже значительно меньше, так как из ближайших окрестностей были стянуты все войска. Ввиду революционного настроения крестьян Оденвальда, Нассау и Кургессена дальнейшая отправка войск стала невозможной; коммуникации, повидимому, были прерваны. Если только восставшим удалось продержаться в течение сегодняшнего дня, то под ружьем окажется весь Оденвальд, Нассау, Кургессен и Рейнгессен, все население между Фульдой, Кобленцом, Мангеймом и Ашаффенбургом, тогда как войск для

подавления восстания не хватает. А кто поручится за Майнц, Мангейм, Марбург, Кассель, Висбаден — все эти города, в которых ненависть к солдатне, в результате кровавых эксцессов так называемых «имперских войск», достигла наивысшей степени? Кто поручится за крестьян на Рейне, которые легко могут воспрепятствовать отправке войск водным путем?

И все же, признаться, у нас мало надежды на победу храбрых повстанцев. Франкфурт слишком небольшой город, а несоразмерная сила войск и всем известные контрреволюционные симпатии франкфуртских мещан создают слишком большой перевес, чтобы мы могли питать преувеличенные надежды.

Но даже если повстанцы окажутся побежденными, это еще ничего не решает. Контрреволюция обнаглеет, введет осадное положение, уничтожит свободу печати, запретит клубы и народные собрания и тем самым поставит нас в положение рабов, по не надолго. Крик галльского петуха возвестит час освобождения, час возмездия.

II

Кёльн, 20 сентября. Известия из Франкфурта начинают постепенно подтверждать наши вчерашние опасения. Повидимому достоверно, что повстанцы выбиты из Франкфурта и держатся еще только в Саксенхаузене, где они, должно быть, возвели сильные укрепления. Во Франкфурте объявлено осадное положение; всякий, захваченный с оружием в руках или при оказании сопротивления «имперской власти», подлежит военному суду.

Итак, господа из собора св. Павла оказались теперь в таком же положении, как и их парижские коллеги. В полном спокойствии и при господстве осадного положения они могут сводить до «минимума» основные права германского народа.

Железная дорога на Майнц во многих местах разобрана, и почта приходит слишком поздно или вовсе не приходит.

Повидимому, артиллерия решила исход боя на более широких улицах и открыла войскам дорогу в тыл баррикадных бойцов., Рвение, с которым франкфуртские мещане открыли свои дома солдатам, предоставляя им, таким образом, все преимущества в уличной борьбе, а также перевес сил быстро подтянутых по железным дорогам войск над крестьянскими пополнениями, медленно прибывавшими пешком, довершили остальное.

Но даже если в самом Франкфурте борьба и не возобновилась, это еще не означает, что восстание подавлено. Приведенные в бешенство крестьяне так просто не сложат оружия. Если они не смогут разогнать Национальное собрание, то дома у них еще много такого, что надо убрать с пути. Натиск, отбитый от собора св. Павла, может обратиться против шестивосьми мелких резиденций и сотен дворянских поместий; крестьянская война, начавшаяся этой весной, не окончится до тех пор, пока не достигнет своей цели — освобождения крестьян от феодализма.

Чем объясняется эта постоянная победа «порядка» во всех частях Европы, откуда этот ряд многочисленных, все

повторяющихся поражений революционной партии от Неаполя, Праги, Парижа до Милана, Вены и Франкфурта?

Объясняется это тем, что все партии знают, насколько борьба, подготовляющаяся во всех цивилизованных странах, имеет совершенно иной, неизмеримо более значительный характер, чем все происходившие до сих пор революции. Ибо в Вене как и в Париже, в Берлине как и во Франкфурте, в Лондоне как и в Милане дело идет о *свержении политического господства буржуазии, о* таком перевороте, даже ближайшие последствия которого наполняют ужасом всех солидных и занимающихся спекуляцией буржуа.

Разве есть еще в мире какой-нибудь революционный центр, где бы в течение последних пяти месяцев не развевалось на баррикадах красное знамя, боевой символ связанного братскими узами европейского пролетариата?

И во Франкфурте борьба против парламента объединенных юнкеров и буржуа велась под красным знаменем.

Именно потому, что каждое происходящее сейчас восстание прямо угрожает политическому положению буржуазии и косвенно — ее общественному положению, именно поэтому происходят все эти поражения. Безоружный в большинстве своем народ должен бороться не только против перешедшей в руки буржуазии силы организованного чиновничьего и военного государства, — он должен также бороться и против самой вооруженной буржуазии. Против неорганизованного и плохо вооруженного народа стоят все остальные классы общества, хорошо организованные и хорошо вооруженные. Вот чем объясняется, что народ до сих пор терпел поражения и будет терпеть поражения до тех пор, пока его противники не будут ослаблены либо вследствие участия армии в войне, либо вследствие раскола в их рядах, или же пока какое-нибудь крупное событие не толкнет народ на отчаянную борьбу и не деморализует его противников.

И такое крупное событие подготовляется во Франции.

Поэтому мы не должны отчаиваться из-за того, что за последние четыре месяца картечь повсюду одерживала победу над баррикадами. Напротив, каждая победа наших противников была в то же время их поражением. Она раскалывала их, она укрепляла господство не победившей партии, ставшей консервативной с февраля и марта, а *той* партии, которая была *свергнута* в феврале и марте. Июньская победа в Париже только вначале установила господство мелкой буржуазии, *чистых* республиканцев. Не прошло и трех месяцев, а уже крупная буржуазия, конституционная партия, угрожает свергнуть Ка-

веньяка и бросить «чистых» в объятия «красных». То же произойдет и во Франкфурте: победа послужит на пользу не добропорядочным из обоих центров, а *правым;* буржуазия обеспечит преобладание господам, представляющим государство военщины, бюрократии и юнкерства, и довольно скоро ей придется вкусить горькие плоды своей победы.

Ну, и на здоровье! А мы тем временем будем ждать момента, когда в Париже пробьет для Европы час освобождения.

Написано Ф. Энгельсом 19—20 сентября 1848 г.

Напечатано в приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 107 и в № 108; 20 и 21 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МИНИСТЕРСТВО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Кёльн, 22 сентября. Итак, свершилось! Министерство принца Прусского сформировано, контрреволюция хочет рискнуть нанести последний, решительный удар.

Вот что пишет один депутат:

«*Берлин, 20* сентября, 10 часов вечера. Только что мы получили достоверные сведения о сформировании абсолютно *контрреволюционного министерства,* а именно» (далее следует список министров, который мы перепечатали вчера из экстренного выпуска «Zeitungs-Halle»). «На завтрашнем заседании это министерство огласит королевское послание, в котором выдвигается *перспектива роспуска Собрания.* В результате Собрание *объявит свое заседание перманентным,* что вызовет, вероятно, новую кровавую *революцию.* Все партии Национального собрания непрерывно совещаются в своих обычных местах. В народе царит сильное возбуждение. Врангель произвел сегодня смотр войскам. Все поставлено на карту!»

Итак, свершилось! Корона ищет защиты у укермаркских грандов, а укермаркские гранды изо всех сил оказывают сопротивление революционному движению 1848 года. Дон Кихоты из Восточной Померании, старые вояки, обремененные долгами помещики получат, наконец, возможность омыть свои заржавевшие мечи в крови смутьянов[243]. Гвардия, увенчанная дешевой славой в Шлезвиге, должна нанести решающий удар революции; ведь революция посягает на права короны, хочет запретить офицерам устраивать тайные заговоры и безжалостной рукой финансовых мероприятий Ганземана намеревается совершить страшно «смелый поступок» — залезть в кошельки и без того уж отощавших бранденбургских юнкеров. Гвардия отомстит за позор 18 марта, она разгонит Берлинское собрание, и господа офицеры будут скакать по Унтер-ден-Линден через трупы революционеров.

Ну, что же! Вперед с богом за короля и отечество!

Написано 22 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 110, 23 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КЁЛЬНЕ [244]

Кёльн, 26 сентября. Сегодня мы снова печатаем номер без оглавления. Мы спешим выпустить газету. Из достоверных источников нам стало известно, что в ближайшие часы город будет объявлен на осадном положении, гражданское ополчение распущено и разоружено, выпуск «Neue Rheinische Zeitung», «Neue Kolnische Zeitung»[245], «Arbeiter-Zeitung»[246] и «Wachter am Rhein»[247] приостановлен, учреждены военные суды и ликвидированы все завоеванные в марте права. Ходят слухи, что гражданское ополчение не намерено допустить, чтобы его разоружили.

Написано 26 сентября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 113, 27 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВЫХОДА «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Благодаря той поддержке, которая была оказана «Neue Rheinische Zeitung», особенно в Кёльне, в целях ее сохранения, нам удалось преодолеть вызванные осадным положением финансовые затруднения и возобновить выпуск газеты. Редакционный комитет остается в прежнем составе. Недавно в него вошел Фердинанд Фрейлиграт.

Карл Маркс,

главный редактор «Neue Rheinische Zeitung»

Написано 11 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 114, 12 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНЕ

Кёльн, 11 октября. В своем *первом* номере (от первого июня) *«Neue Rheinische Zeitung»* сообщала о революции в Вене (25 мая). Сегодня, в *первый* день возобновления выпуска нашей газеты после перерыва, вызванного введением осадного положения в Кёльне, мы помещаем сообщение о несравненно более важной венской революции 6 и 7 октября. Подробные сообщения о событиях в Вене заставляют нас отказаться сегодня от каких-либо статей комментирующего характера. Поэтому ограничимся лишь несколькими словами, а именно о революции в Вене. Из сообщений венского корреспондента наши читатели могут убедиться, что недоверие буржуазии к рабочему классу угрожает этой революции, если не поражением, то, по крайней мере, тем, что ее развитие будет парализовано. Но как бы то ни было, влияние венской революции на Венгрию, Италию и Германию расстраивает весь план похода контрреволюции. Бегство императора и чешских депутатов из Вены[248] вынуждает венскую буржуазию продолжать борьбу, если она не хочет сдаться на милость победителя. События в Вене неприятно нарушат грезы Франкфуртского собрания, которое сейчас занято тем, что готовится даровать нам, немцам,

общенациональную тюрьму

и общую плеть[249],

а берлинское министерство усомнится в таком универсальном средстве, как *осадное положение.* Осадное положение, как и революция, совершило кругосветное путешествие. Только что была сделана попытка провести этот эксперимент в больших

масштабах, распространить его на целое государство, на Венгрию. Эта попытка, вместо того чтобы вызвать контрреволюцию в Венгрии, вызвала революцию в Вене. Осадное положение уже не сможет оправиться после такого удара. Осадное положение скомпрометировано навсегда. Ирония судьбы такова, что одновременно с Елачичем западный герой осадного положения, *Кавеньяк,* сделался мишенью для нападок всех тех фракций, которые он спас в июне с помощью картечи. Он сможет еще некоторое время продержаться лишь в том случае, если решительно перейдет на сторону революции.

Вслед за последними известиями из Вены мы помещаем также несколько корреспонденции от 5 октября, так как: они являются отголосками царящих в Вене надежд и опасений по поводу судьбы Венгрии.

Написано К. Марксом 11 октября 1848 к.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 114, 12 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

«КЁЛЬНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Кёльн, 12 октября. «Кёльнская революция» 25 сентября была карнавальной комедией, — заявляет «Kolnische Zeitung», и «Kolnische Zeitung» права. «Кёльнская комендатура» 26 сентября разыгрывает из себя Кавеньяка, и «Kolnische Zeitung» восхищается мудростью и умеренностью «кёльнской комендатуры». Кто же, однако, выглядит более смешным — рабочие, которые 25 сентября упражнялись в постройке баррикад, или Кавеньяк, который 26 сентября с самым серьезным видом объявил осадное положение, приостановил выпуск газет, разоружил гражданское ополчение, запретил союзы?

Бедная «Kolnische Zeitung»! Кавеньяк «кёльнской революции» ни на один дюйм не может быть выше, чем сама «кёльнская революция». Бедная «Kolnische Zeitung»! «Революцию» ей приходится воспринимать как шутку, а «Кавеньяка» этой забавной революции — принимать всерьез. Досадная, неблагодарная, полная противоречий тема!

По поводу правомочности комендатуры мы не будем терять лишних слов: Д'Эстер исчерпал этот вопрос[250]. К тому же мы рассматриваем комендатуру как послушное орудие. Подлинными авторами этой странной трагедии были *«благонамеренные граждане», Дюмоны* и компания. Не приходится поэтому удивляться, что г-н Дюмон отдал распоряжение распространить при помощи своих газет адрес против Д'Эстера, Борхардта и Килля[251]. То, что приходилось защищать этим «благонамеренным», — это были не действия комендатуры, а их собственные действия.

Кёльнские события путешествовали через пустыню Сахару немецкой прессы в той форме, какую придал им кёльнский «Journal des Debats». Тем больше основания вернуться к ним.

Молля, одного из самых любимых вождей Рабочего союза[252], собирались арестовать. Шаппер и Беккер уже были арестованы.

Для осуществления этих мер избрали *понедельник* — день, когда большая часть рабочих, как известно, не работает. Стало быть, заранее знали, что эти аресты могли вызвать среди рабочих большое возмущение и даже дать повод к насильственному сопротивлению. Странная случайность, что эти аресты пришлись как раз на понедельник! Возмущение тем легче было предвидеть, что в связи со штейновским приказом по армии, а также после прокламации Врангеля[253] и назначения Пфуля министром-президентом каждую минуту следовало ожидать решительного контрреволюционного удара, а стало быть, и революции, исходным пунктом которой был бы Берлин. Рабочие должны были поэтому рассматривать аресты не как судебные, а как *политические* меры. В прокуратуре рабочие видели только лишь контрреволюционное учреждение. Они считали, что накануне важных событий их хотят лишить вождей. Рабочие решили любой ценой не допустить ареста Молля. И они покинули поле сражения только после того, как их цель была достигнута. Баррикады были построены лишь тогда, когда собравшиеся на Старом рынке рабочие получили известие, что со всех сторон на них надвигаются войска. Но они не были атакованы. Стало быть, им и не пришлось защищаться. К тому же им стало известно, что из Берлина не поступило никаких важных сообщений. Рабочие, следовательно, разошлись после того, как в течение значительной части ночи они напрасно прождали врага.

Поэтому нет ничего смехотворнее, чем брошенный кёльнским рабочим упрек в малодушии.

Но им были брошены и другие упреки, чтобы оправдать осадное положение и выдать кёльнские события за маленькую июньскую революцию. Подлинный план рабочих состоял якобы в разграблении славного города Кёльна. Это обвинение покоится на будто бы имевшем место ограблении *одной* суконной лавки. Как будто в каждом городе нет своего контингента воров, использующих, естественно, дни общественных волнений. Или, быть может, под ограблением разумеют ограбление оружейных магазинов? Пусть пошлют тогда кёльнскую прокуратуру в Берлин для возбуждения судебного процесса против мартовской революции. Не будь ограбления оружейных магазинов, мы, быть может, никогда не имели бы удовольствия видеть г-на Ганземана директором банка, а г-на Мюллера — статс-секретарем.

Но довольно о кёльнских рабочих. Перейдем к так называемым *демократам.* В чем упрекают их *«Kolnische Zeitung», «Deutsche Zeitung», аугсбургская «Allgemeine Zeitung»* и прочие «благонамеренные» газеты?

Героические Брюггеманы, Бассерманы и т. д. жаждали крови, а мягкосердечные демократы якобы из *трусости* не позволили им пролить эту кровь.

В действительности суть дела такова. Демократы заявили рабочим в гостинице «Им Кранц» (на Старом рынке), в зале Эйзера и на баррикадах, что они ни в коем случае не желают *«путча».* В такой момент, когда ни один крупный вопрос не толкает все население на борьбу и когда всякое восстание должно в силу этого потерпеть поражение, такое выступление было бы тем более безрассудно, что в ближайшие дни могли произойти серьезные события и поэтому нельзя было лишать себя боеспособности как раз *накануне* решающего дня. Если бы министерство в Берлине решилось на контрреволюцию, тогда для народа наступил бы день решиться на революцию. Судебное расследование подтвердит наше изложение событий. Господам из «Kolnische Zeitung» следовало бы лучше — вместо того чтобы в «ночной темноте» стоять перед баррикадами, «скрестив руки с мрачным видом», и «раздумывать о будущности своего народа»[254] — обратиться с высоты баррикад к ослепленной массе с мудрым словом. Какой толк в мудрости post festum[*]?

В связи с кёльнскими событиями больше всего досталось от «хорошей» печати гражданскому ополчению. Надо различать следующее. Если гражданское ополчение отказалось унизиться до роли безвольного слуги полиции, то это была его обязанность. Но то, что оно добровольно сдало оружие, может быть оправдано лишь одним обстоятельством. Либеральной части ополчения было известно, что нелиберальная часть с радостью воспользовалась случаем, чтобы избавиться от оружия. Сопротивление же одной части было бы бесполезно.

Результатом «кёльнской революции» было только *одно.* Она показала воочию существование фаланги из двух с лишним тысяч святых, «сытая добродетель и платежеспособная мораль»[255] которых может «существовать привольно» лишь в условиях осадного положения. Быть может, когда-нибудь представится повод написать «acta sanctorum»[*], биографии этих святых. Наши читатели узнают тогда, как приобретаются «сокровища», которых не берет «ни моль, ни ржа», и они поймут, каким образом завоевывается экономическая подоплека «благонамеренности».

Написано К. Марксом 12 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 115, 13 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — после праздника, т. е. после того, как событие произошло, задним числом. *Ред.*

[*] — «деяния святых». *Ред.*

МИНИСТЕРСТВО ПФУЛЯ

Кёльн, 13 октября. Когда пало министерство *Кампгаузена,* мы писали:

«Министерство Кампгаузена облачило контрреволюцию в свой буржуазно-либеральный наряд. Контрреволюция чувствует себя достаточно сильной, чтобы сбросить эту стеснительную маску. Какое-нибудь нежизнеспособное министерство *левого центра* (Ганземан) может, пожалуй, на сколько-то дней сменить министерство 30 марта. Но подлинным его преемником является *министерство принца Прусского»* («Neue Rheinische Zeitung» № 23 от 23 июня)*.

И действительно, за министерством *Ганземана* последовало министерство *Пфуля (Невшательского).*

Министерство Пфуля носится с конституционными фразами, как франкфуртская центральная власть — с «немецким единством». Если сравнить corpus delicti**, подлинную сущность этого министерства, с его эхом, его конституционными заявлениями, успокоительными заверениями, компромиссами, соглашениями в Берлинском собрании, то к нему можно применить только следующие слова — слова Фальстафа:

«До чего же мы, старики, подвержены пороку лжи!»[256]

За министерством Пфуля может последовать лишь *министерство революции.*

Написано К. Марксом 13 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 116, 14 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* Ср. настоящий том, стр. 99. *Ред.*

** — состав преступления. *Ред.*

РЕЧЬ ТЬЕРА О ВСЕОБЩЕМ ИПОТЕЧНОМ БАНКЕ С ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ КУРСОМ БУМАГ

Г-н Тьер публикует в «Constitutionnel» работу «*О собственности»*[257], На этом классическом по своей банальности произведении мы остановимся подробнее, когда оно появится полностью. Г-н Тьер неожиданно прервал его публикацию. Пока нам достаточно отметить, что «большие» *бельгийские* газеты *«Observateur»* и *«Independance»*[258] восторгаются этим сочинением г-на Тьера. Сегодня мы вкратце рассмотрим речь г-на Тьера об ипотечных бонах, произнесенную им 10 октября во французском Национальном собрании. По словам бельгийской газеты «Independence», эта речь нанесла бумажным деньгам «смертельный удар». Но, кроме того, г-н Тьер, как утверждает «Independance», является таким оратором, который с одинаковым превосходством трактует вопросы политические, финансовые, социальные.

Эта речь интересует нас только потому, что она обнаруживает тактику рыцарей старых порядков, тактику, которую они с полным основанием противопоставляют Дон Кихотам новых порядков.

Потребуйте, подобно г-ну Тюрку, которому отвечает Тьер, частичной реформы промышленных и торговых отношений, и эти люди, возражая вам, укажут на взаимную связь и взаимодействие частей всей системы. Потребуйте переворота во всей системе, и тогда вы — разрушитель, революционер, бессовестный человек, утопист и упускаете из виду *частичные* реформы. Отсюда вывод — оставьте все по-старому.

Г-н Тюрк, например, хочет облегчить крестьянам реализацию их земельной собственности при посредстве государствен-

ных ипотечных банков. Он хочет втянуть крестьянскую собственность в обращение, избавляя ее от необходимости проходить через руки ростовщиков. Дело в том, что во Франции, как и вообще во всех странах, где преобладает парцелляция, господство феодалов превратилось в господство капиталистов, а феодальные повинности крестьян превратились в буржуазные ипотечные обязательства.

Что же отвечает г-н Тьер прежде всего? Если вы хотите прийти на помощь крестьянину путем создания государственных кредитных учреждений, то вы наносите ущерб мелкому торговцу. Вы не можете помочь одному, не причиняя вреда другому.

Стало быть, нам следует преобразовать *всю кредитную систему?*

Ни в коем случае! Это — утопия. Так покончено с г-ном Тюрком.

Мелкий торговец, о котором столь любовно печется г-н Тьер, это — *большой* Французский банк.

Конкуренция ипотечных бон, выпущенных на сумму в 2 миллиарда, подорвала бы его монополию и дивиденды, а может быть, и something more*. Таким образом, за этим аргументом г-на Тьера скрывается — Ротшильд.

Перейдем к другому аргументу г-на Тьера. Предложение об ипотеках, говорит г-н Тьер, не имеет, собственно говоря, никакого отношения к самому *сельскому хозяйству.*

Что земельную собственность отнюдь не легко пустить в оборот, что ее лишь с трудом можно реализовать, что капиталы, так сказать, ее избегают, — все это, замечает г-н Тьер, лежит в *«природе»* вещей. Ведь земельная собственность, говорит он, приносит лишь незначительную прибыль. По, с другой стороны, г-н Тьер не может отрицать, что, в соответствии с «природой» современной организации производства, все отрасли производства, стало быть и сельское хозяйство, успешно развиваются лишь тогда, когда их продукты и их орудия легко могут быть реализованы, стать предметом обмена, могут быть пущены в оборот. С землей дело обстоит иначе. *Следовательно,* вывод был бы такой: при существующих цивилизованных порядках *сельское хозяйство* не может успешно развиваться. Поэтому необходимо изменить существующие порядки. И маленьким, хотя и непоследовательным шагом к такому изменению является предложение г-на Тюрка. Ни в коем случае! — восклицает Тьер. «Природа», т. е. современные общественные

* — нечто большее. *Ред.*

отношения, обрекает сельское хозяйство на пребывание в его теперешнем состоянии. Современные общественные отношения — это *«природа»,* т. е. они неизменны. Утверждение о неизменности этих отношений есть, конечно, самый веский довод против всякого предложения об их изменении. Если «монархия» — природа, то всякая попытка установить республику есть бунт против природы. Согласно г-ну Тьеру, также совершенно ясно, что земельная собственность *по самой природе своей* всегда дает одинаково небольшую прибыль — независимо от того, кредитует ли земельных собственников государство из 3% или ростовщик из 10%. Словом, это — «природа».

Но отождествляя промышленную прибыль с приносимой сельским хозяйством рентой, г-н Тьер выдвигает также положение, прямо противоречащее современным общественным отношениям — тому, что он называет «природой».

В то время как промышленная прибыль, в общем, неуклонно падает, земельная рента, т. е. стоимость земли, неуклонно возрастает. Г-ну Тьеру надо было бы, следовательно, объяснить то странное явление, что крестьянин, вопреки этому, неуклонно беднеет. Но г-н Тьер, разумеется, не входит в рассмотрение этого вопроса.

Поистине поразительны, далее, поверхностные рассуждения г-на Тьера *о различии* между французским и английским сельским хозяйством.

Все различие, поучает нас Тьер, сводится к *земельному налогу.* Мы платим очень высокий земельный налог, а англичане вообще его не платят. Не говоря уж о неправильности последнего утверждения, г-ну Тьеру, несомненно, известно, что в Англии на сельское хозяйство падает налог в пользу бедных и масса других не существующих во Франции налогов. Аргумент г-на Тьера применяется английскими сторонниками мелкого сельского хозяйства в обратном смысле. Знаете ли вы, говорят они, почему английское зерно дороже французского? Потому что мы платим *земельную ренту,* притом высокую земельную ренту, которую французы не платят, так как они, как правило, не арендаторы, а мелкие собственники. Поэтому — да здравствует мелкая собственность!

Нужно обладать всей беззастенчивой банальностью Тьера, чтобы существующую в Англии концентрацию такого орудия труда, как земля, — благодаря чему в сельском хозяйстве стало возможным применение машин и разделение труда в большом масштабе, взаимодействие английской промышленности и английской торговли с сельским хозяйством, — чтобы все эти широко разветвленные отношения свести к ничего

не говорящей фразе о том, что англичане не платят *земельного налога.*

Мнению г-на Тьера о том, что во Франции нынешняя ипотечная система не имеет значения для сельского хозяйства, мы противопоставляем мнение крупнейшего французского агронома-химика. *Домбаль* обстоятельно доказал, что если нынешняя ипотечная система будет развиваться во Франции и дальше соответственно *«природе»,* то французское сельское хозяйство станет невозможным[259].

Какая вообще нужна наглая ограниченность, чтобы утверждать, будто для сельского хозяйства безразличны отношения земельной собственности — иными словами, будто для производства безразличны общественные отношения, в условиях которых это производство протекает!

Не требуется, впрочем, дальнейших доказательств того, что г-н Тьер, желая поддержать кредит крупных капиталистов, должен быть против всякого кредита мелким капиталистам. Кредитование крупных капиталистов означает в то же время для мелких капиталистов лишение кредита. Разумеется, мы отрицаем, что при современном строе можно помочь мелким землевладельцам путем каких-либо финансовых трюков. Но Тьер должен был утверждать это потому, что он считает существующий мир лучшим из миров.

По поводу этой части речи Тьера сделаем поэтому еще только одно замечание. Высказываясь против мобилизации земельной собственности и восхваляя, с другой стороны, английские отношения, Тьер забывает, что в Англии сельское хозяйство в огромной степени обладает как раз *тем* преимуществом, что оно ведется на фабричный лад и что земельная рента, т. е. земельная собственность, является там такой же мобильной, находящейся в обращении биржевой бумагой, как и всякая другая. Ведение сельского хозяйства на фабричный лад, т. е. ведение последнего по образцу крупной промышленности, со своей стороны, обусловливает мобилизацию земельной собственности, ее способность стать предметом беспрепятственного торгового обмена.

Вторая часть речи г-на Тьера состоит из нападок на *бумажные деньги* вообще. Он называет выпуск бумажных денег *выпуском фальшивой монеты.* Г-н Тьер открывает нам ту великую истину, что, когда выбрасывают на рынок слишком большую массу средств обращения, т. е. денег, тем самым обесценивают эти деньги, стало быть, обманывают вдвойне: и частных лиц и государство. Это-де в особенности относится к ипотечным банкам.

Все это — такие открытия, которые можно найти в самых плохоньких *катехизисах* политической экономии.

Надо различать следующее. Ясно, что, увеличивая произвольно количество денег — бумажных или металлических, мы не увеличиваем производства, следовательно, действительного богатства. Так же точно, удваивая в карточной игре число фишек, мы не удваиваем этим числа взяток.

С другой стороны, столь же ясно, что если недостаток фишек, средств обмена, денег мешает развитию производства, то всякое увеличение средств обмена, всякое уменьшение трудности в приобретении средств обмена, означает вместе с тем и *увеличение производства.* Этой потребности производства обязаны своим происхождением векселя, банки и т. д. В таком же смысле и ипотечные банки могут способствовать подъему сельского хозяйства.

Но г-н Тьер борется вовсе не за металлические деньги против бумажных. Он сам слишком много играл на бирже, чтобы находиться в плену старых меркантилистских предрассудков. В действительности он борется против того, чтобы кредит регулировался обществом в лице государства вместо регулирования его монополией. Первым шагом к регулированию кредита в общих интересах общества являлось именно предложение Тюрка о всеобщем ипотечном банке, бумаги которого имели бы принудительный курс, — как бы мало ни значило это предложение, если его взять само по себе.

Написано К. Марксом 13 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 116, 14 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«FRANKFURTER OBERPOSTAMTS-ZEITUNG» И ВЕНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Кёльн, 18 октября.

«Германия находится во власти странного рока. Когда, казалось бы, настал момент, позволяющий приступить к восстановлению общего отечества, и *благодарный взор в ответ на это обращается к небу,* тогда грозовые тучи, которые все еще висят над Европой, разражаются новыми мощными громовыми ударами и заставляют *дрожать руки* людей, посвятивших себя делу разработки германской конституции. Такой громовой удар мы снова только что пережили в *Вене!»*

Так жалуется «Moniteur» имперского регентства — «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung». Эта достойная газета, последний редактор которой* красовался в списке платных креатур Гизо, на миг приняла свое положение au sérieux**. Центральная власть с ее парламентским обрамлением, франкфуртским собором, представилась ей действительно серьезной властью. Вместо того чтобы непосредственно отдавать подданным свои контрреволюционные приказы, тридцать восемь немецких правительств заставили центральную власть во Франкфурте повелевать им выполнять их же собственные решения. Все шло наилучшим образом, как во время майнцкой следственной комиссии [Immediat-Kommission][260]. Центральная власть могла воображать, что она действительно является властью, а ее «Moniteur» мог воображать, что он действительно «Moniteur». «Возблагодарите все господа, воздев руки к небу», — пел он.

И вот мы «переживаем» громовой удар из Вены. *«Руки»* наших Ликургов *«дрожат»,* несмотря на армию остроконечных

---

* — Берли. *Ред.*
** — всерьез. *Ред.*

шлемов, представляющих собой такое же множество громоотводов революции; несмотря на декреты, по которым критика черно-красно-золотых личностей и их gesta* подлежит наказанию как уголовное преступление[261]; несмотря на энергичные фразы таких гигантских фигур, как Шмерлинг, Моль и Гагерн. Снова раздается рычание революционного чудовища — и во Франкфурте *«дрожат»*. «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung» в испуге вынуждена прервать свою благодарственную молитву. — Трагически негодует она на железный рок.

В Париже главенствует партия Тьера; в Берлине — министерство Пфуля с Врангелями во всех провинциях; во Франкфурте — центральная жандармерия; во всей Германии — более или менее скрытое осадное положение; в Италии водворен мир милосердным Фердинандом и Радецким; Елачич, командующий войсками в Венгрии, после истребления мадьяр провозглашает в Вене совместно с Виндишгрецем «хорватскую свободу и порядок»; в Бухаресте революция потоплена в крови; дунайские княжества осчастливлены благодеяниями русского режима; в Англии все вожди чартистов арестованы и сосланы; Ирландия слишком истощена голодом, чтобы подняться. Иль этого мало тебе?[262]

Венская революция еще не победила. Но ее первой зарницы было достаточно, чтобы осветить перед Европой все позиции контрреволюции и, таким образом, сделать неотвратимой всеобщую борьбу не на жизнь, а на смерть.

Контрреволюция еще не уничтожена, но она сделала себя *посмешищем.* Вместе с героем *Елачичем* все ее герои превратились в комические фигуры, а в прокламации *Фуада-эффенди* после кровавой бани в Бухаресте[263] дана уничтожающая пародия на все прокламации друзей «конституционной свободы и порядка» — от прокламаций рейхстага до самых ничтожных обращений нытиков.

Завтра мы подробнее остановимся на положении, создавшемся непосредственно в Вене, и на положении в Австрии вообще.

Написано К. Марксом 18 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 120, 19 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — деяний. *Ред.*

ОТВЕТ ПРУССКОГО КОРОЛЯ ДЕПУТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Кёльн, 18 октября. Король, во всяком случае, последователен. Его величество никогда себе не противоречит. Он сказал по случаю годовщины закладки Кёльнского собора депутации франкфуртского Национального собрания:

«Господа! Я очень хорошо понимаю значение вашего Собрания. Я очень хорошо вижу, насколько важно ваше Собрание!..»—Голос его величества стал здесь весьма серьезным и резким: «Не забывайте, однако, что в Германии существуют еще государи...» — При этом его величество положил руку на сердце и сказал с особым ударением: «... И не забывайте, что к их числу принадлежу и я».

Подобный же ответ получила и депутация Берлинского собрания, нанесшая его величеству 15 октября поздравительный визит в замке Бельвю. Король сказал:

«Мы собираемся воздвигнуть здание, которое должно просуществовать века. Но, господа, я обращаю ваше внимание на следующее. У нас еще имеется вызывающая, конечно, у многих зависть наследственная власть *божьей милостью»,* — эти слова король произнес с сильным ударением, — «власть, обладающая еще полной мощью. Она есть тот фундамент, на котором только и может быть воздвигнуто это здание, если мы хотим, чтобы оно простояло так долго, как я сказал».

Король последователен. Он был бы всегда последователен, если бы, к сожалению, мартовские дни не поставили между его величеством и народом этот роковой клочок бумаги.

В данный момент его величество, повидимому, снова верит, как и перед мартовскими днями, в *«железную пяту»* славянства. Народ в Вене окажется, быть может, тем волшебником, который превратит железо в глину.

Написано К. Марксом 18 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № I20, 19 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОТВЕТ ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА IV ДЕПУТАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Кёльн, 18 октября. *Фридрих-Вильгельм IV* ответил командующему гражданским ополчением в Берлине *Римплеру* на его поздравления по случаю 15 октября:

«Я знаю, что героический и храбрый народ есть также и *верный* народ. Но не забывайте, *что оружие вы получили от меня,* и я вменяю вам в обязанность, чтобы вы взяли на себя охрану порядка, закона и свободы».

Конституционные короли *безответственны,* если считать, что они *невменяемы* — разумеется, в конституционном смысле. Их поступки, их слова, их жесты принадлежат не им самим, а *ответственным министрам.*

Ганземан, например, уходя в отставку, вложил в уста короля заявление, что проведение штейновского приказа по армии несовместимо с конституционной монархией. *Пфуль* провел этот приказ — именно в парламентском смысле. Ганземан был скомпрометирован — в конституционном смысле. По король сам себе не противоречил, ибо он ничего не говорил — опять-таки в конституционном смысле.

Таким образом, приведенное выше заявление короля есть не что иное, как заявление *министерства,* и как таковое оно подлежит критике.

Пфуль утверждает, что король создал гражданское ополчение по собственному побуждению? В таком случае Пфуль утверждает, будто король явился *инициатором мартовской революции,* а это бессмыслица — даже в конституционном смысле.

Но дело даже не в этом.

Создав вселенную и королей божьей милостью, бог предоставил более мелкие промыслы людям. Даже *«оружие»* и лейтенантские мундиры производятся земным путем, а земное произ-

водство, в отличие от небесного промысла, ничего не создает из ничего. Оно нуждается в сырье, орудиях труда и заработной плате, все в таких вещах, которые объединяются простым названием — *издержки производства.* Эти издержки производства государство покрывает за счет *налогов,* а источником налогов служит *национальный труд.* Стало быть, в *экономическом* смысле остается загадкой, каким образом какой бы то ни было король может что-либо *дать* какому бы то ни было народу. Сперва народ должен изготовить оружие и дать его королю, чтобы затем иметь возможность получить оружие от короля. Король всегда может давать лишь то, что дано ему. Так обстоит дело в *смысле экономическом.* Но *конституционные* короли появляются как раз в такое время, когда люди начинают проникать в эту *экономическую тайну.* Поэтому первым поводом для свержения королей божьей милостью были всегда *вопросы о налогах.* Так было и в Пруссии. Даже *нематериальные* товары, привилегии, которые под давлением народов короли *давали* им, не только были раньше даны этими народами королям, но обратное получение этих привилегий народы оплачивали всегда *наличными* — кровью и звонкой монетой. Проследите, например, *английскую* историю с XI столетия, и вы сможете подсчитать довольно точно, сколько разбитых черепов и сколько фунтов стерлингов стоила каждая конституционная привилегия. Г-н Пфуль хочет, повидимому, вернуть нас к добрым временам *экономической таблицы Давенанта*[264]. В этой таблице об английском производстве говорится, между прочим, следующее:

§ 1. *Производительные работники:* короли, офицеры, лорды, сельское духовенство и т. д.

§ 2. *Непроизводительные работники:* матросы, крестьяне, ткачи, прядильщики и т. д.

Согласно этой таблице, производит § 1, а получает § 2. В этом смысле г-н Пфуль и утверждает, будто король что-то дает.

Заявление Пфуля показывает, чего ждут в Берлине от героя «хорватского порядка и свободы»[*].

Последние события в Берлине напоминают столкновения 23 августа в Вене между гражданским ополчением и народом, также вызванные камарильей. *За этим 23 августа последовало 5 октября.*

Написано К. Марксом 18 октября 1848 г.

Напечатано в «NEUE Rheinische Zeitung» № 121, 20 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — Елачича. *Ред.*

«RЕFORME» ОБ ИЮНЬСКОМ ВОССТАНИИ

Париж. Когда *«Neue Rheinische Zeitung», единственная* европейская газета — за исключением английской «Northern Star» — имела мужество и проницательность 29 июня правильно оценить июньскую революцию*, ее выступление встретили не опровержениями, а доносами.

Факты подтвердили впоследствии наше мнение даже в глазах самых близоруких людей, если только собственный интерес окончательно не лишил их способности видеть.

Осрамилась тогда и *французская* пресса. Более решительные парижские газеты были закрыты. «Rеforme», единственная радикальная газета, дальнейшее существование которой было допущено Кавеньяком, запинаясь искала оправданий для благородных июньских борцов и, как милостыню, вымаливала у победителя гуманность для побежденных. На попрошайку, разумеется, не обращали внимания. Потребовались сперва полное выявление результатов июньской победы, многомесячная резкая критика со стороны провинциальных газет, не скованных осадным положением, явное возрождение партии Тьера, чтобы «Rеforme» уразумела случившееся.

В связи с проектом крайней левой об амнистии газета отмечает в своем номере от 18 октября:

«Когда народ сошел с баррикад, он никого не наказывал. Народ! Тогда он был господином, сувереном, победителем; ему целовали руки и ноги, отдавали честь его блузе, в один голос восторгались его благородными чувствами. И по справедливости: он был великодушен.

---

* См. настоящий том, стр. 138—142. *Ред.*

Теперь его дети и братья находятся в тюрьмах, на галерах, стоят перед военным судом. После того как народ не мог уже больше переносить голод, после того как он увидел, что целые толпы честолюбцев, набранных им с улицы, спокойно проходят мимо него и поднимаются во дворцы, после того как он в течение трех долгих месяцев верил республике в кредит, — после этого наступил такой день, когда народ, при виде своих голодающих детей и обессилевших отцов, потерял голову и ринулся в бой.

Он дорого заплатил за это. Его сыновья пали под пулями, а те, что остались, были разделены на две категории: одних предали военному суду, других отправили в ссылку — без следствия, без предоставления права защиты, без приговора! Любой другой стране чужды такие приемы — даже стране кабилов.

Никогда за свое двадцатилетнее существование монархия не осмеливалась на что-либо подобное.

В те дни газеты, спекулировавшие на династиях, опьяненные запахом трупов, готовые в любой момент дерзко надругаться над мертвыми» (ср. *«Kolnische Zeitung»* от 29 июня), «извергали всякого рода злостную клевету, еще до судебного расследования оскверняли честь народа и требовали передачи побежденных — живых и мертвых — чрезвычайным судам; они выдавали побежденных на расправу национальной гвардии и армии, становясь маклерами палача, прислужниками у позорного столба. Рабы безумной жажды мести, эти газеты выдумывали преступления; они усугубляли наше горе и изощрялись в оскорблениях и во лжи!» (Ср. «Neue Rheinische Zeitung» от 1 июля по поводу французского «Constitutionnel», бельгийской «Independance» и «Kolnische Zeitung»[*].)

«Газета «Constitutionnel» открыто содержала лавочку, торговавшую чудовищными извращениями и россказнями о гнусных зверствах. Эта газета прекрасно знала, что *лгала,* но как раз это ей и нужно было для се торговли и политики. Как купец и вместе с тем дипломат, она торговала «преступлениями в розницу», как торгуют другими товарами «на аршин». Этой недурной спекуляции должен был когда-нибудь наступить конец. Противоречия нагромождались одно на другое; в актах военного суда, в списках сосланных не было обнаружено ни одного имени каторжника. Были исчерпаны все средства для надругательства над отчаянием. И газета замолчала, подсчитав свои барыши».

Написано К. Марксом около 20 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinishe Zeitung» № 123, 22 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 143—149. *Ред.*

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ИТАЛИИ

Кёльн, 21 октября. *Англо-французское посредничество в Италии прекращено.* Череп дипломатии скалит зубы после каждой революции, и главным образом после наступления реакции, следующей за каждой революцией. Но всякий раз, когда раздаются громовые раскаты новой революции, дипломатия заползает в свой благоухающий склеп. *Венская революция* опрокинула, словно карточный домик, франко-английскую дипломатию.

Пальмерстон расписался в своем бессилии, *Бастид* — тоже. Венская революция положила конец, по их собственному признанию, скучной переписке этих господ. Бастид официально сообщил об этом сардинскому послу маркизу *Риччи.*

На запрос последнего, «не возьмется ли Франция при известных условиях за оружие в пользу Сардинии», суровый республиканец Бастид (из «National») сделал реверанс один, другой, третий раз и запел:

«Надейтесь на меня, но не плошайте сами,
И бог, наверное, тогда поможет вам»[265].

Франция-де твердо держится принципа *невмешательства,* — того самого принципа, борьба против которого во времена Гизо годами питала *Бастида* и всех прочих господ из «National».

В этом *итальянском* вопросе *«добропорядочная»* французская республика вконец оскандалилась бы, если бы только со времени

чреватого событиями июня для нее возможен был еще больший позор.

Rien pour la gloire![*] — твердят друзья торговли во что бы то ни стало. Rien pour la gloire! — таков девиз добродетельной, умеренной, благопристойной, солидной, добропорядочной, словом — буржуазной республики. Rien pour la gloire!

Ламартин олицетворял иллюзию буржуазной республики в отношении самой себя, преувеличенное, фантастическое, восторженное представление, составленное ею о самой себе, ее грезу о своем собственном величии. Чего только нельзя себе вообразить! Подобно Эолу, освободившему из своих мехов все ветры, Ламартин выпустил и одним дуновением погнал на восток и на запад всех воздушных призраков, все фразы буржуазной республики — ветреные слова о братстве всех народов, об освобождении, которое Франция понесет всем народам, о самопожертвовании Франции в интересах всех народов.

А что он сделал? — *ничего!*

Дополнить его фразы делом взяли на себя *Кавеньяк* и его направленное вовне орудие, *Бастид.*

Спокойно взирали эти господа на неслыханные сцены в Неаполе, на неслыханные сцены в Мессине, на неслыханные сцены в Милане и его округе.

А для того чтобы не оставалось ни малейшего сомнения, что в *«добропорядочной»* республике господствует тот же *класс,* а потому проводится та же внешняя политика, что и при конституционной монархии, при Кавеньяке та же политика, что и при Луи-Филиппе, — в международных распрях прибегают к старому и вечно новому средству, к entente cordiale[**] с Англией, с Англией Пальмерстона, с Англией контрреволюционной буржуазии.

Но история не должна забыть всей *остроты,* всей pointe этого положения. Редактор «National», *Бастид,* должен был судорожно ухватиться за руку Англии. А ведь entente cordiale представляла собой главный козырь, который бедный англофобский «National» в течение всего своего существования пускал в ход против Гизо.

На надгробном камне «добропорядочной» республики будет начертано: *Бастид — Пальмерстон.*

[*] — Ни гроша для славы! *Ред.*
[**] — сердечному согласию. *Ред.*

Но «добропорядочные» республиканцы пошли даже дальше entente cordiale Гизо. Офицеры французского флота позволили себе угощаться на банкете, устроенном неаполитанскими офицерами, и на дымящихся еще развалинах Мессины пили за здоровье *неаполитанского короля, этого слабоумного тигра* Фердинанда. А над их головами испарялись фразы *Ламартина.*

Написано К. Марксом 21 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 123, 22 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«ОБРАЗЦОВОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО»

Кёльн, 21 октября. Каждый раз все с новым и новым удовольствием мы возвращаемся к нашему *«образцовому конституционному государству»,* к Бельгии.

В одном из предыдущих номеров нашей газеты мы доказывали, что *«самым крупным вассалом Леопольда»* является *«пауперизм».* Мы показали, что, если *преступность,* хотя бы только среди юношей и девушек моложе 18 лет, стихийно росла бы и дальше в такой же пропорции, как в 1845—1847 гг., то «в 1856 г. в тюрьме сидела бы вся Бельгия, в том числе и не родившиеся еще дети». Вместе с тем мы показали, что в той же мере, в какой растут пауперизм и преступность, иссякают в Бельгии и источники дохода от промышленности («Neue Rheinische Zeitung» № 68)*.

Сегодня мы бросим взгляд на *финансовое* положение *«образцового государства».*

	Франки
Обыкновенный бюджет 1848 г.	119000000
Первый принудительный заем	12000000
Второй принудительный заем	25000000
Банковые билеты с принудительным курсом.	12000000
Итого	168000000
Сверх того, банковые билеты с принудительным курсом, гарантированные государством	40000000
Всего	208000000

* См. настоящий том, стр. 331— 334. *Ред.*

Бельгия, — говорит нам Рожье, — стоит как скала; вокруг нее бушуют штормы мировой истории, но она невозмутима. Она стоит на первозданных высотах своих широких учреждений. Указанные 208 миллионов франков представляют собой прозаическое выражение чудодейственной силы этих образцовых учреждений. Конституционная Бельгия гибнет не от революционного движения. Она позорно гибнет — от *банкротства.*

Либеральное бельгийское министерство, министерство Рожье, представляет собой, подобно всем либеральным министерствам, не что иное, как министерство капиталистов, банкиров, крупной буржуазии. Мы сейчас увидим, каким образом это министерство, несмотря на рост пауперизма и упадок промышленности, не пренебрегает самыми рафинированными средствами, чтобы опять, как всегда, эксплуатировать весь народ в интересах крупных банкиров.

Второй заем, упомянутый в приведенной выше сводке, был отвоеван у палат главным образом благодаря обещанию выкупить *казначейские обязательства.* Эти казначейские обязательства были выпущены при католическом министерстве *де Тё* католическим министром финансов *Малу.* Выпуск этих казначейских обязательств был обеспечен средствами, добровольно предоставленными взаймы государству некоторыми финансовыми тузами. Обязательства эти составляли главную, неисчерпаемую тему той брюзгливой критики, с которой наш Рожье и его либеральная компания выступали против министерства де Тё.

Что же делает теперь либеральное министерство? Оно объявляет в «Moniteur» — у Бельгии имеется свой «Moniteur» — о новом выпуске казначейских обязательств из 5%.

Разве это не наглость — выпускать казначейские обязательства после того, как принудительный заем в 25 миллионов франков выманили лишь под предлогом выкупа столь опороченных казначейских обязательств, выпущенных Малу? Но и это еще не все.

Казначейские обязательства выпущены из 5%. Бельгийские бумаги, которые также гарантируются государством, дают 7—8%. Кто же при этих условиях вложит свои деньги в казначейские обязательства? И кроме того, вследствие общего положения страны и вследствие принудительных займов мало осталось таких людей, которые были бы в состоянии предоставлять государству добровольные ссуды.

Какова же цель этого нового выпуска казначейских обязательств?

Банки смогли пустить в обращение далеко еще не все билеты с принудительным курсом, на выпуск которых уполномочило их либеральное правительство. В их портфелях лежит еще на несколько миллионов этих бесполезных бумаг, которые, понятно, не приносят никаких процентов, пока они остаются наглухо запертыми в этих портфелях. Можно ли найти лучшее средство пустить эти бумаги в обращение, чем отдать их государству в обмен на казначейские обязательства, приносящие 5%?

Банк получает таким образом 5% за несколько миллионов клочков бумаги, которые ему ничего не стоили и которые вообще имеют меновую стоимость лишь потому, что им дало эту меновую стоимость государство. В ближайшем бюджете платящее налоги бельгийское простонародье обнаружит увеличение дефицита на несколько сот тысяч франков, которые оно, выполняя свой долг, должно будет покрыть — все в пользу бедного банка.

Нужно ли удивляться тому, что бельгийские финансовые тузы находят конституционную монархию более прибыльной, чем республику? Католическое министерство лелеяло и охраняло главным образом *священнейшие,* т. е. *материальные* интересы крупных землевладельцев. Либеральное министерство с такой же нежной заботливостью обслуживает интересы крупных землевладельцев, финансовых тузов и придворных лакеев. Что же тут удивительного, если под искусным руководством министерства эти так называемые партии, которые с одинаковой алчностью набрасываются на национальное богатство, а в Бельгии, скорее, на национальную бедность, вцепляясь при этом не раз друг другу в волосы, если эти партии, теперь примиренные, бросаются друг другу в объятия и образуют лишь одну-единственную большую партию — *«национальную партию»?*

Написано К. Марксом 21 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 123, 22 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОКУРОР «ГЕККЕР» И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 28 октября. В № 116 «Neue Rheinische Zeitung» *под чертой,* т. е. вне политического отдела газеты, было напечатано *«Слово к немецкому народу»* за подписью *«Геккер».* Этот *«исторический документ»* появился в некоторых немецких газетах *раньше,* чем в «Neue Rheinische Zeitung». Другие немецкие газеты, не исключая рейнско-прусских и старопрусских, опубликовали его позже. Даже у *«Kolnische Zeitung»* хватило исторического разумения напечатать прокламацию Струве, равно как и прокламацию Фуада-эффенди.

Нам не известно — может быть, лавры республиканца Геккера не давали спокойно спать государственному прокурору Геккеру? Может быть, нужно было, чтобы изумленный мир узнал о двойном поражении германской революции—в результате бегства республиканца Геккера в Нью-Йорк и в результате присутствия государственного прокурора Геккера в Кёльне? Это вполне возможно. Наши потомки будут видеть в этих двух гигантских фигурах драматическое воплощение противоречий современного движения. Будущий *Гёте* изобразит их вместе в новом «Фаусте». Предоставим ему самому решить, какому Геккеру он отведет роль Фауста, какому — роль Вагнера.

Так или иначе, за фантастическим прощальным словом республиканца Геккера последовало не менее фантастическое обвинение со стороны государственного прокурора Геккера.

Или мы ошибаемся? Может быть, государственный прокурор Геккер считает, что *«Слово к немецкому народу»* является собственной фабрикацией «Neue Rheinische Zeitung» и что в своем

изобретательном коварстве эта газета поставила под своей собственной прокламацией подпись «Геккер», чтобы заставить немецкий народ поверить, будто Геккер, государственный прокурор, эмигрирует в Нью-Йорк, будто Геккер, государственный прокурор, провозглашает германскую республику, будто Геккер, государственный прокурор, официально санкционирует революционные благие пожелания?

Такая уловка была вполне вероятной, ибо подпись под документом, напечатанным в приложении к № 116 «Neue Rheinische Zeitung», гласит не *«Фридрих* Геккер», а tout bonnement* «Геккер». Геккер без всяких росчерков, просто Геккер! А разве в Германии Геккер — не в двух лицах?

И кто же из этих двух — «просто Геккер»? Что ни говорите, но в этой простоте есть что-то двусмысленное, мы хотим сказать — что-то, бросающее подозрение на «Neue Rheinische Zeitung».

Как бы то ни было, г-н Геккер, государственный прокурор, явно усмотрел в *«Слове к немецкому народу» фабрикацию* самой «Neue Rheinische Zeitung». Он увидел в нем *прямой призыв к низвержению правительства,* ярко выраженную государственную измену или, по меньшей мере, соучастие в государственной измене, что, согласно Code pénal**, равносильно «просто» государственной измене.

Ввиду этого г-н Геккер предложил судебному следователю *«конституировать»* в качестве государственного изменника не ответственного издателя, подписывающего газету, а ее главного редактор а *Карла Маркса.* Но «конституировать» кого-нибудь в качестве *государственного изменника* — это значит, другими словами, посадить этого человека прежде всего в тюрьму, подвергнув его на первое время предварительному заключению. Дело идет здесь о «конституировании» одиночного заключения. Судебный следователь ответил отказом. Но если уж г-на Геккера обуревает какая-нибудь идея, он с ней не расстается. «Конституирование» главного редактора «Neue Rheinische Zeitung» стало у него *навязчивой идеей,* как подпись «Геккер» под «прощальным словом» превратилась для него в *фикцию.* Итак, он обратился в судебную палату. Судебная палата ответила отказом. От судебной палаты он перешел к апелляционному сенату. Апелляционный сенат ответил отказом. Но г-на государственного прокурора Геккера так и не покидала его навязчивая идея «конституировать» — все в том же вышеозна-

* — просто. *Ред.*
** — Уголовному кодексу. *Ред.*

ченном смысле — главного редактора «Neue Rheinische Zeitung» *Карла Маркса.* Как видите, идеи прокуратуры — не спекулятивные идеи в гегелевском смысле. Это идеи в духе Канта: откровения *«практического»* разума.

Карла Маркса никак нельзя было прямо «конституировать» в качестве государственного изменника, даже если бы перепечатка газетой революционных фактов или прокламаций являлась с ее стороны актом государственной измены. Прежде всего привлекли бы к ответственности *того,* кто *подписывает* газету, особенно в данном случае, когда упомянутый документ помещен *под чертой.* Что же оставалось делать? Одна идея порождает другую. *Карла Маркса* можно было привлечь к ответственности по статье 60 Code penal в качестве соучастника преступления, якобы совершенного ответственным издателем. Его можно, если захотеть, привлечь к ответственности и как сообщника в напечатании любого объявления, хотя бы оно появилось даже в «Kolnische Zeitung». И вот *Карл Маркс* получил от судебного следователя приказ явиться, явился и был допрошен. Наборщики, насколько нам известно, были вызваны в качестве свидетелей, корректор был вызван в качестве свидетеля, владелец типографии был вызван в качестве свидетеля. И, наконец, в качестве *свидетеля* был вызван *ответственный издатель* [Gerant]*. Последний вызов нам непонятен.

Неужто мнимый автор должен давать показания против своего сообщника?

Для полноты нашего повествования укажем, что в помещении редакции «Neue Rheinische Zeitung» был произведен обыск.

Геккер, государственный прокурор, перещеголял Геккера-республиканца. Один совершает мятежные деяния и выпускает мятежные прокламации. Другой, наперекор всему, вычеркивает совершившиеся факты из летописей современной истории, из *газет.* Он делает бывшее небывшим. Если «дурная печать» опубликовывает революционные факты и прокламации, то она является государственной изменницей вдвойне. Она моральная соучастница преступлений: она сообщает о мятежных деяниях только потому, что она внутренне радуется им. И она соучастница в обыкновенном юридическом смысле слова: сообщая факты, она распространяет их, а распространяя их, она становится орудием мятежа. Она оказывается поэтому «конституированной» как в том, так и в другом смысле и пожинает, таким образом, *плоды* этого «конституирования». За «хорошей» же печатью, напротив, останется монополия сообщать или не сообщать ре-

* — Корф. *Ред.*

волюционные документы и факты, искажать их или не искажать. *Радецкий* применил эту теорию на практике, воспретив миланским газетам сообщать факты и прокламации из Вены. А «Миланская газета»[266] преподнесла публике вместо большой венской «революции» специально сочиненный Радецким маленький венский бунт. Тем не менее ходят слухи, что в Милане все-таки вспыхнуло восстание.

Г-н Геккер — государственный прокурор — является, как всем известно, *сотрудником* «Neue Rheinische Zeitung»[*]. Как нашему сотруднику, мы прощаем ему многое, только не грех против нечестивого «духа» нашей газеты. А он совершает именно такой грех, превращая с неслыханным для сотрудника «Neue Rheinische Zeitung» отсутствием критического чутья прокламацию Геккера-эмигранта в прокламацию «Neue Rheinische Zeitung». Фридрих Геккер относится к движению *патетически,* «Neue Rheinische Zeitung» относится к нему *критически.* Фридрих Геккер возлагает все надежды на магическое действие отдельных *личностей.* Мы возлагаем все надежды на конфликты, вытекающие из экономических *отношений.* Фридрих Геккер уезжает в Соединенные Штаты, чтобы изучать там «республику». «Neue Rheinische Zeitung» находит в грандиозной классовой борьбе внутри *Французской республики* более интересный предмет для изучения, чем в такой республике, где на Западе классовой борьбы еще нет совсем, а на Востоке она развертывается пока лишь в старой, бесшумной английской форме. Для Фридриха Геккера социальные вопросы вытекают из политических боев, для «Neue Rheinische Zeitung» политические бои суть только формы проявления социальных конфликтов. Фридрих Геккер мог бы быть хорошим трехцветным республиканцем. Настоящая оппозиция «Neue Rheinische Zeitung» начнется только при трехцветной республике.

Как могла бы, например, «Neue Rheinische Zeitung», не отрекаясь целиком от своего прошлого, обратиться к немецкому народу с таким призывом:

«Объединяйтесь вокруг таких людей, которые высоко держат и верно хранят знамя народного суверенитета, вокруг крайних левых во Франкфурте-на-Майне; помогайте словом и делом мужественным вождям республиканского восстания».

Мы неоднократно заявляли, что мы не «парламентский» орган и не боимся поэтому время от времени навлекать на свою голову гнев даже крайних левых из Берлина и Франкфурта. Мы призывали господ из Франкфурта примкнуть к народу, но

[*] См. настоящий том, стр. 182. *Ред.*

никогда не призывали народ примкнуть к господам из Франкфурта. А «мужественные вожди республиканского восстания» — где они, кто они? Геккер, как известно, в Америке, Струве в тюрьме. Остается *Гервег?* Редакторы «Neue Rheinische Zeitung» и, в частности, Карл Маркс решительно выступали на открытых народных собраниях против парижского предприятия Гервега[267], не боясь навлечь на себя недовольство возбужденных масс. Они были, как и следовало ожидать, взяты за это в свое время под подозрение *утопистами,* которые по ошибке считали себя *революционерами* (ср., между прочим, *«Deutsche Volkszeitung»*[268]). Неужели же теперь, когда наши предсказания были уже не раз подтверждены событиями, мы должны присоединиться к людям противоположных нам воззрений?

Но будем справедливы. Г-н Геккер, государственный прокурор, еще молодой сотрудник нашей газеты. Новичок в политике, как и новичок в естественных науках, подобен живописцу, знающему только две краски, белую и черную, или, если угодно, черно-белую и красную. Более тонкие различия в пределах каждой espèce* открываются только искушенному и опытному взору. И к тому же, разве г-н Геккер не находился под властью навязчивой идеи *«конституировать»* главного редактора «Neue Rheinische Zeitung» Карла Маркса — навязчивой идеи, которую не мог расплавить огонь чистилища следственных органов, а также судебной палаты и апелляционного сената и которую следует поэтому признать огнеупорной навязчивой идеей?

Величайшим завоеванием мартовской революции бесспорно является, говоря словами Брута-Бассермана, «господство благороднейших и лучших» и их быстрое восхождение по ступеням этого господства. Мы надеемся поэтому, что и заслуги нашего уважаемого сотрудника, г-на государственного прокурора *Геккера,* вознесут его на вершины государственного Олимпа, подобно тому как белоснежные голуби, запряженные в колесницу Афродиты, с быстротой молнии возносили ее на Олимп. Наше правительство, как известно всякому, конституционно. Пфуль бредит конституционализмом. В конституционных государствах существует usus** внимательно прислушиваться *к* пожеланиям оппозиционных газет. Мы не сойдем, стало быть, с конституционной почвы, если посоветуем правительству *предоставить* нашему Геккеру вакантное место дюссельдорфского *обер-прокурора.* Дюссельдорфский прокурор г-н *Аммон,* который, насколько нам известно, пока еще не заслужил медали за спа-

* — разновидности. *Ред.*
** — обычай. *Ред.*

сение отечества, тотчас же заставит почтительно смолкнуть свои собственные притязания, если они у него есть, перед лицом более высоких заслуг. Если же г-н *Хеймзёт* сделается, как мы надеемся, министром юстиции, мы предложили бы г-на Геккера на пост *помощника генерального прокурора.* Но мы считаем, что г-н Геккер способен на большее. Г-н Геккер еще молод. И как говорит иной русский: царь велик, бог еще выше, но *царь-то ведь еще молод*.

Написано К. Марксом 28 октября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 129, 29 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«ВОЗЗВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА К НЕМЕЦКОМУ НАРОДУ»

Кёльн, 2 ноября. Ниже мы помещаем воззвание «демократического конгресса»[269]:

К НЕМЕЦКОМУ НАРОДУ!

В течение долгих позорных лет немецкий народ стонал под игом деспотизма. Кровавые события в Вене и Берлине давали основание надеяться, что одним ударом будут осуществлены свобода и единство немецкого народа. Этому развитию воспрепятствовали дьявольские происки достойной проклятия реакции, стремящейся обманным путем лишить героический народ плодов его грандиозного восстания. Вена — эта главная твердыня немецкой свободы — в настоящее время находится в величайшей опасности. Она стала жертвой козней все еще могущественной камарильи, и на нее вновь хотят наложить оковы тирании. Но благородное население Вены восстало как один человек и бесстрашно выступило против вооруженных орд своих поработителей. Дело Вены есть дело Германии, есть дело свободы. С падением Вены старый деспотизм более чем когда-либо поднимет голову, в то время как с победой Вены он будет уничтожен. От нас, немецкие собратья, зависит не допустить гибели свободы в Вене, не дать ей стать жертвой военной удачи варварских орд. Самый священный долг немецких правительств — употребить все свое влияние, чтобы спешно оказать помощь находящемуся в опасности братскому городу; но вместе с тем самый священный долг немецкого народа — в интересах своей свободы, в интересах своего собственного спасения принести любую жертву ради спасения Вены. Нельзя допустить, чтобы позор тупого равнодушия тяготел над нами в тот момент, когда на карту поставлено все самое дорогое. Поэтому мы призываем вас, собратья, чтобы каждый из вас сделал все, что в его силах, для спасения Вены от гибели. То, что мы сделаем для Вены, мы сделаем для Германии. Придите сами на помощь! Люди, которых вы послали во Франкфурт, чтобы установить свободу, со злобной насмешкой ответили отказом на призыв прийти на помощь Вене. Теперь дело за вами! Требуйте со всей настой

чивостью и непреклонностью от своих правительств, чтобы они подчинились вашему большинству и спасли дело немецкого народа и дело свободы в Вене. Спешите! Вы — сила, ваша воля — закон! Вперед! Вперед, люди свободы, во всех немецких землях и в других местах, где идеи свободы и гуманности зажигают благородные сердца! Вперед, пока еще не поздно! Спасите свободу Вены, спасите свободу Германии. Современники будут восхищаться вами, потомки вознаградят вас бессмертной славой!

29 октября 1848 г.

Демократический конгресс в Берлине

Это воззвание подменяет отсутствие революционной энергии проповедническим пафосом нытиков, за которым кроется явное убожество мысли и чувства.

Вот несколько примеров!

Воззвание ожидало, что мартовские революции в Вене и Берлине «осуществят единство и свободу» немецкого народа *«одним ударом».* Другими словами: воззвание мечтало об *«одном ударе»,* который сделал бы излишним для немецкого народа *«развитие»* с целью осуществления «единства и свободы».

Однако тут же вслед за этим фантастический «один удар», заменяющий развитие, превращается в *«развитие»,* которому *воспрепятствовала* реакция. Фраза, сама себя уничтожающая фраза!

Мы уж не говорим об однообразном повторении одной и той же главной темы: Вена в опасности, а вместе с Веной в опасности и свобода Германии; помогите Вене, тем самым вы поможете себе! Эта мысль не облекается в плоть и кровь. Одна и та же фраза варьируется на все лады до тех пор, пока она не превращается в целую проповедь. Отметим лишь, что искусственный, ложный пафос всегда сбивается на такого рода неуклюжую риторику.

«От нас, немецкие собратья, зависит не допустить гибели свободы в Вене, не дать ей стать жертвой военной удачи варварских орд».

И как же нам это сделать?

Прежде всего с помощью обращения к чувству долга *«немецких правительств».* C'est*,* incroyable![*]

«Самый священный долг немецких правительств — употребить все свое влияние, чтобы спешно оказать помощь находящемуся в опасности братскому городу».

Кого же должно послать прусское правительство против Ауэршперга, Елачича и Виндишгреца — Врангеля, или Коломба, или принца Прусского? Разве *«демократический»* конгресс имел

[*] — Это невероятно! *Ред.*

право хотя бы на минуту стать на эту детски наивную и консервативную точку зрения в отношении немецких правительств? Имел ли он право хотя бы на минуту отделять дело и «самые священные интересы» немецких правительств от дела и интересов «хорватского порядка и свободы»? Правительства будут самодовольно улыбаться по поводу этих девических мечтаний.

А народ?

Народ в общем призывается «принести любую жертву ради спасения Вены». Прекрасно! Но «народ» ждет от демократического конгресса определенных требований. Кто требует всего, тот ничего не требует и ничего не получает. *Определенное* же требование, самая суть, заключается в следующем:

«*Требуйте* со всей настойчивостью и непреклонностью от *своих правительств,* чтобы они подчинились вашему большинству и спасли дело немецкого народа и дело свободы в Вене. Спешите! Вы—сила, ваша воля — закон? Вперед!»

Допустим, что благодаря грандиозным народным демонстрациям удалось бы добиться от правительств принятия официозных мер к спасению Вены — в таком случае мы были бы осчастливлены вторым изданием «штейновского приказа по армии». Пытаться использовать нынешние «немецкие правительства» в качестве «спасителей свободы», — как будто они не выполнили своего истинного назначения, своего «самого священного долга» архангелов Гавриилов «конституционной свободы», участвуя в *общеимперских экзекуциях?* «Демократический конгресс» должен был бы молчать о немецких правительствах или же ему следовало бы беспощадно разоблачить их тайный сговор с Ольмюцем и Петербургом.

Хотя воззвание рекомендует *«спешить»* и в действительности нельзя терять времени, гуманистическая фразеология уносит его за пределы Германии, за пределы всяких географических границ в космополитическую иллюзорную страну «благородных сердец» вообще!

«Спешите! Вперед! Вперед, люди свободы, во всех немецких землях и *в других местах,* где идеи свободы и гуманности зажигают благородные сердца!»

Мы не сомневаемся, что даже в Лапландии имеются такие «сердца».

В Германии и *в других местах!* Разражаясь подобными совершенно неопределенными фразами, «воззвание» обнаруживает свою подлинную сущность.

Совершенно непростительно, что «демократический конгресс» скрепил своей подписью такой документ. «Современники» не

будут им «восхищаться», а «потомки» не «вознаградят» его «бессмертной славой».

Несмотря на «Воззвание демократического конгресса», мы все же надеемся, что народ пробудится от своей спячки и окажет Вене ту единственную помощь, которую он еще может в данный момент ей оказать, и эта помощь — победа над контрреволюцией в своем собственном доме.

Написано К. Марксом 2 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 133, 3 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПАРИЖСКАЯ «RÉFORME» О ПОЛОЖЕНИИ ВО ФРАНЦИИ

Кёльн, 2 ноября. Еще *до* июньского восстания мы неоднократно разоблачали иллюзии республиканцев, придерживающихся традиций 1793 года, республиканцев из газеты «Réforme» («парижской»). Под влиянием июньской революции и вызванного ею движения мало-помалу раскрываются глаза у этих утопических республиканцев.

Передовая статья «Réforme» от 29 октября показывает нам борьбу, происходящую в этой партии между старыми ее иллюзиями и новыми фактами.

«Réforme» говорит:

«С давних пор бои, которые велись у нас за обладание правительственной властью, были *классовыми войнами.* Борьба буржуазии и народа против дворянства при возникновении Первой республики; самопожертвование вооруженного народа за пределами страны; господство буржуазии внутри страны при Империи; попытки реставрации феодализма при Бурбонах старшей линии; наконец, в 1830 г. триумф и господство буржуазии — такова наша история».

Со вздохом «Réforme» добавляет к этому:

«С сожалением, разумеется, говорим мы о *классах, о* богопротивных и ненавистных различиях; но эти различия существуют, и мы не можем отрицать этого факта».

Это означает следующее. Республиканский оптимизм «Réforme» видел до сих пор только «citoyens»*. Но история так сильно приперла ее к стенке, что газета не могла уже больше

* — «граждан». *Ред.*

с помощью фантазии устранять раскол этих «citoyens» на «bourgeois»* и «proletaires»**.

«Reforme» продолжает:

«В феврале был сломлен деспотизм буржуазии. Чего требовал народ? Справедливости для всех, равенства. Таков был его первый клич, его первое желание. Буржуазия, прозревшая, когда в нее ударила молния, вначале не желала ничего иного, кроме того, что желал народ».

«Reforme» все еще судит о характере февральской революции по февральской фразеологии. В февральскую революцию деспотизм буржуазии отнюдь не был сломлен — он получил вполне законченное выражение. Корона, последний феодальный ореол, скрывавший господство класса буржуазии, была сброшена. Господство капитала выступило в чистом виде. Буржуазия и пролетариат боролись в февральскую революцию против общего врага. Как только общий враг был устранен, на поле сражения остались лишь эти два враждебных класса, и между ними должна была начаться решительная борьба. Но, спросят нас, если февральская революция установила господство буржуазии в законченном виде, то чем же вызван новый поворот буржуазии назад, к роялизму? Нет ничего проще. Буржуазия тоскует о том времени, когда она господствовала, не неся ответственности за свое господство; когда мнимая власть, стоя между ней и народом, должна была действовать в пользу буржуазии и в то же время служить ей прикрытием; когда у буржуазии был, так сказать, коронованный козел отпущения, которому пролетариат наносил удары всякий раз, когда метил в нее самое, и против которого буржуазия сама объединялась с пролетариатом, как только этот козел отпущения становился ей в тягость и у него возникало намерение утвердить свою власть как власть для себя. В лице короля буржуазия имела громоотвод от народа, а в лице народа — громоотвод от короля.

Принимая за действительность частью лицемерные, частью добросовестные иллюзии, получившие широкое распространение на другой день после поражения Луи-Филиппа, «Reforme» рассматривает движение *после* февральских дней, как ряд ошибок и прискорбных случайностей, которых можно было бы избежать, если бы нашелся великий муж, который соответствовал бы тому, что требуется ситуацией. Как будто Ламартин с его обманчивым блеском не был истинным мужем, соответствующим ситуации.

* — «буржуа». *Ред.*
** — «пролетариев». *Ред.*

Но истинный муж, великий муж все еще не хочет появиться,— жалуется «Reforme», — а ситуация ухудшается с каждым днем.

«С одной стороны, растет промышленный и торговый кризис. С другой стороны, растет ненависть, и все стремятся к противоположным целям. Те, которые до 24 февраля были угнетены, ищут свой идеал счастья и свободы в представлениях о совершенно новом обществе. Те, которые господствовали при монархии, думают лишь о том, как бы вернуть обратно свою власть и воспользоваться ею с удвоенной жестокостью».

Как, неужели «Reforme» занимает позицию между этими резко противостоящими друг другу классами? Поднялась ли она хотя бы до смутного понимания того, что классовые противоположности и классовая борьба исчезнут лишь с исчезновением классов?

Нет! Только что она признала наличие классовых противоположностей. Но классовые противоположности покоятся на экономических основах, на существующем до сих пор материальном способе производства и обусловленных им отношениях обмена. «Reforme» же не знает лучшего средства изменить и уничтожить эти противоположности, как отвратить свой взор от их действительной основы, а именно от этих материальных отношении, и ринуться вспять, к обманчивым высям республиканской идеологии, т. е. к поэтическому февральскому периоду, из которого ее насильственно вырвали июньские события. Послушайте только:

«Самое печальное в этих внутренних распрях — это угасание, утрата патриотических, национальных чувств», т. е. именно тех иллюзий, посредством которых оба класса придавали своим определенным интересам, условиям своей жизни патриотическую и национальную окраску. Когда они это делали в 1789 году, действительная противоположность между ними также еще не получила развития. То, что тогда являлось соответствующим выражением существовавшего положения, теперь означает лишь уклонение от признания ныне существующего положения. То, что тогда являлось еще живым телом, ныне превратилось в мощи.

«Очевидно, — заключает «Reforme», — Франция страдает от глубоко укоренившегося зла, но оно не является неизлечимым. Оно проистекает из сумятицы идей и нравов, из забвения справедливости и равенства в общественных отношениях, из губительного влияния эгоистического воспитания. В этой области и следует искать средств для преобразований. А вместо этого прибегают к материальным средствам».

«Reforme» переводит вопрос в область «совести», и болтовня о нравственности служит теперь исцеляющим средством от всех зол. Стало быть, противоположность между буржуазией и пролетариатом проистекает из идей этих двух классов. Но откуда

происходят эти идеи? Из общественных отношений. А откуда возникают эти отношения? Из материальных, экономических условий жизни враждующих классов. По мнению «Reforme», обоим классам пойдет на пользу, если они *перестанут сознавать* свое действительное положение и свою действительную противоположность, одурманивая себя опиумом «патриотических» чувств и фразеологии 1793 года. Какая беспомощность!

Написано К. Марксом 2 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 133, 3 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНЕ И «KOLNISCHE ZEITUNG» [270]

Кёльн, 3 ноября. Наши читатели никогда не питали несбыточных надежд относительно *Вены. После* июньской революции мы допускали *любую низость со стороны буржуазии.* Уже в *первом* номере *«Neue Rheinische Zeitung»,* появившемся после снятия осадного положения, мы говорили: «Недоверие буржуазии к рабочему классу угрожает этой революции, если не *поражением,* то, по крайней мере, тем, что ее развитие будет *парализовано.* Но как бы то ни было, влияние венской революции на Венгрию, Италию и Германию расстраивает весь план похода контрреволюции!»*

Поэтому поражение Вены *не* было бы для нас *неожиданностью.* Это только побудило бы нас отказаться от всякого компромисса с *буржуазией,* которая свободу измеряет *свободой торгашества.* Это побудило бы нас, отвергая всякое соглашение, непримиримо выступить против жалкого немецкого среднего класса, который охотно отказывается от собственного господства при условии, что он *без борьбы* сможет попрежнему заниматься торгашеством. Английская и французская буржуазия честолюбива. Поражение Вены подтвердило бы бесчестие немецкой буржуазии.

Стало быть, мы ни на один момент не ручались за победу венцев. Их *поражение* не явилось бы для нас неожиданностью. Оно *убедило бы* нас лишь в том, что никакой мир с *буржуазией* невозможен, даже в переходное время, что народ должен держаться в стороне от борьбы буржуазии с правительством, ожидать

---

* См. настоящий том, стр. 449. *Ред.*

победы или поражения буржуазии, чтобы затем использовать их результаты. Повторяем: нашим читателям достаточно просмотреть вышедшие до сих пор номера нашей газеты, чтобы убедиться, что ни победа, ни поражение венцев не могут явиться для нас неожиданностью.

По что действительно является для нас неожиданностью, так это вторичный экстренный выпуск *«Kolnische Zeitung».* Может быть, правительство умышленно распространяет ложные слухи о Вене, чтобы ликвидировать возбуждение в Берлине и в провинции? Уж *не платит ли Дюмон* прусскому *государственному телеграфу* за то, чтобы *он,* Дюмон, получал от «берлинских» и «бреславльских» утренних газет известия, которые не доставляются «дурной печати»? И из какого источника Дюмон получил сегодня утром свою «телеграфную депешу», которой мы не получали? Может быть, *Бирк* из Трира, это ничтожество, занявшее место Витгенштейна, приглашен к Дюмону редактором? Мы этому не верим. Ибо даже какой-нибудь Брюггеман, Вольферс, Шванбек — все это еще не *Бирк.* Сомневаемся, чтобы Дюмон пригласил столь импотентную фигуру.

Сегодня, в 6 часов вечера, *Дюмон,* в свое время печатавший ложные сообщения о февральской и мартовской революции, снова помещает среди своих первых сообщений «телеграфное» известие, согласно которому Вена сдалась «вендской чесотке», то-бишь, «Виндишгрецу»*.

Возможно. Но то, что полагает возможным некогда *обагренный кровью* «Брюггеман»[271], бывший корреспондент *старой «Rheinische Zeitung»,* этот добропорядочный, чьи *мнения* всегда совпадали с *«меновой стоимостью»* мнений вообще, — эти его возможности покоятся на сообщениях «Preusischer Staats-Anzeiger» и «Breslauer Zeitung»[272]. Самостоятельным вкладом в историю явятся россказни *«Брюггемана»,* или *«Kolnische Zeitung», о февральской, мартовской* и *октябрьской* революциях.

Ниже мы приводим эти сообщения, которые ничего не сообщают.

Написано К. Марксом 3 ноября 1848 г.

Напечатано во втором приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 133, 3 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* Игра слов: «Wendische Kratze» — «вендская чесотка», Windichgratz — фамилия. *Ред.*

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ ИЗ ВЕНЫ, БЕРЛИНА И ПАРИЖА

Кёльн, 4 ноября. *Горизонт проясняется.*

Непосредственных известий из *Вены* все еще нет. Но даже из сообщений официальной *прусской прессы* явствует, что *Вена* не сдалась и *Виндишгрец* намеренно или по *недоразумению* преподнес всему свету *ложное телеграфное сообщение,* вызвавшее в «хорошей» печати услужливое, многоголосое, ортодоксальное эхо, как бы ни старалась эта печать замаскировать свое злорадство лицемерными надгробными речами. Если устранить из берлинских и силезских сообщений все фантастические бредни, которые сводят друг друга на нет своей противоречивостью, то выясняется следующее. К 29 октября императорские бандиты овладели лишь некоторыми предместьями. Из имеющихся до сих пор сообщений *не* видно, чтобы они захватили уже опорные пункты в самом городе Вене. Вся капитуляция Вены сводится лишь к нескольким *изменническим прокламациям венского общинного совета.* 30 октября авангард венгерской армии атаковал Виндишгреца, но, *говорят,* был отбит. 31 октября Виндишгрец возобновил бомбардировку Вены, но — безрезультатно. Он находится теперь между венцами и насчитывающей более 80000 человек венгерской армией. Гнусные манифесты Виндишгреца послужили во всех провинциях сигналом к восстанию или, по меньшей мере, к весьма угрожающим выступлениям. Даже чешские фанатики в Праге, неофиты из Славянской липы[273], очнулись от своих пустых грез и высказываются *за Вену* против императорского Шиндерганнеса[274]. *Никогда* еще контрреволюция не осмеливалась так глупо и бесстыдно разглашать свои планы. Даже в *Ольмюце,* этом австрийском Кобленце, почва

колеблется под ногами коронованного идиота. То, что во главе войск стоит прославленный на весь мир *сипехсалар** *Елачич,* чья известность столь велика, что *«при блеске его сабли испуганная луна прячется в облаках»,* и кому всегда «гром пушек указывает путь», по которому ему следует уносить ноги, не оставляет никакого сомнения, что венгры и венцы

Гонят этот сброд в Дунай широкий,
Наглую орду непрошенных гостей,
Сброд голодных нищих, изнуренных жизнью,
Скопище бродяг, плутов, холопов жалких.
Все это они, хорватские подонки,
Брошенные их страной на путь безумных
Авантюр, на *верную погибель.*

Последующие сообщения принесут ужасающие подробности позорных деяний хорватов и других рыцарей «законного порядка и конституционной свободы». А европейская буржуазия из своих бирж и прочих удобных мест для зрелищ рукоплещет этой неописуемо кровавой сцене. Это та самая жалкая буржуазия, которая при отдельных случаях суровых актов народного правосудия испускала единодушный крик нравственного негодования и карканием тысяч глоток дружно провозглашала анафему «убийцам» бравого Латура и благородного Лихновского.

Поляки, в возмездие за галицийские убийства, снова стали во главе освободителей Вены, подобно тому как они стоят во главе итальянского народа, подобно тому как повсюду они являются благородными *генералами революции.* Слава, трижды слава *полякам!*

Берлинская камарилья, опьяненная кровью Вены, ослепленная столбами дыма горящих предместий, оглушенная победным ревом хорватов и гайдуков, сбросила маску. «Спокойствие в Берлине восстановлено». Nous verrons**.

Наконец, из *Парижа* мы слышим первый подземный гул, возвещающий землетрясение, которое похоронит добропорядочную республику под ее собственными развалинами.

Горизонт проясняется.

Написано К. Марксом 4 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 135, 5 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — главнокомандующий. *Ред.*
** — Посмотрим. *Ред.*

ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ВЕНЕ

Кёльн, 6 ноября. *«Хорватская свобода и порядок» победили* и отпраздновали свою победу невыразимо отвратительными преступлениями — поджогами, насилиями, грабежами. *Вена находится в руках Виндишгреца, Елачича и Ауэршперга.* Гекатомбы человеческих жертв бросают вслед за престарелым предателем Латуром в его могилу.

Все мрачные предсказания нашего венского корреспондента[275] оправдались, и сам он сейчас, быть может, уже стал жертвой резни.

Одно время мы надеялись на освобождение Вены с помощью венгров, и еще до сих пор передвижения венгерской армии представляют для нас загадку.

Предательство всякого рода подготовило падение Вены. Вся история *рейхстага* и *общинного совета* после 6 октября является не чем иным, как непрерывной историей предательства. Кто был представлен в рейхстаге и общинном совете?

Буржуазия.

Часть венской *национальной гвардии* с самого начала октябрьской революции открыто стала на сторону камарильи. А к исходу октябрьской революции мы видим, что другая часть национальной гвардии ведет борьбу против пролетариата и академического легиона, действуя в тайном согласии с императорскими бандитами. Кому принадлежат эти части национальной гвардии?

Буржуазии.

Но во *Франции* буржуазия выступила *во главе* контрреволюций после того, как она отбросила все препятствия, стоявшие на пути к господству ее собственного класса. А в *Германии* она униженно тащится *в хвосте* абсолютной монархии и феодализма, не успев обеспечить даже элементарные жизненные условия

для своей собственной гражданской свободы и для своего господства. Во Франции она выступила в качестве деспота и совершила свою собственную контрреволюцию. В Германии она выступает в качестве рабыни и совершает контрреволюцию в пользу своих собственных деспотов. Во Франции она победила для того, чтобы смирить народ. В Германии она сама смиряется, чтобы не допустить победы народа. История не знает более *позорной и низкой роли,* чем роль *германской буржуазии.*

Кто убегал толпами из Вены и предоставлял охрану покинутых богатств великодушию народа, чтобы во время бегства поносить этот народ за его сторожевую службу, а по возвращении смотреть, как его истребляют?

Буржуазия.

Чьи глубочайшие тайны выдает термометр, который падал при каждом проявлении жизни венского народа и поднимался при каждом его предсмертном стоне? Кто говорит на руническом языке *биржевых курсов?*

Буржуазия.

«Германское Национальное собрание» и его «центральная власть» предали Вену. Кого они представляют?

Прежде всего, *буржуазию.*

Победа «хорватского порядка и свободы» в Вене была обусловлена победой «добропорядочной» республики в Париже. Кто победил в июньские дни?

Буржуазия.

Своей победой в Париже европейская контрреволюция начала справлять свои оргии.

В февральские и мартовские дни вооруженная сила была повсюду разбита. Почему? Потому что она никого не представляла, кроме самих *правительств.* После июньских дней она всюду победила, ибо *буржуазия* всюду находится в тайном соглашении с ней, сохраняя, с другой стороны, в своих руках официальное руководство революционным движением и пуская в ход все те полумеры, естественным плодом которых является выкидыш.

Национальный фанатизм чехов явился сильнейшим орудием в руках венской камарильи. *Среди союзников уже начались раздоры.* В настоящем номере наши читатели найдут протест пражской депутации против оскорбительной наглости, с которой она была встречена в Ольмюце.

Это *первый симптом войны, которая начнется между славянской партией с ее героем Елачичем и партией простой, возвышающейся над всеми национальностями, камарильи с ее героем Виндишгрецем.* С другой стороны, немецкое сельское население Австрии еще не усмирено. Его голос резко прозвучит среди

кошачьего концерта австрийских народов. А с третьей стороны, до самого Пешта доносится голос народолюбивого царя; его палачи ждут в дунайских княжествах высочайшего повеления.

Наконец, последнее решение германского Национального собрания во Франкфурте, включающее немецкую Австрию в Германскую империю, само по себе должно было бы привести к гигантскому конфликту, если бы только германская центральная власть и германское Национальное собрание не видели своего призвания только в том, чтобы, выйдя на сцену, быть освистанными европейской публикой. Несмотря на всю их смиренную покорность, борьба в Австрии развернется в таких гигантских масштабах, каких еще не видела мировая история.

В *Вене* только что закончился второй акт драмы, первый акт которой был разыгран в Париже под названием *«Июньские дни».* В Париже мобили, в Вене «хорваты», и тут и там лаццарони — вооруженный и подкупленный люмпен-пролетариат — против занятого трудом мыслящего пролетариата. В *Берлине* мы скоро переживем третий акт.

Допустим, что контрреволюция оживет во всей Европе с помощью *оружия,* — умрет же она во всей Европе с помощью *денег.* Рок, который мог бы свести на нет ее победу, — это европейское *банкротство, государственное банкротство.* При столкновении с острыми «экономическими» вопросами острия штыков гнутся, как мягкий трут.

Но ход развития не будет ждать срока уплаты по тому векселю, который европейские государства перевели на европейское общество. В *Париже* июньская революция нанесет сокрушительный контрудар. С победой «красной республики» в Париже *армии* из *глубины* стран будут брошены к границам и через границы, и ясно обнаружится *действительная сила* борющихся партий. Тогда мы вспомним июнь и октябрь и тоже воскликнем:

Vae victis!*

Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, бесконечные жертвоприношения после февраля и марта, — уж один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство *сократить,* упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство — революционный терроризм.*

Написано К. Марксом 6 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 136, 7 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Горе побежденным! *Ред.*

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

Ф. ЭНГЕЛЬСА

1

Von Paris nach Bern.

I.

Seine und Loire.

La belle France! In der Tat, die Franzosen haben ein schönes Land & sie haben Recht wenn sie stolz darauf sind.

Welches Land in Europa will sich an Reichtum, an Mannigfaltigkeit der Anlagen und Produkte, an Universalität mit Frankreich messen?

Spanien? Aber zwei Drittel seiner Oberfläche sind durch Vernachlässigung oder von Natur eine große Wüste, & die atlantische Seite der Halbinsel, Portugal, gehört nicht zu ihm.

Italien? Aber seit die Welthandelsstraße durch den Ozean geht, seit die Dampfschiffe das Mittelmeer durchkreuzen, liegt Italien verlassen da.

England? Aber England ist seit achtzig Jahren aufgegangen in Handel & Industrie, Kohlenrauch und Schlacken; England hat einen schrecklich bleiernen Himmel.

Und Deutschland? Im Norden eine platte Sandebene vom romanischen Süden durch die granitne Wand der Alpen getrennt, weinarm, ein Land des Biers, des Schnapses, des Roggenbrots, der versandeten Flüsse & der Revolutionen!

Aber Frankreich! An drei Meeren gelegen, von fünf großen Strömen in all den Richtungen durchzogen, im Norden fast deutsches Klima, im Süden fast italienisches Klima; im Norden der Roggen, im Süden der Mais & Reis; im Norden die Ölgewächse, im Süden die Olive; im Norden der Flachs, im Süden die Seide, & fast überall der Wein.

Und welcher Wein! Welche Verschiedenheit, vom Bordeaux bis zum Burgunder, vom Burgunder zum schweren St. Georges, Lünel, & Frontignan des Südens und von diesem zum ~~sprudelnden~~ Champagner! Welche Mannigfaltigkeit des Weißen & des Roten, vom Petit Mâcon oder Chablis zum Chambertin, zum Château Larose, zum Sauternes, zum Roussillon, zum Aï Mousseux! Und wenn man bedenkt daß

Первая страница рукописи Ф. Энгельса
«Из Парижа в Берн»

ИЗ ПАРИЖА В БЕРН [276]

I
СЕНА И ЛУАРА

La belle France![*] В самом деле, у французов прекрасная страна, и они вправе ею гордиться.

Какая страна в Европе может сравниться с Францией богатством, разнообразием условий и продуктов, универсальностью?

Испания? Но две трети ее поверхности представляют собой, вследствие заброшенности или от природы, знойную каменистую пустыню, а прилегающая к Атлантическому океану часть полуострова, Португалия, ей не принадлежит.

Италия? Но с тех пор как путь мировой торговли проходит через океан, с тех пор как пароходы пересекают Средиземное море, Италия заброшена.

Англия? Но в Англии вот уже восемьдесят лет нет ничего, кроме торговли и промышленности, угольного дыма и скотоводства. И в Англии ужасное свинцовое небо и никакого вина.

А Германия? На севере — это плоская песчаная равнина, от европейского юга она отделена гранитной стеной Альп; и это страна, бедная вином, страна пива, водки и ржаного хлеба, страна обмелевших рек и измельчавших революций!

То ли дело Франция! Омываемая тремя морями, она в трех направлениях прорезана пятью большими реками; на севере климат почти такой же, как в Германии и Бельгии, на юге — почти такой же, как в Италии; на севере — пшеница, на юге — кукуруза и рис, на севере — рапс, на юге — оливковое дерево; на севере — лен, на юге — шелк, и почти повсюду — вино.

---

[*] — Прекрасная Франция! *Ред.*

И какое вино! Что за разнообразие — от бордо до бургундского, от бургундского до крепкого сен-жоржа, люнеля, фронтиньяна на юге и до пенистого шампанского! Какое разнообразие белых и красных вин — от пти-макона или шабли до шамбертена, шато-лароза, сотерна, до руссильонского, до пенистого аи! И подумать только, что каждое из этих вин дает свой особый хмель, что при помощи нескольких бутылок можно пережить всю гамму настроений—от легкомысленной кадрили до «Марсельезы», от бурной страстности канкана до бешеного пыла революционного возбуждения и, наконец, одной бутылкой шампанского можно снова настроить себя на самый веселый в мире карнавальный лад!

И одна лишь Франция имеет Париж — город, в котором европейская цивилизация достигла своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого через определенные промежутки времени исходят электрические разряды, потрясающие весь мир; город, население которого сочетает в себе, как никакой другой народ, страсть к наслаждениям со страстью к историческому действию, жители которого умеют жить, как самые утонченные эпикурейцы Афин, и умирать, как самые бесстрашные спартанцы, воплощая в себе одновременно и Алкивиада и Леонида, — город, который в самом деле, как выразился Луи Блан, есть сердце и мозг мира.

Когда обозреваешь Париж с какого-нибудь высокого пункта города, или же с Монмартра, или с террасы Сен-Клу, когда бродишь по окрестностям города, то невольно возникает мысль: Франция знает, что для нее значит Париж, Франция отдала свои лучшие силы на то, чтобы заботливо выпестовать Париж. Как одалиска на отливающем бронзой диване, покоится гордый город на согретых солнцем виноградных холмах извивающейся долины Сены. Где еще в мире найдете вы такие виды, как те, которые открываются из вагона обеих версальских железных дорог вниз на зеленую долину с ее многочисленными деревнями и местечками, и где найдете вы так прелестно расположенные, так чисто и изящно построенные, с таким вкусом разбросанные деревни и местечки, как Сюрен, Сен-Клу, Севр, Монморанси, Анген и бесчисленное множество других? Выйдите к любой заставе, пойдите наугад по любой из дорог, и всюду вы увидите такие же красивые окрестности, с таким же вкусом использованную местность, то же изящество и чистоту. А между тем эта жемчужина городов ведь сама создала себе такое изумительное ложе.

Но, конечно, нужна была и такая страна, как Франция, чтобы создать Париж, и лишь когда узнаешь поразительное

богатство этой великолепной страны, начинаешь понимать, как мог возникнуть этот сверкающий, великолепный, несравненный Париж. Этого, правда, не чувствуешь, когда приезжаешь с Севера, когда проносишься в поезде по равнинам Фландрии и Артуа, по безлесным и лишенным виноградников холмам Пикардии. Там видишь лишь засеянные хлебом поля и луга, однообразие которых нарушается только болотистыми долинами рек, да далекими холмами, поросшими кустарником; и лишь около Понтуаза, когда вступаешь в область, близкую к атмосфере Парижа, начинаешь понемногу замечать и самое «прекрасную Францию». Немного лучше начинаешь понимать Париж, когда едешь по направлению к столице по плодородным долинам Лотарингии, через увенчанные виноградниками меловые холмы Шампани, вдоль прекрасной долины Марны. Еще лучше понимаешь его, когда едешь через Нормандию и по дороге от Руана до Парижа наблюдаешь, как поезд то следует за изгибами Сены, то пересекает их. От Сены как бы струится парижский воздух до самого ее устья; деревни, города, холмы — все напоминает окрестности Парижа, только все становится красивее, роскошнее, изящнее по мере того как приближаешься к центру Франции. Но лишь тогда окончательно понял я, как стал возможен Париж, когда шел вдоль берега Луары и оттуда спускался через горы в покрытые виноградниками долины Бургундии.

Я знал Париж в последние два года монархии, когда буржуазия еще с упоением наслаждалась полнотой своей власти, когда торговля и промышленность были в сносном состоянии, когда молодежь из среды крупной и мелкой буржуазии еще имела достаточно денег для развлечений и разгула и когда даже часть рабочих была еще настолько обеспечена, что могла принимать участие в общем беззаботном веселье. Я снова увидел Париж в короткую пору его упоения медовым месяцем республики, в марте и апреле, когда рабочие с безрассудной доверчивостью, с самой беззаботной решимостью «предоставили в распоряжение республики три месяца нужды»*, когда они в течение дня питались сухим хлебом и картофелем, а по вечерам сажали на бульварах деревья свободы, жгли фейерверки и восторженно пели «Марсельезу» и когда буржуа, прячась целый день по своим домам, пытались разноцветными плошками смягчить гнев народа. Я снова приехал туда в октябре — отнюдь не добровольно, клянусь Геккером! Между тогдашним и нынешним Парижем было 15 мая и 25 июня, была жесточайшая

* См. настоящий том, стр. 140. *Ред.*

борьба, когда-либо виданная миром, было море крови, было пятнадцать тысяч трупов. Гранаты Кавеньяка не оставили и следа от неукротимой веселости парижан. Умолкли звуки «Марсельезы» и «Chant du depart»; лишь буржуа еще напевали сквозь зубы свое «Mourir pour la patrie»[277]. Рабочие же, без куска хлеба и без оружия, с затаенной ненавистью скрежетали зубами. В школе осадного положения легкомысленная республика скоро стала добропорядочной, покорной, благоразумной и умеренной (sage et moderee). Но Париж был мертв — это не был уже Париж. На бульварах — только буржуа и полицейские шпионы; балы, театры опустели; уличные мальчишки, напялив на себя мундиры мобильной гвардии, продались добропорядочной республике за 30 су в день, и чем глупее они становились, тем более прославляла их буржуазия, — словом, это был снова Париж 1847 года, но без души, без жизни, без огня и без элементов брожения, которые рабочие тогда вносили во все. Париж был мертв, и этот красивый покойник был тем ужаснее, чем красивее он был.

Я не мог выдержать дольше в этом мертвом Париже. Я должен был уйти прочь — все равно куда. И вот прежде всего я направился в Швейцарию. Денег у меня было немного — пришлось, следовательно, пойти пешком. Да я и не стремился выбирать кратчайший путь: с Францией не так-то легко расстаться.

Итак, в одно прекрасное утро я двинулся в путь и зашагал наугад прямо на юг. Я заблудился между деревнями, как только вышел из пригородов Парижа. Этого и следовало ожидать. Наконец, я попал на большую дорогу, ведущую в Лион. Я прошел по ней некоторое расстояние, уклоняясь временами в сторону, чтобы побродить по холмам. С их высот открываются изумительные виды на верхнее и нижнее течение Сены, по направлению к Парижу и Фонтенбло. В бесконечной дали извивается река в широкой долине; по обеим ее сторонам тянутся покрытые виноградниками холмы, а дальше, на горизонте, синеют горы, за которыми течет Марна.

Но мне не хотелось идти прямо в Бургундию, сперва хотелось побродить по берегам Луары. И вот я на второй день сошел с большой дороги и направился через горы к Орлеану. Разумеется, я вновь заблудился среди деревень, так как проводниками мне служили лишь солнце и отрезанные от всего света крестьяне, которые не имели представления, что находится справа и слева от них. Переночевал я в какой-то деревне, —названия которой я из-за местного говора крестьян так и не смог уловить, — в пятнадцати лье от Парижа, на водоразделе между Сеной и Луарой.

Этим водоразделом является широкий горный хребет, тянущийся от юго-востока к северо-западу. С обеих сторон он прорезан многочисленными долинами, по которым текут небольшие ручьи или речки. Наверху, на обдуваемых ветрами вершинах, произрастают лишь хлеба, гречиха, клевер и овощи, а на склонах—всюду виноград. Склоны, обращенные к востоку, почти все покрыты большими массами известковых глыб, называемых у английских геологов bolderstones*. Глыбы эти часто встречаются в холмистых местностях, образование которых относится к вторичному и третичному периоду. Огромные синие глыбы, между которыми зеленеют кустарники и молодые деревья, представляют совсем не плохой контраст с расстилающимися в долине лугами и покрывающими противоположный склон виноградниками.

Медленно спустился я в одну из этих маленьких речных долин и прошел по ней некоторое расстояние. Наконец, я вышел на дорогу и там встретил людей, от которых мог узнать, где я, собственно, нахожусь. Оказалось, что я был поблизости от Мальзерба, на полпути между Орлеаном и Парижем. Орлеан лежал слишком далеко на запад от моего пути; моей ближайшей целью был Невер, а поэтому через ближайшую гору я направился снова прямо на юг. Сверху открывался чудесный вид: между покрытыми лесом горами раскинулся прелестный городок Мальзерб, на склонах гор приютились многочисленные деревушки, а наверху, на одной из вершин, стоял замок Шатобриан. И что мне было еще приятнее — напротив, по ту сторону узкого ущелья, протянулась департаментская дорога, ведущая прямо на юг.

Дело в том, что во Франции есть три рода дорог: государственные дороги, прежде называвшиеся королевскими, а ныне именующиеся национальными, — прекрасные широкие шоссе, связывающие между собой важнейшие города. Эти национальные дороги — в окрестностях Парижа не просто шоссе, но поистине роскошные дороги, великолепные аллеи вязов, шириною в шестьдесят и больше футов, вымощенные посредине, — становятся хуже, чем дальше от Парижа и чем меньшее значение имеет дорога: они более узки и реже обсажены деревьями. Местами они так плохи, что после двухчасового умеренного дождя делаются почти непроходимыми для пешеходов. К дорогам второго рода принадлежат департаментские дороги, коммуникации второстепенного значения, которые содержатся на средства департаментов. Они уже, чем национальные дороги, и более

* — валунами. *Ред.*

просты. Наконец, к третьему роду дорог относятся большие проселочные дороги (chemins de grande communication), которые поддерживаются на средства кантонов, — узкие, скромные дороги, находящиеся, однако, местами в лучшем состоянии, чем более широкие шоссейные дороги.

Я пересек поле, направился прямо к моей департаментской дороге и к своему величайшему удовольствию убедился, что она совершенно прямой линией идет на юг. Деревни и постоялые дворы встречались редко. После многочасовой ходьбы я, наконец, попал на большую ферму, где мне с величайшей готовностью предложили подкрепиться, а я за это нарисовал хозяйским детям несколько рож на листе бумаги, очень серьезно поясняя: это—генерал Кавеньяк, это—Луи-Наполеон, это — Арман Марраст, Ледрю-Роллен и т. д., все как вылитые. Крестьяне глазели на карикатуры с величайшим благоговением, радостно благодарили и немедленно повесили поразительно похожие портреты на стену. От этих славных людей я также узнал, что нахожусь по пути от Мальзерба к Шатонёфу на Луаре, до которого оставалось около двенадцати лье.

Я направился дальше через Пюизо и другое небольшое местечко, название которого забыл, и поздно вечером прибыл в Бельгард, красивый и довольно большой городок, где переночевал. Дорога через плато, покрытое здесь, кстати, во многих местах виноградниками, была довольно однообразна.

На следующее утро я прошел еще пять лье по направлению к Шатонёфу, а оттуда направился вдоль Луары по национальной дороге, ведущей от Орлеана к Неверу.

На зеленом берегу Луары,
Где миндаль пленительный цветет,
Я познал любви взаимной чары,
И с тех пор туда меня влечет[278] —

так поет иной мечтательный немецкий юноша и иная нежная немецкая дева томными словами Хельмины фон Шези на умилительный мотив Карла Мариа фон Вебера. Но тот, кто ищет на берегах Луары миндальных деревьев и сладкой, нежной любовной романтики, как это было в моде в двадцатых годах в Дрездене, тот строит себе страшные иллюзии, позволительные разве только немецкому потомственному синему чулку в третьем поколении.

По пути от Шатонёфа через Ле-Борд к Дампьеру почти не приходится видеть эту романтическую Луару. Дорога пролегает среди холмов в двух-трех лье от реки, и только изредка вдали видны сверкающие на солнце воды Луары. Местность эта

богата вином, хлебом, фруктами, а поближе к реке расстилаются роскошные луга. Вид этой безлесной долины, окаймленной лишь волнообразными холмами, все же довольно однообразен.

Посредине дороги, поблизости от группы крестьянских домов, я встретил караван из четырех мужчин, трех женщин и нескольких детей с тремя тяжело нагруженными тележками, в которые были запряжены ослы. Эти люди у самой дороги варили себе обед на большом костре. Я на минуту остановился: я не ошибся, они говорили по-немецки, на самом жестком верхненемецком диалекте. Я заговорил с ними; они были в восторге, услышав в центре Франции родную речь. Это оказались, впрочем, эльзасцы из окрестностей Страсбурга, которые отправлялись каждое лето таким путем вглубь Франции и добывали себе пропитание плетением корзин. На мой вопрос, могут ли они прожить этим, мне ответили: «Конечно, с трудом, если бы приходилось все покупать, но большей частью мы собираем милостыню». Еще один совсем старый человек потихоньку выполз из своей небольшой тележки, где у него была настоящая постель. Все это сборище имело какой-то цыганский вид в своих добытых милостыней костюмах, в которых ни одна часть не подходила к другой. При всем том они имели весьма довольный вид и бесконечно много рассказывали мне о своих скитаниях. И тут же, среди самой веселой болтовни, мать и дочь — синеокое кроткое создание — чуть не вцепились друг другу в рыжие всклокоченные волосы. Оставалось только удивляться тому, с какой силой немецкое добродушие и немецкая задушевность пробиваются даже сквозь цыганский образ жизни и цыганский костюм; я распростился с ними и пустился в дальнейший путь, сопровождаемый некоторое время одним из цыган, позволившим себе перед обедом сделать прогулку верхом на костлявой спине тощего ослика.

Вечером я прибыл в Дампьер, маленькую деревушку неподалеку от Луары. Около 300—400 парижских рабочих — остатки прежних национальных мастерских — возводили здесь, по приказу правительства, плотину для защиты от наводнений. Среди них были рабочие всякого рода: ювелиры, мясники, сапожники, столяры, — вплоть до тряпичников с парижских бульваров. Я встретил около двадцати этих рабочих на постоялом дворе, где остался ночевать. Здоровенный мясник, дослужившийся уже до чего-то вроде надсмотрщика, говорил с большим восторгом о предприятии: можно-де заработать, смотря по тому, как взяться за дело, от 30 до 100 су в день; от 40 до 60 су можно легко заработать, если есть хоть немного сноровки. Он хотел немедленно зачислить меня в свою бригаду, уверяя, что

я очень быстро освоюсь с работой и уже со второй недели буду, несомненно, зарабатывать 50 су в день, что я могу хорошо устроиться и что работы там хватит еще, по крайней мере, на шесть месяцев. Я был не прочь сменить для разнообразия на один или два месяца перо на лопату. Но у меня не было никаких документов, и я бы мог нарваться на неприятность.

Эти парижские рабочие сохранили все свое традиционное веселье. Они работали по десять часов в день среди смеха и шуток, свободные часы проводили в веселых забавах, а по вечерам развлекались тем, что «развивали» деревенских девиц. Вообще же они были, вследствие своей изолированной жизни в маленькой деревушке, совершенно деморализованы. У них не замечалось и следа внимания к интересам своего класса, к злободневным политическим вопросам, так близко затрагивающим рабочих. Они, повидимому, перестали даже читать газеты. Весь их интерес к политике ограничивался тем, что они наделяли друг друга разными кличками: один из них — рослый и сильный увалень — назывался Коссидьером, другой — плохой работник и горький пьяница — окрещен был Гизо и т. д. Напряженная работа, сравнительно недурные условия жизни, а главным образом оторванность от Парижа и вынужденное пребывание в замкнутом, тихом уголке Франции необычайно сузили их кругозор. Они уже были близки к тому, чтобы окрестьяниться, а между тем они прожили там всего два месяца.

На следующее утро я прибыл в Жьен и таким образом оказался, наконец, в самой долине Луары. Жьен — маленький городок с извилистыми улицами, красивой набережной и мостом через Луару, которая здесь по ширине едва равняется Майну у Франкфурта. Вообще она очень мелка и изобилует песчаными мелями.

От Жьена до Бриара дорога тянется по долине на расстоянии приблизительно четверти мили от Луары. Идет она на юго-восток, и местность постепенно принимает южный характер. Вязы, ясени, акации и каштановые деревья тянутся по обе стороны дороги, образуя аллею. Роскошные луга и плодородные поля, где на жнивье растет самый сочный клевер, вместе с окаймляющими их рядами тополей раскинулись по нижней части долины. По ту сторону Луары в прозрачной дали виднеется ряд холмов; по эту сторону, у самой дороги — другая цепь возвышенностей, покрытых виноградниками. В этом месте долина Луары вовсе не так поразительно красива или романтична, как это обычно утверждают, но она производит в высшей степени приятное впечатление; вся эта богатая растительность свидетельствует о мягком климате, которому она обязана своим расцветом. Даже

в самых плодородных местностях Германии я не встречал растительности, которая могла бы сравниться с растительностью на пути между Жьеном и Бриаром.

Прежде чем расстаться с Луарой, скажу еще несколько слов о жителях пройденных мною местностей и об их образе жизни.

Деревни, находящиеся не дальше четырех—пяти часов езды от Парижа, не дают никакого представления о деревнях остальной части Франции. На их расположении, на архитектуре домов, на нравах жителей слишком сильно сказывается влияние великой столицы, которая дает им средства к существованию. Лишь в десяти лье от Парижа, на отдаленных возвышенностях, начинается настоящая деревня, где можно увидеть настоящие крестьянские дома. Для всей этой местности, вплоть до Луары и даже до Бургундии, характерно, что крестьянин старается, по возможности, скрыть вход в свой дом от дороги. На возвышенностях каждый крестьянский двор окружен каменной стеной, во двор входят через ворота, да и в самом дворе приходится поискать дверь в дом, которая расположена почти всегда сзади. В этих местах, где большинство крестьян имеет коров и лошадей, крестьянские дома довольно велики; на Луаре же, где сильно распространено огородничество, где даже состоятельные крестьяне совсем не имеют скота или имеют его очень мало и где скотоводство является особым промыслом, находящимся в руках более крупных землевладельцев или арендаторов, крестьянские дома становятся все меньше и меньше, и часто они так малы, что удивляешься, как крестьянская семья со всем своим скарбом и запасами может в них разместиться. Однако и здесь вход в дом находится на противоположной от дороги стороне, и в деревнях почти только одни кабачки и лавки имеют двери, выходящие на дорогу.

Крестьяне этой местности, несмотря на свою бедность, живут, в большинстве случаев, довольно хорошо. Вино, по крайней мере в долинах, почти всегда своего производства, хорошего качества и дешево (в этом году бутылка стоит от двух до трех су), хлеб повсюду, за исключением самых высоких вершин, хороший, пшеничный, а вдобавок — прекрасный сыр и великолепные фрукты, которые во Франции, как известно, везде едят с хлебом. Как все деревенские жители, они мало потребляют мяса, зато пьют много молока, едят супы из разной зелени и вообще питаются растительной пищей прекрасного качества. Северогерманский крестьянин, даже значительно более зажиточный, живет, по крайней мере, в три раза хуже, чем французский крестьянин между Сеной и Луарой.

Эти крестьяне — добродушные, гостеприимные, веселые люди, любезные и предупредительные по отношению к незнакомцу и, при всем своем скверном patois*, все же настоящие вежливые французы. Несмотря на в высшей степени развитое у них чувство собственности по отношению к клочку земли, отвоеванному их отцами у дворянства и духовенства, им все еще присущи, особенно в деревнях, лежащих в стороне от больших дорог, некоторые патриархальные добродетели.

Однако крестьянин остается крестьянином, и условия жизни крестьянина ни на минуту не перестают оказывать на него свое влияние. Несмотря на все личные добродетели французского крестьянина, несмотря на то, что он живет в лучших условиях, чем восточно-рейнский крестьянин, все же французский крестьянин так же, как и немецкий, остается варваром среди цивилизации.

Изолированное положение крестьянина в глухой деревне с немногочисленным, меняющимся лишь со сменой поколений населением, напряженный однообразный труд, сильнее всякого крепостного права приковывающий его к клочку земли, труд, остающийся неизменным из поколения в поколение, устойчивость и однообразие всех жизненных отношений, ограниченность, при которой семья является для него важнейшим, решающим общественным отношением, — все это суживает кругозор крестьянина до самых тесных пределов, которые вообще возможны в современном обществе. Великие исторические движения проходят мимо него, вовлекая его время от времени в свою орбиту, но при этом он не имеет никакого представления о природе их движущей силы, об их возникновении и цели.

В средние века, в XVII и XVIII веках движению бюргеров в городах сопутствовало движение крестьянства, которое, однако, постоянно выдвигало реакционные требования и, не достигая значительных результатов для самих крестьян, оказывало лишь поддержку освободительной борьбе городов.

В первой французской революции крестьяне выступали революционно лишь до тех пор,, пока этого требовали их ближайшие, ясно ощутимые частные интересы: пока не было обеспечено за ними право собственности на их клочок земли, возделывавшийся ими ранее в условиях феодальных отношений, пока не были раз навсегда упразднены эти отношения и чужеземные армии не были удалены из их краев. Когда же это было достигнуто, они со всем неистовством слепой жадности обратились против непонятного им движения больших городов, и особенно

* — местном наречии, говоре. *Ред.*

против движения в Париже. Бесчисленные прокламации Комитета общественного спасения, бесчисленные декреты Конвента, прежде всего о максимуме и о спекулянтах, летучие отряды и передвижные гильотины — все это пришлось пустить в ход против упрямых крестьян. И все же режим террора, прогнавший чужеземные армии и подавивший гражданскую войну, ни одному классу не пошел в такой мере на пользу, как крестьянам.

Когда Наполеон низверг господство буржуазии в лице Директории, восстановил порядок, упрочил новые условия крестьянского землевладения, санкционировав их в своем Code civil*, и погнал чужеземные армии все дальше от границ Франции. крестьяне примкнули к нему с восторгом и сделались его главной опорой. Ведь национальное чувство французского крестьянина доходит до фанатизма. La France** приобрела для него огромное значение с тех пор, как он владеет куском Франции на правах наследственной собственности. Чужеземцев он знает лишь в виде опустошающих страну завоевательных армий, которые причиняют ему огромный ущерб. Этим и объясняется не знающее границ национальное чувство французского крестьянина, его безграничная ненависть к «l'etranger»***. Этим же объясняется и энтузиазм, с которым он шел на войну в 1814 и в 1815 годах.

Когда в 1815 г. вернулись Бурбоны, когда изгнанная аристократия снова заявила свои притязания на потерянные ею во время революции земельные владения, крестьяне увидели в этом угрозу всем своим революционным завоеваниям. Отсюда их ненависть к господству Бурбонов и их ликование, когда июльская революция вновь обеспечила им сохранность их владения и вернула им трехцветное знамя.

Но после июльской революции крестьяне снова перестали принимать участие в общих интересах страны. Их желания были удовлетворены, их землевладению ничто больше не угрожало, на мэрии их деревни снова развевалось то знамя, под которым на протяжении четверти века они и их отцы одерживали победы.

Однако, как всегда, они и на этот раз мало воспользовались плодами своей победы. Буржуа немедленно стали вовсю эксплуатировать своих деревенских союзников. Плоды парцеллирования и дробления земель, обнищание и рост ипотек на крестьянские земли начали обнаруживаться уже в эпоху Реставрации. После 1830 года эти явления стали приобретать все более распространенный, все более угрожающий характер. Но гнет,

* — Гражданском кодексе. *Ред.*
** — Франция. *Ред.*
*** — «чужеземцу». *Ред.*

которому крупный капитал подвергал крестьянина, оставался в глазах последнего лишь частным отношением между ним и его кредитором; он не видел, да и не мог видеть, что эти принимавшие все более общий характер, все более становившиеся правилом частные отношения постепенно развились в классовые отношения между классом крупных капиталистов и классом мелких землевладельцев. Здесь дело обстояло совсем иначе, чем с феодальными повинностями, происхождение которых давно было забыто, которые давно потеряли свой смысл, перестали быть вознаграждением за оказанные услуги и давно стали лишь тяжкой повинностью для одной стороны. Что касается ипотечного долга, то здесь крестьянин — или же его отец — получал в долг сумму в твердых пятифранковых монетах, а долговая расписка и ипотечная книга напоминают ему при случае об источнике повинности. Проценты, которые он обязан платить, и даже все новые, обременительные выплаты ростовщику — это современные буржуазные повинности, подобным же образом затрагивающие всех должников. Угнетение совершается во вполне современной, соответствующей духу времени форме, и крестьянина высасывают и разоряют в соответствии с теми самыми правовыми принципами, которые одни гарантируют ему его владение. Его собственный Code civil, его современная библия, становится бичом для него. В ипотечном ростовщичестве крестьянин не может усматривать классового отношения, он не может требовать его упразднения, не подрывая тем самым основу и своего собственного владения. Гнет ростовщичества, вместо того чтобы втягивать его в движение, сбивает его окончательно с толку. Облегчение для себя он видит лишь в уменьшении налогов.

Когда в феврале этого года в первый раз произошла революция, в которой пролетариат выступил с самостоятельными требованиями, крестьяне ничего в этом не поняли. Если республика и имела для них какой-нибудь смысл, то это касалось лишь уменьшения налогов, а иногда, может быть, в какой-то степени и национальной чести, завоевательной войны и границы по Рейну. Но когда на следующий же день после свержения Луи-Филиппа в Париже вспыхнула война между пролетариатом и буржуазией, когда застой в торговле и промышленности отразился на деревне, когда продукты крестьянского труда, и без того обесцененные в урожайный год, еще более упали в цене и перестали находить сбыт, а тем более, когда июньская битва вызвала ужас и страх даже в самых отдаленных уголках Франции, — тогда среди крестьян поднялся всеобщий крик самой фанатической ярости против революционного Парижа и против

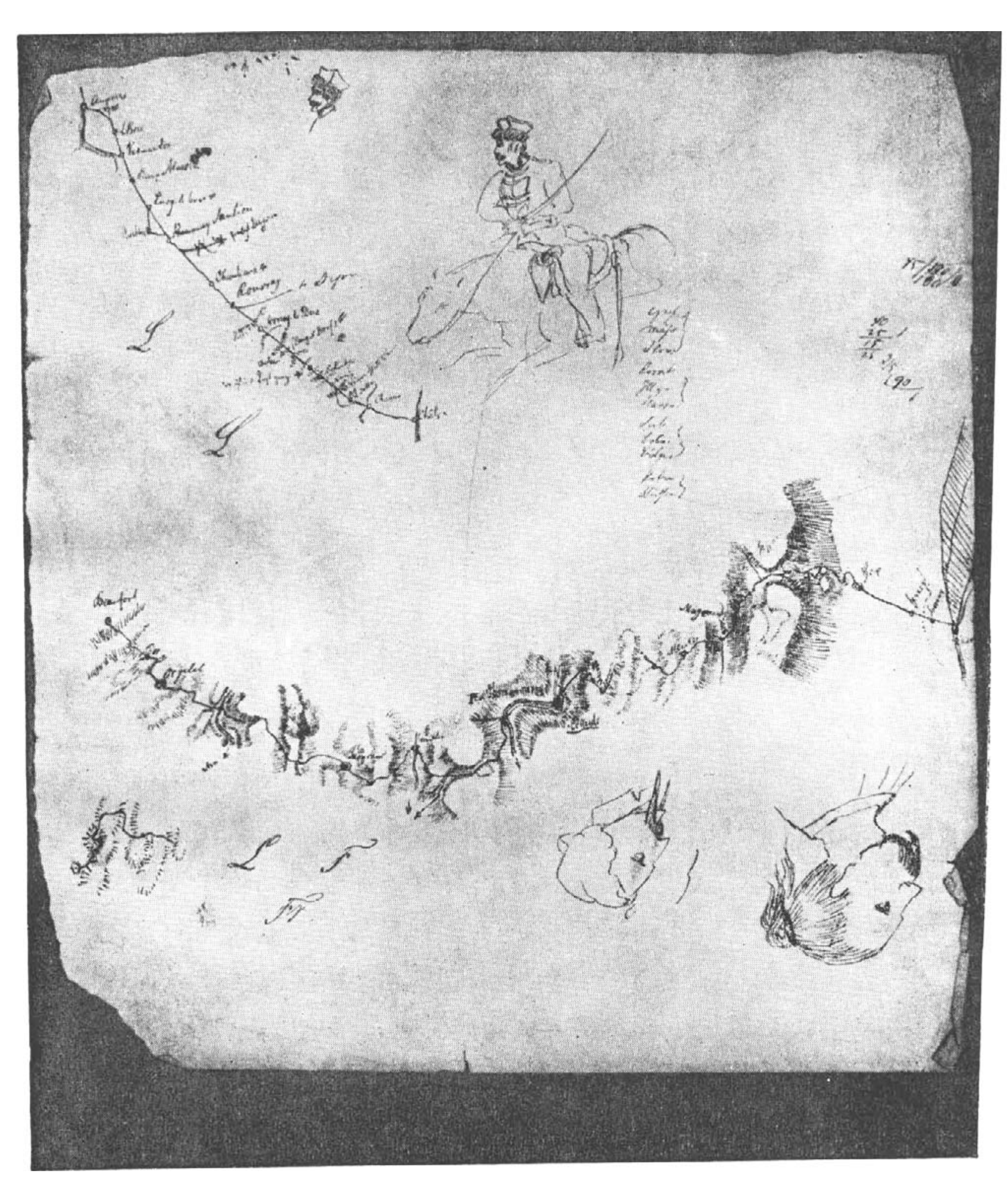
вечно недовольных парижан. Да и могло ли быть иначе! Что знал упрямый, ограниченный крестьянин о пролетариате и буржуазии, о демократически-социальной республике, об организации труда, о вещах, основные условия, причины которых никогда не могли проявиться в тесных пределах его деревни! А когда он получал иногда из грязных источников буржуазных газет смутное представление о том, что происходило в Париже, когда буржуа бросили ему громкий клич против парижских рабочих: ce sont les partageux, это люди, желающие поделить всю собственность, всю землю, — тогда еще более усилились испускаемые им вопли ярости, и возмущение крестьянина не знало границ. Я беседовал с сотнями крестьян в разных местностях Франции, и все они преисполнены были фанатической ненависти к Парижу, и особенно к парижским рабочим. «Пусть бы этот проклятый Париж завтра же взлетел на воздух!» — это было еще самое мягкое пожелание. Понятно, что старое презрение крестьян к горожанам в результате событий этого года лишь еще больше усилилось и получило подтверждение. Крестьяне, деревня должны спасти Францию; деревня производит все, города живут нашим хлебом, носят одежду из нашего льна и нашей шерсти, мы должны восстановить надлежащий порядок, мы, крестьяне, должны взять дело в свои руки, — вот тот вечный рефрен, который более или менее ясно, более или менее сознательно звучал сквозь сбивчивые речи крестьян.

И как же хотят они спасти Францию, каким путем хотят они взять дело в свои руки? Путем избрания президентом республики Луи-Наполеона Бонапарта — великое имя, носителем которого является ничтожный, тщеславный, путаный дурак! У всех крестьян, с которыми мне приходилось беседовать, энтузиазм по отношению к Луи-Наполеону был так же велик, как ненависть к Парижу. Этими двумя страстями, да еще совершенно несознательным, животным недоумением по поводу всего европейского потрясения ограничивается вся политика французского крестьянина. А ведь крестьяне имеют свыше шести миллионов голосов, более двух третей всех голосов во время выборов во Франции.

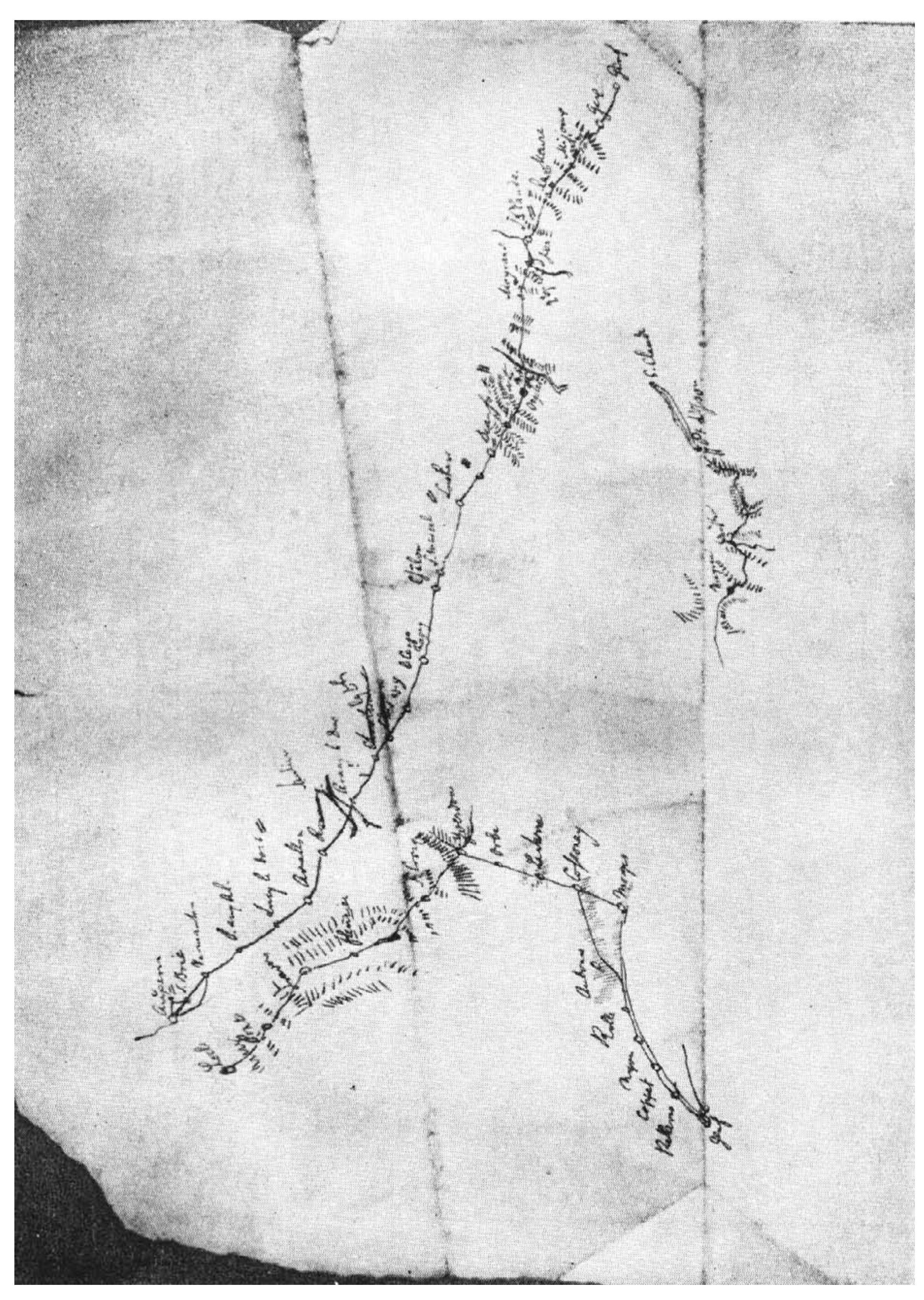
Правда, временное правительство не сумело связать интересы крестьянина с революцией; повышением поземельного налога на 45 сантимов, задевшим главным образом интересы крестьянина, оно совершило непростительную, непоправимую ошибку. Но если бы оно даже привлекло крестьян на сторону революции на несколько месяцев, летом они все равно отошли бы от нее. Теперешнее отношение крестьян к революции 1848 г. не является следствием каких-либо ошибок или случайных промахов — оно

естественно, оно коренится в жизненных условиях, в общественном положении мелкого земельного собственника. Прежде чем французский пролетариат сможет осуществить свои требования, ему придется подавить всеобщую крестьянскую войну — войну, которую даже упразднение всех ипотечных долгов могло бы лишь отсрочить на короткое время.

Нужно было в течение двух недель общаться почти исключительно с крестьянами, с крестьянами разных местностей, нужно было иметь случай повсюду сталкиваться с той же тупой ограниченностью, с тем же полным непониманием всех городских, промышленных и торговых отношений, с той же слепотой в области политики, с теми же суждениями наобум по поводу всего, что лежит за пределами деревни, с тем же применением масштаба крестьянских отношений к самым крупным историческим отношениям, — нужно было, одним словом, познакомиться с французскими крестьянами именно в 1848 году, чтобы испытать все то удручающее впечатление, какое производит эта закоренелая тупость.

Набросок маршрута от Осера до Локля,
сделанный Ф. Энгельсом[279]

Набросок маршрута от Осера до Локля,
сделанный Ф. Энгельсом[279]

II
БУРГУНДИЯ

Бриар — старинный городок, расположенный у устья канала, соединяющего Сену с Луарой. Здесь я расспросил о дальнейшем маршруте и счел более целесообразным отправиться в Швейцарию через Осер, чем через Невер. Итак, я покинул Луару и направился через горы в Бургундию.

Плодородный характер долины Луары постепенно, но довольно медленно исчезает. Подъем в гору идет незаметно, и лишь в пяти—шести милях от Бриара,у Сен-Совёра и Сен-Фаржо, начинается покрытая лесом гористая местность, благоприятная для скотоводства. Горный хребет между Ионной и Луарой здесь уже имеет большую высоту, и вся эта западная сторона департамента Йонны вообще довольно гориста.

Неподалеку от Туси, в шести лье от Осера, я впервые услышал своеобразный, наивно-растянутый бургундский диалект — диалект, который здесь и во всей собственно Бургундии еще довольно мил и приятен, но в вышележащих местностях Франшконте звучит тяжеловесно, неуклюже, почти наставительно. Это аналогично тому, что происходит с наивным австрийским диалектом, который постепенно переходит в грубый верхнебаварский. Бургундский диалект удивительно не по-французски ставит всегда ударение на слоге, предшествующем тому, на который падает главное ударение в хорошем французском языке; он превращает ямбический французский язык в трохеический и этим поразительно искажает то изящное акцентирование, которое образованный француз умеет придавать своей речи. Но, повторяю, в самой Бургундии это еще звучит довольно мило, а в устах хорошенькой девушки даже прелестно: Mais, ma foi, monsieur, je vous demande un peu...*

Вообще бургундец, если допустимо такое сравнение, — это французский австриец. Наивные, добродушные, в высшей

* — Ну, что вы, сударь, как можно... *Ред.*

степени доверчивые, одаренные большим природным умом в пределах привычного жизненного круга, полные наивно-комических представлений обо всем, что выходит за рамки этого круга, забавно-неловкие в непривычных условиях, всегда неистощимо веселые, — таковы почти все эти добрые люди. Приветливому, добродушному бургундскому крестьянину, пожалуй, скорее, чем кому-нибудь другому, можно простить его полное политическое невежество и его преклонение перед Луи-Наполеоном.

Бургундцы, впрочем, имеют, бесспорно, более сильную примесь немецкой крови, чем живущие далее к западу французы; волосы и цвет лица у них светлее, фигура несколько крупнее, особенно у женщин; острый критический ум и меткое остроумие им уже значительно менее присущи, но это возмещается у них более простодушным юмором, а иногда и легким налетом сентиментальности. Однако элемент французской веселости еще в значительной степени преобладает, а в беззаботном легкомыслии бургундец не уступит никому.

В западной гористой части департамента Йонны занимаются, главным образом, скотоводством. Но французы всюду плохие скотоводы, и бургундский рогатый скот — совсем худой и мелкий. Однако наряду со скотоводством много занимаются также земледелием и везде едят хороший пшеничный хлеб.

Крестьянские дома там также уже более похожи на немецкие; они опять становятся больше и объединяют под одной крышей жилое помещение, амбар и хлев; однако дверь и здесь находится чаще всего в стороне от дороги или же выходит на противоположную сторону.

На длинном склоне, ведущем вниз к Осеру, я увидел первые бургундские виноградники с еще не снятым большей частью урожаем винограда, небывало обильным в 1848 году. На некоторых лозах из-за гроздьев почти не видно было листьев.

Осер — небольшой городок, лежащий на неровной поверхности, неказистый изнутри, с красивой набережной на Йонне и с некоторыми зачатками бульваров, без которых не обходится во Франции ни один главный город департамента. В обычное время городок этот, должно быть, совсем тих и мертв, и префект Йонны, вероятно, расходовал очень мало средств на обязательные балы и званые вечера, которые он должен был давать при Луи-Филиппе местным нотаблям. Но теперь Осер был оживлен, как бывает только раз в году, Если бы гражданин Данжуа — народный представитель, который в Национальном собрании столь рьяно выражал свое негодование по поводу того, что на демократически-социальном банкете в Ту-

лузе все помещение было разукрашено в красный цвет, — если бы этот почтенный гражданин Данжуа прибыл вместе со мной в Осер, с ним случился бы от ужаса нервный припадок. Здесь не одно какое-нибудь помещение, а весь город был разукрашен в красный цвет. И какой красный цвет! Самый несомненный, самый неприкрытый кроваво-красный цвет окрашивал стены и лестницы домов, блузы и рубашки людей; темнокрасные потоки наполняли даже сточные канавы и обагряли мостовую, а какие-то бородатые, зловещие люди носили по улицам в больших чанах наводящую ужас темноватую, красно-пенистую жидкость. Казалось, красная республика господствует со всеми ее ужасами, казалось, что гильотина, паровая гильотина действует непрерывно, и buveurs de sang*, о которых «Journal des Debats» умеет рассказывать такие ужасные вещи, явно устраивали здесь свои каннибальские оргии. Но красная республика в Осере была совершенно невинной—это была красная республика бургундского сбора винограда, и кровопийцы, поглощающие с таким наслаждением благороднейшее изделие этой красной республики, это — не кто иные, как сами господа добропорядочные республиканцы, крупные и мелкие буржуа Парижа. Да и почтенный гражданин Данжуа, несмотря на всю свою благонамеренность, полон в этом отношении красных вожделений.

Если бы только иметь в этой красной республике полные карманы денег? Сбор 1848 года был так необыкновенно обилен, что нельзя было раздобыть достаточно бочек, чтобы вместить все вино. К тому же, какого изумительного качества — лучше, чем вино 1846 года и, может быть, даже лучше, чем вино 1834 года! Со всех сторон устремились сюда крестьяне, чтобы закупить по баснословно дешевым ценам остатки вина 1847 года— 2 франка за бочонок в 140 литров хорошего вина; ко всем воротам подъезжали телеги за телегами с пустыми бочками, и все же бочек не хватало. Я сам видел, как один виноторговец в Осере вылил на улицу несколько бочек вполне хорошего вина 1847 года, чтобы освободить их для нового вина, которое, конечно, давало совершенно иные возможности для спекуляции. Меня уверяли, что этот виноторговец вылил таким образом в течение нескольких недель до 40 больших бочек (futs).

Выпив в Осере несколько бутылок старого, а также и нового вина, я перешел через Йонну, направляясь к горам правого берега. Шоссе идет вдоль долины, но я пошел по старому кратчайшему пути, через горы. Небо было облачно, погода хмурая,

* — кровопийцы. *Ред.*

сам я был утомлен и поэтому остался переночевать в ближайшей деревне, в нескольких километрах от Осера.

На следующее утро я отправился в путь очень рано, вместе с солнцем, которое сияло прекраснее, чем когда-либо. Дорога шла между сплошными виноградниками, через довольно высокий горный хребет. Но за усилие, потраченное на подъем, я был вознагражден наверху великолепным видом. Прямо передо мной расстилался весь холмистый спуск вплоть до Йонны, дальше простиралась сама зеленая долина Йонны, покрытая лугами и обсаженная тополями, усеянная многочисленными деревнями и крестьянскими дворами, а позади — серокаменный Осер, прислонившийся к скалистой стене на том берегу; и повсюду деревни, и везде, куда достигает взор, виноградники, одни только виноградники, а ослепительные, жаркие солнечные лучи, чей блеск умеряется вдали лишь нежной осенней дымкой, льются в этот громадный котел, в котором августовское солнце варит благороднейшее вино.

Я не знаю, что придает этим французским ландшафтам, вовсе не отличающимся какими-нибудь необычайно красивыми очертаниями, их своеобразную прелесть. Конечно, не та или другая деталь, а все в целом, весь ансамбль накладывает на них печать такой насыщенности, какую редко можно встретить где-либо в другом месте. На Рейне и Мозеле гораздо более красивые группы скал, в Швейцарии более величественные контрасты, Италия более красочна, но ни в одной стране нет местностей с таким гармоническим ансамблем, как во Франции. С необычайным удовлетворением взор переходит с широкой, покрытой роскошными лугами долины к горам, так же роскошно поросшим до самой своей вершины виноградниками, и к бесчисленным деревням и городам, утопающим в листве фруктовых деревьев. Нигде не увидишь ни одного голого клочка земли, ни одного режущего глаз непривлекательного места, ни одной суровой скалы с поверхностью, недоступной для растений. Всюду богатая растительность, красивая сочная зелень, отливающая осенне-бронзовой окраской, и все это залито лучами солнца, которое и в середине октября еще достаточно горячо жжет, чтобы не оставить на виноградной лозе ни одной несозревшей ягоды.

Я прошел немного дальше, и передо мной открылся новый, такой же красивый вид. Далеко внизу, в более узкой котловине лежал Сен-Бри — небольшой городок, живущий также только виноделием. Те же детали ландшафта, что и перед этим, но только в уменьшенном виде. Внизу, в долине, городок окружен пастбищами и садами, кругом, на склонах котловины —

виноградники и лишь на северной стороне то вспаханные, то покрытые растущим на жнивье зеленым клевером поля и луга. Внизу, на улицах Сен-Бри, та же суета, что и в Осере, — повсюду бочки и давила, повсюду жители были заняты тем, что под смех и шутки давили виноград, перекачивали сусло в бочки или носили его по улицам в больших чанах. Тут же был базар, на более широких улицах стояли крестьянские телеги с зеленью, зерном и другими продуктами земледелия. Крестьяне в своих белых остроконечных шапках, крестьянки в своих мадрасских платках, повязанных вокруг головы, толкались среди виноделов, болтая, крича и смеясь, и в маленьком Сен-Бри царило такое оживление, что казалось, будто находишься в большом городе.

По ту сторону Сен-Бри дорога опять медленно шла в гору. Но на эту гору я поднимался с особенным удовольствием. Здесь все еще были заняты сбором винограда, а сбор винограда в Бургундии несравненно веселее, чем даже в Рейнской области. На каждом шагу я встречал самое веселое общество, самый сладкий виноград и самых хорошеньких девушек; ибо в этих местах, где от одного городка до другого часа три ходьбы, где жители, благодаря торговле вином, находятся в постоянных сношениях с остальным миром, господствует уже некоторая цивилизация, и никто не усваивает эту цивилизацию быстрее, чем женщины, которые извлекают из нее непосредственные и самые очевидные выгоды. Ни одной француженке-горожанке не приходит в голову петь:

Если бы сравниться я посмела
С девушками сельскими красой,
Шляпу из соломы я б надела
С лентой розовой иль голубой[280].

Наоборот, она слишком хорошо знает, что всем богатством своих чар она обязана городу, освобождению от всяких грубых работ, цивилизации с ее множеством средств, дающих возможность поддерживать чистоту и одеваться к лицу. Она знает, что деревенские девушки, даже если они не унаследовали от своих родителей широкую кость, которая так не нравится французам и которая составляет гордость германской расы, все же, из-за изнурительных полевых работ в самую жаркую пору и в сильнейший дождь, из-за трудностей, мешающих соблюдать чистоту, из-за отсутствия средств ухода за своим телом, из-за, правда, очень почтенного, но в такой же мере мешковатого и безвкусного костюма, становятся большей частью неуклюжими пугалами с утиной походкой, комически разряженными в яркие цвета. О вкусах не спорят, нашим немецким соотечественникам

больше нравятся крестьянские девушки, и, может быть, они и правы. Отдадим дань уважения драгунской поступи дюжей скотницы, и особенно ее кулакам; воздадим должное яркозеленым и огненнокрасным клеткам на платье, облекающем ее мощную талию; почет и уважение той безупречной равнине, которая тянется у нее от шеи до пяток и придает ей сзади вид обтянутой пестрым ситцем доски! Но о вкусах не спорят, и поэтому пусть не согласная со мной, но не менее почтенная часть моих соотечественников простит меня, если чисто умытые, гладко причесанные, прекрасно сложенные бургундки из Сен-Бри и Вермантона произвели на меня более приятное впечатление, чем те первобытно-грязные, взъерошенные, мясистые буйволицы, встречающиеся между Сеной и Луарой, которые таращат глаза, когда при них сворачивают папиросу, и с воем убегают, когда у них спрашивают на чистом французском языке, как найти дорогу.

Мне поэтому охотно поверят, что я больше валялся в траве, поедая виноград, попивая вино, болтая и шутя с виноградарями и их девушками, чем взбирался на гору, и что за время, отданное восхождению на эту незначительную возвышенность, я мог бы взобраться на вершину Блоксберга или даже Юнгфрау. Тем более, что каждый день можно шестьдесят раз досыта наесться винограду и, таким образом, найти в каждом винограднике удобный предлог побывать в обществе этих постоянно смеющихся, приветливых людей обоего пола. Однако все имеет свой конец, в том числе и эта гора. Было уже после полудня, когда я спускался по противоположному склону в прелестную долину Кюры, небольшого притока Йонны, по направлению к городку Вермантону, еще более красиво расположенному, чем Сен-Бри.

Вскоре после Вермантона исчезают, однако, красоты природы. Постепенно надвигается более высокий хребет Фосийон, являющийся водоразделом между бассейнами Сены, Роны и Луары. От Вермантона подъем продолжается несколько часов и тянется через длинное неплодородное плато, на котором рожь, овес и гречиха более или менее вытесняют пшеницу*.

Написано Ф. Энгельсом в конце октября — ноябре 1848 г.

Впервые опубликовано в журнале «Neue Zeit», т. 1, №№ 1 и 2, 1898 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

КО ВСЕМ РАБОЧИМ ГЕРМАНИИ [281]

БРАТЬЯ РАБОЧИЕ!

Если мы не хотим снова оказаться больше всех обманутыми, если не хотим, чтобы нас и дальше в течение долгих лет продолжала эксплуатировать, презирать и попирать небольшая кучка людей, то мы не должны терять времени, не должны ни минуты пребывать в бездействии.

Когда мы разобщены, как это было до сих пор, мы слабы, хотя нас и миллионы. Напротив, объединенные и организованные, мы будем представлять собой неодолимую силу. Поэтому, братья, создавайте повсюду в городах и деревнях рабочие союзы, где следует разъяснять условия, в которых мы находимся. предлагать меры для изменения нашего теперешнего положения, намечать и выбирать представителей рабочего класса в германский парламент и предпринимать все другие необходимые шаги для защиты наших интересов. Далее, все рабочие союзы Германии должны как можно скорее установить связь между собой и поддерживать эту связь.

Мы предлагаем вам временно избрать *Майнц* центром всех рабочих союзов и вступить в переписку с нижеподписавшимся комитетом, чтобы мы могли договориться о совместном плане и как можно скорее на совещании представителей всех союзов окончательно определить местопребывание центрального комитета и т. д.

Мы ждем писем, которые следует присылать *неоплаченными,* и мы со своей стороны будем посылать союзам *неоплаченные* письма.

Майнц, 5 апреля 1848 г.

Рабочий просветительный союз в Майнце

От имени комитета

Первый председатель **_Валлау_** Секретарь **_Клусс_**

Адрес:

Секретариату Рабочего просветительного союза в Майнце, г-ну *Адольфу Клуссу* лично.

Майнц, Францисканергассе № 156$^1/_2$

Напечатано в «Deutsche Volkszeitung» № 8, 8 апреля 1848 г., в «Mannheimer Abend-Zeitung» № 100, 10 апреля 1848 г., и в приложении к газете «Seeblatter» № 89, 13 апреля 1848 г.

Печатается по тексту «Deutsche Volkszeitung»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КЁЛЬНСКОЙ ОБЩИНЫ СОЮЗА КОММУНИСТОВ [282]

ЗАСЕДАНИЕ 11 МАЯ 1848 г.

Председатель Маркс спрашивает Готшалька, каково его мнение или решение относительно Союза: какую позицию он, Готшальк, намеревается занять в данный момент по отношению к Союзу.

Готшальк отвечает, что он настаивает на своем заявлении о выходе ввиду того, что изменившаяся в настоящее время обстановка требует также и изменения устава Союза и что в существующем до сих пор уставе он видит угрозу своей личной свободе; в то же время он заявляет, что во всех случаях, когда это будет желательно Союзу, он, Готшальк, будет готов на указанных условиях оказывать ему свое полное содействие.

Г. Бюргерс, председатель

Иос. Молль, секретарь

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 7, 1935

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПРОТИВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 7 июля. Ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung» Корф и главный редактор газеты Карл Маркс вызывались вчера на допрос к судебному следователю; и тот и другой обвиняются в оскорблении и клевете на господ жандармов, производивших арест Аннеке, и на г-на обер-прокурора Цвейфеля. Допрос начался в 4 часа. По окончании его, около 6 часов, судебный следователь и государственный прокурор *Геккер* отправились вместе с обвиняемыми в помещение редакции, где при участии полицейского комиссара был произведен обыск, дабы обнаружить рукопись, а вместе с тем и автора инкриминируемой статьи*. Была найдена записка, написанная неизвестным почерком, не являющаяся, однако, копией инкриминируемой статьи. Эта записка была. приложена к обвинительным материалам против *Маркса и его соучастников.* Судя по этой формулировке, повидимому, имеется намерение предать суду всю редакцию en masse**, хотя ответственный издатель Корф, который один только подписывает газету, естественно, несет также и судебную ответственность.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 38, 8 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* См. настоящий том, стр. 172—174. *Ред.*
** — в целом. *Ред.*

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 22 июля. Сегодня утром главный редактор «Neue Rheinische Zeitung» Карл Маркс снова был вызван к судебному следователю, который допросил его в связи с инкриминируемой статьей об аресте г-на Аннеке. Ответственный издатель газеты г-н Корф на этот раз вызван не был.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 53, 23 июля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ РЕЙНСКОГО ОКРУЖНОГО КОНГРЕССА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ [283]

Кёльн, 4 августа. На основании решения демократического конгресса во Франкфурте, согласно которому Кёльн является центром [Vorort] прусской Рейнской провинции и тамошним демократическим союзам поручено созвать окружной конгресс с целью организации демократической партии в Рейнской провинции, — Центральная комиссия здешних союзов[284] предлагает всем союзам демократического направления, существующим в Рейнской провинции, послать своих представителей на конгресс, который состоится здесь в воскресенье, 13 августа. Делегаты должны явиться в ресторан Штольверка, в зал верхнего этажа.

Центральная комиссия
трех демократических союзов в Кёльне
Шнейдер II. Маркс. (От Демократического общества.) ***Молль. Шаппер.*** (От Рабочего союза.) ***Беккер. Шютцендорф.*** (От Союза рабочих и работодателей.)

В то время как реакция по всей стране производит смотр и концентрацию своих сил под вывеской созываемых то там, то здесь «конституционных» съездов, нет никакой надобности подробно разъяснять демократам необходимость энергичного противодействия. Демократы должны только использовать те же свободы, которыми пользуется союз «С богом за короля и отечество» и его местные отделения.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 66, 5 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 4 августа. Наши осложнения с прокуратурой продолжаются. Ответственный издатель *Корф* был в прошлый понедельник снова вызван к судебному следователю, а вчера были вызваны в качестве *свидетелей* двое из наших редакторов — Дронке и Энгельс. Дронке временно отсутствует, а Энгельс явился, но, однако, не был допрошен под присягой, так как подозревают, что записка, недавно конфискованная в редакции нашей газеты, написана его рукой, и, таким образом, возможно, что и ему будет предъявлено обвинение.

Судя по всему, прокуратура не довольствуется тем, что издатель фигурирует в качестве ответственного лица. Хотят впутать в это дело главного редактора, обнаружить автора инкриминируемой статьи, хотят заставить редакторов, *каждый* из которых может быть автором указанной статьи, давать показания *друг против друга* и, возможно, даже *против самих себя.*

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 66, 5 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ПРОТОКОЛА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ КЁЛЬНСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 11 АВГУСТА 1848 г.

После того как протокол предыдущего общего собрания был зачитан и утвержден по указанию временного председателя Маркса, г-н *Вольф* зачитал протест германскому Национальному собранию относительно раздела Польши*. Собрание с энтузиазмом приветствовало этот документ и приняло его единогласно.

Г-н *Риттпингхаузен* приводит ряд доказательств того, что г-ну Марксу принадлежит право гражданства, в котором прусское правительство недавно ему отказало**. Он считает, что лучше всего завтра же послать делегацию, которая заставила бы окружное управление аннулировать этот незаконный и во всех отношениях смехотворный акт, а в случае, если оно на это не согласится, направить протест против его действий непосредственно министру. Протест зачитывается и принимается собранием с тем, чтобы, если не будет отменен отказ в предоставлении Марксу права гражданства, сегодня же вечером начать сбор подписей под этим документом.

Г-н *Маркс* еще более подробно останавливается на доказательствах незаконности направленных против него мер, и собрание единодушными аплодисментами признает убедительность этих доказательств. Действительная причина, из-за которой правительство отказалось предоставить Марксу право гражданства, заключается в том, что до этого правительство безрезультатно пыталось привлечь Маркса на свою сторону.

---

* См. настоящий том, стр. 530—531. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 407—410. *Ред.*

Г-н *Энгельс* касается новой недопустимой полицейской меры в отношении Шаппера, которому угрожает высылка*. Он говорит о незаконности действий полиции, особенно подчеркивая, что Шаппер, как гражданин Нассау, во всяком случае имеет право считаться немцем и как таковой может проживать, согласно постановлению франкфуртского Национального собрания, во всех 38 немецких государствах.

Членами делегации, которая должна вести переговоры с регирунгспрезидентом и полицейдиректором по делу Маркса и Шаппера и добиваться отмены соответствующих постановлений, избраны: Риттингхаузен, Шнейдер и Бюргерс.

Депутат *Гладбах,* которого собравшиеся встретили бурными аплодисментами, подробно объясняет, почему ни от Берлинского, ни от Франкфуртского собрания не следует ожидать ничего хорошего.

Г-н *Энгельс* указывает, что именно Гладбах всегда привлекал к себе внимание своим свободомыслием, смелостью и особенно своим энергичным протестом против обращения с шлезвиг-гольштейнцами в Шпандау**. Собрание приветствует Гладбаха троекратным ура...

Напечатано в газете «Wachter am Rhein» 2. Dutzend, № 2, 25 августа. 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том, стр. 389—390. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 175—176 и 188—190. *Ред.*

ПРОТЕСТ КЁЛЬНСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРОТИВ ВКЛЮЧЕНИЯ ПОЗНАНИ В ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ [285]

Кёльн, 12 августа. *«Демократическое общество»* Кёльна направило Национальному собранию протест следующего содержания :

Высокое Национальное собрание!

Принимая во внимание:

1. что Германия, ведущая борьбу за свою свободу, намерена не угнетать другие народы, а наоборот, способствовать стремлению этих народов к свободе и независимости ;

2. что освобождение Польши является вопросом жизни для самой Германии;

3. что три деспота, действительно, неоднократно лишали поляков их свободы и национальной независимости;

4. что, начиная с 1792 г., все посягательства на Польшу со стороны реакции и все разделы этой страны всегда были направлены против свободы всей Европы и что, с другой стороны, всякий раз, когда для народов наступал момент их освобождения, выставлялось и настоятельное требование восстановления Польши;

5. что даже Комиссия пятидесяти[286] с возмущением отклонила от имени немецкого народа всякое участие в преступлении, совершенном против Польши, ясно подчеркнув при этом долг немецкого народа содействовать восстановлению независимой Польши;

6. что даже король Пруссии после мартовской революции под давлением общественного мнения торжественно обещал реорганизацию Познани;

7. что, несмотря на это, Национальное собрание во Франкфурте, возникшее, правда, в результате косвенных выборов, на своем заседании 27 июля с. г. постановило включить три четверти великого герцогства Познанского в еще не существующее германское государство, запятнав себя, таким образом, участием в новом разделе Польши и издевательством над свободой, подобно Венскому конгрессу и германскому Союзному сейму;

8. что, однако, здравая часть немецкого народа не хочет и не может принимать какого бы то ни было участия в подавлении польской национальности в угоду реакции и в интересах кучки прусских бюрократов, помещиков и торгашей; —

кёльнское Демократическое общество на своем сегодняшнем заседании постановляет:

заявить решительный протест против принятого германским Национальным собранием 27 июля с. г. решения относительно великого герцогства Познанского и тем самым энергично протестовать перед лицом Германии, Польши и всей Европы против этого произвольного включения, проводимого только в интересах реакционной партии в Пруссии, России и Австрии.

По поручению *Демократического общества*

Комитет

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 74, 13 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПРОТИВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 12 августа. Заслуживающие интереса взаимоотношения, сложившиеся между нашей газетой и прокуратурой, все еще продолжают развиваться. Вчера судебный следователь снова вызвал в качестве свидетеля одного из наших редакторов — Эрнста Дронке. Допрос под присягой не состоялся, так как был сделан донос, будто Дронке вечером, после ареста Аннеке, посетил жену арестованного и собирал там сведения об обстоятельствах ареста. На вопрос свидетеля, против кого направлено обвинение, было дано разъяснение, что определение «Маркс и его соучастники» следует понимать в том смысле, что ответственный издатель Корф будет привлечен к ответственности только при известных обстоятельствах, но зато имеется намерение привлечь к судебной ответственности главного редактора Карла Маркса как предполагаемого автора инкриминируемой статьи.

Дронке, впрочем, заявил, что не считает себя обязанным говорить правду, так как в качестве редактора он, возможно, будет заподозрен в соавторстве статьи и не намерен давать показания против самого себя.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 74, 13 августа 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

О ВЫСТУПЛЕНИИ МАРКСА В ВЕНСКОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОЮЗЕ 28 АВГУСТА 1848 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Вена, 29 августа. На вчерашнем собрании Демократического союза обсуждался вопрос о том, должен ли Союз поставить перед императором или перед рейхстагом вопрос о смещении министра Шварцера или, вернее, о смещении всего министерства Добльхоффа. Г-н Юлиус Фрёбель и г-н Маркс присутствовали в качестве гостей и участвовали в дискуссии, защищая различные точки зрения.

Г-н Юлиус Фрёбель высказался за то, чтобы Союз по данному вопросу обратился к императору, в то время как г-н Маркс утверждал, что демократический принцип воплощен в рейхстаге*. Здесь никого не удивило то обстоятельство, что берлинские «теоретики» из числа так называемых демократов на практике стремятся к «соглашению» с государями.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 94, 5 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* В венской демократической газете «Der Radikale» было напечатано следующее сообщение об этом выступлении Маркса: «Г-н Маркс заявил, что безразлично, *кто* будет министром, так как в настоящий момент здесь, как и в Париже, суть дела в борьбе между буржуазией и пролетариатом. Речь его была очень остроумной, резкой и поучительной». *Ред.*

О ВЫСТУПЛЕНИИ МАРКСА В ПЕРВОМ ВЕНСКОМ РАБОЧЕМ СОЮЗЕ 30 АВГУСТА 1848 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Г-н д-р Маркс говорит о рабочих, в частности, о немецких рабочих за границей.

Национальные мастерские и последняя рабочая революция в Париже. Немецкие рабочие, заявляет он, могут гордиться тем, что значительное число отправленных в ссылку являются их земляками.

Чартисты в Англии, их выступления в последнее время. Англия и полное освобождение рабочих Европы. Бельгия...*

Напечатано в газете «Die Constitution» № 133, 1 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Венская демократическая газета «Volksfreund» так сообщает о выступлении Маркса: «Д-р *Маркс,* редактор «[Neue] Rheinische Zeitung», приветствует членов союза и заявляет, что считает для себя честью выступать и в Вене перед Рабочим союзом, как он до того выступал в рабочих союзах Парижа, Лондона и Брюсселя». *Ред.*

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

«Breslauer Zeitung» напечатала в № 201 корреспонденцию из Берлина, где говорится, будто рыцарь Шнапганский[287] приобрел множество акций «Neue Rheinische Zeitung», и поэтому перестали появляться статьи-фельетоны о нем, ибо не может же газета полемизировать против своих собственных акционеров. Мнимо-демократическая «Dusseldorfer Zeitung» сочла своей обязанностью перепечатать это клеветническое утверждение на своих столбцах. В Берлине могут плести какие угодно небылицы, но *силезская* газета должна была бы знать, что это утверждение было ложью и почему оно являлось ложью. Эта вероломная инсинуация — увы! — появилась на свет с опозданием. Уже в № 92 «Neue Rheinische Zeitung», выпущенном задолго до получения № 201 «Breslauer Zeitung», напечатано продолжение упомянутого фельетона. Ко всему прочему, «Neue Rheinische Zeitung» — это партийный орган, и она уже дала достаточно доказательств своей неподкупности.

Ответственные издатели
«Neue Rheinische Zeitung»

Напечатано в приложении
к «Neue Rheinische Zeitung» № 93,
3 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 5 сентября. Вчера снова один из редакторов нашей газеты — *Фридрих Энгельс* — был вызван к судебному следователю в связи с делом Маркса и его соучастников, но на этот раз не в качестве свидетеля, а в качестве одного из обвиняемых. Предварительное следствие уже закончено, и если прокуратура не предъявит никаких новых обвинений, то в ближайшее время судебной палате придется решать, должны ли Маркс, Энгельс и Корф предстать перед судом присяжных по обвинению в оскорблении или клевете на г-на обер-прокурора Цвейфеля и на шестерых господ жандармов.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 95, 6 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ И КОМИТЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

Кёльн, 14 сентября. Мы снова возвращаемся к вчерашнему народному собранию и его результатам, так как они вызвали довольно большой интерес в нашем городе.

Народное собрание началось вскоре после 12 часов дня на Франкенплаце; открыл его г-н В. Вольф, который вкратце сообщил, для какой цели созвано собрание, а затем предложил выбрать председателем г-на Г. Бюргерса. Г-н Бюргерс, кандидатура которого была принята единогласно, поднялся на трибуну и вновь предоставил слово г-ну Вольфу, который на этот раз предложил избрать Комитет безопасности, как орган, представляющий ту часть населения Кёльна, которая не представлена в существующих законных органах власти. Это предложение было поддержано г-ном Ф. Энгельсом, а также гг. Г. Беккером и Э. Дронке. Предложение было принято при бурных аплодисментах всего собрания, насчитывавшего не менее 5—6000 человек, при пяти голосах против; несмотря на повторные приглашения, никто не выступил против предложения. Затем было установлено число членов Комитета в 30 человек и избраны эти 30 членов[288]. Так как в числе избранных оказались также двое арестованных — Готшальк и Аннеке, — то были дополнительно избраны два их заместителя.

Затем г-н Ф. Энгельс предложил следующий проект обращения к Берлинскому собранию:

Собранию, созванному для соглашения о прусской конституции в Берлине.

Нижеподписавшиеся граждане Кёльна, принимая во внимание:

что Собрание, созванное для соглашения о прусской конституции, вменило в обязанность министерству, во исполнение решения от 9 августа, немедленно издать

в целях успокоения страны, а также во избежание разрыва между министерством и Собранием, приказ относительно реакционных поползновений офицерства*;

что министерство Ауэрсвальда—Ганземана в результате этого постановления ушло в отставку и что король поручил образование нового министерства г-ну Беккерату, только что смещенному с поста имперского министра;

что личность г-на Беккерата никоим образом не гарантирует выполнение постановления Собрания, а наоборот, ввиду известных контрреволюционных взглядов этого человека, можно ожидать даже попытки роспуска Собрания;

что Собрание, избранное народом для соглашения о конституции между королем и народом, не может быть распущено односторонним актом, так как это означало бы, что корона существует не наряду с Собранием, а *над* ним;

что в силу этого роспуск Собрания явился бы государственным переворотом; — требуют от Собрания,

чтобы в случае попытки его роспуска депутаты выполнили свой долг и не покидали своего поста даже под угрозой штыков.

Это обращение было принято единогласно, после чего собрание было закрыто.

Несмотря на то, что более возвышенные части площади были заняты многочисленными представителями Союза граждан[289] и, как утверждают, многие известные «нытики» делали все возможное, чтобы подкупом и уговорами подбить какие-нибудь личности на скандал, наконец, несмотря на то, что присутствовало довольно много полицейских, переодетых в штатское, — собрание обнаружило достаточно такта, чтобы сорвать любые попытки вызвать беспорядок.

Между тем в ратуше заседали господа командиры гражданского ополчения и обсуждали, что предпринять, так как некоторые уверяли, что беспорядки неизбежны. В разгар заседания распахивается дверь, и в зал врываются руководители Союза граждан, которые заявляют, что образование Комитета безопасности есть первый шаг к революции, что Кёльн в опасности, что вот-вот будет провозглашена красная республика, и если гражданское ополчение не в состоянии своими силами поддержать порядок, то *Союз граждан отдает себя целиком и полностью в распоряжение г-на фон Витгенштейна!* Однако г-н фон

* См. настоящий том, стр. 416—417. *Ред.*

Витгенштейн благоразумно отклонил это предложение, а также отказался призвать к оружию гражданское ополчение. Последующие события показали, как правильно поступило на этот раз гражданское ополчение.

Не довольствуясь этим, господа из Союза граждан, еще в то время, когда происходило народное собрание, расклеили «протест», который мы приводим ниже. Этот протест, *никем не подписанный,* через пять минут бесследно исчез отовсюду. К вечеру он снова появился в виде листовки, напечатанной жирным шрифтом в типографии «Kolnische Zeitung» и разосланной подписчикам этой газеты. На этот раз «протесту» было предпослано следующее забавное вступление:

Кёльн, 13 сентября 1848 года.

Так называемые демократы стремятся использовать возбуждение, вызванное последними постановлениями Франкфуртского и Берлинского собраний, чтобы попытаться вернуть позиции, которые они теряют одну за другой, и постараться во что бы то ни стало вызвать конфликт. Поэтому в преступных целях используется и неслыханным образом намеренно раздувается важность и опасность столкновения между военными и гражданами, имевшего место здесь, в Кёльне, 11 сего месяца[290]. Сегодня утром было даже расклеено объявление о созыве в 12 часов народного собрания под открытым небом; это собрание действительно избрало возгласами с мест Комитет безопасности, куда вошли лица, включенные по предварительному сговору в заранее подготовленный список.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что никто не должен признавать такой орган, избранный путем выкриков случайно собравшейся толпой народа в обход существующей власти, и члены этого Комитета, если только они осмелятся действовать в качестве таковых, должны немедленно подпасть под действие закона. Однако лучше предупредить задуманное преступление, чем наказывать за него, когда оно, возможно с большими жертвами, будет уже совершено.

Поэтому мы считаем своим долгом предостеречь всех граждан и обратить их внимание на грозящую опасность.

С этой целью публикуется нижеследующий протест и призыв:

ПРОТЕСТ

Образование Комитета безопасности — первый шаг к

революции.

Мы призываем всех, кто стремится к истинной свободе и порядку, со всей силой поддержать существующие власти, противодействовать преступным замыслам меньшинства и протестовать против образования Комитета безопасности.

В особенности мы призываем всех солдат гражданского ополчения выполнять свой долг, всеми силами защищая законность и порядок. Воображаемая опасность со стороны войска устранена, истинная же опасность возникает вследствие образования Комитета безопасности.

Многие члены правления
кёльнского Союза граждан

Комитет безопасности организован вчера вечером и прежде всего приобщил к делу этот забавный протест, что должно успокоить господ из Союза граждан. Избраны председатель, секретарь и три члена исполнительного комитета, затем принято обращение к регирунгспрезиденту, к коменданту города, к магистрату и к командованию гражданского ополчения; это обращение уведомляет вышеперечисленные власти об образовании Комитета безопасности и заявляет, что Комитет будет, используя все законные средства, по возможности в согласии с властями, выполнять свою задачу — поддерживать спокойствие, но в то же время стоять на страже прав народа. Комитет постановил далее объявить обо всем этом населению Кёльна в плакате, который должен быть расклеен. Завтра мы опубликуем оба документа.

Сегодня утром брожение умов уже несколько улеглось. Все посмеиваются над вчерашними страхами, превратившими Комитет во временное правительство, в Comite du salut public*, в заговор в пользу красной республики, — словом, во что угодно, но не в то, чем этот Комитет является в действительности, — *комитетом,* прямо и открыто избранным народом и ставящим своей задачей представительство интересов той части населения, которая не представлена в законных органах власти, комитетом, действующим лишь законным путем и не претендующим на присвоение какой-либо власти, кроме морального влияния, которое обеспечивают ему право союзов, законы и доверие его избирателей.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 103, 15 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — Комитет общественного спасения. *Ред.*

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В ВОРРИНГЕНЕ

Кёльн, 18 сентября. Вчера около Воррингена состоялось большое народное собрание. Из Кёльна вниз по Рейну спустилось 5—6 больших рейнских барок, вмещавших несколько сот человек каждая; впереди развевался красный флаг. Присутствовали более или менее многочисленные делегации из Нёйсса, Дюссельдорфа, Крефельда, Хитдорфа, Фрехена и Рейндорфа. На собрании, которое происходило на лугу у Рейна, присутствовало не менее 6—8 000 человек.

Председателем был избран Карл *Шаппер* из Кёльна, секретарем — Фридрих *Энгельс* из Кёльна. По предложению председателя собрание большинством голосов против одного высказалось за республику, а именно за демократически-социальную, *красную республику.*

По предложению Эрнста *Дронке* из Кёльна собрание в Воррингене единогласно одобрило то же обращение к Берлинскому собранию, какое было принято в прошлую среду народным собранием на Франкенплаце (в нем предъявлялось требование, чтобы Собрание не подчинялось роспуску даже под угрозой штыков)*.

По предложению Иосифа *Молля* из Кёльна был *признан* Комитет безопасности, избранный на открытом народном собрании в Кёльне, и по инициативе одного из участников собрания была провозглашена троекратная здравица в честь Комитета.

По предложению Фридриха *Энгельса* из Кёльна было единогласно принято следующее обращение:

* См. настоящий том, стр. 537—538. *Ред.*

Германскому Национальному собранию во Франкфурте.

Собравшиеся здесь граждане германского государства настоящим заявляют:

что в случае, если из-за противодействия прусского правительства решениям Национального собрания и центральной власти возникнет конфликт между Пруссией и Германией, — они готовы до последней капли крови бороться за Германию.

Ворринген, 17 сентября 1848 г.

По предложению Шульте из Хитдорфа было вынесено постановление, что «Kolnische Zeitung» не представляет интересов Рейнской провинции.

Кроме того выступили также: В. *Вольф* из Кёльна, Ф. *Лассаль* из Дюссельдорфа, *Эссер* из Нёйсса, *Вейль, Вахтер, Беккер* и *Рейххельм* из Кёльна, *Вальраф* из Фрехена, *Мюллер,* член ворringенского Рабочего союза, *Левен* из Рейндорфа, *Имандт* из Крефельда. Прения закончились кратким выступлением Генри *Брисбейна* из Нью-Йорка, известного редактора демократически-социалистической «New-York Tribune».

Во время собрания были получены из надежного источника сведения о том, что предполагается «во вторник снова ввести в Кёльн 27-й полк, стянуть также и остальные батальоны этого полка, спровоцировать столкновения между солдатами и гражданским населением, использовать это для объявления осадного положения в городе, разоружить гражданское ополчение, — словом, поступить с нами так же, как это было сделано в Майнце».

Присутствовавшие на собрании жители окрестностей Кёльна обещали свою помощь кёльнцам в том случае, если это известие действительно подтвердится и дело дойдет до столкновения. И в самом деле, ворringенцы готовы по первому зову явиться в Кёльн.

Это — к сведению бывшего командующего гражданским ополчением г-на Витгенштейна.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 106, 19 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

РЕШЕНИЕ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ В КЁЛЬНЕ В СВЯЗИ С ВОССТАНИЕМ ВО ФРАНКФУРТЕ

Просьба перепечатать!

ПРОКЛАМАЦИЯ!

Германские граждане, участники народного собрания в Кёльне* 20 сентября, принимая во внимание,

что решение франкфуртского Национального собрания от 16-го, санкционирующее позорное перемирие с Данией, является изменой немецкому народу и чести немецкого оружия,—

постановляют:

1. Депутаты франкфуртского так называемого Национального собрания, за исключением тех, которые заявили народу о своей готовности выйти из состава Собрания, являются предателями народа;

2. франкфуртские баррикадные бойцы имеют большие заслуги перед отечеством.

* В тексте одновременно опубликованной листовки, которая была озаглавлена «Решение народного собрания», после слов «в Кёльне» вставлено: «созванного по инициативе Комитета безопасности, Демократического общества и Рабочего союза». *Ред.*

Эту прокламацию следует распространить возможно более широко, расклеив ее в виде объявления и опубликовав в печати.

Взносы в помощь повстанцам и их семьям будет принимать экспедиция «Neue Rheinische Zeitung»[*].

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 110, 23 сентября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] В листовке вместо этой фразы напечатано: «Экспедиция «Neue Rheinische Zeitung» заявила о своей готовности принимать взносы в целях поддержки франкфуртских баррикадных бойцов и их семей и пересылать их депутату Шлёффелю из Силезии для соответствующего использования. Остальные демократические газеты, очевидно, не откажутся поступить подобным же образом». *Ред.*

ИЗВЕЩЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЕЙ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» В СВЯЗИ С ПРИОСТАНОВЛЕНИЕМ ВЫХОДА ГАЗЕТЫ

Нашим уважаемым подписчикам!

В связи с объявлением в Кёльне осадного положения, когда перо вынуждено подчиняться сабле, запрещен выход

«NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»,

и газета в данный момент не в состоянии выполнять свои обязательства по отношению к уважаемым подписчикам.

Однако у нас есть основание надеяться, что чрезвычайное положение продлится всего лишь несколько дней, после чего наша газета, усиленная притоком *новых значительных средств,* начнет выходить в октябре месяце в *увеличенном формате* и будет рассылаться нашим подписчикам аккуратнее, чем до сих пор, так как мы намерены в ближайшее время начать печатание на новой скоропечатной машине.

Кёльн, 28 сентября 1848 г.

Ответственные издатели

Напечатано в виде отдельного листка

Печатается по тексту листка

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИЗЫВ К ПОДПИСКЕ НА «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG, ORGAN DER DEMOKRATIE»

«Neue Rheinische Zeitung», которая во время осадного положения в городе Кёльне была самым безответственным образом запрещена на несколько дней вооруженной реакцией, теперь, когда осадное положение опять снято с сегодняшнего дня, будет *снова с энергией и выдержкой защищать демократические интересы всего народа. Это особенно необходимо именно теперь, когда все мы видели, с какой наглостью и бесцеремонностью вооруженная реакция выступала в последнее время против свобод, по праву завоеванных народом.* Обращаясь к сторонникам демократии с этим сообщением, мы призываем их к широкому участию в подписке на начинающийся 4-й квартал, так как демократические газеты, и без того подвергающиеся преследованиям со всех сторон, *особенно нуждаются в деятельной поддержке своих сторонников.*

Подписная цена на квартал в Кёльне 1 талер 15 зильбергрошей. — За пределами Кёльна в Пруссии — 1 талер 24 зильбергроша 6 пфеннигов. — Вне Пруссии к подписной цене прибавляются расходы на пересылку газеты за границу.

За объявления в размере одной строчки петита при четырехполосной странице или за соответствующее место взимается 1 зильбергрош 6 пфеннигов.

Кёльн, 3 октября 1848 г.

Г. Корф,
ответственный издатель
«Neue Rheinische Zeitung»

Напечатано в виде отдельного листка

Печатается по тексту листка

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Лица, приметы которых описаны ниже, бежали, чтобы скрыться от следствия, начатого по поводу преступлений, предусмотренных статьями 87, 91 и 102 Уголовного кодекса. На основании распоряжения судебного следователя города Кёльна о приводе этих лиц настоятельно прошу все учреждения и чиновников, которых это касается, принять меры к розыску указанных лиц и в случае поимки арестовать и доставить их ко мне.

Кёльн, 3 октября 1848 г.

За обер-прокурора
государственный прокурор ***Геккер***

Приметы. I. Имя и фамилия — *Иоганн Генрих Герхард Бюргерс*...

II. Имя и фамилия — *Фридрих Энгельс*; сословие — купец; место рождения и жительства — Бармен; религия — евангелическая; возраст — 27 лет; рост — 5 футов 8 дюймов; волосы и брови — темнорусые; лоб — обычный; глаза — серые; нос и рот — пропорциональные; зубы — хорошие; борода — каштановая; подбородок и лицо — овальные; цвет лица — здоровый; фигура — стройная.

Напечатано в «Kolnische Zeitung» № 271, 4 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЧЕРНЫЙ СПИСОК

Кёльн, 13 октября. Один очень хорошо осведомленный друг пишет нам из *Брюсселя:*

«*Энгельс* и *Дронке* были арестованы и отправлены в арестантском вагоне через границу только потому, что они имели неосторожность назвать свои фамилии. Кёльнский рабочий *Шмиц,* участвовавший, как говорят, в освобождении Вахтера, подвергся той же участи. Дело в том, что брюссельская полиция располагала длинным списком лиц, бежавших из Кёльна. Поэтому бельгийская полиция была также полностью осведомлена относительно предполагаемого участия Шмица в освобождении Вахтера».

Не знает ли временный полицейдиректор г-н *Гейгер,* кто является автором и отправителем этого черного списка?..

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 116, 14 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВЫСТУПЛЕНИЕ МАРКСА В СВЯЗИ С ИЗБРАНИЕМ ЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА 16 ОКТЯБРЯ 1848 г.

Временный председатель гражданин Рёзер сообщает, что в ответ на просьбу посланной к нему союзом делегации д-р Маркс дал согласие на то, чтобы стать во главе нашего союза. Гражданин Рёзер просит поэтому Маркса занять место председателя.

Д-р Маркс говорит о том, что его положение в Кёльне непрочно. Ответ, полученный им от бывшего министра Кюльветтера на его прошение о восстановлении в правах гражданства, похож на скрытый приказ о высылке. Он, разумеется, опротестует это решение перед Национальным собранием. С другой стороны, он должен будет предстать перед судом присяжных по обвинению в мнимом нарушении законов о печати. Кроме того, он перегружен работой в связи с тем, что работа редакционного комитета «Neue Rheinische Zeitung» пока что насильственно прервана. Тем не менее он готов временно, до освобождения д-ра Готшалька, пойти навстречу желанию рабочих. Правительство и буржуазия должны убедиться в том, что, несмотря на все их преследования, всегда найдутся люди, готовые предоставить себя в распоряжение рабочих.

Далее д-р Маркс подробно говорит о революционной деятельности немецких рабочих за границей и в заключение подчеркивает выдающуюся роль, которую рабочие сыграли в недавней венской революции. Поэтому он предлагает послать приветствие венскому Рабочему союзу (предложение принимается единогласно)...

Предложение председателя (относительно повестки дня заседаний) сводилось к тому, чтобы первый час посвящался обсуждению вопросов, касающихся союза (т. е. его внутренних и внешних дел), а второй час—обсуждению социальных и политических вопросов, и чтобы заседания начинались в половине девятого (предложение принимается) ...

Напечатано в «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Koln» № 40, 22 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ПРОТОКОЛА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА 22 ОКТЯБРЯ 1848 г.

Председатель д-р *Маркс,* открывающий собрание, делает несколько замечаний относительно системы косвенных выборов.

Гражданин Рёзер говорит: мы получили приглашение послать делегатов на демократический конгресс, который состоится в Берлине 26 сего месяца. При этом, однако, возникает вопрос, послать ли Рабочему союзу делегата отдельно или совместно с Демократическим обществом. на последнем заседании комитета союза было принято первое предложение, т. е. решено действовать самостоятельно, но это решение может войти в силу только после утверждения его собранием, причем следует учитывать также существенный вопрос о связанных с этим расходах. Ввиду этого я предлагаю:

Послать одного делегата, как представителя только нашего союза, а для покрытия расходов провести добровольный сбор.

Предложение принимается, и как минимум для сборов устанавливается 1 зильбергрош...

В качестве делегата на конгресс в Берлине выдвигается и избирается гражданин Бейст.

Собрание утверждает д-ра Маркса председателем и гражданина Рёзера заместителем председателя союза...

Напечатано в газете «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» № 2, 29 октября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СООБЩЕНИЕ МАРКСА О СОБЫТИЯХ В ВЕНЕ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА 6 НОЯБРЯ 1848 г.

... Председатель д-р Маркс делает краткое сообщение о событиях в Вене и особенно подчеркивает, что только в результате многократных измен венской буржуазии Виндишгрец смог взять этот город...

Напечатано в газете «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» № 6, 12 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Требования Коммунистической партии в Германии»* были написаны К. Марксом и Ф. Энгельсом в Париже между 21 и 29 марта 1848 года. Они явились политической платформой Союза коммунистов в начавшейся германской революции. «Требования Коммунистической партии в Германии» были напечатаны около 30 марта отдельной листовкой и в начале апреля опубликованы в демократических газетах: «Berliner Zeitungs-Halle» («Берлинская читальня»), «Mannheimer Abendzeitung» («Мангеймская вечерняя газета»), «Trier'sche Zeitung» («Трирская газета»), «Deutsche Allgenieine Zeitung» («Немецкая всеобщая газета»).

«Требования Коммунистической партии в Германии» вручались в качестве директивного документа членам Союза коммунистов, возвращавшимся на родину. В ходе революции Маркс, Энгельс и их сторонники стремились пропагандировать этот программный документ среди народных масс. Не позже 10 сентября 1848 г. «Требования» были напечатаны в Кёльне в виде листовки и распространялись членами кёльнского Рабочего союза в ряде мест Рейнской провинции. За исключением несущественных разночтений стилистического характера, текст листовки отличается от текста, опубликованного в апреле 1848 г., иной формулировкой пункта 10 (см. настоящий том, стр. 2). На втором демократическом конгрессе в Берлине в октябре 1848 г. делегат кёльнского Рабочего союза Бёйст выступил от имени комиссии по решению социального вопроса с предложением принять программу мероприятии, почти целиком заимствованную из «Требований». В ноябре и декабре 1848 г. на заседаниях кёльнского Рабочего союза обсуждались отдельные пункты «Требований» (в частности, пункты 1 и 4).

В конце 1848 или в начале 1849 г. «Требования» были также опубликованы отдельной брошюрой в издании Веллера в Лейпциге в сокращенном виде: опущен лозунг в начале документа, второй абзац пункта 9, последняя фраза пункта 10 и в подписи отсутствует слово «Комитет». — *1*.

[2] Письмо Маркса было опубликовано в «L'Alba» 29 июня 1848 г. со вступительным замечанием редакции: «Мы публикуем следующее письмо,

полученное нами из Кёльна, чтобы показать, какие чувства питают к Италии благородные немцы, горячо желающие завязать братские связи между итальянским и немецким народами, которых натравливали друг на друга европейские деспоты». Часть ответного письма редакции «L'Alba», подписанного Л. Алинари, приводится в статье «Внешняя политика Германии» (см. настоящий том, стр. 162).

«L'Alba» («Рассвет») — итальянская демократическая газета, издававшаяся во Флоренции в 1847—1849 гг. под редакцией Лафарина.—*4.*

3 *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года.

Сразу же по возвращении из эмиграции в Германию Маркс и Энгельс приступили к осуществлению своего проекта — изданию революционного органа печати, в котором они видели могучее орудие воздействия на народные массы. Местом своего пребывания они избрали Кёльн — главный город Рейнской провинции, одной из наиболее развитых в экономическом и политическом отношении областей Германии. В Рейнской провинции имелись значительные кадры пролетариата и действовал Кодекс Наполеона, обеспечивавший большую свободу для печати, чем жалкое прусское право. Чтобы подчеркнуть преемственность революционных традиций, связь с редактировавшейся Марксом в 1842 — 1843 гг. «Rheinische Zeitung» («Рейнской газетой»), Маркс и Энгельс приняли решение назвать новый орган «Neue Rheinische Zeitung». При создании этого органа им пришлось преодолеть противодействие некоторых коммунистов и демократов (Бюргерса, Гесса и др.), намеревавшихся издавать под аналогичным названием узко-местную кёльнскую газету. Вместо этого основоположники марксизма приступили к созданию большой политической газеты, которая оказывала бы влияние не только на Рейнскую провинцию, но и на всю Германию. В апреле—мае 1848 г. Маркс и Энгельс проводят большую работу по распространению акций газеты, подбору корреспондентов и установлению регулярной связи с демократическими газетами других стран. Сторонники Маркса и Энгельса, посланные в разные города Германии, одновременно с распространением акций на газету принимали меры к организации общин Союза коммунистов. Как видно из писем членов Союза (В. Вольфа, Дронке, Шаппера, Борна и др.), попытки создания на местах общин Союза коммунистов в это время не могли увенчаться успехом ввиду неорганизованности и политической отсталости немецких рабочих. Учитывая это, Маркс, Энгельс и их сторонники выступили на политической арене как левое, фактически пролетарское крыло демократии. Тем самым было предопределено и направление «Neue Rheinische Zeitung», которая появилась на свет с подзаголовком «Орган демократии».

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Стремясь немедленно осведомлять своих читателей обо всех важнейших событиях германской и европейской революции, редакция часто прибегала к изданию второго выпуска газеты; в случаях, когда материал не умещался на четырех полосах, выпускались приложения к основному номеру, а при получении новых важных известий — экстренные приложения и экстренные выпуски, печатавшиеся в виде листовок. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам революции,

писались, как правило, Марксом и Энгельсом. Эти статьи помечены:

«*Koln» и «**Koln». Так как Маркс, особенно в первые месяцы существования газеты, был занят общим руководством и организационной стороной дела, большинство передовых статей было в это время написано Энгельсом. Иногда редакционные статьи, помеченные одной звездочкой, помещались в других отделах газеты (в сообщениях из Италии, Франции, Англии, Венгрии и других стран). Каждый из редакторов газеты, кроме обработки корреспонденции и помощи главному редактору в организационных делах, занимался строго определенным кругом вопросов. Энгельс писал критические обзоры дебатов берлинского и франкфуртского Национальных собраний, а также статьи о ходе национально-освободительного движения в Чехии, Познани, Италии, о войне в Шлезвиг-Гольштейне, а в ноябре 1848 — январе 1849 г, — ряд статей о Швейцарии. Вильгельм Вольф писал статьи об аграрном вопросе в германской революции, о положении крестьян и крестьянском движении, особенно в Силезии, а также вел раздел текущей хроники «По стране». Георг Веерт был автором фельетонов в стихах и прозе. Эрнст Дронке одно время являлся корреспондентом «Neue Rheinische Zeitung» во Франкфурте-на-Майне, писал некоторые статьи о Польше, а в марте—мае 1849 г. — обзоры сообщений из Италии. Фердинанд Вольф долгое время был одним из корреспондентов газеты в Париже. Участие Генриха Бюргерса в газете, по свидетельству Маркса и Энгельса, ограничилось одной статьей, которая к тому же была в корне переработана Марксом. Фердинанд Фрейлиграт, вступивший в редакцию в октябре 1848 г., печатал в газете свои революционные стихотворения.

«Neue Rheinische Zeitung» была основана на средства акционеров. Однако уже после выхода первого номера газеты, где была помещена статья Ф. Энгельса «Франкфуртское собрание» (см. настоящий том, стр. 10—14), значительное число буржуазных акционеров перестало поддерживать газету. Выступление «Neue Rheinische Zeitung» в защиту июньских повстанцев в Париже заставило отшатнуться большинство оставшихся акционеров.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства. Власти отказались предоставить Марксу право прусского гражданства, чтобы затруднить его пребывание в Рейнской провинции, и возбудили против редакторов газеты, в первую очередь против Маркса и Энгельса, целый ряд судебных дел. После сентябрьских событий в Кёльне военные власти 26 сентября 1848 г. ввели в городе осадное положение и приостановили выход ряда демократических газет, в том числе «Neue Rheinische Zeitung». Энгельс, Дронке и Фердинанд Вольф, которым угрожал арест, были вынуждены временно покинуть Кёльн; Вильгельму Вольфу пришлось на некоторое время уехать в Пфальц, а затем в течение нескольких месяцев скрываться в самом Кёльне от преследований полиции. После снятия осадного положения газета снова начала выходить с 12 октября благодаря тому, что Марксу героическими усилиями удалось преодолеть ряд организационных и финансовых трудностей: ему пришлось вложить в газету все свои наличные средства. До января 1849 г., в связи с вынужденным отъездом Энгельса из Германии,

основная тяжесть работы в редакции, в том числе и написание передовых статей, легла на Маркса.

После контрреволюционного переворота в Пруссии особенно усилились судебные и полицейские преследования редакторов «Neue Rheinische Zeitung». Затеянные правительством в феврале 1849 г. судебные процессы против Маркса, Энгельса и Корфа и против Рейнского окружного комитета демократов закончились тем, что суд присяжных оправдал обвиняемых.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет: освобождение рабочего класса!». — *9.*

4 На заседании франкфуртского Национального собрания 19 мая Раво предложил, чтобы прусские депутаты, избранные одновременно в Берлинское и Франкфуртское собрания, имели право принять оба мандата. Упоминаемый в статье (стр. 13) рескрипт прусского министра внутренних дел Ауэрсвальда от 22 мая 1848 г. давал разъяснения в этом же смысле.

В данной статье, как и в последующих статьях о дебатах во франкфуртском Национальном собрании, Маркс и Энгельс пользовались стенографическими отчетами, которые вышли затем отдельным изданием: «Stenographischer Bericht uber die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main». Frankfurt am Main, 1848—1849 («Стенографический отчет о заседаниях германского учредительного Национального собрания во Франкфурте-на-Майне». Франкфурт-на-Майне, 1848—1849).—*11.*

5 *Ограниченный разум верноподданных* — ставшее широко известным в Германии выражение прусского министра внутренних дел фон Рохова. — *12.*

6 *Предпарламент* — собрание общественных деятелей немецких государств, которое происходило во Франкфурте-на-Майне с 31 марта по 4 апреля 1848 года. Подавляющее большинство делегатов Предпарламента принадлежало к конституционно-монархическому направлению. Предпарламент вынес решение о созыве общегерманского Национального собрания и разработал проект «Основных прав и требований германского народа» — документ, который провозглашал на словах некоторые буржуазные свободы, но не затрагивал основ полуфеодального абсолютистского строя тогдашней Германии. — *12.*

7 Так называемые *«доверенные лица Сейма»* (hommes de confiance de la diete), представлявшие немецкие правительства, были созваны центральным органом Германского союза — Союзным сеймом во Франкфурте-на-Майне. «Доверенные лица» заседали при Союзном сейме с 30 марта по 8 мая 1848 г. и выработали проект германской имперской конституции, составленный в конституционно-монархическом духе. — *12.*

[8] 22 мая 1815 г. был издан указ прусского короля, в котором было обещано создание «народного представительства» — учреждение в Пруссии провинциальных сословных собраний, созыв общепрусского представительного органа и введение конституции. Однако все свелось к тому, что по закону от 5 июня 1823 г. были созданы провинциальные сословные собрания (ландтаги) с ограниченными совещательными функциями. — *15.*

[9] Заглавие дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *17.*

[10] *Санфедистами* (от santa fede — святая вера) назывались участники созданных папскими властями в начале XIX в. террористических отрядов, которые вели борьбу против национально-освободительного движения в Италии. — *18.*

[11] *10 августа 1792 г.* — день свержения монархии во Франции в результате народного восстания.

29 июля 1830 г. была свергнута династия Бурбонов во Франции.

В *1820 г.* в Неаполе вспыхнула революция, возглавленная карбонариями — членами тайной организации, которая была основана в Италии в начале XIX века. В результате вмешательства держав Священного союза революция была подавлена. — *19.*

[12] *Вильгельм Телль* и *Арнольд Винкельрид* — герои народных сказаний об освободительной войне швейцарцев против Габсбургов в конце XIII — начале XIV веков. — *19.*

[13] Имеются в виду договоры швейцарских кантонов с европейскими государствами о поставке солдат в качестве наемников. Такие договоры заключались с середины XV в. до середины XIX века; во время ряда буржуазных революций XVIII—XIX вв. швейцарские наемники служили орудием монархической контрреволюции. — *19.*

[14] Речь идет о скульптуре Торвальдсена, изображающей умирающего льва; скульптура была установлена в Люцерне в память убитых швейцарских солдат, которые 10 августа 1792 г. защищали королевский дворец в Париже от штурмовавшего его народа. — *19.*

[15] *24 февраля 1848 г.* — день свержения монархии Луи-Филиппа во Франции . — *19.*

[16] Эта статья была первоначально написана Г. Бюргерсом, но Маркс, как он сам писал впоследствии, редактируя статью, одну половину ее вычеркнул, а другую переделал. — *20.*

[17] Стерн. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», том первый, глава XI. — *22.*

[18] Имеется в виду прусское Национальное собрание, созванное в Берлине 22 мая 1848 г. для выработки конституции «по соглашению с короной». Избирательный закон от 8 апреля 1848 г. устанавливал порядок выборов в Собрание на основе всеобщего избирательного права, ограниченного, однако, системой косвенных (двухстепенных) выборов. Большинство депутатов составляли представители буржуазии и прусского чиновничества.

В данной статье, как и в последующих статьях о дебатах в прусском Национальном собрании, Маркс и Энгельс пользовались стенографическими отчетами, которые вышли затем отдельным изданием:

«Verhandlungen der constituirenden Versammlung fur Preusen». Berlin, 1848 («Протоколы заседаний прусского учредительного собрания». Берлин, 1848). — *28.*

[19] Так Маркс и Энгельс здесь и в других статьях иронически называли Кампгаузена, намекая на подзаголовок известной в то время книги: K. Rotteck. «Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten; fur denkende Geschichtfreunde». Freiburg und Konstanz, 1813—1818 (К. Роттек. «Всеобщая история от зарождения исторического познания до нашего времени; для мыслящих друзей истории». Фрейбург и Констанц, 1813—1818). — *23.*

[20] *«Staats-Zeitung»* — сокращенное название «Allgemeine Preusische Staats-Zeitung» («Всеобщей прусской государственной газеты»), основанной в Берлине в 1819 году; с 1819 по апрель 1848 г. являлась полуофициальным органом прусского правительства; с мая 1848 до июля 1851 г. издавалась под названием «Preusischer Staats-Anzeiger» («Прусский государственный вестник») в качестве официального органа прусского правительства. — *23.*

[21] *Второй Соединенный ландтаг* был созван 2 апреля 1848 г. при министерстве Кампгаузена. Это был сословный орган, состоявший из представителей всех провинциальных ландтагов Пруссии. Он принял закон о выборах в прусское Национальное собрание и дал согласие на заем, в котором отказал правительству Соединенный ландтаг 1847 года. После этого ландтаг 10 апреля 1848 г. был распущен. —*24.*

[22] См. Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XVII. — *25.*

[23] Согласно преданию, в 390 г. до н. э., во время нашествия галлов на Рим, Капитолий — укрепленный холм в Риме, где находились защитники города, — был спасен лишь благодаря крику гусей из храма Юноны, разбудивших уснувшую стражу. — *26.*

[24] Согласно греческому мифу, дети спартанской царицы Леды и Зевса вылупились из яиц.

Кастор — сын Леды, древнегреческий герой; такое же название носит звезда в созвездии Близнецов. — *26.*

[25] Имеется в виду *маршал ландтага* — председатель провинциального ландтага в Пруссии. — *27.*

[26] *Германский союз* — объединение немецких государств, созданное 8 июня 1815 г. Венским конгрессом; отсутствие центрального правительства, сохранение трех дюжин немецких государств с их абсолютистско-феодальным строем — все это закрепляло политическую и экономическую раздробленность Германии и препятствовало ее прогрессивному развитию. — *32.*

[27] *Грос-Берен* и *Деннееиц* — населенные пункты в Пруссии недалеко от Берлина; в сражениях при Грос-Берене (23 августа 1813 г.) и Денневице (6 сентября 1813 г.) армия коалиции, в состав которой входили также прусские войска, одержала победы над армией Наполеона. — *33.*

[28] Из баллады Г. А. Бюргера «Ленора». — *35.*

[29] Во франкфуртском Национальном собрании, наряду с левым крылом (Блюм, Фогт и др.), образовалось крайнее левое крыло, или радикально-демократическая партия (Руге, Шлёффель, Циц, Трюцшлер и др.).—*38.*

[30] *Союзный сейм* — созданный по решению Венского конгресса в 1815 г. центральный орган Германского союза, заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей немецких государств. Союзный сейм, не обладавший реальной властью, являлся орудием реакционной политики немецких правительств. После мартовской революции 1848 г. реакционные силы пытались оживить деятельность Союзного сейма в целях борьбы против принципа народного суверенитета и против демократического объединения Германии. — *39.*

[31] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XVI. — *40.*

[32] *«Согласительными дебатами»* («Vereinbarungsdebatten») Маркс и Энгельс называли дебаты прусского Национального собрания, созванного в Берлине в мае 1848 г. для выработки конституции «по соглашению с короной». Маркс и Энгельс называли Берлинское собрание, принявшее эту формулу и тем самым отказавшееся от принципа народного суверенитета, «согласительным собранием» («Vereinbarungsversammlung»), а депутатов, сторонников этого соглашения, — «соглашателями» («Vereinbarer»). — *43.*

[33] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — *45.*

[34] В Познани после мартовской революции 1848 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание поляков против гнета реакционной Пруссии; в этом движении, наряду с возглавлявшими его шляхетскими элементами, принимали широкое участие крестьяне и ремесленники. Прусское правительство в марте 1848 г. пошло на уступки, обещав создать комиссию для проведения преобразований в Познани: организации польского войска, назначения поляков на административные и другие должности и признания польского языка официальным языком в Познани. Аналогичные обещания были даны в Ярославецкой конвенции (см. примечание 195), чтобы обманным путем заставить поляков сложить оружие. Королевский указ от 14 апреля 1848 г. установил разделение герцогства Познанского на две части: восточную — польскую и западную — «немецкую», не подлежащую «реорганизации». После кровавого подавления восстания в Познани демаркационная линия в последующие месяцы переносилась все далее на восток, захватив в результате почти всю территорию великого герцогства Познанского. Обещанная полякам «реорганизация» так и не была проведена. — *47.*

[35] *«Теория соглашения»* («Vereinbarungstheorie»), которой прусская буржуазия в лице Кампгаузена и Ганземана оправдывала свое предательство, заключалась в том, что прусское Национальное собрание, оставаясь «на почве законности», должно было ограничиться установлением конституционного строя путем соглашения с короной. — *52.*

[36] В оглавлении номера «Neue Rheinische Zeitung» статья названа «Новый раздел Польши», а в начале статьи стоит заголовок «Седьмой раздел Польши». — *54.*

[37] «Kolniscbe Zeitung» («Кёльнская газета») № 161, 9 июня 1848 года.

«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила с 1802 года; в 1848—1849 гг. отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии; вела постоянную ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — *56.*

[38] *Эней* — по греческой мифологии один из защитников Трои, сын Анхиза и богини Афродиты; во время захвата и разграбления греками Трои спасся и после долгих странствий добрался до берегов Италии. Описанию странствий Энея посвящена поэма Вергилия «Энеида». — *56.*

[39] Перефразировка строк из поэмы Гомера «Илиада». — *56.*

[40] Имеется в виду возвращение в Берлин 4 июня 1848 г. одного из главарей реакционной придворной камарильи — принца Прусского, который в дни мартовской революции бежал в Англию. — *57.*

[41] Перефразировка начала поэмы Гёте «Рейнеке-Лис». — *58.*

[42] Намек на берлинский диалект. — *58.*

[43] *Рипилеры* (от слов Repeal of Union — отмена унии) — сторонники отмены англо-ирландской унии 1801 года. Уния, навязанная Ирландии английским правительством после подавления ирландского восстания 1798 г., уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом ирландского национально-освободительного движения; в 1840 г. была основана Ассоциация рипилеров. — *58.*

[44] *Комиссия пятидесяти* была избрана Предпарламентом в апреле 1848 года. Большая часть ее членов принадлежала к конституционно-монархическому большинству Предпарламента. Комиссия пятидесяти отвергла предложение Союзного сейма о создании директории из трех человек в качестве временной центральной власти Германского союза. В начале июня 1848 г. подобное же предложение было внесено комиссией, избранной франкфуртским Национальным собранием. В результате дискуссии Собрание 28 июня 1848 г. приняло решение о создании временной центральной власти в составе имперского регента и имперского министерства. — *58.*

[45] *«Собственность всей нации»* — надпись, сделанная вооруженными рабочими в Берлине на дворце бежавшего принца Прусского. — *58.*

[46] Имеется в виду подавление республиканского восстания в Бадене в апреле 1848 г., которым руководили мелкобуржуазные демократы Ф. Геккер и Г. Струве; главными районами восстания были Озерный край (Seekreis) и Шварцвальд. — *58.*

[47] *«Deutsche Zeitung»* («Немецкая газета») — ежедневная буржуазно-либеральная газета, орган конституционных монархистов, сторонников объединения Германии под главенством Пруссии. Выходила

с 1847 по 1850 г., до октября 1848 г. издавалась в Гейдельберге (под редакцией известного буржуазного историка Гервинуса), затем во Франкфурте-на-Майне. — *59.*

[48] 9 июня 1848 г. франкфуртское Национальное собрание отклонило предложение о том, что одобрение будущего мирного договора с Данией должно входить в компетенцию Национального собрания. Тем самым Собрание отстранилось от вмешательства в решение шлезвиг-гольштейнского вопроса, предоставляя полную свободу действий Союзному сейму. — *62.*

[49] 3 июня 1848 г. в берлинском Национальном собрании обсуждалось предложение об участии в организованном студентами шествии к могилам павших в марте борцов революции; большинством голосов это предложение было отвергнуто. — *67.*

[50] Строки из прусского гимна. — *70.*

[51] Под натиском народных масс австрийский император Фердинанд I в манифестах от 16 мая и 3 июня 1848 г. вынужден был объявить австрийский рейхстаг Учредительным собранием. — *71.*

[52] В данной статье сравниваются результаты дополнительных выборов во франкфуртское Национальное собрание, происходивших в Кёльне 14 июня 1848 г., со всеобщими выборами в это собрание, которые состоялись 10 мая. — *79.*

[53] *Союзы граждан* (Burgervereine) — возникшие после мартовской революции в Пруссии организации умеренных буржуазных элементов, ставившие задачу сохранения «законности» и «порядка» в рамках конституционной монархии, а также борьбу с «анархией», т. е. с революционно-демократическим движением. — *79.*

[54] *Демократическое общество* в Кёльне, собрания которого происходили в зале Штольверка, образовалось в апреле 1848 года; в его состав, наряду с мелкими буржуа, входили рабочие и ремесленники. Маркс и Энгельс Вступили в Демократическое общество, чтобы оказывать влияние на входившие в него пролетарские элементы и толкать на решительные действия мелкобуржуазных демократов. Маркс принял деятельное участие в руководстве обществом. Маркс, Энгельс, а также другие члены редакции «Neue Rheinische Zeitung» на собраниях Демократического общества добивались принятия решений, разоблачавших предательскую политику прусского правительства и осуждавших нерешительную позицию Берлинского и Франкфуртского собраний. В апреле 1849 г. Маркс и его сторонники, приступив практически к созданию пролетарской партии, организационно порвали с мелкобуржуазной демократией и вышли из Демократического общества. — *79.*

[55] 14 июня 1848 г. рабочие и ремесленники Берлина, возмущенные отречением прусского Национального собрания от мартовской революции (см. настоящий том, стр. 63—78), штурмом захватили цейхгауз, чтобы посредством вооружения народа отстоять завоевания революции и двинуть ее вперед. Однако выступление берлинских рабочих было стихийным и неорганизованным. Подоспевшим воинским подкреплениям совместно с отрядами буржуазного гражданского ополчения быстро удалось оттеснить и разоружить народ. — *81.*

[56] В резолюции, принятой прусским Национальным собранием 15 июня 1848 г. под влиянием революционного выступления трудящихся масс Берлина, говорилось, что Собрание «не нуждается в защите вооруженных сил и ставит себя под защиту населения Берлина». — *81.*

[57] *В ночь на 4 августа 1789 г.* французское Учредительное собрание под давлением растущего крестьянского движения торжественно провозгласило отмену ряда феодальных повинностей, которые были к тому времени фактически уничтожены восставшими крестьянами. Однако изданные вслед за тем законы отменили без выкупа только личные повинности. Уничтожение всех феодальных повинностей без всякого выкупа было осуществлено лишь в период якобинской диктатуры законом от 17 июля 1793 года. — *81.*

[58] *21 марта 1848 г.* прусский король Фридрих-Вильгельм IV, напуганный баррикадными боями в Берлине, обратился с воззванием «К моему народу и к немецкой нации», в котором обещал создать сословное представительное учреждение, а также ввести конституцию, установить ответственность министров, гласное и устное судопроизводство, суды присяжных и т. д. — *81.*

[59] *Вишеград* — южная часть Праги со старинной цитаделью того же названия на правом берегу реки Влтавы.

Градшин (чешское название — Градчани) — северо-западная часть Праги со старинным дворцом, возвышающаяся над остальной частью города. — *83.*

[60] *Славянский съезд* собрался 2 июня 1848 г. в Праге; на съезде обнаружилась борьба двух тенденций в национальном движении славянских народов, угнетенных империей Габсбургов. Правое, умеренно-либеральное направление, к которому принадлежали руководители съезда (Палацкий, Шафарик), пыталось разрешить национальный вопрос путем сохранения и укрепления Габсбургской монархии. Левое, демократическое направление (Сабина, Фрич, Либельт и др.) решительно выступало против этого и стремилось к совместным действиям с революционно-демократическим движением в Германии и Венгрии. Часть делегатов съезда, принадлежавших к радикальному крылу и принявших активное участие в пражском восстании, подверглась жестоким репрессиям. Оставшиеся в Праге представители умеренно-либерального крыла 16 июня объявили заседания съезда отложенными на неопределенное время. — *83.*

[61] *Code civil* — Гражданский кодекс Наполеона, который был введен в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии и продолжал действовать в Рейнской провинции после ее присоединения к Пруссии. — *95.*

[62] По приказу прусского генерала Пфуля захваченным в плен участникам познанского восстания 1848 г. брили головы и выжигали ляписом (адским камнем) клеймо на руках и ушах. Отсюда и прозвище генерала Пфуля — von Hollenstein (Адский камень). — *97.*

[63] Из пьесы Ф. Раймунда «Девушка из мира фей, или крестьянин-миллионер». — *99.*

[64] *30 марта 1848 г.*—начало деятельности министерства Кампгаузена, — *99.*

[65] Временное правительство в Милане было образовано 22 марта *Л* 848 г. в результате победоносного народного восстания в Ломбардии, направленного против австрийского господства в Италии; из Милана были изгнаны австрийские войска, в правительство вошли представители либеральной буржуазии во главе с Г. Казати. — *101.*

[66] *Пандуры* — воинские формирования, входившие в состав австрийской армии и представлявшие собой особый вид иррегулярных пехотных частей. — *101.*

[67] Из стихотворения Гейне «Рыцарь Олаф». — *104.*

[68] *«Neue Berliner Zeitung»* («Новая Берлинская газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, выходившая в Берлине в июне — октябре 1848 года. — *105.*

[69] *Ньюгейт* — тюрьма в Лондоне. — *106.*

[70] Так называли по имени ее редактора Гервинуса «Deutsche Zeitung» (см. примечание 47). — *107.*

[71] Выражение из тронной речи прусского короля Фридриха-Вильгельма IV при открытии Соединенного ландтага 11 апреля 1847 года. В этой речи король заявил, что никогда не согласится на введение конституции, которую он назвал «исписанным листком бумаги». — *108.*

[72] Намек на Кампгаузена, который в молодости занимался торговлей маслом и зерном, и на Ганземана, который начал свою коммерческую деятельность с торговли шерстью. — *108.*

[73] О «Kolnische Zeitung» см. примечание 37. — *108.*

[74] Гёте. «Фауст», часть I, сцена шестнадцатая («Сад Марты»), — *108.*

[75] Законопроект о введении *рентных банков* предполагал создание ипотечных кредитных учреждений для осуществления выкупа крестьянских повинностей на наиболее выгодных для помещиков условиях. — *111.*

[76] Имеется в виду стихийное восстание текстильщиков Праги во второй половине июня 1844 года. Движение рабочих, сопровождавшееся разгромом фабрик и уничтожением машин, было жестоко подавлено австрийскими правительственными войсками. — *112.*

[77] *«Berliner Zeitungs-Halle»* («Берлинская читальня») — немецкая ежедневная газета, издавалась с 1846 г. в Берлине Г. Юлиусом; в 1848— 1849 гг. — один из органов мелкобуржуазной демократии. — *113.*

[78] Сокращенное название созданного в мае 1848 г. в Вене Комитета горожан, национальной гвардии и студентов для поддержания спокойствия, безопасности и защиты прав народа.— *113.*

[79] Речь идет о *Правительственной комиссии по рабочему вопросу,* заседавшей в Люксембургском дворце под председательством Луи Блана; была создана временным правительством 28 февраля 1848 г. под давлением рабочих, требовавших создания министерства труда. Практическая деятельность этой так называемой Люксембургской комиссии, состоявшей из представителей рабочих и предпринимателей, свелась к посредничеству в трудовых конфликтах, зачастую к выгоде хозяев, чему способствовала соглашательская тактика Луи Блана. После выступления народных масс 15 мая 1848 г., в котором главную роль играли парижские рабочие, правительство 16 мая 1848 г. ликвидировало Люксембургскую комиссию.

Национальные мастерские были созданы сразу после февральской революции 1848 г. декретом французского временного правительства. При этом преследовалась цель дискредитировать среди рабочих луиблановские идеи об организации труда и, с другой стороны, использовать организованных по-военному рабочих национальных мастерских в борьбе против революционного пролетариата. Так как провокационный план раскола рабочего класса не удался в занятые в национальных мастерских рабочие все более проникались революционными настроениями, буржуазное правительство предприняло ряд мер, направленных к ликвидации национальных мастерских (сокращение числа рабочих, направление их на общественные работы в провинцию и т. д.). Это вызвало сильное возмущение парижского пролетариата и явилось одним из поводов к началу июньского восстания в Париже. После подавления восстания правительство Кавеньяка приняло 3 июля 1848 г. декрет о роспуске национальных мастерских.

Закон о запрещении сборищ был принят 7 июня 1848 г. французским Учредительным собранием под влиянием страха перед нарастающим недовольством французского пролетариата; запрещались всякие собрания и митинги под открытым небом под угрозой тюремного заключения на срок до 10 лет. — *117.*

[80] *«Aimables faubourgs»* («любезные предместья») — так Луи-Филипп назвал предместья Парижа. — *118.*

[81] *Мобильная гвардия* была создана декретом временного правительства от 25 февраля 1848 г. для борьбы против революционно настроенных народных масс. Эти отряды, состоявшие в основном из люмпен-пролетариев, были использованы для подавления июньского восстания. — *118.*

[82] *Пале-Рояль* (Королевский дворец) — дворец в Париже, служивший с 1643 г. резиденцией Людовика XIV и с 1692 г. перешедший в собственность Орлеанской ветви Бурбонов. После февральской революции 1848 г. был объявлен собственностью государства и переименован в Пале-Насиональ (Национальный дворец). — *118.*

[83] Имеется в виду кафе Тортони на Итальянском бульваре; в этом кафе и вблизи него совершались биржевые сделки в те часы, когда биржа была закрыта. В отличие от официальной биржи, кафе Тортони и прилегающий к нему район называли «малой биржей». — *118.*

[84] *«The Northern Star»* («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 г. О'Коннором; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. С сентября 1845 до марта 1848 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс.

В заметке от 24 июня 1848 г. «Northern Star» писала: ««Neue Rheinische Zeitung», которая провозгласила себя «органом демократии», редактируется с редкостным мастерством и отличается необычайной смелостью; мы приветствуем ее как достойного, талантливого и доблестного товарища в решительной борьбе против всякого рода тирании и несправедливости». — *122.*

[85] Речь идет о сражении при Лейпциге 16—19 октября 1813 г., в котором принимали участие войска России, Пруссии, Австрии и Швеции. Сражение закончилось победой армии союзников над армией Наполеона. — *124.*

[86] Так называемая *республиканская гвардия* — отряд из 2600 человек при префекте полиции — была образована 16 мая 1848 г. по указу французского правительства, напуганного революционным выступлением парижских рабочих 15 мая. Республиканская гвардия, находившаяся иод командованием контрреволюционных офицеров, должна была нести полицейскую службу в Париже. — *126.*

[87] *Общество прав человека и гражданина* — мелкобуржуазная демократическая организация, руководимая Барбесом, Юбером и др., возникшая в период Июльской монархии. Общество объединяло ряд столичных и провинциальных демократических клубов и ставило своей целью борьбу за осуществление якобинской Декларации прав человека и гражданина 1793 года. В отличие от многих других мелкобуржуазных организаций, Общество прав человека и гражданина не отказывалось от вооруженной борьбы с контрреволюцией. Некоторые члены этого Общества были руководителями июньского восстания. Так, отставной офицер Керсози, выработавший план июньского восстания, являлся председателем Комитета действия в Обществе прав человека и гражданина. — *127.*

[88] Защитники Сарагосы прославились своей героической стойкостью в освободительной войне испанского народа против наполеоновского господства; город дважды осаждался французами (в июне — августе и с декабря 1808 г.); в феврале 1809 г. Сарагоса капитулировала перед превосходящими силами французов, потеряв более 40 тысяч человек. — *129.*

[89] *Муниципальная гвардия* Парижа, созданная после июльской революции 1830 г., была подчинена префекту полиции; использовалась для подавления народных восстаний. После февральской революции 1848 г. муниципальная гвардия была распущена. — *132.*

[90] Имеется в виду заседание французского Национального собрания от 25 июня 1848 г., отчет о котором был опубликован в «Neue Rheinische Zeitung» 29 июня. — *134.*

[91] *Остров Лувье,* отделенный от правого берега узким рукавом Сены, был в 1844 г. соединен с сушей и образовал пространство между бульваром Морлан и набережной Генриха IV. — *136.*

[92] Партия *«National»* объединяла умеренных, буржуазных республиканцев во главе с Арманом Маррастом, опиравшихся на промышленную буржуазию и связанную с ней часть либеральной интеллигенции; приверженцы этой партии в 40-х годах группировались

вокруг газеты *«Le National»* («Национальная газета»), которая выходила в Париже с 1830 по 1851 год. — *138.*

[93] Партия *«Reforme»* объединяла мелкобуржуазных демократов-республиканцев во главе с Ледрю-Ролленом; к ней примыкали мелкобуржуазные социалисты во главе с Луи Бланом. Сторонники этой партии группировались вокруг газеты *«La Reforme»* («Реформа»), издававшейся в Париже с 1843 по 1850 год. — *128.*

[94] Имеется в виду *Комиссия исполнительной власти* — правительство Французской республики, созданное Учредительным собранием 10 мая 1848 г. вместо сложившего свои полномочия временного правительства. Существовала до 24 июня 1848 г., когда была установлена диктатура Кавеньяка. — *138.*

[95] *Династическая оппозиция* — возглавляемая Одилоном Барро группа во французской палате депутатов в период Июльской монархии. Представители этой группы, выражавшие настроения либеральных кругов промышленной и торговой буржуазии, стояли за проведение умеренной избирательной реформы, видя в ней средство для предотвращения революции и сохранения династии Орлеанов. — *139.*

[96] *Легитимисты* — сторонники свергнутой в 1830 г. династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. — *139.*

[97] После революционного выступления парижских рабочих *15 мая 1848 г.* был принят ряд мер, направленных к ликвидации национальных мастерских, проведен закон о запрещении уличных сборищ, закрыт ряд демократических клубов. —*140.*

[98] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *145.*

[99] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; основана в Манчестере в 1821 году. — *145.*

[100] Имеется в виду *«Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная консервативная газета, основанная в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — *147.*

[101] *«Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты *«Journal des Debats politiques et litteraires»* («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии. — *147.*

[102] Из стихотворения немецкого мелкобуржуазного поэта Н. Беккера «Немецкий Рейн»; это стихотворение, написанное в 1840 г. и с тех пор многократно перелагавшееся на музыку, было широко использовано националистами. — *147.*

[103] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *147.*

[104] *«Le Peuple constituant»* («Народ-учредитель») — французская ежедневная газета республиканского направления, выходила в Париже с февраля по июль 1848 г. под редакцией Ламенне. — *149.*

[105] Подзаголовок к статье Энгельса, опубликованной в «Neue Rheinische Zeitung» под тем же названием, что и статья Маркса (см. настоящий том, стр. 138—142), дан Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *150.*

[106] Имеется в виду восстание в Париже 5—6 июня 1832 г., в подготовке которого принимало участие левое крыло республиканской партии. а также тайные общества, в том числе Общество друзей народа; поводом послужили похороны генерала Ламарка, находившегося в оппозиции к правительству Луи-Филиппа. Принимавшие участие в восстании рабочие соорудили ряд баррикад и защищались с большим мужеством и стойкостью. — *151.*

[107] Речь идет о подавлении Наполеоном роялистского восстания в Париже 12—13 вандемьера (3—4 октября) 1795 года. — *155.*

[108] 25 июля 1792 г. герцог Брауншвейгский, главнокомандующий австро-прусской армией, действовавшей против революционной Франции, издал манифест, в котором угрожал французскому народу стереть с лица земли Париж. — *160.*

[109] Имеется в виду восстание в Голландии в 1785 г. против господства дворянско-католической партии, которая группировалась вокруг штатгальтера Вильгельма Оранского. Восстание, возглавлявшееся республиканской частью буржуазии, привело к изгнанию штатгальтера из страны; однако в 1787 г. его власть была восстановлена с помощью прусских войск. — *160.*

[110] В 1832 г. по соглашению между Англией, Францией и Россией на греческий престол был возведен несовершеннолетний баварский принц Оттон, который прибыл в Грецию в сопровождении баварских войск и царствовал под именем Оттона I. — *160.*

[111] Речь идет о реакционной политике Священного союза, в котором главную роль играли Австрия, Пруссия и Россия. На конгрессе, начавшемся в Троппау в октябре 1820 г. и закончившемся в мае 1821 г. в Лайбахе, был открыто провозглашен принцип вмешательства держав Священного союза во внутренние дела других государств. В соответствии с этим Лайбахский конгресс принял решение о посылке австрийских войск в Италию, а конгресс в Вероне (1822 г.) — о французской интервенции в Испанию с полью подавления революционного и национально-освободителыюго движения в этих странах. — *161.*

[112] Австрия и Пруссия поддерживали в Португалии в 20 — 30-х годах XIX в. клерикально-феодальную партию во главе с дон Мигелом, выступавшую против каких бы то ни было ограничений абсолютизма. — *161.*

[113] В Испании поддержкой Австрии и Пруссии пользовался дон Карлос, развязавший в 1833 г. гражданскую войну с целью захвата престола в интересах реакционной клерикально-феодальной партии. — *161.*

[114] В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы (Дембовский и другие). Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее восстание было сорвано, и произошли лишь отдельные революционные вспышки. Только в Кракове, подчиненном с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей. Восстание в Кракове было подавлено в начале марта 1846 года. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *161.*

[115] Имеется в виду манифест миланского временного правительства к немецкому народу, изданный 6 апреля 1848 года. См. «Raccolta dei decreti, avvisi, proclami, bullettini ec. ec. emanati dal governo provvisorio». T. I, Milano, p. 172—175 («Собрание декретов, извещений, воззваний, сводок и т. д., изданных временным правительством». Т. I, Милан, стр. 172—175). — *162.*

[116] Из выступления Коссидьера в Национальном собрании 27 июня 1848 года. См. «Compte rendu des seances de l'Assemblee Nationale». Vol. II, Paris, 1849, p. 228 («Протоколы заседаний Национального собрания». Т. II, Париж, 1849, стр. 228). — *164.*

[117] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XII, строфы 6—7. Первая строка 6 строфы перефразирована. — *167.*

[118] *Святая германдада* — союз испанских городов, созданный в конце XV в. королевской властью, стремившейся использовать буржуазию в борьбе против крупных феодалов, в интересах абсолютизма. С середины XVI в. вооруженные силы святой германдады выполняли полицейские функции. В переносном смысле святой германдадой называли полицию. — *172*

[119] Речь идет о выступлении Аннеке на собрании кёльнского Рабочего союза в зале Гюрцених 25 июня 1848 г., где обсуждался вопрос о создании объединенной комиссии из представителей трех демократических организаций Кёльна — Демократического общества, Рабочего союза и Союза рабочих и работодателей. — *173.*

[120] *Code penal* — Уголовный кодекс, принятый во Франции в 1810 г. и введенный в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии; наряду с Гражданским кодексом действовал

в Рейнской провинции и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году. Прусское правительство стремилось внедрить в этой провинции прусское право посредством целого ряда законов, указов, предписаний, направленных к восстановлению в Рейнской провинции феодальных привилегий дворянства (майоратов), введению прусского уголовного законодательства, законов о браке и т. п. Эти мероприятия, вызывавшие решительную оппозицию в Рейнской провинции, были отменены после мартовской революции указами от 15 апреля 1848 года. —*173.*

[121] Аннеке был арестован вместе с Готшальком и Виллихом как один из руководителей массового выступления в Кёльне 3 марта 1848 года. Против них было возбуждено обвинение в «подстрекательстве к мятежу и основании запрещенного сообщества». В связи с королевской амнистией все трое были освобождены 21 марта 1848 года. —*174.*

[122] *Кёслинский адрес* — обращение контрреволюционных юнкеров и чиновников города Кёслина (Померания) 23 мая 1848 г. к прусскому населению с призывом к походу на Берлин для подавления революции. — *176.*

[123] Имеется в виду унизительная мера — бритье голов, — применявшаяся генералом Пфулем к пленным польским повстанцам. — *178.*

[124] Летом 1848 г. в Берлине был создан, помимо обычной полиции, отряд вооруженных людей, одетых в штатское, для борьбы с уличными сходками и выступлениями народных масс, а также в целях шпионажа. Этот отряд полицейских называли констеблями по аналогии со специальными констеблями в Англии, которые сыграли значительную роль в срыве чартистской демонстрации 10 апреля 1848 года. — *181.*

[125] *«Le Siecle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год; в 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ. — *184.*

[126] *«La Presse»* («Пресса») — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Париже с 1836 года; в 1848—1849 гг.—орган буржуазных республиканцев, позже бонапартистский орган, В 40-х годах XIX в. редактором газеты был Э. Жирарден. — *184.*

[127] *«Observateur»* — сокращенное название бельгийской ежедневной газеты *«L'Observateur Belge»* («Бельгийский наблюдатель»), издававшейся в Брюсселе в 1835—1860 годах; в 40-х годах XIX в. — орган буржуазных либералов. — *184.*

[128] В конце заседания 4 июля 1848 г., на котором продолжалось обсуждение вопроса о комиссии для расследования событий в Познани, прусское Национальное собрание постановило, что этой комиссии предоставляются неограниченные полномочия; после принятия такого решения, означавшего поражение министерства Ауэрсвальда — Ганземана, представители правого крыла стали добиваться, вопреки правилам парламентской процедуры, голосования предложения об ограничении полномочий комиссии. Депутаты левого крыла в знак протеста покинули зал заседаний. Воспользовавшись этим, правые провели

предложение, запрещавшее комиссии отправиться в Познань, а также допрашивать свидетелей и экспертов. Тем самым было неправомерно аннулировано первоначальное решение Собрания. О ходе обсуждения в Собрании вопроса о познанской комиссии см. настоящий том, стр. 47— 51, 193—196 и 199—207. — *184.*

[129] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XXV. — *185.*

[130] Гейне. «Тангейзер», глава 2. —*186.*

[131] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходила в Лондоне с 1770 по 1862 год. — *187.*

[132] Имеется в виду *«Северная пчела»* — русская политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1825 по 1864 г. под редакцией Булгарина и Греча; являлась полуофициозным органом царского правительства. — *187.*

[133] В ноте, которую майор Вильденбрух, выполнявший секретную миссию прусского короля, вручил 8 апреля 1848 г. правительству Дании, указывалось, что война в Шлезвиг-Гольштейне ведется Пруссией будто бы не с целью отторгнуть герцогства от Дании, а единственно с целью борьбы с «радикальными и республиканскими элементами в Германии». Прусское правительство всячески уклонялось от официального признания этого компрометирующего его документа. — *187.*

[134] Речь идет о публиковавшейся в «Neue Rheinische Zeitung» в июле 1848 г. серии статей Э. Дронке «Die preusiische Pacificirung und Reorganisation Posens» («Прусская пацификация и реорганизация Познани»). — *199.*

[135] Из стихотворения Гейне «Успокоение». — *205.*

[136] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *208.*

[137] 20 октября 1842 г. в «Rheinische Zeitung» был опубликован крайне реакционный проект закона о разводе, который готовился в правительственных сферах в глубочайшей тайне. Тем самым было положено начало широкой публичной дискуссии о законопроекте на страницах ряда газет. Опубликование проекта закона о разводе и решительный отказ редакции «Rheinische Zeitung» назвать лицо, приславшее текст законопроекта, было одной из причин запрещения «Rheinische Zeitung». —*208.*

[138] Кампц, член майнцкой центральной следственной комиссии (см. примечание 260), был одним из наиболее рьяных организаторов начавшихся в 1819 г. процессов против так называемых «демагогов» — представителей буржуазной оппозиции.

Черный, красный и *золотой* — цвета, ставшие символом национально-объединительного движения в Германии. — *209.*

[139] На народном собрании в зале Гюрцених (Кёльн) 9 июля 1848 г. было принято по предложению Демократического общества обращение к прусскому Национальному собранию, в котором на ряде примеров разоблачалась контрреволюционная практика правительства Ауэрсвальда — Ганземана и содержался призыв к прусскому собранию — объявить министерство Ауэрсвальда — Ганземана «лишенным доверия страны». — *210.*

[140] Из стихотворения Гейне «Тамбурмажор». — *222.*

[141] Имеются в виду сделки, заключаемые на определенный срок, при которых товары или ценные бумаги не переходят из рук в руки, а все сводится лишь к спекуляции на разнице биржевого курса и товарных цен. — *224.*

[142] Франкфуртское Национальное собрание приняло 28 июня 1848 г. решение о создании временной центральной власти в составе имперского регента (на этот пост был избран австрийский эрцгерцог Иоганн) и имперского министерства. Временная центральная власть, не обладавшая собственным бюджетом и армией, лишенная какой бы то ни было реальной силы, явилась проводником контрреволюционной политики немецких государей. — *232.*

[143] Из стихотворения Гейне «Anno 1829». — *235.*

[144] *Таможенный союз* немецких государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 году. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, он со временем охватил все немецкие государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Главенствующую роль в союзе играла Пруссия. — *236.*

[145] Из стихотворения Гейне «Георгу Гервегу». — *240.*

[146] В подавляющем большинстве немецких государств выборы во франкфуртское Национальное собрание не были прямыми. По закону от 8 апреля 1848 г. была установлена система двухстепенных выборов и в прусское Национальное собрание. — *240.*

[147] *Верный Эккарт* — герой немецких средневековых сказаний, типичный образ преданного человека, надежного стража. — *246.*

[148] Гейне. «Путешествие по Гарцу». — *252.*

[149] *«Faedrelandet»* («Отечество») — датская газета, издававшаяся в Копенгагене с 1834 до 1839 г. еженедельно, а затем ежедневно; в 1848 г. являлась полуофициальным органом датского правительства.—*257.*

[150] *Зундская пошлина* — денежный сбор, который с 1425 по 1857 г. взимался Данией с иностранных судов, проходивших через пролив Зунд. — *262.*

[151] 2 апреля 1848 г. республиканское меньшинство во главе с Геккером и Струве покинуло Предпарламент в знак протеста против политики либерального большинства. Попуганное ростом республиканского движения, баденское правительство приняло решение об увеличении контингентов армии, обратилось за военной помощью к соседним немецким государствам и арестовало республиканца Фиклера по доносу либерала Мати. Эти меры баденского правительства послужили поводом к республиканскому восстанию 12 апреля 1848 г. под руководством мелкобуржуазных демократов Ф. Геккера и Г. Струве. Это восстание, с самого начала плохо подготовленное и организованное, к концу апреля было подавлено. — *265.*

[152] *«La Concordia»* («Согласие») — итальянская ежедневная буржуазно-либеральная газета, издававшаяся в Турине в 1848—1849 годах. — *270.*

[153] *Рабочий конгресс,* состоявшийся в Берлине 23 августа — 3 сентября 1848 г., был созван по инициативе ряда рабочих организаций. Составленная под влиянием Стефана Борна программа конгресса ставила перед рабочими задачу добиваться осуществления ряда узко профессиональных требований, отвлекая их тем самым от революционной борьбы. Эта программа была опубликована в «Neue Rheinische Zeitung» без комментариев в корреспонденции из Берлина. — *270.*

[154] «Kolnische Zeitung» № 203, 21 июля 1848 года. — *272.*

[155] I. Pinto. «Traite de la Circulation et du Credit». Amsterdam, 1771 (И. Пинто. «Трактат об обращении и кредите». Амстердам, 1771). — *278.*

[156] Рефрен из стихотворения Фрейлиграта «Вопреки всему». — *278.*

[157] *Скользящая ткала* (Sliding-Scale) — практиковавшаяся во время существования хлебных законов в Англии система установления хлебных пошлин, при которой высота их находилась в обратной зависимости от уровня хлебных цен на внутреннем рынке. Один из законов о скользящей шкале был проведен в 1842 г. министерством Пиля. — *281.*

[158] Сервантес. «Назидательные новеллы». Новелла о беседе собак. — *281.*

[159] Гейне. Из стихотворного цикла «Опять на родине» («Heimkehr»). — *283.*

[160] В ответ на предложение прусского правительства — высказаться по вопросу о включении великого герцогства Познанского в Германский союз — познанское сословное представительное собрание 6 апреля 1848 г. высказалось против включения. — *287.*

[161] *Первый демократический конгресс* во Франкфурте-на-Майне состоялся 14—17 июня 1848 года; на нем были представлены делегаты 89 демократических и рабочих организаций различных городов Германии. Конгресс принял решение об объединении всех демократических союзов и о создании в связи с этим окружных комитетов и возглавляющего

их Центрального комитета демократов Германии с местопребыванием в Берлине. Членами Центрального комитета были избраны Фрёбель, Рау, Криге, а их заместителями Байрхоффер, Шютте и Аннеке. Однако из-за слабости и неустойчивости мелкобуржуазного руководства демократическое движение Германии продолжало и после этого решения оставаться распыленным и неорганизованным. — *293.*

162 Умеренные буржуазные элементы в Германии, сторонники конституционной монархии, объединялись в конституционные союзы и клубы во главе с Конституционным клубом в Берлине, а также в Союзы граждан (см. примечание 53). Реакционную программу, проникнутую пруссаческим духом, провозглашали Прусские союзы (Preusenvereine), а также орган махровой юнкерской контрреволюции—Союз для защиты собственности и обеспечения благосостояния всех классов. В ряде городов Рейнской провинции существовали католические организации—Союзы Пия IX (Piusvereine), провозглашавшие конституционную программу с примесью социальной демагогии. — *293.*

163 Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава VIII. — *295.*

164 По английскому закону о бедных, принятому в 1834 г., допускалась только одна форма помощи бедным — помещение в работные дома с тюремно-каторжным режимом, прозванные народом «бастилиями для бедных». — *300.*

165 *«Le Populaire de 1841»* («Народная газета 1841 года») — орган пропаганды мирного утопического коммунизма; газета выходила в Париже с 1841 до 1852 года; до 1849 г. редактировалась Э. Кабе. — *302.*

166 *«L'Union. Bulletin des ouvriers redige et publie par eux-memes»* («Союз. Рабочий вестник, составляемый и издаваемый самими рабочими») — ежемесячник, выходивший в Париже с декабря 1843 по сентябрь 1846 года; издавался группой рабочих, вышедших из сен-симонистской школы.

«La Ruche populaire» («Народный улей») — ежемесячный рабочий журнал, связанный с социалистами-утопистами; выходил в Париже с декабря 1839 по декабрь 1849 года.

«La Fraternite de 1845. Organe du communisme» («Братство 1845 года. Орган коммунизма») — ежемесячный рабочий журнал бабувистского направления; выходил в Париже с января 1845 по февраль 1848 года. — *302.*

167 *Лига против хлебных законов,* ограничивавших или запрещавших ввоз хлеба из-за границы, была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного, политически оформленного рабочего движения (чартизм).

Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. — *303.*

[168] Борьба за законодательное ограничение рабочего дня десятью часами началась в Англии еще в конце XVIII в. и с начала 30-х годов XIX в. охватила широкие массы пролетариата. Поскольку представители земельной аристократии стремились использовать этот популярный лозунг в своей борьбе против промышленной буржуазии, они выступали в парламенте в защиту билля о десятичасовом рабочем две. Закон о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся на подростков и женщин-работниц, был принят парламентом 8 июня 1847 года. — *303.*

[169] Из стихотворения Гейне «Успокоение», в котором он бичует филистерство и косность немецкого бюргера, противопоставляя ему республиканцев Древнего Рима. — *307.*

[170] *Ceterum censeo* — начальные слова ставшего крылатым выражения Катона Старшего, которым он обычно заключал все свои речи в сенате: Ceterum censeo Carthaginem esse delendam (Впрочем, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен). — *308.*

[171] Имеется в виду *«Frankfurter Oberpostamts-Zeitung»* («Франкфуртская главная почтовая газета») — немецкая газета, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне с 1619 по 1866 год. В период революции 1848— 1849 гг. была органом центральной власти — имперского регента и имперского министерства.

Циркуляр Нессельроде русским послам в немецких государствах был опубликован в № 210 этой газеты от 28 июля 1848 года. — *309.*

[172] Имеется в виду «Воззвание к немцам», выпущенное 13 (25) марта 1813 г. в городе Калише. Русский царь и прусский король, призывая немцев к борьбе против Наполеона, демагогически обещали им свободу и независимость. — *320.*

[173] По свидетельству некоторых современников, Николай I, получив известие о февральской революции 1848 г. во Франции, воскликнул, обращаясь к присутствовавшим на придворном балу офицерам: «Седлайте коней, господа! Во Франции объявлена республика!». — *311.*

[174] Намек на бегство принца Прусского в Англию — см. примечание 40. — *312.*

[175] В 1772 г. произошел первый раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией. — *312.*

[176] См. примечание 133. — *312.*

[177] Речь идет о рескриптах Фридриха-Вильгельма IV от 3 февраля 1847 г. о созыве Соединенного ландтага, где король ссылается на законы о сословных представительствах, изданные в Пруссии в 20— 40-х годах XIX века. Созыв Соединенного ландтага — объединенного собрания сословных провинциальных ландтагов Пруссии — изображался королем как осуществление дававшихся ранее конституционных обещаний. — *313.*

[178] Серьезные экономические трудности (почти повсеместный неурожай) и стихийные бедствия (эпидемия холеры и опустошительные пожары) вызвали обострение классовых противоречий в России весной и летом

1848 года. Этот год характеризуется подъемом крестьянского движения, холерными «беспорядками» в Петербурге и Риге, а также народными волнениями в некоторых губерниях (например, во Владимирской). Одним из важных очагов революционного брожения было в то время Царство Польское. —*315.*

[179] Гёте. «Фауст», часть I, сцена двенадцатая («Сад»). — *316.*

[180] Имеется в виду реакционная клика (братья Герлах, Радовиц и др.), окружавшая прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. — *320.*

[181] Речь Прудона в данной статье излагается и цитируется по корреспондентским сообщениям. Полный текст речи Прудона на заседании французского Национального собрания 31 июля 1848 г. опубликован в «Compte rendu des seances de l'Assemblee nationale». Vol. II, Paris, 1849, p. 770—782 («Протоколы заседаний Национального собрания». Т. II, Париж, 1849, стр. 770—782). — *321.*

[182] Под редакцией Прудона в апреле — августе 1848 г. в Париже издавалась газета *«Le Represeniant du Peuple. Journal quotidien des travailleurs»* («Представитель народа. Ежедневная газета трудящихся»). —*322.*

[183] Развернутая критика экономических и философских воззрений Прудона была дана Марксом в 1847 г. в работе «Нищета философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185). — *324.*

[184] В 1807—1811 гг. министрами Штейном и Гарденбергом были проведены половинчатые аграрные реформы в Пруссии. В 1807 г. была отменена личная крепостная зависимость крестьян, но все повинности, тяготевшие над крестьянином, были сохранены. В 1811 г. крестьянам было предоставлено право выкупа феодальных повинностей на условиях уплаты помещику суммы, равной 25-кратной стоимости обычных годовых платежей, или уступки ему до половины земельного участка.— *326.*

[185] *Dreschgartner* — так назывались в некоторых местностях Германии, в частности в Силезии, зависимые крестьяне, которые получали от помещика клочок земли с хижиной и должны были выполнять работу на помещика (главным образом обмолот урожая) за ничтожную плату деньгами или натурой. — *328.*

[186] *Виспель* — до 1872 г. мера зерна в Германии; в Пруссии виспель равнялся 1319 литрам. — *330.*

[187] *«Le Moniteur belge. Journal officiel»* («Бельгийский вестник. Официальная газета») — так называлась по примеру французского правительственного органа ежедневная бельгийская газета, официальный орган, основанный в Брюсселе в 1831 году. — *331.*

[188] *Франскийоны* — прозвище, которым в Бельгии называли поклонников всего французского. — *333.*

[189] Традиционные празднества в Бельгии в честь годовщины провозглашения ее независимости в 1830 году; в эти дни устраивались карнавальные шествия. — *334.*

[190] Говоря о прусской конституции, Энгельс имеет в виду неоднократные обещания короля Фридриха-Вильгельма III ввести в Пруссии сословную конституцию — обещания, так и оставшиеся на бумаге.—*336.*

[191] В договорах, подписанных Россией, Пруссией и Австрией в Вене 3 мая 1815 г., а также в Заключительном акте Венского конгресса от 9 июня 1815 г. содержались обещания создать во всех польских землях народные представительства и национальные государственные учреждения. В Познани дело свелось к созыву сословного представительного собрания с совещательными функциями. — *341.*

[192] См. примечание 114. — *342.*

[193] Персонаж из комедии датского писателя Л. Хольберга «Дон Ранудо де Колибрадос, или Бедность и гордость» — тип обнищавшего дворянина, полного глупой спеси. — *342.*

[194] Слова из польского национального гимна. — *344.*

[195] *Ярославецкая конвенция* была заключена 11 апреля 1848 г. между Познанским комитетом и прусским комиссаром генералом Виллизеном. Это соглашение предусматривало разоружение и роспуск польских повстанческих отрядов. Взамен полякам была обещана «национальная реорганизация» Познани, т. е. организация польского войска, назначение поляков на административные и другие должности и ведение административных и судебных дел на родном языке. Однако эта конвенция была предательски нарушена прусскими властями; воспользовавшись достигнутым с повстанцами соглашением, прусские войска зверски расправились с национально-освободительным движением в Познани. Обещанная полякам «реорганизация» так и не была осуществлена. — *346.*

[196] *«Присоединительные палаты»,* созданные Людовиком XIV в 1679— 1680 гг., должны были юридически и исторически обосновывать и оправдывать притязания Франции на те или иные части соседних государств, которые вслед за тем занимались французскими войсками. — *347.*

[197] Так Энгельс иронически называет войну с Данией из-за Шлезвиг-Гольштейна. — *349.*

[198] *Польская конституция 1791 г.,* выражавшая стремления наиболее прогрессивно настроенной части польского дворянства и городской буржуазии, отменяла либерум вето (принцип единогласия в решениях сейма) и избираемость королей, вводила правительство, ответственное перед сеймом, и предоставляла городской буржуазии целый ряд политических и экономических прав. Эти мероприятия были направлены против аристократии, против феодальной анархии и укрепляли центральную власть. Конституция 1791 г. несколько смягчала крепостные отношения, признав обязательную силу за выкупными договорами, заключенными между помещиками и крестьянами. — *362.*

[199] J. Lelewel. «Histoire de Pologne». T. 1—2, Paris — Lille, 1844 (И. Лелтвель. «История Польши». Тт. 1—2, Париж — Лилль, 1844).

«Debat entre la revolution et la contrerevolution en Pologne». Par quelqu'un qui ne dit que ce qu'il pense, mais qui ne peut pas dire tout ce qu'il pense. Leipzig, 1848 («Спор между революцией и контрреволюцией в Польше». Написано тем, кто говорит только то, что думает, но кто не может сказать всего, что думает. Лейпциг, 1848). — *357.*

200 Наиболее многочисленная часть франкфуртского Национального собрания, либерально-буржуазный *центр,* распадалась на две фракции: *правый центр,* куда входили Дальман, Генрих Гагерн, Бассерман, Мати, Мевиссен, Шмерлинг и др., и *левый центр,* куда входили Миттермайер, Вернер, Раво и др. Депутаты центра были сторонниками конституционной монархии. — *357.*

201 «Denkschrift des Oberprasidenten Herrn Flottwell, liber die Verwaltung des Gros-Herzogthum Posen, vom Dezember 1830 bis zum Beginn des Jahres 1841», Strasburg («Памятная записка обер-президента г-на Флотвеля об управлении великим герцогством Познанским с декабря 1830 до начала 1841 года», Страсбург). — *359.*

202 6 августа 1848 г. войска всех немецких государств должны были, согласно приказу имперского военного министра Пёйкера от 16 июля 1848 г., на торжественном параде принести присягу имперскому регенту эрцгерцогу Иоганну. Фридрих-Вильгельм IV, который сам претендовал на верховное командование вооруженными силами Германского союза, запретил в Пруссии назначенный на 6 августа парад войск. — *362.*

203 Речь идет об издававшемся В. Йорданом в Лейпциге в 1845—1846 годах ежемесячном журнале «Die begriffene Welt. Blatter fur wissenschaftliche Unterhaltung» («Понятый мир. Журнал для бесед на научные темы»). — *364.*

204 В *соборе св. Павла* во Франкфурте-на-Майне с 18 мая 1848 по 30 мая 1849 г. происходили заседания общегерманского Национального собрания. — *364.*

205 Гёте. «Фауст», часть I, сцена шестнадцатая («Сад Марты»). — *368.*

206 Энгельс называет Лихновского именем одного из героев поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» — Родомонта, отличавшегося своими хвастливыми россказнями. — *369.*

207 7 августа 1848 г. депутат Брентано выступил на заседании франкфуртского Национального собрания в пользу предоставления амнистии участникам баденского республиканского восстания и их руководителю Геккеру. Правые депутаты Собрания сначала устроили Брентано обструкцию, а потом силой заставили его покинуть трибуну. — *373.*

208 Параграф 6 «Основных прав германского народа», принятых франкфуртским Национальным собранием 2 августа 1848 г., предусматривал отмену сословных привилегий и всех не связанных с занимаемой должностью дворянских титулов. — *374.*

209 Дон Карлос, выступивший в 1833 г. в качестве претендента на испанский престол против дочери короля Фердинанда Изабеллы, ссылался на закон 1713 г. о запрещении престолонаследия по женской

линии. Лихновский в 1838—1840 гг. принимал участие в гражданской войне, развязанной дон Карлосом, и получил чин бригадного генерала. — *875.*

210 Из стихотворения Арндта «Отечество немцев». — *276.*

211 *Альбигойские войны* велись с 1209 по 1229 г. феодалами Северной Франции совместно с папой против «еретиков» Южной Франции, получивших название альбигойцев от южнофранцузского города Альби. Движение альбигойцев было своеобразной формой оппозиции горожан и мелкого рыцарства против католической церкви и феодального государства. Войны закончились в 1229 г. присоединением Лангедока к владениям французских королей. — *378,*

212 В составленном Руге «Избирательном манифесте радикальной партии реформ в Германии» (апрель 1848 г.) главной задачей Национального собрания провозглашалось «редактирование разума событий». — *383.*

213 Имеется в виду одна из легенд, сложившихся вокруг основания Швейцарского союза, начало которому было положено договором, заключенным в 1291 г. тремя горными кантонами — Швиц, Ури и Унтервальден. Согласно преданию, представители трех кантонов собрались в 1307 г. на лугу Рютли (или Грютли) и поклялись быть верными союзу в совместной борьбе против австрийского владычества. — *383.*

214 Перефразировка выражения Гейне, который при встрече с Руге в 1843 г. приветствовал в нем человека, «сумевшего перевести Гегеля на померанский язык». — *384.*

215 «Stenographischer Bericht uber die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main». Bd. II, Frankfurt am Main, 1848, S. 1186 («Стенографический отчет о заседаниях германского учредительного Национального собрания во Франкфурте-на-Майне». Т. II, Франкфурт-на-Майне, 1848, стр. 1186). — *385.*

216 *«Hallische Jahrbucher»* и *«Deutsche Jahrbucher»* — сокращенное название литературно-философского журнала младогегельянцев, издававшегося в виде ежедневных листков в Лейпциге с января 1838 по июнь 1841 г. под названием «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства») и с июля 1841 по январь 1843 г. под названием «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). До июня 1841 г. журнал редактировался А. Руге и Т. Эхтермейером в Галле, а с июля 1841 г. — А. Руге в Дрездене. — *387.*

217 См. примечание 202. — *389.*

218 Моцарт, опера «Свадьба Фигаро», акт 1, ария Фигаро. — *390.*

219 *«Черные»* — монахи-иезуиты; *черный* и *желтый* — цвета австрийского государственного флага. — *391.*

220 Из стихотворения Фрейлиграта «Роза». — *394.*

[221] Здесь перечисляются сражения австрийцев с французами в период французской буржуазной революции конца XVIII в., Директории, Консульства и Империи, в которых австрийская армия терпела поражения: при Жемапе 6 ноября 1792 г., при Флёрюсе 26 июня 1794 г., при Миллезимо 13—14 апреля 1796 г., при Риволи 14—15 января 1797 г., при Нёйвиде 18 апреля 1797 г., при Маренго 14 июня 1800 г., при Хоэнлиндене 3 декабря 1800 г., при Ульме 17 октября 1805 г., при Аустерлице 2 декабря 1805 г., при Ваграме 5—6 июля 1809 года. —*395.*

[222] *Зондербунд*— сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Постановление швейцарского сейма в июле, 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками федерального правительства. — *296.*

[223] *Вольта* и *Кустоца* — селения в Северной Италии. 25 июля 1848 г. австрийская армия под командованием Радецкого нанесла поражение пьемонтской армии при Кустоце, а 26—27 июля — при Вольте; 6 августа 1848 г. она заняла Милан. — *395.*

[224] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава VII. — *296.*

[225] 21 августа 1848 г. в Берлине произошли народные собрания и демонстрации в знак протеста против организованного реакционерами па-падения на членов демократического клуба в тогдашнем пригороде Берлина— Шарлоттенбурге. Демонстранты, требовавшие отставки министерства Ауэрсвальда — Ганземана и наказания виновников шарлоттенбургских событий, забросали камнями здание, где находились Ауэрсвальд и другие министры. Министерство дела ответило иа августовские события новыми репрессиями. — *399.*

[226] Из стихотворения Арндта «Ликующая песнь». — *299.*

[227] Перемирие между Сардинским королевством и Австрией было заключено 9 августа 1848 г., после взятия Милана австрийской армией. Первоначальный срок перемирия—6 недель—был затем продлен; оно было расторгнуто 12 марта 1849 г., военные действия были возобновлены, но вскоре сардинская армия была разбита, Карл-Альберт отрекся от престола, а новый король Виктор-Эммануил II 26 марта заключил перемирие с австрийцами. — *401.*

[228] Так называемый *процесс Рискон-Ту,* происходивший с 9 по 30 августа 1848 г. в Антверпене, был сфабрикован правительством бельгийского короля Леопольда для расправы с демократами. Поводом для процесса послужило происшедшее 29 марта 1848 г. столкновение бельгийского республиканского легиона, который направлялся из Франции на родину, с отрядом солдат неподалеку от французской границы, у деревушки Рискон-Ту. — *403.*

[229] Отказ кельнских властей предоставить Марксу право прусского гражданства вызвал возмущение в демократических кругах Кёльна. Кёльнское Демократическое общество послало депутацию к местным властям

с требованием отменить полицейские меры против Маркса (см. настоящий том, стр. 528—529). В ответ на жалобу Маркса прусский министр внутренних дел Кюльветтер 12 сентября 1848 г. подтвердил решение окружного управления. В дальнейшем прусское правительство воспользовалось тем, что Маркс не получил прусского подданства, для того чтобы выслать его из пределов Пруссии, как «нарушившего право гостеприимства». Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. — *407.*

[230] 9 августа 1848 г. прусское Национальное собрание приняло предложение депутата Штейна — потребовать от военного министра издания приказа о том, чтобы офицеры, настроенные против конституционных учреждений, сами подали в отставку. Военный министр Шреккенштейн, вопреки решению Собрания, не издал такого приказа. В связи с этим Штейн вторично внес свое предложение на заседании Национального собрания 7 сентября; в результате голосования этого предложения министерство Ауэрсвальда — Ганземана вынуждено было подать в отставку; при сменившем его министерстве Пфуля приказ был, наконец, отдан 26 сентября 1848 г. в более смягченной форме, но и он остался на бумаге. — *416.*

[231] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XIX. — *419.*

[232] *«Morgenbladet»* («Утренняя газета») — норвежская газета, основана в Христиании (Осло) в 1819 году; в 30—40-х годах XIX в. была органом так называемой «народной партии». — *421.*

[233] О ноте Вильденбруха см. примечание 133. — *423.*

[234] Вторая, третья и четвертая статьи этой серии в «Neue Rheinische Zeitung» озаглавлены «Кризис». — *425.*

[235] *26 июля 1830* г. были опубликованы королевские указы *(ордонансы),* которые упраздняли во Франции свободу печати, объявляли о роспуске палаты и изменяли избирательный закон, сокращая число избирателей на три четверти. Эти чрезвычайные меры правительства Карла X явились поводом для июльской буржуазной революции 1830 г. во Франции.

24 февраля 1848 г. была свергнута монархия Луи-Филиппа во Франции. — *429.*

[236] В своем послании 10 сентября 1848 г. Фридрих-Вильгельм IV согласился с мнением министров, что решение прусского Национального собрания от 7 сентября 1848 г. (см. настоящий том, стр. 416—417) является нарушением «принципа конституционной монархии», и одобрил решение министерства уйти в отставку в знак протеста против этих действий Собрания. — *430.*

[237] *Конституанта* — Учредительное собрание во Франции, заседавшее с 9 июля 1789 по 30 сентября 1791 года. — *432.*

[238] Это выражение употреблено по аналогии с ответом Фридриха-Вильгельма IV 10 сентября 1848 г. на просьбу министров об отставке: соглашаясь с мотивами отставки, король предложил министрам

исполнять свои обязанности впредь до образования нового министерства. — *435.*

[239] *«Vossische Zeitung»* («Фоссова газета») — так называли по имени ее владельца ежедневную газету «Koniglich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen» («Берлинская королевско-привилегированная газета по вопросам политики и науки»), выходившую под этим названием с 1785 г. в Берлине. В 40-х годах XIX в. газета придерживалась умеренно-либерального направления. — *435.*

[240] *«Spenersche Zeitung»* («Шпенерская газета») — так называли по имени ее издателя газету «Berlinische Nachrichten von Staats-und gelehrten Sachen» («Берлинские известия по вопросам политики и науки»), выходившую в Берлине с 1740 по 1874 год. В 1848—1849 гг. газета придерживалась конституционно-монархического направления. — *435.*

[241] Слова Кромвеля при разгоне охвостья Долгого парламента 20 апреля 1653 года. — *438.*

[242] Первая статья этой серии не имеет заглавия, так как она была опубликована в приложении к «Neue Rheinische Zeitung», где отсутствовал перечень названий публикуемых статей. — *441.*

[243] *Смутьянами* (Wuhler) в 1848—1849 гг. в Германии буржуазные конституционалисты называли демократов-республиканцев, которые, в свою очередь, прозвали своих противников *нытиками* (Heuler). — *446.*

[244] 26 сентября 1848 г. власти, напуганные подъемом революционно-демократического движения в Кёльне, ввели там осадное положение «для охраны личности и собственности». Приказом военной комендатуры была запрещена деятельность всех союзов, преследующих «политические и социальные цели», запрещены собрания, распущено гражданское ополчение, которому предписывалось сдать оружие, вводились военные суды, приостанавливался выход «Neue Rheinische Zeitung» и ряда других демократических газет. — *447.*

[245] *«Neue Kolnische Zeitung fur Burger, Bauern und Soldaten»* («Новая Кёльнская газета для горожан, крестьян и солдат») — немецкая революционно-демократическая газета, которая издавалась в Кёльне в 1848—1849 гг. Ф. Аннеке и Ф. Бёйстом. Газета ставила своей задачей в общедоступной форме вести пропаганду среди трудящихся города и деревни, а также в армии. — *447.*

[246] Имеется в виду *«Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Koln»* («Газета кёльнского Рабочего союза»), которая выходила в апреле — октябре 1848 года; до июля 1848 г. редактором ее был А. Готшальк, в июле — сентябре И. Молль. На страницах газеты освещалась деятельность кёльнского Рабочего союза и других рабочих союзов Рейнской провинции. — *447.*

[247] *«Der Wachter am Rhein»* («Рейнский страж») — немецкая демократическая газета, выходившая в Кёльне в 1848—1849 гг. под редакцией К. Крамера. Среди других материалов в газете публиковались отчеты о заседаниях кёльнского Демократического общества. — *447.*

[248] В результате начавшегося народного восстания в Вене австрийский император бежал 7 октября 1848 г. в Ольмюц (Оломоуц). Из Вены

также бежало в Прагу большинство чешских депутатов австрийского рейхстага, принадлежавших к чешской национально-либеральной партии. — *449.*

[249] Гейне. «Тангейзер», глава 3. — *449.*

[250] Депутат прусского Национального собрания Д'Эстер на заседания 29 сентября 1848 г. потребовал от правительства отмены осадного положения в Кёльне и привлечения к ответственности кёльнской комендатуры за ее незаконные действия. — *451.*

[251] Некоторые контрреволюционно настроенные буржуа Кёльна (Штупп, Аммон и др.) обратились 2 октября 1848 г. с адресом к прусскому Национальному собранию, в котором заявляли, будто поддержанное депутатами Рейнской провинции Борхардтом и Киллем предложение Д'Эстера о снятии осадного положения в Кёльне «не отражает настроений и взглядов бюргеров». — *451.*

[252] *Кёльнский Рабочий союз* был основан 13 апреля 1848 г, членом кёльнской общины Союза коммунистов А. Готшальком. Союз, насчитывавший сперва около 300 человек, уже к началу мая вырос до 5000 членов, большинство которых составляли рабочие и ремесленники. Во главе союза стоял председатель и комитет, в который входили представители различных профессий. Печатным органом союза являлась газета «Zeitnng des Arbeiter-Vereines zu Koln» («Газета кёльнского Рабочего союза»), а с 26 октября 1848 г. — «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» («Свобода, братство, труд»). Союз имел ряд филиалов в городе. После ареста Готшалька председателем союза 6 июля был избран Молль. который занимал эту должность до сентябрьских событий в Кёльне, когда он вынужден был эмигрировать под угрозой ареста. 16 октября председательство в союзе по просьбе рабочих временно взял на себя Маркс. 28 февраля председателем был избран Шаппер, который занимал этот пост до конца мая 1849 года.

Большинство руководящих деятелей Рабочего союза (Готшальк, Аннеке, Шаппер, Молль, Лесснер, Янсен, Рёзер, Нотъюнг, Бедорф) являлись членами Союза коммунистов.

В первый период своего существования Рабочий союз находился Под влиянием Готшалька, который, в духе «истинных социалистов», игнорировал значение исторических задач пролетариата в буржуазно-демократической революции, проводил сектантскую тактику бойкота косвенных выборов в общегерманское и прусское национальные собрания и выступал против поддержки демократических кандидатов на выборах. Ультралевые фразы сочетались у Готшалька с весьма умеренными методами борьбы (подача петиций от имени рабочих правительству и в муниципалитет, ориентация только на «законные» формы борьбы, поддержка ряда требований отсталых, зараженных ремесленными предрассудками рабочих и т. д.). Сектантская тактика Готшалька с самого начала встретила отпор со стороны ряда членов союза, поддерживавших тактическую линию Маркса и Энгельса. Под их влиянием в конце июня наступил перелом в деятельности Рабочего союза. С осени 1848 г. кёльнский Рабочий союз развернул большую агитационную работу также и среди крестьян. Члены союза организовывали в окрестностях Кёльна демократические и рабочие союзы, распространяли революционную литературу, в том числе «Требования

Коммунистической партии в Германии» (см. примечание 1). Союз поддерживал тесную связь с другими рабочими союзами Рейнской провинции и Вестфалии.

Зимой 1848—1849 гг. Готшальк и его сторонники развернули ожесточенную борьбу, направленную на раскол кёльнского Рабочего союза. В издававшейся ими с января 1849 г. газете «Freiheit, Arbeit» («Свобода, труд») они выступали с резкими нападками и злобными инсинуациями против Маркса и редакции «Neue Rheinische Zeitung». Однако эта раскольническая деятельность не нашла поддержки среди большинства членов союза.

С целью укрепления союза Маркс, Шаппер и другие его руководители провели в январе — феврале 1849 г. его реорганизацию. 25 февраля был принят новый устав, который провозглашал главной задачей союза повышение классовой и политической сознательности рабочих. В апреле комитет Рабочего союза вынес решение обсуждать на заседаниях союза напечатанную в «Neue Rheinische Zeitung» работу Маркса «Наемный труд и капитал».

Политический опыт, приобретенный рабочими в ходе революции, их разочарование в колеблющейся политике мелкобуржуазных демократов, — все это позволило Марксу и Энгельсу весной 1849 г. поставить практически вопрос о подготовке создания пролетарской партии. В связи с этим Маркс и его сторонники организационно порывают с мелкобуржуазной демократией. 16 апреля кёльнский Рабочий союз принял решение выйти из объединения демократических союзов Германии и присоединиться к объединению немецких рабочих союзов с центром в Лейпциге. 6 мая 1848 г. состоялся конгресс рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалия.

Однако сложившаяся к тому времени обстановка в Германии (наступление контрреволюции, усиление полицейских репрессий) помешала дальнейшей деятельности кёльнского Рабочего союза по сплочению и организации рабочих масс. После прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung» и отъезда из Кёльна Маркса, Щаппера и-других руководителей союза он все более утрачивал политический характер и постепенно превратился в обычное рабочее просветительное общество. — *451.*

[253] Командующий Бранденбургским военным округом генерал Врангель издал 17 сентября 1848 г. приказ по войскам, свидетельствовавший о намерении прусской военщины перейти в открытое наступление против завоеваний революции. Приказ предписывал обеспечение «общественного спокойствия», угрожал «элементам, выступающим против законности», и призывал солдат сплотиться вокруг офицеров и короля. — *452.*

[254] Из статьи «Баррикады в Кёльне», опубликованной в «Kolnische Zeitung» № 268, 30 сентября 1848 года. — *453.*

[255] См. примечание 143. — *453.*

[256] Шекспир. «Король Генрих IV», часть II, акт III, сцена вторая. — *454.*

[257] Работа Тьера, публиковавшаяся в газете «Constitutionnel» в сентябре — октябре 1848 г., вышла затем отдельной брошюрой под названием: «De la propriete». Paris, 1848 («О собственности». Париж, 1848).—*455.*

[258] *«L'Independance belge»* («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; в 40-х годах XIX в.— орган либералов. — *455.*

[259] C.-J.-A. Mathieu de Dombasle. «Annales agricoles de Roville, ou melanges d'agriculture, d'economie rurale et de legislation agricole». Paris, 1824—1837 (К. Ж. А. Матьё де Домбаль. «Сельскохозяйственные анналы Ровиля, или различные материалы о сельском хозяйстве, о сельской экономике и о законодательстве, относящемся к сельскому хозяйству». Париж, 1824—1837). — *458.*

[260] *Майнцкая центральная следственная комиссия* была по решению конференции немецких государств в Карлсбаде в 1819 г. учреждена для расследования «козней демагогов», т. е. для борьбы с оппозиционным движением в немецких государствах. Майнцкая комиссия, члены которой назначались отдельными правительствами немецких государств, имела полномочия непосредственно (immediat) производить следствия и аресты во всех государствах Германского союза, действуя помимо Союзного сейма. — *460.*

[261] Имеется в виду принятый франкфуртским Национальным собранием 9 октября 1848 г. «закон об охране учредительного Национального собрания и чиновников центральной власти», согласно которому оскорбление депутатов Национального собрания или чиновников центральной власти каралось тюремным заключением. Этот закон являлся одной из репрессивных мер, принятых после сентябрьского восстания во Франкфурте большинством Национального собрания и имперским правительством против народных масс. — *461.*

[262] См. примечание 159. — *461.*

[263] В сентябре 1848 г. турецкие войска при поддержке царского правительства оккупировали Валахию с целью подавления национально-освободительного движения. В Бухаресте они учинили кровавую расправу над населением. В опубликованной турецким правительственным комиссаром Фуадом-эффенди прокламации провозглашалась необходимость установления «законного порядка» и «уничтожения всех следов революции». — *461.*

[264] См. вышедшую анонимно книгу Ч. Давенанта «An Essay upon the Probable Methods of making a People Gainers in the Ballance of Trade». London, 1699, pp. 23, 50 («Опыт о методах, с достаточной вероятностью обеспечивающих народу благоприятный торговый баланс». Лондон, 1699, стр. 23, 50). — *465.*

[265] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XII. — *468.*

[266] Имеется в виду *«Gazzetta di Milano»*—итальянская газета, выходившая с 1816 по 1875 г. и являвшаяся до конца 50-х годов XIX в. официальным органом австрийских властей в Северной Италии. — *477.*

[267] Мелкобуржуазные демократы Гервег, Борнштедт и другие, возглавлявшие Немецкое демократическое общество, которое было основано в Париже после февральской революции 1848 г., вели агитацию за создание добровольческого легиона из немецких эмигрантов. Путем вторжения в Германию они рассчитывали вызвать там революцию и

установить республиканский строй. Маркс и Энгельс решительно выступили против этой авантюристической затеи. После перехода границы легион Гервега в апреле 1848 г. был разгромлен на территории Бадена войсками южнонемецких государств. — *478.*

[268] *«Deutsche Volkszeitung»* («Немецкая народная газета») — ежедневная демократическая газета, выходившая в Мангейме в апреле 1848 г. под редакцией Фрёбеля и Пельца при участии Струве, Геккера, Гервега, Руге и других. В номере этой газеты от 17 апреля была помещена корреспонденция из Парижа, в которой отмечалось отрицательное отношение немецких коммунистов к затее Гервега. — *478.*

[269] Имеется в виду *второй демократический конгресс*, происходивший в Берлине с 26 по 30 октября 1848 года. На этом конгрессе был избран новый состав Центрального комитета демократов Германии (Д'Эстер, Рейхенбах, Хекзамер). Конгресс обсудил вопрос о принципах конституции и принял «декларацию прав человека». При обсуждении социального вопроса от имени комиссии выступил Бейст (см.„примечание 1). Однако разнородный состав делегатов вызвал раздоры и разногласия по важнейшим вопросам. Вместо принятия действенных мер для мобилизации масс на борьбу с контрреволюцией, конгресс ограничился выработкой бесплодных, противоречивых резолюций. — *480.*

[270] Заглавие дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *488.*

[271] Намек на предшествующую политическую деятельность Брюггемана, который, в связи с его участием в студенческом оппозиционном движении и выступлением в защиту свободы печати на Гамбахском празднестве (1832), был приговорен к смертной казни за «государственную измену», что было затем заменено пожизненным тюремным заключением. Брюггеман был освобожден по амнистии в 1840 году. — *489.*

[272] *«Breslauer Zeitung»* («Бреславльская газета») — немецкая газета, основанная в Бреславле (Вроцлаве) в 1820 году; в 40-х годах XIX в. придерживалась буржуазно-либерального направления. — *489.*

[273] *Славянская липа* — чешское национальное общество, основанное в конце апреля 1848 года. В Праге руководство обществом находилось в руках буржуазных либералов (Шафарик, Гауч), которые после пражского восстания перешли в лагерь контрреволюции, тогда как в провинциальных филиалах руководящую роль играли преимущественно представители радикальной чешской буржуазии. — *490.*

[274] *Шиндерганнес* (Schinderhannes) — Ганс-живодер, прозвище немецкого разбойника Иоганна Бюклера, жившего в конце XVIII — начале XIX века. Здесь имеется в виду Виндишгрец. — *490.*

[275] Речь идет о сообщении венского корреспондента «Neue Rheinische Zeitung» Теллеринга, опубликованном в № 127 от 27 октября 1848 года. — *492.*

[276] Путевой очерк Ф. Энгельса *«Из Парижа в Берн»* печатается по рукописи, которая осталась незаконченной. Этому путешествию Энгельса предшествовали следующие события. 26 сентября 1848 г. в Кёльне

было введено осадное положение и отдан приказ об аресте некоторых редакторов «Neue Rheinische Zeitung», в том числе и Энгельса (см. настоящий том, стр. 547). Энгельс эмигрировал в Бельгию, но брюссельская полиция арестовала его и 4 октября выслала из Бельгии. 5 октября Энгельс прибыл в Париж и после нескольких дней пребывания там направился пешком в Швейцарию. Через Женеву и Лозанну он добрался около 9 ноября до Берна, где временно и обосновался. Свои путевые заметки Энгельс начал писать в Женеве, что явствует из первоначального заголовка рукописи «Из Парижа в Женеву».

Находящиеся среди приложенных к рукописи набросков маршрута этнографическая запись и зарисовки заставляют предполагать, что Энгельс прекратил работу над очерком в связи с начатой им по просьбе Маркса статьей «Борьба в Венгрии». — *499.*

277 *«Chant du depart»* («Походная песня») — революционная песня периода французской буржуазной революции конца XVIII. века. Впоследствии пользовалась широкой популярностью в демократических кругах Франции.

«Mourir pour la patrie» («Умереть за отечество») — припев патриотической французской песни, популярной в период февральской революции 1848 года. — *502.*

278 Вебер, опера «Эврианта», либретто Хельмины фон Шези; действие I, сцена вторая. — *504.*

279 К рукописи «Из Парижа в Берн» приложено два листка со сделанными самим Энгельсом набросками проделанного им пути. Все эти наброски относятся к части маршрута Энгельса от Осера (Франция) до Ле-Локля (Швейцария).

На первом листке имеются следующие обозначения (в угловые скобки заключены обозначения, зачеркнутые Энгельсом, в квадратные скобки — не совсем точные обозначения местностей в рукописи):

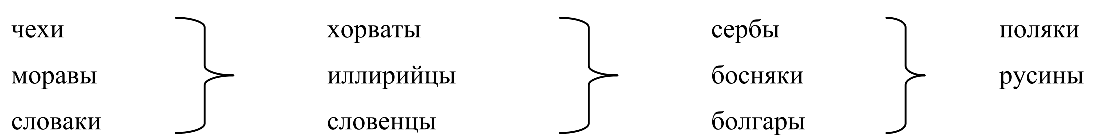
1) Маршрут *от Осера до Шалона* с пометками:

«Осер — Сен-Бри — Вермантон — Понт-о-Алует — Люси-ле-Буа — Авалон — <Рувре> — Сольё <по направлению к Дижону> — Шанпо [Champeau, в рукописи Chanteaux] — Рувре — по направлению к Дижону — Арне-ле-Дюк — Шато — (длинная деревня) — здесь я ходил на почту — угольные копи — трактир — красивая долина, вино — то же самое — Шаньи — Шалон».

2) Маршрут *от Бофора до Женевы* с пометками:

«Бофор — Оржеле — Эн — Муаран — Пон-дю-Лизон [Pt. du Lizon, в рукописи Pt. d'Ison] — Сен-Клод — Ла-Мюр [La Mure, в рукописи La Meure] — Мижу — Жекс — Ферне — Сакконе — Женева».

Кроме того, на том же листке имеется несколько рисунков, среди них изображение всадника в венгерском мундире. Тут же можно различить запись:

На втором листке имеются следующие обозначения:

1) Маршрут *от Осера до Женевы* с пометками:

«Осер — Сен-Бри — Вермантон — Понт-о-Алует— Люси-ле-Буа — Авалон — <Рувре> — Сольё — Арне-ле-Дюк — длинная деревня —

Иври — Лаканш — Шаньи — Шалон — Сен-Марсель —Луан — Бофор — Оржеле — Эн — Муаран — две горы — Пон-дю-Лизон [Pt. du Lizon, в рукописи Pt. d'Ison]— Сен-Клод — Ла-Мюр [La Mure, в рукописи La Meure] — Мижу — Жекс — Женева».

2) Маршрут *от Муарана до Сен-Клод* с пометками:

«Муаран — мельницы — Пон-дю-Лизон [Pt. du Lizon, в рукописи Pt. . dIson] — Сен-Клод».

3) Маршрут *от Женевы до Ле-Локля,* с пометками:

«Женева — Бельвю — Коппе — Нион — Роль — Обони — Морж — Коссоне — Ла-Сарра — Орб — Ивердон — Сент-Круа — Флёрье — Травер — Ле-Пон — Ле-Локль». — *См. иллюстрации между стр. 512 и 513.*

[280] Энгельс перефразирует строфу из стихотворения Гёте «Объявление войны». — *517.*

[281] Воззвание *«Ко всем рабочим Германии»* было составлено приехавшим из Парижа л Майнц эмиссаром Союза коммунистов, членом Центрального комитета Валлау и членом Союза коммунистов Клуссом. По дороге в Кёльн Маркс и Энгельс 8 апреля 1848 г. останавливались в Майнце, где обсуждали с местными коммунистами дальнейший план действий. — *521.*

[282] В Кёльне еще до мартовской революции 1848 г. существовала община Союза коммунистов, в которую входили Д'Эстер, Даниельс, Бюргерс, Аннеке, Готшальк и другие. Значительная часть из них находилась под влиянием «истинных социалистов». В начале апреля 1848 г. состав общины пополнился приехавшими в Кёльн из эмиграции членами Союза коммунистов. Как видно из публикуемого протокола, вскоре после приезда Маркса и Энгельса обнаружились серьезные разногласия между ними и Готшальком. Данный документ подписан Бюргерсом и Моллем как руководителями общины; Маркс присутствует на заседании как председатель Центрального комитета Союза коммунистов. — *523.*

[283] Первый рейнский конгресс демократов состоялся в Кёльне 13—14 августа 1848 года. В работе конгресса приняли участие Маркс и Энгельс. Конгресс утвердил состав Центральной комиссии трех демократических союзов Кёльна (см. примечание 284) в качестве Рейнского окружного комитета демократов. Деятельность этого комитета, руководящую роль в котором играл Маркс, была решением конгресса распространена не только на Рейнскую провинцию, но и на Вестфалию. Конгресс принял решение о необходимости вести работу среди фабричных рабочих, а также среди крестьян. — *526.*

[284] Центральная комиссия из представителей трех демократических организаций Кёльна — Демократического общества, Рабочего союза и Союза рабочих и работодателей — была создана в конце июня в связи с решением первого демократического конгресса во Франкфурте-на-Майне. Эта комиссия временно, вплоть до созыва рейнского конгресса демократов, выполняла функции Окружного комитета. — *526.*

[285] Настоящее решение было принято 11 августа 1848 г. на общем собрании кёльнского Демократического общества под председательством Маркса (см. настоящий том, стр. 528). — *530.*

[286] Комиссия пятидесяти, избранная Предпарламентом в апреле 1848 г. и состоявшая в большинстве своем из буржуазных либералов, в воззвании «К немецкому народу» от 6 апреля призывала его «содействовать тому, чтобы полякам было возвращено их отечество». — *530.*

[287] Под именем рыцаря Шнапганского Г. Веерт высмеял в серии фельетонов известного реакционера князя Лихновского. Фельетоны «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского» печатались без подписи в «Neue Rheinische Zeitung» в августе—сентябре 1848 года.—*535.*

[288] В состав кёльнского Комитета безопасности, наряду с другими, были избраны редакторы «Neue Rheinische Zeitung» Маркс, Энгельс, В. Вольф, Дронке и Бюргерс, а также руководители кёльнского Рабочего союза Шаппер и Молль. — *537.*

[289] О Союзе граждан см. примечание 53. — *538.*

[290] 11 сентября 1848 г. произошло столкновение между солдатами расквартированного в Кёльне 27-го полка и жителями Кёльна, поддержанными демократической частью гражданского ополчения. — *539.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(март—ноябрь 1848)

1848

Вторая половина марта — начало апреля В связи с начавшейся в Германии революцией находящийся в Париже Центральный комитет Союза коммунистов во главе с Марксом организует возвращение в Германию поодиночке от 300 до 400 немецких рабочих, большинство которых составляли члены Союза коммунистов.

Около 21 марта Энгельс приезжает из Брюсселя в Париж, где сразу же включается в работу Центрального комитета Союза коммунистов, в состав которого он был избран заочно.

Между 21 и 29 марта Маркс и Энгельс вырабатывают политическую платформу Союза коммунистов в революции — «Требования Коммунистической партии в Германии», которые в виде листовки вместе с «Манифестом Коммунистической партии» раздаются едущим в Германию рабочим.

Конец марта Маркс и Энгельс готовятся к возвращению в Германию. В своих письмах в Германию они сообщают о своем намерении издавать большую ежедневную революционную газету.

Конец марта — 5 апреля Продолжая борьбу против авантюристической затеи Гервега и Борнштедта, намеревавшихся с помощью вооруженного немецкого легиона импортировать в Германию республику, Маркс и Энгельс информируют друзей в Германии и Франции о своем отношении к этому предприятию. В письме к Кабе Маркс и Энгельс просят его опубликовать в своей газете «Populaire» заявление Центрального комитета Союза коммунистов; в этом заявлении подчеркивается, что единственной организацией в Париже, связанной с Союзом, является Клуб немецких рабочих и что Союз коммунистов не имеет ничего общего с Немецким демократическим обществом,

руководимым Гервегом и Борнштедтом. Заявление подписано К. Марксом, К. Шапнером, Г. Бауэром, Ф. Энгельсом, И. Моллем и В. Вольфом.

По инициативе руководимого Марксом Центрального комитета члены Союза коммунистов создают в Майнце Рабочий просветительный союз, от имени которого обращаются ко всем рабочим Германии с призывом организовать во всех городах и деревнях рабочие союзы.

Около 6 апреля — Маркс и Энгельс покидают Париж и направляются в Германию, чтобы принять непосредственное участие в революции.

8 апреля — Маркс и Энгельс останавливаются в Майнце, где обсуждают с местными членами Союза коммунистов дальнейшие задачи организации и объединения рабочих союзов.

11 апреля — Маркс и Энгельс приезжают в Кёльн и сразу же приступают к подготовке издания большой ежедневной политической газеты.

После 11 апреля — В ответ на заявление Маркса кёльнский муниципальный совет предоставляет ему право жительства в Кёльне.

Первая половина Апреля — Руководимый Марксом Центральный комитет Союза коммунистов направляет в различные города Германии своих эмиссаров (Дронке, В. Вольфа, Шаппера и др.) для организации новых общин Союза и открытых рабочих обществ.

Около 15 апреля — Энгельс выезжает в Бармен, Эльберфельд и другие города Рейнской провинции для распространения акций газеты, а также для организации общин Союза коммунистов.

Вторая половина Апреля — Энгельс работает над переводом «Манифеста Коммунистической партии» на английский язык.

Около 24 апреля — Выходит в свет проспект «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»).

Апрель — В Брюсселе печатается текст прочитанных Марксом в декабре 1847 г. лекций о наемном труде и капитале. Печатание приостанавливается, так как Маркс, занятый подготовкой издания «Neue Rheinische Zeitung», не мог продолжать работу над рукописью.

Апрель—май — Маркс ведет переписку с членами Союза коммунистов в различных городах Германии и во Франции (Дронке, Борн, Эвербек, Шаппер и др.) о состоянии и деятельности общин Союза, а также о ходе подписки на акции газеты.

6 мая

Маркс вместе с Веертом приезжает на несколько дней в Эльберфельд для обсуждения с Энгельсом вопросов, связанных с изданием «Neue Rheinische Zeitung» и деятельностью Союза коммунистов.

11 мая

Маркс как председатель Центрального комитета Союза коммунистов участвует в заседании кёльнской общины Союза, где обсуждается вопрос о позиции Готшалька в отношении Союза.

Середина мая

Маркс сообщает через Веерта бельгийскому демократу, редактору «Debat social» («Социальные дебаты») Жотрану о предстоящем издании «Neue Rheinische Zeitung» и предлагает установить регулярную связь между этими газетами.

20 мая

Энгельс возвращается из Бармена в Кёльн и вместе с Марксом ведет деятельную подготовку к изданию «Neue Rheinische Zeitung».

После 20 мая

В связи с обострением политической обстановки в Германии и активизацией реакционных сил Маркс и Энгельс принимают решение ускорить выпуск «Neue Rheinische Zeitung» и начать издание газеты не с 1 июля, как это предполагалось первоначально, а с 1 июня.

Конец мая

Маркс пишет письмо редактору итальянской демократической газеты «L'Alba» («Рассвет») во Флоренции, в котором сообщает о предстоящем издании «Neue Rheinische Zeitung» и о намерении редакции газеты отстаивать дело свободы и национальной независимости итальянского народа. Маркс предлагает регулярно обмениваться газетами и информацией. Письмо Маркса публикуется в газете «L'Alba» 29 июня.

На основании сообщений эмиссаров Союза коммунистов из различных городов Германии об организационной слабости общин Союза Маркс и Энгельс принимают решение о необходимости для коммунистов примкнуть к демократическому движению, выступив на его левом, фактически пролетарском фланге. Они вступают в кёльнское Демократическое общество и рекомендуют своим сторонникам, наряду с деятельностью в рабочих союзах, принимать активное участие в демократических обществах. Маркс и Энгельс приходят к выводу о целесообразности сделать «Neue Rheinische Zeitung» главным орудием распространения общих директив Союза и пропаганды идей демократии и социализма в Германии.

1 июня

Вышел первый номер «Neue Rheinische Zeitung» с подзаголовком «Орган демократии». В газете опубликовано сообщение «От редакции «Neue Rheinische Zeitung»», а также напечатаны статьи Ф. Энгельса «Франкфуртское собрание» и «Новое геройское деяние династии Бурбонов».

Июнь Маркс всецело занят редактированием «Neue Rheinische Zeitung», отбором материала, налаживанием корреспондентской сети и другой работой по изданию газеты. В связи с этим большую часть передовых статей пишет Энгельс.

Начало июня В связи с появлением статьи Ф. Энгельса «Франкфуртское собрание», направленной против трусливой, соглашательской политики германского Национального собрания, значительное число буржуазных акционеров «Neue Rheinische Zeitung» отказывается от поддержки газеты.

2—3 июня Маркс пишет две статьи о министерстве Кампгаузена, которые публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 3 и 4 июня.

5 июня В «Neue Rheinische Zeitung» опубликована статья Ф. Энгельса о войне в Шлезвиг-Гольштейне — «Комедия войны».

6 июня Энгельс пишет статью «Согласительные дебаты в Берлине», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 7 июня. В дальнейшем Энгельс в ряде статей дает систематический обзор дебатов прусского Национального собрания и подвергает критике его деятельность.

7 июня В передовой статье «Программы радикально-демократической партии во Франкфурте и франкфуртской левой», а также в ряде статей, опубликованных в дальнейшем в «Neue Rheinische Zeitung», Маркс и Энгельс отстаивают необходимость революционного объединения Германии как важнейшую задачу германской буржуазно-демократической революции.

8 июня Энгельс пишет статью «Новый раздел Польши», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 9 июня. В этой статье и в ряде других Энгельс горячо поддерживает национально-освободительное движение польского народа и доказывает, что создание демократической Польши является непременным условием создания демократической Германии.

13—14 июня Энгельс пишет серию статей «Берлинские дебаты о революции», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» с 14 по 17 июня.

17 июня Энгельс пишет статью «Пражское восстание», в которой нашло выражение сочувственное отношение Маркса и Энгельса к национально-освободительной борьбе чешского народа. Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 18 июня.

19 июня Энгельс пишет статью о штурме цейхгауза в Берлине под названием «Согласительное заседание 17 июня»;

эта статья, в которой подчеркивается значение вооружения народа как условия победы революции, публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 20 июня.

20 июня — Энгельс пишет статью «Новая политика в Познани», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 21 июня.

Около 23 июня — Комитет кёльнского Демократического общества назначает Маркса в комиссию для участия в совещании представителей демократических организаций Кёльна по вопросу об объединении демократических обществ Рейнской провинции и Вестфалии, предпринятому в соответствии с постановлением первого демократического конгресса во Франкфурте-на-Майне.

23 июня — В «Neue Rheinische Zeitung» опубликована статья Ф. Энгельса «Первое деяние германского Национального собрания во Франкфурте», где критикуется политика Собрания по отношению к революции в Италии.

24 июня — Маркс принимает участие в заседании комиссии из представителей трех демократических организаций Кёльна — Демократического общества, Рабочего союза и Союза рабочих и работодателей. Комиссия принимает решение о необходимости создания Центральной комиссии демократических союзов Кёльна с функциями Окружного комитета; на комиссию возлагается обязанность осуществлять повседневную связь между этими организациями и подготовить созыв в Кёльне первого рейнского конгресса демократов.

25 июня — В «Neue Rheinische Zeitung» опубликована статья Ф. Энгельса о восстании в Праге — «Демократический характер восстания».

25 июня — 1 июля — В связи с июньским восстанием в Париже Энгельс пишет серию статей, освещающих ход первой классовой битвы парижского пролетариата. Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» с 26 июня по 2 июля.

28 июня — Маркс пишет статью «Июньская революция», опубликованную в «Neue Rheinische Zeitung» 29 июня. После решительного выступления газеты в защиту восставших парижских рабочих большинство оставшихся акционеров отказалось от поддержки «Neue Rheinische Zeitung».

Конец июня — начало августа — В связи с обсуждением в прусском Национальном собрании законопроектов об отмене феодальных повинностей К. Маркс и Ф. Энгельс в ряде передовых статей в «Neue Rheinische Zeitung» («Записка Патова о выкупов, «Законопроект об отмене феодальных повинностей», «Дебаты по поводу действующего законодательства

о выкупе») выступают в защиту крестьянства и подвергают беспощадной критике немецкую буржуазию, изменившую своему естественному союзнику, крестьянству, и отказавшуюся от осуществления одной из важнейших задач германской революции — полной отмены феодальных отношений в деревне.

Июль Маркс и Энгельс через своих соратников — членов Союза коммунистов И. Молля, ставшего с 6 июля председателем кёльнского Рабочего союза, а также К. Шаппера, — оказывают все большее влияние на деятельность Рабочего союза, ведя упорную борьбу со сторонниками сектантской тактики Готшалька.

2 июля Энгельс пишет статью «Внешняя политика Германии», в которой разоблачает немецкую буржуазию, продолжающую угнетательскую политику Гогенцоллернов и Габсбургов, и формулирует принципы интернациональной политики пролетариата. Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 3 июля.

6 июля Маркс пишет статью «Судебное следствие против «Neue Rheinische Zeitung»», опубликованную о газете 7 июля.

Допрос Маркса судебным следователем по поводу статьи «Аресты», опубликованной в «Neue Rheinische Zeitung» 5 июля. Марксу и ответственному издателю (Gerant) Корфу предъявляется обвинение в нанесении оскорбления обер-прокурору Цвейфелю и жандармам. По окончании допроса в помещении редакции газеты производится обыск. Обнаруженный при обыске материал для статьи, написанный неизвестной рукой, и отказ Маркса назвать автора статьи явились поводом для допросов не только ответственного издателя газеты Корфа, но также Маркса, Энгельса и Дронке.

7 и 9 июля Маркс пишет две статьи о правительственном кризисе в Берлине — «Министерство дела» и «Министерский кризис», — которые публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 9 и 10 июля.

10 июля Маркс пишет статью «Судебное следствие против «Neue Rheinische Zeitung»», опубликованную в газете 11 июля.

14 июля Энгельс выступает на общем собрании кёльнского Демократического общества с критикой Национального собрания в Берлине. Он предлагает поручить Д'Эстсру, одному из руководителей левого крыла Собрания, выступить против ограничений права союзов в отношении офицеров.

17—24 июля Энгельс пишет серию статей «Дебаты о предложении Якоби», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» с 18 по 25 июля.

21 июля Маркс присутствует на общем собрании кёльнского Демократического общества, на котором происходят

выборы представителей в Центральную комиссию трех демократических союзов Кёльна. От Демократического общества собрание единогласно избирает Маркса и Шнейдера II. На собрании выступает Вейтлинг с изложением своих сектантских, путаных взглядов на задачи пролетариата в германской революции. Выступление Маркса по этому 'вопросу переносится на следующее заседание.

21—24 июля В серии передовых статей «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс подвергают критике законопроект о гражданском ополчении.

22 июля В «Neue Rheinische Zeitung» опубликована статья Ф. Энгельса «Перемирие с Данией».

Маркса снова допрашивает судебный следователь по поводу статьи «Аресты».

26 и 30 июля На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс критикуют законопроект о принудительном займе.

31 июля Энгельс пишет статью ««Kolnische Zeitung» об английских порядках», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 1 августа.

3 августа В «Neue Rheinische Zeitung» опубликована передовая статья «Русская нота», в которой разоблачается реакционная внешняя политика русского царизма.

Маркс получает уведомление, что окружное управление отказалось предоставить ему право прусского гражданства и что впредь, как и раньше, прусское правительство будет считать Маркса иностранцем.

Энгельс вызывается в качестве свидетеля на допрос к судебному следователю, пытающемуся обнаружить автора статьи «Аресты».

4 августа Маркс и Энгельс участвуют в общем собрании кёльнского Демократического общества, где продолжается дискуссия в связи с-выступлением Вейтлинга. Маркс резко выступает против выдвинутых Вейтлингом положений об отделении политического движения от социального, указывая на тесную связь социальных и политических интересов и вскрывая характерное для Вейтлинга непонимание демократических задач германской революции. Энгельс сообщает собранию, что прусское правительство отказалось предоставить Марксу право гражданства и что в связи с этим ему угрожает высылка.

Маркс, вместе с другими членами Центральной комиссии трех демократических союзов в Кёльне, обращается ко всем демократическим союзам Рейнской провинции с предложением прислать своих делегатов на первый рейнский конгресс демократов,

который созывается 13 августа в Кёльне. Обращение публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 5 августа.

6 августа Маркс пишет статью ««Образцовое государство» Бельгия», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 7 августа.

7 августа — 6 сентября Энгельс пишет серию статей «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте». Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» с 9 августа по 7 сентября.

11 августа Под председательством Маркса происходит общее собрание кёльнского Демократического общества, на котором принимается адресованный франкфуртскому Национальному собранию протест против включения Познани в Германский союз. На собрании обсуждается вопрос об отказе прусского правительства предоставить Марксу право гражданства. Маркс вскрывает истинные причины принятых против него правительством мер. Энгельс приводит новые данные о преследованиях полицией руководителей демократического движения, в том числе Шаппера. Собрание избирает депутацию, которой поручает потребовать от кельнских властей отмены полицейских мер против Маркса и Шаппера.

13—14 августа Маркс и Энгельс принимают участие в первом рейнском конгрессе демократов в Кёльне, на котором присутствуют делегаты 17 демократических организаций. Конгресс утверждает состав ранее избранной Центральной комиссии трех демократических союзов Кёльна, в которую входил Маркс, в качестве Рейнского окружного комитета демократов. В своей речи на конгрессе Энгельс подчеркивает ненависть народных масс Рейнской провинции к реакционному пруссачеству. Конгресс принимает решение о необходимости вести работу среди фабричных рабочих и крестьян и создавать союзы в деревнях, поддерживая с ними постоянную связь.

22 августа Маркс обращается к прусскому министру внутренних дел Кюльветтеру, требуя отменить незаконное решение окружного управления и восстановить его в правах прусского гражданства.

23 августа — около 11 сентября Маркс предпринимает поездку в Берлин и Вену, чтобы укрепить связи с демократическими и рабочими организациями и побудить их руководителей к более решительной борьбе против контрреволюции в Пруссии и Австрии. Маркс надеется также получить средства для «Neue Rheinische Zeitung».

25—26 августа Маркс находится в Берлине.

26 августа Энгельс пишет статьи ««Kolnische Zeitung» об Италии» и ««Zeitungs-Halle» о Рейнской провинции»,

которые публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 27 августа.

27 августа Маркс приезжает в Вену.

28 августа Маркс принимает участие в заседании венского Демократического союза, где обсуждается вопрос о положении в Вене после уличных боев 23 августа. В своей речи Маркс подчеркнул, что суть событий в Вене заключается не в смене кабинетов, а подобно июньским боям в Париже, в классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом.

28 августа — 6 сентября Во время пребывания в Вене Маркс встречается с руководителями демократических и рабочих организаций. В частности, он беседует с руководителем немецко-чешской фракции австрийского рейхстага Боррошем о национальном вопросе в Австрии и о взаимоотношениях между чешскими и немецкими рабочими. Маркс также ведет переговоры о средствах для «Neue Rheinische Zeitung».

30 августа Маркс выступает на заседании первого венского Рабочего союза с речью о социальных отношениях в Западной Европе и о роли рабочего класса в революционной борьбе.

2 сентября Энгельс пишет статью «Смертные приговоры в Антверпене». Эта статья в защиту 17 приговоренных к смерти бельгийских демократов публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 3 сентября.

Маркс выступает на заседании первого венского Рабочего союза с большим докладом о наемном труде и капитале.

4 сентября Энгельс вновь вызван к судебному следователю, **во** уже не как свидетель, а как соответчик по делу, возбужденному против «Neue Rheinische Zeitung» в связи со статьей «Аресты».

7 сентября Кёльнское Демократическое общество и редакция «Neue Rheinische Zeitung» созывают народное собрание в манеже, на котором присутствует несколько тысяч человек. Принимаются адресы франкфуртскому Национальному собранию, с требованием отвергнуть заключенное прусским правительством перемирие с Данией и к прусскому Национальному собранию с протестом против антидемократического закона о гражданском ополчении.

Около 7 — 10 сентября В связи с обострением политической обстановки в Пруссии Маркс решает ускорить свое возвращение в Кёльн. Проездом он останавливается в Берлине, где продолжает свои переговоры с руководителями демократического движения и присутствует на заседании прусского

Национального собрания; Маркс договаривается с польскими демократами о получении средств для «Neue Rheinische Zeitung». В соответствии с этой договоренностью В. Косцельский 18 сентября высылает Марксу 2 тысячи талеров.

8 сентября Энгельс пишет статью «Падение министерства дела», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 10 сентября.

8 и 10 сентября В «Neue Rheinische Zeitung» опубликованы статьи Ф. Энгельса «Перемирие с Данией» и «Датско-прусское перемирие».

Не позже 10 сентября В Кёльне печатаются в виде листовки «Требования Коммунистической партии в Германии», которые тотчас же распространяются в ряде мест Рейнской провинции.

Около 11 сентября Маркс возвращается в Кёльн.

11 сентября Энгельс выступает на заседании комитета кёльнского Рабочего союза с обстоятельным докладом по вопросу о том, возможна ли организация труда, а также о причинах неудачи национальных мастерских во Франции.

11—15 сентября В серии статей «Кризис и контрреволюция», опубликованной в «Neue Rheinische Zeitung» с 12 по 16 сентября, Маркс формулирует важнейшее положение о том, что временное правительство, возникшее после революции, должно быть революционной диктатурой народе», главными задачами которой являются организация решительного отпора контрреволюции и уничтожение остатков старых учреждений.

11—25 сентября Маркс, Энгельс и другие члены редакции «Neue Rheinische Zeitung» проводят большую разъяснительную и организационную работу в массах, стремясь мобилизовать народ на борьбу против наступающей контрреволюции.

12 сентября Прусский министр внутренних дел Кюльветтер сообщает Марксу в ответ на его жалобу, что считает законным решение кёльнских властей, отказавшихся предоставить Марксу право прусского гражданства.

13 сентября Редакция «Neue Rheinische Zeitung», кёльнский Рабочий союз и Демократическое общество организуют народное собрание на Франкенплаце в Кёльне, на котором присутствует около шести тысяч человек.

По предложению В. Вольфа, поддержанному Энгельсом, собрание избирает Комитет безопасности из 30 человек, в состав которого входят Маркс и Энгельс. Собрание принимает предложенный Энгельсом адрес Берлинскому собранию, в котором содержится требова-

ние, чтобы, в случае попытки правительства распустить Собрание, депутаты оставались на своем посту, даже если против них будет применена вооруженная сила.

17 сентября Энгельс участвует в созванном по инициативе демократических организаций Кёльна народном собрании в Воррингене (близ Кёльна), на котором присутствует около восьми тысяч человек. Энгельс избирается секретарем собрания. Собрание высказывается за демократически-социальную, красную республику, объявляет о признании кёльнского Комитета безопасности и по предложению Энгельса принимает адрес франкфуртскому Национальному собранию с требованием, чтобы Собрание, в случае конфликта между Пруссией и Германией, встало на сторону Германии.

Окружной комитет демократов Рейнской провинции, в который входит Маркс, объявляет о созыве 24 сентября второго конгресса демократов Рейнской провинции и Вестфалии.

19—20 сентября Энгельс пишет статьи «Ратификация перемирия» и «Восстание во Франкфурте», которые публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 20 и 21 сентября.

20 сентября В связи с ратификацией Франкфуртским собранием перемирия с Данией, а также в связи с восстанием во Франкфурте Комитет безопасности, Демократическое общество и кёльнский Рабочий союз созывают народное собрание в Кёльне в зале Эйзера. Собрание принимает решение о солидарности с повстанцами во Франкфурте; депутаты Франкфуртского собрания, голосовавшие за ратификацию перемирия, объявляются предателями народа. Энгельс выступает на собрании с речью, в которой бичует позорное решение Франкфуртского собрания, а также информирует о ходе восстания во Франкфурте.

23 сентября Решение народного собрания от 20 сентября публикуется в «Neue Rheinische Zeitung», а также в виде листовки распространяется по городу.

25 сентября Кёльнская прокуратура возбуждает судебное следствие против Энгельса, В. Вольфа и Бюргерса по обвинению в заговоре против существующего строя в связи с их выступлениями на народных собраниях в Кёльне.

Имперский министр юстиции отдает распоряжение кёльнской прокуратуре возбудить судебное преследование против Комитета безопасности, в который входили Маркс и Энгельс, а также против Демократического общества, Рабочего союза и против экспедиции «Neue Rheinische Zeitung» в связи с решением народного собрания в Кёльне 20 сентября 1848 года.

25 сентября, утро — Маркс приходит на заседание второго конгресса демократов Рейнской провинции и Вестфалии; ввиду проведенных полицией рано утром провокационных арестов руководителей кёльнских рабочих и демократических организаций (Шаппер, Беккер и др.) заседание не состоялось.

25 сентября, до полудня — Маркс выступает на собрании Рабочего союза в гостинице «Им Кранц» на Старом рынке, уговаривая собравшихся рабочих не поддаваться на провокацию полиции и разъясняя, что момент для вооруженного восстания еще не наступил, что преждевременное выступление выльется в путч, который лишит рабочий класс боеспособности накануне решающего дня.

25 сентября, 3 часа дня — На совместном заседании Демократического общества и Рабочего союза, состоявшемся в зале Эйзера, Маркс и его сторонники предостерегают собравшихся от преждевременных выступлений.

26 сентября — В Кёльне введено осадное положение. Приказом военной комендатуры приостановлен выход «Neue Rheinische Zeitung» и ряда других демократических газет.

После 26 сентября — Энгельс вынужден уехать из Кёльна в связи с угрозой ареста. Несколько дней Энгельс скрывается в Бармене, затем уезжает в Брюссель.

28 сентября — Ответственные издатели «Neue Rheinische Zeitung» сообщают в специальной листовке, разосланной подписчикам, о приостановлении выхода газеты и выражают уверенность, что в течение ближайшего времени издание ее будет возобновлено.

30 сентября — Ответственные издатели «Neue Rheinische Zeitung» объявляют о предстоящем снятии осадного положения в Кёльне и о возобновлении выхода газеты с 5 октября.

Конец сентября — первая половина октября — Маркс, преодолевая большие финансовые и организационные трудности, вызванные запрещением газеты, упорно борется за возобновление издания «Neue Rheinische Zeitung»; он вкладывает все свои наличные средства, чтобы расплатиться с долгами и покрыть издержки газеты.

1 октября — Кёльнская прокуратура возбуждает судебное следствие против Маркса, Энгельса и других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» в связи с публикацией в газете анонимных фельетонов «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского», написанных Г. Веертом, а также по подозрению в составлении проекта решения народного собрания в Кёльне от 20 сентября 1848 года.

3 октября — В связи со снятием осадного положения в Кёльне ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung»

Корф выпускает специальную листовку, в которой сообщает о предстоящем выходе газеты и призывает к подписке на четвертый квартал.

Государственный прокурор издает приказ о принятии мер к розыску и аресту Энгельса. К приказу приложено описание примет Энгельса.

После 3 октября Маркс предлагает Фрейлиграту войти в состав редакции «Neue Rheinische Zeitung». Фрейлиграт дает свое согласие.

Около 4 октября Энгельс вместе с Дронке, также бежавшим из Кёльна, приезжает в Брюссель.

4 октября Брюссельская полиция арестовывает Энгельса и Дронке, препровождает их в тюрьму, а затем по этапу доставляет на французскую границу, откуда они направляются в Париж.

5 октября Энгельс вместе с Дронке приезжает в Париж.

Около 10 октября Пробыв несколько дней в Париже, Энгельс пешком отправляется в Швейцарию с намерением при первой возможности вернуться в Кёльн. По пути Энгельс беседует с французскими крестьянами, знакомится с условиями их жизни и с их настроениями.

Около 12 Октября Кёльнский Рабочий союз направляет к Марксу делегацию с просьбой взять на себя руководство Союзом.

12 октября Вышел в свет № 114 «Neue Rheinische Zeitung»—первый после снятия осадного положения в Кёльне. В подписанном Марксом, как главным редактором газеты, сообщении указывается, что прежний состав редакции пополнился Фердинандом Фрейлигратом. В газете опубликована статья К. Маркса «Революция в Вене».

Маркс пишет статью ««Кёльнская революция»», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 13 октября.

13 октября Маркс пишет статьи «Министерство Пфуля» и «Речь Тьера о всеобщем ипотечном банке с принудительным курсом бумаг», которые публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 14 октября.

Вторая половина октября — начало ноября Придавая огромное значение борьбе венского народа против феодально-монархической контрреволюции, Маркс пишет для «Neue Rheinische Zeitung» ряд статей о ходе восстания в Вене.

16 октября На заседании комитета кёльнского Рабочего союза Маркс сообщает о своем согласии временно занять пост председателя союза. Маркс произносит на заседании речь о революционной роли немецких рабочих, в частности во время венского восстания. По предложению Маркса принимается приветственный адрес венскому Рабочему союзу.

18 октября	Маркс пишет статьи «Ответ прусского короля депутации Национального собрания» и «Ответ Фридриха-Вильгельма IV депутации гражданского ополчения»; статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 19 и 20 октября.
22 октября	В «Neue Rheinische Zeitung» опубликованы статьи Маркса ««Reforme» об июньском восстании», «Англофранцузское посредничество в Италии» и ««Образцовое конституционное государство»».
	Общее собрание кёльнского Рабочего союза утверждает Маркса председателем Союза. Маркс произносит на собрании речь о существующей в Германии системе косвенных выборов. Собрание избирает Бейста делегатом на демократический конгресс в Берлине, где он отстаивает программу, основанную на «Требованиях Коммунистической партии в Германии».
Около 24 октября	Энгельс прибывает в Женеву.
Около 26 октября	В письме к Энгельсу в Женеву Маркс сообщает о возобновлении выхода «Neue Rheinische Zeitung» и просит присылать корреспонденции и статьи.
28 октября	Маркс пишет статью о преследованиях редакции газеты со стороны кёльнской прокуратуры под названием «Государственный прокурор «Геккер» и «Neue Rheinische Zeitung»». Статья опубликована в «Neue Rheinische Zeitung» 29 октября.
Конец октября— ноябрь	Энгельс пишет путевой очерк «Из Парижа в Берн». Очерк остается незаконченным.
Начало ноября	Пробыв несколько дней в Женеве, Энгельс отправляется в Лозанну, где устанавливает связи с лозаннским Рабочим союзом.
2 ноября	Маркс пишет статью «Парижская «Reforme» о положении во Франции», а также статью «Воззвание демократического конгресса к немецкому народу», в которой критикует бессодержательность и половинчатость этого документа. Статьи публикуются в «None Rheinische Zeitung» 3 ноября.
6 ноября	Маркс пишет статью «Победа контрреволюции в Вене», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 7 ноября.
	Маркс выступает на заседании комитета кёльнского Рабочего союза с сообщением о падении Вены, в котором подчеркивает, что только в результате предательства буржуазии австрийские войска смогли овладеть городом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Познань), в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к центру. — 194, 195.

Бауэр (Bauer), Генрих — видный деятель немецкого рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, по профессии сапожник; в 1851 г. эмигрировал в Австралию. — 3.

Бауэрбанд (Bauerband), Иоганн Йозеф (1800—1878) — немецкий юрист, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к правому крылу.— 207, 306.

Баяр (Bayard), Пьер (ок. 1475— 1524) — французский рыцарь, прославлен современниками как образец мужества и благородства, как «рыцарь без страха и упрека». — 179, 374.

Бедо (Bedeau), Мари Альфонс (1804—1863) — французский генерал и буржуазный политический деятель, в 1848 г. умеренный республиканец. — 131.

Безелер (Beseler), Вильгельм Хартвиг (1806—1884) — шлезвиг-гольштейнский буржуазный политический деятель, в 1848 г. глава временного правительства Шлезвиг-Гольштейна, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру. — 263.

Бёйрман (Beurmann), Мориц — прусский чиновник, в 1848 г. обер-президент Познани. — 97, 360.

Бёйст (Beust), Фридрих (1817— 1899) — прусский офицер, вышедший в отставку из-за политических убеждений, в 1848 г. член комитета кёльнского Рабочего союза, один из редакторов «Neue Kolnische Zeitung» (сентябрь 1848—февраль 1849), в октябре 1848 г. делегат второго демократического конгресса в Берлине от кёльнского Рабочего союза, где отстаивал программу, почти целиком совпадающую с «Требованиями Коммунистической партии в Германии»; в 1849 г. участник баденско-пфальцского восстания; после революции эмигрировал в Швейцарию. — 551.

Беккер (Becker), Герман Генрих (1820—1885) — немецкий юрист и публицист, один из руководителей Союза рабочих и работодателей в Кёльне, член Рейнского окружного комитета демократов, редактор «Westdeutsche Zeitung» (май 1849 — июль 1850); член Союза коммунистов с 1850 г., один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852); впоследствии национал-либерал. — 451, 526, 537, 542.

Беккер (Becker), Николаус (1809— 1845) — немецкий мелкобуржуазный поэт. — 147.

Беккер (Becker), Феликс — французский поэт и революционер, участник польского восстания 1830—1831 гг.; один из инициаторов организации бельгийского легиона в Париже в феврале — марте 1848 года. — 405.

Беккерат (Beckerath), Герман (1801—1870) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской буржуазии; депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру; в августе — сентябре 1848 г. министр финансов имперского правительства. — 425, 430, 434, 538.

Бенш (Behnsch) — депутат прусского Национального собрания в 1848 г., принадлежал к левому крылу. — 178, 187, 219, 229, 230.

Берг (Berg), Филипп (1815—1866)— прусский католический священник, буржуазный политический деятель, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому центру.— 186, 193, 264—267, 418.

Берендс (Berends), Юлиус (род. в 1817 г.) — владелец типографии в Берлине, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

С

X

Ц

Ш

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Июль

Октябрь

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *С. 3. Левиовой*
при участии *И. А. Арманд*
Помощники подготовителя
М. А. Кочеткова, В. Н. Поспелова
Редактор *Е. А. Степанова*

*

*Сданo в набор 3/II 1956 г. Подписано
к печати 3/IX 1956 г. Формат 60X92$^{1}/_{16}$
Физ. печ. л.41$^{1}/_{4}$ + 7 вклеек — 1 п. л. У слоен.
печ. л. 42$^{1}/_{4}$. Уч.-изд. л. 34,80. Заказ № 837.
Тираж 200000 экз. Цена 10 руб.*

*

*Государственное издательство
политической литературы
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.*

*

*Министерство культуры СССР.
Главное управление
полиграфической промышленности.*

*2-я типография «Печатный Деор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.*